40
Var.
172
ø

4° Var. 172 σ

Xerokopieren aus konservatorischen Gründen nicht erlaubt
Nur im Lesesaal benützbar

24. OKT. 2005

<36617464600019

<36617464600019

Bayer. Staatsbibliothek

12

ПРИВѢТЪ!

FgT/97/5586

ПРИВѢТЪ!

ХУДОЖЕСТВЕННО-НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

СБОРНИКЪ.

ИЗДАНЪ

ОБЩЕСТВОМЪ ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ

НУЖДАЮЩИМСЯ УЧЕНИЦАМЪ

ВАСИЛЬЕОСТРОВСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗІИ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., д. 28.

1898.

2625

Bayerische
Staatsbibli...
München

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 10-го Декабря 1897.

Текстъ книги печатанъ въ типографіи М. М. Стасюлевича (Спб., В. О., 5 л., 28).
Рисунки въ типо-литографіи П. И. Бабкина (уголъ Англійскаго просп. и Офицерской ул., д. 28/58).

СБОРНИКЪ „ПРИВѢТЪ“

ПО КРАЙНЕ ПОНИЖЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ

напечатанъ въ типографіи

М. М. СТАСЮЛЕВИЧА;

рисунки къ нему фототипированы въ художественномъ ателье

П. И. БАБКИНА;

брошюрованъ въ переплетной мастерской

его-же;

бумага для сборника пріобрѣтена на фабрикѣ

В. П. ПЕЧАТКИНА.

На предварительные расходы по изданію сборника пожертвовано 500 рублей

г-жою Е. К. РУДЬ.

На тотъ-же предметъ гонораръ за вошедшій въ сборникъ разсказъ «Темные люди», предварительно помѣщенный въ газетѣ «Сынъ Отечества», пожертвованъ Обществу авторомъ разсказа

Д. Н. МАМИНЫМЪ-СИБИРЯКОМЪ.

Общество вспомоществованія нуждающимся ученицамъ Васильеостровской женской гимназіи долгомъ считаетъ благодарить упомянутыхъ жертвователей, равно какъ и лицъ, принимавшихъ живое участіе въ исполненіи технической стороны дѣла: Гг. Э. А. Гранстрема, Г. Л. Гренца, художника Х. К. Гусикова, А. В. Орлова, А. В. Печаткина, А. И. Прошичева и Н. И. Познякова, несшаго всѣ труды по собиранію и выпуску книги въ свѣтъ.

РИСУНКИ-ФОТОТИПІИ.

1. *Антоновъ, П. И.* — Русская боярыня.
2. *Бёмъ, Е. М.* — «Богъ напиталъ—никто не видалъ...»
3. *Банина, Е. В.* — Выздоравливающая.
4. *Волковъ, Е. Е.* — Жаркая пора.
5. † *Ге, Н. Н.* — Хуторъ художника, срисованный имъ самимъ.
6. *Далькевичъ, М. М.* — Облачно...
7. *Животовскій, С. В.* — Наши друзья.
8. *Иванова, М. В.* — Тоже грамотная!
9. *Каразинъ, Н. Н.* — Снѣжный заносъ.
10. *Бар. Клодтъ, М. П.* — «Шла дѣвица за водой...»
11. *Кондратенко, Г. П.* — Мотивы Бахчисарая.
12. *Лагоріо, Л. Ф.* — Большая Невка.
13. *Лоренцъ, Н. Ѳ.* — Степныя сумерки.
14. *Мазуровскій, В. В.* — Пикетъ.
15. *Малышевъ, М. Е.* — Піонерка великаго женскаго труда.
16. *Михайловъ, М. Т.* — «По грибки — по ягодки!»
17. *Никитинъ, Т. И.* — «Не за свою молю душу пустынную...»
18. *Новоскольцевъ, А. Н.* — Преподобный Сергій и Димитрій Донской.
19. *Овсяниковъ, В. П.* — Эллисъ.
20. *Писемскій, А. А.* — Отдыхъ на жатвѣ.
21. *Рѣпинъ, И. Е.* — Дуэль.
22. *Сергѣевъ, Н. А.* — Мой любимый уголокъ.
23. *Соколовскій, В. К.* — Армянскій базаръ.
24. *Соломко, С. С.* — Въ раздумьѣ.
25. *Овсяниковъ, В. П.* — Привѣтъ! (на обложкѣ сборника).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Отъ издателей.

Бѣлая ночь.—Стихотвореніе *К. Р.* 1

Изъ поэтики розы.—Статья *академика А. Н. Веселовскаго* 1

Г-жѣ Л***.—Стихотвореніе *Я. П. Полонскаго* 6

Продается лѣсъ на срубъ...—Очеркъ *профессора Д. Н. Кайгородова* 6

Умершему.—Стихотвореніе *В. С. Лихачова* 8

Темные люди.—Разсказъ *Д. Н. Мамина-Сибиряка* 8

Стихотвореніе *А. М. Жемчужникова* 14

Отрывокъ изъ трагедіи Софокла «Аяксъ-Биченосецъ».—*В. П. Острогорскаго* (съ предисловіемъ *его же*) 15

Исламъ и современная культура.—Статья *профессора Э. Ю. Петри* 18

Осенью.—Стихотвореніе *П. В. Быкова* 21

Изъ сказокъ жизни: I. Березка и дубъ.—II. Цвѣтокъ.—*П. В. Засодимскаго* 21

Испытаніе.—Стихотвореніе *К. М. Фофанова* 22

Писатель прошеній.—Разсказъ *А. Сѣдого (Ал. Чехова)* 23

Матери.—Два стихотворенія *И. И Горбунова-Посадова* 29

Первое чудо.—Рождественскій разсказъ *Д. Л. Мордовцева* 30

Мой родъ.—Стихотвореніе *А. Михайлова* (*А. К. Шеллера*) 36

Лѣсная сторожка.—Разсказъ *И. А. Салова* 37

Руки.—Стихотвореніе *А. Михайлова (А. К. Шеллера)* 44

Звѣренышъ.—Изъ записокъ одинокаго.—*К. С. Баранцевича* 45

Swjatogor.—Переводъ былины о Святогорѣ на нѣмецкій языкъ, въ стихахъ *Ф. Ф. Фидлера*. 49

Рождественскіе земляки.—Изъ очерковъ туриста—*Л. Рускина* 51

Арфа и сердце (Изъ Р. Гамерлинга).—Сонетъ *О. Чюминой* 56

Поѣздка къ пирамидамъ Сахары.—Изъ путевыхъ записокъ *д-ра С. С. Жихарева* . . 57

На закатѣ.—Стихотвореніе *Д. Л. Михаловскаго* 68

Мгновеніе.—Разсказъ *В. А. Тихонова* 68

Король Маркъ.—Стихотвореніе *В. Е. Чешихина* 72

Владиміръ Святой у русскихъ поэтовъ.—Статья *В. Н. Куницкаго* 73

Стихотвореніе *П. В. Быкова* 78

Стихотвореніе *В. Сиповскаго* 79

На великой горѣ.—Эскизъ *В. Фирсова* 79

Счастливецъ.—Этюдъ *А. А. Лугового* 81

Прощаніе пѣвца.—Стихотвореніе *В. П. Острогорскаго* 89

Стран.

Предъ Сикстинской Мадонной.—Изъ записной книжки.—*П. П. Гнѣдича* 89
Lux.—Стихотвореніе *О. Чюминой* . 92
А. Н. Плещеевъ, какъ поэтъ и прозаикъ.—Статья *профессора В. А. Гольцева* 93
Стихотвореніе (съ нѣмецкаго). *М. В. Ватсонъ* 96
Женскіе конгрессы.—Статья *Е. А. Чебышевой-Дмитріевой* 97
Не проститъ...—Разсказъ *И. Н. Потапенко* 100
Стихотвореніе *П. И. Вейнберга* . 106
Дуракъ.—Разсказъ *К. М. Станюковича* 107
Стихотвореніе (съ англійскаго) *А. А. Коринфскаго* 114
Двѣ Ифигеніи.—Опытъ литературной параллели.—*В. В. Чуйко*. 117
Стихотвореніе *І. І. Ясинскаго* . 121
Два дня въ Новгородѣ.—Очеркъ *Н. Л. Леонтьевой* 122
Стихотвореніе *А. Е. Зарина* . 128
Женщинѣ будущаго.—Стихотвореніе *Н. Л. Пушкарева*. 129
Торжество побѣдителя. -Комедія въ 1-мъ дѣйствіи *В С. Лихачова* 130
Стихотвореніе *В. Н. Ладыженскаго* . 142
У Христа въ гостяхъ.—Уральская легенда *Кота-Мурлыки* (*проф. Н. П. Вагнера*). . . 143
Поэтъ-крестьянинъ С. Д. Дрожжинъ.—Очеркъ *Н. И. Познякова* 150
Странникъ.—Стихотвореніе *Н. А. Холодковскаго* 159
Первое разочарованіе.—Разсказъ *М. И. Красова* (*Л. Е. Оболенскаго*) 159
Значеніе медицины въ дѣлѣ воспитанія. - Лекція *профессора Н. П. Гундобина* 162
Souvenir d'été.—Стихотвореніе *П. К. Вейдлинга* 172
Михрютка.—Изъ путешествія на Сахалинъ.—*Профессора А. М. Никольскаго* 172
Благотворитель.—Разсказъ *Н. И. Наумова* 180
Гимнъ красотѣ.—Стихотвореніе *Аполлона Коринфскаго* 183
Дядюшка.—Разсказъ *А. Сѣдого* (*Ал. П. Чехова*) 184
Стихотвореніе *И. А. Бунина* . 189
Школьный ручной трудъ и участіе женщинъ въ его развитіи.—Статья *К. Ю. Цируля*. 190
У окна.—Эскизъ *З. Н. Журавской* . 194
По мастерскимъ художниковъ (А. П. Боголюбовъ).—Очеркъ *Н. А. Александрова* . . 196
Подъ вечеръ осени ненастной.—Петербургскій эскизъ *В. О. Михневича* 198
Два посмертныхъ стихотворенія *В. Д. Сиповскаго* 201
Зигда.—Башкирская легенда *Ф. Д. Нефедова*. 201
Привѣтъ.—Стихотвореніе *Н. И. Познякова*. 206
Осень.—Стихотвореніе *Н. А. Холодковскаго* 208
Инокъ Козма Индикопловъ.—Археологическій этюдъ *Е. М. Гаршина* 209
Стихотвореніе. - *N.* . 212
Что можно найти въ старомъ поминаньѣ?—Экскурсъ въ русскую литературу XVII вѣка, *профессора И. А. Шляпкина* . 213
Изъ альбома Г. Л. и А. П. Кравцовыхъ: I. Посмертное стихотвореніе въ прозѣ *Всеволода Гаршина*. — II. Два посмертныхъ стихотворенія *Н. М. Ядринцова*. — III. Посмертное стихотвореніе *Д. Д. Минаева*. — IV. Два письма *Н. С. Лѣскова*. — V. Стихотвореніе *П. Ф Якубовича*. — VI. Психологическіе афоризмы *І. Каблица* (*І. Юзова*).— VII. Письмо *А. Н. Островскаго*. — VIII. Письмо *А. Ѳ. Кони* — IX. Замѣтка *В. И. Семевскаго*. — X. Письмо *М. О. Микѣшина*.—Съ предисловіемъ *С. А Венгерова* 216

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Общество вспомоществованія нуждающимся ученицамъ Васильеостровской женской гимназіи въ С.-Петербургѣ имѣетъ своею прямою цѣлью посильно содѣйствовать женскому образованію путемъ поддержки неимущихъ дѣвицъ въ дѣлѣ обученія. Въ теченіе 18-ти лѣтъ своего существованія оно пользовалось многими способами къ расширенію своихъ средствъ, какіе практикуются подобными ему Обществами (какъ-то: устройство концертовъ, лотерей и т. п.); но, по естественному желанію продолжать дѣло и притомъ разнообразить способы его, оно задалось теперь цѣлью создать такой источникъ дохода, который, будучи полезенъ ему въ матеріальномъ отношеніи, вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ-бы своимъ содержаніемъ интересъ и для жизни самой гимназіи, направивъ вниманіе учащихся къ современному обществу и его выдающимся дѣятелямъ. Въ этомъ отношеніи Обществу казалось наиболѣе цѣлесообразнымъ предпринять изданіе книги, которая была-бы составлена изъ произведеній извѣстныхъ писателей и художниковъ и въ-явь показала-бы учащейся молодежи сочувствіе къ ней со стороны лучшихъ представителей умственной жизни нашего времени.

Въ такихъ видахъ, Правленіе Общества вспомоществованія, по порученію Общаго собранія, обратилось, при посредствѣ преподавателя словесности въ Васильеостровской женской гимназіи Н. И. Познякова, къ извѣстнымъ литераторамъ, художникамъ, ученымъ, педагогамъ, общественнымъ дѣятелямъ — съ просьбой о содѣйствіи поставленной себѣ Обществомъ цѣли. Призывъ этотъ встрѣтилъ теплое, трогательное сочувствіе со стороны весьма многихъ лицъ: доброхотно, съ радостью пожертвовали они для сборника свои произведенія, и такимъ образомъ оказали, каждый въ своемъ духѣ и тонѣ, привѣтъ не только нашему скромному Обществу въ частности, но и вообще учащейся молодежи, любящей литературу, любящей искусство, и благоговѣющей предъ именами пи-

сателей и художниковъ, но мало еще знакомой съ ихъ современными представителями.

Отсюда и заглавіе сборника—«*Привѣтъ*». За такое заглавіе говоритъ какъ его содержаніе, такъ и имена тѣхъ лицъ, которыя такъ радушно украсили книгу своими произведеніями. Въ отвѣтъ на это радушіе, Общество наше долгомъ поставляетъ себѣ принести имъ выраженія горячей благодарности за поддержку, оказанную его начинанію.

П. И. Антоновъ.
Русская боярыня.

ФОТ. И ТИП. П. БАБКИНА. СПБ.

БѢЛАЯ НОЧЬ.

Улыбка радостная мая
И первый ласточки прилетъ!
Земля цвѣтетъ, благоухая,
И соловей въ саду поетъ.

Его пѣвучей внемля сказкѣ,
Я въ ночь гляжу — не нагляжусь
И, словно материнской ласкѣ,
Какъ нѣжный сынъ, ей отдаюсь.

Заря не меркнетъ; небосвода
Неугасима глубина...
Благодарю, о мать природа:
Какъ хороша твоя весна!

К. Р.

ИЗЪ ПОЭТИКИ РОЗЫ.

Гдѣ наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.

(Пушкинъ, Роза).

I.

Роза и лилія какъ-то затерялись среди экзотической флоры современной поэзіи, но еще не увяли и попрежнему служатъ тѣмъ же цѣлямъ символизма, выразителями котораго были въ теченіе вѣковъ. Средство осталось, содержаніе символа стало другое, болѣе отвлеченное, личное, нервное, расчленяющее; многіе изъ образовъ Гейне были бы непонятны поэтамъ, пѣвшимъ о розовой юности (rosea juventa) и создавшимъ эпитетъ „лилейный“.

Какъ зарождается и развивается символика цвѣтовъ, безъ которой не обошлась ни одна народная или художественная поэзія? Качества мѣстной флоры опредѣлили тотъ или другой выборъ: нѣмецкая средне-вѣковая поэзія излюбила липу, фіалку; русская народная пѣсня — калину, вишню, руту, барвинокъ и т. п.; красота цвѣтка, чаще его отношенія къ знаменательнымъ явленіямъ природной и личной жизни, въ ихъ взаимодѣйствіи, выдвинули его передъ другими, вызвали рядъ ассоціацій; отъ емкости образа зависитъ ихъ количество и разнообразіе; на нихъ-то и перенесенъ интересъ, нерѣдко образъ цвѣтка почти исчезаетъ за подсказаннымъ ему человѣческимъ содержаніемъ. Онъ въ сущности безразличенъ: весенній цвѣтокъ, каковъ бы онъ ни былъ, могъ

всюду вызвать тѣ же чаянія и ту же работу мысли; въ тургеневскомъ: „Какъ хороши, какъ свѣжи были розы!“—дѣло не въ розахъ, а въ качествѣ захватывающихъ воспоминаній. Оттого сходныя повѣрья привязывались къ разнымъ цвѣткамъ, легенды, пріуроченныя къ захожему цвѣтку, приставали къ туземному. Миѳологи должны принять въ расчетъ эту возможность психологическихъ совпаденій и историческихъ вліяній.

Такъ создавались цвѣтовые символы и вступали въ борьбу за жизнь: одни вымирали, либо удержались въ тѣсныхъ границахъ какой-нибудь народной пѣсни, другіе входили въ литературный круговоротъ, становясь въ широкомъ смыслѣ международными. Побѣда обусловлена отчасти тѣмъ, что я выше назвалъ емкостью образа. Въ этомъ тайна его *поэтической* красоты: роза цвѣтетъ для насъ полнѣе, чѣмъ для грека, она не только цвѣтокъ любви и смерти, но и страданія и мистическихъ откровеній; обогатилась не только содержаніемъ вѣковой мысли, но и всѣмъ тѣмъ, что про нее пѣли на ея дальнемъ пути съ иранскаго востока.

Роза распространилась отъ Персіи черезъ Фригію и Македонію до Греціи и Рима, отъ мусульманскихъ окраинъ до сѣвера Европы, куда проникла лишь въ христіанскую пору; съ ней перенесся и рой окружавшихъ ее южныхъ сказокъ и часть поэтическаго символизма, объяснимаго лишь въ мѣстностяхъ, гдѣ роза была изъ туземныхъ, раннихъ весеннихъ цвѣтовъ. Тамъ она естественно являлась вѣстницей весны, поры желаній и любви; символъ весны сталъ символомъ любви, эмблемой Афродиты и Харитъ. Въ цѣломъ рядѣ образовъ, еще и теперь звучащихъ въ поэзіи, это отождествленіе развито до мелочей: роза—цвѣтокъ желанный, ее ищутъ, къ ней стремятся; либо она еще не развилась, или завяла, отцвѣла, облетѣла; брать розы, плести изъ нихъ вѣнки—признакъ любящаго; такъ уже у Аристофана и въ западно-славянскихъ народныхъ пѣсняхъ; въ западной поэзіи сорвать розу символизуетъ то же, что русская и нѣмецкая пѣсни выражаютъ реальнымъ образомъ сада, цвѣтника, который кто-то потопталъ, обломалъ. На этихъ представленіяхъ построена аллегорія Roman de la Rose; въ сказкахъ типа: La belle au bois dormant—красавица погружена въ волшебный сонъ, все кругомъ нея замерло, застыло, и все снова зажило, расцвѣло, когда явился суженый. Въ нѣмецкой сказкѣ дѣвушка названа Dornröschen, роза на шипѣ, въ греческой—Родья: роза.

Роза стала символомъ красавицы, милой; въ такомъ значеніи знаетъ ее уже Плавтъ и народная романская поэзія. „Душистая роза моя“, (Rosa fresca aulentissima) обращается къ дѣвушкѣ одинъ изъ древнѣйшихъ итальянскихъ поэтовъ; „La verginella è simile alla rosa“ (Аріосто)—подражаніе Катуллу; „въ понедѣльникъ ты красавица, во вторникъ кажешься мнѣ цвѣткомъ“, поется въ одномъ тосканскомъ rispetto; съ каждымъ днемъ—цвѣтокъ другой; „утромъ въ воскресенье ты роза на шипѣ, а когда снова настанетъ понедѣльникъ, ты роза, снятая со стебля“.

E poi vien la domenica mattina,
Par che siete una rosa in sulla spina,
Ritorna il lunedì dell'altra volta,
Siete una rosa in sulla spina colta.

Когда въ византійской поэмѣ о Дигенисѣ его милая зоветъ его прекрасной, распустившейся розой, роза понята, какъ символъ красоты вообще. „Ты роза, и я роза“, поется въ одномъ критскомъ двустишіи: „будемъ рости вмѣстѣ, смѣшаемъ вѣтви, дабы ничто насъ не раздѣлило“. Цвѣтъ розы—яркость желанія, но и краска стыдливости.

И въ то же время роза—символъ смерти; любовь и смерть уже у древнихъ сплывались въ символѣ мирта, сплетаются и въ современныхъ западныхъ повѣрьяхъ о розмаринѣ. Дѣло не въ философскомъ или романтическомъ отожествленіи этихъ идей, а въ наивномъ представленіи древняго человѣка, держащемся еще и теперь, что весной не только обновляется все живущее, но и усопшіе, души предковъ временно оживаютъ, показываются на землѣ, общаются съ людьми, желанные и страшные, таинственные. И для нихъ наставала весна, расцвѣтала роза: весной, когда совершались по нихъ поминки, на римской тризнѣ (escae rosales) главную роль играли розы; ихъ дѣлили между присутствовавшими, гирляндами украшали гробницы; обрядъ этотъ называли Rosaria или Rosalia. Онъ обобщился: розы стали принадлежностью похоронъ, ихъ возлагали на изображенія ларовъ—предковъ, домовыхъ, и у Гекаты былъ вѣнокъ изъ розъ.

Славянскія названія для цвѣтка: рожа, ружа, роза—указываютъ на латинское происхожденіе; къ намъ оно перешло отъ южныхъ славянъ, вмѣстѣ съ нимъ переселилась и память о русаліяхъ-

тризнахъ и русалкахъ, духахъ усопшихъ, которыхъ когда-то на далекомъ югѣ чествовали жертвою розъ.

II.

Въ христіанскую пору всѣ эти представленія и обряды были заподозрѣны церковью, какъ языческіе, но красота символа восторжествовала. Возложеніе цвѣтовъ на могилы усопшихъ было запрещено, но обычай не вымеръ, о немъ говорятъ бл. Іеронимъ и Пруденцій; въ Германіи еще и теперь удержалось названіе Rosengarten для кладбища, а Розаліи пережили въ западномъ обозначеніи Троицына дня: Пасха розъ (rosarum, rosata), что отвѣчаетъ славянской „русаліи". Три розы на одномъ стеблѣ—знакъ, что въ семьѣ будетъ невѣста, говорятъ въ Германіи, но одинокая роза, расцвѣтшая осенью, предвѣщаетъ смерть, а изъ бѣлыхъ цвѣтовъ шиповника вьютъ похоронные вѣнки для дѣвушекъ. — Средневѣковый рай полонъ розъ; Богородица представляется сидящей среди розовыхъ кустовъ, на которыхъ щебечутъ птички; ее вѣнчаютъ розами; розы распускаются на гробницахъ святыхъ, выростаютъ по смерти изъ ихъ устъ, глазъ и ушей; алыя и бѣлыя розы расцвѣли въ январѣ изъ шиповъ и терній, на которые бросился св. Францискъ, чтобы умертвить вожделѣнія тѣла.

Символъ примѣнился къ новому міровоззрѣнію, но такъ, что его связи съ древнимъ легко услѣдить. Казалось бы, христіанству принадлежитъ пониманіе розы, какъ символа мученической крови, мученичества, въ противовѣсъ съ лиліей, символомъ невинности, цѣломудрія подвижника. Между тѣмъ роза и кровь сблизились уже въ классической древности: роза произошла отъ крови Адониса, смертельно раненаго вепремъ, влюбленная въ него Афродита смѣшала его кровь съ нектаромъ и превратила въ красный, какъ кровь, цвѣтокъ; либо роза была въ началѣ бѣлая, но стала алой отъ крови Афродиты, уколотой терніями, когда она искала Адониса. Въ мусульманскихъ легендахъ слышенъ отзвукъ того же представленія: роза окрасилась кровью влюбленнаго въ нее соловья.

Въ средніе вѣка, со времени св. Амвросія, роза стала символомъ крови Христовой, самого Христа, Христа страдающаго. „Взгляните на эту божественную розу, говоритъ св. Бернардъ: страданіе и любовь соперничаютъ другъ съ другомъ, чтобы придать ей яркость и цвѣтъ пурпура. Цвѣтъ, безъ сомнѣнія, отъ крови, истекшей изъ ранъ Спасителя... Какъ холодной ночью роза бываетъ закрыта и раскрывается лишь утромъ при первыхъ лучахъ солнца, такъ и этотъ цвѣтокъ, Іисусъ Христосъ, казалось, свернулся, точно отъ ночного холода, со времени грѣхопаденія перваго человѣка, но когда завершился кругъ временъ, онъ внезапно распустился подъ солнцемъ любви".

Вспомните „легенду" у Плещеева: „Былъ у Христа младенца садъ. И много розъ взростилъ Онъ въ немъ",—но розы побрали еврейскіе мальчики, а для Христова вѣнца остались одни лишь шипы:

И изъ шиповъ они сплели
Вѣнокъ колючій для Него,
И капли крови, вмѣсто розъ,
Чело украсили Его.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи особый родъ розы (rosa rubiginosa) зовется „терновымъ вѣнцомъ Христа"; красныя пятна на ея стеблѣ — слѣды Его крови.

То же представленіе Христа розой мы встрѣтимъ на другомъ концѣ Европы, какъ христіанское толкованіе обычая, унаслѣдованнаго отъ языческой старины. У елисаветпольскихъ армянъ есть праздникъ Вардаваръ, Преображеніе Христово; онъ замѣнилъ древнее празднованіе Афродиты, которой посвящена была роза; Вардаваръ означаетъ сіяніе розы; пѣсни, которыми обмѣниваются парни и дѣвушки въ навечеріе и ночь на Преображеніе, сопровождаются припѣвомъ, въ которомъ говорится о розѣ. А христіанское толкованіе такое: что Христосъ до своего Преображенія былъ подобенъ розѣ въ бутонѣ, а во время Преображенія изъ Его тѣла разлилось и загорѣлось розовое сіяніе, которое было и у Адама въ раю и которымъ Христосъ показалъ славу и величіе Творца.

Символика розы распространилась и на Богородицу. Это — жезлъ отъ корня Іессея, и цвѣтъ (Христосъ) выйдетъ изъ корня — такъ понимали пророчество Исаіи; съ другой стороны жезлъ Аарона (Числ. XVII) сталъ символомъ пресвятой Дѣвы: въ западныхъ изображеніяхъ Благовѣщенія онъ изображенъ расцвѣтшимъ деревомъ, на немъ св. Духъ въ видѣ голубя. Подъ вліяніемъ этой символики измѣнился разсказъ первоевангелія Іакова (гл. IX), гдѣ на Іосифа, держащаго въ рукахъ жезлъ, спускается голубь въ знаменіе того, что онъ будетъ обручникомъ Богородицы: этотъ жезлъ

также расцвѣталъ. Народная фантазія принялась работать въ этомъ направленіи: разсказывали, что въ числѣ знаменій, бывшихъ о Рождествѣ Спасителя, было и то, что изъ ствола бальзама выросъ голубь; либо въ саду одного изъ волхвовъ вылетѣлъ голубь изъ цвѣтка, что былъ краше розы. У св. Бернарда роза — уже символъ Богородицы, и этотъ символъ остался въ христіанской поэзіи и искусствѣ: rosa mystica западнаго иносказанія. Въ примѣненіи къ жезлу Іессея Богородица—розовый кустъ, роза Христосъ. Видѣніе младенца Христа среди куста розъ въ цвѣту встрѣчается въ житіи св. Сузона; въ нѣмецкихъ повѣрьяхъ и пѣсняхъ розы появляются на кустахъ, давно не дававшихъ цвѣта, когда Богородица, уже зачавшая отъ св. Духа, пробиралась къ тернистой чащѣ; либо „роза Маріи" расцвѣтаетъ въ ночь на Рождество на кустѣ, на которомъ Пречистая Дѣва повѣсила пеленки. Все это объясняетъ образъ, встрѣчающійся въ нѣмецкой пѣснѣ и въ цѣломъ рядѣ малорусскихъ, бѣлорусскихъ и моравскихъ: на горѣ стоятъ три ложа, три гроба, лежатъ въ нихъ Господь Богъ, Богородица, св. Іоаннъ; надъ св. Дѣвой выростаетъ роза, изъ нея вылетѣла птичка: то не птичка, а сынъ Божій!—Лоза Іессея, жезлъ Аарона и Іосифа, съ покоющимся на немъ св. Духомъ—голубемъ — все это сближено было съ образомъ розоваго куста, можетъ быть, съ представленіемъ райскаго крестнаго древа — и все это послужило символомъ Воскресенія или Вознесенія.

III.

Двѣ символики розы встрѣтились на почвѣ русской народной поэзіи, языческая и христіанская: русалки, олицетвореніе древнихъ Розалій, и мистическая роза-Богородица, изъ которой выпархиваетъ къ небу птичка; въ первомъ случаѣ дѣло идетъ о захожемъ съ юга названіи, во второмъ о западно-христіанскомъ представленіи. Наша собственно лирическая народная пѣсня знаетъ розу лишь въ неясныхъ очертаніяхъ. Въ одной бѣлорусской волочебной пѣснѣ дѣвушка холила червоную розу на огородѣ, сплела изъ цвѣтовъ вѣнокъ, положила на головку, „пришпилила" и говоритъ: „Кабы у меня личико такое было, не ходила бы я пѣшкомъ, а ѣздила бы на шести коняхъ, на вороныхъ. Откуда ни взялись буйные вѣтры, унесли вѣнокъ за темные лѣса, на быстрыя рѣки; дѣвушка проситъ братьевъ достать его, но они утомятъ коней, сѣкиры о лѣса потупятъ, рѣкъ не замостятъ; быть тебѣ, сестрица, безъ „червонаго вѣнка". Вѣнокъ долженъ достаться лишь суженому, онъ сбережетъ розу. „Покопаю лозу, да посажу рожу" — такъ начинается пѣсня съ Волыни; за каждымъ стихомъ припѣвъ: Стороною, дождичекъ, стороною, не на ту рожечку червоную! Ее стерегутъ отецъ, мать, братъ и сестра, не уберегли; только послѣ сторо́жи милаго дѣвушка говоритъ:

Твоя сторо́жа, не ощипана рожа

Въ бѣлорусской свадебной пѣснѣ роза замѣнила народную руту, за ней остался — „желтый цвѣтъ"; въ другой, такъ же свадебной, червоная роза говоритъ, что у нея нѣтъ—бѣлаго цвѣта. Очевидно, она замѣнила собою традиціонную калину, какъ, быть можетъ, и въ слѣдующей малорусской пѣснѣ: Зеленая дубрава, скажи мнѣ правду: какое зелье раньше расцвѣтаетъ, хрещатый барвинокъ, душистый василекъ или полная роза?—Раньше цвѣтетъ барвинокъ, у василька три запаха, но нѣтъ краше полной, червонной розы. Слѣдуетъ еще вопросъ дубравѣ: какая самая ранняя весенняя птичка: зозуля, соловей или лебедь? Зозуля всѣхъ раньше вылетаетъ, у соловья три напѣва, но нѣтъ краше бѣлой лебедушки. Параллелизмъ завершается въ третьемъ вопросѣ, приводящемъ къ уравненію: роза = лебедушка = мужняя жена. Кто засыпаетъ зарю: молодая дѣвушка, бѣдная вдовушка — или мужняя жена? Дѣвушка засыпаетъ зарю, у бѣдной вдовушки сорокъ думъ, но нѣтъ въ свѣтѣ лучше мужней жены, „господыни".

Параллелизмъ не выдержанъ, или перепутанъ, какъ въ одномъ варіантѣ той же пѣсни: василекъ, барвинокъ, червоная калина = мужняя жена, бѣдная вдова, молодая дѣвчина.

Чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ болѣе блекнетъ у насъ роза. Великорусская пѣсня знаетъ лишь *розовые цвѣты* рядомъ съ алыми, голубыми или лазоревыми. Въ одной, очевидно, захожей пѣснѣ дѣвушка и парень препираются, задавая другъ другу неисполнимыя задачи. Сшей ты мнѣ платьице изъ *розова листа* (варіанты: изъ лазорева цвѣта, либо изъ маковаго листа; изъ алаго цвѣту, котораго нѣту!), издѣвается дѣвушка, а молодецъ ей въ отвѣтъ: Напряди мнѣ дратвы изъ дождевой капли. — Въ соотвѣтствующей нижненѣмецкой пѣснѣ дѣло идетъ о платьѣ изъ липовыхъ листьевъ, о кнутѣ, свитомъ изъ воды и вина.

Едва ли мы не въ правѣ заключить, что и розовые цвѣты, и розовый листъ не указываютъ на живое, реальное представленіе о розѣ; она и не вошла въ нашу народную пѣсенную флору, какъ на западѣ. Тамъ она пробиралась въ нее постепенно, изъ монастырскихъ садовъ и рыцарскихъ замковъ, гдѣ чудесный, захожій цвѣтокъ холили и берегли за высокой оградой, а народная фантазія возбуждалась къ представленію какихъ-то заповѣдныхъ, таинственныхъ цвѣтниковъ, куда пути заложены. Таково представленіе о Rosengarten'ѣ въ Вормсѣ и въ Тиролѣ: къ послѣднему ведутъ четверо золотыхъ воротъ, и обведенъ онъ, вмѣсто стѣны, шелковой нитью, но горе тому, кто проникнетъ къ его розамъ,ароматъ которыхъ разносится по лѣсу: смѣльчакъ поплатится рукой и ногой. Тамъ царитъ демоническій Лауринъ, похитившій красавицу Симильду; витязи старонѣмецкой поэмы, носящей его имя, отваживаются на подвигъ, Лауринъ взятъ въ плѣнъ, красавица освобождена. Демоническое существо, властитель розъ, напоминаетъ очертанія международной сказки: объ отцѣ, который, отъѣзжая, спрашиваетъ дочерей, какого гостинца каждой изъ нихъ привезти. Одна проситъ одного, другая другого, третья заказываетъ привезти ей цвѣтокъ; чаще всего — это роза, она въ саду какого-то чудовища, змѣя, волка; сорвать цвѣтокъ поплатиться жизнью; отецъ откупается тѣмъ, что обѣщаетъ свою дочь въ жены чудовищу-оборотню, который впослѣдствіи оказывается заклятымъ царевичемъ. Въ сказкѣ у Аѳанасьева цвѣтокъ не названъ: отвѣчая на вопросъ отца, дѣвушка рисуетъ что-то на бумагѣ и говоритъ: привези мнѣ, батюшка, вотъ *эдакой* цвѣтокъ!

На западѣ тайна Rosengarten'а была нарушена и роза вошла въ оборотъ народной поэзіи; у насъ было иначе, и понятно, почему легенды и иносказанія о розѣ у насъ не свои. Таковъ символъ Богородицы-розы. По малорусскому повѣрью, несомнѣнно отреченнаго происхожденія, она и зачата отъ розы; болгарское повѣрье замѣняетъ розу василькомъ. Въ старофранцузскомъ романѣ объ императорѣ Фануилѣ сходное разсказывается, по какому-то апокрифу, о бабкѣ Богородицы, будто бы дочери Авраама: она зачала, понюхавъ отъ райскаго дерева, древа познанія добра и зла, отъ плода котораго вкусилъ Адамъ. Господь велѣлъ перенесть дерево въ вертоградъ Авраама: на этомъ древѣ будетъ распятъ Христосъ; пока ангелъ спускается каждый день на древо и цвѣтокъ, оберегая ихъ. Евреи обвиняютъ дѣвушку въ порочной жизни; она ввержена въ пламя, но Господь покрылъ ее цвѣтами, розами; до тѣхъ поръ розы не водились на землѣ; огненные языки обратились въ лиліи, розы и цвѣты шиповника, искры въ птички. Назвали то мѣсто Champ-flori — цвѣтникъ; тамъ будетъ страшный судъ; обычное преданіе относитъ его къ Іосафатовой долинѣ.

Легенда эта встрѣчается въ мѣстномъ пріуроченіи къ Виѳлеему; такъ у Псевдо-Мандевилля дѣло идетъ о безыменной дѣвушкѣ, обвиненной въ нарушеніи цѣломудрія; она осуждена на костеръ, но горящія головни обращаются въ красныя, сырыя — въ бѣлыя розы, первыя розы на землѣ. Это одна изъ многихъ легендъ, примкнувшихъ къ кругу поэтическихъ сказаній о Богородицѣ, къ евангельскому разсказу о сомнѣніяхъ Іосифа.

Мѣсто дѣйствія въ Champ-fleuri, долинѣ цвѣтовъ, скорѣе розъ; въ одномъ современномъ греческомъ преданіи, тождественномъ съ Мандевиллевскимъ, говорится именно о долинѣ розъ. Старофранцузское fleur стало какъ-бы показателемъ розы; дѣйствующія лица византійско-французскаго романа носятъ имена Floire и Blanchefleur: она бѣлая роза или лилія, онъ—красная роза; замѣчу, что Champ-flori—старофранцузскій синонимъ рая.

Такъ языческая символика розы проникла въ кругозоръ христіанства, порой ярко вспыхивая, часто одухотворяясь. Отъ Афродиты и Адониса путь былъ долгій, и новое освѣщеніе не всегда одолѣвало старое пониманіе образа. У Данте роза—Богородица (Par. XXIII, 73), вѣчными розами зовутся избранники (ibid. XII, 19), рай—гигантская роза, бѣлая, вѣчная, ея лепестки—святые, святая дружина, съ которой Христосъ сочетался своей кровью; ангелы, бѣлоснѣжные, съ золотыми крыльями, спускаются въ нее, точно рой пчелъ, принося миръ и любовь (ib. XXX—1). А у Гейне соловей еще влюбленъ въ розу, какъ въ восточныхъ сказкахъ, и роза искрится любовью; но этого намъ не понять:

Diese Welt glaubt nicht an Flammen,
Und sie nimmt's für Poesie

(*Heine, Neuer Frühling № 34*).

Александръ Веселовскій.

Г-жѣ Л***.

(5 мая 1868 года).

Если при ней, несмотря на ея шестьдесятъ,
Рѣзвыя дѣти свободно и смѣло шалятъ,—
Значитъ, она и нѣжна и добра,
Хоть поворчать и пришла ей пора.

Если при ней, несмотря на ея шестьдесятъ,
Юноши пылкіе мыслей своихъ не таятъ,—
Значитъ, у ней подъ сѣдою косой
Умъ сохранился еще молодой.

Если (добавлю) при этомъ количествѣ лѣтъ,
Льститьей не смѣютъ ни гости, ни другъ, ни поэтъ,—
Значитъ, въ умѣ ея свѣтъ не погасъ
Тотъ, что́ въ сердца проникаетъ подчасъ.

Буду я радъ и шалить и смѣяться при ней,
Смѣло повѣрю ей тайну безумныхъ страстей,
Въ трудные дни къ ней приду погрустить,
Но, хоть убейте, не стану ей льстить

Я. Полонскій.

«ПРОДАЕТСЯ ЛѢСЪ НА СРУБЪ...»

(Отрывокъ).

Тихій, ясный октябрьскій вечеръ. Заходящее солнце бросаетъ послѣдніе свои лучи на остроконечныя вершины высокихъ темныхъ елей, и красиво освѣщаетъ, то здѣсь, то тамъ уцѣлѣвшіе отъ осеннихъ бурь, немногіе желтые и румяные листья березъ, осинъ и рябинъ, пріютившихся у опушки стараго еловаго лѣса. Въ чистомъ и прозрачномъ воздухѣ чувствуется льдинка — ночь будетъ заморозная. Гдѣ-то далеко, въ лѣсу, крикнула протяжно-жалобно желна [1],— еще и еще... На задворкахъ дома лѣсничаго, почти прислоненнаго къ лѣсу, стрекочетъ сорока, завидѣвъ на кухонномъ крыльцѣ кошку, жмурящуюся на заходящее солнце и по временамъ безмятежно умывающуюся своими бархатными лапками.—Старикъ лѣсничій давно уже проснулся, послѣ своего кратковременнаго послѣобѣденнаго отдыха, и еслибы проходившій въ то время мимо дома крестьянинъ нескромно заглянулъ въ низкое окно, то онъ увидѣлъ бы сѣдого, коротко остриженнаго, худощаваго старика, съ добрымъ, симпатичнымъ лицомъ, въ золотыхъ очкахъ и сильно поношенномъ пестромъ халатѣ, съ сигарой во рту, сидящаго въ своемъ кабинетѣ, въ глубокомъ, старинномъ, обитомъ клеенкой, креслѣ, бокомъ къ окну, и съ сосредоточеннымъ вниманіемъ читающаго газету. Старыя, но еще крѣпкія ноги лѣсничаго, исходившія уже, съ самаго ранняго утра, добрый десятокъ верстъ по лѣсу, отдыхали теперь, въ мягкихъ спальныхъ сапогахъ, на поставленномъ близъ кресла стулѣ.

Въ то же самое время, по заросшей на половину травою лѣсной дорогѣ, то красиво извивающейся по краю лощины, то скрывающейся въ лѣсной чащѣ, съ тѣмъ, чтобы вскорѣ опять выбѣжать на опушку, шелъ неторопливыми шагами, но направленію къ дому лѣсничаго мужчина среднихъ лѣтъ, съ ружьемъ за плечами. Онъ видимо наслаждался прекраснымъ вечеромъ, вдыхая полною грудью освѣжающій, чистый, осенній воздухъ и любовно лаская своими добрыми голубыми глазами красоты лѣсного ландшафта въ вечернемъ освѣщеніи. Подойдя къ дому лѣсничаго, онъ свернулъ въ открытыя ворота, поднялся на кухонное крыльцо, погладилъ мимоходомъ видимо хорошо ему знакомую кошку, теперь уже сладко дремав-

[1]) Большой черный дятелъ.

шую на скамейкѣ, рядомъ съ жестянымъ ведромъ, наполненнымъ ключевой водой, сдѣлалъ нѣсколько глотковъ изъ висѣвшаго на ведрѣ ковшичка, обтеръ свои пыльные высокіе сапоги стоявшей тутъ-же половой щеткой, и направился, черезъ кухню въ кабинетъ своего добраго друга—старика лѣсничаго.

Войдя смѣлыми шагами въ комнату и даже хлопнувъ довольно сильно дверью, нашъ охотникъ невольно остановился: ему показалось, что старикъ спитъ, такъ какъ видимо не замѣтилъ прихода гостя и продолжалъ сидѣть неподвижно на своемъ креслѣ. Золотыя очки были подняты на лобъ; полусложенная газета лежала на колѣнахъ; правая рука, державшая дымившуюся еще сигару, свѣсилась съ кресла. Однако, глаза лѣсничаго были открыты и неподвижно устремлены на какую-то точку, находившуюся прямо передъ нимъ. Очевидно было, что старикъ сидѣлъ погруженный въ глубокую думу.

Осторожно обойдя, почти неслышными шагами, комнату и подойдя сзади къ спинкѣ кресла, посѣтитель положилъ на плечо старика руку и медленно проговорилъ:

— О чемъ такая глубокая дума?

Старикъ, видимо не сразу приходя въ себя, поднялъ на него свои глаза, затѣмъ медленнымъ движеніемъ взялъ въ ротъ сигару и, протянувъ гостю лѣвую руку, правой подалъ ему лежавшую на колѣнахъ газету и молча указалъ пальцемъ на какое-то объявленіе. Подойдя къ окну, гость прочелъ на указанномъ мѣстѣ газеты слѣдующее: „8.000 десятинъ *замѣчательнаго лѣса*, дубъ, ясень, кленъ, сосна, ель, 10—22 вершковъ въ діаметрѣ, на сплавной рѣкѣ и 18 верстъ отъ станціи А—во N—ской желѣзной дороги, въ имѣніи О—но, бывшемъ Князя NN, *продается на срубъ*, цѣликомъ и по частямъ. Справляться до половины іюня въ г. К—ѣ, а послѣ въ г. М—ѣ, у присяжнаго повѣреннаго ***".

Имѣете ли вы, читатель, понятіе о томъ, что значитъ восемь тысячъ десятинъ лѣса, приговореннаго *на срубъ*? Это значитъ, что въ этотъ лѣсъ нахлынетъ толпа людей, съ пилами и топорами, и начнется гигантское разрушеніе... Застучатъ по всему лѣсу топоры, завизжатъ пилы, со стономъ и трескомъ станутъ валиться вѣковыя деревья, разрушаться зеленые своды, и по прошествіи нѣкотораго времени все годное для лѣсопромышленника, все, что можетъ быть обращено въ деньги, будетъ вырублено, а все остальное—поломано, изуродовано, исковеркано, и на мѣстѣ прекраснаго „Божьяго сада" появится печальная пустыня, усѣянная безчисленнымъ количествомъ пней и загроможденная отрѣзанными и тутъ же брошенными вершинами и сучьями деревьевъ. Восемь тысячъ десятинъ лѣса, срубленнаго жаднымъ лѣсопромышленникомъ, это — богатый городъ, разграбленный и опустошенный непріятелемъ; это—роскошный цвѣточный садъ, въ которомъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ безпрепятственно хозяйничало стадо коровъ; это—ну, словомъ, это для друга лѣса, друга природы — одна изъ такихъ картинъ, при взглядѣ на которую болѣзненно сжимается сердце и изъ груди поднимается тяжелый вздохъ...

— Да, грустно,—сказалъ съ глубокимъ вздохомъ гость, складывая газету и кладя ее на столъ.

Старикъ лѣсничій медленно поднялся съ кресла, снялъ очки, тщательно протеръ ихъ пестрымъ шелковымъ платкомъ и положилъ на газету. Нѣсколько минутъ длилось обоюдное молчаніе.

— Вотъ вы говорите: „грустно", — прервалъ молчаніе лѣсничій, зажигая спичку и съ видимымъ душевнымъ волненіемъ усиленно раскуривая потухшую сигару. — Я знаю, что у васъ—у друга лѣса — должно заболѣть сердце въ подобномъ случаѣ; оно у васъ болѣзненно сжалось и вы сказали, со вздохомъ: „да, грустно!" Но вѣдь вы не знали, не видѣли этого лѣса! Что же долженъ сказать я, который родился и выросъ въ этомъ лѣсу... Вѣдь онъ мой родной,—мой домъ, моя родина, мой другъ дѣтства!..

У старика задрожалъ голосъ, и онъ торопливыми шагами заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Затѣмъ, подошелъ къ своему рабочему столу, вынулъ изъ ящика свѣжую сигару, обрѣзалъ ее перочиннымъ ножемъ, закурилъ, и усѣвшись снова въ свое мягкое, глубокое кресло, заговорилъ тѣмъ тихимъ, спокойнымъ голосомъ, какимъ обыкновенно говорятъ о недавно потерянномъ дорогомъ другѣ.

.

.

Дм. Кайгородовъ.

УМЕРШЕМУ.

Я вѣрую, я чувствую, я знаю,
Что иногда—не въ грезѣ, не во снѣ,
А на яву—приходишь ты ко мнѣ...
Но этого-ль я жажду и желаю!

И вѣровать, и чувствовать, и знать,
И въ пустоту вперять тоскливо взоры
Безъ проблеска надежды и опоры,—
О, гдѣ же мнѣ, гдѣ силъ на это взять!

И вотъ я жду... Придешь ли ты, желанный,
Не на яву, хоть въ грезѣ, хоть во снѣ,
Но видимый,—придешь ли ты ко мнѣ,
Небесною красою осіянный?

В. С. Лихачовъ.

ТЁМНЫЕ ЛЮДИ.

(Разсказъ).

I.

Погода была отвратительная, и кругомъ было совершенно темно. Сѣялъ мелкій осенній „бусъ", точно весь воздухъ былъ насыщенъ водяной пылью. Продрогшій ямщикъ Ѳедотка ежился на своихъ козлахъ, какъ грѣшная душа, предоставивъ лошадямъ бѣжать, какъ онѣ хотятъ. Да и какъ тутъ править, когда ни зги не видать. Привычная почтовая тройка плелась своей козлиной побѣжкой, замедляя ходъ только въ „сумнительныхъ" мѣстахъ, когда старый опытный коренникъ соображалъ, какъ половчѣе выпутаться изъ бѣды.

— Эй, ты, идолъ! - кричалъ на него Ѳедотка.— Смотри у меня...

— А ты самъ смотри...—слышался встревоженный голосъ сѣдока, спрятавшагося подъ спасительной сѣнью болка и кожанаго фартука.—Еще вывалишь, пожалуй...

— И то смотрю, ваше превосходительство, — обиженно отвѣчалъ Ѳедотка. — Не впервой мнѣ васъ возить-то, слава Богу. Лучше бы вамъ было заночевать у насъ, на Таломъ заводѣ... Темь стоитъ— не углядишь.

— А ты все-таки смотри,—уже съ раздраженіемъ совѣтовалъ опасавшійся какого-нибудь дорожнаго сюрприза гражданскій генералъ.

— Будьте спокойны, ваше превосходительство... Окромя Собачьихъ логовъ, никакой вреды не будетъ. Значитъ, тамъ есть такой земскій мостикъ, самый вредный мостикъ...

— Значитъ, надо въ оба смотрѣть, Ѳедотка...

— Ужъ, кажется, смотрю. Эхъ, вы, трухмальные!..

Гражданскій генералъ Ѳедоръ Петровичъ Зеленинъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ изъѣздилъ весь Уралъ, вдоль и поперекъ, но сегодна не могъ не удивляться проклятой осенней ночи. Настоящая волчья ночь... Дѣйствительно, слѣдовало остаться переночевать на Таломъ, какъ говоритъ Ѳедотка, промокшій до костей. Но приходилось торопиться и наверстывать время ночными переѣздами. Какъ человѣкъ, привыкшій къ путешествіямъ по дряннымъ трактамъ и всевозможнымъ проселкамъ, Зеленинъ старался думать о чемъ-нибудь серьезномъ, чтобы время шло незамѣтно. Станція была въ тридцать шесть верстъ и шла горами — въ такую погоду меньше пяти-шести часовъ не выѣхать. Сидя въ абсолютной темнотѣ, Зеленинъ началъ думать о докладѣ, который долженъ былъ сдѣлать въ зем-

Е. М. Бёмъ.

Богъ напиталъ—никто не видалъ...

скомъ собраніи. Выяснилось одно больное мѣсто: именно, что школьныя помѣщенія были малы, и приходилось отказывать въ пріемѣ желающимъ учиться. На Таломъ по этому вопросу у Зеленина вышелъ довольно непріятный разговоръ съ земскимъ врачемъ. Конечно, медицина вещь почтенная, а гигіена и необходимыя санитарныя мѣры обязательны, но отказывать изъ-за какихъ-то кубическихъ футовъ воздуха въ духовномъ хлѣбѣ очень ужъ тяжело. Зеленинъ доказывалъ доктору, что въ виду крайности можно и поступиться этими футами, на время, конечно, пока будутъ выстроены болѣе просторныя школьныя помѣщенія, но земскій докторъ считалъ себя честнымъ человѣкомъ, молился на свою медицину и ни за что не хотѣлъ согласиться на палліативныя мѣры. Оба горячились и спорили. Зеленинъ доказывалъ, что дома всѣ ученики не имѣютъ никакихъ футовъ воздуха, слѣдовательно, для нихъ будетъ совершенно незамѣтнымъ маленькій недостатокъ установленной для европейскихъ дѣтей нормы. Но докторъ заявилъ, что будетъ протестовать, и т. д. Въ этомъ смыслѣ Зеленинъ хотѣлъ представить земскому собранію докладъ, и мысленно подготовлялъ необходимую аргументацію, прислушиваясь къ шлепанью лошадиныхъ ногъ, унылому позвякиванью почтовыхъ колокольчиковъ и покрикиваньямъ Ѳедотки.

Эти дорожныя соображенія прерывались неожиданными мыслями, которыя налетали, какъ ночныя птицы на огонь. Почему-то, напримѣръ, Зеленину припомнилась одна дѣвочка, которой пришлось сегодня отказать и которая никакъ не могла понять, почему другія дѣвочки учатся, а ее не пускаютъ въ школу. У нея были слезы на глазахъ, а онъ про себя обвинялъ упрямаго земскаго доктора. Потомъ онъ сталъ думать о своей дочери, которая кончаетъ курсъ въ женской гимназіи. У него была всего одна дочь, и онъ ее очень любилъ. „Отказанная“ дѣвочка походила на нее лицомъ, и Зеленинъ еще разъ ее пожалѣлъ. Потомъ, онъ сталъ думать, что какъ странно всѣ люди повторяютъ одну и ту же ошибку: каждый думаетъ, что онъ столько-то лѣтъ поработаетъ, а потомъ устроится и будетъ просто жить. Онъ также думалъ въ свое время, но вотъ ему уже шестьдесятъ лѣтъ, а впереди работы еще больше. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше работы... Одна земская служба чего стоитъ. Взять хоть сегодняшнюю поѣздку... Теперь хорошо было бы посидѣть въ теплой комнатѣ, выпить стаканъ горячаго чая, просмотрѣть газеты, а тутъ тащись по мертвому проселку. Потомъ уже безъ всякой ассоціаціи идей, точно вынырнула мысль о томъ, что Ѳедотка имѣетъ привычку иногда напиваться и если сегодня онъ то же выпилъ. .

— Ѳедотка, а скоро будутъ эти Собачьи лога?— спросилъ онъ, такимъ тономъ, какъ спрашивалъ на экзаменахъ.

— А вотъ скоро... Тутъ будетъ, значитъ,повертка въ полугорѣ, гдѣ стоитъ убитый столбъ— значитъ, убили на этомъ самомъ мѣстѣ пріисковаго повѣреннаго, который везъ деньги,—ну, а подъ горой-то и будутъ эти самые Собачьи лога.

Нѣтъ, кажется, Ѳедотка не пьянъ, а говоритъ съ трудомъ просто потому, что сильно продрогъ. Зеленинъ опять подумалъ, что, дѣйствительно, лучше было бы остаться на Таломъ—Ѳедотка не дрогъ бы на козлахъ, а лошади стояли бы въ своей конюшнѣ. Выходило такъ, что какъ-будто Зеленинъ и виноватъ, что не подумалъ объ этомъ раньше, и какъ-будто не виноватъ. Скоро по этимъ мѣстамъ пройдетъ желѣзная дорога, и его преемники не будутъ ѣздить по ночамъ при такихъ условіяхъ. Они, эти будущіе счастливцы, не будутъ даже знать, какъ вотъ онъ, Зеленинъ, мучился. Отъ долгаго сидѣнья въ экипажѣ нѣмѣютъ ноги, является какая-то тупая боль въ спинѣ и т. д.

— Это старость...—рѣшилъ онъ, перемѣняя за спиной подушку.—Да, старость, безсильная, обидная, несправедливая и... неизбѣжная...

Ему вдругъ сдѣлалось грустно. Другіе старики теперь сидятъ по домамъ, а онъ мыкается по дорогамъ, какъ „неприкаянный“. Потомъ, вообще, жизнь вещь грустная.. Вотъ онъ сколько работаетъ, хлопочетъ, думаетъ, что это кому-то нужно, а можетъ быть, именно это никому и ненужно. Простой неграмотный человѣкъ, можетъ быть, проживетъ гораздо счастливѣе, чѣмъ онъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Зеленинъ. Можетъ быть, даже грамота и не нужна совсѣмъ...

— Нѣтъ, позвольте, что-же это такое?!—ловилъ Зеленинъ самого себя и даже пощупалъ голову, точно хотѣлъ убѣдиться, что не спитъ и не сошелъ еще съ ума. Фу, какая глупость... Богъ знаетъ, какая чушь лѣзетъ въ голову, когда темно.

— Эй, Ѳедотка, скоро ли твой убитый столбъ?— громко спросилъ онъ, прислушиваясь къ звукамъ собственнаго голоса.

— А только што проѣхали, ваше превосходительство. Эй, вы, трухмальные, помѣшивай...

— Значитъ, скоро Собачьи лога?

— Они самые, ваше превосходительство...

Дѣйствительно, экипажъ началъ осторожно спускаться куда-то подъ гору. Такіе спуски въ темнотѣ были очень непріятны, и Зеленину казалось, что вотъ-вотъ экипажъ полетитъ куда-то въ бездну. О томъ, чтобы выскочить, какъ можно было сдѣлать днемъ—нечего и думать. Онъ открылъ сбоку фартукъ и выглянулъ—разсмотрѣть ничего было нельзя. Чуть-чуть брезжили неясные силуэты громадныхъ сосенъ и елей. Зеленинъ опять спрятался и подумалъ: э, будь, что будетъ!.. Вѣроятно, то же самое думалъ и тотъ несчастный повѣренный, котораго здѣсь убили. Въ самомъ дѣлѣ, что онъ думалъ, когда ѣхалъ вотъ по этой самой дорогѣ: о своей семьѣ можетъ быть, о разныхъ пріисковыхъ дѣлахъ—рѣшительно, обо всемъ, кромѣ того, что ему оставалось жить нѣсколько минутъ. Потомъ выскочили изъ лѣса неизвѣстные люди, онъ хотѣлъ бѣжать... Вѣдь всѣ такія трагедіи происходятъ такъ быстро и просто. Вѣроятно, онъ защищался, кричалъ о помощи... Нѣтъ, положительно, жить на свѣтѣ грустно. Отъ живого человѣка остался одинъ „убитый столбъ“, какъ говоритъ Θедотка.

А экипажъ все продолжалъ спускаться. Слышно было, какъ храпѣлъ упиравшійся коренникъ. Мѣстами экипажъ сильно накренивало, а колеса постоянно наталкивались на камни, которые, точно нарочно, подкладывала подъ нихъ какая-то невидимая рука. Колокольчики перезванивали съ интервалами, точно задерживали дыханіе. Въ одномъ мѣстѣ что-то треснуло, и экипажъ накренило сильно на лѣвый бокъ.

— Держи, держи! — крикнулъ Зеленинъ. — Опрокинешь, Θедотка...

— Эхъ, баринъ...—отвѣтилъ Θедотка.—Ну, и шту-ука... Вотъ такъ угораздило! Въ самый разъ... Передняя-то ось того, баринъ... Какъ есть подъ самымъ куркомъ переѣло, точно кто зубомъ откусилъ.

— Что же мы будемъ дѣлать, Θедотка?

— А что тутъ подѣлаешь? Поѣду за другой осью...

— А я-то какъ же?

— Что же вамъ-то: лежите себѣ въ тарантасѣ, пока я гоняю.

II.

Θедотка обошелъ кругомъ экипажъ, осмотрѣлъ при свѣтѣ спички сломанную ось, покачалъ головой и началъ ругаться. Для него все было ясно, какъ день. Когда выѣзжали изъ Талаго, какая-то баба перешла дорогу—кажется, ясно?

— Ты, просто, дуракъ!—обругалъ его генералъ за эту счастливую мысль.—При чемъ тутъ баба?.. Просто, была скверная ось...

— Нѣтъ ужъ, ваше превосходительство, тутъ никакая ось не выдержитъ, ежели, напримѣрно, баба черезъ дорогу...

— Перестань болтать глупости...

Θедотка съ обозленнымъ видомъ началъ распрягать лошадей и продолжалъ ругать проклятую бабу. Вѣдь вотъ, поди-жь ты, подвернулась-таки, анаθема...

Зеленинъ молчалъ, угнетенный перспективой просидѣть въ лѣсу цѣлую ночь. Впрочемъ, можно было лечь спать. Θедотка предлагалъ развести огонь, но генералъ отказался. Дождь шелъ попрежнему — что за удовольствіе мокнуть, хотя и у костра. Притомъ ему не хотѣлось шевелиться съ нагрѣтаго мѣста.

— Такъ ты поскорѣе, Θедотка...

— Ужъ постараюсь: ваше превосходительство,—увѣрялъ Θедотка, взбираясь верхомъ на пристяжку.—Стриженая дѣвка не успѣетъ косы заплести...

Генералу было немного совѣстно, что онъ давеча обругалъ Θедотку дуракомъ, и онъ далъ ему въ видѣ умилостивительной жертвы двугривенный.

— Пожалуйста, только не напивайся...

— Я? Да я,—ахъ, Боже мой... Эхъ, ты, трухмальная, трогай!..

Лучшимъ утѣшеніемъ въ самомъ скверномъ положеніи, какъ извѣстно, служитъ мысль о еще болѣе скверномъ положеніи. Прислушиваясь, какъ уѣзжалъ Θедотка все дальше и дальше, Зеленинъ представлялъ себѣ, какъ онъ потащится верхомъ восемнадцать верстъ, потомъ заберетъ ось и потащится съ ней обратно тѣ же восемнадцать верстъ—это было похуже, чѣмъ сидѣть въ закрытомъ экипажѣ. Конечно, скучно ждать, но что же дѣлать? Зеленинъ устроился въ своемъ тарантасѣ по діагонали, чтобы вытянуть нѣмѣвшія ноги, закрылъ глаза и началъ перебирать давешнія мысли о своемъ докладѣ, упрямомъ докторѣ, уби-

томъ повѣренномъ, о счастьѣ и смыслѣ жизни и началъ приходить къ заключенію, что, собственно говоря, и жить не стоитъ и все на свѣтѣ устроено ужасно скверно, до ломающихся осей включительно.

Въ лѣсу было тихо-тихо, какъ бываетъ только въ такія осеннія ночи. Ѳедотка привязалъ лошадей гдѣ-то у травы, и слышно было, какъ онѣ рвали и разжевывали траву. Вотъ онѣ счастливы, что могутъ отдохнуть и поѣсть.

Сколько прошло времени—Зеленинъ не могъ опредѣлить. Онъ, кажется, заснулъ. Его заставилъ проснуться осторожный храпъ коренника. Кто-то подходилъ и умное животное чуяло. Зеленинъ началъ прислушиваться, чувствуя, какъ бьется собственное сердце. Ему вдругъ сдѣлалось страшно. Съ собой не было никакой обороны, кромѣ перочиннаго ножа. Да и какая тутъ могла быть оборона... Онъ прислушивался нѣсколько времени, но въ лѣсу было тихо. Лошади перестали жевать и тоже прислушивались. Вообще, скверно.

— Неужели я трушу?—подумалъ Зеленинъ.— Э, пустяки...

Въ минуты опасности всѣ чувства пріобрѣтаютъ необыкновенную чуткость, а умъ достигаетъ прозорливости. Сейчасъ Зеленинъ отлично понималъ, почему лошади не ѣдятъ травы, что онѣ насторожились, почуявъ врага, что кто-то не идетъ и не ѣдетъ, какъ ходятъ и ѣздятъ по дорогѣ, а подкрадывается. Онъ слышалъ, какъ подкрадывался этотъ кто-то, и сбразилъ сразу, что подкрадывается не одинъ человѣкъ, а нѣсколько. Почему то онъ раскурилъ папиросу и сталъ вслушиваться. *Они* были уже недалеко, и онъ слышалъ осторожный шопотъ. Очевидно, его обходили... Вотъ хрустнулъ сучокъ подъ ногой... кто-то выругался шопотомъ.

Самое томительное чувство — ожиданіе. Зеленинъ наблюдалъ за собой, какъ у него начинаютъ холодѣть руки, а по спинѣ пробѣгаетъ непріятная дрожь. *Они* были уже совсѣмъ близко... Онъ собралъ все свое мужество и спросилъ, выглядывая въ темноту:

— Кто тутъ бродитъ?

Отвѣта не послѣдовало, и все замерло на одно мгновеніе. Для него теперь было ясно, что это были бродяги, которыхъ ему въ поѣздкахъ по Уралу приходилось встрѣчать сотни разъ. Но то было днемъ, а сейчасъ была ночь, и онъ былъ совершенно одинъ въ глухомъ лѣсу. У него защемило на душѣ, вспомнилась любимая дочь, и мелькнула мысль о смерти. Да, вотъ завтра его найдутъ здѣсь убитымъ... выѣдетъ слѣдователь... произведутъ вскрытіе, и потомъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ появится его некрологъ, а въ земскомъ собраніи почтутъ его смерть вставаніемъ...

— Кто тамъ?

Отвѣтъ послѣдовалъ не вдругъ.

— Вашескородіе, нельзя-ли огоньку...—проговорилъ неизвѣстный мужской голосъ изъ темноты.

— Бродяги?

— Случалось, вашескородіе... Одолжите огоньку.

Наступалъ рѣшительный моментъ. У Зеленина тряслись руки, когда онъ протянулъ въ темноту руку съ коробкой спичекъ — одно мгновеніе, и онъ могъ повалиться съ размозженной головой. Невидимая рука взяла у него спички, а онъ еще оставался живъ. Экипажъ окружили человѣкъ пять, и всѣ старались разглядѣть его въ темнотѣ. Эхъ, если бы былъ молодъ, схватилъ бы давеча лошадь и ускакалъ...

— Можетъ быть, хотите папиросъ?—предложилъ онъ.

— Покорно благодаримъ, вашескородіе...

Онъ протянулъ въ темноту кожаный портсигаръ. Въ отвѣтъ вспыхнула зажженная спичка, освѣтивъ нѣсколько лицъ, глядѣвшихъ на него съ жаднымъ любопытствомъ. Зеленина удивило больше всего то, что одинъ бродяга уже сидѣлъ на козлахъ.

— Ось сломалась, вашескородіе? Вотъ у насъ такъ нечему ломаться, кромѣ спины да ногъ...

— Васъ пятеро?—спросилъ Зеленинъ.

— Около того... Пять душъ съ половиной, вашескородіе. А вы по какой части будете?

— Я? Я — инспекторъ народныхъ училищъ.

— Это по части учебы?

— Да...

— Значитъ, ребятъ учите?

— Я не учу, а только наблюдаю за школами...

— Такъ. Правильно... Законъ требуетъ порядку.

Наступила неловкая пауза. Бродяги заподозрили въ директорѣ народныхъ училищъ чиновника, т.-е. кого-то карающую власть. Зеленинъ понялъ эту невысказанную общую мысль и объяснилъ подробнѣе сущность своихъ занятій. Это

произвело благопріятное впечатлѣніе, потому что бродяги поняли, въ чемъ дѣло. Мѣшало окончательному пониманію только то, что всѣ говорили въ темнотѣ и не видѣли другъ друга. Единственнымъ освѣщеніемъ служили тлѣвшія папиросы.

— Что же, дѣло хорошее, — рѣшилъ сидѣвшій на козлахъ бродяга.

До сихъ поръ онъ упорно молчалъ, и Зеленинъ чувствовалъ, что онъ его наблюдаетъ съ какимъ то озлобленнымъ упорствомъ. Сейчасъ, по тону его голоса, онъ догадался, что это былъ коноводъ партіи — то, что называется на языкѣ бродягъ „головкой". Его одобреніе сразу измѣнило немного натянутыя отношенія, и Зеленинъ пересталъ бояться.

— Вотъ что, ребята, вы промокли на дождѣ,— уже смѣло заговорилъ онъ: — а у меня есть съ собой немного коньяку...

Кто-то аппетитно чмокнулъ въ темнотѣ, кто-то умиленно вздохнулъ, кто-то замеръ въ сладкомъ ожиданіи. Простые мужики не слыхали даже слова „коньякъ", а бродяги отлично понимали, что это значитъ. Сидѣвшій на козлахъ бродяга съ молчаливымъ благоговѣніемъ принялъ небольшую дорожную флягу и при свѣтѣ постоянно потухавшей спички началъ производить дѣлежъ драгоцѣнной влаги. Бродяги подходили по очереди, вытирали ротъ рукой, залпомъ опрокидывали стаканчикъ и нѣкоторое время блаженно молчали.

— Вотъ такъ водка... Ай, да баринъ!.. И закуска при этомъ...

Сидѣвшій на козлахъ бродяга размѣрялъ коньякъ на глазъ съ математической точностью, но свою порцію не выпилъ, а спряталъ флягу за пазуху. Это не понравилось Зеленину, хотя онъ и жалѣлъ, что съ нимъ не было еще запасной бутылки—вотъ когда она могла пригодиться. Продрогшіе, иззябшіе, изголодавшіеся бродяги выпили бы ее и оцѣнили, какъ никто другой въ свѣтѣ.

На нѣкоторое время водворилось молчаніе, потому что всѣ аппетитно жевали. Къ счастью, закуски было достаточно — и дорожные пирожки, и холодная телятина, и колбаса, и сыръ, и хлѣбъ. Сидѣвшій на козлахъ бродяга взялъ самый большой кусокъ хлѣба и спряталъ его за пазуху. Въ теченіе одного получаса Зеленинъ уже успѣлъ познакомиться съ ними, хотя и видѣлъ отдѣльныя лица мелькомъ: на лѣвомъ приступкѣ тарантаса сидѣлъ старикъ, на правомъ совсѣмъ молодой, на козлахъ сидѣли теперь трое остальныхъ.

— Вотъ что, ребята, а я васъ всѣхъ знаю,— заговорилъ Зеленинъ, когда закуска была кончена. —Т.-е. знаю кто изъ какой губерніи...

— Но-о?

— Ну-ка, скажи: онъ?

— Енъ...

— Рязанской губерніи.

— Ахъ, ты, братецъ ты мой...

— Ну-ка, а ты скажи: у меня?

— Въ менѐ...

— Воронежской...

Бродяги были удивлены до послѣдней степени, когда мудреный баринъ опредѣлилъ всѣхъ по губерніямъ.

— Вотъ такъ баринъ! Можно сказать, вполнѣ изуважилъ...

III.

Этотъ лингвистическій пріемъ опытнаго педагога послужилъ окончательнымъ пунктомъ сближенія, а упомянутая родина вызвала цѣлый рой воспоминаній. Бродяги наперерывъ разсказывали про свою губернію и удивлялись, что баринъ зналъ всѣ города, рѣки и пути сообщенія.

— Чего тутъ дивиться,—сурово замѣтилъ бродяга „головка":—одно дѣло мы - темные люди, а другое, когда человѣка всему обучатъ съизмала. Дай-ко намъ грамоту-то, да мы бы... Эхъ, што тутъ говорить! Ежели вольному человѣку грамота нужна, такъ нашему брату, бродягѣ, въ тыщу разъ нужнѣе...

— Ну, въ острогѣ-то и насъ достаточно выучатъ,—отвѣтилъ другой.—Тоже, не сравнишь съ мужикомъ. . Острогъ-то всему научитъ.

— Куда вы идете теперь? — спросилъ Зеленинъ.

— А по своимъ мѣстамъ...—отвѣтилъ за всѣхъ „головка".—У насъ свое волчье положеніе. Ежели поймаютъ бродягу въ восточной Сибири—каторга и плети, ежели въ западной—одна каторга, а какъ перевалили въ матушку тобольскую губернію—ссылка на поселенье [1]). Вотъ и вся наша наука...

— А какъ васъ зовутъ?

— Извѣстно какъ: всѣ Иваны непомнящіе

[1]) Этотъ законъ сейчасъ отмѣненъ, и всѣхъ бродягъ ссылаютъ на Сахалинъ.

родства... Кто съ бору—кто съ сосенки, а званіе одно.

— А между собой какъ вы другъ друга называете?

— Да такъ, у каждаго своя кличка: вотъ этотъ—Кулага, тотъ—Носи-не-потеряй, я—Перекати-поле, вотъ этотъ—Гуляй-вѣтеръ, а тотъ—Козьи-ножки.

— Что же вы дѣлаете здѣсь въ лѣсу?

— А такъ...—уклончиво отвѣтилъ Гуляй-вѣтеръ.—Своя маленькая неустойка вышла.

Бродяги засмѣялись.

— А гдѣ у васъ шестой? — спросилъ неожиданно Зеленинъ.

— Никакого шестого нѣтъ...

— Есть. Я знаю, что есть. Лошади сторожатся...

— Ахъ, ты, баринъ.. Ну, и баринъ, одно слово.

Бродяги пошептались между собой и Гуляй-вѣтеръ отвѣтилъ за всѣхъ:

— Угадалъ баринъ. Есть и шестой.

Онъ повернулся на козлахъ и крикнулъ:

— Эй, Причина, выходи... Баринъ хорошій.

Бродяги опять засмѣялись, но Гуляй-вѣтеръ строго объяснилъ:

— Женщина одна съ нами есть, вашескородіе. Причиной ее зовемъ. Только вы того, вашескородіе, не подумайте, што мы тутъ молодушествомъ или пустяками занимаемся... Изъ за этой вотъ Причины и сидимъ въ лѣсу вторую недѣлю. Обезножила она у насъ бабьимъ дѣломъ.—Эй, Причина, выходи! Сумлѣвается она, вашескородіе, потому какъ все-таки по женскому дѣлу совѣстно въ другой разъ...

Причина подошла не вдругъ. Ее подвели насильно, и Гуляй-вѣтеръ налилъ ей оставленную для себя порцію коньяку.

— Вотъ, на... Лѣкарство первый сортъ.

Причина еще разъ поломалась, но выпила весь стаканъ маленькими глотками, какъ пьютъ курицы.

— Эй, баба—баба и есть,—укоризненно замѣтилъ кто-то.—Выпить выпила, а крякнуть и не умѣетъ...

— На, закуси, — сурово предлагалъ Гуляй-вѣтеръ спрятанный кусокъ хлѣба.—Истощала совсѣмъ, глупая... Она, вашескородіе, значитъ, эта самая Причина, совсѣмъ у насъ глупая. Карактеръ у ней такой, потому какъ она изъ старовѣровъ и ни за што не будетъ ѣсть скоромнаго въ постный день. Ну, мы-то все ѣдимъ—гдѣ разбирать ѣду. Съ страннаго [1]) человѣка Господь не взыщетъ... Вотъ и севодни у насъ пятница, а вся закуска у васъ скоромная. Пусть хоть хлѣбца пожуетъ...

Зеленинъ пожалѣлъ тысячу разъ, что не художникъ и не можетъ написать картины: въ темнотѣ чуть вспыхиваютъ огоньки папиросъ и при этомъ неровномъ, колеблющемся свѣтѣ неясно обрисовываются только одни силуэты „темныхъ людей“. Въ картинѣ безъ лицъ должны были говорить за себя только эти силуэты и характерныя позы. Вѣдь въ жизни много такихъ случаевъ, положеній и встрѣчъ, когда память сохраняетъ только одни неясно обрисованные силуэты, расплывающіеся и туманные, но говорящіе иногда краснорѣчивѣе самой ярко-освѣщенной картины.

Съ появленіемъ на сцену Причины общій разговоръ замѣтно оживился. Когда Зеленинъ посмотрѣлъ на часы—оказалось, что въ этой бесѣдѣ незамѣтно прошло больше двухъ часовъ. Бездомные люди были рады поговорить съ чужимъ человѣкомъ и разсказывали, не стѣсняясь, о своей бродяжнической жизни, о злосчастной судьбѣ, которая завела въ далекую Сибирь, и о надеждахъ на будущее. Да, у этихъ отверженцевъ были свои надежды и на первомъ планѣ — „хоть однимъ глазомъ посмотрѣть“ на свои родныя мѣста и на близкихъ людей. Ихъ всѣхъ неудержимо вела впередъ одна общая сила—тоска по родинѣ.

Изъ этихъ разсказовъ „темныхъ людей“ Зеленина поразила одна черта, именно, что всѣхъ ихъ выбила изъ родной обстановки какая-нибудь роковая случайность—„темные люди“ и попадались въ темнотѣ своего великаго невѣдѣнія. Потомъ, всѣ они считали себя пострадавшими несправедливо или, по меньшей мѣрѣ, незаслуженно. Такъ, Причина „запалила“ домъ грознаго батюшки-свекра, отъ котораго ей житья не было, Кулага размѣнялъ въ кабакѣ какую то дурацкую фальшивую „бумажку“, Носи-не-потеряй любилъ чужихъ лошадей, Перекати-поле въ пьяной дракѣ по ошибкѣ убилъ своего благопріятеля. Гуляй-вѣтеръ ушелъ „изъ-за жены“, какъ объяснилъ онъ коротко.

— Однимъ словомъ, вашескородіе, темнота насъ всѣхъ одолѣла... объяснилъ Перекати-поле.—

[1]) Странный—странствующій, странникъ.

Да и теперь одолѣваетъ она же самая. Для чего мы, напримѣрно, какъ овцу, эту самую Причину волокемъ за собой?

— Для чего?

— Говорить, братцы, правду всю истинную?

— Говори, чего ужъ тутъ...—отвѣтили всѣ голоса.

— А для того, вашескородіе, што одна у насъ грамотная во всей артелѣ. Тоже намъ безъ грамоты-то крышка, хотя мы и бродяги. Вотъ и таскаемъ ее за собой... Только одна есть ошибочка у ней, у Причины, вашескородіе... да... Она учена по своему, по старовѣрски, ну, значитъ, все по церковному вычитываетъ, а што касаемо гражданской печати, такъ другое слово дня три разбираетъ. А главная обида, што пишетъ она, глупая, вошескородіе, церковными буквами... Мы ее ужъ какъ уговариваемъ, а она свое толмитъ: не умѣю писать по гражданскому.

— Ишь, чего захотѣли...—ворчала Причина, обиженная этимъ упрекомъ.—Ладно и по церковному...

— Мы ее, вашескородіе, доучивать ужъ хотѣли въ Тобольской губерніи: одного пропойцу чиновника подрядили было совсѣмъ за три цѣлковыхъ, а тутъ насъ всѣхъ чуть и не накрыли. Ужо въ Расеѣ какъ-нибудь доучимъ...

Выходила довольно комическая и въ то же время грустная картина.

Когда Ѳедотка вернулся черезъ шесть часовъ, онъ нисколько не удивился, что около тарантаса сидятъ бродяги. Что же, хотѣли сдѣлать удовольствіе генералу... Даже очень просто. Ѳодотка выпилъ съ устатку, и для него теперь рѣшительно все на свѣтѣ было ясно и понятно.

— Эй, вы, лѣсные дворяне, помогайте ось налаживать!—крикнулъ онъ, подъѣзжая.

Бродяги принялись за дѣло съ особеннымъ усердіемъ, и въ нѣсколько минутъ все было налажено. Они помогли Ѳедоткѣ заложить лошадей и, когда онъ взмостился на козла, въ голосъ проговорили:

— Гладкой дороги, вашескородіе!

Зеленинъ далъ имъ на братію три рубля, и экипажъ началъ осторожно спускаться къ земскому мосту.

Темные люди остались въ темнотѣ...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Странныя порой
Смѣны впечатлѣній!..
Грезъ игривыхъ рой
Шлетъ мнѣ добрый геній.

Вновь я — сынъ земли;
А меня давно ли
Думы въ высь несли
Отъ земной юдоли?

И давно-ль печаль
Сердце мнѣ сжимала?..
То мнѣ жизни жаль,
То не жаль нимало.

Радость жизни пусть
Будетъ съ грустью въ спорѣ!
Старческая грусть
Одолѣетъ вскорѣ.

Лишь на мигъ изъ тучъ,
Осенью дождливой,
Поиграетъ лучъ
Надъ печальной нивой...

Алексѣй Жемчужниковъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ТРАГЕДІИ СОФОКЛА

АЯКСЪ-БИЧЕНОСЕЦЪ.

Еще Лессингъ, положившій основы здравой критикѣ драматическихъ произведеній, изъ всѣхъ драматурговъ міра величайшими, по художественности, величію, трагической коллизіи и глубинѣ психологической, признавалъ только двухъ геніальныхъ писателей: изъ древнихъ — Софокла и изъ новыхъ—Шекспира. Въ самомъ дѣлѣ, ни у одного изъ древнихъ трагиковъ не найдете такой высокохудожественной обработки сюжета и характеровъ, такой близкой христіанскому міру человѣчности и задушевности, какъ у Софокла (496 г.—406 г. до Р. Х.), безсмертнаго автора знаменитой трилогіи: *Эдипъ-царь*, *Эдипъ въ Колоннѣ* и *Антигона*, кромѣ которой цѣликомъ дошли до насъ только четыре трагедіи: *Филоктетъ*, *Трахиніанки*, *Электра* и, наконецъ, *Аяксъ*, извѣстный также подъ именемъ *Эанта*. Далеко уступая трилогіи цѣльностью и силой строгой консепсіи, эта трагедія, тѣмъ не менѣе, проникнута той человѣчностью, общечеловѣческимъ содержаніемъ, которыя находятъ доступъ въ сердца всѣхъ вѣковъ и народовъ. Легенда, конечно, взята изъ національнаго греческаго преданія; на ряду съ людьми, какъ и вездѣ въ греческихъ произведеніяхъ, являются боги и богини, которые у грековъ все тѣ же, по человѣчески чувствующіе и дѣйствующіе, люди; но идея пьесы—изобразить великаго человѣка, вдругъ потерявшаго на глазахъ всѣхъ, и друзей, и недруговъ, и семьи, и родины, — словомъ, всего окружающаго міра, все свое величіе,—мало того, что потерявшаго это величіе, но еще поставившаго себя въ самое *жалкое*, *смѣшное* положеніе въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, кто его любилъ, уважая, благоговѣлъ предъ нимъ, его боялся, трепеталъ,— такая идея, какъ нельзя болѣе, возбуждаетъ наше вниманіе и сочувствіе. Отъ великаго до смѣшного такъ часто въ жизни одинъ шагъ; но нѣтъ, кажется, ничего для самолюбія ужаснѣе, какъ великому унизиться до смѣшного, и вдругъ, прозрѣвъ, увидѣть всю глубину своего паденія, познать, что вся жизнь, весь ея смыслъ стали абсурдомъ, позоромъ, посмѣшищемъ! Люди заурядные, обыкновенные, въ такихъ случаяхъ, болѣе или менѣе, примиряются съ своимъ положеніемъ,—даже находятъ себѣ оправданіе въ несчастныхъ случайностяхъ, ищутъ причинъ своего паденія въ особыхъ, внѣ ихъ самихъ сложившихся, условіяхъ, и, въ концѣ концовъ, успокоиваются и продолжаютъ жить; души великія, натуры цѣльныя и глубокія такого позора не выносятъ, и если смерть не приходитъ къ нимъ сама, то за ней идутъ они сами, безстрашно и твердо, потому что послѣ такого страшнаго позора дальнѣйшая жизнь для нихъ невозможна.—Такъ не вынесъ своего позора въ началѣ XVII вѣка ламанчскій рыцарь печальнаго образа Донъ-Кихотъ—этотъ великій маніакъ правды и добродѣтели, побѣжденный серебрянымъ рыцаремъ и на старости лѣтъ прозрѣвшій, что вся жизнь его была только борьбой съ вѣтряными мельницами и баранами:—къ нему, ослабѣвшему въ трудахъ, якобы на благо міра, смерть пришла во̀ время сама. Къ герою сѣдой древности, полному громадныхъ физическихъ силъ и силы духа, Аяксу, смерть сама подступить не посмѣла. Опозоренный наверху своей всесвѣтной славы, онъ, придя въ себя и увидя, что̀ онъ надѣлалъ, не вынесъ краски стыда, и, чтобъ знали всѣ, что честный человѣкъ долженъ во́-время и честно умереть, чтобъ не было стыдно за него ни милой женѣ, ни малюткѣ-сыну, ни брату, ни отцу съ матерью, ни товарищамъ, ни родинѣ, вышелъ одинъ на берегъ широкошумнаго моря и палъ безстрашно, какъ и жилъ, на остріе своего великаго Гекторова меча.

По всей Греціи гремѣла слава героической семьи Эакидовъ. Родоначальникъ ея, Эакъ, былъ сынъ самого Зевеса и женатъ на дочери центавра Хирона, знаменитаго своими познаніями въ медицинѣ, ботаникѣ, музыкѣ и обладавшаго даромъ предвидѣнія. Отъ этой то дочери Хирона было у Эака два сына, Пелей, отецъ Ахиллеса, и Теламонъ, женившійся на Эрибеѣ, отъ которой и родился Аяксъ. Оба двоюродные брата, Ахиллесъ и Аяксъ, прославились болѣе всѣхъ при осадѣ Трои; но характеры у нихъ были разные. Одинъ, Ахиллесъ, былъ настоящій рыцарь, смѣлый, прекрасный, ве-

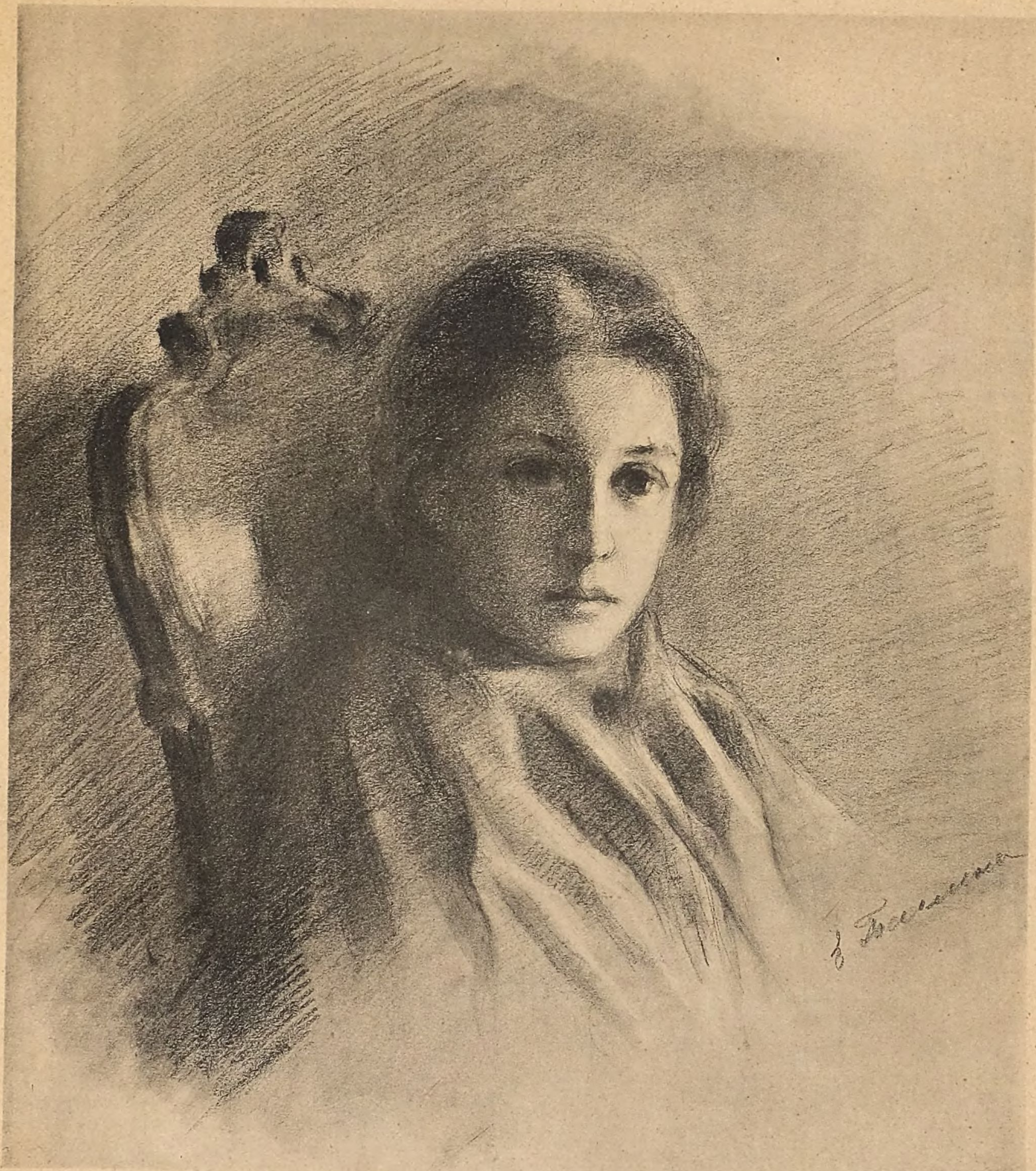
ликодушный и страстный; другой—Аяксъ—мужъ войны, непобѣдимый атлетъ, обладавшій могучимъ строеніемъ и непомѣрной силой и ростомъ, цѣлой головой превосходившій всѣхъ остальныхъ воиновъ. Не разъ онъ одинъ выдерживалъ со своимъ щитомъ изъ семи воловьихъ шкуръ, „крѣпкимъ какъ стѣна“, натискъ цѣлаго войска, и всѣ боялись его, не только враги, но и свои. Многочисленныя услуги, оказанныя въ троянской войнѣ грекамъ, и общее удивленіе передъ такой силой вскружили Аяксу голову и развили въ немъ высокомѣріе до того, что онъ даже пересталъ уважать самихъ боговъ и нерѣдко возбуждалъ ихъ гнѣвъ своими дерзкими и нечестивыми рѣчами. Такая заносчивость проявлялась въ юношѣ еще дома, на островѣ Саламинѣ, и старикъ отецъ, Теламонъ, точно предвидя бѣду, еще отпуская сына на войну, предостерегалъ его отъ излишней самоувѣренности, напутствуя его совѣтомъ: „ищи, о сынъ мой, побѣды въ битвахъ, но ищи ея при помощи боговъ“. Сынъ же вѣрилъ только въ свой собственный боевой мечъ и высокомѣрно отвѣтилъ старику: „Вѣдь съ небесною-то помощью и трусъ можетъ завладѣть наградою побѣдителя; я же разсчитываю на побѣду и безъ боговъ“. Свое святотатство не замедлилъ Аяксъ обнаружить и на войнѣ, и когда, въ разгарѣ боя, Аѳина сама предложила ему свою помощь, онъ дерзко отвѣтилъ богинѣ: „Помогай, царица, другимъ аргивянамъ! Тамъ, гдѣ стоитъ Аяксъ, не прорвется никакая вражеская сила!“ Такіе люди не возбуждаютъ къ себѣ симпатіи, и не было у этого гиганта друзей и между греками. Главному вождю, Агамемнону, онъ былъ всего ненавистнѣе; не любилъ его братъ Агамемнона, Менелай, и отъ всей души презиралъ хитроумный Одиссей. Привержены были ему только пришедшіе съ нимъ вмѣстѣ его вѣрные саламинцы, да любила одна жена, Текмисса, отъ которой былъ у него маленькій сынъ Эврисакъ. Долго терпѣли боги нечестіе гордеца и ждали только случая смирить его. И случай не замедлилъ представиться.

Палъ, согласно предсказанію, во цвѣтѣ лѣтъ первый боецъ грековъ, Ахиллесъ, и знаменитое оружіе его, выкованное Гефестомъ (Вулканомъ), должно было перейти къ вождю, послѣ него храбрѣйшему. Такихъ претендентовъ явилось всего двое: Аяксъ и Одиссей. Но, какъ ни великъ былъ Аяксъ на полѣ битвы, въ совѣтѣ, гдѣ онъ долженъ былъ доказать свое право рѣчью, конечно, не могъ онъ равняться съ своимъ краснорѣчивымъ соперникомъ, и судьи, частію увлеченные рѣчью Одиссея, частію повинуясь своимъ личнымъ симпатіямъ и внушенію оскорбленной Аѳины, присудили оружіе „царю скалистой Итаки“.

Внѣ себя отъ гнѣва, оскорбленный Аяксъ вышелъ изъ совѣта и, удалившись въ свой шатеръ, задумалъ самымъ страшнымъ и позорнымъ образомъ наказать неоцѣнившихъ его грековъ, и особенно Агамемнона, Менелая и ненавистнаго Одиссея. Въ эту же ночь, когда все въ лагерѣ покоилось глубокимъ сномъ, онъ, съ мечомъ въ рукахъ, уже готовился ворваться въ палатку спавшихъ атридовъ и пролить ихъ кровь; но въ эту минуту Аѳина омрачила его зрѣніе безумными видѣніями и обратила его гнѣвъ на добычу грековъ—стада, охраняемыя пастухами во ожиданіи раздѣла. Онъ набросился на несчастныхъ животныхъ, принимая ихъ въ умоизступленіи за враговъ, и перебилъ огромное множество скота, причемъ ему казалось, что онъ собственноручно избиваетъ атридовъ. Тѣхъ же быковъ и другихъ животныхъ, которые остались въ живыхъ, онъ связалъ и привелъ въ свой шатеръ, гдѣ, привязавъ ихъ къ столбу, сталъ жестоко истязать своимъ бичомъ, пока, заливъ весь шатеръ кровью, не свалился въ изнеможеніи между избитыми трупами животныхъ и не заснулъ мертвымъ сномъ.

Быстро облетѣла лагерь вѣсть о безумныхъ подвигахъ героя, такъ жестоко посрамленнаго богиней за высокомѣріе, и даже въ злѣйшихъ врагахъ его возбудила сожалѣніе...

Но вотъ, наконецъ, проснулся герой отъ своего тяжелаго сна,—проснулся, снова просвѣтленный богиней, увидѣлъ вокругъ себя слѣды своего безумія, вспомнилъ все,—и смертельный ужасъ отчаянія объялъ его. Какъ посмотритъ онъ теперь въ лицо не только врагамъ, но даже послѣднему пастуху, рабу? съ какими глазами покажется старикамъ-родителямъ, какую славу *„биченосца“*, борца съ быками, овцами и свиньями, оставитъ единственному сыну? Нѣтъ, съ такимъ позоромъ болѣе жить невозможно. Честный человѣкъ, совершившій безчестное, долженъ честно и умереть, и онъ, Аяксъ, умретъ, и умретъ героемъ, отъ собственнаго меча. Онъ пойдетъ одинъ на берегъ широкошумнаго моря, укрѣпитъ въ землѣ, рукояткой внизъ, свой громадный мечъ и грудью бросится на остріе, все тѣмъ же безстрашнымъ Аяксомъ, искупившимъ свое нечестіе, наказанное безуміемъ,

Е. В. Ванина.
Выздоравливающая.

вполнѣ сознательно своею собственною кровью. „Славно жить, или славно умереть, вотъ, какъ онъ думаетъ — долгъ всякаго истиннаго мужа“. Но замыселъ свой хранитъ онъ про себя, хотя жена его, опасаясь за себя и ребенка и подозрѣвая недоброе, умоляетъ его, какъ и его саламинцы, не налагать на себя рукъ. Онъ, не желая никого дѣлать свидѣтелями своей добровольной казни, говоритъ, что хочетъ только одинъ принести на берегу моря жертву богамъ за возвращеніе разсудка, но на всякій случай все-таки желаетъ проститься съ семьей и товарищами. И вотъ, онъ велитъ Текмиссѣ принести малютку, котораго сажаетъ къ себѣ на колѣни, и въ приведенномъ ниже знаменитомъ монологѣ прощается съ семьей и товарищами, а затѣмъ снова погружается въ глубокую задумчивость, между тѣмъ какъ хоръ, предчувствуя бѣду, заранѣе оплакиваетъ великаго товарища.

МОНОЛОГЪ АЯКСА.

Неси скорѣй сюда, Текмисса, сына!
Видъ жертвъ кровавыхъ мальчику не страшенъ!
Когда онъ сынъ великаго отца,
По доблести вполнѣ его достойный,
Пусть учится безстрашію героя!
О милый сынъ, отца счастливѣй будь,
А въ доблести всегда ему подобенъ: —
Тогда не будешь ты причастенъ злу.
Завидую тебѣ, мой милый мальчикъ,
Что ты бѣды моей не понимаешь: —
Не понимать—есть благо лучшее, пока
Не научаешься ни радости, ни скорби;
Когда же выростешь, тогда покажешь
Врагамъ, отъ чьей ты крови происходишь.
А до тѣхъ поръ питайся, мой сынокъ,
Дыханьемъ вѣтровъ легкокрылыхъ,
И дѣтскою душою возрастай
На утѣшенье матери любезной.
Никто—увѣренъ я—и изъ ахеянъ
Не оскорбитъ тебя обиднымъ словомъ,
Когда бы и меня не стало. О мой сынъ,
Тебя я попеченью поручаю
Надежному: отнынѣ стражъ твой будетъ
Мой храбрый братъ, твой дядя Тевктръ, который
Теперь въ краю отсюда отдаленномъ
Безжалостно преслѣдуетъ враговъ.

(Обращается къ хору своихъ товарищей Саламинцевъ)

А вы, мои сподвижники морскіе,
О милости одной васъ умоляю: —
Завѣтъ послѣдній мой скажите Тевктру: —
Пусть сына моего сведетъ онъ въ домъ
Къ родителямъ моимъ, да будетъ сынъ
Имъ въ старости надежною опорой,
Пока они не снидутъ въ мракъ Аида!
Доспѣховъ же моихъ пусть никому
Вожди не предлагаютъ изъ Ахеянъ, —
Тѣмъ болѣе губителю—Атриду,
Который гибели моей причина.
О Еврисакъ, о мальчикъ милый мой!
Прими мой щитъ изъ кожъ семи воловъ —
Щитъ, названный, какъ ты же, Еврисакомъ:
Вращай ты имъ безстрашною рукой!
А прочіе доспѣхи всѣ со мной
Въ одну, друзья, схороните могилу.

(Текмиссѣ).

Возьми, Текмисса, мальчика скорѣе,
Носи его, не предаваясь горю;
Объ участи моей не плачь. Скорѣе
Иди отсюда:—врачъ искусный долженъ
Пренебрегать лекарствомъ легкимъ тамъ,
Гдѣ нужно только острое желѣзо.—

ХОРЪ САЛАМИНЦЕВЪ.

Преславный островъ Саламинъ,
Стоишь ты, средь морей счастливый,
Всегда и всѣми возносимый
Широкоустою молвой!
А я, несчастный, злополучный,
Издревле пажитей Идейскихъ
Непостоянный обитатель!
Рѣка временъ быстробѣгущихъ
Меня къ Аиду приближаетъ:
И умъ смущенъ, и скорбной думой
Одной для смертныхъ всѣхъ томится,
Что такъ же, рано-ль, или поздно,
Въ Аидъ и мрачный, и несносный,
Придется мнѣ переселиться!

А тутъ, къ довершенію горя,
Аяксъ нашъ страдаетъ болѣзнью,
Что боги ему ниспослали, —
Болѣзнію неисцѣлимой, —
Аяксъ необорный во брани,
Стремительный, непобѣдимый,
Лишенный богами разсудка,
Приводитъ въ отчаянье насъ,

Друзей своихъ вѣрныхъ. Забыты
Всѣ подвиги рукъ его страшныхъ,
Что нѣкогда для ненавистныхъ
Атридовъ содѣлалъ герой.

Удручаемая горемъ,
Старостью сѣдою,
Мать его, прослыша вѣсти
Страшныя о сынѣ,
Ужъ не жалобную пѣсню
Соловья поетъ бѣдняжка,
Но пронзительно завопитъ,
Зарыдаетъ.
И на перси
Упадутъ удары звучно
Тощихъ рукъ старухи,
И свои сѣдыя кудри
Будетъ рвать царица!

Лучше сокрыться въ Аидѣ,
Чѣмъ изнывать въ неисцѣльномъ недугѣ тому,
Кто, происшедши изъ рода почтеннаго
Подвиговъ славу стяжалъ межъ Ахеянъ, —
Теперь же
Разума, силы лишенный, уже не прежній Аяксъ!
О несчастный отецъ! Что за вѣсти
Ожидаютъ тебя, злополучный,
Никого изо всѣхъ эакидовъ
Такая бѣда не постигла,
Какою погубленъ твой доблестный сынъ!

Викторъ Острогорскій.

ИСЛАМЪ И СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА.

Ex oriente lux! Востокъ издавна приковываетъ къ себѣ взоры людей, ищущихъ истину. Но далеко еще не исчерпали наши мыслители сокровища знаменитой „Серіи священныхъ книгъ востока“, издаваемой *Максомъ Мюллеромъ*; далеко еще не доступны европейцамъ тайны безчисленныхъ религіозныхъ сектъ востока и далеки мы, наконецъ, отъ безпристрастной оцѣнки этихъ религіозныхъ системъ...

Въ этомъ мірѣ мыслей и мечтаній наиболѣе видное мѣсто занимаютъ ученія буддизма и ислама.

Но если буддизмъ, „эта философская религія безъ Бога“, этотъ „свѣточъ Азіи“, увлекаетъ европейцевъ и для пропаганды своей въ Европѣ располагаетъ дѣятельными агентами въ лицѣ членовъ Теософическаго общества, собственнымъ журналомъ и обширною научною и агитаторскою литературою, если въ нѣдрахъ самаго буддизма являются новаторы въ духѣ Дебендера Насъ Тагоре и Кешабъ Чандеръ Сина, то, съ другой стороны, къ исламу европейцы относились и относятся всегда съ безусловною и традиціонною враждебностью; исламъ слыветъ за религію застоя и фанатизма, религію, одинаково враждебную и человѣческой свободѣ, и наукѣ и искусству; послѣдователи ислама — исконные враги христіанскаго міра; немногочисленные послѣдователи ислама среди европейцевъ либо ренегаты, либо люди безъ вліянія.

Тѣмъ не менѣе исламъ міровая сила. „Эта великая интернаціоналка съ зеленымъ знаменемъ“, какъ выражается извѣстный знатокъ ислама *Гурхронь*, располагаетъ 173.000.000 послѣдователей, что составляетъ приблизительно 11,5% всего человѣчества; въ Индійской Имперіи насчитывается до 58.000.000 магометанъ, въ Нидерландскихъ колоніяхъ болѣе 30.000.000, среди 140 народовъ, населяющихъ нашу Россію, 54 исповѣдуютъ религію пророка; общее число магометанъ достигаютъ у насъ приблизительно 12 милліоновъ, отъ 18 до 25 тысячъ русскихъ подданныхъ идутъ ежегодно на „Хаджъ“ на паломничество въ центры ислама, Мекку и Медину.

Съ подобною силою необходимо серьезно считаться. Знатоки нидерландскихъ колоній усматриваютъ въ исламѣ величайшую опасность для существованія голландской власти вообще (*А. Шрейберъ*). Подобнаго же рода мнѣнія объ опасности ислама для спокойствія государственнаго

горячо проводились и въ англійской и въ нашей русской печати.

По тому элементарному складу, въ которомъ донынѣ пребываетъ исламъ, онъ, по нашему мнѣнію, имѣетъ обаяніе прежде всего только для темной массы. Въ исламѣ мало сверхчувственнаго, мало отвлеченной мысли, но много увлеченія осязательной чувственной реальностью; исламъ имѣетъ строго регулированную обрядность, замѣняющую для толпы истинное проникновеніе религіозною мыслью; исламъ даетъ удобопонятный и хорошо продуманный кодексъ нравственныхъ и правовыхъ опредѣленій; онъ проникнутъ идеею благотворенія слабому, но въ тоже время это—религія сильнаго, религія мужчины, обезпечивающая ему власть надъ женщиною. Одинъ изъ африканскихъ миссіонеровъ, съ которымъ мы бесѣдовали по поводу быстраго распространенія ислама въ Африкѣ, указалъ, между прочимъ, на то, что проповѣдниками ислама являются люди толпы, торгаши арабы или дервиши, и они говорятъ негру ему понятнымъ языкомъ и входятъ въ его міровоззрѣніе. Миссіонеры же живутъ въ большинствѣ случаевъ жизнью господъ и не только по своей отвлеченной религіи, но и по образу жизни стоятъ слишкомъ высоко надъ сферою негра.

Но если исламъ въ своей традиціонной формѣ является религіею менѣе культурныхъ народовъ, то все же для насъ возникаетъ вопросъ о способности ислама къ высшему развитію. *Литтке*, *Гаури* и другіе отрицаютъ будущность ислама; исламъ подлежитъ, по ихъ мнѣнію уничтоженію. Покойный *Гельвальдъ* утверждалъ даже, что главные носители ислама, туранскіе народы, совершенно неспособны къ культурѣ.

Ближайшее знакомство съ мусульманами и съ исторіею ислама убѣдили насъ въ томъ, что среди туранцевъ не мало свѣжихъ и жизнеспособныхъ народовъ и что застой не лежитъ въ основѣ ислама, а обусловливается лишь малокультурностью и исторической замкнутостью его носителей.

Магометъ не далъ своему ученію тѣсныхъ рамокъ; онъ неоднократно видоизмѣнялъ его и предоставилъ широкій просторъ толкованіямъ: онъ не чуждъ былъ сомнѣніямъ даже на смертномъ ложѣ и понынѣ магометане съ трепетомъ вспоминаютъ, какъ онъ въ лихорадочномъ бреду молилъ: „О, духъ мой, почему ищешь ты убѣжища въ иномъ мѣстѣ, а не у Бога единаго?“

Исканіе истины лежитъ въ основѣ мессіанизма, которымъ проникнуто ученіе ислама.—Настанетъ вѣкъ справедливости. Явится исцѣлитель всѣхъ несчастій жизненныхъ и злобъ дневныхъ. Его ждутъ съ тоскою люди, сознательно смотрящіе на жизнь, ждетъ его и страждущая темная толпа, изнемогшая подъ бременемъ вѣковой несправедливости... *Ибнъ Батута* (1346 г.) разсказываетъ, что въ Гилла входъ въ мечеть былъ закрытъ шелковою завѣсою. За этою завѣсою нѣкогда скрылся послѣдній имамъ; отсюда же выйдетъ онъ, когда настанетъ время, какъ обновитель міра, какъ махди. Ежедневно къ этимъ вратамъ приближается толпа людей съ оружіемъ въ рукахъ, съ трубами и тимпанами и съ осѣдланнымъ конемъ для махди. Они взываютъ къ нему: „приди, властитель временъ. Одолѣли насъ тиранія и злоба. Настало время, чтобы ты выступилъ и чтобы Аллахъ черезъ посредство твое указалъ намъ, гдѣ правда и гдѣ ложь“. Этотъ вопль безсильной души, этотъ призывъ къ исцѣлителю міра раздавался съ наибольшею напряженностью въ кульминаціонныя эпохи деспотизма и религіозной нетерпимости и въ долгіе періоды упадка нравственной и жизненной силы. Поэтому, исторія ислама столь богата лжемахдіями. Точно также послѣдній махди въ Суданѣ вознесенъ былъ толпою, предчувствовавшей гибель добраго стараго времени въ виду вторженія европейцевъ въ Суданъ.

Глубокаго вниманія заслуживаютъ, съ нашей точки зрѣнія, раціоналистическія движенія въ исламѣ, хотя толпа всюду низводитъ мысль, чуткую къ истинѣ, на внѣшній формальный обликъ ея. Но, поучительную картину въ этомъ отношеніи представляетъ намъ и хваленый буддизмъ, съ своею жалкою идолопоклонническою обрядностью, и точно также въ области ислама мы сталкиваемся съ многочисленными искаженіями ученій, чистыхъ и достойныхъ вниманія, но опередившихъ толпу.

Карматы, секта мессіанистовъ, сохранившихся понынѣ въ остаткахъ въ сѣверной Сиріи, дошли до крайнихъ идеаловъ коммунизма, до общности имущества и женъ, до отмѣны „ига поста и молитвы“; выше всего они ставили „познаніе Господа“. При этомъ познаніи не могло болѣе существовать „ни грѣховъ, ни кары“. Карматы поднялись противъ Мекки; они наполнили священный колодезь Земземъ трупами и похитили священный черный камень.

Столь распространенный понынѣ суфизмъ пред-

полагаетъ, исходя изъ грандіозныхъ пантеистическихъ представленій, возможность единенія человѣка съ Богомъ и сближается такимъ образомъ съ ученіемъ философа Плотина. Единеніе это достигается постепенно путемъ поста и молитвы. Въ суфизмѣ лежатъ богатые задатки этическихъ началъ, получившіе свое развитіе въ бабизмѣ. Создатель бабизма, суфистъ Мирза Али-Магометъ изъ Шираза, прозванный бабъ (врата), такъ какъ онъ открылъ доступъ къ Богу, былъ мягкою мистическою натурою съ болѣзно-повышеннымъ этическимъ чутьемъ. Не вдаваясь въ догматическую и космогоническую сторону ученія Баба, мы отмѣтимъ лишь, что онъ былъ противникомъ многоженства и столь обычныхъ въ Персіи кратковременныхъ браковъ; женщина должна была показываться безъ покрывала; внѣшніе обряды ислама, въ родѣ ритуальнаго омовенія и т. д., отмѣнялись.

Въ 1849 году онъ былъ казненъ, и вмѣстѣ съ нимъ и послѣ него погибло множество его послѣдователей; казнена была и знаменитая передовая женщина Персіи Гурремъ-уль-Аинъ, красавица-апостолъ, успѣшно вербовавшая своими краснорѣчивыми проповѣдями послѣдователей своему учителю. Духовная сила, проявленная бабистами въ эпоху гоненія на нихъ, была изумительна: женщины и дѣти шли подъ охраною своихъ палачей по улицамъ Тегерана съ горящими фитилями въ открытыхъ ранахъ и громко пѣли: „отъ Бога мы пришли и къ нему мы возвращаемся".

Этимъ полумистическимъ и во всякомъ случаѣ глубоко-религіознымъ сектамъ мы можемъ противопоставить рядъ сектъ чисто раціоналистическихъ. Такъ мутазилиты (отщепенцы), имѣвшіе успѣхъ при первыхъ Аббасидахъ, отрицали коранъ какъ откровеніе, отстаивали свободу воли и возможность достигнуть познанія Аллаха путемъ разума. Еще далѣе въ раціонализмѣ ушли члены тайнаго сообщества „чистыхъ братьевъ" въ Басрѣ, и мысли ихъ находятъ до послѣдняго времени откликъ въ интеллигентныхъ мусульманскихъ кружкахъ. Свободномыслящими явились, наконецъ, еще до занятія тюрками Константинополя дервиши въ Малой Азіи. Они проповѣдывали свободу и равенство, общность имущества, отмѣнили внѣшнія постановленія корана и искали единенія съ христіанами. Побѣжденный при Кара-Буру вождь ихъ Мустафа былъ распятъ на доскѣ и въ такомъ видѣ доставленъ въ Эфесъ. Толпившіеся вокругъ него послѣдователи его закалывали себя съ крикомъ: „Деде султанъ (верховный султанъ), возьми насъ съ собою въ царствіе твое!"

Исламъ упрекаютъ въ томъ, что онъ чуждъ наукѣ и искусству, но при этомъ забываютъ услуги, оказанныя культурѣ арабскою наукою и арабскимъ искусствомъ, забываютъ и то, что наука и искусство въ исламѣ отнюдь не отдѣлились отъ религіозной почвы и, поэтому, не могутъ быть сравниваемы съ мірскою наукою и мірскимъ искусствомъ европейцевъ. Во всякомъ случаѣ, уже „Сунна" классифицируетъ людей на учащихся и на знающихъ. „Кто не принадлежитъ ни къ тѣмъ, ни другимъ, тотъ—червь, никуда негодный..."

Намъ лично приходилось сталкиваться со многими магометанами, жаждущими знанія, и видѣть при посѣщеніи магометанскихъ школъ то искреннее увлеченіе, съ которымъ старый и малый относились къ словамъ опытныхъ толкователей своеобразной арабской мудрости. Не можемъ не вспомнить, наконецъ, что исламъ не чуждъ женскому образованію. Въ Стамбулѣ существуютъ особые часы занятій въ школахъ для женщинъ, а въ Меккѣ, въ этомъ очагѣ ислама, по сообщеніямъ *Гурхроня*, открыты высшіе женскіе курсы, гдѣ женщинъ знакомятъ съ богословіемъ, этикою и юриспруденціею, насколько они касаются правового положенія женщины.

Заканчивая наши строки, мы не можемъ не высказаться еще разъ противъ призыва къ насильственному подавленію ислама. Попытки къ истребленію и къ подавленію религіозныхъ ученій создавали повсюду фанатиковъ. Мы согласны съ тѣмъ, что исламъ въ элементарной формѣ есть удѣлъ малокультурныхъ народностей; но мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы онъ не могъ быть мирнымъ путемъ приподнятъ на высшую ступень.

Образованіе, распространяемое среди представителей ислама, падетъ на добрую почву, такъ какъ въ самомъ исламѣ уже неоднократно проявлялись задатки и даже зачатки къ дальнѣйшему развитію.

Проф. Э. Ю. Петри.

ОСЕНЬЮ.

Пусть ни солнца, ни ясной лазури
Я не вижу ужъ нѣсколько дней,
Выростаютъ приспѣшницы бури,
Тучи въ образѣ мрачныхъ тѣней;

Пусть, какъ звѣрь разъяренный, голодный,
Вѣтеръ воемъ начнетъ донимать,
Или стонетъ, какъ въ скорби безплодной
Потерявшее дѣтище мать;

Безразсвѣтныя, долгія ночи
Угнетаютъ и душу, и умъ,
И на сонъ не смежаются очи
Отъ наплыва назойливыхъ думъ, —

Все-жъ я прочь прогоняю сомнѣнья,
На ненастные дни не ропщу
И во гнѣвѣ природы знаменья
Я сокрытаго смысла ищу...

Еслибъ осень весну не смѣняла,
Насъ, томящихся счастьемъ дѣтей,
Красота бы весны не плѣняла,
Равнодушны мы были бы къ ней..

И при вѣчномъ сіяньи лазури,
Среди вѣчной тиши, у судьбы
Вѣрно стали бъ вымаливать бури
Наслажденій грѣховныхъ рабы...

Петръ Быковъ.

ИЗЪ СКАЗОКЪ ЖИЗНИ.

I.

БЕРЕЗКА И ДУБЪ.

Ты знаешь темный лѣсъ, что̀ на краю оврага? Вчера туда я вечеромъ ходилъ... Я видѣлъ тамъ столѣтній дубъ, высокій и тѣнистый. Изъ-за разодранной его коры дупло темнѣло, и сѣрый мохъ весь стволъ его покрылъ.

И тутъ же, рядомъ съ нимъ, я увидалъ березку. Свѣтлымъ пятномъ выступала ея блѣдная, нѣжная зелень на темной дубовой листвѣ. Дубъ тѣнью своею березку прикрылъ, былъ ей защитой отъ бурь, но зато ни вольнаго вѣтра порывъ, ни солнечный лучъ золотистый не пробивались сквозь листву могучаго старца.

Такъ, въ покоѣ березка росла, но безъ воли, простора и свѣта,—въ вѣчной тѣни и затишьи.

„Была ли довольна она? "спросилъ я себя.

И березка дала мнѣ отвѣтъ.

Тихимъ шелестомъ листьевъ она мнѣ промолвила: „Нѣтъ!"

II.

ЦВѢТЫ.

Прелестную дѣвочку я видѣлъ недавно. Бѣдняжка была очень больна... Такая худенькая, блѣдная,—сидѣла она у окна, грѣясь на солнцѣ.

— Нарвать бы цвѣточковъ мнѣ, мама!—сказала она.

Мать пошла и цвѣтовъ нарвала.

Къ вечеру стали вянуть цвѣты...

— Вотъ цвѣточки и умерли... Недолго цвѣточки живутъ!—лепечетъ малютка.

На утро ей мама цвѣточковъ опять принесла...

Осень настала; съ полуночи дунуло холодомъ, и стали цвѣты погибать. Послѣднюю розу мать принесла малюткѣ больной.

— Отчего, скажи мнѣ, мама, цвѣтики вянутъ такъ скоро?—спросила малютка.

— Они слишкомъ нѣжны, голубка! Холодъ земли не для нихъ...

Замолкла малютка, но взглядъ ея глазокъ лучистыхъ, словно съ какимъ-то тревожнымъ вопросомъ, упалъ на увядшую розу...

Какъ-то вскорѣ въ тотъ домъ я зашелъ...

Малютка лежала въ гробу, вся въ цвѣтахъ, и сама—какъ прекрасный завядшій цвѣтокъ.

Въ черной ризѣ священникъ молился у гроба. Было слышно, какъ мама и няня горько, безутѣшно рыдали, и звякало глухо цѣпочкой кадило. Въ гробу были розы, левкои, душистый горошекъ и астры и много цвѣточковъ другихъ: не въ саду ихъ нарвали, купили въ теплицѣ...

И я видѣлъ сквозь дымъ синеватый отъ ладана, какъ одна маргаритка нѣжно приникла къ блѣдной, холодной щекѣ навѣки заснувшей малютки и, словно съ печали сама поблѣднѣвъ, тихо шептала:

„Недолго цвѣточки живутъ“...

П. Засодимскій.

ИСПЫТАНІЕ.

Несчастный юноша уныло
Въ тоскѣ сердечной умиралъ;
Предъ нимъ толпою бѣлокрылой
Сонмъ небожителей леталъ.
Они вились толпою тѣсной,
Онъ слышалъ легкій ихъ полетъ,
И слышалъ онъ, какъ хоръ небесный
О раѣ пѣснь его поетъ:

«Усни отъ мукъ въ землѣ суровой,
Проснися въ нашихъ небесахъ;
Мы міръ тебѣ покажемъ новый
Въ безсмертныхъ образахъ и снахъ.
Тамъ незакатно день счастливый
Сіяетъ радугой лучей!»
— Оставьте мнѣ луга и нивы
Печальной родины моей.

«Простись съ тревогою земною,—
Нашъ рай исполненъ тишины.
Исполненъ жизнью молодою
Неувядаемой весны.
Въ блаженствѣ, въ играхъ ликованья,
Тамъ позабудешь вопль земныхъ!»
— Оставьте мнѣ мои страданья,
Оставьте горечь слёзъ моихъ!

«Простись съ борьбой! Въ нашъ міръ отрадный
Лети,—онъ любящъ и великъ,—
Онъ горькой лжи и мести жадной
Еще отъ вѣка не постигъ!»
— Нѣтъ, не ищу я совершенства,—
Рожденный въ прахѣ для борьбы!
Не жду я вѣчнаго блаженства
Иной, заоблачной судьбы!»

«Здѣсь грусть, здѣсь ропщетъ міръ лукавый,
Здѣсь клевета и произволъ...
А тамъ міры сіяютъ славой,
Тамъ Бога вѣчнаго престолъ.
Блуждая съ нами въ мглѣ эфира,
Ты станешь небо воспѣвать!..
— Хочу я пѣть страдальцевъ міра,
Хочу со слабыми страдать.

Взмахнули ангелы крылами,
Благословивъ страдальца жить.
«Не улетай на небо съ нами,—
Еще ты можешь здѣсь любить!..»
Сказали... и теряться стали
Въ воздушной, лучезарной мглѣ.
И, улетая, прошептали:
«Живи счастливо на землѣ!»

К. Фофановъ.

ПИСАТЕЛЬ ПРОШЕНІИ.

Лучшимъ представителемъ типа, подходящаго подъ это заглавіе, служитъ отставной губернскій секретарь Яковъ Андреевичъ. Такой полный и законченный типъ можетъ выработаться только въ одномъ Петербургѣ и больше нигдѣ. Въ Москвѣ, напримѣръ, въ большомъ ходу „подъячій изъ-подъ Иверской", который за небольшую плату настрочитъ, не задумываясь, какое угодно прошеніе; въ Петербургѣ, въ трактирахъ, портерныхъ и даже питейныхъ домахъ всегда толчется сомнительно одѣтый субъектъ, готовый настрочить и жалобу, и просьбу и даже апелляцію, но все это большей частью обыкновенные пропойцы и типа собою не представляютъ. Яковъ же Андреевичъ—настоящій типъ и при томъ такой, съ которымъ интересно познакомиться.

Познакомился я съ нимъ совершенно случайно, присматривался нѣкоторое время къ его личности и работѣ, и даже собирался когда-нибудь описать его, но потомъ какъ то потерялъ его изъ вида, а затѣмъ наше случайное знакомство кончилось тѣмъ, что я нежданно-негаданно попалъ къ нему на похороны.

Въ 1895 году въ Петербургѣ было сильное наводненіе, затопившее чуть не половину Гавани и вызвавшее обильный потопъ благотворительности. Въ контору „Новаго Времени" стекалась масса денежныхъ пожертвованій, распредѣлять которыя между пострадавшими отъ воды редакція поручила мнѣ и А. Н. Черману. Наши раздачи въ Гавани вызвали массу просительныхъ писемъ и прошеній, которыми насъ осаждали и въ редакціи, и въ квартирахъ. Письма эти получались сотнями, большею частью по городской почтѣ и вполнѣ оплаченныя. Главная особенность ихъ заключалась въ ужаснѣйшей безграмотности, скверномъ почеркѣ и приниженномъ тонѣ. Почти всѣ они начинались словами „ваше превосходительство", а иногда и „ваше высокопревосходительство", непремѣнно заключали въ себѣ стереотипную фразу „припадаю къ милостивымъ стопамъ вашимъ" и заканчивались увѣреніями во „всенижайшей" преданности. Шаблонъ былъ одинъ и тотъ же, общій и мало располагающій.

Но въ одинъ изъ вечеровъ, разбирая только-что поданную почтальономъ почту этой грустной литературы, я невольно остановился надъ тремя прошеніями, написанными прекраснымъ почеркомъ, безъ „превосходительствъ", вполнѣ грамотно и въ очень сдержанномъ и порядочномъ тонѣ. Бумага была бѣлая, толстая, хорошая, „министерская" и аккуратно сложенная, какъ складываютъ прошенія. Это было среди безграмотнаго хлама своего рода неожиданностью. Содержаніе же оказалось еще болѣе неожиданнымъ. Въ одномъ изъ прошеній значилось:

„Мм. Гг. Господа Чеховъ и Черманъ! Я стара и слѣпа, живу въ углу и страдаю ревматизмами. Выходить на улицу, чтобы поймать васъ, когда вы раздаете помощь, я не въ силахъ, къ тому же меня, слабую старуху, и оттѣснили бы. Ждать, пока очередь дойдетъ до моего угла, мнѣ очень трудно. Въ моемъ углу вода стояла выше полутора аршина. Я голодна и давно уже у меня не топлено. Будьте добры, загляните ко мнѣ не въ очередь. Солдатка—вдова 64 лѣтъ, такая-то". Адресъ—гаванскій.

Такое неожиданное „прошеніе" не могло, конечно, не остановить на себѣ вниманія, и я невольно заинтересовался не только солдаткой-вдовой, но и авторомъ письма. Такихъ писемъ было подано три.

На другой день я раздавалъ въ Коломнѣ, на слѣдующій—на задахъ Васильевскаго острова и на третій—кажется, снова въ Коломнѣ, такъ что въ Гавани не былъ три дня. Но за это время мой интересъ къ автору прошеній и къ его кліентамъ значительно ослабѣлъ. Дѣло въ томъ, что за эти дни получилось еще девять новыхъ такихъ же писемъ. Ясно было, что въ Гавани завелся какой-то молодецъ—вѣрнѣе всего пропойца,—который пишетъ пострадавшимъ прошенія за деньги и, такимъ образомъ, эксплоатируетъ и безъ того небогатую публику. Обиліе писемъ испортило все дѣло. Было очень правдоподобно предположить, что авторъ писемъ перекочевалъ въ Гавань изъ другой части города, какъ только почуялъ наживу. Такихъ кочевниковъ оказалось не мало. Какъ только разнеслась вѣсть о томъ, что въ Гавани „раздаютъ"—населеніе этой мѣстности сразу

увеличилось разнымъ пришлымъ сбродомъ, отъ котораго мѣстные обитатели не знали, какъ и отдѣлаться.

Тѣмъ не менѣе, попавъ снова въ Гавань, я побывалъ у старухи-солдатки не въ очередь и съ перваго же взгляда убѣдился, что въ письмѣ не было ничего преувеличеннаго. Картина была списана съ натуры очень вѣрно. Вручая пособіе, я все-таки спросилъ старуху, сколько она заплатила „писарю" за прошеніе?

— Ничего, батюшка, не заплатила. Яковъ Андреевичъ, дай Богъ ему здоровья, даромъ написалъ. И бумага и конвертъ—его. Знаетъ мою бѣдность и ни копѣечки не взялъ.

— А кто этотъ Яковъ Андреевичъ?

— Человѣкъ добрый такой... Въ Гавани, здѣсь же живетъ и самъ—бѣдный.

— Чѣмъ онъ живетъ?

— А не знаю, батюшка. Говорятъ, прошенія разныя и письма пишетъ. Слѣпа я: никогда его не видала.

Результатомъ этого разговора было то, что я, тоже не въ очередь, пошелъ и по другому письму Якова Андреевича. И тутъ все оказалось вѣрно и согласно съ описаніемъ: вдова, пятеро дѣтей и вода на аршинъ съ четвертью. И здѣсь Яковъ Андреевичъ не взялъ ничего ни за трудъ, ни за бумагу.

— Гдѣ онъ живетъ?—спросилъ я.

— Здѣсь же, въ Гавани; улица такая-то, домъ такой-то. Только его теперь дома нѣтъ: онъ цѣлый день проводитъ въ городѣ. Утромъ уходитъ и только вечеромъ домой ночевать приходитъ.

— Что же, онъ въ городѣ служитъ или такъ чѣмъ занимается?

— Говорятъ, будто купечеству бумаги разныя пишетъ и просьбы сочиняетъ.

— А вода у него въ квартирѣ была?

— Была; какъ въ подвалѣ водѣ не быть? У всѣхъ вода стояла. И его затопило. Оттого онъ намъ даромъ и пишетъ, что самъ бѣду испыталъ.

— Давно онъ въ Гавани живетъ?

— Давно уже: не то два, не то три года... навѣрно не упомню.

Въ третьемъ мѣстѣ на мои разспросы мнѣ прямо заявили:

— Нѣтъ, г. попечитель, вы не думайте, чтобы онъ это за деньги. Не такой онъ человѣкъ. У самого нѣтъ ничего, а насъ бѣдныхъ жалѣетъ. Самъ ко мнѣ пришелъ. Ты, говоритъ, сирота, тебя пожалѣть некому; приходи ко мнѣ вечеромъ, я тебѣ прошеньишко напишу такое, что подѣйствуетъ... И вѣрно, что подѣйствовало: вы вотъ пожаловали и помогли...

— А что онъ старъ или молодъ?

— Такъ себѣ: средственныхъ лѣтъ.

Странствованія наши продолжались довольно долго. Побывалъ я и въ домѣ, гдѣ жилъ Яковъ Андреевичъ, но его не засталъ. Впрочемъ, о немъ скоро пришлось забыть. Прошенія его прекратились, а дѣла по раздачѣ съ каждымъ днемъ все прибавлялось. Пріѣзжали мы по утрамъ и уѣзжали, когда смеркалось и при этомъ насъ такъ тормошили, что мы рады бывали вырваться. Думать намъ было некогда. Одинъ только разъ среди этой алчной толпы, уже подъ самый конецъ раздачи, мнѣ пришлось натолкнуться на необычайный фактъ. Въ то время, какъ гаванцы, у которыхъ уже успѣли разыграться аппетиты, старались содрать съ насъ, какъ можно больше, нашелся единственный человѣкъ, который отказался отъ подачки. Это былъ худой, блѣдный и довольно бѣдно одѣтый мужчина лѣтъ подъ сорокъ, обитавшій въ подвалѣ.

— Нѣтъ, покорно васъ благодарю; мнѣ помощи не нужно,—сказалъ онъ мнѣ, когда я посѣтилъ его убогую подвальную конурку.

— Развѣ вы не пострадали отъ воды?—спросилъ я не безъ удивленія.

— Пострадалъ, какъ и всѣ въ этомъ домѣ, но взять вашей помощи не могу: я кое-что зарабатываю. Благодарю васъ за вниманіе и за участіе. Сосѣдямъ, вотъ, дайте: они дѣйствительно бѣдны.

Его фигура и болѣзненный видъ надолго врѣзались у меня въ памяти. Когда я потомъ взглянулъ на улицѣ на ворота, то прочелъ тотъ самый номеръ, въ которомъ жилъ Яковъ Андреевичъ. Очевидно, что я только-что бесѣдовалъ съ нимъ. Но возвращаться назадъ было уже поздно: надо было принимать мѣры къ тому, чтобы удирать отъ нароставшей толпы разнаго сброда, преслѣдовавшей насъ на улицѣ и становившейся опасною.

Вскорѣ затѣмъ наши поѣздки въ Гавань прекратились совсѣмъ, и Яковъ Андреевичъ испарился у меня изъ памяти совершенно. Вспоминалъ я о немъ рѣдко, да и то только вскользь, какъ о явленіи, давно минувшемъ. Но все-таки судьбѣ угодно было, чтобы онъ напомнилъ о себѣ.

Пришла весна. Нева вскрылась. Я ходилъ по Калашниковской пристани и фотографировалъ

Е. Е. Волковъ.

Жаркая пора.

барки съ хлѣбомъ, только что пришедшія въ Петербургъ по Маріинской системѣ. День былъ солнечный и ясный, но къ полудню на небо неожиданно набѣжала черная туча, и изъ нея полилъ дождь, какъ изъ ведра. Пришлось спасаться, а главное—спасать камеру. Я юркнулъ поэтому въ первый попавшійся трактиръ. Это оказалось заведеніе средней руки, но съ чистой половиной, гдѣ въ это время стоялъ гулъ отъ нѣсколькихъ десятковъ голосовъ: калашниковское купечество совершало здѣсь сдѣлки.

Я спросилъ себѣ чаю, твердо рѣшивъ не покидать своего столика до тѣхъ поръ, пока не утихнетъ дождь. Купечество и его сдѣлки и разговоры нисколько меня не интересовали, но прислушиваться и присматриваться все-таки приходилось, чтобы не страдать отъ скуки Оглядывая окружавшую меня публику, я къ удивленію увидѣлъ за однимъ изъ столиковъ знакомое мнѣ лицо. Это былъ тотъ самый господинъ, которому я предлагалъ въ Гавани помощь и который отказался отъ нея. Онъ былъ попрежнему худощавъ и блѣденъ и сидѣлъ одиноко передъ двумя фарфоровыми чайниками и пустымъ стаканомъ. Костюмъ его былъ не первой свѣжести и бѣлье не щеголяло бѣлизной. Но держалъ онъ себя независимо и по выраженію лица его было видно, что онъ нисколько не конфузится своей бѣдности и костюма и чувствуетъ себя среди купечества, какъ дома. Это подтверждалось и тѣмъ, что всѣ почти вновь входившіе посѣтители, проходя мимо него, дружески пожимали ему руку, произнося одну и ту же фразу:

— Якову Андреевичу... Наше вамъ-съ.

Онъ отвѣчалъ молча. Къ разговорамъ и ко всему окружающему онъ относился съ полнымъ равнодушіемъ и на вопросы отвѣчалъ коротко. Я сидѣлъ отъ него близко и всѣ разговоры съ нимъ долетали до меня довольно явственно. Всѣ они были лаконичны и мало для меня понятны. Минутъ черезъ пять послѣ того, какъ я вошелъ, къ нему подошелъ купецъ въ долгополомъ сюртукѣ и, тронувъ его за плечо, заговорилъ:

— Такъ не напишешь, Яша?

— Нѣтъ. Сказалъ: не буду писать— и не приставай,—отвѣтилъ неохотно Яковъ Андреевичъ.

— Да вѣдь дѣло-то какое! Большое вѣдь дѣло-то!—настаивалъ купецъ.

— Большое, да нечистое. По такимъ дѣламъ я неграмотенъ.

— Экій ты упрямый какой, — проговорилъ съ оттѣнкомъ горечи купецъ и отошелъ въ сторону.

Черезъ нѣсколько минутъ къ нему подошелъ другой купецъ въ дурно сшитомъ смокингѣ.

— Контрактецъ написать надо, Яшенька.

— Партію закупилъ?

— Именно. Восемьсотъ кулей.

— Что-жъ, можно. Часика въ три зайду въ контору.

— Въ три такъ въ три. Велю конторщику ждать тебя. Ты черновичекъ оформи, а тамъ прочтемъ, сообразимъ и перебѣлимъ, а завтра, Богъ дастъ, и подпишемъ.

— Ладно.

Этого собесѣдника смѣнилъ третій со сложенной бумагой въ рукахъ.

— Есть такая статья, чтобы это у нотаріуса свидѣтельствовать?

Яковъ Андреевичъ молча развернулъ бумагу, прочелъ и коротко отвѣтилъ:

— Есть. Марка въ восемь гривенъ.

Дальнѣйшіе разговоры велись въ томъ же тонѣ и съ тѣмъ же лаконизмомъ. Судя по этимъ отрывкамъ и по увѣренности отвѣтовъ, можно было на худой конецъ заключить, что Яковъ Андреевичъ среди здѣшняго купечества играетъ роль чего-то въ родѣ юрисконсульта, которому до нѣкоторой степени не чужды и семейныя дѣла. Это я заключилъ изъ такой бесѣды:

— Племянницу мою, Глашу, помнишь?—спрашиваетъ сытый, краснощекій купецъ.

— Помню. Дѣвица прекрасная.

— Объ Красной Горкѣ съ рукъ сбываемъ. Хорошій человѣкъ нашелся: нашъ братъ—лапотникъ.

— Что-же, дѣло доброе.

— Такъ вотъ по этому самому случаю документикъ одинъ оборудовать требуется: въ сиротскій судъ.

— Можно, оборудуемъ. Давай Богъ совѣтъ да любовь.

— Водочки не хочешь ли?

— Пожалуй, если не тягостно.

— Для тебя-то? Эко словцо отлилъ...

Чѣмъ дольше я присматривался къ этому незнакомому для меня случайному знакомцу, тѣмъ сильнѣе тянуло меня вступить съ нимъ въ разговоръ. Но это мнѣ не удалось. По распоряженію купца-„лапотника“ была подана выпивка и закуска и завязался дѣловой разговоръ. Къ тому

же и дождь, повинуясь капризной петербургской веснѣ, смѣнился яркимъ солнцемъ. Надо было уходить. Расплачиваясь за чай, я не преминулъ спросить шепотомъ у прислуги:

— Кто этотъ блѣдный господинъ за вторымъ столикомъ?

— Прошенія разныя пишутъ-съ и документы составляютъ. У купечества въ почетѣ.

— По части несостоятельности орудуетъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Боже сохрани. За такія дѣла они не берутся и ежели что не чисто, такъ и заговаривать съ ними не смѣй: на одной честности живутъ. За это ихъ и уважаютъ. Одно скверно: грудью страдаютъ и кровью кашляютъ.

— И дорого беретъ за труды?

— Совсѣмъ безсребренники. Кто накормитъ, кто напоитъ чайкомъ, а у кого монетку на конку возьмутъ: далеко живутъ—въ Гавани. Очень ими купечество дорожитъ-съ...

Черезъ недѣлю я снова побывалъ въ этомъ же трактирѣ и съ спеціальной цѣлью повидать Якова Андреевича. Но его не оказалось. Зато мнѣ удалось разговориться съ однимъ изъ купцовъ.

— Вы на счетъ Якова Андреевича?—заговорилъ купецъ въ отвѣтъ на мои разспросы. — Мы его больше Яшей зовемъ за его незлобіе. Чистъ, все равно, какъ младенецъ. Сколько лѣтъ онъ у насъ тутъ дѣла дѣлаетъ, а никто, ни одинъ человѣкъ про него худого слова сказать не можетъ. А для нашего брата человѣкъ онъ прямо дорогой изъ дорогихъ и цѣны ему нѣтъ. Онъ не то, чтобы адвокатъ или законникъ, скажемъ, а просто одни только прошенія пишетъ. Къ слову скажемъ, такъ: партія у меня хлѣба пришла съ Поволжья и надо мнѣ съ нею въ интендантство толкнуться. Я по этой части человѣкъ не свѣдущій, руки тамъ у меня нѣтъ и ходовъ не знаю. Иду къ Яшѣ и, если дѣло мое правое и безгрѣшное, такъ онъ скажетъ: „ладно“, подумаетъ и сейчасъ же и настрочитъ. Даръ у него на это, должно быть, особенный есть. Напишетъ коротко: все его писаніе въ одну осьмушку убрать можно, а выходитъ, и ясно и дѣльно. Всю твою коммерческую нужду, какъ на ладони выложитъ. Былъ у насъ здѣсь другой грамотей; такъ тотъ меньше, какъ на двухъ листахъ ни одного дѣла не уписывалъ, а толку меньше выходило. Дальше, скажемъ, нужно мнѣ на счетъ торговъ въ присутственное мѣсто или на счетъ переборовъ, нагрузки или перегрузки въ правленіе желѣзной дороги бумагу подать—опять тотъ же Яша сочиняетъ. Контракты съ судовщиками или что другое по нашей части—все онъ же. А главное въ немъ то важно, что если онъ написалъ, такъ подписывай, хоть зажмуря глаза. И читать не надо: все вѣрно. Да чего больше: если сына или дочь въ гимназію или пансіонъ опредѣлить, скажемъ, требуется, такъ и то къ нему обращаемся. Зато ужъ если видитъ, что дѣло неправое, съ душкомъ или по части несостоятельности и злостнаго банкротства, такъ это къ нему и не подходи: слабый, не видать, въ чемъ душа держится, а такъ разнесетъ, что иному дай Богъ только ноги унести. Вотъ онъ у насъ какой человѣкъ.

— Говорятъ, что онъ безсребренникъ? Правда это?

— Такая правда-истина, что и говорить нечего. Можно сказать: не онъ нами живетъ, а мы изъ него пользу для себя пріобрѣтаемъ. Никогда не торгуется, въ споры не вступаетъ, а всѣ мы ему должны. Теперь, скажемъ, поступаетъ онъ такъ. Нужна мнѣ бумага — онъ напишетъ, а на счетъ благодарности говоритъ: „Не надо теперь мнѣ, пусть за тобою останется. Придетъ время за комнату платить — зайду къ тебѣ въ лабазъ, вели мнѣ рублевку выдать, да позволь на твой счетъ иногда здѣсь селяночку или котлетку съѣсть“... Ну и, понятно, — съ радостью... Если когда въ лабазъ къ тебѣ заглянетъ, такъ словно онъ тебѣ какой почетъ особенный оказалъ: не знаешь, куда и посадить... Не крѣпокъ только онъ здоровьемъ: въ грудяхъ у него что-то не ладно... Это что у васъ? Фотографія? И снимать можете? А я давно желалъ сняться... и съ семействомъ... Не желаете ли водочки? И селяночку можно...

Немного времени спустя, удача настолько улыбнулась мнѣ, что Яковъ Андреевичъ самъ, какъ говорится, набѣжалъ на меня, какъ звѣрь бѣжитъ на ловца. Даже заговорилъ онъ со мною первый.

Ѣхалъ я по Николаевской дорогѣ искать для своей семьи дачу. Въ одномъ вагонѣ со мною, и даже какъ-разъ противъ меня, ѣхалъ и Яковъ Андреевичъ. Раскланялись, какъ люди уже одинъ разъ встрѣчавшіеся.

— Надѣлали же вы дѣловъ въ Гавани,—заговорилъ онъ, когда поѣздъ тронулся.—Правда, добра много и даже очень много сдѣлали: накормили массу голодныхъ, согрѣли, обсушили, одѣли

и обули чуть не всю Гавань, но зато и зла порядочно принесли: деморализовали огромную долю населенія. Рабочіе перестали ходить на фабрики и заводы, бабы и дѣвки-папиросницы бросили работу и стали караулить по цѣлымъ днямъ „благодѣтелей"... Сброда разнаго сколько вы привлекли въ нашу тихую мѣстность... Теперь, слава Богу, когда подачки прекратились, все опять вошло въ норму, но все-таки результатъ получился отрицательный.

— А именно?

— А именно то, что гаванцы, разлакомившись вашими щедротами, при всякомъ ничтожномъ вѣтеркѣ съ моря искренно молятъ Бога, чтобы ихъ снова залило водою.

Разговорились дальше. Собесѣдникъ мой оказался словоохотливъ и, несмотря на приступы очень скверкаго кашля, отвѣчалъ на мои разспросы очень охотно. Онъ ѣхалъ тоже искать дачу, или, вѣрнѣе, такой уголокъ, гдѣ бы легче дышалось его наболѣвшей груди. Съ этою же цѣлью онъ и выбралъ Гавань своимъ постояннымъ мѣстожительствомъ: тамъ воздухъ чистый и пропитанъ сильно парами морской воды. Этимъ воздухомъ дышется ему сравнительно лучше.

— Ѣду искать себѣ дачу, а въ сущности, кажется, глупость дѣлаю: чахотка уже глубоко засѣла въ легкія и никакимъ воздухомъ ея не выгонишь,—говорилъ онъ, смотря грустнымъ, раздвоеннымъ взглядомъ въ окошко вагона. — А жить все-таки хочется. Эту благодать я еще въ университетѣ схватилъ во времена студенчества отъ голодухи и сырости. А учиться хотѣлось... И все это, знаете ли, пошло къ чорту. Ничего изъ моего диплома не вышло: прожилъ безполезнымъ человѣкомъ жизнь, безполезнымъ и умру...

— А писаніе прошеній темному люду развѣ не польза?—спросилъ я.

— Это ремесло, а не польза. Источникъ къ существованію, кусокъ хлѣба — и только. А есть ли тутъ польза — я объ этомъ не думаю, хотя впрочемъ занялся я этимъ дѣломъ ради идеи .. Хотите знать?

— Конечно.

— Мы—чахоточные, народъ злой и быстро обижающійся. Сознаніе неизбѣжности ранней смерти окрашиваетъ намъ все окружающее въ мрачный цвѣтъ и вырабатываетъ изъ насъ людей, недовольныхъ современнымъ складомъ жизни. И я тоже принадлежу къ числу недовольныхъ. Я—ярый врагъ канцелярщины. Послѣ университета я попалъ въ одинъ изъ департаментовъ, гдѣ и стяжалъ между прочимъ чинъ губернскаго секретаря. Съ первыхъ же моментовъ меня озлобило. Формализмъ такой, что даже обои департаментскія имъ пропитаны. И каждый день, каждый Божій день одно и то же; отписка и переписка и съ такой важностью, какъ-будто не въ жизни суть, а въ чернилахъ и въ бумагѣ. Жизнь, та самая, которая тамъ гдѣ-то бьетъ ключемъ, поставлена здѣсь на второй планъ, а на первый и самый видный выдвинута канцелярщина. Возьмемъ примѣръ. Течетъ изъ болота ручеекъ, который мѣстное населеніе окрестило громко рѣченкой. Протекаетъ она, эта рѣченка, черезъ деревушку. Плаваютъ по ней двѣ-три утки, а въ ней два ерша, да окунь. Бабы бѣлье въ ней полощутъ, мужики лошадей купаютъ, а лѣтомъ черезъ нее ребятишки съ одного берега на другой вскачь перепрыгиваютъ. Прекрасно-съ. Собрался міръ на сходъ и порѣшилъ, что ежели этотъ ручеекъ перехватить плотиной изъ навоза и сколотить на ней изъ десятка бревенъ мельницу, то легче станетъ подати платить. Кажется, чего бы проще? Не тутъ то было! Для того, чтобы сдѣлать запруду, надо спросить сначала разрѣшенія начальства. Спросили. Начальство вняло и пишетъ въ соотвѣтственный департаментъ. Проходитъ время—и довольно-таки продолжительное — и изъ департамента получается отписка: на основаніи-де такой то статьи запруды можно производить лишь на рѣкахъ несудоходныхъ и несплавныхъ. Нужно-де сначала, по закону, изъять этотъ самый ручей изъ числа сплавныхъ и доказать, что онъ и несудоходенъ и для сплава негоденъ. — Помилуйте—говоритъ міръ — утки однѣ только плаваютъ, да и тѣ есть не у всѣхъ: мальчишки тоже иногда щепку или дрянь какую въ воду бросятъ,—ну, извѣстное дѣло, не потонетъ, а поплыветъ, а другого сплава никакого не полагается. — Новая бумага по начальству и новая отписка въ департаментъ. Оттуда запросъ: существуютъ ли въ окружности лѣса, которые могли бы быть сплавляемы въ будущемъ?—Опять отписка, а время идетъ и идетъ... Подумалъ міръ, подумалъ, да и подалъ заявленіе: „Никакой запруды строить не желаемъ и отъ рѣчки нашей отступаемся: обмелѣла и болотной травой заросла"... На томъ дѣло и кончилось. А не будь канцелярщины — стояла бы уже на ручейкѣ немудрая мельница и обществу доходъ приносила.

И такихъ примѣровъ, нужно вамъ сказать, положительно не оберешься. Прибавьте къ этому еще и не человѣческій литературный, а какой-то мертвый слогъ, нагоняющій тоску и возбуждающій въ самомъ мирномъ человѣкѣ неукротимое чувство злобы... Боже мой, что это за мука! Для канцелярскихъ надобностей требуется купить коробку стальныхъ перьевъ. И это не дѣлается спроста: надо указать параграфъ и пунктъ смѣты, куда долженъ быть отнесенъ этотъ расходъ. И все прочее такъ. Такъ вотъ-съ, насладившись этой канцелярской прелестью до полнаго разстройства нервовъ и дойдя до самаго озвѣрѣлаго состоянія, я порѣшилъ выступить противъ канцелярщины боевымъ походомъ. Я вышелъ въ отставку и посвятилъ себя писанію прошеній и составленію дѣловыхъ бумагъ не канцелярскимъ-душегубнымъ, а человѣческимъ, житейскимъ и по возможности лаконическимъ слогомъ. Пятый годъ уже занимаюсь этимъ ремесломъ и, какъ видите, кажется, преуспѣваю. Впрочемъ, образчики моего писательства были уже въ рукахъ у васъ послѣ наводненія; вы съ ними знакомы.

Я подтвердилъ и разсказалъ, какъ я былъ тогда удивленъ и не скрылъ даже своихъ тогдашнихъ подозрѣній относительно вымогательства и эксплоатаціи пострадавшихъ.

— Нѣтъ, этого не было. Я писалъ даромъ,— отвѣтилъ, улыбнувшись Яковъ Андреевичъ.—Впрочемъ на вашемъ мѣстѣ, не зная человѣка, и я подумалъ бы то же самое, что и вы. Дѣло въ томъ, что денегъ у меня нѣтъ, но я ими всегда обезпеченъ, хотя въ сущности онѣ мнѣ ни на что не нужны. Я одинокъ, потребности мои невелики, а почти все хлѣбное купечество состоитъ у меня въ долгу за мои писанія: попроси только— сейчасъ озолотятъ, потому что я имъ человѣкъ нужный. Обѣдаю я въ трактирѣ, гдѣ вы меня видѣли, на ихъ счетъ, за уголъ въ Гавани плачу всего только шесть рублей, а на конку двугривенный достать вовсе нетрудно. Въ будущее же я не заглядываю, потому что для меня оно ясно и даже болѣе, чѣмъ ясно. Двигаюсь и копошусь, пока могу; придетъ время—слягу въ больницу, а тамъ при препроводительной бумагѣ, безъ особыхъ хлопотъ, свезутъ меня и на мѣсто вѣчнаго упокоенія, идѣже, какъ говорится, нѣсть болѣзни, ни печали, ни воздыханія. Все просто и ясно, какъ на ладони. Одно только скверно: никакъ не могу освободиться отъ совершенно ненужной и скверной привычки хотѣть жить... Противъ этой привычки даже сила воли недѣйствительна

Поѣздъ въ это время подошелъ къ полустанку. Яковъ Андреевичъ всталъ, протянулъ мнѣ холодную, потную руку и на прощанье проговорилъ:

— Мнѣ здѣсь выходить. До свиданія. Вы заговорили-было о пользѣ моихъ писаній. Не знаю, можетъ быть, она въ ничтожной дозѣ и есть, но только я мало о ней думаю. Мнѣ всегда была дорога до извѣстной степени идея бросить перчатку бюрократической волокитѣ и показать ей на дѣлѣ, что можно вести переписку и живымъ русскимъ языкомъ, который нашей публикѣ дорогъ и понятенъ. Можетъ быть, это и осуществится въ двадцатомъ столѣтіи... Но только я долженъ сознаться, что моя излюбленная идея основана на скверной почвѣ: не на расположеніи и любви къ человѣчеству, не на желаніи принести ему посильную пользу, а на злости. Шила въ мѣшкѣ не утаишь. Будьте здоровы.

Писатель прошеній вышелъ, оставивъ меня въ раздумьѣ. Съ тѣхъ поръ я его больше не видѣлъ.

Къ концу лѣта, когда погода уже начинаетъ круто поворачивать на осень, мнѣ пришлось на станціи Обухово поджидать поѣздъ, чтобы проѣхать въ городъ. Поѣздъ слѣдовалъ съ опозданіемъ. Ожиданіе было скучно. Небо было свинцовое, моросилъ дождь, дулъ порывами совсѣмъ осенній вѣтеръ. Непріятное чувство скуки дополнялось еще и унылымъ видомъ городского Преображенскаго кладбища.

Пока я мѣрялъ платформу взадъ и впередъ, изъ Петербурга пришелъ покойницкій поѣздъ. Отъ нечего дѣлать я перешелъ на кладбищенскую платформу и сталъ смотрѣть на выгрузку гробовъ изъ вагоновъ. Могильщики выносили гробы, а смотритель кладбища громко провѣрялъ ихъ по списку и между прочимъ прочелъ:

— Яковъ Андреевъ такой-то, 7312. Барачная больница.

Изъ вагона голосъ могильщика отвѣтилъ.

— Здѣся...

Затѣмъ показался и гробъ. Это былъ обыкновенный деревянный, крашенный охрой, больничный гробъ, одинъ изъ тѣхъ, въ которыхъ хоронятъ на городской счетъ неимущихъ. Позументовъ на немъ не было и слѣда. Въ ногахъ на крышѣ обойнымъ гвоздичкомъ была приколочена бумажка съ именемъ и номеромъ. Гробъ поста-

вили на дроги рядомъ съ другими и повезли въ церковь для отпѣванія. За нимъ не шло ни души, а люди, шедшіе за другими покойниками, относились къ нему равнодушно и даже не подозрѣвали, что между этихъ досокъ направляется къ мѣсту вѣчнаго упокоенія въ безвѣстную могилу бренный прахъ человѣка, нѣкогда объявившаго войну канцелярской перепискѣ, писавшаго купечеству прошенія и страстно хотѣвшаго жить...

А. Сѣдой. (Ал. Чеховъ).

МАТЕРИ.

(Изъ старыхъ тетрадокъ)

I.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НЕОКОНЧЕННОЙ ПОЭМЫ.

Вчера былъ чудный день съ утра въ мое окно
Весна лазурная любовно засіяла...
Забилось сердце, радостью полно,
И вдаль, куда-то вдаль неудержимо звало.
Вчера все утро я — безпечный, какъ дитя —
Бродилъ по улицамъ, смотря, какъ расцвѣтаютъ
Подснѣжники въ садахъ, и весело глядя,
Какъ тучки по небу проносятся и таютъ.
Былъ часъ обѣденный, когда передо мной
Большая улица предмѣстья развернулась.
Гудѣлъ свистокъ на фабрикѣ. Домой
Голодная толпа рабочихъ потянулась.
Шли мальчики-ткачи; тянулися потомъ
Толпы мужчинъ, измученныхъ трудомъ,
Томительнымъ трудомъ, какъ ночь однообразнымъ,
Недѣлю согнутыхъ надъ вѣчнымъ колесомъ
И отдыхающихъ въ разгулѣ безобразномъ.
Шли дѣвочки-работницы, — онѣ
Шутили весело и солнцу улыбались
И подъ лучемъ его румяными казались...
Но въ жалкихъ лицахъ ихъ виднѣлось ясно мнѣ,
Что бѣдные цвѣты оборваны жестоко,
Что пьяное насилье и развратъ
На всѣхъ углахъ добычу сторожатъ, —
И сердце дѣтское ужъ знаетъ ядъ порока.

Шли матери-работницы, спѣша
Къ голоднымъ дѣточкамъ. Ихъ грустная душа
Полна была заботъ, и не было ей дѣла,
Что юная весна вездѣ цвѣла и пѣла
Мильономъ голосовъ; что теплый вѣтерокъ
Ужъ гдѣ-то колебалъ лазоревый цвѣтокъ,
И тихо трепеталъ въ былинкахъ воскрешенныхъ...
Нѣтъ, только личики ребятокъ изнуренныхъ
Виднѣлись матерямъ сквозь нѣжный блескъ весны.
Минуты жалкія на отдыхъ имъ даны,
Чтобъ только добѣжать до дѣтокъ истомленныхъ,
Чтобъ только увидать ихъ бѣдный, робкій взглядъ
И покормить скорѣй, и поспѣшить назадъ,—
Туда, гдѣ надъ станкомъ, безъ солнца, безъ свободы,
Ползутъ за днями дни и за годами годы...

II.

РОДНАЯ МОГИЛКА.

Вася, любименькій ангельчикъ мой,
Слышишь ли ты въ небесахъ, какъ рыдаетъ
Мама твоя у могилки родной?..
Видишь ли ты, какъ горючей слезой
Мама могилку твою обливаетъ?..

Красное солнышко былъ ты мое!
Легче съ тобой мнѣ жилось и страдалось,
Личико мнѣ улыбалось твое,
Легче съ тобой мнѣ сиротство мое,
Вдовье сиротство мое доставалось.

Бросилъ меня твой безпутный отецъ!
Сколько я горя за нимъ принимала
Съ самаго дня, какъ пошла подъ вѣнецъ!
Сколько я, бѣдная, слезъ проливала,
Бога молила, придетъ ли конецъ.

Къ бѣдной груди моей больше не льнетъ
Милое дитятко... Ночь ли настанетъ,
Все мнѣ не спится, все кажется — вотъ
Мальчикъ мой въ люлькѣ проснется и встанетъ,
Тихо заплачетъ, меня позоветъ!..

Въ комнаткѣ нашей стоитъ тишина.
Бродитъ сестренка твоя одиноко, —
Съ кѣмъ поиграть ей? Тоскуетъ она...
«Гдѣ же нашъ Вася?» «Далеко, далеко...»
Ей отвѣчаю, и плачу сама.

Добрый дружокъ мой, ты долго страдалъ,
Можетъ быть, лучше, что бѣднаго сына
Богъ къ себѣ въ дѣтки отъ матери взялъ...
Только меня все терзаетъ кручина...
Былъ вѣдь... любилъ... и на вѣки пропалъ.

Мальчикъ мой миленькій, видишь ли ты —
Мама цвѣточковъ тебѣ натащила:
Пахнутъ такъ сладко степные цвѣты...
Ягодъ кругомъ насадила кусты.
Крестъ на могилѣ вѣночкомъ обвила.

Ты не одинъ: тутъ, съ тобою подъ-рядъ
Дѣтскіе крестики грустно бѣлѣютъ...
Часто здѣсь матери, плача, сидятъ,
Въ дальнее небо съ молитвой глядятъ,
Дѣтокъ своихъ вспоминаютъ, жалѣютъ.

Видятъ ли дѣтки сквозь райскіе сны
Нашу печаль, наше горькое горе?
Нѣтъ ужъ, пусть лучше не видятъ они,
Божьи счастливчики, Божьи сыны,
Слезъ материнскихъ бездонное море!

И. Горбуновъ-Посадовъ.

ПЕРВОЕ ЧУДО.

(Рождественскій разсказъ).

I.

Раннее, тихое, подернутое синеватою дымкой утро Палестины.

Изъ-за мрачныхъ, застилаемыхъ тою же дымкою Моавитскихъ горъ вставало кроваво-багровое солнце. Лучи его еще не коснулись неподвижной, свинцовой поверхности Мертваго моря, которое, казалось, застыло въ своей угрюмой мертвенности. Вправо и влѣво и, сколько могъ окинуть взоръ, впереди, на далекое-далекое пространство вставали сѣрые, выжженные палестинскимъ солнцемъ холмы и взлобья голыхъ горныхъ высей, лишенныхъ всякой растительности. Въ утреннемъ воздухѣ, въ далекой синевѣ неба, медленно плавали орлы, отъ времени до времени пронизывая мертвую тишину пустыни металлическимъ клектомъ.

Въ это тихое утро, по каменистому пути, протоптанному караванами верблюдовъ, чрезъ всю Іудею отъ самаго Іерихона и Іерусалима на Виѳлеемъ, Хевронъ, Кармель и Маонъ до самыхъ пустынь Идумеи, къ предѣламъ этой послѣдней медленно двигались двѣ фигуры невѣдомыхъ путниковъ—мужчины и женщины. Послѣдняя помѣщалась на спинѣ ослика съ небольшимъ вьюкомъ по бокамъ кроткаго животнаго, а мужчина, опираясь на длинный посохъ, съ видимымъ усиліемъ тащился рядомъ съ осликомъ, отъ времени до времени подбодряя его усталымъ голосомъ. Крайнее утомленіе виднѣлось на сосредоточенныхъ, печальныхъ лицахъ путниковъ.

— О, Іегова! Богъ Авраама, Исаака и Іакова!—болѣзненно простонала женщина, поднимая глаза къ далекому небу, а потомъ съ нѣмою боязнью оглядываясь назадъ, на пройденный путь.

— Успокойся, Маріамъ,—тихо проговорилъ ея спутникъ.—Скоро мы вступимъ въ предѣлы Идумеи.

— Но мы и тамъ не будемъ въ безопасности,—прошептала женщина.

— Нѣтъ, его безбожное повелѣніе распростра-

няется только на Виөлеемъ и окрестныя селенія.

Женщина снова молитвенно подняла глаза къ небу, откинувъ въ сторону бѣлое прозрачное покрывало, защищавшее отъ свѣта ея смуглое личико. Это было лицо совсѣмъ молоденькой дѣвушки, почти дѣвочки. Въ этомъ невинномъ, совершенно дѣтскомъ личикѣ, въ большихъ, ясныхъ и лучезарныхъ, хотя грустныхъ глазахъ, во всемъ выраженіи этого чуднаго личика, казалось, было что-то неземное, идеальное. Но что болѣе всего приковывало взоръ въ этомъ дѣтскомъ личикѣ, въ этихъ большихъ, глубокихъ глазахъ,—это какая-то тайная, великая дума въ нихъ таившаяся. На груди она бережно держала что-то завернутое въ бѣлую ткань виссона.

Солнце, между тѣмъ, уже поднялось надъ мрачными изломами Моавитскихъ горъ и уже золотило свинцовую поверхность Мертваго моря.

— Вотъ и предѣлъ Іудеи, сказалъ шедшій около ослика путникъ, показывая на струившуюся впереди небольшую рѣчку.—Тамъ мы уже можемъ дать и бѣдному животному роздыхъ.

— О, Адонаи!—прошептала женщина:—благодарю Тебя, если только ничтожная раба смѣетъ благодарить Творца вселенной.

То, что у нея на груди было завернуто въ виссонъ, пошевелилось. Женщина съ благоговѣйной боязнью и невыразимой нѣжностью откинула край виссона и быстро взглянула на то, что было тамъ. Это было крохотное личико младенца съ непостижимымъ выраженіемъ въ немладенчески задумчивыхъ глазахъ.

Скоро путники перешли въ бродъ рѣчку и остановились въ тѣни двухъ зонтикообразныхъ, развѣсистыхъ пальмъ.

Женщина съ младенцемъ сошла съ ослика. Въ эту минуту гдѣ-то недалеко послышалось нѣчто въ родѣ раскатовъ грома. Путники невольно взглянули на небо. Лазурь его была чиста—нигдѣ ни облачка. Раскаты грома повторялись ближе и въ то же время не далеко на вершинѣ одного холма отчетливо вырисовался профиль громаднаго льва. Страшная голова его повернулась къ путникамъ, и чудовище издало ужасающее рыканіе. Безумный ужасъ охватилъ и путниковъ и ихъ бѣдное животное, которое задрожало всѣми членами. Левъ глядѣлъ на нихъ,—и вдругъ съ радостнымъ, могучимъ ревомъ, потрясая гривой, гигантскими прыжками бросился на путниковъ.

— О, Іегова!—вырвался крикъ несчастной женщины, и она, желая, повидимому, защитить младенца, безсознательно подняла его надъ своей головой, какъ бы желая передать свое сокровище небу.

Но тутъ случилось что-то непостижимое. Левъ взвизгнулъ, какъ пораженная хлыстомъ собака. Косматая грива его мгновенно опала, хвостъ опустился, какъ у испуганнаго пса; самъ онъ припалъ къ землѣ и, ползкомъ повернувшись назадъ, въ нѣсколько прыжковъ очутился далеко и скоро исчезъ въ пустынѣ.

— О, Адонаи!—могла только простонать пораженная женщина.

— Перстъ Божій на этомъ младенцѣ,—набожно проговорилъ ея спутникъ.

Въ это время на томъ пути, который они уже прошли, со стороны Іудеи, изъ-за холмовъ показались головы верблюдовъ. Видимо, то былъ караванъ.

— Не за нами ли погоня?—снова встревожилась женщина.

— Нѣтъ, Маріамъ, будь покойна: то караванъ пустыни, направляющійся въ Египетъ,—увѣренно отвѣчалъ ея спутникъ.—Это аммонитскій караванъ съ благовоніями Аравіи. Я узнаю въ нихъ мирныхъ аммонитянъ, которые ежегодно приходятъ изъ-за Іордана въ Іудею, чтобы чрезъ пустыни Идумеи слѣдовать со своими товарами въ Мемфисъ и Александрію.

Дѣйствительно, это были аммониты. На верблюдахъ ихъ виднѣлись тюки съ товарами. На самихъ каравановожатыхъ блестѣло вооруженіе, да и одѣяніе ихъ было не іудейское.

— Божественный Промыслъ посылаетъ намъ спутниковъ въ безлюдной и опасной пустынѣ,—успокоительно проговорилъ спутникъ юной іудейкч.

Она восторженно взглянула на своего младенца. „Вотъ нашъ Божественный Промыслъ!“—казалось, говорили свѣтлые, увлаженные слезами глаза.—„Онъ уже избавилъ насъ отъ когтей льва“.

Караванъ приближался. Слышно уже было позвякиванье колокольчиковъ, глухое и заунывное, нарушавшее мертвую тишину пустыни.

Осликъ былъ развьюченъ, но отъ усталости и жажды не могъ даже прикоснуться къ зернамъ ячменя, который подалъ ему въ торбѣ іудей. Бѣдное животное не имѣло передышки уже вторыя сутки—такъ торопились путники, гонимые ужасомъ... Лишь бы скорѣй покинуть Іудею, вы-

браться за предѣлы страны, которую посѣтило что-то ужасное!

— Ты бы далъ ему освѣжиться хоть нѣсколькими глотками воды,—сказала женщина съ младенцемъ, указывая на усталое животное.—Онъ для насъ томился жаждою и зноемъ, и ему предстоитъ еще далекій путь.

Осликъ самъ тянулся къ водѣ, и іудей подвелъ его къ ручью.

Скоро подошелъ къ ручью и караванъ и переправился черезъ его свѣтлыя, тихо журчавшія струи.

— Миръ вамъ,—сказалъ старый аммонитъ, бывшій въ головѣ каравана, подходя къ нашимъ невѣдомымъ путникамъ.

— Богъ, которому вы поклоняетесь, да пошлетъ вамъ добрый путь и благополучіе вамъ и верблюдамъ вашимъ,—въ свою очередь проговорилъ іудей.

— Откуда путь держите?—спросилъ аммонитъ.

— Изъ Іерусалима, священнаго города земли нашей,—былъ отвѣтъ.

— Ужасное вчера весь день совершалось въ вашей несчастной землѣ,—покачалъ головой старый аммонитъ.

Іудей и юная іудейка тревожно переглянулись.

— Что случилось въ землѣ нашей?—спросилъ первый.

— А! съ вами дитя!—удивленно воскликнулъ аммонитъ, увидѣвъ изъ-за покрова юной іудейки личико младенца.—Счастливы мысли и начинанія ваши, что вы вчера не были тамъ, гдѣ мы были.

— А что же тамъ было?—еще съ большей тревогой спросилъ іудей.

— О! лучше бы уши ваши не слышали того, что я вамъ скажу,—продолжалъ аммонитъ.—Тамъ весь день, по повелѣнію злодѣя-царя, убивали всѣхъ младенцевъ мужского пола.

Юная іудейка съ ужасомъ прикрыла своего младенца.

— О, Іегова! о, силы небесныя! — воскликнулъ іудей.—За что же? для чего?

Старый аммонитъ, оглянувъ караванъ, который въ это время развьючивали его вожатые, задумчиво покачалъ головой, усаживаясь подъ тѣнь пальмы.

— Творится что-то непостижимое въ Іудеѣ,—медленно заговорилъ онъ.—Еще когда караванъ нашъ былъ за Іорданомъ, повстрѣчались намъ странники, мудрые мужи изъ далекихъ восточныхъ странъ съ ихъ рабами. Когда мы спросили ихъ о путяхъ ихъ, странники отвѣчали, что возвращаются они изъ Іерусалима въ свою страну, и что въ Іудею они приходили для поклоненія недавно рожденному царю—величайшему изъ всѣхъ царей земныхъ! Когда мы сказали, что у царя Іудеи—Ирода—и безъ того много царевичей, странники отвѣчали намъ, что тотъ царь, которому они приходили поклониться, родился не отъ Ирода и не въ царской семьѣ, а въ бѣдности и отъ простой іудейки, и что увидѣлъ свѣтъ не въ царскомъ дворцѣ, а въ бѣдныхъ ясляхъ...

Личико юной іудейки при этихъ словахъ покрылось нѣжнымъ румянцемъ, и, потупивъ свои дивные глаза, она ближе прижала къ себѣ младенца.

— Когда же я спросилъ странниковъ,—продолжалъ аммонитъ,—почему они, возвращаясь изъ Іудеи, шли не обычнымъ путемъ, не черезъ Іорданъ у Іерихона, а путемъ кружнымъ, по ту сторону Мертваго моря, отъ Раббатъ-Мохона на Гесбонъ, они отвѣчали такъ:—Когда прибыли они въ Іудею для поклоненія новорожденному царю и явились къ Ироду, тотъ, ничего не вѣдая о рожденіи таинственнаго младенца, просилъ восточныхъ странниковъ, чтобъ они, когда отыщутъ этого младенца и поклонятся ему, пришли-бы опять къ нему, къ Ироду, и сказали бы гдѣ тотъ младенецъ, чтобъ и онъ, Иродъ, могъ ему поклониться. Но добрые и мудрые странники заподозрили въ умѣ Ирода нѣчто злодѣйское, а потому, отыскавъ младенца и поклонившись ему въ томъ городѣ, гдѣ нашли его, они ужъ не воротились къ Ироду, а удалились изъ того города, гдѣ былъ младенецъ-царь, кружнымъ путемъ, нашими землями, черезъ Раббатъ-Моабъ на Гесбонъ... Они даже и намъ не сказали, въ какомъ городѣ нашли младенца-царя,—закончилъ свою рѣчь аммонитъ.

Іудей и іудейка незамѣтно переглянулись.

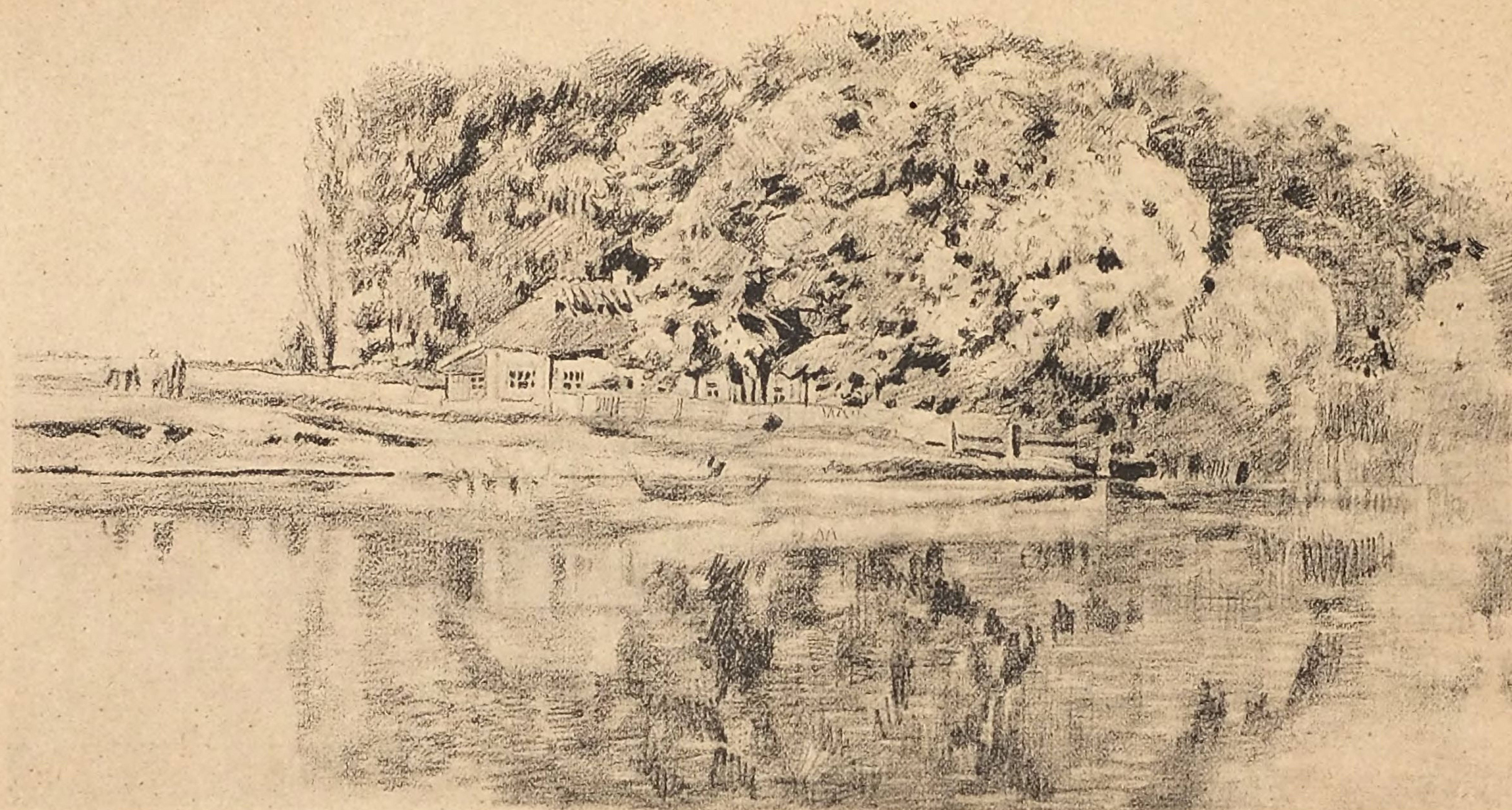
— Такъ вы сами видѣли это безбожное дѣло—убіеніе невинныхъ младенцевъ?—спросилъ первый.

— Сами. Что за вопли раздавались вездѣ!.. Ни одного младенца, говорятъ, не оставили. И какъ только уцѣлѣлъ вашъ малютка?

— Божій Промыслъ пощадилъ его: мы выѣхали раньше избіенія,—отвѣчалъ іудей.

— Куда же вы теперь?

— Въ Египетъ... Мы раньше туда собирались—у насъ есть родственники въ Геліополѣ.

Н. Н. Ге †.

ХУТОРЪ ХУДОЖНИКА, СРИСОВАННЫЙ ИМЪ САМИМЪ.

(Изъ посмертнаго альбома; пожертвовано для сборника «Привѣтъ» сыновьями художника—И. Н. и П. Н. Ге).

Фот. и тип. П. Бабкина, Спб.

— Ну, счастливъ вашъ Іегова—во́ время покинули вы Іудею. А замедли вы день, и не бытьбы въ живыхъ вашему малюткѣ.

Юная іудейка только возвела глаза къ небу,

— А вашъ караванъ куда путь держитъ?— спросилъ іудей.

— Мы въ Александрію—съ товарами нашей страны для префекта римскаго, что правитъ Египтомъ послѣ того, какъ нильская ехидна причинила смерть послѣднему фараону-женщинѣ, прекрасной Клеопатрѣ. Я знавалъ эту царицу:—ко двору ея мы возили благовонія Аравіи. Вотъ ужъ тридцать лѣтъ, какъ и Клеопатры не стало.

— И у насъ въ Іудеѣ не мало было слышно объ этой Клеопатрѣ,—замѣтилъ іудей. — Она хотѣла даже завладѣть нашею священною страной, да только съ нашимъ Иродомъ тягаться ей было не легко.

Оба помолчали. Солнце поднялось высоко и жгло почти отвѣсными лучами, точно стрѣлами. Верблюды лежа пережевывали свою жвачку, поглядывая по сторонамъ кроткими умными глазами. Ящерицы, повыползавъ изъ своихъ норъ и расщелинъ, неподвижно грѣлись на солнцѣ. Укрывшись въ тѣни тюковъ, отдыхали и верблюдовожатые аммониты, подкрѣпившись рисомъ и сухими финиками и утоливъ жажду прямо изъ ручья.

— Богъ, сотворившій небо и землю, не случайно свелъ насъ въ этой пустынѣ,—прервалъ іудей молчаніе.—Онъ хотѣлъ, чтобы мы, слабые и одинокіе, нашли въ пути поддержку и бодрость въ васъ, мужественныхъ и добрыхъ.

— Да, такъ предопредѣлено свыше,— согласился старый аммонитъ.—Будемъ вмѣстѣ держать путь. Только въ Даѳне пути наши разойдутся.

— Это далеко?—спросилъ іудей.

— Я путей не знаю: я ввѣрилъ себя и эту женщину съ младенцемъ благому промыслу.

— Нами всѣми руководитъ промыселъ,—сказалъ старый аммонитъ, и отошелъ къ своимъ тюкамъ отдохнуть.

II.

Солнце уже значительно перешло къ западу, когда аммонитскій караванъ съ маленькимъ іудейскимъ семействомъ двинулся въ дальнѣйшій путь.

Караванъ вступилъ въ безбрежныя, какъ океанъ, пустыни Идумеи. Песчаныя равнины, изрѣдка всхолмленныя такими же песчаными буграми, казалось, убѣгали за горизонтъ и сливались съ безграничнымъ пространствомъ неба, на которомъ неподвижно стоялъ огненный шаръ, опалявшій своими жгучими лучами ослѣпительный песокъ пустыни. Раскаленный воздухъ жегъ лицо, а отъ накаленныхъ песковъ вставали фантастическія видѣнія—миражи пустыни. То чудилось въ дымкѣ дали зеленое море, съ плывущими по зеленымъ его волнамъ кораблями, то тянулись по далекому горизонту караваны верблюдовъ. Взору, утомленному отъ безотраднаго однообразія, не на чемъ было отдохнуть, успокоиться, помимо миражей, на чемъ-либо реальномъ, и онъ тонулъ въ пугающей душу безконечности. Кое-гдѣ на желтой пеленѣ песковъ виднѣлись полузасыпанныя этою подвижною стихіею пустыни, выбѣленныя зноемъ кости погибшихъ каравановъ—животныхъ и людей, ставшихъ жертвою пламеннаго самума хамсина. Пустыня, казалось, взывала этими жертвами къ безжалостному небу, къ его милосердію. Но небо, какъ и пустыня, молчало.

Тѣнь отъ верблюдовъ и людей все болѣе и болѣе удлиннялась, дѣлаясь все фантастичнѣе, безформеннѣе. Наступалъ вечеръ. Огненный дискъ солнца уже касался граней пустыни — видимыхъ граней, за которыми скрывалась та же ужасающая безконечность, и изъ этой безконечности выступала ночь съ ея призраками и безформенными видѣніями. Пустыня замирала, и зажигалась таинственная жизнь на небѣ. Загорѣлись звѣзды, и чѣмъ дальше шла ночь, тѣмъ ярче, тѣмъ безумнѣе свѣтились эти таинственные огни.

Юная іудейка съ благоговѣйнымъ ужасомъ поднимала взоръ къ этимъ огнямъ: ей казалось, что это глядѣли на нее очи Того, Который ей, жалкой и безпомощной, послалъ то, что она назвать не смѣла. Она только чувствовала, что то, что считала она непостижимымъ и что довѣрено ей, безмятежно покоится на ея груди.

— Твоя великая тайна, о Адонаи, и я, раба твоя, обнимаю эту тайну, трепетно слышу ея дыханіе,—мысленно говорила она.

А пустыни все нѣтъ конца... Прошла ночь... Еще день и ночь... Тѣ же молчаливыя звѣзды ночью...

Пустыня Идумеи осталась позади. Впереди — пустыня Египта. Гдѣ-то далекая, родная Галилея, Назаретъ?

Караванъ приближается къ Даѳне—послѣдній роздыхъ подъ защитою аммонитянъ... А дальше?

Послѣдняя ночь около Даѳне... А завтра?... Надъ головою тѣ же звѣзды, тѣ же таинственныя очи—Его очи...

— Ты провелъ Сына своего чрезъ пустыни Идумеи,—шепчетъ юная іудейка, вглядываясь въ это небо, полное тайнъ, и довѣрчивымъ взоромъ ищетъ Его, Того, который все это создалъ, который послалъ ей Сына Своего:—Ты проведешь Его и пустыней Египта... Буди воля твоя...

Рано проснулся караванъ аммонитскій. Ревъ верблюдовъ, которыхъ навьючивали вожатые, огласилъ пустыню.

— Здѣсь наши пути расходятся,—сказалъ, здороваясь съ іудеемъ и іудейкой, старый аммонитъ.—Вашъ путь лежитъ влѣво.

— А какихъ примѣтъ держаться въ пути?—спросилъ іудей,

— Скоро, когда вы двинетесь къ полудню, вправо откроются соленыя озера. Пройдя озера, вы вступите въ равнину, по сторонамъ которой тянутся горы. Идите этою равниною, и она доведетъ васъ до Геліополиса. Издали высочайшій столпъ, посвященный богу этого города—солнцу, укажетъ предѣлъ вашего странствованія... Положитесь на предопредѣленіе.

Юная іудейка со слезами благодарила добраго старика. Онъ взглянулъ на младенца, котораго она держала. Малютка, казалось, разглядывалъ старика своими большими глазами.

— Дивное дитя,—сказалъ аммонитъ:—во весь путь я не слыхалъ его плача... На челѣ его какая-то тайная дума... Поистинѣ, дивное дитя!

Скоро караванъ аммонитянъ двинулся въ путь. Долго еще заунывные колокольчики его слышались въ нѣмой пустынѣ.

Осликъ былъ навьюченъ. Іудейка съ младенцемъ посажена на него.

— Теперь нашимъ вожатымъ будетъ ангелъ, тотъ вѣстникъ Іеговы, который послалъ насъ въ Египетъ,—сказалъ іудей, ведя въ поводу ослика. Вѣрь, Маріамъ.

— Я вѣрю, Іосифъ:—все доселѣ исполнялось такъ, какъ и мнѣ возвѣщено было свыше... Величитъ душа моя Господа... Онъ призрѣлъ на смиреніе рабы своей.

— Вспомни страшнаго льва на границѣ Идумеи,—немного помолчавъ, заговорилъ Іосифъ.—Не было ли то знаменіе?

— Да, то было знаменіе... Я только послѣ поняла его...

— Знаю... На границѣ Идумеи твоя вѣра поколебалась?

— Ты угадалъ, Іосифъ: меня напугала пустыня Идумеи... Я подумала о дикихъ звѣряхъ пустыни, и левъ явился мнѣ...

— Да, какъ знаменіе того, что съ такою ношею на рукахъ, какъ твоя, не опасны никакіе звѣри и никакіе ужасы пустыни.

Скоро вправо показались изъ-за камышей синія воды озера. Въ небѣ рѣяли орлы. Въ камышахъ сказывалось присутствіе жизни, говоръ птицъ.

Но присутствіе жизни сказывалось недолго. Пустыня опять вступала въ свои права. Вправо и влѣво песчаные холмы заслоняли горизонтъ. Солнце между этими холмами палило невыносимо.

Мучительно долго тянулся этотъ день—день полнаго одиночества. Съ уходомъ каравана весь міръ, казалось, покинулъ одинокихъ путниковъ.

Настала ночь. Небо заволоклось сухимъ туманомъ. Исчезли путеводныя звѣзды—всевидящія очи Того, Который возложилъ на нихъ, одинокихъ, беззащитныхъ путниковъ, великое бремя. Ужасъ невольно заползалъ въ душу—холодомъ пробирало въ сердцѣ. А туманъ все гуще. Это—предвѣстіе губительнаго самума-хамсида. Мертвая пустыня огласилась воемъ...

— Что это? какъ страшно!... Что это воетъ?

— Не бойся, Маріамъ: это шакалы перекликаются во мракѣ.

— Ихъ вой меня пугаетъ...

— Маріамъ! не искушай промыселъ... Вспомни льва Идумеи...

— Іегова! я слабая женщина... Не вмѣни мнѣ мою слабость въ прегрѣшеніе...

Послѣ безконечной, душной ночи наступило сѣрое, мглистое утро. За мглой почти не было видно солнца, которое, казалось, расплывалось въ этой мглѣ. Дышать было трудно, какъ-будто эта мгла вытѣснила собою весь воздухъ.

Путники снова двинулись по указанному старымъ аммонитомъ направленію. Духота усиливалась и воздухъ, какъ бы подогрѣваемый изъ невидимаго гигантскаго горна, пламенѣлъ и, словно раскаленный, жегъ дыханіе. Движеніе путниковъ все болѣе и болѣе замедлялось.

Неужели они должны погибнуть въ этихъ зыбучихъ пескахъ, какъ погибли тѣ караваны, бѣлыя кости которыхъ они видѣли въ пустынѣ Идумеи?

Гдѣ же Геліополисъ? гдѣ тотъ высокій столпъ солнца, о которомъ говорилъ аммонитъ?

Нѣтъ! они больше не могутъ двигаться... Вода, которою они запаслись въ Даѳне, вся вышла еще за ночь... жажда палитъ...

Но вотъ изъ мглы выступаетъ что-то въ родѣ развѣсистаго дерева... Надо во что бы то ни стало, достигнуть до него... нѣтъ ли тамъ источника?..

Хоть бы каплю воды послала земля и безжалостное небо!..

Да, это дерево—одинокая, старая маслина... но источника, увы! нѣтъ...

Въ изнеможеніи путники упали у корней стараго дерева...

Погибнуть, умереть!.. о, лучше бы тамъ, въ Іудеѣ...

А знаменіе? а видѣніе? обѣты ангела?.. Неужели то былъ бредъ?..

А этотъ младенецъ?.. Онъ Его сынъ, Его?—ничей больше...

— О, Адонаи—богъ Авраама, Исаака и Іакова!... гдѣ же обѣтъ твой! гдѣ твои знаменія? Отверзи хляби небесныя! дай воду землѣ... Разверзи утробу земли—пусть она источитъ воду... Пошли росу, да освѣжитъ уста матери Сына Твоего!... Ради Сына сотвори чудо...

И чудо совершилось!.. Изъ-подъ корней старой маслины забилъ ключъ холодной, чистой, какъ кристаллъ, воды...

Я видѣлъ этотъ чудный источникъ и пилъ изъ него воду.

Въ 1881 году, во время моего пребыванія въ Египтѣ—въ Каирѣ, посѣтивъ „поле пирамидъ" и взойдя на пирамиду Хеопса, я, послѣ краткаго обозрѣнія мѣста развалинъ Мемфиса, отправился въ мѣстечко Матаріэ, лежащее недалеко отъ Каира и почти на такомъ же разстояніи отъ развалинъ бывшаго Геліополиса. Въ Матаріэ до настоящаго времени сохранилось то масличное дерево, у корней котораго совершилось „первое чудо". Дерево это необычайной толщины и древности поразительной. Оно будетъ не менѣе десяти или болѣе обхватовъ въ окружности. На Ривьерѣ, въ окрестностяхъ Ниццы и Ментона, я видѣлъ масличныя деревья, которыя помнятъ римскихъ императоровъ—древность невѣроятная! Но они толщиною и массивностью далеко уступаютъ священному дереву въ Матаріэ. Я видѣлъ и старые, вѣковѣчные и нетлѣнные стволы масличныхъ деревьевъ въ Геѳсиманскомъ саду,—деревьевъ, подъ которыми наканунѣ своей смерти находился Христосъ съ учениками. Но маслина въ Матаріэ, кажется, древнѣе ихъ. Она, повидимому, когда-то была срублена, но отъ гигантскаго, вышиною сажени въ двѣ, ствола ея пошли новыя, толстыя вѣтви. Весь стволъ этого нетлѣннаго дерева испещренъ крестами и надписями еврейскими, коптскими, арабскими, латинскими, итальянскими, англійскими.

Но чудный источникъ находится не у самаго корня дерева, а значительно отодвинулся отъ него съ вѣками. Самое слово „Матаріэ" по-арабски значитъ „свѣжая вода", а самый источникъ носитъ названіе „Аинъ-шемсъ", т.-е. „источникъ солнца".

Источникъ, исторгнутый изъ земли въ безводной, знойной пустынѣ, былъ, по преданію, „первымъ чудомъ" Младенца Христа.

Освѣжившись изъ этого чуднаго источника, я долго отдыхалъ въ тѣни священнаго дерева,—увы! куря папиросы и переживая душою тысячелѣтія...

Тотъ, таинственное появленіе Котораго на землѣ измѣнило судьбы міра, въ младенчествѣ игралъ подъ этимъ деревомъ, пилъ воду изъ чуднаго источника, видѣлъ отсюда, на рубежѣ пустыни Ливіи, на рубежѣ Сахары—великія пирамиды Хеопса, Хефрена и Микерина и вблизи величественный обелискъ (столпъ Бога солнца) Геліополиса.

Въ моемъ умѣ, какъ призраки, проносились эти воспоминанія тысячелѣтій, начиная отъ пророковъ и писателей глубокой древности... Объ этомъ странствіи черезъ пустыни Идумеи и Египта юной іудейки съ Младенцемъ до Геліополиса, по толкованію нашего знаменитаго путешественника А. С. Норова [1]), иносказательно говоритъ пророкъ Исаія: „Се Господь сѣдитъ на облацѣ легцѣ и пріидетъ во Египетъ"... (гл. XIX, ст. 1). Это онъ, Іегова, въ образѣ младенца,—и алтарь Іеговы будетъ во внутренности земли египетской, и памятникъ Іеговы—у предѣловъ ея"... Это—у Геліополиса, у Матаріэ, у чуднаго источника, о которомъ тотъ же пророкъ говоритъ:—„Проторжеся вода въ пустыни, и дебрь въ земли жаждущей, и безводная будетъ во езера, и на жаждущей земли источникъ водный будетъ:—тамо будетъ веселіе птицамъ, и селитва трости и лузи"... (ст. 6—7, гл. XXV).

[1]) Путешествіе по Египту и Нубіи. I, стр. 263.

И я видѣлъ все это—и зелень, и источникъ водный, и тростникъ, и слышалъ веселое пѣніе птицъ...

Теперь тѣ мѣста, гдѣ протекло младенчество Христа, покрыты развалинами на много верстъ. Это слѣды Геліополиса, гдѣ когда-то обучался египетской мудрости Моисей, а потомъ—Геродотъ, Платонъ... Дочку Путифара, жреца геліопольскаго, юную Асенсѳу, фараонъ, раньше Моисея еще, отдалъ въ жены Іосифу... Таковы воспоминанія этого мѣста! Платонъ говоритъ, что одинъ изъ жрецовъ Геліополиса сообщилъ Солону, греческому мудрецу, преданіе о всемірномъ потопѣ, а самому Платону жрецъ сказалъ:—„О, Платонъ, Платонъ! Вы, греки, еще младенцы передъ нами.“ Когда посѣтилъ эти мѣста Страбонъ, то ему еще показывали домъ, гдѣ жилъ Платонъ...

Таковы тамъ воспоминанія!.. И я пережилъ ихъ тамъ...

Тамъ же совершилось и „первое чудо“ младенца Іисуса...

Д. Мордовцевъ.

МОЙ РОДЪ.

Въ моей семьѣ не сохранились
Остатки грамотъ и гербовъ:
Однимъ сознаньемъ мы гордились,
Что не имѣли мы рабовъ,
Что въ нашихъ предкахъ такъ же бились
Сердца простыя мужиковъ.

Отецъ мой вышелъ изъ народа...
Дитя тѣхъ жалкихъ, скудныхъ мѣстъ,
Гдѣ смотритъ мачехой природа,
Гдѣ бѣдняки тяжелый крестъ
Несутъ смиренно въ родъ изъ рода,—
Онъ былъ простой крестьянинъ-эстъ.

Съ пеленъ оставшись сиротою,
Не научившись спину гнуть,
Онъ съ неуклонной прямотою,
Въ трудѣ надсаживая грудь,
Одинъ боролся съ нищетою
И самъ расчистилъ къ жизни путь.

Онъ не готовилъ мнѣ наслѣдства,
Но, неподкупенъ, твердъ и смѣлъ,
Онъ далъ къ работѣ мнѣ всѣ средства
И закалить мой духъ съумѣлъ,—
Такъ закалить, что въ годы дѣтства
Я предъ нуждою не робѣлъ.

Прошли года—онъ спитъ въ могилѣ,
Меня могила тоже ждетъ,
Но честь свою мы сохранили
Среди лишеній и невзгодъ
И малодушно не покрыли
Позоромъ свой крестьянскій родъ.

А. Михайловъ (А. К. Шеллеръ).

ЛѢСНАЯ СТОРОЖКА.

(РАЗСКАЗЪ).

Однажды возвращался я изъ Шайгувской рощи, куда ѣздилъ купить нѣсколько срубовъ, понадобившихся мнѣ на кое-какія постройки. Роща эта была отъ меня верстахъ въ пятнадцати. Провозившись цѣлый день съ купцомъ, купившимъ рощу, я какъ-то позамѣшкался и поѣхалъ домой только, когда солнце сѣло и замѣтно стали надвигаться сумерки. Дорога пролегала все лѣсомъ: глубокія колеи, выбоины и болота встрѣчались безпрестанно. Я ѣхалъ шагомъ и каждую минуту опасался за дрожки и за лошадь, скользившую и спотыкавшуюся на каждомъ шагу. Сопровождавшій меня плотникъ, по имени Емельянъ, маленькій и приземистый мужичекъ, шелъ пѣшкомъ; онъ все время молчалъ и только иногда, когда дрожки, въѣхавъ въ колею, издавали трескъ и скрипъ, онъ испускалъ протяжный вздохъ, снималъ шляпенку и крестился. Надо сказать, что Емельянъ былъ большой трусъ. На этотъ разъ онъ боялся, какъ бы намъ не пришлось ночевать въ лѣсу, что было бы для него сущимъ наказаніемъ. Говорятъ, что трусость эта произошла въ Емельянѣ оттого, что однажды, когда ему было лѣтъ шесть-семь, онъ заблудился въ лѣсу и попалъ въ медвѣжью берлогу; но, къ счастью Емельяна, въ ней были только одни молодые медвѣжата, которыхъ случившійся тутъ лѣсникъ переловилъ, а Емельяна представилъ по принадлежности. Кромѣ того, разсказываютъ, что-будто надъ Емельяномъ разъ подшутилъ и самъ лѣшій. Это случилось такъ. Поѣхалъ Емельянъ въ лѣсъ, и вдобавокъ въ казенный, за лучиной. Поѣхалъ ночью, нарубилъ лучины и началъ накидывать ее на телѣгу, а топоръ, чтобы не мѣшалъ, воткнулъ, говорятъ, въ пенекъ. Вскорѣ возъ былъ, какъ слѣдуетъ, уложенъ и увязанъ; оставалось только взять топоръ и ѣхать. Емельянъ подошелъ къ пеньку, въ который воткнулъ топоръ,— хвать, а топора-то нѣтъ... Емельянъ туда, сюда — нѣтъ топора... Что за оказія? —проворчалъ онъ... Но едва онъ успѣлъ проворчать это, какъ неподалеку кто-то расхохотался. Емельянъ бросилъ возъ, бросилъ лошадь и побѣжалъ безъ оглядки вонъ изъ лѣсу. Домой прибѣжалъ онъ весь блѣдный; каково же было его изумленіе, когда топоръ оказался у него за поясомъ. Съ тѣхъ поръ Емельянъ окончательно сдѣлался трусомъ и получилъ прозвище Емельянъ „Робкій". Насколько все это правда—утверждать не смѣю, знаю только одно, что Емельянъ съ наступленіемъ ночи боялся выходить изъ избы и при малѣйшемъ шорохѣ и стукѣ вздрагивалъ и начиналъ охать и креститься.

Съ этимъ-то Емельяномъ возвращался я изъ Шайгувской рощи. Между тѣмъ сумерки становились все гуще и гуще, а дорога хуже и хуже. Она забѣгала то въ какой-то мелкій и частый кустарникъ, то огибала уродливо-толстое дерево, то превращалась въ какую-то гать, заваленную хворостомъ и бревнами, по которымъ дрожки такъ и прыгали. Сучья поминутно хлестали меня по лицу, и я начиналъ уже раскаиваться, что не переночевалъ у купца. Какъ вдругъ дрожки зацѣпили за пень, лошадь рванула, и я не успѣлъ оглянуться, какъ задняя ось вмѣстѣ съ лѣвымъ колесомъ лежали на дорогѣ. Емельянъ вскрикнулъ, бросился на дрожки и охватилъ меня обѣими руками. Дѣло было плохо. Но у страха глаза велики, и потому ничего нѣтъ удивительнаго, что Емельянъ опомнился прежде меня. Онъ соскочилъ съ дрожекъ, суетливо вскарабкался на дерево, оглянулъ кругомъ мѣстность и вдругъ весело вскрикнулъ:

— Ниже, слава Богу, сейчасъ будетъ лѣсная сторожка. Тамъ знакомый мнѣ лѣсникъ живетъ.

— Да какъ ѣхать-то? Не на трехъ же колесахъ.

Но Емельянъ не отвѣчалъ. Онъ взвалилъ колесо на дрожки, взялъ въ руки возжи и тронулъ лошадь; мы шли пѣшкомъ.

Показался огонекъ.

— Вотъ и сторожка,—проговорилъ Емельянъ. —Переночуемъ, а завтра онъ намъ дастъ телѣжку, и мы поѣдемъ домой.

Емельянъ повеселѣлъ. Онъ даже объявилъ мнѣ, что находится въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ лѣсникомъ, что лѣсника зовутъ Вавилой Ивановымъ, и что у него есть жена и самоваръ.

Мы выѣхали на полянку, окруженную со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, на которой и помѣщалась кро-

хотная, крытая соломой лѣсная сторожка. Неподалеку отъ сторожки протекалъ ручеекъ съ прозрачной и чистой ключевой водой. Только-что успѣли мы выбраться на полянку, какъ огромная черная собака, изъ породы овчарокъ, бросилась на насъ, но, увидавъ Емельяна, замолчала и, радостно виляя хвостомъ, начала юлить вокругъ его ногъ

— Волчекъ, Волчекъ!—кричалъ Емельянъ, поглаживая собаку.—А—а, Волчекъ! что, мерзавецъ, что? узналъ? ну, то-то же, милый...

Между тѣмъ вышелъ и Вавила.

— А — а! Емельянъ Семенычъ! Какими судьбами?—проговорилъ онъ.

Емельянъ повѣдалъ ему нашу судьбу и въ концѣ концовъ прибавилъ:

— Ужъ ты пусти насъ переночевать-то.

— Въ сарайчикѣ пишто на сѣнѣ, а въ сторожкѣ негдѣ...

— На кой намъ въ сторожкѣ. Не зима, поди!

— Въ сарайчикѣ съ большимъ моимъ удовольствіемъ.

Емельянъ и Вавила принялись откладывать лошадь, а я вошелъ въ сторожку. Но каково было мое удивленіе, когда я увидалъ, вмѣсто темной и закопченной хаты, маленькую, чистенькую и опрятную комнату, оклеенную газетами и разукрашенную модными картинками.

Въ одномъ изъ угловъ комнаты помѣщалась двуспальная кровать съ пестрымъ ситцевымъ пологомъ, а неподалеку отъ нея шкафъ съ чайной посудой. Въ простѣнкѣ, между двумя крошечными окнами, стоялъ столъ, покрытый бѣлой скатертью, а возлѣ стола сидѣла женщина, сшивавшая пестрые ситцевые лоскутки, нарѣзанные треугольниками. Увидавъ меня, она лѣниво кивнула головой и еще лѣнивѣе принялась за свою работу. Я закурилъ папиросу и сѣлъ на лавку.

— Вы откуда?—спросила меня женщина послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

Я сказалъ.

— Ночевать здѣсь хотите?

— Поневолѣ: дрожки сломались.

— Вонъ что!—сказала она, зѣвая и потягиваясь, причемъ зазвенѣли разныя серьги и брелоки, которыми она была разукрашена. — Только вотъ что, — прибавила она, — здѣсь въ сторожкѣ вамъ спать нельзя будетъ... Жарко... Лучше въ сѣнномъ сараѣ.

— Все равно... гдѣ-нибудь.

Собесѣдница моя снова замолчала и снова принялась за работу. Но видно было, что работа эта томила ее; какъ-то нехотя и лѣниво двигалась ея рука, да и вообще во всѣхъ ея движеніяхъ замѣчалась какая-то разслабленность и лѣнь. Она поминутно опускала руку, поминутно зѣвала и потягивалась и поминутно заглядывала въ окно, какъ-будто кого-то поджидая. Я съ особеннымъ любопытствомъ смотрѣлъ на эту женщину. Она была высокаго роста, хорошо сложена; руки ея были нѣжны и бѣлы; одѣта она была чисто, но неряшливо, что, впрочемъ, нисколько ея не портило. Каштановые волосы красивыми прядями ниспадали на ея полныя и бѣлыя плечи, почти совершенно обнажившіяся отъ растегнувшагося платья. Лицо было тоже красивое и правильное. Ее только и портила эта безжизненность и вялость, проглядывавшая то всемъ существѣ ея; даже большія бронзовыя серьги и тѣ какъ-то лѣниво и вяло побрякивали въ ея ушахъ... Вниманіе, съ которымъ я смотрѣлъ на эту женщину, не ускользнуло отъ нея. Она улыбнулась, но ничего не сказала,—вѣроятно, потому, что ей было лѣнь проговорить что-либо.

— А который теперь часъ?—спросила она наконецъ, укладывая свою работу и медленно поднимаясь.

Я сказалъ.

— Спать пора.

И сказавъ это, отдернула пологъ и улеглась на постель.

— Вы жена лѣсника, что-ли?—спросилъ я ее.

— Да... А что?

— Такъ. Вы непохожи на крестьянку. А какъ зовутъ васъ?

— Зовутъ Зовуткой, а величаютъ Уткой,—проговорила она и, захохотавъ, спряталась въ подушки.

„Остритъ",—подумалъ я и прибавилъ:

— Ничего, уточка недурна.

— Что вы сказали?

— Сказалъ, что уточка хорошенькая.

— Больно дика только, все въ камыши да въ кусты прячется.

— Охотниковъ, что-ли, боитесь?

— И охотниковъ, а пуще всего коршуньевъ... Налетитъ коршунъ, заклюетъ, ощипетъ и броситъ..

— Такъ не хотите сказать, какъ васъ зовутъ.

— Аль просвирку подать собираетесь за мое здоровье?

— Можно и это

— Оно и видно, что молельщикъ настоящій пришелъ — какъ есть во всей формѣ.. А имя-то мое начинается съ аза.

„Грамотная", — мелькнуло у меня въ умѣ, и я спросилъ:

— Агафья?

Она захохотала.

— Что? не отгадалъ?

— Нѣтъ, отгадали.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ, Агафья.

Она потянулась, откинула назадъ руки и закрыла глаза. Водворилось молчаніе. Въ это время дверь скрипнула и въ комнату вошли Емельянъ и Вавила.

— Вамъ, сударь, чайку не угодно ли?—спросилъ лѣсникъ, снимая со свѣчи нагорѣвшую свѣтильню.

— Выдумаешь еще!—вскрикнула вдругъ Агафья: —въ такую пору чай пить!.. у, безтолковый!.. А ты ступай лучше лѣсъ-атъ обойди. А то пріѣдетъ неравно Василій Трофимычъ,—онъ тѣ задастъ.

— Чего мнѣ задастъ? какъ-то глухо проговорилъ Вавила.

— Ступай, говорятъ!

— Не пойду я сегодня.

И, сказавъ это, Вавила сердито хлопнулъ дверью и сердито вышелъ изъ сторожки Емельянъ послѣдовалъ за нимъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно и трясся, какъ въ лихорадкѣ. Агафья напугала его не на шутку. Она все еще ворчала и не переставала бранить мужа.

— Какъ вамъ не стыдно обращаться такъ съ мужемъ?—проговорилъ я, бросая папироску.

— А вамъ какое дѣло? — почти вскрикнула она.— Нешто васъ спрашиваютъ?

„И то правда", подумалъ я и вышелъ изъ сторожки. Выйдя на площадку, я увидѣлъ Вавилу и Емельяна. Они оба сидѣли на берегу ручейка.

— Что, братъ, злая она?—говорилъ Емельянъ

— О, ну ее!—возразилъ Вавила и, немного погодя, добавилъ:—Ты поужинать не хочешь ли?

— Да чего?

— Картошки сваримъ съ пшенцомъ ..

— Да вѣдь...

— Ничего!.. Она не увидитъ... Дрыхнетъ, поди: вишь огонь-то задула.

Емельянъ успокоился и вмѣстѣ съ Вавилой принялся собирать сухіе сучья. Волчекъ послѣдовалъ за ними; иногда онъ радостно взвизгивалъ и бросался на грудь хозяина.

Немного погодя, мы всѣ сидѣли вмѣстѣ. Емельянъ и Вавила, сидя на корточкахъ, подкладывали подъ котелокъ набранные сучья. Неподалеку отъ нихъ былъ Волчекъ и съ какимъ-то умиленіемъ смотрѣлъ прямо въ глаза Вавилѣ.

— Вы зачѣмъ въ Шайгувскую-то рощу ѣздили? —спросилъ Вавила, обращаясь къ Емельяну.

— Срубья покупали.

— Купили?

— Три сруба.

— Осиновые?

— Ништо, осиновые.

— Небось, недешево дали? Филатъ Степановъ на это молодецъ: дешево не продастъ.

— А ты развѣ знаешь его?—спросилъ я.

— Еще бы не знать!.. Вѣдь онъ нашъ, Саратовскій

— Значитъ, и ты Саратовскій?

— Такъ точно... Я Филата Степаныча зналъ, когда онъ еще простымъ мужикомъ былъ... Такъ, мужиченко гнусненькій былъ, а теперь, поди-ка— въ купцы махнулъ!.. Капиталъ имѣетъ. Поди-ка! Правда, деньги у него мокрыя, ну а все-таки ничего...

— Какъ мокрыя?—удивился я.

— Пароходъ одинъ сгорѣлъ на Волгѣ. Много народу потонуло, страсть какъ много... Ну, вотъ онъ утопленниковъ-то и вытаскивалъ...

— Такой, значитъ, ему таланъ вышелъ,—глубокомысленно замѣтилъ Емельянъ.

— Извѣстно,—подхватилъ Вавила,—знамо, что таланъ... Знамо...

И потомъ, вдругъ перемѣнивъ тонъ и вскочивъ на ноги, онъ прибавилъ:

— Ты посиди здѣсь, Емеля, а я пойду въ чуланъ за картошкой.

— Ну, ступай.

Вавило пошелъ за картофелемъ, а Емельянъ принялся подкидывать сучьевъ. Волчекъ на этотъ разъ не пошелъ за Вавилой; пылавшій огонекъ до того разогрѣлъ его, что онъ совершенно раскинулся и протянулъ всѣ свои четыре лапы. Кругомъ было тихо. Ночь была въ полномъ смыслѣ слова нѣмая; только журчалъ одинъ студеный ключъ, да изрѣдка посвистывалъ гдѣ-то неугомонный коростель Воздухъ былъ свѣжій, небо чисто, какъ зеркало... Вавила не замедлилъ воротиться. Пріятели принялись чистить картофель.

— А ты какъ попалъ сюда?—спросилъ я Вавилу, желая возобновить на время прекратившійся разговоръ.

— По женѣ, значитъ,—отвѣтилъ онъ, указывая на сторожку.—Женился, значитъ, на здѣшней, да тутъ и застрялъ. А теперь вотъ лѣсъ караулю, что-бы, значитъ, не рубили... Такъ и караулю... Только усмотрѣть-то трудно, и—и какъ трудно! Народъ кругомъ самый египетскій. И какой народъ... Воръ на ворѣ... Вотъ хоть, къ примѣру, Завьяловскіе, али вотъ Грачевскіе, али вотъ Ждановскіе... Да чего тамъ—всѣ сколь ни есть селеній вокругъ, всѣ воры... Вотъ и вечоръ... Поймалъ я завьяловскаго Афоньку—лучину рубилъ. Такъ что ты! такой-то озорникъ. Чуть топоромъ не срубилъ... да благо: другой полѣсовый подошелъ, за руку схватилъ... Лошадь кое-какъ отняли.

— Отняли?—спросилъ Емельянъ.

— Ништо, отняли, и теперь у меня. Велѣлъ ему два цѣлковыхъ принести штрафу. Принеси, говорю, тогда и лошадь получишь. Да вотъ что-то долго не идетъ.

— А кому эти деньги пойдутъ?—спросилъ я.

— Знамо куда—въ господскую контору

— Это лѣсъ чей? Облепихина?

— Его, господина Облепихина

— А дѣти есть у тебя?

— Дѣти-то? спросилъ онъ... потомъ, почесавъ въ затылкѣ, прибавилъ:

— Нѣтъ, дѣтей нѣту...

И какъ-то насупившись, обратился къ Емельяну:

— Что картошки-то готовы?

— Нѣтъ еще...

И, перемѣнивъ тонъ, вдругъ спросилъ:

— Ну, а какъ мой пѣтухъ? живъ?

— Пѣтухъ-атъ? — вдругъ весело вскрикнулъ Вавила и въ одну минуту вскочилъ на ноги.— У! бѣда!.. Вотъ какой пѣтухъ!.. у!..

— Что, небось!.. Вотъ ты все не вѣрилъ. Я тѣ говорилъ, что аховскій пѣтухъ.

— Нѣтъ, ты слышкать, — перебилъ его Вавила,—что я тебѣ скажу то... слышкать! Знаешь ты Васильева пѣтуха, знаешь?

— Ну, знаю,—отвѣчалъ Емельянъ.

— Какой пѣтухъ? добрый вѣдь пѣтухъ? добрый? Слышкать, добрый вѣдь пѣтухъ, матерой пѣтухъ? Вотъ, знаешь, Василій пѣтуха и принесъ ко мнѣ...

— Ой ли?

— Принесъ пѣтуха, да и говоритъ: Вавила Иванычъ, слышалъ я, что у тебя больно пѣтухъ есть хорошій.—Есть, говорю.—Какъ бы, говоритъ, стравить съ моимъ? Слышкать, слышкать: какъ-бы, говоритъ, съ моимъ то?.. Что-жъ, давай, молъ. И спустили.

— Ну?

— Какъ пошелъ, какъ пошелъ!.. Перья летятъ; а мой-атъ схватитъ, какъ схватитъ... ху! ху! ху!.. Василій-атъ скорѣй за водой бѣжать.. Насилу розлили... такъ и налетаетъ, такъ и налетаетъ... какъ схватитъ... У! какой пѣтухъ.

— А, то-то же... А ты все не вѣрилъ. Я тебѣ говорилъ: бери-и! будешь спасибо сказывать.

— Что смѣху-то положили мы въ тѣ поры... животики надорвали. Да чего, хозяйка моя вышла—такъ онъ и на нее—какъ схватитъ, какъ схватитъ, такъ на грудь и бросается.

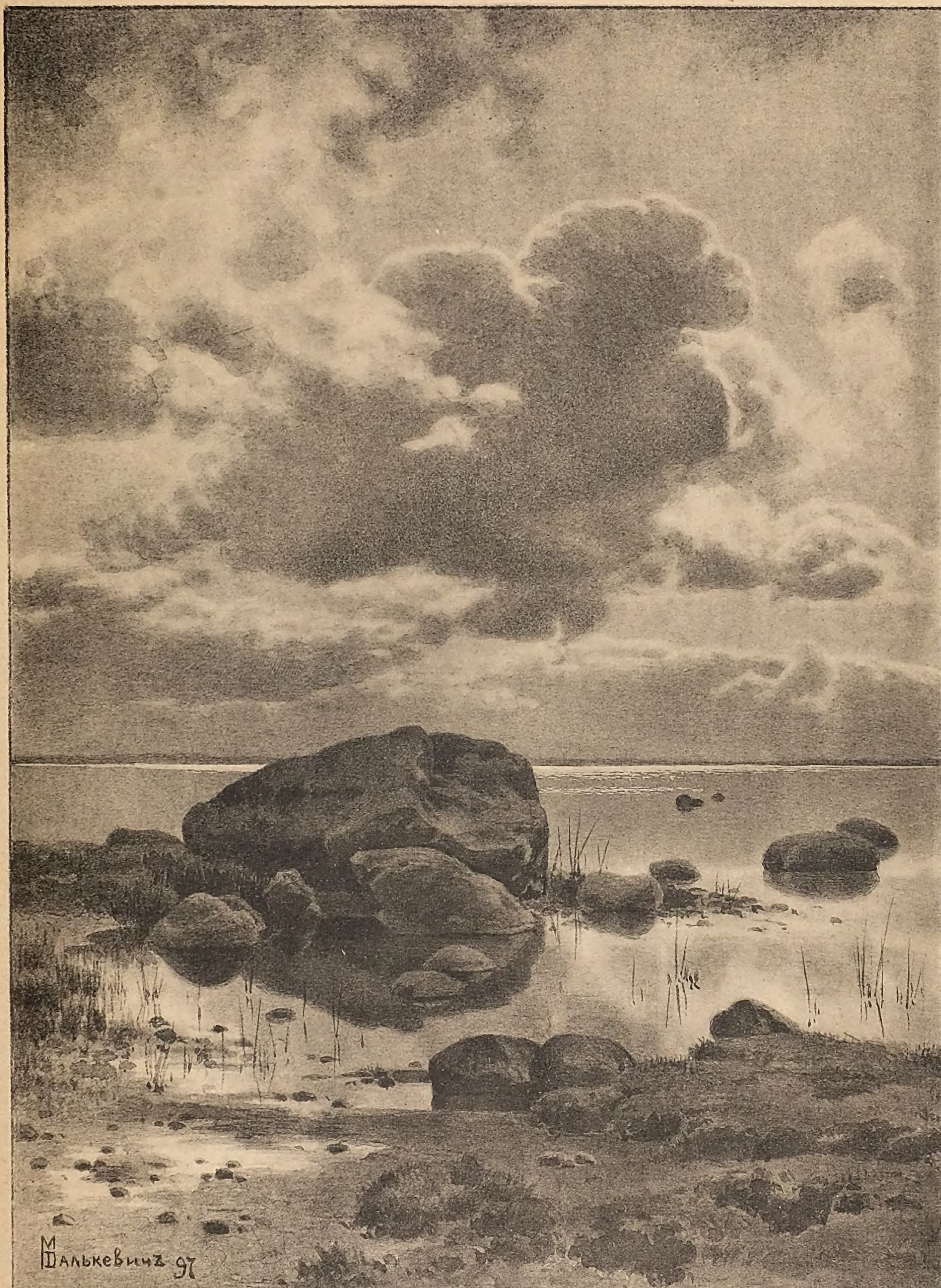
И принялись Вавила съ Емельяномъ хохотать во все горло, и далеко разносился добродушный хохотъ этотъ по лѣсу, окутанному ночной мглой.

Я оставилъ ихъ и пошелъ спать въ сарай.

Сарай былъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ котелка, и въ растворенную дверь сарая этого я хорошо могъ видѣть и слышать Емельяна и Вавилу. По всему можно было заключить, что они, дѣйствительно, были хорошіе пріятели; исторія же пѣтуха подтверждала эту пріязнь еще болѣе, такъ какъ я узналъ впослѣдствіи, что пѣтуха этого Емельянъ подарилъ Вавилѣ, несмотря на то, что самъ былъ страстный охотникъ до пѣтуховъ.

Друзья довольно долго смѣялись, но наконецъ затихли и успокоились. Оба они сидѣли на корточкахъ возлѣ котелка. Какъ сейчасъ, вижу я и этотъ огонекъ, горѣвшій подъ котелкомъ, и эти лица двухъ пріятелей, облитыя краснымъ свѣтомъ пламени, и этотъ освѣщенный кустъ орѣшника, росшій неподалеку отъ котелка, и эту морду Волчка, развалившагося на травѣ... Дорога, по которой я пріѣхалъ, пробѣгала почти мимо котелка, но она была покрыта мракомъ—такъ-же, какъ и избушка лѣсника. Я лежалъ на сѣнѣ молча и слышалъ, какъ въ сосѣднемъ хлѣвѣ корова жевала жвачку, какъ встряхивались куры, сидѣвшія на нашестѣ... такъ было тихо.

Наконецъ поспѣла и кашица. Вавила сбѣгалъ тихонько въ избу, принесъ хлѣба, чашку и ложки, и принялись они вмѣстѣ съ Емельяномъ ужинать. Емельянъ поминутно вздрагивалъ и оглядывался; темнота ночи пугала его.

М. М. Далькевичъ.

Облачно...

— А что, Вавила,—проговорилъ онъ, опуская ложку:—тебѣ, поди, страшно жить въ лѣсу?

— А что?—спросилъ Вавила.

— Какъ что! лѣсъ... придетъ какой озорникъ, да и.. лѣсъ!..

— Нѣтъ, я не боюсь...

— Да какъ ты говорилъ же,—снова возразилъ Емельянъ,—что вчера вечеромъ Афоня тебя чуть топоромъ не срубилъ.

— Такъ вотъ не срубилъ же... Значитъ, Господь не допустилъ... А кабы Господь того... такъ и на печкѣ убили бы... Нешто не бываетъ?.. Грѣхъ-атъ не по одному по лѣсу ходитъ... Вонъ, бабушку Акулину и въ избѣ задушили.

Емельянъ вздрогнулъ и оглянулся.

— За что это ее?—спросилъ онъ, понизивъ голосъ и пододвигаясь къ Вавилѣ.

— За что... извѣстно, изъ-за денегъ... и вѣдь кто задушилъ-то, нищіе слѣпые... Вонъ оно что... День-то по селу съ мѣшками ходили, подъ окнами милостыню собирали, а ночью забрались къ ней и задушили... Ну, знамо: старушонка была хилая, старая... жила одна въ кельѣ—и задушили... Мекали, что денегъ много, анъ денегъ-то всего два двугривенныхъ.

— Ни за что христіанскую душу погубили,—проговорилъ Емельянъ, тяжело вздохнувъ.—А что ихъ изловили, кажись?

— Изловили... Поди, въ моемъ же лѣсу. Вотъ недалечко, въ оврагѣ.

— Охъ!—почти вскрикнулъ Емельянъ и приподнялся съ мѣста, но Вавило удержалъ его.

— Эка ты!—проговорилъ онъ:—подлинно, что Емельянъ Робкій... ну, чего боишься-то? Они въ острогѣ давно.

— Экіе душегубцы,—проговорилъ Емельянъ, опуская голову:—А что, Вавила, правда это, что ли: вишь, говорятъ, коли убійцу подвести къ тѣлу, такъ изъ убитаго кровь пойдетъ?

— Вѣрно, сичасъ пойдетъ. Это значитъ—кровь вопіетъ... А знаешь, гдѣ ихъ поймали-то?

— Гдѣ?

— А въ томъ оврагѣ, гдѣ мы, помнишь, дубъ-атъ смотрѣли...

— Вѣдь они слѣпыми-то, вишь, притворились только?

— Нѣтъ, одинъ точно слѣпой былъ... здоровенный такой... Онъ и душилъ... Дали ему Акулину,—онъ и давай душить... а послѣ на допросѣ и говоритъ: „я, говоритъ, точно душилъ кого-то, только я не зналъ, что это человѣкъ былъ: мнѣ сказали, что собака". Слѣпой-то душилъ, а зрячіе въ сундукахъ шарили...

— Господи!

— Ужъ ихъ на третій день нашли... Да ты что плохо кашицу-то хлебаешь?

Пріятели замолчали и принялись за ужинъ. Волчекъ стоялъ возлѣ и махалъ хвостомъ, умильно поглядывая на краюшку хлѣба, но о немъ какъ-будто забыли. Все было тихо; котелокъ былъ снятъ съ огня, и потому пламя освѣщало уже большое пространство, такъ что даже высокія деревья, окружавшія площадку, были мѣстами освѣщены. Вдругъ волчекъ круто повернулся, поднялъ голову, потянулъ воздухъ и съ громкимъ лаемъ бросился въ чащу. Емельянъ вскочилъ и затрясся всѣмъ тѣломъ.

— Кто-то идетъ...—проговорилъ онъ.

Вавила тоже всталъ. Лай Волчка все усиливался; онъ даже обращался по временамъ въ какой-то безпорядочный визгъ. Вдругъ Волчекъ снова выбѣжалъ на площадку. Онъ метался всѣмъ корпусомъ и прыгалъ вокругъ Вавилы, продолжая лаять въ ту сторону, изъ которой только-что выскочилъ. Послышался трескъ сучьевъ, и на площадку вышелъ мужикъ въ бѣлой рубахѣ, безъ шапки.

Емельянъ ахнулъ, а Вавило расхохотался.

— Тьфу ты!—воскликнулъ онъ:—только меня-то смутилъ... Глядя на тебя, и я-то перепужался. Цыцъ, Волчекъ!—прибавилъ онъ, ткнувъ Волчка ногой.

Мужикъ подошелъ къ Вавилѣ.

— Здравствуй, Вавила Иванычъ!—проговорилъ онъ, опустивъ голову:—замѣшкался маненько, да вишь, все денегъ искалъ... Да гдѣ взять?.. Какое наше богатство?

— Не нашелъ, значитъ?

— Нѣтъ, нашелъ, Вавила Иванычъ... Телушку продалъ—и нашелъ... Вотъ, возьми два цѣлковыхъ...

И, сказавъ это, мужикъ вытащилъ изъ-за пазухи мѣшечекъ и подалъ Вавилѣ деньги.

— А что лошадка-то?

— Лошадка твоя ничего: подъ навѣсомъ. Я ей травки давалъ.

— Стало, получить можно?

— Теперь получай, Аѳанасій Иванычъ.

Мужичекъ просіялъ, радость пробѣжала по его

лицу, но она мгновенно исчезла, и онъ снова повѣсилъ голову.

Вы догадываетесь, конечно, что это былъ тотъ самый Афоня, котораго Вавила поймалъ ночью въ лѣсу и у котораго оставилъ лошадь.

Емельянъ успокоился немного, но онъ все еще не рѣшался отойти отъ Вавилы. Всѣ трое стояли неподалеку отъ огня и были облиты свѣтомъ. Афоня стоялъ противъ Вавилы. Голова его была опущена. Всклокоченные волосы торчали во всѣ стороны. Руки висѣли, какъ плети. На Афонѣ была бѣлая холщевая рубаха, продранная на плечахъ и локтяхъ. Глядя на Афоню, можно было подумать, что онъ весь разбитъ. По временамъ онъ тяжело вздыхалъ, и худое изнуренное лицо его болѣзненно перекашивалось, словно ему было трудно и больно вздыхать. Говорилъ онъ какъ-то глухо, почти не шевеля губами; сухой кашель поминутно прерывалъ его голосъ.

— А что,—спросилъ Вавила,—вѣдь ты, пожалуй, срубилъ бы меня топоромъ-то, кабы другой лѣсникъ не подоспѣлъ?

— Пожалуй-что...

— И рука бы поднялась у тебя на такое дѣло?..

— Больно ужъ я оробѣлъ,—проговорилъ Афоня: —думалъ, въ острогъ попаду... Думалъ: посадятъ въ острогъ, а семья-то какъ останется... Чего тутъ дѣлать-то... Знамо бы срубилъ...

Вавила только головой покачалъ.

— Ну, чтожъ, — проговорилъ онъ: — вывести тебѣ лошадь-то?

— А телѣжка-то цѣла?

— Извѣстно, цѣла.

— Такъ выведи, Вавила Иванычъ, — проговорилъ вдругъ Афоня, какъ-будто опомнившись.

Вавила пошелъ за лошадью, Емельянъ тоже. Онъ не рѣшался остаться съ глазу на глазъ съ тѣмъ, который чуть не срубилъ его пріятеля топоромъ. Афоня молча опустился на землю и закрылъ лицо руками. Волчекъ давно уже пересталъ лаять. Онъ воспользовался уходомъ ужинавшихъ и преспокойно грызъ корки. Вавила и Емельянъ копались долго. Я слышалъ, какъ они запрягали лошадь въ телѣгу. Афоня сидѣлъ, закрывъ лицо руками и только по временамъ, когда сильный сухой кашель душилъ его, онъ стоналъ и хватался руками за впалую грудь. Наконецъ ворота отворились, и Вавила съ Емельяномъ выѣхали на площадку, сидя въ телѣгѣ.

— Ну, вотъ тебѣ, Афоня, и лошадь и телѣга,—кричалъ Вавила, выѣзжая на дорогу.—На, ступай съ Богомъ.

Афоня поднялся и подошелъ къ лошади. Лицо его снова оживилось; лошадь заржала—она словно узнала своего хозяина.

— Ну, что? ну, что, Пѣгашка! — говорилъ Афоня, съ радостной улыбкой поглаживая лошадь:—узналъ? у! Пѣгашка, Пѣгашка!

— А она, видно, любитъ тебя,— проговорилъ Вавила, слѣзая съ телѣги и смотря на лошадь.

— Еще бы! я ее жеребенкомъ купилъ у татаръ. Рѣзать они вели ее... мнѣ стало жалко, я ее вымѣнялъ на полушубокъ... Эхъ, кормить-то мнѣ только тебя нечѣмъ, Пѣгашка!.. Лѣтомъ-то травкой пробавляется, а придетъ зима, завалитъ травку снѣгомъ, въ тѣ поры придется разставаться и продавать тебя, мою кормилицу.

— Нѣтъ, ты ее не продавай, Афоня!—проговорилъ Вавила.—Лошадка добрая...

— Эхъ, Вавила Иванычъ, нешто я продаю?.. нужда продаетъ... Вѣдь я...

Но кашель задушилъ Афоню, и онъ махнулъ рукой и ухватился за грудь. Вавила слушалъ его, повѣся голову. Водворилось молчаніе. Долго исподлобья смотрѣлъ лѣсникъ на Афоню, наконецъ подошелъ къ нему и спросилъ.

— Слышкать, Афоня, ты поѣсть не хочешь ли? Я тѣ молочка да хлѣбушка вынесу.

— Нѣтъ, спасибо, Вавила Иванычъ: ѣхать пора.

— Эхъ, Афоня, жаль мнѣ тебя!.. Послушайка, вотъ что: возьми свои деньги, возьми, купи опять назадъ телку-то... чего въ самомъ дѣлѣ... Нешто можно безъ телки?.. Чего же тутъ подѣлаешь-то... Вѣдь брюхо-то на самомъ дѣлѣ тревожитъ... Нѣтъ, ты возьми деньги ..

Афоня какъ стоялъ, такъ и упалъ въ ноги Вавилѣ Иванову.

— Что ты! что ты! Встань, Афоня,—говорилъ Вавила, поднимая его:—что ты!

Афоня всталъ, слезы ручьями текли по его впалымъ щекамъ, руки дрожали, онъ весь дрожалъ...

— Господь не оставитъ тебя, Вавила Иванычъ! — говорилъ онъ. — Господь все видитъ... Онъ того...

— Только, смотри,-- говорилъ Вавила: — чтобы никто про это не зналъ. Женѣ своей не говори — бабы болтливы .. Дойдетъ до приказчика, бѣда...

— Слушаю, Вавила Иванычъ, попу на духу не скажу.

— То-то, смотри!.. Самъ знаешь, про такое дѣло молчать надо... А то вѣдь и мнѣ отвѣчать придется.

Долго кланялся Афоня Вавилѣ Ивановичу, наконецъ сѣлъ на телѣгу и тронулъ лошадь. Вавила шелъ возлѣ него.

— Ты вотъ что, Афоня,—говорилъ онъ:—ты вотъ сказывалъ, дворъ тебѣ загородить надо, избенку ухетать, ты того... шепни мнѣ... понимаешь... Самъ не ѣзди, а приди да шепни, чтобы только хозяйка не слыхала... Я тебѣ того... это все ничего, незамѣтно будетъ, только мотри... Ну, прощай!.. Съ Богомъ, прощай...

Долго раздавался по лѣсу скрипъ колесъ; наконецъ, все утихло. Вавила и Емельянъ собирались спать. Оставалось только залить огонь, какъ вдругъ послышался далекій и глухой топотъ. Первый услыхавшій его былъ Вавила.

— Ну, приказчикъ ѣдетъ! —проговорилъ онъ, прислушиваясь къ топоту.

— Встрѣтитъ онъ Афоню!—замѣтилъ Емельянъ.

— Нѣтъ, онъ по другой дорогѣ.

И не успѣлъ онъ докончить этого, какъ Волчекъ съ дикимъ лаемъ бросился со всѣхъ ногъ въ темную чащу. Напрасно Вавила кричалъ ему: назадъ, назадъ... Напрасно старался догнать его, чтобы воротить и запереть куда-нибудь, Волчекъ ничего знать не хотѣлъ. Громкій и злобный лай его раздавался по лѣсу. Вавила видимо смутился. Онъ сталъ зажигать костеръ, а Емельяна послалъ будить хозяйку.

— Ступай-ка, разбуди: неравно, чаю захочетъ... —проговорилъ онъ.—Вели самоваръ согрѣть.

Картина мгновенно измѣнилась. Все какъ-будто вздрогнуло, встрепенулось. Стаи галокъ и грачей, пробужденныхъ неистовымъ лаемъ Волчка съ крикомъ поднялись со своихъ мѣстъ и съ шумомъ носились по воздуху: надъ костромъ закружился голубь, и заблестѣлъ огонекъ въ избушкѣ лѣсника. Показался Емельянъ.

— Ну, что, разбудилъ?

— Разбудилъ, встала.

Топотъ между тѣмъ приближался, послышалось частое шлепанье грязи, и немного погодя, сопровождаемый лаемъ и визгомъ Волчка, вылетѣлъ на площадку крупною рысью приказчикъ. Онъ подъѣхалъ къ сторожкѣ и соскочилъ съ лошади.

— Бери лошадь! — крикнулъ онъ, бросая Вавилѣ повода.—Поставь на мѣсто.

— Слушаю, Василій Трофимычъ. Цыцъ ты, цыцъ ты, проклятый!

— Цыцъ! цыцъ! — крикнулъ въ свою очередь приказчикъ, замахнувшись на Волчка ногайкой.

Но Волчекъ увернулся, сдѣлалъ оборотъ и снова началъ бросаться подъ ноги приказчику.

— Цыцъ! — повторилъ Вавила и, поймавъ наконецъ Волчка за шею, передалъ его Емельяну.

Собака присмирѣла.

— А что въ лѣсу все благополучно?

— Все слава Богу-съ.

— А сегодня дѣлалъ обходъ?

— Никакъ нѣтъ, Василій Трофимычъ, не обходилъ еще.

— Это почему?—крикнулъ приказчикъ.

— Не успѣлъ.

— Маршъ сейчасъ же. Слышишь, сейчасъ же!.. А утромъ доложишь. Я здѣсь переночую.

Вавила вздрогнулъ и насупился.

— Чего же я таперь ночью-то увижу?.. У меня, поди, глаза-то не совиные...

— Не разсуждать!—крикнулъ приказчикъ, топнувъ ногой.—Дѣлай, что приказываютъ.

— Не пойду я таперь! — проворчалъ Вавила, дико посмотрѣвъ на приказчика.

— Не пойдешь?

— Не пойду.

И приказчикъ набросился-было на Вавилу, но тотъ отстранилъ его рукой.

— Не трогайте лучше! — заговорилъ Вавила, весь позеленѣвъ: — а лучше всего, — прибавилъ онъ, — разочтите меня. Не желаю я служить у васъ... ко дворамъ хочу. Разочтите... да поскорѣй, не мѣшкайте... не доводите меня до грѣха... Слышите!.. не доводите.

Что такое случилось съ Вавилой, съ этимъ, дотолѣ тихимъ и смирнымъ мужичкомъ, безсловеснымъ и даже какъ-будто забитымъ,—я не знаю... Знаю только, что теперь на него страшно было смотрѣть... Это былъ звѣрь какой-то, а не человѣкъ. Глаза его сверкали, лицо позеленѣло и перекосилось, кулаки судорожно сжимались, и весь онъ дрожалъ, словно его била страшная лихорадка. Видно было, что что-то накопилось внутри Вавилы, и что этому накопившемуся надо было такъ или иначе разразиться.

Понялъ это и приказчикъ и, приказавъ Вавилѣ

придти завтра въ контору, вскочилъ на лошадь и уѣхалъ.

— Что ты, что ты надѣлалъ? — прошепталъ Емельянъ, робко озираясь и чуть слышно подходя къ Вавилѣ.—Что ты надѣлалъ?

— Мы знаемъ что! — огрызнулся тотъ и, войдя въ сторожку, громко захлопнулъ за собою дверь.

Немного погодя, все успокоилось, и мы съ Емельяномъ заснули крѣпкимъ сномъ.

И. Саловъ.

РУКИ.

Не толкуйте о свободѣ съ нами,
Утѣшенья праздныя смѣшны:
Съ колыбели были мы рабами.
И рабами умереть должны.

По свистку встаемъ мы съ пѣтухами,
Въ часъ урочный начинаемъ трудъ,
Для ѣды и отдыха не нами
Срокъ назначенъ въ нѣсколько минутъ.

Выбранъ нами не по доброй волѣ
Путь проклятый: гнали на заводъ
Насъ отцы, какъ скотъ гоняютъ въ поле,
Съ рукъ сбывая каждый лишній ротъ.

Никогда мы не были въ ученьи,
Намъ узнать ремеслъ не привелось,
Насъ хватаетъ только на умѣнье
Цѣлый день дежурить у колесъ.

Послѣ долгихъ дней такой науки,
Послѣ долгихъ дней такихъ трудовъ
Изъ людей мы превратились въ руки,
Въ части этихъ паровыхъ котловъ.

Мы живемъ, пока они въ движеньи,
Остановятъ ихъ —и мы умремъ,
Такъ какъ нѣтъ ни въ комъ изъ насъ умѣнья
Жить другимъ какимъ-нибудь трудомъ.

Только разъ въ недѣлю мы свободны,
Но какой же отдыхъ можетъ быть
Посреди семьи полуголодной,
Если тошно и самой ей жить?

Отъ нея бѣжимъ мы на разсвѣтѣ,
Къ кабакамъ мы проторяемъ путь,
Чтобъ забыть скорѣе все на свѣтѣ,
Чтобъ мертвецкимъ сномъ скорѣй уснуть.

Спимъ мы въ этомъ мрачномъ опьяненьи,
Крѣпко спимъ до той поры, когда
Вновь свистка фабричнаго гудѣнье
Насъ подниметъ на шесть дней труда.

Не толкуйте-жъ о свободѣ съ нами,
Утѣшенья праздныя смѣшны:
Съ колыбели были мы рабами
И рабами умереть должны.

А. Михайловъ (А. К. Шеллеръ).

ЗВѢРЕНЫШЪ.

(изъ записокъ одинокаго).

I.

Всѣми возможными способами я стараюсь оградить свой покой... Мнѣ несносенъ уличный шумъ, —я нарочно поселился во дворѣ, въ четвертомъ этажѣ, и когда я поднимаюсь въ свою квартиру, зная, что надо мною жилья нѣтъ, одинъ чердакъ, я счастливъ тѣмъ, что ни одинъ жилецъ нашего дома не обгонитъ, не заглянетъ въ лицо, не толкнетъ плечомъ и не извинится. Страдаютъ немного ноги, но что такое ноги сравнительно съ душевнымъ равновѣсіемъ! Въ этомъ отношеніи я не теряю равновѣсія, нѣтъ!

Въ нашемъ домѣ, должно быть, очень много жильцовъ, но всѣ они живутъ, копошатся въ своихъ интересахъ, страдаютъ и умираютъ (недавно былъ покойникъ въ домѣ) гдѣ-то тамъ, внизу. Какое мнѣ дѣло до нихъ,—я не знаю ни одного.

Прислугу я себѣ подобралъ такую, которая не безпокоитъ меня, — т.-е. ровно ничего не дѣлаетъ. Мой кабинетъ похожъ на ископаемый музей (если таковые когда-нибудь существовали) такъ все въ немъ потускнѣло, вылиняло и покрылось пылью,—остальныхъ двухъ комнатъ я почти не знаю,—должно быть тамъ тоже самое! Теперешняя моя прислуга — старая, вѣчно-сонная и, кажется, плѣшивая чухонка,—хорошо не разглядѣлъ,—но у меня раньше была другая, которой я вынужденъ былъ отказать—изъ-за кота! Эта женщина завела кота, отравившаго мое существованіе. Однажды, когда я вернулся съ прогулки и вошелъ въ неосвѣщенный кабинетъ, я былъ пораженъ какимъ-то фосфорическимъ блескомъ въ углу. Я чиркнулъ спичку,—что-то спрыгнуло со стула и пробѣжало мимо въ отворенную дверь; но я успѣлъ замѣтить, что это что-то былъ котъ. Я ничего не сказалъ прислугѣ, и все шло по старому. Черезъ недѣлю (въ кабинетѣ было темно, т. к. я люблю темноту), желая взять со столика книгу, я коснулся пушистой шкуры кота, —негодяй комфортабельно лежалъ на одномъ изъ моихъ любимыхъ философовъ, и... даже не пошевелился! Пришлось изъ-подъ него вытащить философа. А котъ смотрѣлъ на меня вопросительно строго своими наглыми, фосфорическими глазами. Затѣмъ я сталъ находить этого ужаснаго кота повсюду: на письменномъ столѣ, прислонившаго безсовѣстную голову къ ламповой подставкѣ, на комодѣ, между чайницей и сахарницей, внутри моей собольей шапки, и, наконецъ, что́ уже переполнило чашу долготерпѣнія,—на моей подушкѣ съ надѣтой только-что на нее свѣжей наволочкой.

На другой день прислуга получила расчетъ, взяла моего врага подъ мышку и, какъ водится, давъ волю женскому языку, прочитала мнѣ по поводу моего жестокосердія (?) цѣлую нотацію, пригрозивъ, что *послѣ этого* у меня никто не станетъ жить... Каково! Я обязанъ былъ терпѣть ея кота, который меня пугалъ и безпокоилъ!

II.

Я, кажется, сказалъ, что люблю темноту? Готовъ повторить еще разъ: да, я ее люблю! Я привыкъ къ ней настолько, что могу видѣть предметы, самые маленькіе предметы. Если бы я былъ поэтомъ, — въ противуположность всѣмъ другимъ,—я бы воспѣлъ... мракъ. Онъ напоминаетъ смерть, небытіе, въ немъ все прекрасно, все стройно, гармонично, а главное, все повинуется вашему воображенію. Во мракѣ я становлюсь полнымъ хозяиномъ своего воображенія. Я могу, напримѣръ, вообразить лицо женщины,—не той, которую я зналъ,—о нѣтъ, стоитъ выйти на улицу, и я найду ее въ сотнѣ проходящихъ мимо, — но другой, несуществующей, никогда по всей вѣроятности не существовавшей, но какая должна быть, по моему, женщина. Вѣдь надъ чертами лица той, существующей, я долженъ много и долго работать воображеніемъ, чтобы вышло то, чего я хочу! Я долженъ удлиннить или укоротить носъ, дать другой цвѣтъ лицу, волосамъ, глазамъ и, что главное, одухотворить ее, дать ей то неизмѣняющееся выраженіе, какое мнѣ желательно. Съ *этой*, несуществующей, нѣтъ никакого труда,—стоитъ только захотѣть. И вотъ

во мракѣ, сперва неяснымъ пятномъ, рисуется очертаніе, похожее на женщину,—моментъ, и это уже *она!* Граціозными складками ниспадаютъ легкія ткани ея одежды, волна роскошныхъ волосъ мягко охватила дѣвственную грудь, а лицо,—это чудное, матовой бѣлизны лицо, на которомъ дѣтское лукавство такъ дивно перемѣшалось съ выраженіемъ серьезной работы ума, и пытливый, вдумчивый взглядъ огненныхъ глазъ смягчается полной беззаботности, ласковой улыбкой ребенка...

Я одинокъ, и счастливъ одиночествомъ, дарящимъ мнѣ такія упоительныя минуты. Когда-то я, вмѣстѣ съ другими, кипѣлъ въ котлѣ, который называется жизнью. О, какое это было ужасное время! И подумать, что оно тянулось почти всю жизнь! Да, это была какая-то тяжелая, безконечная цѣпь однихъ страданій, начавшихся чуть ли не съ пеленокъ. Я страдалъ отъ несправедливостей другихъ, отъ невозможности свободно и смѣло выразить свое *я*, отъ обидъ и оскорбленій, отъ уколовъ самолюбія, ложныхъ похвалъ, предательства друзей, отъ ихъ дружбы, измѣны тѣхъ, кого я имѣлъ глупость любить, и клеветъ тѣхъ, кого имѣлъ смѣлость ненавидѣть. И отъ всѣхъ этихъ душевныхъ ранъ я быстро излечивался, чтобы... идти получать новыя! Я былъ какъ тотъ „ванька-встанька“, котораго какъ ни швыряй, а онъ все на своемъ дурацкомъ кругломъ туловищѣ безъ ногъ! И мнѣ кажется, что мы всѣ „ваньки-встаньки“.

III.

Мои прежніе друзья и знакомые говорятъ, что я жалокъ въ своемъ одиночествѣ, а нѣкоторые, подмигивая, прибавляютъ, что я... того... сошелъ съ ума! Какой вздоръ! Никогда еще я не чувствовалъ себя настолько здравомыслящимъ, какъ теперь, когда мои личныя сужденія не переплетаются уродливыми арабесками съ сужденіями другихъ! Жалокъ? Странно! А тотъ, кто разсчитывалъ получить повышеніе по службѣ и не получилъ? а тотъ, кто всю жизнь ползалъ въ грязи передъ другими и на него ни разу не обратили вниманія? а тотъ, кто нѣкогда чистыми руками взялся за грязное дѣло, кто женился, и не былъ счастливъ съ женою, кто былъ счастливъ и сталъ несчастливъ по своей винѣ? Вотъ, кто по истинѣ жалокъ, а не я!

Я отошелъ отъ всего, а главное—отъ людей, поэтому я не могу быть ни жалкимъ, ни несчастнымъ. Кто сказалъ, что человѣкъ—животное общественное, тотъ пересталъ видѣть въ человѣкѣ человѣка и увидѣлъ въ немъ, дѣйствительно, животное; тотъ, кто скажетъ, что люди должны помогать другъ другу, — трусъ жизни, или плутъ. Трусъ потому, что онъ боится жить за себя, плутъ потому, что ему выгодно жить за другими!

IV.

Жалокъ! Нѣтъ, жалки вы, къ которымъ я невольно спускаюсь иногда съ своего чердака, жалка эта многоголовая, тысячная толпа, которая пестритъ улицы огромнаго города! Мое одинокое сердце содрагается отъ ужаса, когда я вижу ваши жалкія потуги жизни, т.-е. того, что вы называете жизнью, ваши безплодныя метанья и озлобленныя исканья. И я внутренно призываю къ себѣ всю силу насмѣшки, иначе безъ нея я не могъ бы смотрѣть на васъ равнодушно, можетъ быть я... не могъ бы жить. .

О, бѣдныя, испорченныя большія дѣти! Развѣ я не вижу всѣ ваши продѣлки, какъ только переступаю порогъ квартиры! Развѣ я не вижу, зачѣмъ существуетъ швейцаръ,—этотъ совершенно безполезный членъ въ домѣ? Онъ существуетъ затѣмъ, чтобы брать съ васъ двугривенные, гноить своихъ дѣтей въ сырой швейцарской, а тѣхъ, которыхъ не сможетъ сгноить, сдѣлать въ свою очередь швейцарами. Мнѣ кажется, что онъ оскорбляетъ меня, предполагая во мнѣ паралитика и открывая передо мною дверь, а на праздникахъ побуждая меня заплатить ему еще за это! Его улыбка... Развѣ собака улыбается такъ, когда ее приласкаютъ? А вѣдь онъ улыбается впередъ, такъ сказать, авансомъ за будущее... Я отошелъ отъ подъѣзда, а какой-то простой чернорабочій человѣкъ подошелъ. Ему что-то надо... онъ показываетъ клочекъ бумаги. Посмотрите на ихъ лица: напряженно-растерянное, оробѣвшее лицо простого человѣка и необыкновенно надменное, полное сознанія своего достоинства лицо швейцара! Двѣ минуты тому назадъ холопъ, а теперь властелинъ! Смотрите, какъ онъ срываетъ на простомъ человѣкѣ затаенную обиду своего пресмыкательства предъ вами! Смотрите, какъ онъ медленно и необыкновенно важно читаетъ адресъ, какой презрительно насмѣшливый взглядъ бро-

саетъ онъ на того, замѣтьте этотъ небрежный жестъ, съ какимъ онъ, ничего не разъяснивъ и не указавъ, предлагаетъ простому человѣку убираться откуда пришелъ.

Дальше идти не зачѣмъ: на всѣхъ поприщахъ жизни вы найдете моего швейцара, – этого прототипа человѣчества. Если у васъ нахально самонадѣянный видъ, и вы еще снабжены кое-какими побрякушками, идите смѣло куда хотите,—*швейцары* съ улыбкою станутъ открывать вамъ двери, съ улыбкою будутъ говорить и слушать, съ легкимъ сердцемъ сдѣлаютъ вамъ все, что хотите; если вы простой человѣкъ, — самое лучшее, не идите никуда, не просите никого ни о чемъ, а отправляйтесь къ вашей женѣ, дѣтямъ, къ вашей лошади, вашей собакѣ, и на нихъ срывайте затаенную обиду вашего существованія. А можетъ быть, найдется еще кто-нибудь, кто *попроще* васъ? Тѣмъ лучше для вашего самолюбія.

V.

До сихъ поръ не могу понять, какимъ образомъ это произошло. Должно быть, въ минуту непростительной слабости или того *чувства человѣчности*, которымъ такъ кичатся люди и которое, какъ я надѣялся, угасло во мнѣ совершенно. Нѣтъ, оно возникло вновь! Я увидѣлъ звѣреныша на одной изъ шумныхъ, грязныхъ, переполненныхъ народомъ улицъ. Былъ конецъ октября. Напавшій съ утра мокрый снѣгъ превратился въ какую-то рыхлую, коричневую кашу и таялъ. Въ воздухѣ чувствовалась холодная сырость. Обстановка, въ которой я увидѣлъ своего звѣреныша, была довольно обыденная: въ рваной кацавейкѣ и стоптанныхъ сапожонкахъ, звѣренышъ тащился позади пьяной матери и ревѣлъ, некрасиво искрививъ грязную физіономію. На углу мать и ребенокъ остановились, и я услышалъ слѣдующій разговоръ:

— Отвяжись ты отъ меня, чортъ проклятый! Что прицѣпился!..

— А... ты... пойдешь... въ кабакъ!—ревѣлъ ребенокъ.

— Ну, и пойду!

— А мнѣ... хо-лод-но!

— Наплевать!

— Я ѣсть... хо-о-чу! Дай копѣечку... хлѣба куплю!

— Эка! Ишь какой выискался! Попроси вонъ у людей..

Разговоръ вдругъ прекратился по весьма простой причинѣ: мать, увидя сине-красную вывѣску, прибавила шагу и исчезла за грязной съ мокрыми стеклами дверью заведенія. Ребенокъ сунулся-было за матерью, но кто-то изъ посѣтителей придержалъ дверь. Ребенокъ остался на улицѣ. Онъ тоскливо смотрѣлъ на проходившихъ и, видимо, собирался что-то предпринять.

Вотъ въ эту-то минуту и случилось со мною это. Я сказалъ ребенку, что если онъ голоденъ, то я его накормлю, и велѣлъ идти за собою. Ребенокъ посмотрѣлъ на меня, какъ пойманный звѣренышъ, — несомнѣнно, ему пріятнѣе было получить денегъ и удрать, —однако пошелъ за мною.

Моя чухонка была непріятно изумлена появленіемъ на кухнѣ маленькаго оборвыша. Она тоже не любила людей, но, должно быть, на основаніи другихъ мотивовъ, нежели я. Звѣренышъ наѣлся, обогрѣлся, обсохъ, и я, подобно натуралисту, принялся разсматривать это жалкое существо. Онъ все болѣе и болѣе напоминалъ звѣреныша: у него были короткіе, колючіе, какъ щетина, волосы, широкія скулы – признакъ плебейскаго происхожденія,—и немного раскосые, дикіе глаза. Глаза были замѣчательнѣе всего: они не глядѣли ни на меня, ни на предметы, бывшіе въ комнатѣ, – а только на дверь. Ребенокъ сидѣлъ на стулѣ, а глаза его убѣгали за дверь, на улицу и, казалось, бѣжали свободно и весело по грязи во мракѣ осенняго, сырого вечера туда, домой, въ свое отвратительное логово. Впрочемъ, нѣсколько разъ искушеніе было такъ сильно, что звѣренышъ, упираясь руками, тихонько сползалъ со стула, но стоило мнѣ остановить на немъ взглядъ, какъ онъ робѣлъ и оставался неподвижнымъ.

Тысячи мыслей копошились у меня въ головѣ, мыслей, въ которыхъ мнѣ теперь стыдно сознаться. Я думалъ оставить этого ребенка у себя, обмыть, очистить, одѣть его, я думалъ заняться его воспитаніемъ, начать его учить. Я воображалъ, какъ онъ сдѣлается сперва благонравнымъ мальчикомъ, потомъ полезнымъ членомъ общества, — полезнымъ, ха!

Звѣренышъ, наконецъ, не выдержалъ пытки.

— Дяденька;—плаксивымъ тономъ заговорилъ онъ,—я домой хочу!

Я далъ ему немного денегъ, – о, если бы кто увидѣлъ, какъ онъ *умѣло* спряталъ ихъ въ одну

изъ безчисленныхъ прорѣхъ своего одѣянія,—и, подъ предлогомъ, что ему одному не выбраться, въ сущности же желая посмотрѣть, что съ нимъ будетъ, вывелъ его на улицу.

Случалось ли кому выпускать изъ клѣтки дикую, лѣсную птичку? Видѣлъ ли онъ, какъ эта птичка, ошалѣвъ отъ чувства свободы, ринется сперва въ одну сторону, потомъ въ другую, потомъ бросится прямо и, когда сообразитъ, что обезпечила себя разстояніемъ отъ опасности плѣна, сознательно полетитъ куда ей нужно?

То же самое произошло съ моимъ звѣренышемъ: отъ подъѣзда онъ бросился направо, попалъ въ переулокъ, выскочилъ оттуда и пустился во всѣ лопатки впередъ, прямо по мостовой. Чего онъ боялся?

Конечно, пытки благотворенія, самой ужасной пытки, которую могли придумать только люди.

VI.

Черезъ три дня на кухню пришла мать, — пьяная и грязная,—я подозрѣваю, что дорогу ей указалъ звѣренышъ,—ее, конечно, удалили. Еще черезъ три дня пришелъ самъ звѣренышъ и не ко мнѣ,—сохрани Богъ, не ко мнѣ,—а къ чухонкѣ, которая его ненавидѣла. Замѣчательно, что это всегда такъ бываетъ! Случайно я вошелъ, когда чухонка его прогоняла, и велѣлъ накормить ребенка. Теперь онъ ходитъ два-три раза въ недѣлю. Свои посѣщенія звѣренышъ считаетъ совершенно законными, и я противъ этого ничего не имѣю. Это дань пролетаріату, необременительный налогъ на мое спокойствіе.

Но что бы было, если бы я принялъ участіе въ его судьбѣ, постарался бы, какъ говорятъ, „сдѣлать изъ него человѣка"? Вѣдь не могъ бы я, я одинъ, сдѣлать его свободнымъ, смѣлымъ, безъ предразсудковъ, дѣйствительно образованнымъ и не карьеристомъ? Нѣтъ! Вѣрнѣе всего, изъ него вышла бы такая же общая дрянь. Въ дѣтствѣ онъ бы лѣниво учился, обманывалъ меня на каждомъ шагу, въ юношескомъ возрастѣ это былъ бы шалопай, разсчитывающій на мое наслѣдство, и всю жизнь, до самой моей смерти, онъ стоялъ бы съ руками, алчно протянутыми къ моему горлу, и все требовалъ бы, требовалъ бы только на томъ основаніи, что когда-то я имѣлъ несчастіе сдѣлать маленькую неосторожность.

Теперь онъ свободенъ, онъ вполнѣ располагаетъ собою. Жизнь даетъ ему сотни тысячъ случаевъ распорядиться собою, какъ угодно: сдѣлаться честнымъ человѣкомъ или негодяемъ, трудиться или не дѣлать ничего, негодовать или радоваться, протестовать или мириться.

У него, наконецъ, есть шансъ: не быть *швейцаромъ*...

А я... оградилъ свой покой!

Чего я еще иногда желаю, фантазируя въ своей темной комнатѣ, — это встрѣтиться много, много лѣтъ спустя, съ моимъ звѣренышемъ и посмотрѣть, во что онъ превратился. Я рисую въ своемъ воображеніи... я представляю себѣ... Ну, конечно, это смѣшно!.. Передо мною стоитъ здоровый, сильный рабочій, трезвый, честный, трудолюбивый, готовый каждую минуту постоять за себя, не уступающій никому горчичнаго зерна своихъ правъ...

По моему, онъ долженъ быть такимъ!.. Вѣдь онъ когда-то былъ звѣренышемъ!

Нѣтъ! Это тоже одинъ изъ безчисленныхъ образовъ, являющихся ко мнѣ во аракѣ,—плодъ моего воображенія! Нѣтъ, нѣтъ!

К. Баранцевичъ.

С. В. Животовскій.

Наши друзья.

СВЯТОГОРЪ. SWJATOGOR.

На крутыхъ горахъ, на Святыхъ Горахъ,
Великанъ-богатырь Святогоръ сидѣлъ:
Да не ѣздилъ онъ на святую Русь—
Не носила его мать-сыра земля.

Захотѣлося разъ богáтырю
Погулять во раздольицѣ чистóмъ полѣ.
Засѣдлалъ онъ коня богатырскаго,
Выѣзжаетъ на путь-дороженку.

Встрепенулося сердце молодецкое,
Заиграла силушка по жилочкамъ,
Такъ вотъ живчикомъ и переливается.
А и грузно ему отъ этой силушки,
Грузно, будто отъ тяжкаго бремени:
Не съ кѣмъ силой-то богатырю помѣряться.
И выкидываетъ онъ палицу булатную
Выше облака ходячаго изъ виду вонъ,
На бѣлы руки опять подхватываетъ.

«Кабы мнѣ да земную тягу найти,
Утвердилъ бы въ небеси кольцо,
Привязалъ бы къ кольцу цѣпь желѣзную,
Притянулъ бы небо къ землѣ-матушкѣ,
Повернулъ бы землю краемъ вверхъ,
И смѣшалъ бы земныхъ со небесными!»

Усмотрѣлъ онъ тутъ во чистомъ полѣ
Добра молодца пѣхотою идучи;
Была малая сумочка переметная
За плечами у добра молодца.
Какъ припуститъ скакать онъ добрà коня
Во всю силу во лошадиную—
Добрый молодецъ идетъ пѣхотою,
Не нагнать его коню богатырскому.
Какъ поѣдетъ тихою вольготою—
Добрый молодецъ впередъ не наступываетъ.

И окликнулъ Святогоръ добра мòлодца:
«Гой еси ты, прохожій добрый мòлодецъ!
Ты постой-ка, постой немножечко!
Какъ скакать припущу добра коня
Во всю силу во лошадиную—
Ты идешь впередъ пѣхотою,

Auf dem steilen Gebirg, dem Heiligen,
Sass der Riese, der Recke, Swjatogor:
Nicht ritt er ins heilige Russenland—
Ihn trug die feuchte Mutter-Erde nicht.

Einst kam den Recken an das Gelüst,
Zu streifen frei durch das weihe Feld.
Er sattelte sein braves Ross
Und machte sich auf den Weg ins Feld.

Da erbebt vor Lust sein flottes Herz,
Da spielt die Kraft durch die Adern ihm
Und pulst und rinnt einem Quelle gleich.
Doch mühsam trägt er an seiner Kraft,
Mühsam, als trüg'er wuchtige Last.
Mit wem kann er messen die Reckenkraft?
Da wirft er seinen eisernen Stock
Zur eilenden Wolke, unsichtbar dem Blick,
Und fängt'ihn auf mit der weissen Hand.

«Fänd' ich die Last der Erde nur,
Schlüg' einen Ring ich ans Himmelsgewölb
Und bänd' eine eiserne Kett'an den Ring.
Dran würd' ich den Himmel zur Erde ziehn,
Die Erde von unterst zu oberst drehn
Und das Irdische mengen mit Himmlischem!»

Da sieht er in dem weiten Feld
Einen Burschen zu Fuss des Weges ziehn;
Ein kleiner Quersack hing herab,
Von den Schultern herab dem Burschen brav.
Da spornt Swjatogor sein braves Ross,
Dass es hinsprengt aus voller Pferdekraft—
Der Wandersmann geht zu Fuss fürbass,
Nicht kann ihn erreichen das Reckenross;
Und reitet der Recke gelinden Trabs—
Scheint stille zu stehn der Wandersmann.

Da ruft Swjatogor den Burschen an:
«Hei, juchei, du fremder braver Bursch!
Bleibe stehn, halt an einen Augenblick!
Ich gab den Sporn meinem braven Ross,
Dass es sprengte aus voller Pferdekraft—
Du aber gingest zu Fuss fürbass

Не нагнать тебя коню богатырскому;
Какъ поѣду тихою вольготою —
Ты идешь, впередъ не наступываешь».

Обождалъ его прохожiй добрый мо̀лодецъ,
Полагалъ со плечъ со могучiихъ
На̀ земь малую сумочку переметную.
Говорилъ Святогоръ добру мо̀лодцу:
«А скажи-ка мнѣ, добрый молодецъ,
У тебя что̀ за ноша въ этой сумочкѣ?»

Отвѣчаетъ ему добрый молодецъ:
— Ай же, славный ты великанъ-богатырь!
Попытайся-ка взять мою ношицу
На свои на плечи на могучiя,
Побѣжать съ ней по раздольицу чисту полю!—

Опущался славный великанъ-богатырь
Со добра коня къ малой сумочкѣ,
Принимался за малую сумочку.
Принимался сперва однимъ перстомъ—
Эта малая сумочка переметная
На сырой землѣ не сворохнется.
Принимался тогда одной рукой—
Эта сумочка все не сворохнется.
Ухватилъ обѣими ручками—
Все-то съ мѣста она не сворохнется.
Принимался всею силой великою,
Припадалъ бѣлой грудью богатырскою
Къ этой малой сумочкѣ переметноей,
Захватилъ всею силой великою—
Во сыру землю угрязнулъ по колѣночки;
По бѣлу лицу не слезы,—кровь течетъ.
Уходилось сердце молодецкое,
Только малый духъ подпустить успѣлъ
Подъ ту малую сумочку переметную.
Говоритъ самъ таковы слова:
«Не вздымалъ такой ноши я отъ роду!
Много силы во мнѣ, а не по̀дъ силу,
Что во сумочкѣ твоей понакладено?
Кто ты самъ есть, удалый добрый мо̀лодецъ,
Какъ зовутъ тебя именемъ, отечествомъ?»

Отвѣчаетъ удалый добрый мо̀лодецъ:
— Въ моей малой сумочкѣ переметноей
Вся земная тяга понагружена,
А я самъ—Микула Селяниновичъ.

Und nicht konnte mein Ross erreichen dich;
Ich ritt dahin in gelindem Trab—
Du aber schienest mir still zu stehn».

Da stand der Wandrer und wartete.
Von seinen mächtigen Schultern that
Zur Erde den kleinen Quersack er,
Und zum braven Burschen sprach Swjatogor:
«Stehe Rede mir, du braver Bursch,
Welche Last du in deinem Quersack trägst?»

Antwort bietet darauf der brave Bursch:
Ei du Riese, du Recke reich an Ruhm!
Versuch es, zu heben meine Last
Zu deinen mächtigen Schultern empor
Und damit zu laufen durchs freie Feld!

Da stieg der Riese, der ruhmreiche Held,
Vom braven Ross, trat zum Quersack hin
Und wollte heben den Quersack auf.
Heben wollt' er mit einem Finger ihn—
Allein der kleine Quersack liegt
Auf der euchten Erde und regt sich nicht.
Nun wollt'er ihn heben mit einer Hand —
Doch der Quersack rührt von der Stelle sich nicht.
Da ergriff er mit beiden Händen ihn —
Er rührte noch immer sich nicht vom Fleck.
Nun nahm er zusammen all seine Kraft,
Er stemmte die weisse Reckenbrust
Wohl an den kleinen Quersack fest,
Er packte aus Leibeskräften ihn—
Und versank bis ans Knie in der Erde Grund;
Uebers weisse Gesicht rann statt Thränen—Blut.
Erschöpft hatte sich sein flottes Herz,
Nur etwas Luft drang unter den Sack,
Wohl unter den kleinen Quersack hin,
Und es sprach Swjatogor also das Wort:
«Solche Last erhob ich mein Lebtag nicht:
Stark ist meine Kraft, doch hier zu schwach!
Sag an, was der kleine Quersack birgt?!
Und wer bist du selbst, flotter braver Bursch?
Wie heisst du, wie nennt dein Vater sich?»

Antwort bietet der flotte brave Bursch:
— In meinen kleinen Quersack liegt
Die Last der ganzen Erde gebannt.
Und ich bin—Mikula Sseljaninowitsch.

F. Fiedler.

РОЖДЕСТВЕНСКІЕ ЗЕМЛЯКИ.

(Изъ очерковъ туриста).

Послѣ сѣраго, теплаго дня наступили влажныя, унылыя сумерки. Легкій туманъ, какъ тонкій флеръ, заволокъ море и городъ. Однако, вмѣстѣ съ ночнымъ мракомъ дохнулъ вѣтерокъ и разогналъ туманъ; городъ подъ нашимъ холмомъ заискрился созвѣздіями своихъ газовыхъ фонарей; но море и небо оставались черны, непроглядны, и воздухъ былъ насыщенъ теплой влагой. Въ центрѣ большого города затихала предпраздничная торговля и суета, лавки закрывались, лари убирались, и каждый спѣшилъ домой, чтобы въ семьѣ встрѣтить Рождество.

Въ нашемъ предмѣстьѣ, высящемся надъ Неаполемъ и не загубившемъ еще, подобно другимъ окраинамъ города, всѣхъ своихъ садовъ и виноградниковъ, протрещало нѣсколько ярко-огненныхъ хлопушекъ и шумихъ съ аккомпаниментомъ восторженнаго визга и крика ребятишекъ. Но вскорѣ раздались изъ разныхъ домовъ звонкіе женскіе оклики: „Джіакоминно“, „Александро-оо!“ и т. п. Это матери, какъ насѣдки цыплятъ, скликали своихъ дѣтишекъ, такъ какъ дома поспѣли сочельническіе ужины. Ребятишки сбѣжались съ улицы ѣсть традиціонную „капучу“ [1]) въ прованскомъ маслѣ и морскихъ угрей (capitone). Двери и окна всюду захлопнулись, и окрестъ водворились безлюдье, тишина; а въ моемъ сердцѣ—горькое уныніе, чувство одиночества и тоска по родинѣ.

Мнѣ нездоровилось. Воспользоваться приглашеніемъ дружеской семьи встрѣтить праздники въ ея нѣдрахъ я не былъ въ силахъ. Слугу я отпустилъ къ его роднымъ, и оставался одинъ въ уединенной, окруженной садомъ, квартиркѣ. Я распахнулъ окно. Оно выходитъ прямо въ садъ.

— Buona festa, signore!—послышался чей-то голосъ.

Я отвѣтилъ на привѣтствіе и вглядѣлся въ темноту. За кустами чайныхъ розъ съ полуоблетѣвшей листвой, но съ крупными бутонами, обрисовывалась приземистая фигура Тотона, и вспыхивалъ огонекъ его глиняной короткой трубочки.

Я живу въ небольшой, старинной виллѣ, окруженной садами, виноградниками и огородами, расположенными по крутому, съ капризными уступами, склону Вомеро, одного изъ холмовъ, охватывающихъ своей цѣпью Неаполь. Въ одной изъ полуразвалившихся каменныхъ лачужекъ, разбросанныхъ по огороду и исправляющихъ должность не то хлѣвовъ, не то сторожекъ, проживаетъ Тотонъ со своимъ лохматымъ, глухимъ и меланхоличнымъ, но смышленымъ на охотѣ псомъ „Леоне“. Тотонъ почти старикъ, но крѣпышъ, съ черными на выкатѣ глазами. По профессіи (по крайней мѣрѣ, здѣсь, въ городѣ), которая поддерживаетъ его нетребовательное существованіе—онъ маляръ, по страсти—охотникъ. Когда мазилка доставитъ ему средства на утоленіе голода сухимъ хлѣбомъ съ сырымъ салатомъ на недѣлю впередъ, онъ мѣняетъ ее на ружье и продаетъ дичь, если ее нахлопаетъ, а если дичи не попадаетъ, что случается чаще, онъ сердитый возвращается къ охрѣ и бѣлиламъ.

Тотонъ (настоящее его имя Антонъ) былъ мнѣ всегда симпатиченъ. Повидимому, и онъ съ своей стороны мнѣ симпатизировалъ, такъ какъ дозволялъ своему Леоне ласкаться ко мнѣ. Но мы мало съ нимъ прежде разговаривали. Впрочемъ, онъ вообще казался необщительнымъ. Это я объяснялъ тѣмъ, что онъ не неаполитанецъ, что̀ было ясно, такъ какъ онъ говорилъ на діалектѣ одной изъ далекихъ сѣверо-восточной провинціи Марки.

Появленіе его почти ночью въ моемъ садикѣ, который, впрочемъ, съ его огородомъ имѣлъ постоянно открытое сообщеніе, меня нѣсколько удивило. А его одинокая фигура въ унылой тишинѣ рождественской ночи и какая-то печальная нота, прозвучавшая въ его „buona festa“, усилила чувство моего собственнаго одиночества — одиночества на чужбинѣ въ ночь на Рождество Христово...

[1]) Родъ капусты.

— А впрочемъ, это какой-же праздникъ, это не настоящее Рождество, — промолвилъ Тотонъ изъ-за кустовъ.

— Какъ не настоящее Рождество?

— Да какое же Рождество... теплынь этакая. Вонъ розы цвѣсти собираются, а на томъ лимонномъ деревѣ я носомъ цвѣты слышу. Безъ снѣгу, да безъ морозу какое ужъ Рождество!..

— У насъ теперь тоже снѣгъ,—отозвался я.

— О, о! и у васъ тоже снѣгъ,—чуть не съ радостью воскликнулъ Тотонъ, и трубочка его какъ-будто стала свѣтиться ближе ко мнѣ.—Я изъ Марокъ. У насъ тамъ зима теперь чудесная. А здѣсь—занесла меня нелегкая въ Неаполь!— Господь и снѣгу-то крещенымъ не даетъ, когда слѣдуетъ. Все здѣсь мнѣ чужое. Такъ и у васъ снѣгъ...

Я разсказалъ о нашемъ снѣгѣ, о нашей зимѣ. Я увлекся... И мой собесѣдникъ, должно быть, увлекся тоже представленіями своей зимы, которыя возбуждали въ немъ мои слова. Красный огонь трубочки пыхалъ уже подъ самымъ моимъ окномъ, и ѣдкій дымъ сигарныхъ окурковъ, до которыхъ Тотонъ былъ большой охотникъ, стало порывами южнаго вѣтра заносить ко мнѣ въ комнату...

— Какъ можно сравнивать!.. Когда морозъ да снѣгъ на дворѣ, такъ и дома сочельникъ краше. Крещеные у насъ на холоду да въ снѣгу спины за работой ломаютъ съ самой осени: кто гдѣ; всѣ въ разбродъ; родныхъ не видятъ мѣсяцами. Иной разъ по недѣлямъ горяченькаго не отвѣдаютъ. Сухомятка, да паչента съ плѣсенью... А тутъ тебѣ къ сочельнику всѣ домой собрались, вкупѣ. Солнышко закатилось, вечерня отошла, Ave Maria пропѣли; бабы огни въ печи запалятъ—только держись... Худой хозяинъ и тотъ серро припасетъ на эту великую ночь. Чеппо [1]) то разгорится... знаешь, сколько отъ него и свѣту и тепла по всему дому-то крестьянскому идетъ. Оно сначала дымно бываетъ, трубъ у насъ нѣтъ, въ стѣнѣ только отдушина, однако, помаленьку дымъ уберется и станетъ свѣтло, да весело. Рабочія кости отмякнутъ и душѣ радостно.

— И у насъ, — пояснилъ я, — во многихъ крестьянскихъ домахъ также нѣтъ трубъ.

Это сообщеніе повергло Тотона въ рѣшительное удовольствіе, и онъ несомнѣнно уже признавалъ меня — уроженца русскаго сѣвера — гораздо болѣе за земляка, чѣмъ неаполитанцевъ, въ среду которыхъ его забросила подъ старость злая судьба.

— Дымъ зимой рабочему человѣку здоровъ,— доказывалъ Тотонъ съ энергіей и логикой, которой могъ бы позавидовать блаженной памяти Бурнашовъ, редакторъ „Записокъ Императорскаго вольно-экономическаго общества", доказывавшій необходимость курныхъ избъ для величія Россіи и для блага народа.

— Когда же вы за столъ садитесь? — спросилъ я.

— Да вотъ этакъ черезъ часъ послѣ вечерень. Бабы пообрядятся. По четкамъ молитвы прочитаемъ; у большака, отца либо дѣда, семья руку поцѣлуетъ, на сто лѣтъ ему такихъ-же праздниковъ пожелаетъ, онъ тоже всѣмъ благословеніе дастъ—ну, вотъ и за столъ.

— И что же ѣдятъ въ сочельникъ? Разговляются?

— Что вы, что вы!—Постное ѣдятъ, извѣстно постное. И у васъ, поди, разговляются только послѣ обѣдни...

Мой утвердительный отвѣтъ былъ новой усладой для моего собесѣдника.

— Кто, что можетъ, непремѣнно, постное, а чтобы всего въ волю было, - продолжалъ онъ.— Первое дѣло похлебка съ оливковымъ масломъ, либо изъ цикорія, либо изъ капучи, салата,— кто побогаче. А иной бѣднякъ и за сухіе бобы, за горохъ сухой Бога благодаритъ. Потомъ макароны запеченыя, макароны вареныя, ихъ съ соленой рыбой приправляютъ. Ну, рыба... Ужъ непремѣнно рыба... Здѣсь вотъ въ Неаполѣ у моря, даромъ что безъ молитвы, да безъ отцовскаго благословенія, люди за такую святую трапезу садятся, а Господь имъ всякой рыбы посылаетъ; здѣсь больше обычай морскихъ угрей въ сочельникъ жарить... А у насъ по деревнямъ отъ воды далеко, такъ треска больше; въ городѣ покупаемъ... На нѣсколько ладовъ ее къ ужину готовятъ. У кого достатокъ есть, напряжетъ friteсі, золотистые такіе, хрусткіе... [1]) Жена моя ихъ стряпала и, ахъ, какъ стряпала, — во рту таяли...

[1]) Серро—большой деревянный чурбанъ, который жгутъ весь вечеръ на очагѣ. Въ Англіи, Шотландіи тотъ же обычай, что въ Сѣверной Италіи.

[1]) Пряженцы, въ родѣ тѣхъ, что у насъ на сѣверѣ хворостомъ или сутью зовутъ.

Голосъ Тотона задрожалъ. Видно, въ душѣ зашевелилось воспоминаніе, усугубившее печаль; трубка его потухла; онъ машинально шевелилъ пальцами листья олеандра и какъ-то безпомощно привалился спиной къ стѣнѣ дома подъ моимъ окномъ. Мнѣ хотѣлось разспросить его о семьѣ, и жалко было растравлять, навѣрно, болящую рану. Иначе не стоялъ бы онъ, одинокій, въ рождественскую ночь на чужбинѣ, подъ окномъ чужеземца, хотя этотъ чужеземецъ въ эту минуту—какъ я то чувствовалъ случайно сталъ ему почти землякомъ.

Можетъ быть, Тотонъ забрался въ мой садъ потому, что ему не спалось въ такую великую ночь въ своей огородной пустынной сторожкѣ. А можетъ быть, провѣдавъ, что я тоже одинъ и нездоровъ, онъ хотѣлъ скрасить мое одиночество. У итальянцевъ есть эта добрая черта: развлекать сосѣдей, даже мало знакомыхъ, особенно, если они нездоровы. Иногда, конечно, эта любезность бываетъ скучновата. Но Тотонъ мнѣ пришелся по сердцу... Я его пригласилъ зайти ко мнѣ, и онъ безъ лишнихъ церемоній, хотя со свойственной итальянскому простолюдину деликатностью, отзывающеюся атавизмомъ культуры, принялъ приглашеніе. Входя въ комнату, онъ спряталъ свою потухшую носогрѣйку въ карманъ, оправилъ (или, по ихъ свойству, скорѣе красиво взъерошилъ) свои густые, курчавые, полусѣдые волосы. Увидавъ на стѣнѣ рядомъ съ моей кроватью большую фотографію Сикстинской Мадонны Рафаэля, онъ ласково и одобрительно—какъ на добраго христіанина, достойнаго проводить Рождество въ снѣгу, - взглянулъ на меня, полюбовался картиной, разспросилъ меня, какая это именно Мадонна, и перекрестясь, нѣжно приложился губами къ ногѣ Богоматери. Образъ же Николая Чудотворца, — угодника, особенно чтимаго и на его родинѣ, — до того убѣдилъ Тотона въ нашемъ съ нимъ землячествѣ, что онъ потомъ пересталъ меня спрашивать, какъ и что у насъ дѣлается о Рождествѣ, и разсказывалъ о своихъ обычаяхъ, какъ о чемъ то и мнѣ несомнѣнно, по его мнѣнію, хорошо знакомомъ.

— Хочешь сигару, Тотонъ? — предложилъ я ему.

— Нѣтъ, я отвыкъ. Это у васъ неаполитанскія сигары. Нынче онѣ дороже стали. Прежде эта сигара 4 сантима стоила, а нынче, какъ Мануилъ [1]) насъ сталъ въ солдаты брать, сигара въ гору пошла. Теперь, шутка сказать, 10 сантимовъ за нее плати. Прежде, значитъ, на франкъ ихъ 25 штукъ давали, а нынче всего десятокъ. Вотъ оно, что солдатики то! Да и все такъ... И хлѣбъ, и вино, и масло... Я отвыкъ... А вотъ нѣтъ ли у васъ окурочковъ? Я трубку набью... существеннѣе будетъ.

И, разорвавъ на мелкіе кусочки два окурка, Тотонъ набилъ носогрѣйку и съ наслажденіемъ запыхалъ ѣдкимъ дымомъ. Стаканъ бѣлаго искійскаго вина онъ принялъ съ достоинствомъ и почтеніемъ, пожелавъ мнѣ — „Cento di questi giorni"—прожить еще сотню сочельниковъ!

Заботливо, какъ-то покровительственно - отечески, освѣдомясь о моемъ здоровьи, онъ вздохнулъ...

— Вотъ вѣдь здѣсь опять этого невозможно достать,—въ раздумьи заговорилъ старикъ,—на родинѣ я бы васъ вытеръ саломъ благословеннымъ (grasso benedetto): такъ не то, что завтра, а и нынче въ полночь вы къ обѣднѣ здоровеньки отправились бы.

Я выразилъ недоумѣніе.

— Благословенное сало это у насъ въ каждомъ домѣ въ эту вотъ самую ночь приготовляется,—пояснилъ онъ.—Поужинаемъ мы; бабы со стола уберутъ — и за стряпню... Къ завтраку, къ розговѣнью готовиться станутъ. Что жарить, что варить. Ну, конечно, каплупа—ужъ развѣ что у самаго нищаго мужика не найдется. А у кого и свинина есть. Когда варятъ — жирныя звѣздочки ложкой снимаютъ осторожно, потомъ сало на морозъ. Здѣсь безъ морозу-то, неаполитанцамъ, гдѣ же справиться, — вставилъ разсказчикъ и даже плюнулъ въ уголокъ (такъ ему все въ Неаполѣ постыло)...—Поставятъ на морозъ; сало-то свернется, его въ баночку. И это ужъ такое лѣкарство, что за золото ни въ какой аптекѣ не достать; оно и крещеному и скотинкѣ полезно. Ломота ли въ костяхъ, язва ли какая, порѣзъ ли—какъ рукой сниметъ...

— Много вашимъ бабамъ приходится въ сочельникъ стряпать: постный ужинъ, потомъ ро́зговѣнный обѣдъ на Рождество, — замѣтилъ я.

— А то какъ-же? Великій праздникъ Господень, а Господь велѣлъ. Бабій трудъ — бабья и

[1]) Такъ зовутъ въ Романьи и Марки короля Виктора Эмануила и даже его преемника, Гумберта I.

власть въ дому. Мадонна Владычица небесная, а и она стряпала...—Да и то сказать,—обратился Тотонъ къ тому же предмету, послѣ нѣсколькихъ минутъ посторонняго разговора:—не стряпали бы наши бабы, такъ и къ заутрени не попали бы.

— Это отчего?

— Да заснули бы!—и повеселѣвшій у меня Тотонъ разсмѣялся.

— Заснули бы. Ей, ей! А тутъ какъ мнѣ задано жарить, да пряжать, да главное тальолини [1]!.. Съ этими тальолини хлопотно; смотришь—до полуночи-то время и скоротали. А тамъ нарядились, да и въ храмъ Божій.

— Ну, а кто не стряпаетъ—вздремнетъ?

— Ни, ни!—Избави Боже! Калякаютъ. Другъ дружкѣ—кто быль, а кто и небывальщинку разсказываетъ, загадки загадываютъ. Никто не спитъ. Ребятишки куксятся, приваливаются. Маленькаго человѣка извѣстно дрема ночью одолѣваетъ, да еще въ теплѣ въ этакомъ. А чтобы спать—и не думай. Одинъ другого тормошитъ. Потому что въ Рождественскую ночь—въ самую полуночную заутреню и обѣдню, старики сказываютъ, всякая скотинка человѣческимъ языкомъ говоритъ. Младенца Іисуса прославляетъ. Дѣтей маленькихъ къ заутрени не водятъ; гдѣ имъ по снѣгу да по морозу трепаться. Да у иного и одеженки для праздника приличной нѣтъ. Они и ждутъ не дождутся, когда большіе уйдутъ въ церковь, и сейчасъ же въ хлѣвъ, слушать, какъ оселъ, либо мулъ, либо козочка ихъ любимая по человѣчьему заговоритъ...

— Ну, и огорчатся, коли не услышатъ?

— Услышатъ ли, не услышатъ ли, а хотятъ слушать. Да оно и для хозяйства хорошо.

— Для хозяйства-то что же хорошаго?

— А то для хозяйства хорошее, что въ эту ночь вѣдьмы на свой шабашъ собираются, и норовятъ не на помелахъ, а ради великаго праздника, чтобы крещенымъ досадить, на мужицкой скотинкѣ кататься. Ну, а коли дѣти-то въ хлѣву сидятъ,—такъ крещенаго духа невинныхъ младенцевъ нечистая сила боится, и скотинку трогать не смѣетъ.

— Будто вѣдьмы на лошадяхъ и ослахъ катаются?

— А то какъ-же? Извѣстно, катаются.

— Да ты самъ видалъ?

— Видать-то не видѣлъ вѣдьмы на конѣ, по правдѣ сказать, а что разъ утромъ въ самое Рождество обѣ мои скотинки—я ослика сѣраго, да мула караго, доморощеннаго, держалъ—замучены были, такъ это, какъ Богъ святъ. Я въ хлѣвъ вошелъ, а тамъ паръ стоитъ, еле проглядишь. Обѣ животинки отъ устали даже шатаются. У меня племянникъ есть Ванйно, солдатъ, въ фельдфебеля вышелъ, всякой наукѣ обучали—(извѣстно, солдатъ у насъ нынче наукамъ учатъ,—а лобъ крестить отучатъ)... Такъ этотъ Ванино смѣется; говоритъ: не вѣдьмы, а развѣ парни сосѣдскіе на твоихъ мулахъ ночью катались, покуда ты въ церкви былъ. А какіе парни! Я самъ и виноватъ тогда былъ, признаться. У насъ чтобы скотинка ночью на Рождество себя пуще берегла и не спала (тоже вѣдь хоть и тварь она, да всетаки, Божія тварь)... мы ей на всю ночь ѣды зададимъ, корму полакомѣе, отрубей, хлѣбца чернаго тамъ, что у кого есть... Скотинка за полночь и ждетъ, не спитъ, ну и охраняетъ себя. А въ эту-то ночь я задалъ ей мало корму; дѣтишекъ тоже не случилось ночью въ хлѣву. Вотъ и стряслась бѣда. Да и то слава Богу, что вѣдьмы назадъ животинъ пригнали. А случается — одну уздечку оставятъ. Скотинки твоей нѣтъ - а въ хлѣву тѣнь одна.

— Тѣнь?!

— Да, тѣнь скотинки, а мѣсто ея пустое. Съ дѣдомъ моимъ въ старину нечистый такъ подшутилъ. А меня самого Богъ миловалъ... Ванйно говоритъ, что воры увели... Не вѣритъ. Да во что нынѣшніе солдаты вѣруютъ, прости Господи!

Затѣмъ, Тотонъ разсказалъ мнѣ, что между прочими забавами въ Рождественскую ночь мужики занимаются астрономіей и метеорологіей. Метеорологическія занятія заключаются въ томъ, что знатоки счисленія по пальцамъ (иное счисленіе туго и доселѣ проникаетъ въ итальянскую деревню) предугадываютъ на весь грядущій годъ погоду, по мѣсяцамъ. А, именно: они припоминаютъ, какая погода была въ каждый изъ 12 дней текущаго декабря, начиная съ 13-го по 25-е число. Каждый изъ этихъ 12 дней соотвѣтствуетъ 12 мѣсяцамъ наступающаго года. Какая погода была въ данное число, такая же можетъ преобладать и въ соотвѣтствующемъ этому числу мѣсяцѣ. Однако, эти предварительныя изслѣдо-

[1] Очень тонкое раскатанное тѣсто, рѣжутъ въ родѣ блиновъ, кругло, или длинно, кладутъ рядами, пересыпая яицами и иной начинкой, потомъ пекутъ, какъ пирогъ (Tagliolini).

ванія требуютъ, по мнѣнію крестьянъ, провѣрки,— только не по Брюсу, Матье-де-ла-Дрому и д-ру Кнацеру, слава которыхъ въ Марки, конечно, еще не проникла,—а по погодѣ 12 слѣдующихъ дней—между Рождествомъ и Крещеньемъ. Эти дни считаются (начиная съ послѣдняго) и сравниваются соотвѣтственно съ предыдущими 12—10. Когда погода двухъ такихъ дней совпадаетъ, значитъ погода соотвѣтствующаго мѣсяца будетъ уже навѣрно подобна ей. Этими предсказаніями руководятся земледѣльцы; и Тотонъ меня увѣрялъ, что они рѣдко ошибаются.

Астрологическія занятія ограничиваются такъ называемой „Patta“. Они менѣе гадательны и даже поразительны по вѣрности результатовъ и примитивности исчисленій, такъ какъ о календаряхъ и ариѳметикѣ земляки Тотона не знаютъ. Пальцы, память и наблюдательность—единственные астрономическіе рессурсы, при помощи которыхъ они безошибочно (какъ я убѣдился, записывая расчетъ, совершенный при мнѣ безграмотнымъ Тотономъ, и свѣривъ этотъ расчетъ съ календарнымъ) опредѣляютъ фазу луны на весь слѣдующій годъ [1]). Очевидно, что въ сочельникъ на родинѣ Тотона простонародье умѣетъ соединить пріятное съ полезнымъ.

Наша простодушная бесѣда, двухъ далекихъ по родинѣ и многимъ инымъ обстоятельствамъ людей, оказавшихся, благодаря воспоминаніямъ о снѣгѣ и постѣ, земляками на тепломъ берегу Неаполитанскаго залива—незамѣтно хватила ночи. Тотонъ повеселѣлъ и оживился. И хотя онъ не имѣлъ возможности вымазать меня grasso benedetto, но и я, казалось, менѣе страдалъ отъ моего недуга! На душѣ было спокойно и тихо, хотя и грустно; навѣрно лучше, чѣмъ если бы я отправился въ церемонные гости, куда былъ званъ...

Ударили колокола ближнихъ церквей, приходскихъ и монастырскихъ. Въ Неаполѣ ихъ больше, чѣмъ въ Москвѣ. Тотонъ набожно перекрестился; я невольно послѣдовалъ его примѣру.

— Полночь! Заутреня и обѣдня! Бывало, я съ семьей въ церковь хаживалъ,—тихо, почти шепотомъ промолвилъ мой собесѣдникъ, и въ его голосѣ слышались слезы, печаль, воспоминанія...

[1]) Обычай этотъ древній. Указанія на него встрѣчаются въ ветхой рукописи „Zabaldoni“, соч. Andrea Andreani, хранящейся во Флоренціи, въ библіотекѣ монастыря Annunziata.

Вставали воспоминанія и въ моей душѣ, но что и жалѣть—коли нечѣмъ помочь!..

— Centodi questi giorni, Toton,—провозгласилъ я, подавая старику полный стаканъ вина Искіи...

Тотонъ чокнулся со мной, залпомъ выпилъ розовато-золотистую влагу; глаза его просвѣтлѣли. Протянувъ мнѣ свою широкую мозолистую руку, онъ поздравилъ меня съ наступленіемъ праздниковъ:—Buona festa!

— Пойдешь къ заутрени, Тотонъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ. Здѣсь что-то не то... Не пойду я.

Покачавъ своей сѣдой, курчавой головой, онъ помолчалъ и вдругъ опять встрепенулся.

— А у насъ теперь всѣ высыпали на улицу, бабы, дѣвки, парни, старики. Всѣ принаряжены: веселый говоръ по селу идетъ. Всякій со свѣточемъ. Кто съ фонаремъ, кто съ лучиной, кто со смольемъ [1]). Иной наладитъ лампочку деревенскую, на длинный шестъ; а кто факелъ соорудить умудрится. По бѣлому снѣгу зарево веселое далеко окрестъ разстилается; снѣгъ подъ ногами хруститъ; у кого есть ружье или пистолетъ—тотъ палитъ во славу Божію. Выстрѣлъ прокатится, а народъ кричитъ въ отвѣтъ: „Viva Bambin Gesù!“ (Да здравствуетъ младенецъ Іисусъ). Изо всѣхъ мѣстъ къ церкви идутъ. Семья съ семьей, деревня съ деревней повстрѣчаются, другъ друга поздравляютъ, всякаго добра желаютъ: „дѣтей-сыновей, чтобы домъ былъ полонъ зерна и каштановъ, чтобы амбары были полны“. Церковь у насъ на горушкѣ, вся освящена... радостно. Съ моста—внизу ручеекъ у насъ—видно ее; колокола звонятъ, изъ храма Божьяго кресты и хоругви несутъ.

Я вспомнилъ, что у меня сохранилась поздравительная карточка, на которой была изящно изображена Пасхальная ночь въ русской деревнѣ; освѣщенный храмъ, тоже на горушкѣ; внизу мостъ черезъ ручей, и народъ съ фонарями, бредущій къ обѣднѣ; и блестки снѣга, пріятно свѣтящіяся, если поднести картинку къ лампѣ.

Я показалъ ее Тотону. Въ первое мгновеніе онъ точно остолбенѣлъ отъ изумленія и, мнѣ казалось, отъ радости. Потомъ, переведя духъ, онъ вперилъ въ меня свои сіяющіе черные глаза.

— Нѣтъ, похоже... только не наша сторона... Я думалъ наша. Все похоже. Да какое-же это мѣсто?

[1]) Коренья и коряги смолистыхъ деревьевъ, которые въ Россіи употребляются при лученіи рыбы ночью.

— А это у насъ, на моей родинѣ, въ Пасхальную [1]) ночь.

— Это у русскихъ?—спросилъ Тотонъ.

— У русскихъ.

— Все одно, что у насъ... А зачѣмъ мы съ русскими воевали, коли у насъ все одно?—послѣ продолжительнаго молчаливаго созерцанія картинки спросилъ вдругъ старикъ.—У меня сосѣдъ былъ, про войну въ Крыму какъ-то разсказывалъ... Я думалъ, что турки—русскіе... А вѣдь это... вѣдь это грѣхъ съ крещеными воевать!

Странно, я почти тоже самое слыхалъ и также въ Рождество на островѣ Уайтѣ, отъ англійскихъ матросовъ. И что еще страннѣе: эти матросы сами были крымскіе ветераны. Грѣхъ было съ русскими драться; турокъ надо было ограничить,—говорили мнѣ старые матросы. Они говорили это сознательнѣе, такъ какъ знали русскихъ, но такъ же искренно, какъ Тотонъ.

Съ церквей полился перезвонъ, значеніе котораго было знакомо моему собесѣднику. Набожно крестясь, онъ сталъ шептать своимъ мужицкимъ и самому ему непонятнымъ латинскимъ языкомъ великія слова: Gloria in Excelsis и т. д.

— А знаешь ли, Тотонъ, что это значитъ?—спросилъ я.

Онъ младенчески недоумѣвалъ, вопросительно поглядѣвъ на меня.

— Это значитъ, дружище,—перевелъ я ему по-итальянски:—Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе...

Я видѣлъ, что Тотонъ не только понималъ, но и чувствовалъ значеніе этихъ словъ, но комментировалъ онъ ихъ тотчасъ же своей мужицкой итальянской пословицей.

— Tutto il mondo é passe (весь миръ—что одно село, всѣ земляки).

И я самъ, словно чего-то устыдясь, невольнымъ машинальнымъ движеніемъ (хотя Тотонъ и читать вовсе не умѣлъ) собралъ въ кучу и запряталъ въ шкафъ послѣднія газеты,—газеты кануна Рождества Христова, преисполненныя статьями о тройственныхъ союзахъ, усиленіи вооруженій, изобрѣтеніи новыхъ пушекъ и т. п. и т. п. и т. п.

Л. Рускинъ.

Неаполь.

[1]) Итальянцы и Рождество называютъ иногда Пасхой, прибавляя — Рождественская (Pasqua de Natale). Поэтому Тотонъ не вникъ въ мои слова и принялъ карточку за изображеніе Рождественской ночи.

АРФА И СЕРДЦЕ.

(Сонетъ Р. Гамерлинга).

Когда, прикасаяся къ арфѣ пѣвучей,
Скользятъ по струнамъ вдохновенно персты —
Мнѣ кажется часто, что съ силой могучей
Къ сердечнымъ струнамъ прикасаешься ты.

Въ гармоніи арфы и нѣжныхъ созвучій
Мнѣ слышится вздохъ затаенной мечты,
Рыданіе боли мучительно жгучей:
Въ ней сердца живого касаешься ты.

Дитя! Ты не знаешь, когда прикоснется
Судьба безпощадно къ сердечнымъ струнамъ—
Какъ сердце болѣзненно вдругъ содрогнется;

И многіе, близко стоящіе къ намъ,
Не знаютъ, внимая гармоніи дивной,
Что кровью исходитъ оно непрерывно.

О. Чюмина.

М. В. Иванова.

Тоже грамотная!

ФОТ. И ТИП. П. БАБКИНА. СПБ.

ПОѢЗДКА
КЪ ПИРАМИДАМЪ САХАРЫ.

(изъ путевыхъ записокъ).

ГЛАВА I.

Рано утромъ, часовъ въ пять, выѣхали мы — я и мой симпатичный драгоманъ, усатый турокъ Мустафа Саидъ, — изъ Каира, желѣзной дорогой, въ Хелуанъ. Поѣздъ двинулся. Серебрившійся при лучахъ восходящаго солнца, утренній туманъ еще укутывалъ дрожащими пеленами постепенно скрывавшуюся съ глазъ „жемчужину Востока"—столицу Египта. Туманъ былъ невысокъ и вершины минаретовъ, освѣщаемыя боковыми лучами, не были имъ затянуты и сверкали среди синяго неба яркими, горячими пятнами. Курьерскій поѣздъ быстро промчался черезъ предмѣстья. Туманъ разсѣялся. Я стоялъ на площадкѣ. Свѣжій вѣтерокъ тихо шелестилъ, не успѣвшимъ еще накалиться, чистымъ и яснымъ воздухомъ, ласкавшимъ лицо, какъ прикосновеніемъ шелковистой ткани. Дорога шла вдоль Нила, покрытаго многочисленными барками, съ громадными, треугольными сѣрыми парусами, и осѣненнаго пальмовыми рощами,—Нила, „создавшаго на своей дельтѣ страну и оплодотворяющаго ее своей душой,—и страна эта Египетъ", какъ выражается Геродотъ. Нилъ былъ въ разливѣ, и широка была его водная поверхность. Мѣстами разливъ захватилъ пальмовыя рощи, и стройныя деревья раскидывали надъ красно-бурой водой пышные шатры сочныхъ, темно-зеленыхъ листьевъ. Поѣздъ промелькнулъ мимо развалинъ стараго водопровода, мимо Коптскаго монастыря, мимо плантацій сахарнаго тростника и хлопчатника. Вдоль дороги тянулись заборы изъ кактуса. И вдругъ, оставивъ за собой мрачныя арабскія кладбища — суровыя могилы изъ бѣлаго камня, поѣздъ помчался по пустынѣ.

Со всѣхъ сторонъ разстилалось безбрежное, желтое, — желтое желтизною старой кости, вѣчно-волнующееся, горячее и мертвое море аравійской пустыни—море, засыпавшее пескомъ древнія цивилизаціи Египта. Воздухъ надъ раскаленной равниной казался какъ бы наполненнымъ золотистой пылью. Это сверкающій на солнцѣ, вѣчно движущійся въ порывахъ вѣтра надъ пустыней, тончайшій песокъ, переносящій съ мѣста на мѣсто песчаные холмы. Желтая поверхность пустыни, какъ зеркало, отражаетъ золотые лучи солнца и горячъ воздухъ этого кладбища 60-ти вѣковой исторіи, этого Некрополиса стараго міра. На горизонтѣ синѣли пирамиды Гизеха, дальше виднѣлась стоящая у развалинъ Мемфиса, считаемая самой древней по времени постройки, такъ наз. пирамида Сахары. Вотъ уже много дней вижу я вдали, среди желтаго моря, пирамиды, и неизгладимое впечатлѣніе производятъ ихъ геометрическія фигуры среди выжженой, безплодной пустыни, рядомъ съ вѣчно-зеленой, цвѣтущей и благоухающей долиной Нила. Врядъ-ли гдѣ еще, трепещущая горячими соками, полная радости и силы, жизнь такъ тѣсно соприкасается съ прахомъ смерти. Невольно вспоминаются слова Гюи де-Мопассана, что земля—колыбель смерти, что жизнь кратка и преходяща, вѣчна и неумолима смерть. 60-ти вѣковая цивилизація погребена подъ этими, геометрически-правильными, могильными памятниками, уже сильно занесенными песками, но еще высоко и гордо своими грузными, тяжелыми массами царящими надъ пустыней.

Пустыня,—ни зеленаго листика, ни живого существа, — тянется до самаго Хелуана, и улицы чистаго и бѣлаго молодого городка непосредственно въ нее переходятъ. Въ Хелуанѣ мы наскоро позавтракали на дачѣ, гдѣ жила моя жена, и вышли за ворота нашего садика. Намъ подали двухъ сѣрыхъ, засѣдланныхъ и украшенныхъ ожерельями изъ старыхъ монетъ осликовъ, и мы двинулись къ развалинамъ Мемфиса и пирамидамъ Сахары. Сайсы, погонщики ословъ, бѣжали за нами. Сайсъ и его оселъ—это одно существо. Править осломъ не надо: бѣгущій сзади сайсъ управляетъ имъ голосомъ. Прислушиваясь къ го-

лосу своего хозяина, оселъ идетъ то быстрѣе, то тише, поворачиваетъ направо или налѣво. А когда предстоитъ переѣзжать канавку, рытвинку и тому под., сайсъ кричитъ — „хатъ", что буквально значитъ „смотри за своими ногами", и умное животное настораживаетъ уши и осторожно ступаетъ своими маленькими копытцами. Неутомимость сайсовъ изумительна. Сколько бы времени вы ни ѣхали со всей возможной для осла рысью, хотя бы подъ знойными лучами солнца и по раскаленному песку,—сайсъ не отстанетъ и не замолкаютъ его веселые окрики.

Путь намъ предстоялъ къ арабской деревушкѣ Хелуанъ, расположенной на берегу Нила. До Нила нужно было проѣхать пустыней версты 3—4, но этотъ участокъ пустыни оживленъ, такъ какъ сношенія между Хелуаномъ-деревней и Хелуаномъ-городомъ дѣятельно поддерживаются феллахами. То-и-дѣло попадались нагруженные ослики, женщины съ корзинами и кувшинами на головахъ; не разъ повстрѣчались съ караванами верблюдовъ, шамкавшихъ, оскаливая желтые зубы, своими старческими, отвислыми губами. Потянулись посѣвы гигантскаго маиса, настолько высокаго, что въ чащѣ его не видно бы было всадника. Мѣстами феллахи орошали изъ водохранилищъ поля. Это по-истинѣ „египетская работа". Надъ бассейномъ, наполняемымъ водою Нила во время его розлива, устроено нѣчто въ родѣ нашего журавца. Два феллаха опускаютъ за веревку бадью въ водоёмъ и черпаютъ воду. Затѣмъ, когда бадья поднимется, раскачиваютъ ее въ горизонтальномъ направленіи, два другихъ феллаха ловятъ бадью на мѣстѣ наибольшаго ея отклоненія и выливаютъ воду въ выше расположенные оросительные каналы. Если же поля лежатъ высоко надъ уровнемъ розлива, то 2 – 3 журавца стоятъ одинъ надъ другимъ, на выступахъ подъема почвы и воду переливаютъ все выше и выше, пока она не достигнетъ своего назначенія.

По мѣрѣ приближенія къ Нилу, все чаще и чаще стали попадаться поля черной земли, съ которыхъ лишь недавно схлынула благотворная вода розлива. Феллахи мотыками разрыхляли землю. Почва настолько пышна и сочна, что достаточно самаго поверхностнаго разрыхленія, чтобы брошенное сѣмя дало обильную жатву.

На отдѣльныхъ, небольшихъ участкахъ одиноко работали семьи феллаховъ. На крупныхъ же участкахъ богатыхъ владѣльцевъ наемные рабочіе, длиннымъ рядомъ, двигались по полю и съ пѣніемъ дружно нагибались и ударяли мотыками по сырой еще землѣ. Впереди такого ряда рабочихъ стоитъ, съ палкой въ рукѣ, самъ хозяинъ, арабъ или феллахъ. Плодородность земли, непосредственно орошаемой Ниломъ, не имѣетъ границъ: — изъ года въ годъ, безъ отдыха, даетъ она три обильныхъ жатвы, не требуя пахоты, при самомъ поверхностномъ разрыхленіи мотыками. Пашутъ примитивными деревянными плугами лишь вышележащія, искусственно-орошаемыя поля, и тутъ не рѣдкость видѣть впряженныхъ рядомъ верблюда и буйвола.

Мы подъѣхали къ Нилу. При замѣчательной чистотѣ здѣшняго воздуха, на необозримое пространство къ югу, разстилалась широкая, блестящая на солнцѣ, полоса великой и плодотворной рѣки, развертывая зеленый поясъ пальмовыхъ рощъ.

Въ одномъ изъ древне-египетскихъ гимновъ Нилу (XII династ.) находимъ такія слова:

„Ты всюду напояешь землю, исходящій съ небесъ потокъ... Ты поднимаешься, земля наполняется радостью, все живое полно веселья, всѣ уста улыбаются... Онъ творитъ намъ лучшую, избранную пищу. Двѣ страны — (подразумѣваются Верхній и Нижній Египетъ) — ты захватываешь, чтобы наполнить житницы, чтобы создать достатокъ бѣднымъ. Нельзя его изобразить каменнымъ изваяніемъ, нельзя его привлечь въ храмы, не имѣетъ онъ жилищъ... Онъ пьетъ слезы всѣхъ очей; отдыхъ для рукъ многихъ тысячъ несчастныхъ — его созданіе..."

Въ послѣднихъ словахъ глубокая истина. Нилъ — это весь Египетъ. Высохни могучая рѣка, прямымъ стержнемъ отъ водопадовъ до дельты пробивающая и оплодотворяющая выжженный солнцемъ песокъ — исчезъ бы и Египетъ. Вся древняя исторія Египта, всѣ его религіозные обряды и вся жизнь прилаживались къ дыханію этой желтой рѣки, колыбели первой цивилизаціи. И теперь еще феллахъ, потомокъ древнихъ египтянъ, настолько еще сохранившій старый типъ, что, подчасъ, вглядываясь въ черты его лица, начинаетъ казаться, что это ожившій барельефъ какого-либо 5 — 6-ти тысяче-лѣтняго саркофага — и теперь еще живетъ и думаетъ Ниломъ. Разливъ Нила — это основа, по которой вытканъ весь строй жизни Египта. Благосостояніе государства

всецѣло зависитъ отъ правильной эксплуатаціи щедротъ великой рѣки. Прекрасно характеризуетъ значеніе Нила для Египта покоритель страны фараоновъ, полководецъ Омара-Амру. Въ письмѣ къ своему повелителю Амру пишетъ: „О, князь вѣрныхъ! представь себѣ безплодную пустыню и рядомъ процвѣтающую страну среди двухъ возвышенностей: — вотъ Египетъ. Всѣ его произведенія, отъ Ассуана до Менги, происходятъ отъ благословенной рѣки, текущей пышно черезъ страну. Розливъ ея и паденье водъ устанавливаются по движеніямъ солнца и луны. Есть срокъ въ году, когда всѣ источники вселенной платятъ царю рѣкъ дань, которую имъ назначило провидѣніе. Тогда воды растутъ, выходятъ изъ своего ложа и покрываютъ всю поверхность Египта, чтобы сложить на ней свой плодородный илъ И тогда нѣтъ иного сношенія между деревнями помимо легкихъ челноковъ, многочисленныхъ, какъ листья пальмы. Когда же наступаетъ то время, когда воды уже ненужны для плодородія почвы, рѣка покорно входитъ въ границы, назначенныя ей судьбой, чтобы дать время собрать сокровища, оставленныя ею, въ нѣдрахъ земли. Покровительствуемый небомъ народъ, подобно пчелѣ, предназначенной работать для другихъ и не пользоваться плодами своего пота, легко растворяетъ внутренности земли и вкладываетъ въ нихъ сѣмена и ждетъ плодовъ отъ того, кто заставляетъ произрастать и зрѣть жатву. Зерно развертывается, стебель поднимается, колосъ образуется съ помощью росы, замѣняющей дождь и поддерживающей плодородную влажность, пропитывающую почву; а за обильной жатвой вновь слѣдуетъ безплодная пора. Такъ, о князь правовѣрныхъ, въ Египтѣ слѣдуютъ другъ за другомъ картины пыльной пустыни, водной, серебряной равнины, чернаго, илистаго болота, волнистой и зеленой нивы, сада, украшеннаго цвѣтами, и нивы, покрытой золотистыми колосьями. Благословенъ будь, создатель такихъ чудесъ!.. привѣтъ князю вѣрныхъ“.

Такъ писалъ суровый полководецъ.

Когда мы подъѣхали къ берегу великой рѣки, перевозная барка была еще на той сторонѣ. Пришлось сидѣть на берегу и ждать, любуясь рѣкой, пальмовымъ лѣсомъ и далекимъ, чистымъ горизонтомъ, подпираемымъ пирамидами Дашура и Мейдуна къ югу, Гизеха къ сѣверу. Насколько хваталъ глазъ, широкая рѣка, словно стаей гигантскихъ чаекъ, была покрыта барками съ распущенными, треугольными парусами Нѣтъ въ свѣтѣ другой рѣки, гдѣ бы парусное судоходство имѣло такое развитіе. Это понятно: — лишь въ Египтѣ, въ теченіе всей осени и зимы, вѣтеръ съ правильностью пассата дуетъ съ сѣвера, и суда, пользуясь его силой, не боясь штиля, поднимаются по Нилу въ Верхній Египетъ, грузятся тамъ хлѣбомъ и хлопчатникомъ и, убравъ паруса, спускаются внизъ по теченію.

Сидимъ на берегу и тщетно ждемъ барку для перевоза. Драгоманъ усиленно кричитъ, около насъ собираются феллахи изъ сосѣдней деревни и, въ надеждѣ на „бакшишъ“, тоже кричатъ. Но барка съ противнаго берега не двигается, и мы праздно сидимъ около часа. Наконецъ, дѣло налаживается—мимо насъ плыветъ пустая парусная лодка, идущая за грузомъ въ Верхній Египетъ. Драгоманъ входитъ въ соглашеніе съ ея начальникомъ, т. наз. райсомъ, смуглымъ, почти чернымъ арабомъ. Райсъ соглашается перевести насъ черезъ рѣку за 5 піастровъ. Мы садимся, и широкая лодка, лавируя своими громадными, треугольными парусами по слабому, боковому вѣтру, медленно везетъ насъ черезъ Нилъ. Но не успѣли мы пристать къ берегу и выйти, какъ къ намъ бросились лодочники, имѣющіе привилегію перевоза, схватили нашу лодку за причалы, заорали, стали бросать въ райса и его матросовъ комьями засохшаго ила. Матросы выскочили на берегъ, и пошла драка. Сбѣжался изъ деревни народъ, драгомана схватили за шиворотъ; наконецъ, прибѣжали изъ деревни представители полиціи и дѣло уладилось при помощи небольшого бакшиша.

Пѣшкомъ пошли мы къ деревнѣ „Бедрешинъ“. Но едва только стали мы къ ней приближаться, какъ увидѣли, въ клубахъ пыли, цѣлый батальонъ мчавшихся на насъ ословъ и сайсовъ. Все это насъ окружило, загалдѣло; сайсы хватали за платья, ловили за руки и за ноги, навязывая каждый для дальнѣйшаго путешествія своего осла (прежніе, хелуанскіе, за слабосильностью, были оставлены на томъ берегу). Драгоману, храбро отбивавшемуся палкой, еле-еле удалось выхватить для меня изъ стада засѣдланныхъ животныхъ, раньше ему извѣстнаго силой и вѣрностью ногъ, большого чернаго осла; себѣ же захватилъ перваго попавшагося. Но и вскарабкаться на сѣдло было не легкимъ дѣ-

ломъ: обиженные сайсы невзятыхъ ословъ съ визгомъ тянули за поводья облюбованныхъ нами животныхъ, толкали ихъ, тащили за хвостъ и проч. Наконецъ, мы отбились отъ толпы и поѣхали.

Не разъ приходилось мнѣ наблюдать въ странѣ фараоновъ драки среди мѣстнаго населенія. Это драки совсѣмъ особенныя, чрезвычайно шумныя, кажется, что нѣтъ предѣла озлобленію и сейчасъ разорвутъ другъ другу глотки. Но озлобленье какъ-то вдругъ, совсѣмъ неожиданно, стихаетъ и вмѣсто яростныхъ криковъ, безъ перехода постепенности, сразу слышишь веселый смѣхъ и дружескую бесѣду. Когда выяснилось, что другихъ ословъ мы не возьмемъ, сайсы успокоились и весело бѣжали за нами по деревнѣ. А враги наши, лодочники, встрѣтили насъ на обратномъ пути, какъ старыхъ друзей. Послѣ деревни „Бедрешинъ" путь нашъ долго шелъ громаднымъ, пальмовымъ лѣсомъ. Пальмовый лѣсъ съ его колоннадой могучихъ, высокихъ, чешуйчатыхъ стволовъ, голыхъ до начала широкаго шатра листьевъ, величественъ, но имѣетъ безжизненный видъ. Стволы пальмъ далеко отстоятъ другъ отъ друга, нѣтъ тѣни въ этомъ лѣсу, и лишь сухой песокъ служитъ ему ковромъ. Гораздо живѣе и жизненнѣе пальмовый кустарникъ. Ярко-зеленые, сочные листья, въ нѣсколько футовъ длины, начинаются прямо съ уровня земли и настолько густо застилаютъ почву, что между блестящей на солнцѣ зеленью нигдѣ не проглядываютъ желтыя пятна песку.

Финиковая пальма—кормилица феллаха. Ея плодами и продажей 2 раза въ годъ подрѣзываемыхъ листьевъ, изъ жилъ коихъ плетутся циновки, дѣлаются стулья и проч.,—можетъ прокормиться цѣлая семья.

И нужно видѣть, какъ феллахъ любитъ и холитъ свою кормилицу. Часто по нѣсколько разъ въ день влѣзаетъ феллахъ, съ помощью веревки, къ ея шатру, подрѣзаетъ сухіе листья, снимаетъ насѣкомыхъ. Во время же цвѣтенія феллахъ искусственно опыляетъ цвѣты женскихъ особей (теорія искусственнаго опыленія извѣстна египтянамъ съ древнѣйшихъ временъ). Стройные и высокіе стволы пальмъ, крѣпкіе какъ кость, совершенно одинаковой толщины у основанія и вершины, должны были внушать идею архитектурнаго имъ подражанія. И дѣйствительно, новѣйшія изысканія доказали, что колонны древнихъ египтянъ имѣли своимъ прообразомъ пальмовый стволъ, а капитель первоначально подражала либо шатру пальмовыхъ листьевъ, либо распущенному, или еще въ бутонѣ, цвѣтку лотоса. Гораздо позднѣйшая культура греческая, комбинируя и усложняя эти три основныя формы капители—пальмовой кроны, цвѣтка и бутона лотоса—создала свои многочисленные, классическіе ордена колоннъ—ордена дорическій, коринфскій и проч. Среди пальмоваго лѣса, которымъ мы ѣхали, лежатъ теперь поверженные колоссы Рамзеса I и II. Надъ гранитнымъ колоссомъ Рамзеса II выстроено, охраняемое сторожемъ, зданіе. Изъ цѣльной массы выточенъ этотъ каменный фараонъ. Греки именовали Рамзеса II Сезострисомъ, и о славѣ его и побѣдахъ сложились у потомства многія легенды. Высота колосса была не менѣе 7 саженей (теперь ноги у него отбиты).

Лѣсъ курчавыхъ волосъ облегаетъ голову гранитнаго исполина; надъ большими, словно звѣриными, ушами высокій шлемъ, мечъ за поясомъ, грудь одѣта въ броню, на рукахъ браслеты, сжатый кулакъ громадной — аршинъ 5—6-ти — руки держитъ царскую печать. Пропорціональность рукъ, ногъ и другихъ частей тѣла, ихъ анатомическая правильность замѣчательны. Во всѣхъ изгибахъ тѣла, въ каждой складкѣ одежды сквозитъ мощь и царское величіе. Холодная усмѣшка и иронія скользятъ въ очертаніяхъ каменнаго рта. Но „портретнаго" сходства съ оригиналомъ не надо искать въ этомъ застывшемъ лицѣ. Мумія Рамзеса II найдена и хранится въ „залѣ царей" музея Гизеха. Дѣйствительное выраженіе его совсѣмъ иное, чѣмъ на статуѣ. Колоссъ Рамзеса II созданъ въ ту эпоху египетскаго искусства, когда погоня за реализмомъ и жизнью художниковъ первыхъ VI династій смѣнилась условностью выраженія и формъ въ изваяніяхъ лицъ царей и жрецовъ.

Но вотъ потянулись кучи мусора, щебня, глубокія рытвины и ямы, обломки разсыпавшихся статуй и колоннъ. Это развалины Мемфиса, старшаго брата стовратыхъ Ѳивъ. Развалины великой столицы мѣстами окружены пальмовымъ лѣсомъ, мѣстами затянуты густымъ пальмовымъ кустарникомъ. Немного осталось отъ славнаго нѣкогда города, послужившаго богатымъ источникомъ добычи камня и плитъ для постройки Александріи, Новаго Вавилона и Каира. Накаленныя тропическимъ солнцемъ развалины, дающія теперь пріютъ лишь желтымъ, подъ цвѣтъ песка, ящерицамъ, скорпіонамъ

и змѣямъ, невольно наводили мысли на исчезнувшую египетскую цивилизацію,—цивилизацію, бывшую уже древней въ эпоху Авраама и младенческой эпохи народа Іеговы.

ГЛАВА II.

До самаго послѣдняго времени, представленія о древне-египетской жизни были самыя неправильныя.

Въ теченіе многихъ вѣковъ, до XIX династіи, одиноко среди неоставившихъ слѣдовъ дикарей, стоитъ, уже вполнѣ законченная, цивилизація древняго Египта. Лишь послѣ XIX дин. Египетъ входитъ въ соприкосновеніе съ нарождающимися цивилизаціями Греціи и Рима.

Первые путешественники, описавшіе Египетъ— Страбонъ и Геродотъ—описали намъ его суровымъ, мрачнымъ, какъ бы застывшимъ среди своего угрюмо-мистическаго религіознаго культа.

Такой ложный взглядъ, поддерживаемый и послѣдующими, не понимавшими Египта, классическими писателями, перешелъ и въ современные учебники исторіи. Но теперь, когда послѣ великаго открытія Шамполіона, послѣ геніальныхъ работъ Руже, Маррьета, Шабаса, Масперо и другихъ, гіероглифы папирусовъ и каменныхъ памятниковъ читаются спеціалистами такъ-же легко, какъ древне-греческіе памятники,—снята завѣса съ тайны погибшаго, древнѣйшаго міра, и вмѣсто суроваго, неподвижнаго Египта, возстаетъ Египетъ оживленный, страстный, съ движущимися въ исторической перспективѣ формами религіи и быта. Всепроницающій лучъ науки освѣтилъ нѣдра по обѣимъ сторонамъ Нила, среди выжженныхъ песковъ широко раскинутаго древняго Некрополиса; дыханіе жизни науки подняло бальзамированныхъ мертвецовъ изъ ихъ каменныхъ гробовъ, сердца ихъ забились, румянецъ заигралъ на щекахъ, и они открываютъ намъ тайны погибшей колыбели всѣхъ послѣдующихъ цивилизацій, — разсказываютъ, какъ они жили и любили. И вмѣсто мрачнаго мистицизма, исключавшаго всѣ человѣческія слабости, подъ знойными лучами солнца, среди пышной, цвѣтущей растительности, проходятъ передъ нами, украшенныя цвѣтами голубого лотоса, ожившія тѣни влюбленныхъ дочерей и сыновъ страны Изиды.

Несомнѣнно, что любви въ нашемъ смыслѣ, любви, подбитой меланхолическими мечтаніями, любви платонической и безкровной, оставленной намъ въ наслѣдство христіанствомъ и средневѣковымъ рыцарствомъ, въ древнемъ Египтѣ не существовало, какъ не существовало ея и въ классическомъ мірѣ; но трепетала любовь горячей крови, страстная, знойная, смѣлая и жизнерадостная. Не покидавшее никогда египтянъ представленіе о близкой смерти заставляло ихъ дорожить мгновеніемъ, торопиться любить и наслаждаться полной грудью. Любопытные образчики пѣсенъ любви находятся въ такъ-называемомъ туринскомъ папирусѣ. Папирусъ этотъ, къ сожалѣнію изуродованный, переведенъ Масперо. Много поэзіи любви древнихъ египтянъ и въ папирусѣ Гарриса. Вотъ, напр., разговоръ трехъ смоковницъ, изъ которыхъ каждая приглашаетъ влюбленную парочку подъ свою сѣнь; соперничая между собой, смоковницы хвалятъ густоту, защищающаго отъ зноя солнца своей зеленью шатра и восточными красками Шехерезады или поэмъ Фирдуси описываютъ красоты милой.

Беру изъ перевода Масперо нѣсколько отрывковъ любовныхъ пѣсенъ:

„Любовь твоя проникаетъ мнѣ въ сердце, какъ вино въ воду, сливается съ моимъ сердцемъ, какъ благоуханіе съ цвѣткомъ; ты спѣшишь на свиданіе къ сестрѣ—(милая, на древне-египетскомъ языкѣ, называлась сестрой, милый—братомъ, такъ-же какъ въ еврейской любовной поэмѣ „Пѣснѣ пѣсней“)— какъ конь на паству, какъ ястребъ бросается на голубку... Лебедь улетаетъ и привѣтствуетъ свое гнѣздо; много птицъ бороздятъ воздухъ надъ рѣкой, но я ихъ не вижу; я чувствую лишь мою любовь къ тебѣ, такъ какъ мое сердце связано съ твоимъ сердцемъ, и не могу забыть твою красоту. Братъ выходитъ изъ дома и приходитъ, не думая о моей любви, и застываетъ мое сердце. Напрасно мнѣ предлагаютъ лакомства и благоуханія, не нужны мнѣ благовонныя масла и эссенціи; что сладко для вкуса, стало для меня теперь горче желчи. Лишь дыханіе ноздрей твоихъ даетъ жизнь моему сердцу, и когда я тебя чувствую, кажется мнѣ, что Богъ всегда и вездѣ со мной. О мой прекрасный другъ, о мой желанный, хотѣла бы я гулять, опираясь на твою руку; тогда бы я сказала моему сердцу, моему сердцу въ твоей груди, свои мольбы! Если мой другъ не прійдетъ ко мнѣ за ночь, я какъ въ могилѣ! Не ты ли здоровье и жизнь, дающій радости здоровья моему, любящему

тебя сердцу? Звенитъ голосъ горлинки, она шепчетъ: „вотъ падаетъ заря, гдѣ моя дорога?“ Ты горлинка и ты меня зовешь. Я нашла моего брата, и сердце мое радостнѣе всѣхъ другихъ сердецъ бьется, и я не ускользну отъ тебя; но, рука въ руку, я пойду съ тобой и буду съ тобой вездѣ и всюду, счастливая тѣмъ, что онъ считаетъ меня лучшей женщиной и не разбиваетъ моего сердца! Ахъ! скорѣе надо отворять двери, такъ какъ братъ мой идетъ ко мнѣ, глаза мои устремлены на дорогу, уши мои прислушиваются къ его шагамъ, ибо я сотворила себѣ изъ любви моего брата единственное благо и не замолкаетъ мое сердце, когда дѣло касается его. Но онъ послалъ мнѣ гонца быстроногаго, чтобы сказать мнѣ: „Я не свободенъ“. — О, ты, чьею силою нельзя устать любоваться! зачѣмъ разбивать сердце до смерти? Мое сердце такъ счастливо было твоею любовью, что когда я спѣшно бѣжала тебѣ навстрѣчу, расплетались мои косы и портилась моя прическа. Но клянусь тебѣ, не уставала я убирать свои волосы, чтобъ быть каждую минуту готовой тебя встрѣтить“.

Не правда ли, что въ этихъ любовныхъ изліяніяхъ, странныхъ по первому впечатлѣнію, есть своеобразная прелесть? Сходство съ манерой и стилемъ „Пѣсни пѣсней“ очень большое. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы авторъ „Пѣсни пѣсней“ подражалъ египетской музѣ. Одинаковое солнце въ небѣ и крови, сходныя условія климата и быта создали сходные образы, и одинаковая природа дала сходныя краски.

Въ изданномъ Масперо сборникѣ древне-египетскихъ сказокъ (Les contes populaires de l'Egypte ancienne, Maspero. Paris. 1889) съ удивленіемъ мы встрѣчаемъ знакомые намъ мотивы сказокъ о спящей царевнѣ, объ Иванушкѣ-дурачкѣ, о злыхъ и добрыхъ волшебницахъ и проч. Особенно часто въ нихъ повторяется мотивъ библейскаго сказанія о женѣ Пентефрія и Іосифѣ Работы послѣднихъ 20-ти лѣтъ особенно оживили и разъяснили духъ древняго Египта. Безчисленныя, ежегодныя находки неисчерпаемыхъ сокровищъ древняго міра проливаютъ все болѣе и болѣе яркій свѣтъ на подробности первой въ мірѣ цивилизаціи.

Основные источники для хронологіи древняго Египта: во-первыхъ, авторы древней Греціи и Рима, затѣмъ исторія Египта, къ сожалѣнію съ пропусками и обезображенная, составленная Манетономъ, великимъ жрецомъ и начальникомъ архива Геліополиса, за три ст. до Р. Х., таблицы Абидоса, Туринскій папирусъ и др.

Многочисленныя, ежегодно открываемыя и разбираемыя надписи на обелискахъ, гробницахъ, стеллахъ и другихъ каменныхъ памятникахъ погибшей цивилизаціи, все болѣе и болѣе освѣщаютъ и разъясняютъ древнюю исторію страны Изиды и лотоса. Не малымъ подспорьемъ для установленія точной хронологіи древнихъ династій послужили и вычисленныя астрономами времена восхожденія Сиріуса и другихъ свѣтилъ, упоминаемыя въ древнихъ письменныхъ памятникахъ Египта.

Пора теперь, при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій, оставить глубочайшее заблужденіе, котораго еще держится публика и элементарные учебники исторіи, относительно религіи древняго Египта, изображаемой въ формѣ какого-то языческаго обожанія животныхъ. Пора признать, что правъ былъ Ямблихъ-чудотворецъ, когда говорилъ, что древніе египтяне признавали Бога единаго, несотвореннаго, всемірнаго и всесильнаго, и что лишь, такъ-сказать, отдѣльные его аттрибуты и свойства, отдѣльныя проявленія его силы, законы, коимъ онъ управляетъ вселенной, олицетворялись и почитались въ формѣ отдѣльныхъ божествъ. Религія древнихъ египтянъ, въ сущности, по удачному выраженію Шампольона — пантеистическое единобожіе.

Вкратцѣ древнюю религію египтянъ можно изобразить такъ: въ основѣ всего единый Богъ, единый творецъ всего, „отецъ отцовъ“, „мать матерей“ всего сущаго, отъ вѣка самъ себя рождающій, всеблагій и всесильный, вездѣсущій, всегда самъ себѣ равный въ своемъ безконечномъ совершенствѣ, вездѣ ощутимый и нигдѣ не видимый. Несотворенный Богъ становится Творцомъ; всякое истеченіе его силы, всякое ея проявленіе олицетворяется отдѣльнымъ божествомъ. Оттого такое большое количество божествъ, олицетворяющихъ аттрибуты единаго Бога. Аммонъ, наприм., олицетворяетъ скрытую въ природѣ силу, заставляющую ее вѣчно возобновляться; свѣтъ олицетворяется божествомъ „Пта“; вѣчный разумъ — „Тотъ“ и т. д. Всѣ эти божества исходятъ отъ единаго Бога, какъ лучи отъ солнца. Какъ невидимый Богъ можетъ раздваиваться въ различныхъ своихъ божественныхъ проявленіяхъ, такъ и каждое его проявленіе — отдѣльное божество — въ свою очередь, можетъ раздваиваться и давать начало

новымъ силамъ и олицетвореніямъ. Божество, раздваиваясь, создаетъ противуположное своему мужскому началу женственное божество, пассивный принципъ, принципъ материнства и пластичности матеріи и, снова возсоединяясь съ выдѣленнымъ принципомъ женскаго начала — создаетъ новую ипостась—рождаетъ Бога-младенца. Отсюда знаменитыя троицы Мемфиса („Пта" мужское начало, „Сохтъ" женское начало и Богъ-дитя „Имъ-Готенъ"), Ѳивъ („Аммонъ", „Мутъ" и „Конъ") и Абидоса (Озирисъ, Изида и сынъ ихъ Горусъ). Богъ „Ра", отчасти сливаясь съ Горусомъ, даетъ олицетвореніе солнца. Ра-Горусъ—побѣдитель тьмы и зла. Озирисъ сходилъ на землю учить людей добру, но погибъ, осиленный принципомъ зла—Тифономъ. Но Озирисъ воскресъ въ то время, когда тѣло его оплакивали и сынъ его Горусъ является мстителемъ за отца, олицетворяя въ то же время восходящее солнце.

Не буду дальше входить въ подробности египетской религіи, скажу только еще, что, при ея кажущейся сложности, въ основѣ ея лежитъ единый и въ трехъ естествахъ Богъ, вѣра въ безсмертіе души и въ ея спасеніе вѣрой и молитвой. Египтяне вѣрили, что вѣчный Богъ вкладываетъ частицу своего божественнаго начала не только въ людей, но и въ животныхъ. И вотъ почитаніе этого, разлитого во вселенной, божественнаго начала выражалось въ культѣ животныхъ, различныхъ по отдѣльнымъ областямъ —скарабея, ибиса, ястреба, крокодила, аписа-быка.

Египтяне, никоимъ образомъ, не почитали святыми самихъ животныхъ, но, воздавая имъ культъ, символически обоготворяли разлитое во всей вселенной божественное начало. Конечно, среди черни, толпы, такое возвышенное ученіе переходило иногда въ грубое язычество. Но не то же ли самое въ христіанствѣ? Не видимъ ли мы нашу бабу призывающей „Успеніе-Матушку"? Одинъ египтологъ остроумно замѣтилъ, что еслибъ какой-либо катаклизмъ уничтожилъ теперешній свѣтъ и началась бы сызнова иная цивилизація, то новые люди, находя въ развалинахъ храмовъ христіанскія изображенія голубя, агнца, орла Апокалипсиса, долго бы считали христіанство язычествомъ и не скоро бы поняли, что изображенія эти не болѣе, какъ символическія. Нѣчто подобное долго длилось въ толкованіи религіи древняго Египта. Чтобы показать, насколько недалеко духъ египетской религіи стоялъ отъ ученія Христа, приведу здѣсь переводъ могильной надписи, начертанной на надгробномъ камнѣ много вѣковъ до начала христіанской эры. Вотъ надпись этой плиты, сохраняемой въ музеѣ Гизеха: „Единому Богу я былъ привязанъ любовью, я давалъ хлѣбъ голодному, воду жаждущему, одежду неимѣющему ея; пріютъ я давалъ покинутому"...

За сколько же тысячелѣтій до христіанской эры родилась египетская цивилизація, мать всѣхъ остальныхъ? Болѣе или менѣе точная, установленная современными изысканіями, исторія и хронологія Египта начинается съ царствованія Менеса, родоначальника первой династіи, за 5004 г. до Р. Х. Но при первой династіи исторія застаетъ египетское царство уже въ цвѣту культуры; искусство достигло уже высшей своей степени. Къ эпохѣ отъ І-й до VI-й династіи принадлежатъ лучшія произведенія скульптуры и живописи, поражающія своимъ реализмомъ и пластической красотой (образчикомъ реализма въ скульптурѣ можетъ, напр., служить хранящаяся въ музеѣ Гизеха древнѣйшая деревянная статуя, т. наз. Шейхъ-Ель-Беледъ), никогда впослѣдствіи не превзойденныя [1]).

При первой династіи мы застаемъ религію вполнѣ уже выработанной и стоящей на высшей ступени своей идейной чистоты; послѣдующія эпохи только усложнили и затемнили ее. Уже существуютъ: требовавшее конечно многовѣковаго развитія, метафизическое представленіе о міровой гармоніи, олицетворяемой богиней Гаторъ, обширныя для того времени медицинскія познанія, сильно разработанная астрономія, архитектура. Сколько же вѣковъ, быть можетъ тысячелѣтій, надо положить на развитіе культуры отъ эпохи младенчества, варварства, до столь блестящаго ея цвѣта? Исторія пока безсильна отвѣтить на этотъ вопросъ:—ничего, или почти ничего неизвѣстно о томъ, что было въ Египтѣ до первой династіи. Передъ изумленнымъ взоромъ историка, какъ Минерва изъ головы Юпитера, возстаетъ изъ мрака временъ древній Египетъ во всеоружіи науки, культуры и искусства. Несомнѣнно, что много

[1]) Что было между VI и XI династіями, мало намъ извѣстно, т. к. почти не сохранилось памятниковъ той эпохи. Съ XI-ой династіи начинается паденіе искусства, дивные образы ваянія и живописи первыхъ VI династій замѣняются условными и схематическими формами, какъ бы застывшими и мертвыми. Лишь при Сети 1-мъ, XIX-ой династіи, начинается нѣкое возрожденіе искусства, и памятники эпохи возрожденія приближаются къ поразительнымъ образцамъ ваянія и живописи первыхъ VI-ти династій.

вѣковъ даже не варварства, а совершенствовавшейся, уже довольно высокой культуры предшествовало началу царствованія Менеса. Напомню, что открыты и прочитаны гіероглифы, въ которыхъ Хеопсъ, строитель величайшей пирамиды, сообщаетъ исторіи, что онъ, Хеопсъ, нашелъ *засыпаннымъ пескомъ* т. наз. великій сфинксъ и около него храмъ, откопалъ его и украсилъ статуями божествъ. Сколько же вѣковъ нужно было, чтобъ засыпать пескомъ пустыни громадную фигуру великаго сфинкса настолько, чтобъ память о немъ исчезла у современниковъ Хеопса, лишь случайно, неожиданно открывшаго сфинксъ и его храмъ? и сколько вѣковъ должно было предшествовать изваянію сфинкса, въ теченіе которыхъ люди могли научиться рѣзцомъ давать скаламъ гранита такія поразительныя по красотѣ, реализму и мысли формы и черты, какія мы видимъ у великаго сфинкса пустыни, съ его загадочнымъ, обращеннымъ къ небу взглядомъ? Исторія пока робко молчитъ на этотъ великій историческій вопросъ, но, несомнѣнно, когда-нибудь сдернетъ завѣсу надъ великой тайной человѣчества. Напомню здѣсь еще слова Платона, что въ храмахъ древнихъ египтянъ можно было въ его время найти образцы скульптуры и живописи, которымъ болѣе 10,000 лѣтъ, не хуже современныхъ, т.-е. современныхъ Платону. „Если я говорю 10,000 лѣтъ, — подчеркиваетъ Стагирскій философъ,—то это не для образности выраженія, а въ буквальномъ смыслѣ“.

Можетъ быть, Платонъ зналъ про древній Египетъ болѣе, чѣмъ мы теперь знаемъ, и, можетъ быть, цифра 10,000 лѣтъ имъ не преувеличена. Но Платонъ говоритъ уже о совершенныхъ произведеніяхъ десятитысячелѣтней древности. Сколько же вѣковъ надо считать съ эпохи созданія упоминаемыхъ Платономъ превосходныхъ образцовъ ваянья и живописи — (Платонъ былъ знатокъ красоты и его оцѣнкѣ можно вѣрить) — до младенчества цивилизаціи, до ея каменнаго вѣка?

ГЛАВА III.

Межъ тѣмъ мы выбрались изъ пальмоваго лѣса. За лѣсомъ сразу начинается мертвая и нѣмая Ливійская пустыня, на многія сотни верстъ раскинувшая свой желтый, дрожащій подъ ударами знойнаго вѣтра, саванъ. Много верстъ ѣхали мы по ея сыпучимъ, горячимъ пескамъ. Предъ нашими глазами все время стояла древнѣйшая пирамида, т. наз. ступенчатая пирамида Сахары, и кругомъ нея 17 другихъ, частью разрушенныхъ, пирамидъ, а къ сѣверу виднѣлись геометрическія громады Гизеха, къ югу пирамиды Дашура и Мейдуна — мертвые стражи-исполины мертваго покоя пустыни. Пирамида Сахары самая древняя, построена она фараономъ Унефесомъ, фараономъ I-ой династіи, за 5000 лѣтъ до Р. Х.; пятью уступами возвышается она отъ знойнаго, желтаго песка къ знойной лазури неба. Размѣръ ея не изъ большихъ: восточная и западная сторона по 120-ти метровъ длины, сѣверная и южная по 107, высота 57 м. Открытъ ходъ въ эту пирамиду. Изъ середины ея далеко вглубь идетъ каменный колодезь и глубоко подъ землей соединяется съ цѣлыми лабиринтомъ залъ и нишей. Въ одной изъ залъ находился каменный саркофагъ строителя.

Мы начали осмотръ засыпаннаго пескомъ кладбища древняго міра съ храма фараона VI-ой династіи Мера. Этотъ громадный храмъ изъ 25-ти залъ былъ найденъ и откопанъ всего за нѣсколько мѣсяцевъ до нашего посѣщенія (въ 1893 г.); лучшее доказательство того, сколько неутомимые гробокопатели пустыни, окрыляемые жаждой знанія и истины, могутъ еще надѣяться найти подъ ея песками. Громадный храмъ Мера „во дни оны“ высоко возвышался надъ землей, теперь надъ его крышей высятся холмы песку, и чтобъ проникнуть въ него, надо спускаться глубоко внизъ въ выкопанную яму, въ которую выходятъ врата храма. Тьма, конечно, абсолютная въ ставшемъ подземнымъ храмѣ. Мы шли по гранитнымъ заламъ съ тремя зажженными свѣчами; драгоманъ иногда освѣщалъ тьму въ наиболѣе эффектныхъ мѣстахъ огнемъ предусмотрительно-взятаго съ собой магнія. Каменныя стѣны храма, надгробныя плиты, т. наз. стеллы, сплошь украшены великолѣпными, замѣчательно сохранившимися барельефами, ярко и живо рисующими жизнь древняго Египта во всѣхъ ея проявленіяхъ [1]).

Вотъ древніе феллахи сѣютъ, вотъ орошаютъ поля, вотъ жнутъ и молотятъ. Вотъ повалили громаднаго, трепещущаго быка и рѣзникъ вон-

[1]) Нѣсколько дней спустя послѣ нашего посѣщенія храма, какіе-то негодяи, — трудно сказать съ какой цѣлью, — пробрались ночью мимо спавшихъ сторожей и молотками отбили дивныя украшенія стѣнъ храма.

Н. Н. Каразинъ.

Снѣжный заносъ.

заетъ ему въ горло ножъ. Вотъ строятъ галеру, а вотъ она, уже въ полной оснасткѣ, колышется на волнахъ Нила. Пѣвицы, танцовщицы чередуются съ рядами рабовъ, несущихъ ѣду и дары своимъ повелителямъ. Стада животныхъ и птицъ переданы съ замѣчательной силой реализма и жизни. Какъ живые, смотрятъ быки, буйволы, бараны; ибисы, лебеди и друг. пернатыя, того и гляди, взмахнутъ крылами и взлетятъ съ своихъ каменныхъ основаній.

Древній Египетъ живетъ полной жизнью въ этихъ барельефахъ: всѣ подробности его быта, хозяйства, службы ярко рисуются передъ глазами. Фараонъ часто изображенъ нѣжно держащимъ за руку свою супругу; а вотъ супруга одна съ ручнымъ львомъ у подножія ея престола.

Древніе египтяне вѣрили, что въ тѣлѣ, какъ искра отъ единаго Бога, живетъ частица его духа—разумъ. Разумъ не входитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ матеріей, съ тѣломъ,—передаточная сила—душа. Кромѣ души, еще слишкомъ возвышенной для плоти, есть въ тѣлѣ человѣка умъ, или духъ („Ниву“) и вотъ этотъ-то духъ-умъ управляетъ жизнью тѣла, заставляетъ его сердце биться, кровь бѣжать по жиламъ. Связь души съ тѣломъ покойника не прекращается, душа, словно двойникъ лежащаго въ гробу, въ своей эфирной оболочкѣ живетъ среди его друзей и родственниковъ и живетъ еще земными интересами. Чтобъ облегчить душѣ до вызова ея къ страшному суду Озириса связь съ земнымъ міромъ, сохраняли и бальзамировали тѣло, а гробницы и стѣны погребальныхъ храмовъ украшали изображеніями земныхъ предметовъ,—для души, тѣни тѣла, достаточно тѣни—рисунка или изваянія реальныхъ предметовъ,—живыхъ существъ. Подобный взглядъ объясняетъ, почему стѣны погребальныхъ храмовъ покрыты столь многочисленными изображеніями картинъ реальной жизни, окружавшихъ покойника до его смерти.

Взглядъ египтянъ первыхъ династій на смерть не былъ мраченъ, — смерть представлялась имъ естественнымъ, легкимъ, даже желательнымъ переходомъ души изъ однихъ условій жизни къ другимъ. Лишь при династіяхъ періода упадка такой свѣтлый взглядъ омрачился ученіемъ о страшныхъ испытаніяхъ, коимъ подвергается душа, до послѣдняго страшнаго суда. Весьма вѣроятно, что христіане первыхъ вѣковъ, населявшіе пещеры пустынь Верхняго и Средняго Египта, позаимствовали свое ученіе о мытарствахъ изъ египетскихъ религіозныхъ легендъ о скитаніяхъ и испытаніяхъ душъ. Да и мало-ли что позаимствовали они изъ обломковъ разрушавшагося египетскаго міра и его религіозной философіи! Я привожу здѣсь два отрывка; первый — изъ такъ-называемой „книги мертвыхъ“, письменнаго напутствія, клавшагося египтянами въ гробъ съ каждымъ покойникомъ, другой — изъ очень древняго гимна солнцу...

„Я—Атумъ (непостижимый), создавшій небо и всѣхъ существъ, появившійся среди лазури небеснаго свода. Я—Ра (свѣтъ) при восходѣ свѣтилъ отъ начала вѣковъ, я управляю всѣмъ мною созданнымъ. Я—великій богъ, самъ себя рождающій среди водъ пространства, отецъ боговъ. Я былъ вчера и я знаю завтрашній день. Я—законъ жизни существъ!..“

Изъ великолѣпнаго гимна солнцу:

„Ты возстаешь, благодѣтельный Аммонъ Ра, ты возстаешь, истинный. Гряди, господь безконечнаго! Сущіе живутъ дыханіемъ твоимъ. Ты благословляемъ всякою тварью, скрытое существо; образа твоего никто не вѣдаетъ, каждый день рождающійся младенецъ, старецъ, ступающій по вѣкамъ безконечности! Это онъ принимаетъ молитву угнетеннаго; нѣжный сердцемъ тому, кто его молитъ, освобождающій робкаго отъ дерзкаго, судья сильнаго и несчастнаго,—господь мудрости, слово его плоть (субстанція), онъ даетъ движеніе всему сущему, — его движеніемъ созданы въ безднѣ всѣ дары свѣта!...“

Изъ храма Мера мы отправились къ храму Каб-Ина, тоже VI-й династіи, выкопанному изъ песковъ лишь въ іюлѣ 1893 года Въ храмѣ этомъ всего 6 залъ. Порядочно утомившись осмотромъ, мы присѣли на каменныя плиты въ притворѣ храма шеститысячелѣтней давности и выпили взятое съ собой вино.

Когда мы вышли изъ мрака подземнаго храма и насъ ослѣпили жгучіе лучи солнца, то, къ нашему удивленію, оказалось, что нашихъ ословъ у выхода нѣтъ. Драгоманъ послалъ сторожа храма въ деревню Бедрешинъ сообщить о пропажѣ ословъ, а сами мы, дѣлать нечего, пѣшкомъ пошли по горячему песку къ домику Маррьета. Обливаясь потомъ, шагали мы по песчанымъ холмамъ. Кругомъ насъ виднѣлись глубокія ямы раскопокъ. Тамъ и сямъ валялись кучи хрупкихъ человѣческихъ костей, обломки старыхъ кувшиновъ и другой глиняной посуды. Когда мы подошли къ до-

мику, то ослы наши были уже тамъ — оказалось, что они бѣжали отъ храма Каб-Ина и погонщики догнали ихъ лишь у домика Маррьета. Такъ вотъ оно, это скромное жилище великаго ученаго, прожившаго долгіе годы страстнаго труда въ его глиняныхъ стѣнахъ! Почти одинъ жилъ Маррьетъ среди необозримой пустыни, борясь съ сыпучимъ пескомъ, заносившимъ его раскопки, борясь съ недовѣріемъ египетскаго правительства и враждебностью бедуинъ, подъ конецъ, однако, горячо его полюбившихъ, ближе узнавъ его чистую, дѣтскую душу. Теперь сторожъ-арабъ живетъ въ этомъ домикѣ и охраняетъ его стѣны — святыню жилища великаго и проницательнаго ученаго, пролившаго своими изысканіями яркій свѣтъ на исторію древняго Египта. Ренанъ справедливо говоритъ, что Маррьетъ дѣлалъ открытія, потому что онъ рылъ песокъ не на-удачу, а руководимый яснымъ принципомъ и глубокимъ знаніемъ. Живя въ скромномъ, выстроенномъ имъ домикѣ, Маррьетъ вспомнилъ, наткнувшись разъ въ пескахъ на небольшого каменнаго сфинкса, описаніе Страбона, что предъ Серапеумомъ Мемфисскаго кладбища тянулась аллея сфинксовъ. Опредѣливъ по найденному сфинксу предполагаемое направленіе аллеи Страбона, Маррьетъ принялся за работу и послѣ неимовѣрнаго труда откопалъ нѣсколько сотъ сфинксовъ и, срывъ передъ входомъ въ Серапеумъ песчаную гору до 10 саж. высоты, открылъ 12-го ноября 1851-го года входъ въ святилище.

Выпивъ душистаго, свареннаго намъ арабомъ кофе (ничто здѣсь такъ не освѣжаетъ и не возстановляетъ силъ, какъ арабскій кофе, подаваемый кипящимъ, съ гущей, въ маленькихъ чашкахъ), мы направились въ Серапеумъ, въ знаменитую усыпальницу священныхъ быковъ аписовъ. По длинной, наклонной плоскости, между холмовъ песка, надо спускаться до входа въ грандіозный, вырубленный въ цѣльной скалѣ, храмъ. Среди каменныхъ стѣнъ, подъ высокими сводами, тянутся на сотни шаговъ въ нѣдрахъ скалы широкіе корридоры. Тускло, послѣ солнечнаго блеска, свѣтятъ наши свѣчи, гулко и жутко отдаются шаги.

Корридоры кіевскихъ пещеръ—миніатюры въ сравненіи съ широкими, какъ залы дворцевъ, корридорами Серапеума. По обѣимъ сторонамъ корридора, при мерцающемъ свѣтѣ свѣчей, зіяютъ какія-то темныя бездны. Мы зажигаемъ магній; бездны оказываются широкими и глубокими, выбитыми въ скалѣ комнатами. Всѣхъ ихъ 24, въ каждой изъ нихъ громадная, суровая, безъ всякихъ украшеній, гробница аписа изъ цѣльнаго чернаго или краснаго гранита. Каждая гробница закрыта массивной, гранитной же доской. Тяжесть саркофаговъ колоссальна, и непонятно, какими средствами египтяне привозили и устанавливали ихъ въ нишахъ. Не нужно при этомъ забывать, что гора чернаго и краснаго гранита есть только у Ассуана и что, стало быть, саркофаги эти привозились за 800 слишкомъ верстъ.

Послѣ открытія Серапеума, египетское правительство хотѣло-было вытащить одинъ изъ саркофаговъ на свѣтъ Божій; но истративъ нѣсколько тысячъ франковъ, протащило его, вытянувъ изъ ниши, всего нѣсколько саженей по корридору и бросило непосильную работу. Такъ и стоитъ теперь одиноко среди корридора саркофагъ-гора.

Стѣны нишей и корридоровъ были прежде увѣшаны сотнями плитъ-стеллъ съ гіероглифическими надписями. Теперь стеллы растасканы по музеямъ.

Изъ Серапеума мы отправились къ гробницѣ „Ти", жреца V-ой династіи, тоже подземный теперь храмъ, со стѣнами, украшенными дивными барельефами и рисунками. На стѣнахъ—вся жизнь древней страны фараоновъ, съ ея домашними и дикими животными, сценами охоты, рыбной ловли и проч. Свѣжесть красокъ такая, что кажется, словно рисунки вчера только подновлены. Жизненность и реализмъ изображенныхъ сценъ удивительны. Какъ сейчасъ вижу, напр., такую картину. Рабъ выбралъ молодого теленка изъ стада, взвалилъ на широкія плечи и, согнувъ спину, несетъ его. Телокъ смотритъ кроткими, изумленными глазами. За нимъ бѣжитъ, вытянувъ шею и съ жалобнымъ ревомъ корова-мать и глаза ея какъ-будто полны слезъ, а кругомъ разступившееся стадо угрюмо смотритъ на эту сцену. Послѣ храма „Ти", мы вновь отправились въ домикъ Маррьета и закусили на его террасѣ; — съ нами были сардинки, хлѣбъ и апельсины. Арабъ еще разъ угощалъ насъ кофеемъ.

Дивный, величественный, какъ смерть, видъ открывался съ террасы. Кругомъ необозримая, желтая, какъ львиная шкура, пустыня освѣщалась косыми лучами наклонившагося къ горизонту солнца, къ сѣверу и югу—ряды пирамидъ. Отдохнувъ, мы пустились въ обратный путь. По дорогѣ остановились у развалинъ пирамиды Онноса

(V-ой династіи). По низкому корридору, ползкомъ, спустились мы въ выбитые подъ пирамидой залы и проходы. Тѣ-же стеллы, тѣ-же іероглифы, та-же свѣжесть красокъ.

Когда мы, на обратномъ пути, подъѣзжали къ деревнѣ Бедрешинъ, за версту отъ деревни встрѣтила насъ толпа феллаховъ, женщинъ и ребятишекъ, взволнованная потерей ословъ. Узнавъ, что ослы цѣлы, всѣ радостно кричали и смѣялись и отправились всей толпой провожать насъ до барки. Дѣвчонки хватали меня за стремена, вытирали своими покрывалами мнѣ сапоги, обнимали колѣна и просили „бакшишъ". Деревней мы проѣзжали, когда уже свечерѣло совсѣмъ. Загоняли стадо длинноухихъ овецъ; на буйволахъ, погоняя стадо, скакали мальчишки. Женщины хлопотливо разбирали по дворамъ скотину. Невольно вспоминалась русская деревня въ вечернюю пору.

Наша барка не подходила вплоть къ берегу и отдѣлялась отъ него широкой полосой жидкой и топкой грязи. Не успѣлъ я ахнуть, какъ толпа ребятъ и дѣвушекъ подхватила меня на руки и, несмотря на мои протесты, съ дикимъ гиканьемъ, бѣгомъ, понесла на барку.

По пути мы наскочили на перетаскиваемаго на лодку брыкавшагося осла и чуть-было всѣ не бухнулись въ грязь. Вѣтеръ къ вечеру совсѣмъ упалъ и барка тихо переѣзжала Нилъ. Гребцы монотоннымъ пѣньемъ призывали Аллаха и дружно налегали на весла, райсъ правилъ рулемъ и барка, шелестя разрѣзаемой водой, скользила по золотымъ и нѣжно-розовымъ, при лучахъ заката, водамъ великой рѣки. Совсѣмъ стемнѣло, когда мы переѣхали на другой берегъ. Намъ предстояло еще ѣхать, при густой тьмѣ здѣшнихъ ночей, нѣсколько верстъ пустыней до города. Три араба пошли насъ проводить, такъ какъ переѣздъ этотъ ночью не всегда, говорили, безопасенъ. Тихо двинулись мы на нашихъ осликахъ. Все чаще и чаще раздавались оклики сайсовъ: „хатъ! хатъ!"

До восхода луны еще было далеко. На глубокомъ, бархатномъ небѣ загорѣлись крупныя, южныя звѣзды и задрожали своими золотыми и серебряными рѣсницами. Налетавшіе порывы теплаго вѣтра взмывали столбы песку, казавшагося чернымъ среди темноты тропической ночи, и чудилось, что черные саваны трепещутъ въ воздухѣ. Какими-то громадными, безобразными чудовищами казались попадавшіеся по пути верблюды.

То мы натыкались на молившихся мусульманъ, среди песковъ пустыни простиравшихъ руки къ послѣднимъ лучамъ заката; то встрѣчали вереницы арабскихъ женщинъ, возвращавшихся изъ города съ кувшинами на головахъ, и ихъ фигуры въ развѣвающихся мантіяхъ, подобно чернымъ привидѣніямъ, среди мрака ночи, величественно шествовали по потемнѣвшему песку. Группы пальмъ съ невидимыми стволами высоко въ небо, заслоняя звѣзды, поднимали свои, казавшіяся черными, шапки.

Гдѣ-то, далеко-далеко, дѣтскимъ плачемъ заливалась гіена...

Доѣхали мы вполнѣ благополучно. На балконѣ нашей дачи поджидала меня жена.

Пока мы пили на балконѣ изъ русскаго самовара чай, высоко поднялся серебряный, чистый, словно только-что вымытый ключевой водой, серпъ молодого мѣсяца.

Пятна мягкаго, бѣлаго свѣта пестрили бѣлыя улицы, бѣлые дома и стоявшій около самой нашей дачи бѣлый, стройный минаретъ города. Звѣзды поблѣднѣли, и лишь вблизи молодого мѣсяца, будто заигрывая съ серебрянымъ серпомъ, ярко ярко горѣла большая звѣзда...

Степ. Жихаревъ.

НА ЗАКАТѢ.

Когда-то мы мечтами жили
Въ расцвѣтѣ нашихъ юныхъ лѣтъ,
И юностью не дорожили,
Какъ-будто и конца ей нѣтъ.

Она прошла — и улетѣли
Мечтанья наши вслѣдъ за ней...
Чѣмъ ближе мы къ предѣльной цѣли,
Тѣмъ жизнь становится мрачнѣй.

Какія бѣды удручали,
Какая тьма давила насъ!
Несчетны въ жизни дни печали,
А радость длится только часъ.

Она мелькнетъ—и пронесется,
Но много въ жизни бурь и грозъ,
И много въ сердцѣ остается
Еще невыплаканныхъ слезъ...

Д. Михаловскій.

МГНОВЕНІЕ.

(Миніатюра [1]).

Гости съѣзжались. Всѣ парадныя комнаты дома были освѣщены. Тихій, мягкій свѣтъ карселевскихъ лампъ смѣшивался съ трепещущимъ нервнымъ свѣтомъ парафиновыхъ свѣчей. Старикъ дворецкій въ послѣдній разъ уже прошелся по залѣ съ раскаленной конфоркой, которую онъ поливалъ какою-то благоухающею жидкостью.

Въ гостиную, гдѣ сидѣли дамы, время отъ времени вступалъ новый посѣтитель. Его привѣтствовали сдержанными возгласами и вводили въ общій разговоръ. Мужчины не засиживались тамъ долго; они проходили въ большой кабинетъ хозяина, гдѣ можно было курить и гдѣ пышные кринолины дамъ не стѣсняли ихъ движеній.

Молодежь проскальзывала въ темно-зеленую угловую комнату, откуда доносился веселый, заразительный смѣхъ.

Вечеръ у графини С. обѣщалъ быть, по обыкновенію, многолюднымъ и оживленнымъ. Всѣ знали, что готовился очень интересный сюрпризъ въ лицѣ заѣхавшаго въ городъ извѣстнаго московскаго пѣвца. Онъ далъ слово быть на вечерѣ и, конечно, его уговорятъ спѣть что-нибудь.

Молодежь, дамы, да многіе и изъ мужчинъ въ кабинетѣ съ нетерпѣніемъ ждали его прибытія. Изъ зеленой угловой то-и-дѣло кто-нибудь выскакивалъ въ прихожую, чтобы справиться, не пріѣхалъ ли желанный гость. Но пѣвецъ что-то запоздалъ, и у многихъ уже являлось сомнѣніе въ обѣщанномъ сюрпризѣ.

— Господа! Попросимъ его спѣть партію Руслана!—предложилъ кто-то изъ молодежи.

— Вотъ это мило! Какъ же теноръ будетъ пѣть баритонную партію?—разсмѣялась какая-то барышня на его предложеніе.

— А развѣ онъ теноръ?

— А вы и не знали?

— Ну, въ такомъ случаѣ пусть онъ намъ споетъ балладу Финна.

— О, нѣтъ! Это скучно. Изъ итальянцевъ, изъ итальянцевъ что-нибудь, господа!

— А по-моему, лучше всего романсъ! Онъ ихъ такъ чудно поетъ.

— А вы слышали?

[1]) Дѣйствіе происходитъ въ 1860 году.

— Пріѣхалъ! Пріѣхалъ!—крикнулъ кто-то, и молодежь шумной толпой черезъ залъ бросилась къ прихожей.

Всѣ ожидали увидать тамъ прославленнаго пѣвца, извѣстнаго не только своимъ голосомъ, но и красотой и изящными манерами. Каково же было общее разочарованіе, когда въ прихожей, вмѣсто этого феникса, они натолкнулись на полную, средняго роста старушку, закутанную въ громадный салопъ и необъятный капоръ. Два рослыхъ гайдука почтительно освобождали ее отъ этихъ верхнихъ одеждъ, причемъ одинъ, стоя на колѣняхъ, стаскивалъ съ ея старческихъ ногъ теплые бархатные сапоги, а другой бережно раскутывалъ обмотанные вокругъ ея шеи мѣховые хвосты.

— Ну, вотъ это мило... вотъ это мило!—шамкала она, кивая головой.—Я люблю, когда меня такъ встрѣчаютъ. Это доказываетъ, что вы любите меня. Вѣдь, любите, а?

— Любимъ, Анна Петровна, любимъ!—раздалось нѣсколько смущенныхъ и разочарованныхъ голосовъ.

— Ну, и спасибо... Ну, и спасибо... А гдѣ мои очки? Сейчасъ, сейчасъ, вотъ только очки надѣну.

И вооруживъ свой носъ очками, старушка перецѣловалась съ двумя-тремя барышнями и, покивавъ головой остальнымъ, тяжело переваливаясь, поплыла въ гостиную. А молодежь опять отхлынула въ зеленую угловую.

— Ну, господа, теперь ходите осторожно и смотрите себѣ подъ ноги,—замѣтилъ юный графчикъ С., племянникъ хозяина дома.

— А что? Почему?

— Да Анна Петровна косточки отъ персиковъ всегда на полъ выплевываетъ. Того и гляди, поскользнешься и сломаешь себѣ голову.

— Фи, какія вы вещи говорите, Поль!—остановила его молоденькая барышня.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ,—настаивалъ графчикъ.—Она ужасная неряха. Вотъ посмотрите, за ужиномъ сколько она вокругъ себя накрошитъ.

— Да, покушать любитъ, старушка!—вставилъ кто-то другой.

— Грѣшно смѣяться надъ старостью, господа!—остановила ихъ молоденькая Бетси, дочь хозяйки дома.

— А правда, господа, говорятъ, что Анна Петровна была очень хороша въ молодости?—спросилъ кто-то.

— Воображаю!—расхохотался молодой графъ.

— Совершенно напрасно ты смѣешься, — серьезно замѣтила ему кузина Бетси. — Несомнѣнно, что Анна Петровна была хороша.

— Почему? Почему?

— А потому что...

Молодая дѣвушка замялась.

— Потому что, вѣроятно, у нея была цѣлая толпа поклонниковъ и вздыхателей,—договорилъ за нее высокій, статный молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ и съ черными, небрежно падавшими на лобъ кудрями.

Молодежь расхохоталась.

— Какъ не стыдно! И вы тоже!—укоризненно обратилась къ нему графиня Бетси и, передернувъ плечиками, вышла изъ комнаты.

— Простите, графиня, но развѣ это неправда?—нето извинялся, нето настаивалъ послѣдовавшій за ней молодой брюнетъ.

— Не знаю, можетъ быть... Но, во всякомъ случаѣ, говорить объ этомъ не надо.

Они проходили черезъ залу, гдѣ большой, раскрытый рояль какъ-будто ждалъ уже начала концерта.

— Простите меня! Я забылъ, что при васъ нужно быть очень осторожнымъ въ выраженіяхъ,—продолжалъ брюнетъ.

Бетси пріостановилась.

— Не при мнѣ,—горячо заговорила она.—А вообще, вездѣ и всегда нужно быть осторожнымъ въ осужденіяхъ.

— Да развѣ я осуждаю?

— Конечно. И мнѣ это не нравится въ васъ. Я бы хотѣла, чтобы вы немножко побольше любили людей, чтобы вы относились къ нимъ снисходительнѣе... Ахъ, Боже мой! Чтобы просто вы ихъ получше понимали, потому что, вы знаете, „понять—простить“.

Молодой человѣкъ, сконфуженно опустивъ голову, стоялъ передъ ней.

— У васъ прекрасная душа, графиня, и чѣмъ больше узнаю я васъ, тѣмъ больше... проникаюсь я чувствомъ благоговѣнія,—тихо промолвилъ онъ наконецъ.

Бетси вспыхнула и быстро пошла дальше.

Въ гостиной, куда они вошли, между другихъ дамъ сидѣла и Анна Петровна. Бетси остановилась за кресломъ матери, молодой человѣкъ прислонился къ косяку двери.

— Ахъ, Боже мой! Какіе левашники сдѣлалъ

сегодня мой поваръ!—громко разсказывала Анна Петровна сидѣвшей рядомъ съ ней дамѣ.—Вы знаете, я вѣдь люблю все мучное: пирожки, левашники, пышки... Но такихъ левашниковъ, какъ сегодня, я, кажется, и не ѣдала.

— А у насъ сегодня, Анна Петровна, будетъ пѣніе,—обратилась къ ней хозяйка дома.—Изъ Москвы пріѣхалъ теноръ К. Онъ обѣщалъ быть и пѣть у насъ сегодня.

— Ну, и чудесно, пускай попоетъ,—совсѣмъ равнодушно откликнулась Анна Петровна и, обратившись опять къ своей собесѣдницѣ, продолжала: —Я и рыбу люблю... напримѣръ, тѣльное изъ судака, но тѣсто предпочитаю всему. Вы ѣдали Бутурлиновскія ватрушечки? Нѣтъ? Ахъ, попробуйте, пожалуйста! Это не съ творогомъ дѣлаютъ, а съ семгой, съ соленой семгой... Сначала фаршъ надо приготовить...

„Неужели эта старая, неопрятная женщина, мысли которой поглощены всѣ пирожками да ватрушками, была когда-нибудь молода, хороша, увлекательна?“ — думалъ брюнетъ, внимательнымъ и брезгливымъ взглядомъ разсматривая Анну Петровну...—„Неужели кто-нибудь восторженно цѣловалъ эти красныя, лоснящіяся, покрытыя старой кожей, руки? Чтобы сказали ея бывшіе поклонники, взглянувъ на нее теперь, съ головой ушедшую въ таинство приготовленія Бутурлиновскихъ ватрушекъ?.. И неужели мы всѣ состаримся, сморщимся или расплывемся, потеряемъ память, сдѣлаемся неряшливыми? Неужели и она будетъ старухой?“—И онъ устремилъ почти испуганный взглядъ на задумчиво стоявшую возлѣ кресла матери Бетси.—„Неужели это прекрасное личико покроется морщинами? Неужели эти серьезныя, но добрыя губки ввалятся во внутрь, когда выпадутъ ихъ естественныя подпорки, зубы?“—Дрожь пробѣжала по всему его тѣлу, и онъ, потеревъ свой бѣлый, красивый лобъ рукою, вышелъ изъ гостиной.

— А что же, въ карты-то мы будемъ играть?— разслышалъ онъ за собой громкій и нѣсколько шамкающій голосъ Анны Петровны.

„И неужели я и тогда буду любить ее такъ же сильно, какъ люблю и теперь?“—продолжалъ онъ думать, минуя залу и сворачивая въ небольшой зимній садикъ.—„Буду, буду, буду!“ настойчиво твердилъ какой-то голосъ внутри его.

Въ зимнемъ саду никого не было, и онъ былъ слабо освѣщенъ однимъ большимъ свѣтло-синимъ фонаремъ, изображавшимъ, вѣроятно, луну. Запахъ теплой, мокрой земли охватилъ молодого человѣка, и онъ лѣниво опустился на деревянный диванчикъ. Здѣсь было тихо, разслабляющая атмосфера какъ-бы сковывала всѣ движенія, и онъ, облокотившись на спинку и положивъ голову на руку, весь ушелъ въ свои смутныя думы.

А между тѣмъ, уже въ двухъ комнатахъ разставили карточные столы, и люди почтенные и пожилые, чтобы не терять золотого времени, принялись уже за свое обычное дѣло. За однимъ изъ столиковъ играла и Анна Петровна. Она брюзжала, ворчала на своихъ партнеровъ, путала карты и неопрятно ѣла виноградъ, выплевывая кожу и косточки на стоявшее возлѣ нея блюдечко.

Пріѣхалъ пѣвецъ. И сразу общее вниманіе приковалось къ нему. Онъ, дѣйствительно, былъ очень красивъ собой, прекрасно держался и производилъ на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе. Молодежь посматривала на него съ чувствомъ нескрываемаго восторга. Дамы сдѣлались вдругъ остроумнѣе, и даже почтенные люди за карточными столами обмѣнивались о немъ короткими фразами. Только Анна Петровна видимо оставалась ко всему этому совершенно равнодушна. А когда ея партнеръ, заговорившись о пѣвцѣ, сдѣлалъ какой-то ренонсъ, она даже не на шутку разворчалась.

— Ну, батюшка мой,—брюзжала она,—или дѣломъ заниматься, или объ операхъ говорить.

Отдохнувъ немного, пѣвецъ не заставилъ себя долго упрашивать и самъ направился къ роялю.

— Кто будетъ аккомпанировать? — спросилъ онъ.

Произошло маленькое замѣшательство.

— Сергѣй Александровичъ! Гдѣ же Сергѣй Александровичъ?—послышались голоса и всѣ бросились отыскивать Сергѣя Александровича.

Его, т.-е. блѣднаго брюнета съ кудрявыми черными волосами, нашли въ зимнемъ саду. Когда его позвали аккомпанировать, онъ, погруженный весь въ свои мысли, не понялъ даже, чего отъ него хотятъ. Но потомъ, вспомнивъ объ ожидаемомъ пѣвцѣ и о томъ, что съ него заранѣе уже взяли слово аккомпанировать тому, онъ всталъ съ дивана и вышелъ изъ полутемнаго зимняго сада въ ярко освѣщенную залу. Свѣтъ рѣзнулъ его по глазамъ, и онъ не сразу разглядѣлъ сто-

явшаго передъ нимъ красавца-тенора, которому его представляли.

Затѣмъ, они оба подошли къ роялю и стали перебирать ноты. Гости со всѣхъ комнатъ стекались въ залу. Молодые люди шумно разставляли дамамъ стулья; дамы, шурша платьями, разсаживались.

Вотъ раздались первые аккорды, пѣвецъ выпрямился, улыбнулся пытливо смотрѣвшей на него публикѣ и—запѣлъ.

Его красивый и могучій голосъ легко и увѣренно понесся по залѣ. Онъ пѣлъ арію изъ какой-то итальянской оперы, пѣлъ легко, шутя, съ каждой новой нотой открывая все новыя и новыя прелести своего голоса. Когда онъ кончилъ, раздались шумныя рукоплесканія и крики „браво".

— Еще, еще! бисъ!—кричала молодежь.

— Фора, фора!—рокотали старики, вышедшіе изъ-за карточныхъ столовъ и, еще съ картами въ рукахъ, примащивавшіеся на принесенные для нихъ стулья.

Анна Петровна была тутъ-же и, одобрительно кивая головой, дѣлала разныя замѣчанія такъ громко, что заставляла всѣхъ невольно на нее оборачиваться.

Пѣвецъ продолжалъ пѣть, и съ каждымъ номеромъ успѣхъ его все росъ и росъ и, съ каждымъ номеромъ замѣчанія Анны Петровны, которая теперь уже перебралась къ самому роялю, становились все громче и безцеремоннѣе.

— Кто эта старушка, вотъ въ очкахъ?—снисходительнымъ, но нѣсколько брезгливымъ тономъ, вполголоса спросилъ пѣвецъ подошедшую къ нему графиню Бетси.

Та вспыхнула и нахмурилась. Небрежный тонъ пѣвца видимо покоробилъ ее: тѣмъ не менѣе, она отвѣтила ему что-то, но такъ тихо, что никто не слыхалъ.

И вдругъ все лицо пѣвца сразу измѣнилось...

— Не можетъ быть? Это она? *Она?*—прошепталъ онъ.

Молодая графиня утвердительно кивнула ему головой.

Глаза пѣвца теперь были устремлены на Анну Петровну. Странное выраженіе горѣло въ нихъ. Онъ словно искалъ что-то въ ея старческомъ лицѣ, словно надѣялся найти онъ въ немъ слѣды чего-то былого... И вдругъ, круто повернувшись къ Сергѣю Александровичу, онъ спросилъ его нѣсколько взволнованнымъ голосомъ.

— Не помните ли вы наизусть романса Глинки на слова Пушкина „Я помню чудное мгновенье"? У меня, къ сожалѣнію, нѣтъ съ собой этихъ нотъ.

— Конечно, помню. Кто-же не знаетъ этого дивнаго романса?—улыбнувшись, отвѣтилъ Сергѣй Александровичъ.

— Такъ начинайте!—сказалъ пѣвецъ и, повернувшись, сталъ прямо передъ Анной Петровной.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты...—

вдохновенно запѣлъ онъ, восторженными глазами глядя на эту женщину, сидѣвшую въ двухъ-трехъ шагахъ отъ него, и чудное видѣнье вдохновляло его. Ему казалось теперь, что передъ нимъ сидитъ прекрасная, молодая женщина, а возлѣ нея два русскихъ генія, два великихъ творца поэзіи и музыки, Пушкинъ и Глинка, вдохновленные ея красотой, созидаютъ тотъ перлъ творчества, который теперь какъ-то самъ льется изъ его груди.

Вся зала замерла въ нѣмомъ очарованіи. Всѣ глаза были устремлены на Анну Петровну, а сама она, сидя на своемъ стулѣ, тихо покачивалась изъ стороны въ сторону и изъ-подъ ея рукъ, закрывавшихъ лицо, катились и, какъ жемчужины, капали слезы.

И сердце бьется въ упоеньи,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь...—

спѣлъ пѣвецъ и, когда послѣднее слово прозвучало по залѣ, громкія рыданія Анны Петровны раздались вслѣдъ за нимъ.

Всѣ бросились къ ней; но она сама встала со стула и, обвивъ руками шею склонившагося передъ ней пѣвца, уронила на его грудь свою голову и продолжала рыдать и рыдать...

Сергѣй Александровичъ, быстро поднявшись изъ-за рояля, очутился возлѣ графини Бетси.

— Что это? Что это?—спросилъ онъ ее.—Кто она?

— Анна Петровна Кернъ,—могла только выговорить взволнованная дѣвушка.

— А-а!—протянулъ Сергѣй Александровичъ и понялъ все сразу.

Плакавшая возлѣ него старушка была, дѣй-

ствительно, Анна Петровна Кернъ, урожденная Полторацкая, но теперь носившая уже фамилію своего второго мужа М-ва — В-аго. Да, это была та самая Анна Петровна, въ которую были страстно влюблены сначала безсмертный русскій поэтъ А. С. Пушкинъ, написавшій ей это стихотвореніе, а затѣмъ и русскій геніальный композиторъ М. И. Глинка, создавшій музыку для этихъ стиховъ. Два генія были вдохновлены этой женщиной, и отблескъ ихъ неувядаемой славы теперь ореоломъ окружалъ ее, эту шамкающую, опустившуюся старушку.

Влад. Тихоновъ.

КОРОЛЬ МАРКЪ.

Iseult ma brû,
Iseult ma mie,
Iseult ma mort,
Iseult ma vie!
Старо-французская пѣсня объ Изольдѣ.

«Несчастный другъ! Обманутъ ты Тристаномъ!
Несчастный мужъ! Изольдой проведенъ!»
Такъ шепчетъ дворъ, въ усердьѣ злобно-рьяномъ...
О, старый Маркъ... какъ блѣденъ, страшенъ онъ!
Онъ знаетъ все—и рощицы, и гроты,
Гдѣ нѣжныхъ два воркуютъ голубка,
Забывъ, что соколъ царственной охоты
Ихъ выглядѣлъ—и гибель ихъ близка!..
И, выбравъ день для казни и для мести,
Идетъ король съ мечемъ... Предъ нимъ тотъ гротъ,
Что̀ будетъ склепомъ!.. Чу! Тристанъ поетъ!
Насторожившись, замеръ Маркъ на мѣстѣ...

— «Ты — мать-земля
И неба твердь!
Ты — жизнь моя,
Моя и смерть!»

Такъ рыцарь пѣлъ. Смутилось сердце Марка:
Про счастье лучше-бъ пѣлъ невѣрный другъ
Теперь, когда надъ нимъ витаетъ Парка:—
Полнѣй отмщенъ тогда-бы былъ супругъ!..
Тристанъ поетъ о смерти!.. Неужели
Раскаянья почувствовалъ онъ власть?
И вдругъ до слуха Марка долетѣли
Слова жены: «Самъ Богъ судилъ мнѣ пасть!
Коль въ часъ любви ты смерть возславилъ пѣсней,
Знай: въ смертный часъ я буду пѣть любовь!..»
Тристана пѣснь поетъ Изольда вновь,
Еще милѣй, душевнѣй и прелестнѣй:

— «Ты — неба твердь
И мать-земля!
Моя ты смерть
И жизнь моя!»

«Иль ихъ любовь, какъ смерть, есть неизбѣжность?» —
Подумалъ Маркъ и въ гротъ онъ заглянулъ.
Въ чертахъ Изольды — ангельская нѣжность,
Тристанъ хорошъ, какъ Фебъ!.. Старикъ вздохнулъ...
Вдругъ солнца лучъ упалъ Изольдѣ въ очи,
И Марку жаль тѣхъ глазокъ... Отойдя,
Надъ входомъ въ гротъ порфиру цвѣта ночи
Повѣсилъ Маркъ, красу жены щадя...
Затѣмъ, крестомъ свои слагая руки,
Сжимая грудь, чтобъ сердце превозмочь,
Съ беззвучнымъ плачемъ Маркъ уходитъ прочь...
Въ душѣ-жъ его рыдаютъ пѣсни звуки:

— «Ты — мать-земля
И неба твердь!
Ты — жизнь моя,
Моя и смерть!»

Всеволодъ Чешихинъ.

Баронъ М. П. Клодтъ.

«Шла дѣвица за водой»...

ФОТ. И ТИП. П. БАБКИНА. СПБ.

ВЛАДИМІРЪ СВЯТОЙ

У РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ.

Древніе не даромъ называли поэтовъ „Vates“. Вдохновеніе открываетъ иногда поэту истину тамъ, гдѣ упорные ученые труды и изслѣдованія оказываются безсильными. Въ то время, какъ историкъ, старательно изучивъ всѣ дошедшіе до насъ источники извѣстной эпохи, приходитъ лишь къ ряду бѣдныхъ и мало подтверждаемыхъ предположеній, поэтъ, которому его геній открываетъ такіе горизонты и перспективы, о какихъ не можетъ и помышлять сухой ученый, чутьемъ угадываетъ правду и создаетъ художественную и правдивую картину или характеристику. Поэтому, говоря о какой-либо выдающейся исторической личности, подробное и всестороннее изученіе которой затруднено для насъ отдаленностью времени ея жизни и дѣятельности, и обликъ которой затерянъ въ туманной исторической дали, весьма не безъинтересно бываетъ справиться съ тѣмъ, какъ представляли себѣ и художественно воспроизводили эту личность поэты въ своихъ вдохновенныхъ свыше произведеніяхъ. Въ виду сказаннаго, я и хочу предложить читателямъ небольшой обзоръ того, что въ разное время было сказано нашими поэтами о Владимірѣ Святомъ, личность котораго привлекала къ себѣ вниманіе не одного изъ нихъ и не разъ.

Въ вѣкъ Екатерины II два поэта избрали Владиміра героемъ своихъ произведеній. Одинъ изобразилъ его еще язычникомъ, другой—въ моментъ его нравственнаго перерожденія, въ моментъ принятія христіанства и просвѣщенія Руси свѣтомъ истинной вѣры. Поэты эти — Княжнинъ, написавшій трагедію „Владиміръ и Ярополкъ“, и Херасковъ—съ его извѣстною поэмой „Владиміръ“.

Трагедія Княжнина, отличаясь всѣми недостатками, свойственными какъ литературному направленію, котораго онъ былъ представителемъ, такъ и ему лично, не обладаетъ ни однимъ изъ тѣхъ достоинствъ, которыми отмѣчены такія произведенія его, какъ „Дидона“, „Рославъ“, „Титово Милосердіе“. Выведенные въ ней русскіе князья и дружинники девятаго вѣка говорятъ, думаютъ и чувствуютъ такъ, какъ могли говорить, думать и чувствовать только люди 18 столѣтія, современники автора, представители образованной части русскаго общества эпохи Екатерины II. Страсти, которыя обуреваютъ ихъ и ведутъ къ преступленіямъ, дѣланны и фальшивы, рѣчи—напыщенны и полны реторики; ни живыхъ, правдивыхъ характеровъ, ни захватывающихъ, искреннихъ страданій или борьбы въ трагедіи нѣтъ. Она слаба во всѣхъ отношеніяхъ: и какъ драма, и какъ литературное произведеніе, скучна и несценична въ высшей степени. Языкъ ея тяжелъ и неправиленъ, стихи шероховаты, искусственны и лишены музыкальности. Личность Владиміра изображена у Княжнина крайне блѣдно, неестественно и ходульно. Это не характеръ, а совершенно ложно, по заранѣе предвзятому плану, скомпанованный герой, напоминающій собою не столько живого человѣка, сколько манекена, устами котораго говоритъ назидающій публику авторъ. Очевидно, берясь за воспроизведеніе личности просвѣтителя русской земли въ то время, когда онъ былъ еще язычникомъ, Княжнинъ имѣлъ въ виду вполнѣ опредѣленную цѣль: ему хотѣлось показать, что во Владимірѣ-язычникѣ, еще задолго до принятія христіанства, уже были свойства души высокой, способной къ добру, что онъ и тогда былъ чутокъ къ голосу совѣсти, умѣлъ владѣть своими страстями и не былъ лишенъ многихъ, истинно христіанскихъ добродѣтелей. Трагедія застаетъ его горько кающимся въ своихъ преступленіяхъ, готовымъ на искреннее примиреніе съ братомъ Ярополкомъ, презирающимъ себя за то зло, которое онъ причинилъ родинѣ враждою противъ брата. Такое душевное настроеніе его обнаруживается въ первыхъ же словахъ, съ которыми онъ выходитъ на сцену:

„Все мои вины вѣщаетъ.
Стыжусь воззрѣть на свѣтъ и сихъ стыжуся стѣнъ,
Средь лавровъ отческихъ, гдѣ былъ я возращенъ,
Гдѣ добродѣтели великой зрѣлъ примѣры;
А я... о, рокъ! Мсимъ злодѣйствіямъ нѣтъ мѣры.“

Правда, это настроеніе Владиміра происходитъ, главнымъ образомъ, оттого, что Ярополкъ, увлекшись красотою греческой княжны Клеомены, добровольно уступаетъ ему свою невѣсту Рогнѣду, страсть къ которой и привела Владиміра къ ссорѣ съ братомъ; правда, когда Ярополкъ, отвергнутый Клеоменой, снова рѣшаетъ жениться на Рогнѣдѣ, и та—забывъ о нанесенной ей любимымъ человѣкомъ обидѣ, забывъ о его измѣнѣ,—отвертывается отъ Владиміра и съ восторгомъ идетъ въ храмъ, чтобы стать женой Ярополка, Владиміръ опять преображается въ язычника-мстителя и грозитъ гибелью Ярополку. Но, во-первыхъ, эти угрозы его такъ и остаются угрозами, а во-вторыхъ, когда затѣмъ Ярополкъ опять измѣняетъ свои намѣренія и, добившись согласія Клеомены, женится на ней, Владиміръ все забываетъ и прощаетъ брату и готовъ былъ бы стать самымъ искреннимъ его другомъ, если бы не желаніе Ярополка заключить миръ и союзъ съ греками, въ которомъ Владиміръ видитъ вредъ для Россіи. Когда же Рогнѣда начинаетъ требовать отъ него смерти Ярополка и только въ случаѣ исполненія этого требованія соглашается быть его женою, Владиміръ сначала отвѣчаетъ ей самымъ рѣшительнымъ отказомъ. Ему противно убійство изъ-за угла, убійство тайное; онъ не хочетъ нападать на безоружнаго.

„Я знаю, (говоритъ онъ,) Ярополкъ достоинъ лютой казни,
Я знаю, все велитъ презрѣть родства пріязни.
Но низкой хитростью велишь его сразить.
Въ оливахъ мирныхъ мечъ возможно ли укрыть,
Не обрекаяся въ безчестье вѣроломства?“

Только угроза Рогнѣды, что она опять полюбитъ Ярополка, только ея энергическія заклинанія и мольбы склоняютъ наконецъ Владиміра къ убійству, и онъ поражаетъ брата. Преступленіе его оказывается безполезнымъ. Рогнѣда не только не награждаетъ его за это своею любовью, но даже проклинаетъ, гонитъ прочь, называетъ чудовищемъ и братоубійцей... Тогда Владиміромъ вновь овладѣваетъ раскаяніе, въ порывѣ котораго онъ совершенно забываетъ о себѣ, о своей безопасности, и приближеннымъ съ трудомъ удается спасти его отъ ярости осиротѣлыхъ кіевлянъ.

Такимъ образомъ очевидно, что по замыслу Княжнина его Владиміръ долженъ былъ быть человѣкомъ съ чуткою совѣстью, съ любящимъ и даже мягкимъ сердцемъ, честнымъ и стремящимся къ добру, но слабымъ въ борьбѣ съ овладѣвшею имъ страстью, ходящимъ еще, такъ сказать, въ нравственныхъ потемкахъ и нуждающимся въ помощи той высшей благодати, которая снизошла на него позднѣе, во время крещенія, чтобы стать тѣмъ праведникомъ и равнымъ апостоламъ слугою Христа, какимъ знаетъ и чтитъ его церковь. Но исполненіе такого замысла вышло у Княжнина крайне неудачно, и все то, что думаетъ, переживаетъ, чувствуетъ и говоритъ его Владиміръ, до такой же степени неестественно въ немъ, языческомъ князѣ 10-го вѣка, до какой степени смѣшны и неестественны въ устахъ его приближенныхъ возвышенныя разсужденія о „благѣ общества“, которыя влагаетъ имъ въ уста авторъ трагедіи при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Едва ли не еще менѣе удаченъ образъ Владиміра у Хераскова. Поэма, героемъ которой онъ является, написана въ то время, когда Херасковъ находился подъ вліяніемъ масоновъ, и вся проникнута ихъ таинственнымъ и туманнымъ мистицизмомъ. Самъ Херасковъ говоритъ о своей поэмѣ: „Если кто будетъ имѣть охоту прочесть моего „Владиміра“, тому совѣтую, наипаче юношеству, читать оную не какъ обыкновенное эпическое твореніе, гдѣ по большей части битвы, рыцарскіе подвиги и чудесности воспѣваются, но читать, какъ странствованіе внимательнаго человѣка путемъ истины, на которомъ срѣтается онъ съ мірскими соблазнами, подвергается многимъ искушеніямъ, впадаетъ въ мракъ сомнѣнія, борется съ врожденными страстями своими, наконецъ преодолѣваетъ самъ себя, находитъ струю правды и, достигнувъ просвѣщенія, возрождается.“

Въ этихъ словахъ заключается какъ полная программа поэмы, такъ и ея оцѣнка. „Владиміръ“ есть назидательное разсужденіе въ поэтической формѣ, цѣль котораго произвести благотворное въ религіозно-нравственномъ смыслѣ воздѣйствіе на умъ и сердце читателя, и герой этого произведенія интересуетъ автора не самъ по себѣ, не какъ историческое лицо, живой человѣкъ изъ плоти и крови, а какъ эмблема, въ образъ которой онъ воплощаетъ свою идею и свои назиданія читателю. Поэтому говорить о томъ, насколько живо, художественно или исторически вѣрно изображенъ въ поэмѣ Владиміръ Святой, нѣтъ, разумѣется, никакой возможности. Мы во всѣхъ 18-ти ея пѣсняхъ имѣемъ дѣло не съ человѣкомъ, не съ характеромъ, а съ отвлеченной идеей, символомъ—не болѣе. Обстановка древне-русской жизни, окружаю-

щія Владиміра лица, его дружина, волхвы — все это выведено и изображено у Хераскова безъ всякой заботы объ исторической или художественной правдѣ, все это подобрано и сгруппировано ради одной и той же главной цѣли всего произведенія, цѣли поучительной, дидактической.

Въ началѣ поэмы передъ нами не теремъ князя-дружинника, а роскошный и пышный дворъ царя, котораго авторъ сравниваетъ съ Соломономъ; при дворѣ этомъ живутъ не только волхвы, но и жрецы, вопрошающіе боговъ въ богатыхъ храмахъ, говорящіе заклинанія и волшебства; къ Владиміру являются учителя разныхъ вѣръ, какіе-то полу-библейскіе старцы; въ дѣло вмѣшивается св. Андрей апостолъ съ одной стороны и дьяволъ—съ другой; Владиміръ отправляется въ Херсонъ съ огромнымъ и блестящимъ войскомъ, во главѣ котораго стоятъ вельможи и полководцы и т. д. въ томъ же родѣ. Все это, очевидно, не имѣетъ ничего общаго съ древне-русскою жизнью, исторической или бытовой правдой, все это или сочинено авторомъ съ извѣстнымъ, опредѣленнымъ намѣреніемъ, или заимствовано изъ поэмъ Тассо и другихъ, которымъ Херасковъ подражалъ въ своемъ „Владимірѣ“ точно такъ-же, какъ и въ „Россіадѣ“. Русскій міръ, по выраженію нашего извѣстнаго историка литературы Порфирьева, освѣщенъ здѣсь чужимъ свѣтомъ.

Въ 1823 году была напечатана небольшая поэма, дѣйствующимъ лицомъ которой опять явился Владиміръ Святой. Поэма эта принадлежала перу молодого писателя, серьезно заинтересованнаго роднымъ прошлымъ и его славными преданіями. Печальная участь его надолго наложила запретъ на всѣ его произведенія, и только теперь настало время сказать о немъ, какъ о поэтѣ, справедливое слово. Рылѣевъ несомнѣнно обладалъ выдающимся поэтическимъ талантомъ и долженъ быть признанъ однимъ изъ даровитѣйшихъ сподвижниковъ и современниковъ Пушкина. Стихи его, не отличаясь тою художественной отдѣлкой, плавностью и музыкальностью, какія присущи стихамъ и прозѣ Пушкина, богаты образами и красками, а сюжеты его поэмъ обработаны съ большою любовью, искренностью и простотой. Въ поэмѣ „Рогнѣда“ Владиміръ изображенъ еще язычникомъ, въ тотъ роковой моментъ своей жизни, когда, по преданію, онъ едва не палъ жертвою мести оскорбленной и брошенной имъ Рогнѣды. Образъ его не очерченъ подробно и полно, а лишь намѣченъ, такъ какъ не онъ, а Рогнѣда является центральнымъ лицомъ поэмы. Но все-же мы видимъ въ немъ живого, вполнѣ понятнаго намъ человѣка, въ которомъ рядомъ съ непреклонною волей, энергіей и чисто-языческой мстительностью живутъ и другія, ему самому неизвѣстныя и непонятныя чувства: любовь къ сыну, совѣсть, состраданіе.

Внутренняя борьба въ его душѣ, когда онъ увидѣлъ, что между нимъ и обреченной на казнь женщиной, которую готовъ-было собственноручно сразить, какъ преступницу, стоитъ ни въ чемъ неповинный сынъ ихъ, изображенъ у Рылѣева очень ярко и оставляетъ глубокое впечатлѣніе.

«Какъ громомъ неба пораженъ,
Стоитъ Владиміръ и трепещетъ,
То въ ужасѣ на сына онъ,
То на Рогнѣду взоры мещетъ...
Рѣчь замираетъ на устахъ,
Сперлось дыханье, сердце бьется,
Трепещетъ онъ; въ его костяхъ
И лютый хладъ, и пламень льется,
Въ душѣ кипитъ борьба страстей:
И милосердіе, и мщенье...
Но вдругъ съ слезами изъ очей —
Изъ сердца вырвалось: прощенье!»

Рылѣевъ не удовлетворился однако „Рогнѣдой“ и посвятилъ Владиміру, и на этотъ разъ уже ему одному, еще другую поэму, увидѣвшую свѣтъ только въ 1871 г. въ „Русской Старинѣ“. Поэма эта — „Владиміръ Святой“, изображающая кіевскаго князя въ самую важную для насъ эпоху его жизни, эпоху его перерожденія, когда въ немъ созрѣла рѣшимость перемѣнить вѣру и крестить свой народъ. Поэтъ представляетъ его сначала томящимся раскаяніемъ въ совершенномъ нѣкогда братоубійствѣ и тщетно призывающимъ помощь и милосердіе Перуна. Какъ вдругъ предъ нимъ является старецъ съ крестомъ въ рукахъ и поражаетъ его слѣдующими сильными и страшными словами:

«Не въ Чернобогѣ, не въ Перунѣ,
Не въ славѣ, не въ пирахъ Владиміровъ покой;
Его ты, грѣшникъ, жаждешь втунѣ;
Какъ за добычей вранъ, такъ совѣсть за тобой!..»

Затѣмъ онъ рисуетъ смиренному князю картину адскихъ мученій и на вопросъ его, чѣмъ онъ можетъ избѣгнуть ада, отвѣчаетъ:

— «Крести себя, крести народы!»

Поэма оканчивается картиною похода на Корсунь:

«На новый подвигъ съ новымъ жаромъ
Летятъ дружинами съ вождемъ богатыри.
Зардѣлись небеса пожаромъ;
Трепещетъ Греція и гордые цари!..
Такъ въ князѣ огнь души надменной,
Остатокъ мрачнаго язычества горѣлъ:
Съ рукой царевны несравненной
Онъ вѣру самую завоевать летѣлъ.»

Намекъ, заключающійся въ послѣдней строкѣ поэмы Рылѣева, послужилъ темой для цѣлаго произведенія одного изъ наиболѣе оригинальныхъ и симпатичныхъ поэтовъ нашихъ—гр. А. К. Толстого. Въ высшей степени характерный историческій фактъ, этотъ замѣчательный походъ Владиміра за вѣрой, которую онъ не желалъ принять въ даръ ни отъ кого, а хотѣлъ взять силою, удивительно поэтически изображенъ Толстымъ въ состоящей изъ двухъ частей „Пѣснѣ о походѣ Владиміра на Корсунь". Слогъ и тонъ этой пѣсни, какъ и всѣхъ былинъ Толстого, въ которыхъ онъ воспроизводилъ родную старину и преданія, чисто русскій, народный, а образъ Владиміра такъ и дышитъ правдой и древней, дружинной, вѣчевой Русью, съ ея богатствомъ, пирами, свободою отношеній, удалью и добродушнымъ молодечествомъ. Веселый и характерный юморъ поэта слышится здѣсь въ каждой строфѣ, въ каждой строкѣ. Онъ слегка подсмѣивается и надъ самимъ Владиміромъ, и надъ его языческимъ, варяжскимъ упрямствомъ, и надъ его желаніемъ смириться не иначе, какъ завоевавъ предварительно Херсонесъ, и надъ греками, волей-неволей уступавшими упрямому русскому князю во всѣхъ его требованіяхъ. Но въ этомъ смѣхѣ звучатъ и иныя ноты: ноты горячей любви къ родинѣ, къ ея славному прошлому, къ этому упрямцу князю, проявившему въ самомъ актѣ своего обращенія ко Христу столько національной стойкости, столько сознанія и вѣры въ силу и мощь своего народа, своей земли!

На проповѣдь греческаго философа о смиреніи Владиміръ отвѣчаетъ:

— «Смирюсь, я готовъ!
Но только смирюсь безъ урону,
Спустить въ черторой десять сотенъ струговъ;
Коль выкупъ добуду съ корсуньскихъ купцовъ,
Я города пальцемъ не трону!»

И городъ безпрекословно сдается на волю русскаго князя съ его дружиной. Но ему этого мало. Актъ своего крещенія онъ хочетъ ознаменовать еще заключеніемъ брачнаго союза съ греческой царевной, и при томъ тоже „безъ урону". Онъ шлетъ грекамъ такое посланіе:

«Цари Константинъ да Василій!
Смиренно я сватаю вашу сестру,
Не то васъ обоихъ дружиной припру,
Такъ вступимъ въ родство безъ насилій!»

Цари приглашаютъ его въ Царь-градъ, но онъ отвѣчаетъ имъ гордымъ отказомъ и требуетъ, чтобы невѣста пріѣхала къ нему въ Корсунь. Слабые и чувствующіе себя не въ силахъ противиться русской рати цари отправляютъ сестру къ Владиміру, и только тогда этотъ гордый дружинникъ наконецъ принимаетъ крещеніе, но и тутъ грозно предупреждаетъ греческихъ священниковъ, чтобы они крестили его не какъ-нибудь, а „по уставу". Первыя дѣйствія крестившагося Владиміра все еще указываютъ въ немъ того же язычника; онъ хочетъ теперь угодить новому Богу и новымъ друзьямъ-грекамъ, но дѣлаетъ это на прежній, языческій ладъ: Богу онъ строитъ въ Херсонесѣ храмъ, а греческимъ царямъ помогаетъ отбить дружины мятежника Ѳоки. Но благодать, таинственно нисшедшая на него въ св. крещеніи, мало-по-малу начинаетъ дѣйствовать, и въ душѣ князя рождается непреодолимое желаніе скорѣе вернуться въ Кіевъ, скорѣе просвѣтить свой народъ свѣтомъ истинной вѣры.

Весна, мнѣ невѣданныхъ полная силъ,
И въ сердцѣ моемъ зеленѣетъ,—

говоритъ онъ своимъ отрокамъ-другамъ, и съ удивленіемъ признаетъ побѣду надъ собою вновь принятой вѣры, того ученія, которымъ онъ мнилъ овладѣть оружіемъ, и которое теперь всецѣло овладѣло имъ самимъ. Подъ вліяніемъ этой, свыше снизошедшей и охватившей его, силы онъ говоритъ дружинѣ:

«Спускайте-жъ ладьи, бо и ночью и днемъ,
Я гласу немолчному внемлю:
Велитъ онъ въ краю намъ не мѣшкать чужомъ,
Да свѣтъ, озаряющій насъ, мы внесемъ
Торжественно въ русскую землю».

Этимъ оканчивается 1-я часть „Пѣсни", а во второй мы видимъ Владиміра, уже вполнѣ просвѣтленнаго новою вѣрою; передъ нами уже князь-христіанинъ, равноапостольный ратникъ Христовъ,

привозящій съ собою изъ похода на грековъ не только кресты, хоругви и духовенство, но и умиленное христіанскою любовью сердце, и дѣтскую преданность истинному Богу. Вся природа ликуетъ при приближеніи его флотиліи къ Кіеву, съ ладей несется священное пѣніе иноковъ и радостный хоръ дружины, и князю, по выраженію поэта, открывается „новое зрѣнье".

«Какъ сонъ, вся минувшая жизнь пронеслась,
Почуялась правда Господня;
И брызнули слезы впервые изъ глазъ,
И мнится Владиміру, въ первый онъ разъ
Свой городъ увидѣлъ сегодня».

При крикахъ и ликованіи вышедшаго навстрѣчу народа, князь пристаетъ къ берегу. Поэтъ оканчиваетъ свое произведеніе слѣдующими прекрасными стихами:

«И на берегъ вышелъ, душой возрожденъ,
Владиміръ для новой державы,
И въ Русь милосердія внесъ онъ законъ —
Дѣла стародавнихъ, далекихъ временъ,
Преданья невянущей славы».

Кіевская Русь вообще сильно занимала гр. А. Толстого и привлекала къ себѣ симпатію его поэтическаго генія. Онъ не разъ возвращался къ ней и ея изображенію, и, конечно, личность Владиміра, еще въ былинахъ являвшаяся центромъ этой Руси, встрѣчается всюду, гдѣ поэтъ говоритъ о ней и изображаетъ ее. Въ поэмѣ „Потокъ-богатырь" Владиміръ выведенъ, какъ идеалъ князя и правителя, пирующаго со своими приближенными и ласково угощающаго ихъ въ своемъ теремѣ, вмѣстѣ съ княгинею. Ему приданъ здѣсь и эпитетъ „Солнышко",—эпитетъ, которымъ навсегда отмѣтила его народная память. Онъ же изображенъ въ удивительно поэтической поэмѣ-фантазіи „Сватовство". Здѣсь это уже не молодой и веселый ласковый Владиміръ—князь стольно-кіевскій, и не христіанинъ—просвѣтитель своихъ подданныхъ, а патріархальный и добродушный старецъ-правитель, отецъ и семьянинъ. Отъ его фигуры, очерченной очень рельефно и ярко, дышитъ такимъ миромъ, тишиною, пахнетъ такимъ истинно древне-русскимъ духомъ, что ее нельзя не признать однимъ изъ наиболѣе удавшихся поэту его созданій. Особенно хорошо и характерно для древней Руси и ея воззрѣній окончаніе стихотворенія, когда Владиміръ, узнавъ въ пришедшихъ къ нему каликахъ двухъ могучихъ богатырей—Дюка Степановича и Чурилу Пленковича, принимая суровый видъ, отвѣчаетъ на ихъ сватовство къ его дочерямъ слѣдующими, полными уваженія къ чужой свободѣ и добродушія словами:

«Отъ русской я державы
Велѣлъ вамъ быть вдали,
А вы ко мнѣ лукаво
На промыселъ пришли!
Но рыбъ чтобъ вы не смѣли
Ловить въ моемъ Днѣпру,
Всѣ глуби я и мели
Оцѣпами запру!
Чтобъ впредь вы не дерзали
Слѣдить моихъ куницъ,
Ограду я изъ стали
Поставлю кругъ границъ!
Ни неводомъ вамъ болѣ,
Ни сѣтью не ловить —
Но будетъ въ вашей волѣ
Добромъ ихъ приманить:
Коль быть хотятъ за вами,
Никто имъ не мѣшай!
Пускай рѣшаютъ сами
Въ веселый мѣсяцъ май!»

Еще рельефнѣе и еще полнѣе выставляетъ Владиміра, именно какъ представителя свободно-вѣчевого порядка жизни, какъ носителя и выразителя ея идеаловъ и стремленій, былина „Змѣй Тугаринъ". Въ отвѣтъ на пѣсню Тугарина, въ которой онъ предсказываетъ Руси татарское иго и московскій періодъ, съ его заимствованными у татаръ воззрѣніями, Владиміръ произноситъ въ кругу своихъ дружинниковъ горячую и сильную рѣчь въ защиту своего времени, въ отпоръ и опроверженіе того мрачнаго будущаго, которое угадалъ въ словахъ злого змѣя, и говоритъ:

«Подайте-жъ мнѣ чару большую мою,
Ту чару, добытую въ сѣчѣ,
Добытую съ ханомъ хозарскимъ въ бою —
За русскій обычай до дна ее пью,
За древнее русское вѣче!
За вольный, за честный славянскій народъ,
За колоколъ пью Новограда,
И если онъ даже и въ прахъ упадетъ,
Пусть звонъ его въ сердцѣ потомковъ живетъ
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!
Я пью за Варяговъ, за дѣдовъ лихихъ,
Кѣмъ русская сила подъята,
Кѣмъ славенъ нашъ Кіевъ, кѣмъ грекъ пріутихъ,
За синее море, которое ихъ,
Шумя, принесло отъ заката!»

Конечно, въ изображеніи Владиміра у Толстого есть извѣстная доля идеализаціи, той идеализаціи,

черезъ призму которой онъ смотрѣлъ вообще на всю Кіевскую Русь, но не можетъ, кажется, быть сомнѣнія, что все-таки онъ довольно близко подошелъ къ правдѣ, и князь этотъ, внесшій въ свою родину новый и высшій свѣтъ ученія Христа, ученія любви и всепрощенія, долженъ былъ и во время своего язычества быть лучшимъ и выдающимся представителемъ наиболѣе симпатичныхъ началъ древне-русской жизни, началъ—весьма замѣчательныхъ и не разъ приводившихъ въ удивленіе историковъ, единогласно признающихъ за ними несомнѣнные задатки къ роскошному и богатому плодами развитію въ будущемъ. У Толстого эти начала идеализированы, подчеркнуты, выдвинуты впередъ, можетъ быть, слишкомъ усилены и—какъ лучи въ фокусѣ— сконцентрированы въ прекрасномъ образѣ Владиміра-Солнышка, но на то онъ поэтъ, а не сухой историкъ, vates а не scolasticus!

В. Куницкій.

*
* *

Ликующее солнце, свершая путь побѣдный,
Внезапно озарило печальный уголокъ,
Гдѣ увядалъ безъ свѣта, забытый небомъ, блѣдный,
Тоскующій цвѣтокъ.

И гордаго свѣтила лишь первый лучъ случайный
Цвѣтка едва коснулся, играя какъ кристаллъ—
И вдругъ, какъ подъ наитьемъ волшебной силы тайной,
Цвѣтокъ затрепеталъ.

Влилась кипучей страсти въ него струя живая—
И онъ расцвѣлъ пышнѣе, отрадой весь объятъ,
И жадно упивался блаженствомъ, разливая
Свой нѣжный ароматъ.

Свѣтило дня сокрылось... Но долгія мгновенья
Цвѣтокъ счастливый грезилъ, восторгъ святой храня,
И ощущалъ такъ долго въ себѣ прикосновенье
Небеснаго огня...

Когда душа поэта мгновенно просвѣтлѣетъ
И расцвѣтетъ подъ солнцемъ лучистой красоты,-
О счастьѣ мимолётномъ такъ долго онъ лелѣетъ
Ревнивыя мечты...

Петръ Быковъ.

* * *

Лучъ, умирающій въ сумракѣ вечера,
Робко ко мнѣ заглянулъ,
Но, побѣжденный и мглою и холодомъ,
Скоро во тьмѣ потонулъ...

Лучъ, безъ борьбы умирающій въ сумракѣ,
Раны мои растравилъ:
Лишь понапрасну онъ душу усталую
Отъ забытья пробудилъ!

В. Сиповскій.

НА ВЕЛИКОЙ ГОРѢ.

Когда вы судите о прославленномъ дѣятелѣ и говорите, что теперь, на высотѣ славы, онъ затихъ; когда вамъ приходитъ на умъ, что онъ давно уже не трудится на пользу людямъ и точно угасъ въ своемъ величіи; когда вы склонны заключить, что это случилось лишь потому, что къ дѣятельности его побуждало только честолюбіе, а теперь ему уже ничего не нужно—остановитесь въ своемъ осужденіи. Припомните, какъ онъ поднимался.

Да, онъ былъ честолюбивъ; но кромѣ честолюбія у него были умъ, и талантъ, и любовь къ людямъ, и добрыя намѣренія. Онъ твердо рѣшился подняться на великую гору, увѣнчанную храмомъ славы. Но онъ желалъ этого не только для себя. Достигнувъ храма, онъ мечталъ совершить много добра. Ему казалось, что было легко и пріятно трудиться для согражданъ тамъ, наверху, гдѣ царила величавая тишина и гдѣ не было ни озлобляющаго соревнованія, ни трудностей восхожденія, ни узкаго кругозора низины. И онъ поднимался все выше и выше, настойчиво и терпѣливо, не страшась высоты, на которую рѣшился взобраться, не пугаясь крутизны подъема и опасностей, которыми былъ усѣянъ трудный путь. Онъ повторялъ себѣ, что имѣетъ благую цѣль, на пользу людямъ, и шелъ впередъ твердой поступью, высоко поднявъ голову и не спуская взора съ намѣченной цѣли.

А вокругъ него шумѣла толпа. Много было тутъ желающихъ взобраться на великую гору. Но у иныхъ не хватало силъ; другіе были столь же безсильны, потому что не вѣрили въ свои силы; еще больше было малодушныхъ и недостойныхъ... Почти всѣ пугались опасностей восхожденія и останавливались или возвращались назадъ осмѣянные, опозоренные. Лишь очень немногіе поднялись на первые уступы горы.

Отставшіе были озлоблены и громко негодовали. Они вопили, что опередившіе ихъ счастливцы нарочно засоряли имъ путь; что и имъ принадлежитъ по праву почетное мѣсто въ храмѣ славы; что заслуги ихъ велики и что люди только изъ зависти мѣшаютъ имъ подниматься. Они глубоко ненавидѣли идущихъ впереди, угрожали имъ и кидали въ нихъ грязью и камнями.

Не одного удалось имъ запугать или сбить съ ногъ и сбросить внизъ. При этомъ они съ хохотомъ добивали упавшихъ и травили, какъ дикихъ звѣрей, тѣхъ, которые пытались спастись отъ нихъ бѣгствомъ. Многіе, падая съ горы, убивались; но и это не избавляло ихъ отъ ярости завистниковъ, начинавшихъ позорить и топтать въ грязь ихъ безмолвныя тѣла.—Много зла совершалось у подножія великой горы.

Но онъ ничего не пугался и продолжалъ идти впередъ спокойно, твердо, въ сознаніи своихъ силъ и нравственнаго права на достиженіе цѣли, у которой желалъ потрудиться на благо людей. Онъ не отвѣчалъ на бранныя слова, которыя неслись ему вслѣдъ; онъ не обращалъ вниманія на камни и комья грязи, которыми завистники пытались его убить или загрязнить. Онъ зналъ, что съ каждымъ шагомъ удалялся отъ нихъ и что съ каждымъ шагомъ онъ становился для нихъ недостижимѣе.

Вначалѣ его ободряли рукоплесканія постороннихъ состязанію людей, привѣтствовавшихъ въ немъ вѣроятнаго побѣдителя. Среди нихъ у него были друзья и безкорыстные сторонники. Но они были отъ него еще дальше, чѣмъ враги; они не слѣдовали за нимъ, потому что ихъ удѣлъ былъ другой; и поневолѣ онъ удалялся отъ нихъ еще быстрѣе, чѣмъ отъ своихъ преслѣдователей. Постепенно ихъ ободрительные клики были покрыты ревомъ и свистомъ недоброжелателей. Тогда ему стало казаться, что все человѣчество бранитъ и ненавидитъ его. За что?—Онъ продолжалъ идти впередъ, но въ душѣ поднималась горечь сомнѣнія, и благія намѣренія начинали забываться.

Чѣмъ выше, тѣмъ путь становился все труднѣе и круче. Захватывало духъ отъ усталости, и голова кружилась на непривычной высотѣ. Съ каждымъ шагомъ становилось вѣроятнѣе, что и у него не хватитъ силъ взобраться на самый верхъ, что и онъ въ свою очередь оборвется внизъ, на растерзаніе безпощадныхъ враговъ. И чѣмъ выше онъ находился, тѣмъ ужаснѣе было бы его паденіе. Нужно было много мужества; а горькія сомнѣнія угнетали его и только гордость поддерживала его.

Были минуты, когда ему становилось страшно. Были минуты, когда, слабѣя душой и тѣломъ, онъ начиналъ отчаиваться, и спотыкался, и падалъ на колѣни. Всѣ видѣли это, потому что онъ былъ уже высоко, на виду у всѣхъ. Но ни одного сочувственнаго слова не доносилось къ нему. Раздавался лишь громкій хохотъ, когда онъ падалъ на колѣни, и люди издѣвались надъ нимъ, когда онъ изнемогалъ. Даже друзья и поклонники отворачивались отъ него, когда начинали опасаться, что онъ не будетъ побѣдителемъ.

Такая жестокость глубоко возмущала его, но въ то же время поднимавшееся озлобленіе увлекало его впередъ, негодованіе и оскорбленная гордость замѣняли ему любовь къ людямъ; отчаяніе замѣняло мужество и падавшія силы. Стремясь скорѣе уйти отъ толпы, которая теперь внушала ему ужасъ и презрѣніе, онъ вставалъ и шелъ впередъ, все къ той же цѣли,—но уже безъ прежнихъ намѣреній; онъ стремился къ завѣтному храму, какъ въ убѣжище...

И онъ достигъ наконецъ вершины великой горы. Передъ нимъ были настежъ раскрыты двери храма, о которомъ онъ мечталъ такъ долго и въ который проникаютъ столь немногіе. Но онъ былъ такъ измученъ, что даже не могъ радоваться одержанной побѣдѣ, почти не сознавалъ ея.

До подножья горы было теперь далеко. Не слышно было ни злобныхъ криковъ, ни рукоплесканій. Глубокая тишина царила на великой горѣ, и никто не привѣтствовалъ побѣдителя у входа въ храмъ славы, надъ портикомъ котораго стояла надпись:

Великому — одиночество и печаль!

Онъ оглянулся въ храмѣ, отыскивая людей, которые давно уже вошли въ святилище, которымъ онъ поклонялся всю жизнь и съ которыми наконецъ сравнялся. Да, они были тутъ, но такіе убитые, истерзанные, усталые, что онъ ихъ едва узнавалъ. Густой слой грязи, которой закидывали ихъ завистники, покрывалъ и безобразилъ ихъ. Привыкнувъ видѣть вокругъ себя только враговъ, каждый изъ нихъ угрюмо сторонился отъ остальныхъ. Всѣ печально молчали и сидѣли праздные, стыдясь своей праздности, но слишкомъ измученные, чтобы продолжать свою дѣятельность. Всѣ свои силы, всѣ, безъ остатка, они затратили на восхожденіе!—И они утратили для него все свое обаяніе... Глядя на нихъ, онъ уже не думалъ объ ихъ заслугахъ, не помышлялъ и о своихъ; припоминались только общія мученія.

Въ свою очередь онъ отошелъ въ сторону и печально поникъ головой. Онъ тоже былъ закиданъ грязью; онъ тоже разучился довѣрять людямъ и любить людей. И его силы, тоже, всѣ, безъ остатка, были растрачены во время ужаснаго восхожденія... А безчисленныя раны сочились, на душѣ кипѣла горечь и не хотѣлось даже вспоминать о прекрасныхъ, человѣколюбивыхъ намѣреніяхъ, съ которыми онъ вышелъ въ путь. Все было растрачено вмѣстѣ съ силами и душой!

И онъ съ недоумѣніемъ спрашиваетъ себя: Для чего онъ потратилъ цѣлую жизнь, чтобы придти въ этотъ великолѣпный храмъ, въ которомъ холодно и печально, какъ въ могилѣ, и гдѣ ему нечего дѣлать? Зачѣмъ онъ не остался внизу, въ тѣни, гдѣ работалось такъ легко и ничто не мѣшало привести въ исполненіе хорошія намѣренія? Зачѣмъ широкій кругозоръ, когда имъ нельзя пользоваться? И что̀ такое заманчивый миражъ, который мы привыкли называть славой?

В. Фирсовъ.

Г. П. Кондратенко.

Мотивы Бахчисарая.

СЧАСТЛИВЕЦЪ.

Этюдъ.

Вы, навѣрно, встрѣчали на Невскомъ высокаго пожилого господина въ очень поношенномъ платьѣ, зимой и лѣтомъ въ одномъ и томъ же. Господину—лѣтъ за пятьдесятъ, а платью—лѣтъ десять или около того. Это можно заключить по покрою короткаго пальто, какихъ уже давнымъ-давно не носятъ. Очевидно, и пальто, и панталоны,—а другихъ принадлежностей костюма не видно, да едва ли онѣ и есть,—пальто и панталоны, говорю, были сшиты, очевидно, у хорошаго портного и изъ очень дорогой и прочной матеріи. Иначе что̀ осталось бы отъ нихъ при постоянной носкѣ? А между тѣмъ это платье на его владѣльцѣ давно примелькалось мнѣ, и, за исключеніемъ двухъ-трехъ новыхъ заплатъ на локтяхъ да заштопанной „бахромы“ на панталонахъ, я не замѣчалъ въ немъ почти никакой перемѣны. Впрочемъ, даже выцвѣтшій помятый котелокъ и стоптанные, съ грубыми заплатками, сапоги были какъ будто все тѣ же. Если они въ послѣдніе годы и были когда нибудь перемѣняемы, то, во всякомъ случаѣ, не на новые. Прибавьте къ этому всегда старыя шведскія перчатки, простую трость въ дрожащей рукѣ, сутуловатую фигуру и несовсѣмъ выбритую физіономію съ мѣшечками подъ глазами — и вы, быть-можетъ, припомните, что этотъ портретъ знакомъ и вамъ такъ же хорошо, какъ и мнѣ.

Я сталкивался съ этимъ господиномъ только на Невскомъ и нигдѣ больше. Чаще всего его можно видѣть тамъ гуляющимъ часовъ въ одиннадцать утра, иногда вечеромъ, но никогда въ предобѣденные часы, когда тротуары переполнены фешенебельной публикой. Я говорю „гуляющимъ“, потому что онъ всегда идетъ ровной медленной походкой, то спокойно-задумчиво опустивъ голову, то покуривая папиросу и посматривая по сторонамъ или останавливаясь у оконъ магазиновъ. Куда нибудь спѣшащимъ или чѣмъ нибудь озабоченнымъ я его никогда не видѣлъ. Я не помню также, чтобы онъ когда нибудь взглянулъ внимательно на меня или на кого нибудь изъ встрѣчныхъ; его взглядъ скользилъ поверхностно; онъ, казалось, никого не замѣчалъ.

Съ первой же встрѣчи онъ врѣзался у меня въ памяти, хотя я и не обратилъ на него особеннаго вниманія. Но чѣмъ больше я встрѣчалъ его, тѣмъ больше заинтересовывался имъ. Я начиналъ дѣлать разныя предположенія на его счетъ. Мнѣ представлялся разорившійся баринъ, аристократъ, сохранившій и въ рубищѣ всѣ привычки хорошаго тона и ни гроша въ карманѣ. Это было весьма вѣроятно. Но чѣмъ онъ живетъ? что̀ дѣлаетъ? нѣтъ ли у него какого-нибудь безконечнаго процесса въ сенатѣ или чего-нибудь подобнаго? или это просто нищій?

Я нѣсколько разъ собирался прослѣдить, куда онъ уходитъ съ Невскаго, проводить его до квартиры и разузнать тамъ, что̀ онъ за личность Но всегда это какъ-то не удавалось: или некогда, или встрѣтится кто нибудь, помѣшаетъ.

Какъ-то на дняхъ, проходя по Невскому близъ кондитерской Филиппова, я замѣтилъ моего незнакомаго знакомца стоящимъ у окна одного изъ сосѣднихъ магазиновъ. Меня невольно потянуло къ нему. Издали замедливъ шагъ и принявъ видъ фланирующаго человѣка, я подошелъ сначала къ одному окну кондитерской, потомъ къ слѣдующимъ окнамъ, пока не очутился рядомъ съ интересовавшимъ меня господиномъ. Передъ нами, за зеркальнымъ стекломъ, пестрѣло нѣсколько серій галстуковъ всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и самыхъ новѣйшихъ фасоновъ. Я посмотрѣлъ на галстуки, потомъ взглянулъ на стоявшаго рядомъ со мной „барина“. Баринъ—буду называть его такъ—очень серьезно и внимательно разсматривалъ разные узлы, банты, пластроны и шарфики и, казалось, выбиралъ себѣ подходящій. Замѣтивъ, что я смотрю на него, онъ тоже посмотрѣлъ на меня съ тѣмъ же серьезнымъ вниманіемъ, какъ передъ этимъ смотрѣлъ на выставку въ окнѣ. Глаза наши встрѣтились, и мнѣ стало такъ неловко, какъ будто я обидѣлъ его своимъ безцеремоннымъ разсматриваніемъ. Чтобы загла-

дить это впечатлѣніе, я развязнымъ тономъ обратился къ нему, указывая на галстуки:

— Не правда ли, какая безвкусица, какая пестрота?

Онъ отвѣтилъ не вдругъ, какъ бы еще соображая прежде, стоитъ ли вступать въ разговоръ съ незнакомымъ человѣкомъ. Но, вѣроятно, моя наружность внушила ему довѣріе.

— Не всякая пестрота — безвкусица, — произнесъ онъ красивымъ, хотя нѣсколько надтреснутымъ, баскомъ: — и не всякая безвкусица пестра. Но здѣсь дѣйствительно соединилось и то, и другое. Осмотрѣвъ всѣ эти галстуки, я, къ сожалѣнію, не нахожу ни одного, который я желалъ бы купить себѣ.

Онъ отряхнулъ пепелъ съ папиросы и затянулся, а я невольно взглянулъ въ это время на его шею: изъ-подъ застегнутаго наглухо пальто виднѣлась простая ночная рубашка весьма сомнительной чистоты, и, конечно, не для нея требовался ему одинъ изъ этихъ галстуковъ.

Онъ какъ будто отгадалъ мою мысль и прибавилъ:

— Я, разумѣется, и не думаю покупать ихъ, я только говорю, что не вижу ни одного, удовлетворяющаго моему вкусу.

Простота и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то увѣренность тона, которымъ все это было сказано, подогрѣли мое любопытство. Въ наступившую затѣмъ минуту молчанія я боялся, что мой баринъ вотъ-вотъ кивнетъ мнѣ головой и пойдетъ дальше. Придумать же какой-нибудь предлогъ, чтобы удержать его и продолжать разговоръ, я въ ту минуту никакъ не могъ. Но, имѣя обыкновеніе избирать вообще кратчайшій путь къ цѣли, я и тутъ рѣшился дѣйствовать прямо и открыто.

— Извините меня за нескромность,—сказалъ я „барину“: — но, кто бы вы ни были, я давно желалъ познакомиться и побесѣдовать съ вами. Если вы непрочь доставить мнѣ это удовольствіе, зайдемте къ Филиппову выпить чаю.

— Что́ же вамъ собственно отъ меня угодно?— довольно равнодушно спросилъ онъ.

Я замялся; но опять-таки рѣшился быть съ нимъ откровеннымъ, разсчитывая этимъ путемъ вызвать и его на бо́льшую откровенность.

— Я литераторъ, — сказалъ я ему: — и мнѣ интересно знакомство со всякимъ человѣкомъ, такъ или иначе привлекшимъ мое вниманіе.

Онъ оглядѣлъ меня съ головы до ногъ.

— Вамъ стало-быть натурщикъ нуженъ,—улыбнувшись, сказалъ онъ.

— Если хотите, отчасти да...

— Что-жъ, пожалуй, пойдемте,—прервалъ онъ меня:—потолкуемъ, если это кажется вамъ интереснымъ.

— Мы вошли въ кондитерскую, пробрались въ дальній уголъ, сопровождаемые подозрительными взглядами прислуги, обратившей вниманіе на костюмъ моего „барина“, и сѣли за столикъ.

Публики было мало, и мы могли говорить свободно.

Я велѣлъ дать чаю и пирожнаго и предложилъ барину.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ: — я не переношу сладостей и жирнаго въ этотъ часъ дня. Попрошу дать мнѣ нѣсколько сухарей или, еще лучше, простую булку.

Онъ снялъ шляпу и положилъ ее на стулъ. Безъ шляпы лицо его стало выразительнѣе и внушительнѣе. Высокій лобъ, увеличенный лысиной, отдѣлялся каймой сѣдыхъ торчащихъ волосъ отъ небольшой плѣши на темени. Глаза, обыкновенно какъ будто подернутые дымкой, теперь нѣсколько оживились.

— Итакъ, вамъ интересно познакомиться со мной,—началъ онъ: — то-есть, проще говоря, вы хотите знать мою исторію?

— Да, если позволите...

— Но прежде позвольте узнать, за кого вы меня приняли?

— За человѣка порядочнаго общества, во всякомъ случаѣ за человѣка свѣтскаго,—отвѣтилъ я.

— Вы не ошиблись, — сказалъ онъ, снимая перчатки:—я дѣйствительно былъ когда-то богатъ и вращался въ блестящемъ обществѣ Петербурга. И сейчасъ еще многіе изъ моихъ знакомыхъ катаются тутъ, по Невскому, на рысакахъ въ колясках съ резиновыми шинами.

Онъ сдѣлалъ красивый жестъ рукой по направленію къ Невскому.

— Но „начнемъ ab ovo“, какъ говоритъ Пушкинъ въ „Родословной моего героя“,—произнесъ онъ послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія.

Онъ поднялъ ногу на ногу, взялъ со стола чай и, мѣшая ложечкой въ стаканѣ, сталъ разсказывать:

— У меня было нѣсколько имѣній въ разныхъ губерніяхъ. Я, мой братъ и мои двѣ сестры, мы прожили эти имѣнія въ очень короткое время. Какъ имѣнія проживаются—это вы, конечно, ты-

сячу разъ слыхали или читали; это все по общепринятому порядку: скверное управленіе, закладныя, поѣздки по курортамъ, жизнь безъ разсчета et tout ce qui s'en suit. Братъ и одна изъ сестеръ во-время умерли. Съ другой сестрой произошелъ переворотъ: она сдѣлалась вдругъ страшной скрягой и вышла замужъ за провинціальнаго адвоката, дѣльца и такого же скрягу, какъ она. А я, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, поселился въ Петербургѣ проживать послѣднее имѣніе на пріисканіе богатой невѣсты, которая почему-то всегда предполагается въ запасѣ для всякаго прожившагося шалопая. И, представьте, невѣсту я дѣйствительно нашелъ въ тотъ же годъ.

Онъ взглянулъ на меня и, замѣтивъ вниманіе, съ которымъ я его слушалъ, вдругъ оживился.

— Какая была свадьба! сколько блеску, шуму, разговоровъ! Потомъ у насъ пошли пріемы, рауты, балы. Знакомства въ самой блестящей части нашего общества цѣплялись одно за другое: познакомившись съ атташе, знакомились съ посланникомъ. Все это казалось нужнымъ, необходимымъ. А зачѣмъ нужно? кому изъ насъ двоихъ съ женой нужно?—этого вопроса не было. Я въ то время собственно ни къ какой карьерѣ не стремился, и пользоваться связями не представлялось надобности. Просто нужно было принадлежать къ обществу. И мы принадлежали. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ одинъ очень скверный день мы не пришли къ печальному сознанію, что и женины дома, какъ и мое имѣніе, намъ уже болѣе не принадлежатъ. Жена, при выходѣ за меня замужъ, предполагала, что у меня гораздо больше средствъ, чѣмъ ихъ было, и теперь она, разумѣется, не пожелала перейти къ болѣе скромному образу жизни. Подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья она своевременно уѣхала на постоянное жительство въ Италію...

Мой разсказчикъ на секунду пріостановился, но тотчасъ же съ чуть замѣтной саркастической улыбкой добавилъ:

— Ее сопровождалъ туда одинъ изъ нашихъ знакомыхъ, грекъ-банкиръ. Я съ своей стороны далъ ей на дорогу отдѣльный паспортъ и carte blanche. Дѣтей у насъ не было. Съ тѣхъ поръ я никогда и ничего не слыхалъ о ней...

Онъ отхлебнулъ нѣсколько глотковъ чаю, потомъ слегка прищурился, какъ бы всматриваясь въ мелькнувшія въ его воображеніи картины, и задумчиво продолжалъ:

— А красавица была... Впрочемъ, черствая, сухая натура... Я не любилъ ее... Ну-съ, вотъ и весь мой романъ. Какъ видите, все это очень обыкновенная исторія. Если вы обладаете воображеніемъ, вы можете дополнить все остальное мелкими деталями, одинаково повторяющимися во всѣхъ романахъ. Да вѣдь и въ дѣйствительности —я тоже только повтореніе; такихъ, какъ я, насъ тутъ, въ Петербургѣ, сотни, если не тысячи.

При этихъ словахъ я невольно почувствовалъ нѣкоторое разочарованіе въ своихъ ожиданіяхъ услыхать отъ него что-нибудь особенно любопытное, и почти машинально, только для того, чтобы спросить что нибудь, я задалъ ему вопросъ:

— Ну, а потомъ-то, когда ваша жена уѣхала, что́ же вы стали дѣлать?

— Ахъ, да, потомъ-то, — сказалъ онъ, какъ будто припомнивъ упущенную въ разсказѣ подробность.—Да что-жъ мнѣ оставалось дѣлать? Семейнаго несчастія, какъ вы видите, у меня въ сущности не было. Все дѣло заключалось въ потерѣ средствъ къ поддержанію своего положенія въ обществѣ. Нужно было, слѣдовательно, найти эти средства вновь. Я ихъ не нашелъ, хотя искалъ. Я пробовалъ найти какую-нибудь службу. Проживъ два состоянія на знакомства, я думалъ, что теперь эти связи пригодятся мнѣ, и я верну если не капиталъ, то хоть проценты на него. Разумѣется, на первыхъ порахъ я искалъ мѣста чуть не министра или, по крайней мѣрѣ, директора департамента въ любомъ министерствѣ — мнѣ вѣдь это было все равно. Но нужда подталкивала, и я, шагъ за шагомъ, спускался ниже и ниже, прося подъ конецъ хоть какого-нибудь занятія. Но, то ли дѣйствительно никакихъ свободныхъ мѣстъ не было, то ли мои знакомые мало довѣряли моей способности къ какой бы то ни было дѣятельности,—они вѣдь знали, что я никогда ничего не дѣлалъ, — или просто каждому было только до себя, — а мѣста я не досталъ. Сначала я обращался къ протекціи и рекомендаціямъ своихъ знакомыхъ высшаго круга, потомъ дошелъ даже до того, что чрезъ камердинеровъ просилъ хоть мѣсто управляющаго домомъ. Нигдѣ ничего. Добрыя намѣренія были у всѣхъ, желаніе помочь высказывалось въ теплыхъ словахъ, но—„мѣста“ не было. И чѣмъ хуже становилось мое положеніе, тѣмъ слабѣе становилось участіе ко мнѣ моихъ знакомыхъ. Повторенная просьба производила уже меньшій эффектъ, а въ третій разъ каждый готовъ

былъ махнуть на меня рукой. Я, malgré moi, становился надоѣдливымъ человѣкомъ, назойливымъ просителемъ, которому сначала можетъ-быть и желали помочь, да лѣнь было подумать объ этомъ серьезно, а потомъ ужъ и желать перестали: надоѣлъ съ просьбами, когда у людей своихъ заботъ не оберешься... И, знаете, я ихъ всѣхъ оправдывалъ, потому что въ свое время и я былъ такимъ же, какъ они, и мнѣ всегда казалось, что у меня такъ много своихъ заботъ и на сегодняшній, и на завтрашній день, что безпокоить меня еще чужими заботами и неудачами — несправедливо. А послѣзавтра я считалъ себя въ правѣ и забыть то, о чемъ меня просили: вѣдь можетъ-быть это чужое дѣло успѣло уже въ эти дни уладиться и безъ моего участія.

Онъ отломилъ кусокъ булки и сталъ ѣсть, запивая чаемъ, а я молча ожидалъ, когда онъ возобновитъ разсказъ, начинавшій опять заинтересовывать меня.

— Разумѣется, за это время исканія мѣста,— снова заговорилъ онъ: — я давно бросилъ свою квартиру, продалъ мебель, переѣхалъ сначала въ большой отель, потомъ въ меблированныя комнаты, потомъ, наконецъ, въ „уголъ", а съ тѣхъ поръ какъ я избралъ себѣ амплуа современнаго Діогена, приводилось ночевать и въ ночлежномъ пріютѣ.

— Но чѣмъ же вы однако живете? чѣмъ вы занимаетесь?—спросилъ я.

— Ничѣмъ и ничѣмъ. Впрочемъ, это будетъ несовсѣмъ вѣрно. Моя „добрая" сестра, несмотря на свою скупость, высылаетъ мнѣ ежемѣсячно десять рублей. Изъ нихъ три рубля я плачу за уголъ, а остальные семь идутъ на чай, сахаръ, табакъ и прочее.

— А обѣдъ?

— Обѣдаю я даромъ.

— У знакомыхъ?

— Да, у знакомыхъ: у моего прежняго кучера и моей прежней прачки.

„Баринъ" добродушно улыбнулся, замѣтивъ на моемъ лицѣ нѣкоторое недоумѣніе.

— Да-съ, — подтвердилъ онъ: — они теперь „призрѣваютъ" меня, какъ они выражаются, „по христіанству призрѣваютъ". Кучеръ имѣетъ своихъ лошадей и ѣздитъ помѣсячно съ однимъ изъ моихъ пріятелей, да еще на парѣ ѣздитъ помѣсячно же съ другимъ его работникъ, а прачка открыла свою прачешную. Какъ это ни смѣшно, а эти „добрые знакомые" не забыли, что я когда-то былъ щедръ въ отношеніи ихъ. Вотъ ужъ именно: „не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь". Теперь я хожу къ нимъ обѣдать по очереди, и они относятся ко мнѣ съ прежнимъ уваженіемъ. Они говорятъ, что ихъ это не обременяетъ. И, въ сущности, они правы. А я привыкъ къ ихъ простымъ кушаньямъ, къ нимъ, къ ихъ семьямъ, и чувствую себя совершенно счастливымъ. И теперь ужъ я не ищу мѣста.

— А давно вы въ такомъ положеніи?

— Скоро четыре года.

— И не тяготитесь имъ, не ищете выхода?

— Нисколько. По крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока мои „добрые знакомые", кучеръ и прачка, не измѣнятъ своихъ отношеній ко мнѣ.

„Странный баринъ, рѣдкостная прачка, удивительный кучеръ" — невольно подумалъ я. Любопытство мое было возбуждено.

— Да-съ, вотъ удивительный народъ, — оживляясь, подхватилъ мой собесѣдникъ, какъ бы угадавъ мою мысль:—мы, я хочу сказать—люди изъ общества, мы рѣдко знаемъ этихъ людей; они каждый день около насъ, мы ихъ принимаемъ на службу или увольняемъ, и смотримъ при этомъ только—могутъ или не могутъ они угодить намъ; а хорошіе или дурные они люди въ душѣ—намъ до этого дѣла нѣтъ... да мы этимъ, конечно, и заниматься не можемъ. Вы не подумайте, пожалуйста,—вдругъ прервалъ онъ самъ себя:—что я теперь, разорившись, сталъ ругать барство и поклоняться простонародью. Этого нѣтъ. Бариномъ я родился, бариномъ и умру. Но я хочу только сказать, что между ними много такого, и дурного и хорошаго, чтó намъ остается вовсе неизвѣстнымъ. Вы возьмите: нашихъ знакомыхъ мы изучаемъ, выслушиваемъ про нихъ разныя сплетни, сплетничаемъ про нихъ сами, сближаемся и расходимся подъ вліяніемъ симпатій или антипатій, выгодъ и невыгодъ, а прислуга — для насъ только прислуга. Ужъ я не говорю о „мужикѣ", о томъ далекомъ, который землю пашетъ. Онъ для насъ какъ бы совсѣмъ на свѣтѣ не существуетъ, если мы не имѣемъ какого-нибудь имѣнія, гдѣ онъ не исполняетъ полевыхъ работъ, которыя обязался сдѣлать по условію, гдѣ онъ производитъ порубки лѣса, поджоги скирдъ, гдѣ его скотъ травитъ наши поля, и такъ далѣе. Только съ одной этой стороны и я былъ знакомъ съ мужикомъ.

Я старался понять по тону его голоса, надъ кѣмъ

онъ иронизируетъ: надъ мужикомъ или бариномъ? „Должно быть, надъ обоими“—рѣшилъ я мысленно.

— Впрочемъ, это къ дѣлу не относится,— продолжалъ онъ.

— Я хотѣлъ только сказать, что мы ихъ не знаемъ и знать не хотимъ. А они насъ знаютъ. Разумѣется, знаютъ по своему и иногда очень глупо. Они сплетничаютъ про насъ въ людскихъ и дѣлаютъ иногда очень мѣткія и вѣрныя опредѣленія господъ. И вотъ, представьте, я имѣлъ удовольствіе заслужить расположеніе своей прислуги и теперь, благодаря этому, сытъ и счастливъ цѣлыхъ четыре года.

Онъ произнесъ слова „расположеніе прислуги“ съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи, а слово „счастливъ“ съ такой увѣренностью, что я невольно возразилъ:

— Ужъ будто бы и счастливы?

— Несомнѣнно счастливъ,—серьезно, твердо произнесъ онъ.—Почему вы вы не хотите допустить, чтобъ я могъ быть счастливъ? Прежде всего, что̀ такое счастье? Позвольте мнѣ отвѣтить вамъ на это словами Пушкина—я Пушкина ужасно люблю и въ немъ одномъ черпаю всю мою философію, которая мнѣ въ моемъ настоящемъ положеніи очень-таки нужна. Безъ философіи или, лучше сказать, безъ философствованія я теперь, пожалуй, и не былъ бы счастливъ. А такъ какъ „мы всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ нибудь“, то и черпаешь свою мудрость тамъ, гдѣ это доступнѣе. Такъ вотъ Пушкинъ говоритъ: „на свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля“. У меня же и того, и другого теперь вполнѣ достаточно. Такъ какъ же мнѣ не быть счастливымъ?

— Ну, пожалуй, съ Пушкинымъ не всѣ согласятся,—замѣтилъ я.

— И очень глупо сдѣлаютъ.

— Да и вы, можетъ-быть, не будь вы въ теперешнемъ вашемъ положеніи, не согласились бы съ такимъ одностороннимъ взглядомъ на счастіе.

— Можетъ-быть, — отвѣтилъ онъ; но чрезъ минуту, подумавъ, прибавилъ: — однако едва-ли. Вѣдь я всю жизнь прожилъ почти такъ: покой и воля. Только прежде у меня этотъ покой былъ въ роскошныхъ барскихъ покояхъ, а теперь въ углу; прежде у меня была воля ѣхать въ Висбаденъ, а нынче воля гулять по Невскому. Единственное время, когда я не зналъ ни покоя, ни воли, это когда я искалъ себѣ мѣста, при переходѣ изъ барской квартиры въ отель. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ углу, я ни о чемъ не безпокоюсь.

Спокойная увѣренность, съ которой онъ высказывалъ мысли, казавшіяся мнѣ во всякомъ случаѣ парадоксальными, возбуждала во мнѣ невольное желаніе противорѣчить ему.

— Однако вы находитесь въ зависимости,— сказалъ я:—во-первыхъ, отъ тѣхъ денегъ, которыя вамъ высылаетъ ваша сестра, во-вторыхъ, отъ расположенія тѣхъ, кто васъ даромъ кормитъ.

— Что-жъ изъ этого?—попрежнему невозмутимо отвѣтилъ онъ.—Пока это есть, такъ оно и будетъ. А этого не станетъ, явится что нибудь другое.

— Ну, а если не явится?

— Непремѣнно явится.

— Почему непремѣнно? а если нѣтъ?—возражалъ я, начиная раздражаться.

— Ваше „если“ имѣетъ столько же шансовъ, сколько мое непремѣнно“. Объ этомъ спорить трудно,—отвѣчалъ онъ съ спокойной улыбкой.— Ну, даже если ничего не будетъ, что-жъ изъ этого? Милостыню просить буду, или умру, наконецъ. Вѣдь въ свое время всѣ умремъ. Ну, если придетъ такая фантазія—въ Неву брошусь Не все ли равно? Вѣдь при извѣстномъ взглядѣ на вещи имѣлъ я право застрѣлиться, сдѣлавшись изъ богача нищимъ и разочаровавшись въ искреннемъ расположеніи ко мнѣ моихъ знакомыхъ — имѣлъ вѣдь? Почему же мнѣ теперь не утопиться, когда я этого захочу? Но я увѣренъ, что до этого никогда не дойдетъ. Я что-то не знаю случая, чтобъ нищіе, *настоящіе* нищіе, вотъ тѣ, что просятъ милостыню постоянно и только этимъ живутъ, чтобъ они покушались на самоубійство. Такіе примѣры, вѣроятно, рѣдки. И это потому, что они вовсе не такъ несчастны, какъ можетъ казаться со стороны. Вы когда-нибудь говорили съ ними?

— Нѣтъ.

— А вы поговорите-ка. Я поговорилъ—и многому кое-чему у нихъ научился. Разумѣется, я никогда не могъ бы спуститься до ихъ привычекъ и въ особенности до ихъ разгула. Такъ, напримѣръ, другой бы на моемъ мѣстѣ спился. Я же не чувствую къ этому никакого позыва. Но вѣдь это дѣло только воспитанія и темперамента. Да-съ, поговорите съ нищими; трезвыхъ взглядовъ, здравыхъ понятій у нихъ найдется быть можетъ, не меньше, чѣмъ у насъ съ вами.

— Но вѣдь нищихъ высылаютъ. И еслибъ вамъ...

— И меня бы выслали, хотите вы сказать! И прекрасно бы сдѣлали. Я или пришелъ бы об-

ратно, какъ это дѣлаетъ большинство изъ нихъ, или устроился бы какъ-нибудь тамъ, куда бы меня выслали. Вмѣсто наслажденія плодами цивилизаціи, жизнью въ Петербургѣ, наслаждался бы гдѣ-нибудь природой и патріархальными нравами. И нисколько бы это меня не опечалило. Высылку я и самъ одобряю. Бывало когда я былъ богатъ, я никогда не проходилъ мимо нищихъ, чтобъ не подать имъ, но всегда, бывало, подумаешь: „гораздо было бы лучше, еслибъ они мнѣ глаза не мозолили". Согласитесь, непріятно, когда вамъ во время прогулки видъ оборванца разстраиваетъ хорошее настроеніе духа. Я это по себѣ отлично помню и потому теперь не хожу по Невскому въ тѣ часы, когда тамъ гуляютъ мои прежніе знакомые. Зачѣмъ я буду попадаться имъ на глаза? Мнѣ нисколько не стыдно моего костюма и всего моего вида, ясно говорящаго о моемъ положеніи; но мнѣ, напротивъ, ихъ, этихъ гуляющихъ, жаль. Вѣдь я знаю, у большинства изъ нихъ нѣтъ ни покоя, ни воли, а есть долги, грозящіе имъ лишеніемъ состоянія, а то такъ и того хуже—лишеніемъ правъ состоянія. Встрѣча со мной—это своего рода memento mori. За что-жъ мнѣ ихъ обижать? Положимъ, они всѣ порядочные негодяи, но я счастливѣе ихъ... а счастливые люди, какъ и люди сильные, добродушны. Я не хочу дѣлать имъ непріятное, потому что я оправдываю ихъ Не могу я относиться недружелюбно къ самому себѣ, такому, какимъ я былъ во время моего процвѣтанія; я вѣдь и тогда никакихъ преступленій и проступковъ не дѣлалъ, а только жилъ и проживался, и чувствовалъ себя хорошимъ человѣкомъ. Теперь я не лучше и не хуже, чѣмъ прежде. Ну а они всѣ такіе же, какимъ я былъ тогда.

Онъ досталъ папироску, закурилъ и продолжалъ:

— Мнѣ сначала было досадно, а потомъ просто смѣшно смотрѣть на нихъ, какъ они, одинъ за другимъ, начали отворачиваться отъ меня; сначала тѣ, что̀ чиномъ повыше, потомъ тѣ, что́ пониже, побѣднѣе, и подъ конецъ—всѣ! Это была презабавная dégringolade моего престижа. А потомъ мнѣ и жалко стало ихъ. Вѣдь они, бѣдняжки, — я знаю, это по себѣ, — *боятся* теперь узнавать меня, — именно боятся, — чтобъ не уронить себя въ глазахъ своихъ друзей, еще не свалившихся съ пьедестала. У нихъ встрѣча со мной вызываетъ всегда непріятное, боязливое чувство. А у меня, подите вотъ—нѣтъ: я съ кѣмъ угодно изъ нихъ хоть сейчасъ заговорю. И мнѣ это и не страшно, и не стыдно, и не интересно. Потому что я выше ихъ: я свободенъ, я счастливъ.

— Ну, хорошо такъ, пока вы здоровы,—снова возразилъ я:—а если да...

— А больницы то на что?—прервалъ онъ меня съ улыбкой. — Положатъ, и лѣчить, и кормить будутъ.

— Но вѣдь въ больницахъ, говорятъ, очень непривлекательно.

Онъ окинулъ меня снисходительнымъ взглядомъ и сказалъ наставническимъ тономъ старшаго къ младшему:

— Я вамъ задамъ на это вотъ какой вопросъ: что вы предпочли бы—легкую лихорадку на сѣнникѣ и подъ сермягой или какую-нибудь жестокую, адски-мучительную болѣзнь, ну хоть заворотъ кишекъ что-ли, на пуховикѣ и подъ шелковымъ одѣяломъ?

Я, конечно, высказался за лихорадку.

— А я добавлю къ этому,—продолжалъ онъ,— что пусть меня лучше отъ лихорадки лечитъ фельдшеръ, чѣмъ отъ заворота кишекъ консиліумъ русскихъ и иностранныхъ знаменитостей. Ну-съ, итакъ, что-жъ страшнаго для меня въ больницѣ? Если я попаду туда, то мнѣ стоитъ только подумать, что и при богатствѣ я могъ захворать еще болѣе тяжкой болѣзнью, и это меня успокоитъ и примиритъ съ моимъ положеніемъ. Надо, впрочемъ, вамъ замѣтить, что я вовсе и не собираюсь хворать. Напротивъ, надѣюсь достичь долголѣтія и умереть отъ дряхлости. Читалъ я гдѣ-то когда-то, что какой-то итальянецъ, доживъ до сорока лѣтъ, почувствовалъ всякія болѣзни и приближеніе смерти. Никакія лѣкарства не помогали. Тогда онъ бросилъ и лѣчиться и ѣсть; такой строгой діэтѣ подвергъ себя во всѣхъ отношеніяхъ, что чуть съ голоду не умиралъ. И что-жъ вы думаете? прожилъ до ста лѣтъ! Такъ и я теперь. Ѣмъ очень мало, пріучая себя къ тому, чтобъ не обременять моихъ „добрыхъ знакомыхъ", сплю мало, ничѣмъ не волнуюсь, умѣренно гуляю, и умѣренно разсуждаю. Я никогда прежде не былъ такъ здоровъ и бодръ, какъ теперь.

Глядя на него, я не могъ съ нимъ въ этомъ не согласиться: дѣйствительно, его видъ, его голосъ подтверждали его слова.

— Да-съ, великая вещь покой и воля! — говорилъ онъ съ увлеченіемъ.—Жаль, что мы обыкновенно боимся понять истинный смыслъ этихъ словъ. Страшно можетъ-быть окунуться въ такое поло-

женіе, какъ мое, а вкусишь его — право другого не захочешь!.. По крайней мѣрѣ, пальцемъ не пошевелишь, чтобы создать себѣ это другое.

Чай былъ допитъ. Я предложилъ еще. Мой собесѣдникъ кивнулъ головой въ знакъ согласія, и я велѣлъ подать. Нашъ разговоръ продолжался.

— Да и зачѣмъ я буду хлопотать о такъ-называемомъ благосостояніи, когда могу пользоваться ими безъ всякихъ хлопотъ?—сказалъ мой „баринъ".

— Какъ такъ?—спросилъ я.

— Да такъ. Ну, что̀ такое благосостояніе? Хорошая квартира, обстановка, хорошій обѣдъ, модное платье и такъ далѣе. У меня ничего этого нѣтъ, но мнѣ это и не нужно; а между тѣмъ я каждый день вижу въ окнахъ магазиновъ и чудную мебель, и изящныя лампы, и новомодныя матеріи, и платье, и деликатесы гастрономіи, рѣдкіе фрукты и всевозможныя вина, любуюсь всѣмъ этимъ, примѣряю все это къ своей персонѣ и, право, доволенъ этимъ гораздо болѣе, чѣмъ еслибы все это было мое. Зачѣмъ большинство посѣтителей всемірныхъ и другихъ выставокъ посѣщаетъ ихъ? Конечно, не затѣмъ, чтобъ купить выставленное или изучать его. Смотрятъ на хорошія вещи, потому что это доставляетъ наслажденіе. То удовольствіе, которое видъ вещей мнѣ могъ бы доставить, еслибъ онѣ были моими, я получаю отъ разсматриванья ихъ, хотя бы и за стеклами магазиновъ. У меня нѣтъ только обладанія ими; зато я не испытываю и никакихъ неудобствъ отъ нихъ. Я слыхалъ, что какой-то умный человѣкъ однажды сказалъ, что онъ потерялъ свою свободу съ той минуты, какъ купилъ въ первый разъ цѣнный фарфоровый сервизъ. Ну, а я могу сказать, что я сталъ вполнѣ свободнымъ человѣкомъ съ тѣхъ поръ, какъ у меня всѣ сервизы проданы. Притомъ же согласитесь, что какими бы капиталами я ни обладалъ, все равно всего не купишь и ни въ какой дворецъ не уставишь, всѣхъ матерій не переносишь. А теперь-то я иногда, послѣ прогулки, сяду гдѣ нибудь въ саду или скверѣ — сторожа еще до сихъ поръ ни разу не выгоняли, хотя и посматриваютъ на мой костюмъ косо,—вставилъ онъ, съ усмѣшкой и комическимъ жестомъ обдергивая свое пальто: — сяду на скамеечку да и начну воздушные замки строить. Обставлю ихъ мебелью, которую сейчасъ видѣлъ, украшу цвѣтами, воображу во всѣхъ залахъ шумное общество мужчинъ и дамъ въ нарядныхъ туалетахъ, и мнѣ дѣлается такъ забавно, весело, какъ никогда не случалось, когда приходилось, бывало, осуществлять нѣчто подобное въ дѣйствительности. Тамъ, въ дѣйствительности всегда были предѣлы, рамки, ограниченія, а тутъ никакихъ предѣловъ нѣтъ для разгулявшейся фантазіи. А главное — никакихъ хлопотъ! Я иногда въ этихъ случаяхъ сравниваю себя съ курильщиками опіума. Притомъ же вы, конечно, знаете, что удовольствіе испытываешь больше всего тогда, когда еще только добиваешься чего нибудь, еще не схватилъ его руками; а какъ только цѣль достигнута,—наслажденіе потухаетъ, и воображеніе требуетъ уже другой, новой цѣли. Въ моемъ положеніи я могу съ удобствомъ и безнаказанно мѣнять цѣли моихъ стремленій и желаній такъ часто, какъ мнѣ это вздумается.

Онъ затянулся въ послѣдній разъ докуренной папиросой, бросилъ ее и, снова обратившись ко мнѣ, спросилъ:

— Вы за границей бывали?

— Да, въ главнѣйшихъ городахъ,—отвѣтилъ я.

— Ну, такъ вотъ, мое положеніе, бѣдняка въ богатомъ Петербургѣ, часто напоминаетъ мнѣ положеніе путешественника, остановившагося въ какомъ нибудь большомъ отелѣ въ Парижѣ или Лондонѣ. Тамъ у васъ маленькая, болѣе чѣмъ скромная комнатка-спальня съ самой простой обстановкой — что̀ называется le strict nécessaire; а въ большихъ общихъ залахъ отеля къ вашимъ услугамъ и роскошная мебель, и рояли, и библіотека, и фонтаны, и все, что угодно.

— Ну, я предпочелъ бы имѣть не однѣ общія залы, а и для себя комнатку поудобнѣе да поуютнѣе,—возразилъ я.

— Пожалуй, да. Но въ путешествіи можно помириться и съ тѣмъ отельнымъ устройствомъ, которое я сейчасъ описалъ вамъ. А такъ какъ я, среди общей тревожной жизни, въ которой я не принимаю участія, похожъ на туриста, то мнѣ и слѣдуетъ довольствоваться отведеннымъ мнѣ помѣщеніемъ. Общая же зала — Невскій проспектъ и все прочее — открыта и для меня, какъ и для всѣхъ другихъ. А бо̀льшаго мнѣ, право, не надо.

— Ну, допустимъ, что съ вами можно согласиться относительно всѣхъ удобствъ домашней обстановки, и что можно довольствоваться созерцаніемъ предметовъ, не владѣя ими лично; но я не понимаю, какъ можно довольствоваться созерцаніемъ винъ и закусокъ въ окнахъ магазиновъ.

Онъ разсмѣялся и, не задумываясь, задалъ мнѣ вопросъ:

— Вы ласточкины гнѣзда ѣдали?

— Нѣтъ.

— А вотъ настоящіе китайскіе Лукуллы, говорятъ, жить безъ нихъ не могутъ. Намъ же съ вами хоть вовсе ихъ не будь. Покажутъ ихъ намъ гдѣ нибудь въ музеѣ, мы съ любопытствомъ посмотримъ, понюхаемъ, а ѣсть не станемъ. Не такъ ли?

— Конечно,—согласился я.

— Ну вотъ то же и со мной. Я смотрю на всѣ эти лакомства такъ же, какъ на ласточкины гнѣзда въ музеѣ, и думаю, что будь я китайскій мандаринъ, я можетъ-быть даже и рагу изъ мышей любилъ бы и страдалъ бы, еслибъ мнѣ долго не давали этихъ китайскихъ деликатесовъ. А въ моемъ теперешнемъ состояніи, не имѣя возможности покупать, я только любуюсь, но не чувствую тошноты отъ зависти при видѣ всѣхъ этихъ сладостей и пикантностей.

— Нѣтъ, воля ваша, — отшучивался я:—мнѣ все-таки было бы не недоступно такое равнодушіе ко всему.

— Очень можетъ быть, — соглашался мой собесѣдникъ. —И мнѣ оно прежде казалось недоступнымъ. А теперь вотъ вполнѣ понятно. До всего можно дойти постепенно, только время нужно. Оглянитесь-ка назадъ; давно ли знать ѣздила не иначе, какъ на четверкахъ да шестеркахъ цугомъ? Поѣхать на парѣ или на одной, хотя бы и на резиновыхъ шинахъ, показалось бы и унизительнымъ, и смѣшнымъ, ridicule. А теперь было бы смѣшно выѣхать на четверкѣ. Прежде нельзя было показаться въ общество безъ парика, а нынче нельзя показаться безъ галстука. Но plus ça change, plus c'est la même chose. Однако я съ вами засидѣлся, мнѣ пора, — прервалъ онъ вдругъ разговоръ, вставая.

— Куда же вы спѣшите? — спросилъ я, нѣсколько изумленный тѣмъ, что и у него оказалось дѣло.

— А видите ли, я помогаю сыну моего кормильца, кучера, заниматься французскимъ языкомъ. Мальчикъ учится въ гимназіи. Сегодня мнѣ нужно купить ему маленькую книжечку для переводовъ, и, какъ только онъ вернется, я еще до обѣда хочу сдѣлать ему презентъ. Иногда я позволяю себѣ такую роскошь. Надо же чѣмъ нибудь отблагодарить ихъ!... Такъ мнѣ еще предстоитъ сдѣлать два порядочныхъ конца: въ рынокъ, къ букинисту, и потомъ на Сергіевскую, къ Таврическому саду. А торопиться я не люблю.

— Но отчего вы не ищете еще уроковъ, если знаете языки? Вы могли бы улучшить свое положеніе,— сказалъ я, вставая и прощаясь съ нимъ.

— А гдѣ же были бы тогда мои покой и воля?—отвѣтилъ онъ съ улыбкой.

И, при взглядѣ на него въ эту минуту, мнѣ вдругъ невольно вспомнился Гамлетъ, когда онъ говоритъ матери: „ничего не дѣлай и забудь, что говорилъ я“. Вѣдь мой вопросъ объ урокахъ, послѣ всего, что я слышалъ, былъ такъ же неумѣстенъ, какъ вопросъ королевы: „что дѣлать мнѣ“. А мой баринъ между тѣмъ продолжалъ:

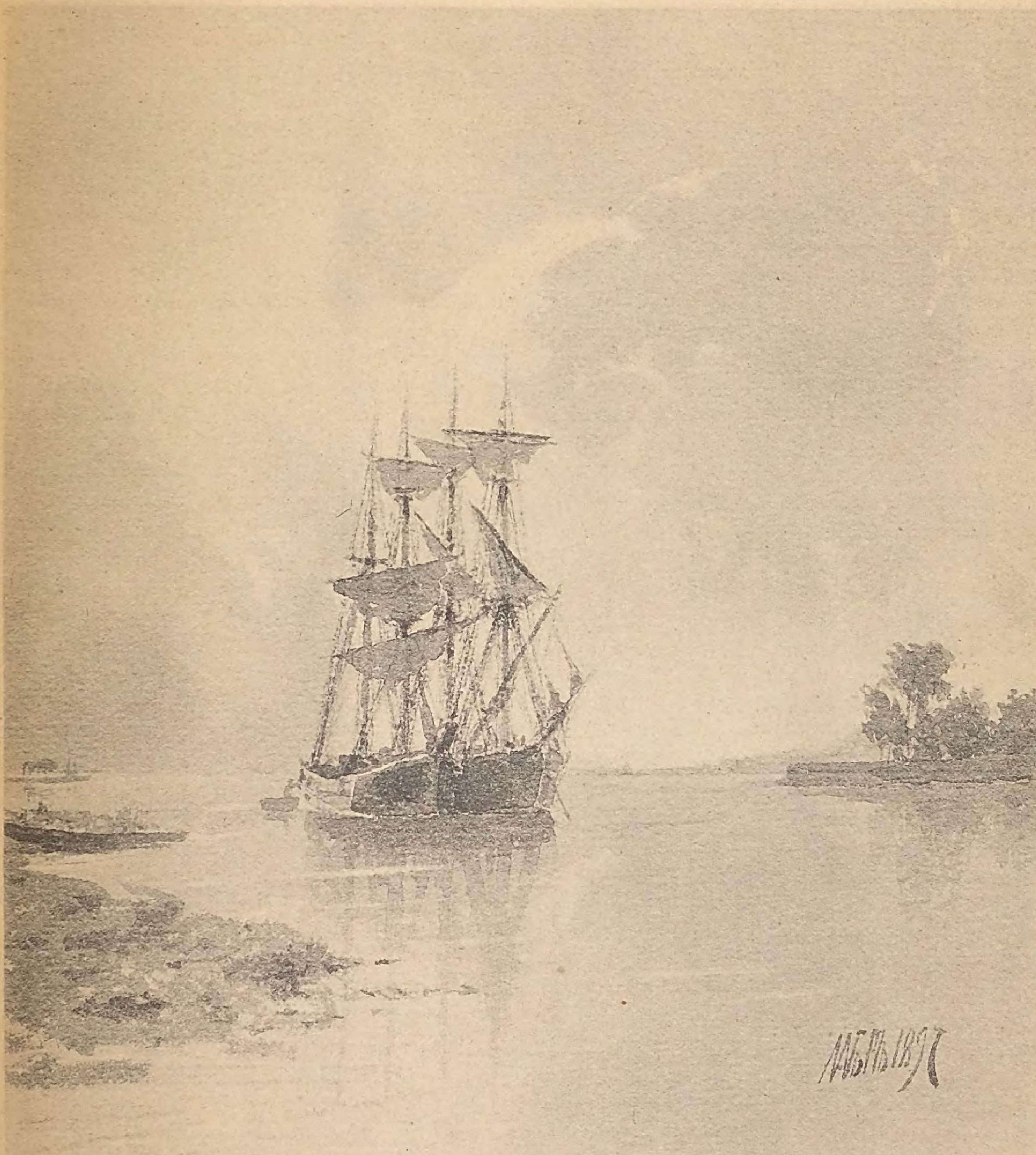
— Согласитесь, что теперь я самъ про себя могу съ увѣренностью сказать: счастливецъ. А тогда я, какъ большинство васъ, мучениковъ труда, говорилъ бы: я рабъ. И ради чего же? ради какихъ нибудь ничтожныхъ вещей, какихъ нибудь бездѣлушекъ, ради какого нибудь цвѣтного галстука...

Онъ съ гордостью посмотрѣлъ на меня, протянулъ мнѣ руку, надѣлъ шляпу, кивнулъ еще разъ на прощанье головой и направился къ выходу.

Я расплатился за чай и вышелъ вслѣдъ за нимъ. Оглянувшись вокругъ, я уже не нашелъ „барина“: онъ затерялся въ толпѣ сновавшихъ взадъ и впередъ „мучениковъ труда“.

Я на минуту остановился, раздумывая, куда мнѣ пойти. Оказалась масса дѣлъ и дѣлишекъ, которыя нужно было сдѣлать сегодня же. А дома ждала куча неоконченной, частью срочной, частью запущенной, работы: нужно было писать и фельетоны, и статьи, и дѣловыя письма, и читать корректуры. Все это было необходимо, все это было нужно для денегъ, частью полученныхъ уже впередъ, частью обѣщанныхъ мнѣ, опять-таки впередъ, подъ эти работы; а деньги были нужны для уплаты хроническихъ долговъ домохозяину, мяснику, зеленщику, прачкѣ, молочницѣ и такъ далѣе, да еще двумъ-тремъ пріятелямъ, пролетаріямъ, какъ и я. И, повѣсивъ голову, я побрелъ по Невскому, нашептывая самъ себѣ: „счастливецъ!.. покой и воля!..“

А. Луговой.

Л. Ф. Лагоріо.

Большая Невка.

ФОТ. И ТИП. П. БАБКИНА. СПБ.

— Вы ласточкины гнѣзда ѣдали?

— Нѣтъ.

— А вотъ настоящіе китайскіе Лукуллы, говорятъ, жить безъ нихъ не могутъ. Намъ же съ вами хоть вовсе ихъ не будь. Покажутъ ихъ намъ гдѣ нибудь въ музеѣ, мы съ любопытствомъ посмотримъ, понюхаемъ, а ѣсть не станемъ. Не такъ ли?

— Конечно,—согласился я.

— Ну вотъ то же и со мной. Я смотрю на всѣ эти лакомства такъ же, какъ на ласточкины гнѣзда въ музеѣ, и думаю, что будь я китайскій мандаринъ, я можетъ-быть даже и рагу изъ мышей любилъ бы и страдалъ бы, еслибъ мнѣ долго не давали этихъ китайскихъ деликатесовъ. А въ моемъ теперешнемъ состояніи, не имѣя возможности покупать, я только любуюсь, но не чувствую тошноты отъ зависти при видѣ всѣхъ этихъ сладостей и пикантностей.

— Нѣтъ, воля ваша, — отшучивался я:—мнѣ все-таки было бы не недоступно такое равнодушіе ко всему.

— Очень можетъ быть, — соглашался мой собесѣдникъ.—И мнѣ оно прежде казалось недоступнымъ. А теперь вотъ вполнѣ понятно. До всего можно дойти постепенно, только время нужно. Оглянитесь-ка назадъ; давно ли знать ѣздила не иначе, какъ на четверкахъ да шестеркахъ цугомъ? Поѣхать на парѣ или на одной, хотя бы и на резиновыхъ шинахъ, показалось бы и унизительнымъ, и смѣшнымъ, ridicule. А теперь было бы смѣшно выѣхать на четверкѣ. Прежде нельзя было показаться въ общество безъ парика, а нынче нельзя показаться безъ галстука. Но plus ça change, plus c'est la même chose. Однако я съ вами засидѣлся, мнѣ пора, — прервалъ онъ вдругъ разговоръ, вставая.

— Куда же вы спѣшите? — спросилъ я, нѣсколько изумленный тѣмъ, что и у него оказалось дѣло.

— А видите ли, я помогаю сыну моего кормильца, кучера, заниматься французскимъ языкомъ. Мальчикъ учится въ гимназіи. Сегодня мнѣ нужно купить ему маленькую книжечку для переводовъ, и, какъ только онъ вернется, я еще до обѣда хочу сдѣлать ему презентъ. Иногда я позволяю себѣ такую роскошь. Надо же чѣмъ нибудь отблагодарить ихъ!... Такъ мнѣ еще предстоитъ сдѣлать два порядочныхъ конца: въ рынокъ, къ букинисту, и потомъ на Сергіевскую, къ Таврическому саду. А торопиться я не люблю.

— Но отчего вы не ищете еще уроковъ, если знаете языки? Вы могли бы улучшить свое положеніе,— сказалъ я, вставая и прощаясь съ нимъ.

— А гдѣ же были бы тогда мои покой и воля?—отвѣтилъ онъ съ улыбкой.

И, при взглядѣ на него въ эту минуту, мнѣ вдругъ невольно вспомнился Гамлетъ, когда онъ говоритъ матери: „ничего не дѣлай и забудь, что говорилъ я“. Вѣдь мой вопросъ объ урокахъ, послѣ всего, что я слышалъ, былъ такъ же неумѣстенъ, какъ вопросъ королевы: „что дѣлать мнѣ“. А мой баринъ между тѣмъ продолжалъ:

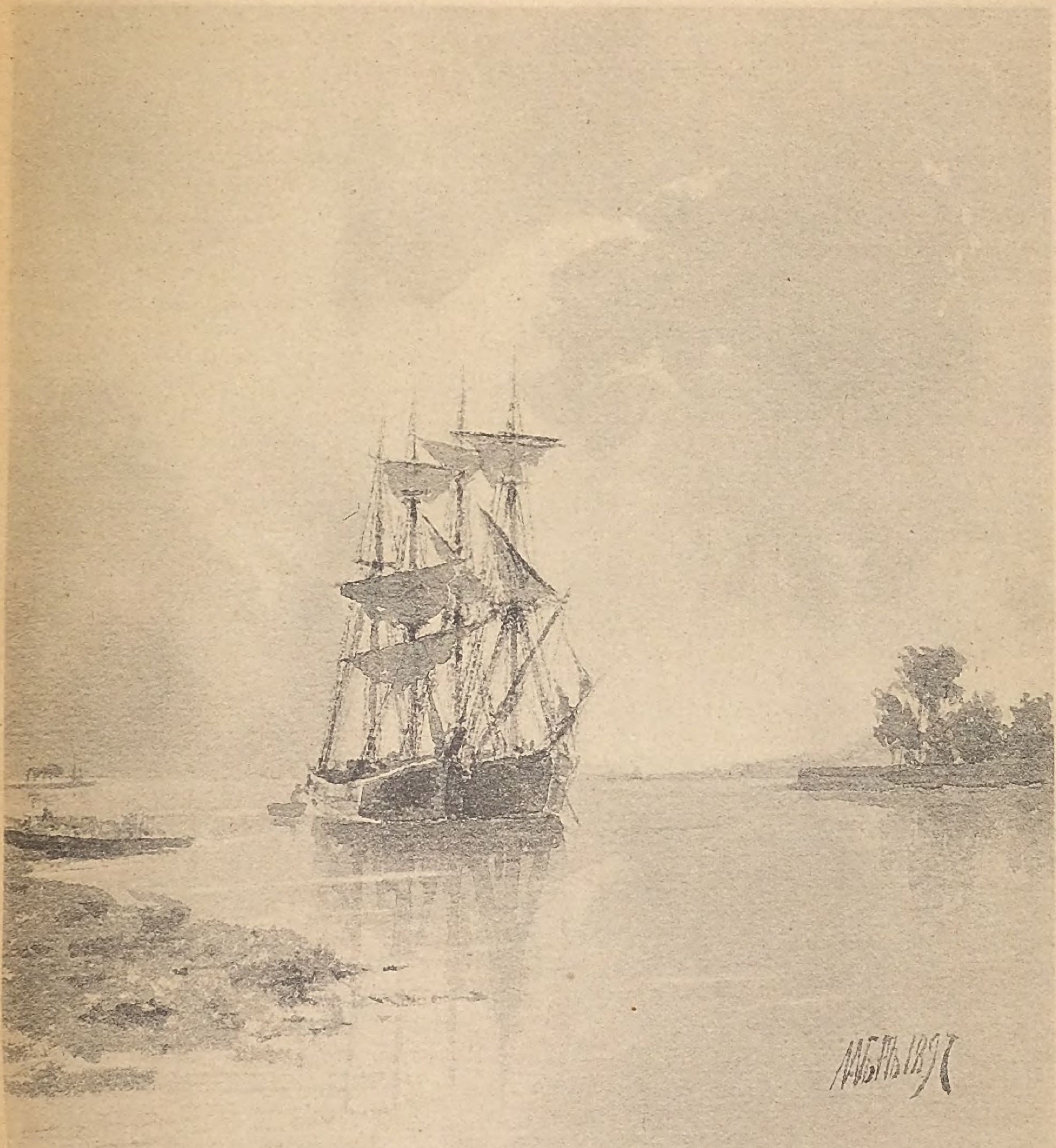
— Согласитесь, что теперь я самъ про себя могу съ увѣренностью сказать: счастливецъ. А тогда я, какъ большинство васъ, мучениковъ труда, говорилъ бы: я рабъ. И ради чего же? ради какихъ нибудь ничтожныхъ вещей, какихъ нибудь бездѣлушекъ, ради какого нибудь цвѣтного галстука...

Онъ съ гордостью посмотрѣлъ на меня, протянулъ мнѣ руку, надѣлъ шляпу, кивнулъ еще разъ на прощанье головой и направился къ выходу.

Я расплатился за чай и вышелъ вслѣдъ за нимъ. Оглянувшись вокругъ, я уже не нашелъ „барина“: онъ затерялся въ толпѣ сновавшихъ взадъ и впередъ „мучениковъ труда“.

Я на минуту остановился, раздумывая, куда мнѣ пойти. Оказалась масса дѣлъ и дѣлишекъ, которыя нужно было сдѣлать сегодня же. А дома ждала куча неоконченной, частью срочной, частью запущенной, работы: нужно было писать и фельетоны, и статьи, и дѣловыя письма, и читать корректуры. Все это было необходимо, все это было нужно для денегъ, частью полученныхъ уже впередъ, частью обѣщанныхъ мнѣ, опять-таки впередъ, подъ эти работы; а деньги были нужны для уплаты хроническихъ долговъ домохозяину, мяснику, зеленщику, прачкѣ, молочницѣ и такъ далѣе, да еще двумъ-тремъ пріятелямъ, пролетаріямъ, какъ и я. И, повѣсивъ голову, я побрелъ по Невскому, нашептывая самъ себѣ: „счастливецъ!.. покой и воля!..“

А. Луговой.

Л. Ф. Лагоріо.

Большая Невка.

Фот. и тип. П. Бабкина. СПб.

ПРОЩАНІЕ ПѢВЦА.

(На мотивъ изъ Шиллера).

Умолкнулъ музы гласъ. Какъ дѣва молода́я,
Съ стыдливымъ пурпуромъ на дѣвственныхъ щекахъ,
Отвѣта на призывъ спокойно ожидая,
Предстала предо мной съ улыбкой на устахъ.
Напрасно ждетъ она былого вдохновенья:
Нѣтъ, снова не вернуть къ высокому стремленья!..

Не долго вамъ прожить, моей души напѣвы!
Въ счастливый родились вы увлеченья часъ!
Теперь живете вы въ воображеньи дѣвы,
Съ восторгомъ юноша еще читаетъ васъ,
Умретъ вашъ скоро звукъ, какъ плескъ волны печальной,
Какъ тонетъ въ воздухѣ звукъ колокола дальній!..

До поздняго потомства не дойдете,
Не будетъ васъ оно съ восторгомъ вспоминать,
Теперь вы нравитесь, сердца вы увлечете,
Но сердце тѣшите на мигъ:—такъ тѣшитъ взоръ
На сценѣ пляшущій танцоровъ легкій хоръ.

Является весна, и начинаютъ снова
Мильонами цвѣтовъ поля уже пестрѣть,
Летятъ пернатые, изъ теплаго чужого,
Опять въ свой теплый край родныя пѣсни пѣть;
И къ небу звукъ летитъ гармоніей чудесной,
И вѣтеръ шепчется порой съ листвой древесной...
Но пронеслась весна, весенній лучъ потухъ,
Весеннихъ пѣнье птицъ ужъ не ласкаетъ слухъ,
Отъ множества цвѣтовъ ужъ нѣтъ ни одного:
Сухія сѣмена остались отъ всего.

Викторъ Острогорскій.

ПРЕДЪ СИКСТИНСКОЙ МАДОННОЙ.

Страница изъ записной книжки.

Вамъ, конечно, извѣстно то̀ чувство, которое волнуетъ человѣка, когда онъ подъѣзжаетъ къ новому, огромному, незнакомому городу. Это чувство какое-то болѣзненное, щемящее, это нервное ожиданіе чего-то неизвѣданнаго, мучительно-загадочнаго... Я ощущалъ его, подъѣзжая къ Парижу, Лондону, Риму, Константинополю. Но еще мучительнѣе, еще больнѣе я ощутилъ его въ себѣ, когда подъѣзжалъ къ Дрездену. И, конечно, тутъ дѣло было не въ этомъ выглаженномъ и подкрахмаленномъ саксонскомъ городкѣ, а въ картинѣ Рафаэля, ради которой только и посѣщаютъ Дрезденъ.

Чѣмъ ближе подкатывался вагонъ къ городу, тѣмъ сильнѣе натягивались нервы. Еще какой-нибудь часъ, полтора—и я увижу Сикстинскую Мадонну,—предметъ паломничества и поклоненія всей Европы. Еще ученикомъ академіи я скупалъ по магазинамъ фотографіи и гравюры съ нея, и старался проникнуть въ ту глубину очарованія, которая всѣхъ такъ влекла къ себѣ. Пото́мъ жизнь какъ-то заслонила отъ меня и Рафаэля, и всѣхъ его Мадоннъ. Но вотъ недавно одинъ достоуважаемый профессоръ академіи, тихонько наклонившись ко мнѣ за ужиномъ у одного почтеннаго издателя, шепнулъ:

— Откровенно говоря, Сикстинская Мадонна написана прескверно въ техническомъ отношеніи. Или, можетъ быть, реставраторы все изгадили.

Сильнѣе всякихъ восторженныхъ восклицаній теперь влекло меня въ Дрезденъ это мнѣніе. Надо же составить собственное, твердое убѣжде-

ніе относительно этого чуда, и рѣшить—что̀ это такое: чудо, или печальное недоразумѣніе?

* *
*

Со мной въ купэ семья англичанъ: папаша, мамаша и дочка. Всѣ близоруки—всѣ въ очкахъ. Папаша—маленькій, рыженькій, въ фланелевомъ костюмѣ, съ шотландскимъ плэдомъ и новой дорожной сумочкой. Мамаша—феноменальнаго роста, сухая, съ зубами, напоминающими клавиши фортепіано. Дочка—рыженькая, вся въ веснушкахъ, безъ бровей. Ей, очевидно, показываютъ Европу. Не знаю, интересуется ли она Европой, но что Европа ею не интересуется—это несомнѣнно. Папаша читаетъ вслухъ „Путеводитель". Англичане въ вагонахъ не стѣсняются и ведутъ себя какъ дома. Они не знаютъ ни одного языка, и поэтому думаютъ, что никто не понимаетъ по англійски. Онъ читаетъ дочкѣ, которая вмѣсто того, чтобъ смотрѣть въ окно, выпучивъ глаза слушаетъ его,—читаетъ о томъ, какъ и гдѣ висѣла прежде Мадонна, засколько ее купили, куда ее вновь повѣсили,—и все это такимъ тономъ, точно онъ доказываетъ равенство треугольниковъ. Его монотонный, дробный голосъ звучитъ надъ самымъ ухомъ, точно дѣтскій подмоченный барабанъ, и заставляетъ нервы натягиваться все сильнѣе и сильнѣе.

Наконецъ, вотъ и городъ, и „трегеръ" и „кучеръ", и узкія, трогательно-выметенныя улицы, и разряженная толпа дамъ, и флаги, рѣющіе у всѣхъ домовъ. Спрашиваю у кучера о причинѣ торжества. Онъ съ самодовольнымъ видомъ несетъ какую-то околесную, изъ которой ясно только то, что чей-то день рожденія. Но мнѣ это все равно, и я его прошу только ѣхать скорѣе.

Когда подъѣзжаешь къ большому водопаду, издали слышишь его далекій гулъ. Когда подъѣзжаешь къ большой горѣ, заранѣе встрѣчаются холмы и пригорки. Такъ и здѣсь: по мѣрѣ приближенія къ Дрездену, чувствуешь Мадонну. Она все чаще встрѣчается на стѣнахъ, въ окнахъ магазиновъ, въ фотографіяхъ, на крышкахъ альбомовъ. Въ Дрезденѣ она смотритъ отовсюду—направо, налѣво, съ оконъ, витринъ, прилавковъ: то одна съ младенцемъ, то со всѣмъ антуражемъ; то одинъ ангелъ сидитъ, подпершись, и смотритъ въ небо; то лысая голова Сикста улыбается профилемъ вправо; то кокетливая Варвара опускаетъ игриво глазки.

* *
*

Подковы стучатъ объ асфальтъ. Старыя ворота, узкій переулокъ. Вотъ и площадь, и конная статуя, и музей, и театръ, и гостиница.

Наскоро моюсь, переодѣваюсь. На площадь прибываютъ войска. Зловѣщая мысль приходитъ мнѣ въ голову: а вдругъ, по случаю праздника, галлерея заперта? Звоню—никого. Выхожу въ коридоръ—хоть шаромъ покати по всей гостиницѣ. Опять звоню. Является кельнеръ нѣсколько изумленный.

— Галлерея открыта?

— О, да.

Это „о, да" говорится такимъ заспаннымъ тономъ, какъ-будто онъ хочетъ сказать: „что ей дѣлается"! Но сейчасъ же онъ оживляется и прибавляетъ:

— Не хотите ли, сударь, посмотрѣть парадъ? Вся гостиница смотритъ. Отъ насъ отлично видно.

Но я его благодарю, и торопливо доканчиваю туалетъ. Спускаюсь внизъ, на подъѣздѣ—толпа.

— Теперь никуда не пройдете, — говоритъ предупредительно швейцаръ.

— Мнѣ только въ Галлерею.

— Именно въ Галлерею и не пройдете. Чрезъ площадь нельзя пройти.

Но я рѣшаюсь. На счастье, крупный, частый дождикъ начинаетъ мочить и дамскія шляпки и мундиры. Первыя пугливо прячутся подъ зонтики и подъѣзды; послѣдніе, доказывая, что они оплотъ отечества, храбро маршируютъ подъ отчаянныя потуги трубачей. Я кое-какъ, кругомъ Оперы, пробираюсь среди перемоченной толпы, достигаю грядокъ съ гіацинтами, которыя, по мнѣнію нѣмцевъ, украшаютъ очень мило городскую площадь, протискиваюсь въ ворота музея, расталкиваю толпу у дверей и храбро втискиваюсь въ двери. Всего какихъ-нибудь четверть часа усилій—и я почти у цѣли.

Правда, я совершенно мокрый. Зонтикъ мой цѣплялся за чужіе зонтики, и мѣшалъ мнѣ пройти; поэтому я его закрылъ. Но не все ли равно: какое кому до меня и до моего платья дѣло? И я торопливо вздымаюсь по лѣстницѣ, отворяю двери, сую сторожу какія-то длинныя красненькія ленточки, купленныя внизу у швейцара, и спрашиваю у форменнаго саксонца, какъ пройти къ Мадоннѣ. Онъ показываетъ рукой: прямо въ конецъ и налѣво. Иду. Еще нѣсколько шаговъ, и я ее увижу! Вотъ и угловая комната. Вхожу.

* *
*

Предо мной—Гольбейновская Мадонна.

Я небольшой поклонникъ этого произведенія. Заказчикъ, бургомистръ Мейеръ, довольно смѣло подрядилъ художника написать на рукахъ Богоматери вмѣсто Іисуса маленькаго Мейера, что̀ Гольбейнъ и исполнилъ, получивъ за это должное число гульденовъ. И потому я почти бѣгомъ направился вонъ изъ этой залы, ища Рафаэля.

Наконецъ, почтенный старичокъ - смотритель даетъ мнѣ правильное направленіе. Но при этомъ прибавляетъ:

— Оставайтесь лучше въ этой залѣ. Тамъ много народа, отсюда виднѣе.

Я оглядываюсь, но Мадонны не вижу. О чемъ же говоритъ почтенный саксонецъ? Нѣтъ, придется идти въ самое святилище. Вхожу.

Справа, со стѣны, изъ аляповатой золотой рамы смотритъ воздушная фигура Мадонны. Голубовато-сѣрыя облака клубятся. Прямо предо мной – рядъ спинъ. Въ самомъ дѣлѣ—толпа. Толпа застывшая, затаившая дыханіе, толпа съ лорнетами и биноклями, толпа волнующаяся, восхищающаяся... Она смотритъ въ окна на солдатскій парадъ...

Между мною и Рафаэлемъ—никого. Сажусь на диванъ. Стараюсь сосредоточиться. Первое, что кидается въ глаза,—воспаленный, загадочный взоръ Христа. Эти приподнятыя вьющіяся кудри, сжатыя губы, дѣтская припухлость щекъ и какая-то не дѣтская мысль, проступающая изъ всего облика,—все это сливается въ странную фантастическую гармонію ..

— Ахъ, какъ онъ сидитъ на лошади! — раздается возлѣ самаго моего уха восклицаніе нѣмки въ митенькахъ и съ жиденькой косицей на затылкѣ. Очевидно, она поражена которымъ-нибудь изъ саксонскихъ предводителей.

* * *

Среди смотрящихъ и мои англичане. Папаша стоитъ на цыпочкахъ и, вытянувъ шею, насколько позволяютъ позвонки, глядитъ черезъ плечо нѣмки въ окно. Ему было бы гораздо удобнѣе сѣсть рядомъ со мной на диванъ и смотрѣть на Рафаэля. Но Рафаэль не медвѣдь — въ лѣсъ не уйдетъ, а парады у нѣмцевъ не каждый день.

— А!.. А!.. — доносится чрезъ окно какая-то команда и раздается веселый маршъ. Въ зрителяхъ оживленіе, всѣ волною прилипаютъ къ стекламъ.

Сосредоточиваюсь на Рафаэлѣ. О, я согласенъ съ профессоромъ, что въ техническомъ отношеніи и драпировки, и облака—все это написано слабо. Я увѣренъ, что торсъ ребенка переписанъ скверными реставраторами, потому что Рафаэль такъ писать не могъ. Дѣло не въ этомъ. Дѣло въ лицѣ Мадонны,—этомъ странномъ, больномъ лицѣ. Это лицо всечеловѣческое. Это не Форнарина, не итальянка, не нѣмка, не русская, не голландка. Это дѣвушка, пораженная чѣмъ-то необычайнымъ, что̀ она видѣла, но о чемъ она говорить не можетъ. Она точно оглушена громомъ, и съ трудомъ понимаетъ, что̀ происходитъ вокругъ нея.

Ту-ру-ту-ту! Ту-ру-ту-ту! ревутъ трубы на площади. Солдаты маршируютъ отчаянно. Они идутъ смѣло и гордо, точно на приступъ Парижа. Сердца зрителей бьются патріотическимъ боемъ. Англичанинъ досталъ красную записную книжку и пишетъ:

„22 апрѣля, въ 2 часа дня, видѣли парадъ на площади въ Дрезденѣ, по случаю дня рожденія...“

* * *

Однако надо сосредоточиться серьезно. Что Мадонна идетъ и движется на васъ, — это несомнѣнно. Глаза ея, и глаза младенца,—это главное, что притягиваетъ къ себѣ, притягиваетъ совершенно гипнотически. Тутъ дѣло не въ католическомъ образѣ и даже не въ сюжетѣ...

Трахъ, трахъ, трахъ! — неистово трещатъ литавры. Я даже съ дивана вскакиваю...

— Да скоро-ли они кончатъ, наконецъ!

Нижній ангелъ, что́ подперъ себѣ кулачкомъ подбородокъ, и правая рука Сикста, опять-таки помимо того, какъ они написаны, стоютъ иной цѣлой школы живописи. Все это было написано другими красками, все это выцвѣло, вылиняло. Зеленый цвѣтъ напоминаетъ какую-то подносную краску. Ну, и Богъ съ ней,– не надо на нее смотрѣть. Да и на стыдливую Варвару, которая такъ нравилась Жуковскому, тоже лучше не смотрѣть.

Шумъ, топотъ, бѣготня. Вваливается въ комнату цѣлый ураганъ туристовъ. Все это мокро, и все лѣзетъ въ окна. Между мною и Рафаэлемъ становится дама съ рукавами въ видѣ огромныхъ пузырей, и такимъ же бюстомъ. „Не зайти ли черезъ полчаса?“ думаю я, и тихонько выбираюсь изъ комнаты.

* * *

Черезъ полчаса заглядываю опять въ святилище. Трубы дудятъ немилосердно, — очевидно, парадъ кончается. Въ зрителяхъ оживленіе. Нѣтъ, надо подождать...

Хожу по галлереѣ, смотрю на удивительную „Саскію“ Рембрандта, и на „Егермейстера Филиппа IV“ Веласкеса, — на эти лучшіе два портрета въ мірѣ.

Трубы умолкаютъ, удаляются, замолкаютъ...

Иду къ Рафаэлю. Зрители насытились парадомъ, смотрятъ Мадонну. Толпа густѣйшая.

— По-моему, у нея тонки щиколодки, — говоритъ англичанинъ.

— Я такія разъ видѣлъ, — возражаетъ ему спутникъ.

* * *

И мои нервы слабнутъ, настроеніе улетучивается; золотая рама мѣшаетъ смотрѣть, я начинаю ощущать голодъ и ненавидѣть англичанъ. Я ненавижу швейцара, подающаго мнѣ пальто, и его помощницу; я съ ненавистью даю имъ полмарки, и иду мимо гіацинтовъ домой, рѣшивъ завтра съ ранняго утра быть въ музеѣ.

Такъ всегда разлетаются прахомъ человѣческія иллюзіи...

П. Гнѣдичъ.

LUX.

Когда посѣяно зерно
Добра и правды и свободы—
Придетъ пора: и дастъ оно
Благіе всходы.

Когда отъ дольней суеты
Стремится духъ въ обитель свѣта—
Влечетъ къ святынѣ красоты
Мечту поэта.

Когда сильнѣй порывы бурь,
Когда кругомъ бушуетъ вьюга—
Намъ грезятся: небесъ лазурь
И зелень юга.

Когда упасть готовы мы,
Какъ срѣзанный на нивѣ колосъ—
Намъ часто слышится изъ тьмы
Призывный голосъ.

И вновь — герои не рабы—
Мы поднимаемся изъ праха,
Для жизни новой, для борьбы,
Не зная страха

Пусть говорятъ: пророковъ нѣтъ,
И къ пониманью сердце глухо—
Надъ міромъ скорби и суетъ
Есть царство духа!

Есть царство правды и добра;
Надъ ложно-призрачной и блѣдной
Оно блеснетъ — придетъ пора—
Зарей побѣдной.

О. Чюмина.

А. Н. ПЛЕЩЕЕВЪ,

КАКЪ ПОЭТЪ И ПРОЗАИКЪ.

(ЧИТАНО АВТОРОМЪ ВЪ ОБЩЕСТВѢ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ).

22 ноября 1825 года, въ Костромѣ, у Николая Сергѣевича и Елены Александровны Плещеевыхъ родился сынъ Алексѣй, будущій поэтъ. 26 сентября 1893 года Алексѣй Николаевичъ скончался въ Парижѣ. Похоронили его почетно, при общихъ выраженіяхъ горячей симпатіи къ таланту Плещеева и къ его привлекательнымъ качествамъ, какъ литературнаго дѣятеля и человѣка, въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Я не буду приводить біографическихъ свѣдѣній о поэтѣ: они общеизвѣстны. На двадцать четвертомъ году жизни Плещеева настигла бѣда: онъ былъ обвиненъ, какъ участникъ въ тайномъ обществѣ петрашевцевъ, приговоренъ къ смертной казни и, взамѣнъ ея, сосланъ солдатомъ въ оренбургскій край. Съ воцареніемъ императора Александра II, Плещеевъ былъ возвращенъ въ Москву и литературная дѣятельность его возобновилась.

Первыя стихотворенія Плещеева были напечатаны въ 1843 и 1844 гг., когда поэту было лишь немного болѣе того возраста, за сочинительство въ которомъ В. Л. Пушкинъ предлагалъ извѣстныя педагогическія воздѣйствія. Это были переводы рюккертовскаго стихотворенія *Пѣсня странника* и *Ночныя думы*. Первое изъ нихъ коротко, и я приведу его;—такъ оно характерно для настроенія начинающаго юноши-поэта:

Тѣни горъ высокихъ
На воду легли;
Потянулись чайки
Бѣлыя вдали.
Тихо все... Томленьемъ
Дышитъ грудь моя...
Какъ теперь-бы крѣпко
Обнялъ друга я!
Весело выходитъ
Странникъ утромъ въ путь,
Но подъ вечеръ дома
Радъ-бы отдохнуть.

Вотъ что писалъ по поводу *Ночныхъ думъ* Плещеева Плетневъ къ Я. К. Гроту, 18 марта 1844 г.: „Видѣлъ ты въ *Современникѣ* стихи за подписью: А. П—въ? Я узналъ, что это нашъ студентъ еще 1-го курса, Плещеевъ. У него виденъ талантъ. Я его призывалъ къ себѣ и обласкалъ его. Онъ идетъ по восточному отдѣленію, живетъ съ матерью, у которой единственный сынъ, и въ университетъ перешелъ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, не чувствуя расположенія къ ратной жизни“ [1]). Шесть лѣтъ, тяжкихъ лѣтъ привелось Плещееву быть солдатомъ поневолѣ.

Стихотвореніе Плещеева обратило на себя вниманіе и Грота. Въ отвѣтномъ письмѣ Плетневу онъ говоритъ: „А я именно хотѣлъ спросить у тебя: кто П—въ, авторъ стиховъ въ *Современникѣ*“. Въ интересной перепискѣ Грота съ Плетневымъ мы находимъ и нѣкоторыя другія свѣдѣнія о Плещеевѣ. Такъ, Плетневъ пишетъ, что молодой поэтъ „зараженъ доктриною Краевскаго“: для него *Москвитянинъ* все равно, что *Маякъ*.

Изданныя въ Москвѣ, въ 1887 году, *Стихотворенія* Плещеева (помѣченныя почему-то 1846—1886 гг.) открываются свѣтлымъ юношескимъ гимномъ:

Впередъ! безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!

Въ былые годы его знала наизусть, декламировала и распѣвала вся учащаяся молодежь. Живою, радостною наивностью дышитъ это стихотвореніе, наивностью, которая должна была бы перейти въ бодрую и стойкую убѣжденность мужа. „Пусть намъ, писалъ Плещеевъ, звѣздою путеводной святая истина горитъ; и вѣрьте, голосъ благородный недаромъ въ мірѣ прозвучитъ!“

Характерны и эпиграфы, которые въ это время Плещеевъ бралъ для своихъ стихотвореній. То это слова Ламнэ, говорящаго, что дыханіе злого не вѣчно будетъ проноситься надъ землею, то горделивые стихи Барбье: поэтъ долженъ быть возвышеннымъ протестантомъ за право и гуманность. Есть и исключеніе. Въ стихотвореніи *Странникъ* и эпиграфъ (изъ Моро) безнадежный, и общій тонъ унылый. Поэтъ вспоминаетъ любимую

[1]) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, II, 213.

женщину. Она, бывало, говорила ему: день придетъ и близокъ онъ, когда ни горя, ни страданій не будетъ на землѣ. Но юноша-поэтъ увѣряетъ насъ, что онъ утратилъ упованья, что его душа утомлена безплодною борьбою. Онъ говоритъ:

Безсиліе мое гнететъ меня всечасно;
Ужъ холодъ въ сердце мнѣ, я чувствую, проникъ.

Нѣсколько встревоженный читатель успокаивается однако при дальнѣйшихъ стихахъ:

И я спѣшу къ тебѣ, спѣшу, мой другъ прекрасный,
Въ объятіяхъ твоихъ забыться хоть на мигъ!

Моменты печали не могутъ не быть, конечно, у всякаго искренняго лирическаго поэта, а для поэта съ міровоззрѣніемъ Плещеева, въ сороковые года, естественно, бывали и моменты унылой безнадежности. Но въ двадцать съ небольшимъ лѣтъ талантливому и здоровому человѣку долго унывать невозможно. „Послѣ грома, послѣ бури,—пишетъ самъ Плещеевъ,—

Послѣ тяжкихъ, мрачныхъ дней,
Прояснился сводъ лазури,
Сердцу стало веселѣй.

Еще одну черту долженъ отмѣтить въ первомъ періодѣ поэзіи Плещеева, до его ссылки: гуманный космополитизмъ. Въ одномъ изъ стихотвореній онъ говоритъ о неоцѣненномъ юношѣ, съ любящей и благородной душой, котораго упрекали за то, что онъ не любилъ родного края:

Онъ міръ считалъ своей отчизной
И человѣчество семьей!

И потомъ, долго спустя, мы встрѣчаемъ у Плещеева подобныя же мысли. Онъ пишетъ, напримѣръ:

Отчизну я люблю глубоко и желаю
Всей полнотой души цвѣсти и крѣпнуть ей,
Но къ племенамъ чужимъ вражды я не питаю:
Ей мѣста нѣтъ въ душѣ незлобивой моей.

И дѣйствительно, поэтъ горячо любилъ родину. Прочитайте хоть слѣдующія строки:

Поля изрытыя, колосья желтыхъ нивъ,
Просторъ степей, безмолвно величавый;
Весенною порой широкихъ рѣкъ разливъ,
Таинственно шумящія дубравы,
Святая тишина убогихъ деревень,
Гдѣ труженикъ, задавленный невзгодой,
Молился небесамъ, чтобъ новый, лучшій день
Надъ нимъ взошелъ—великій день свободы!

Плещеевъ такъ кончаетъ это стихотвореніе:

Отчизна! не плѣнишь ничѣмъ ты чуждый взоръ [1]..
Но ты мила красой своей суровой
Тому, кто самъ рвался на волю и просторъ,
Чей духъ носилъ гнетущія оковы...

Обратимся къ прозаическимъ сочиненіямъ Плещеева въ первый же періодъ его литературной дѣятельности. Они не отличаются глубиною содержанія, въ нихъ нѣтъ яркихъ, выпуклыхъ образовъ; но автору было тогда 24—26 лѣтъ, и написаны эти повѣсти и разсказы почти полвѣка тому назадъ. Въ нихъ видна и тонкая наблюдательность, и живой юморъ. Дѣло не обходится иногда безъ наивной добродѣтельной реторики, но не разъ появляется улыбка, когда авторъ приводитъ разговоръ дамъ, барышенъ и молодыхъ людей такъ-называемаго средняго круга. Хозяйка салона, напримѣръ, Софья Васильевна Жмурина, порхаетъ отъ гостя къ гостю.

— „А мы недавно восхищались вашимъ сочиненіемъ... мсье Фигаровичъ,—говоритъ она литератору.—Что̀ вы теперь пишете?"

— „Пишу повѣсть *Федотъ*, Софья Васильевна," —отвѣчаетъ литераторъ.

— „Какъ это должно быть интересно!" — И Софья Васильевна сдѣлала едва замѣтную гримасу".

Въ самомъ дѣлѣ, почему ей интересенъ въ особенности *Федотъ*?

Въ 1858 году издаются новыя стихотворенія Плещеева. Къ нимъ эпиграфъ на этотъ разъ изъ Гейне: поэтъ лишенъ былъ пѣсенъ, долгое время лишенъ; и вотъ, какъ внезапныя слезы, пѣсни вновь пришли. Дѣйствительно, новыя пѣсни часто похожи на слезы. Плещеевъ говоритъ:

Не вижу я вокругъ отраднаго разсвѣта;
Повсюду ночь да ночь, куда ни бросишь взоръ.
Исчезли безъ слѣда мои младыя лѣта,
Какъ въ зимнихъ небесахъ сверкнувшій метеоръ.
Какъ мало радостей они мнѣ подарили,
Какъ скоро свѣтлыя разсѣялись мечты!
Морозы ранніе безжалостно побили
Безпечной юности любимые цвѣты!

А между тѣмъ теперь Плещееву только 33 года, онъ долженъ былъ-бы быть въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта. Надломленная душа поэта не замѣчаетъ, что онъ не могъ-бы пѣть о горестномъ

[1]) Напоминаетъ „взоръ иноплеменный" у Тютчева.

торжествѣ ночи, еслибъ тогда не загоралась уже заря...

И много разъ повторяется у Плещеева печальный припѣвъ о безплодности борьбы, о томъ, что она оказалась непосильною. Но поэтъ жаждетъ вѣры и надежды.

О, Боже мой, возстанови
Мой падшій духъ, мой духъ унылый!
Я жажду вѣры и любви,
Для новыхъ битвъ я жажду силы.
Запуганъ мракомъ ночи я,
И въ немъ я ощупью блуждаю;
Ищу въ свѣтильникъ свой огня,
Но гдѣ обрѣсть его, не знаю.

Иногда поэтъ обвиняетъ себя самого:

Былое предо мной, какъ призракъ возстаетъ,
И тайный голосъ мнѣ твердитъ укоръ правдивый:
Чего убить не могъ суровой жизни гнетъ,
Зарылъ я въ землю самъ—зарылъ, какъ рабъ лѣнивый.

Мы не произнесемъ такого укора, мы не обвинимъ поэта въ томъ, что тяжелое испытаніе спугнуло его юношескія грезы, наложило печальный оттѣнокъ на его думы и чувства. Не безплодна была его борьба, и много тихой радости и возвышающихъ душу впечатлѣній даетъ читателю его элегическая поэзія, въ которой все блестятъ золотистыя мечты юноши, все звучатъ горячіе призывы къ свѣту и правдѣ. Онъ говоритъ, что не утратитъ вѣры,

Что озаритъ нашъ міръ любви и правды свѣтъ.
Пускай я здѣсь, какъ капля въ морѣ значу,
Но каждый честный бой оставить долженъ слѣдъ.

Въ стихотвореніи, посвященномъ И. С. Аксакову, *Двѣ дороги*, Плещеевъ призываетъ идти по тернистому пути, чтобы встрѣтить восходъ солнца правды надъ вселенной. Для мягкой, дѣйствительно незлобивой души западника-Плещеева характерно и это посвященіе стихотворенія славянофилу-Аксакову.

Родная природа, въ особенности благодатная весна сильно дѣйствовала на поэта:

Всѣ-то, всѣ тебя ждутъ, не дождутся, весна!
Жду и я наболѣвшей душою,
Чтобы лѣсъ зашумѣлъ, пробужденный отъ сна,
Разукрашенный яркой листвою.
Сколько разъ этотъ шумъ, какъ ему я внималъ,
На меня навѣвалъ примиренье:
Я сильнѣе любилъ, я полнѣе прощалъ,
Затихало въ груди озлобленье,
И какъ-будто шепталъ чей-то голосъ: сомкни
Здѣсь навѣки усталыя очи,
Хорошо умереть въ эти ясные дни
Въ эти теплыя, тихія ночи.

Нельзя не упомянуть, что Плещеевъ горячо любилъ дѣтей и любилъ писать для нихъ стихотворенія. Онъ въ сердечномъ умиленіи смотритъ на дѣтскія головки, слушаетъ звонкій дѣтскій смѣхъ, но въ глубинѣ его души, помимо воли,

Мучительный рождается вопросъ:
Ужель и вамъ не видѣть лучшей доли?
И вамъ идти путемъ безплодныхъ грезъ?

Дѣтскія стихотворенія Плещеева многимъ извѣстны и очень любимы. Кто не знаетъ *Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ* или *Былъ у Христа младенца садъ*?

Плещеевъ переводилъ изъ многихъ поэтовъ, въ особенности изъ Гейне (драматическая баллада Гейне *Вильямъ Ратклифъ* посвящена нашимъ поэтомъ Н. Г. Чернышевскому), и переводы его отличаются выдающимися достоинствами. Девять стихотвореній Шевченка, переданныхъ намъ Плещеевымъ, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ хорошо понималъ Алексѣй Николаевичъ знаменитаго украинскаго поэта, судьба котораго была еще горче судьбы самого Плещеева.

Въ Плещеевѣ совмѣщались многія изъ лучшихъ качествъ людей сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Широкое образованіе, гуманность, любовь къ родинѣ и къ природѣ привлекали къ нему и читателей, и людей, лично его знавшихъ. Какъ въ дни его юности Плетневъ и Гротъ, Плещеевъ тепло и участливо относился къ молодымъ поэтамъ. Высоко цѣня Некрасова, Добролюбова и другихъ выдающихся дѣятелей начала царствованія императора Александра II, Плещеевъ благоговѣлъ передъ Пушкинымъ и Бѣлинскимъ. Въ стихотвореніи, посвященномъ памяти Тургенева, поэтъ говоритъ, что творецъ *Дворянскаго гнѣзда* безконечно любилъ родной край,

Какъ тотъ,—другъ юности твоей,
Знаменоносецъ правды вѣчной
И мыслей сѣятель благихъ,
Кого такъ рано смерть сразила,
Но чья пророческая рѣчь
Ужъ славы лучъ тебѣ сулила
И съ кѣмъ желалъ ты рядомъ лечь.

Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній шестидесятыхъ годовъ Плещеевъ разсказываетъ, какъ мо-

лодежь окружила старика, взглядъ котораго согрѣтъ живою думой, который горячо отвѣчаетъ на вопросы, волнующіе молодежь:

Блаженъ, кто въ старческіе годы
Всю свѣжесть чувства сохранилъ,
Въ комъ испытанья и невзгоды
Не умертвили духа силъ,
Кто другъ не рабства, а свободы,
Въ комъ вѣра въ истину жива,
И кто безстрастно не взираетъ,
Какъ человѣчества права
Надменно сильный попираетъ.

Такимъ старцемъ былъ самъ Плещеевъ. Вѣчная, благодарная память!

Викторъ Гольцевъ.

* * *

(Съ нѣмецкаго).

Снѣгъ падаетъ, бѣлые хлопья несутся,
Летаютъ вокругъ...
И старая, давняя дѣтская греза
Мнѣ вспомнилась вдругъ.

Считая пушистые хлопья конями
Царицы зимы,
На этихъ снѣжинкахъ, бывало, далеко
Носилися мы.

Все выше и выше съ тобою, сестренка,
Несемся на нихъ,
И вотъ очутились мы въ сказочномъ царствѣ,
У звѣздъ золотыхъ.

Сверкаетъ въ брильянтахъ царица, — въ брильянтахъ
Вѣнецъ золотой...
— «Дозволь, о, прекрасная, здѣсь навсегда намъ
Остаться съ тобой!»

Но тихо покровъ серебристый царица
Бросаетъ на насъ
И шепчетъ: — «Усните, я сны золотые
Навѣю на васъ...»

Снѣгъ падаетъ, хлопья летаютъ, несутся,
Все бѣло кругомъ...
Насъ будятъ: — «Идите, зажгли уже елку,
И васъ только ждемъ!..»

М. Ватсонъ.

Bayerische Staatsbibliothek München

Н. Ѳ. Лоренцъ.

Степныя сумерки.

Фот. и тип. П. Бабкина. Спб.

ЖЕНСКІЕ КОНГРЕССЫ.

Конецъ XIX вѣка ознаменовался цѣлымъ рядомъ женскихъ конгрессовъ, международныхъ и мѣстныхъ [1]).

Эти съѣзды женщинъ, многочисленные и многолюдные, являются пышнымъ цвѣтомъ женскаго движенія, полнаго силы и энергіи, и обѣщаютъ въ будущемъ обильные плоды, въ видѣ глубокихъ, коренныхъ измѣненій общественнаго строя, обусловленныхъ признаніемъ равноправности мужчинъ и женщинъ.

Женское движеніе къ равноправности — одна изъ важнѣйшихъ составныхъ частей соціальнаго вопроса,—родилось и выросло въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Оно было вызвано стремленіемъ осуществить на землѣ идею справедливости, но главнымъ образомъ измѣненіемъ экономическихъ условій, которое принудило женщину выступить работницей на различныхъ поприщахъ труда. Поставленная въ необходимость добывать себѣ средства къ жизни самостоятельно, культурная женщина тотчасъ поняла всю горькую неудовлетворительность своего положенія, увидѣла, какъ ничтожны при этихъ условіяхъ ея шансы на успѣхъ въ жестокой борьбѣ за существованіе. Возникло женское движеніе, которое имѣетъ цѣлью завоевать для женщины признаніе ея полноправнымъ членомъ государства: женщина должна быть сравнена съ мужчиной въ гражданскихъ и политическихъ правахъ, ей должны быть открыты всѣ ступени образованія, отъ низшихъ до высшихъ; въ экономическомъ отношеніи она тоже должна быть сравнена съ мужчиной, т. е. получать за одинаковый трудъ одинаковое съ мужчиной вознагражденіе.

На послѣднемъ международномъ женскомъ конгрессѣ въ Берлинѣ, въ сентябрѣ 1896 года, собралось около 2000 женщинъ, и были подведены итоги тому, что̀ представляетъ собою въ данный моментъ женское движеніе въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, въ какихъ отрасляхъ труда и знанія положеніе женщины упрочено и она играетъ видную и благотворную роль.

Вотъ эти итоги вкратцѣ.

Во всемъ мірѣ однѣ только американки добились свободы, самостоятельности и доступа къ высшему образованію. Въ Соединенныхъ Штатахъ женщина наслаждается своей полной равноправностью съ мужчиной; университетское образованіе доступно ей, всѣ занятія и должности открыты для нея: американки даже просвѣщеннѣе и образованнѣе американцевъ, а разнообразная кипучая дѣятельность ихъ на всѣхъ поприщахъ общественной жизни можетъ только удивлять и восхищать европейскихъ женщинъ, какъ далекій идеалъ. Въ Старомъ Свѣтѣ Англія ближе всего къ младшей сестрѣ своей; недавно баллотировался и прошелъ въ парламентѣ билль о дарованіи женщинамъ правъ политическихъ; гражданскія онѣ уже имѣютъ. Швеція, Норвегія, Данія и Франція тоже далеко ушли по пути преобразованія къ лучшему положенія женщины. Въ Италіи университеты открыты для женщинъ, но общій уровень женской культурности еще очень низокъ; Германія сильно отстала отъ передовыхъ странъ, и только за послѣдніе годы женское движеніе пошло здѣсь быстрыми шагами и охватываетъ все большее и большее число женщинъ. Въ Испаніи, Португаліи, Россіи женское движеніе находится въ примитивномъ состояніи.

Объ энергіи, глубинѣ и ширинѣ женскаго движенія въ той или другой странѣ мы можемъ безошибочно судить по числу существующихъ тамъ женскихъ обществъ, изъ которыхъ одни ставятъ себѣ задачей преобразовать систему женскаго образованія, открыть женщинамъ двери университетовъ, другія занимаются агитаціей въ пользу политическихъ правъ женщинъ, третьи посвящены борьбѣ за экономическое равенство женщинъ-работницъ, борьбѣ съ алкоголизмомъ, охранѣ дѣтства, устройству здоровыхъ жилищъ для рабочихъ, нравственныхъ и полезныхъ развлеченій для рабочихъ, преобразованію женскаго костюма сообразно требованіямъ гигіены и здраваго смысла, и т. д., и т. д. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ частная

[1]) Парижъ — 1889 г., Чикаго—1893 г., Парижъ—апрѣль 1896, Женева — сентябрь 1896, Берлинъ—сентябрь 1896, Брюссель—сентябрь 1897 г. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ предстоитъ еще одинъ международный конгрессъ: въ Лондонѣ—въ 1898 году.

иниціатива широко развита, гдѣ при учрежденіи обществъ не требуется никакихъ стѣснительныхъ формальностей, тамъ число женскихъ ассоціацій очень велико, а дѣятельность ихъ краснорѣчиво и громко говоритъ въ пользу женской работы

Центръ тяжести женскаго вопроса лежитъ въ стремленіи къ равноправности мужчинъ и женщинъ передъ закономъ.

Въ Старомъ Свѣтѣ нѣтъ страны, гдѣ женщина была бы равноправна мужчинѣ по гражданскимъ законамъ. Особенно зависимымъ является положеніе женщины по наполеоновскому кодексу (Франція, Бельгія). Замужняя женщина принадлежитъ мужу всецѣло, она не имѣетъ правъ на собственный свой заработокъ или приданое, мужъ распоряжается ими безконтрольно; женщина нигдѣ не имѣетъ голоса, не можетъ быть свидѣтелемъ при нотаріальныхъ и гражданскихъ актахъ; опекуншей она можетъ быть лишь у собственныхъ дѣтей, да и то подъ надзоромъ семейнаго совѣта. Законодательства Австріи, Германіи, Швеціи тоже подчиняютъ женщину мужчинѣ. Напр., безъ согласія мужа женщина не можетъ быть опекуншей; безъ согласія второго мужа она не имѣетъ права распоряжаться судьбой дѣтей своихъ отъ перваго брака; при вступленіи въ бракъ обязательно согласіе отца или опекуна, а не матери. Въ Англіи и Россіи стѣснительны для женщины законы о наслѣдствѣ.

Вопіющая несправедливость существующихъ законовъ заключается въ томъ, что, не признавая женщину полноправнымъ членомъ государства, они подвергаютъ ее одинаковой съ мужчинами уголовной отвѣтственности.

„Есть надежда, что мы скоро дождемся лучшихъ временъ,—сказала одна изъ докладчицъ на Берлинскомъ конгрессѣ, говоря о правахъ женщины: — ибо здравый смыслъ, общественное мнѣніе и свѣтила юридической науки высказались за женщинъ и признали всю жестокость и нелогичность существующихъ законовъ“.

Сильнѣе, чѣмъ гражданской и политической правоспособности, женщины добиваются образованія. Оно даетъ обладателю его самостоятельность экономическую и открываетъ широкіе пути въ жизни. По части образованія женщина повсюду является обдѣленной. Между тѣмъ женщинѣ не менѣе, чѣмъ мужчинѣ, нужно образованіе какъ общее, такъ и спеціальное.

Женщинѣ необходимо образованіе, какъ матери-воспитательницѣ: отсутствіе знанія и ограниченность умственнаго кругозора не позволяютъ ей удовлетворительно выполнить эти двѣ коренныя женскія обязанности. Женщинѣ необходимо образованіе, чтобы имѣть возможность прожить самостоятельно въ случаѣ безбрачія или ранняго вдовства. Женщинѣ необходимо образованіе потому, что съ человѣческимъ достоинствомъ несовмѣстно быть вѣчнымъ паразитомъ, живущимъ то на счетъ мужа, то на счетъ отца, то требуя поддержки брата или какого-бы то ни было мужчины. Честное самостоятельное существованіе возможно только при образованіи научномъ, ремесленномъ или художественномъ. И вотъ мы видимъ на Западѣ неудержимое, настойчивое, энергичное стремленіе женщины къ образованію всякаго рода и вида. На низшихъ ступеняхъ умѣнія и знанія конкурренція слишкомъ велика. Наиболѣе одаренныя умственно женщины пробиваютъ себѣ дорогу въ высшія сферы знанія, онѣ ищутъ университетскаго образованія. Не легко было проникнуть въ храмы науки, и не вездѣ еще открыты они для женщинъ. Въ настоящее время для женщинъ открыты университеты въ Швейцаріи, Франціи, Италіи, Даніи, Голландіи, Швеціи; въ Германіи и Австріи для поступленія въ университетъ требуется аттестатъ зрѣлости, что является весьма серьезнымъ препятствіемъ, ибо классическаго образованія для дѣвочекъ тамъ не существуетъ. Оно только возникаетъ пока на частныя средства.

Огромное большинство женщинъ-студентокъ избираетъ медицинскій факультетъ. Занятія въ препаровочной и всѣ трудности далеко не эстетичной врачебной карьеры нисколько не страшатъ даже самыхъ юныхъ. Такой выборъ карьеры краснорѣчиво говоритъ о томъ, что женщина очень практична и что ей навязана извнѣ роль слабаго неземного созданія, между тѣмъ, какъ она обладаетъ вкусами далеко не утонченными и большою физической выносливостью.

Наконецъ еще крупною несправедливостью по отношенію къ женщинѣ является ея экономическое неравенство съ мужчиной: во всѣхъ профессіяхъ женскій трудъ оцѣнивается ниже мужскаго и вездѣ женщинѣ отведены худшія мѣста. Особенно-тягостно положеніе женщинъ-работницъ на фабрикахъ, заводахъ и въ мастерскихъ: имъ приходится работать въ антигигіеническихъ условіяхъ, трудиться, не взирая на болѣзненное состояніе

и притомъ за равную съ мужской работу получать плату вдвое меньшую.

Съ этимъ ненормальнымъ порядкомъ вещей ведутъ борьбу многочисленныя женскія общества, существующія во всѣхъ государствахъ Западной Европы. Члены этихъ обществъ изучаютъ условія жизни женщинъ-работницъ и агитируютъ въ пользу увеличенія заработной платы и улучшенія обстановки мастерскихъ. Съ своей стороны, женщины-работницы сознаютъ, что въ единеніи—сила, и собираются въ союзы, которые представляютъ настолько крупную общественную силу, что съ ней приходится считаться серьезно. Нѣкоторые изъ этихъ рабочихъ союзовъ считаютъ своихъ членовъ десятками тысячъ, имѣютъ кассы ссудосберегательныя и взаимопомощи, клубы, библіотеки и собственныя газеты. Самымъ грандіознымъ изъ женскихъ рабочихъ союзовъ является *The Women Trade-Union League* въ Англіи; число членовъ его достигаетъ 100 тысячъ.

Но не въ одномъ только стремленіи къ равноправности съ мужчиной заключается женское движеніе. Оно обнимаетъ и всю общественную дѣятельность культурныхъ женщинъ на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ,—дѣятельность, всегда направленную къ всеобщему благу и воодушевленную идеями гуманности и справедливости. Алкоголизмъ одинъ страшнѣйшихъ бичей человѣчества; онъ ведетъ къ вырожденію, къ убожеству умственному, нравственному и матеріальному, онъ порождаетъ всѣ бѣдствія и горести семейной жизни и способствуетъ ея разрушенію. Многочисленныя общества трезвости обязаны своимъ существованіемъ женщинамъ, которыя составляютъ большинство членовъ, большинство убѣжденное и настойчивое. Лига мира и пропаганда всеобщаго разоруженія обязаны успѣхами своими женщинамъ. Женщина по природѣ своей ярая противница войнъ.

„Мы, женщины, можетъ быть, и хотимъ быть представительницами идеи мира, какъ въ воспитаніи, такъ и въ общественной жизни. Не сословная и племенная вражда, не религіозная и политическая нетерпимость могутъ дать человѣчеству счастье и процвѣтаніе: одна только справедливость и любовь къ ближнему сдѣлаютъ его обладателемъ этихъ благъ. Женщины должны проповѣдывать смѣло всѣмъ и всегда миръ—миръ внутри отечества и миръ внѣшній, съ сосѣдями". Этими словами закончила одну изъ своихъ рѣчей предсѣдательница берлинскаго конгресса, Лина Моргенштернъ, и выразила ими, какъ нельзя лучше, суть и направленіе женской агитаціи противъ милитаризма.

Дѣятельность педагогическая и благотворительная издавна привлекаетъ къ себѣ громадное количество женщинъ. Роль и вліяніе женщинъ-педагоговъ, особенно въ дѣлѣ народнаго образованія, очень велики и благотворны. Во всѣхъ странахъ народныя учительницы являются связующимъ звеномъ между сословіями враждебными другъ другу, онѣ способствуютъ смягченію нравовъ и преданно служатъ дѣлу гуманности и прогресса.

Резюмируя все вышесказанное, мы видимъ, что цѣль женскаго движенія лежитъ въ томъ, чтобы создать человѣчеству лучшую будущность; для этого надо поднять нравственно и умственно женскую половину его, освободивъ ее отъ гнета несправедливости, предразсудковъ, невѣжества, отсталости и зависимости: для мужчинъ и женщинъ должны существовать одинъ законъ, одно право, одна мораль.

Какъ всякое серьезное явленіе, идущее въ разрѣзъ съ рутиной, женское движеніе имѣетъ очень много ярыхъ противниковъ. Кто же къ нимъ принадлежитъ? Мужчины? Нѣтъ, не одни мужчины; просвѣщенные и передовые изъ нихъ, за рѣдкими исключеніями, сторонники и друзья новыхъ женщинъ. Къ самымъ ярымъ врагамъ женскаго движенія, женскихъ успѣховъ въ дѣлѣ завоеванія—это женщины, ограниченныя, невѣжественныя и безтактныя женщины, которыя осуждаютъ, даже осмѣиваютъ въ сестрахъ своихъ стремленіе къ знанію и самостоятельности, которымъ кажется, что міръ рушится и родъ человѣческій прекратится, какъ только женщина перестанетъ быть вѣчно-несовершеннолѣтней, сдѣлается полноправнымъ членомъ своей страны и пойдетъ впередъ, не опираясь безпомощно на мужчину, но бодро, рядомъ съ нимъ, какъ равная съ равнымъ.

Е. Чебышева-Дмитріева

НЕ ПРОСТИТЪ...

Разсказъ.

Квартира представляла рядъ маленькихъ тѣсныхъ комнатъ, похожихъ на клѣтки для звѣрей. Всѣ онѣ выходили окнами на второй дворъ, не отличавшійся чрезмѣрной чистотой; въ каждую шла дверь изъ узкаго темнаго корридора, каждая была обставлена настолько, насколько это было необходимо для того, чтобы существовать. Въ комнатѣ полагалась кровать, столъ, два стула; на стѣнѣ вѣшалка для платья. Въ двухъ стояли коммоды, за что взыскивалось рубля на два дороже.

Одна комната была исключеніемъ. Она помѣщалась при самомъ входѣ направо, тогда какъ всѣ остальныя шли налѣво, и эта окнами выходила въ первый дворъ, и было въ ней не одно, а два окна; на нихъ висѣли бѣлыя прозрачныя занавѣски, и подоконники содержались въ примѣрной чистотѣ. Въ комнатѣ были тѣ же предметы, что и въ другихъ; но можно было замѣтить и значительную разницу. Кровать была отдѣлена ширмой, столъ былъ отполированъ, передъ столомъ помѣщался диванъ, правда, далеко не первой свѣжести, но все-же такой, на которомъ можно было сидѣть. Былъ еще маленькій круглый столикъ, что-то въ родѣ кресла, а въ углу стояло приспособленіе для туалета, съ зеркаломъ и съ какими-то флакончиками. Что особенно поражало въ этой комнатѣ, такъ это необыкновенная порядочность общаго вида: все всегда было на мѣстѣ, во всемъ видѣлась чистота, щепетильная опрятность,—словомъ, сразу можно было догадаться, что здѣсь обитаетъ женщина.

Студентъ Чигринскій всякій разъ, когда входилъ въ эту комнату, умилялся, сравнивая ее со своей. Его комната помѣщалась въ ряду тѣхъ, которыя выходили окнами во второй дворъ. Она была самая миніатюрная изъ всѣхъ. Въ ней даже нельзя было поставить двухъ стульевъ, а стоялъ только одинъ. Но что больше всего отличало ее отъ этой, такъ это то обстоятельство, что у него во всякое время все было вверхъ дномъ. Какъ-то ужъ такъ выходило, что не было никакой возможности установить порядокъ въ его комнатѣ. Хозяйка каждое утро прибирала въ ней, но черезъ какія-нибудь пять минутъ послѣ ея ухода вещи точно сами собой перемѣняли мѣста и все принимало такой видъ, какъ-будто уже съ недѣлю хозяйская рука не прикасалась къ нимъ. Можетъ быть, это было свойство самого обитателя этой комнаты, переходившее на вещи. Но фактъ тотъ, что комната Чигринскаго на посторонняго наблюдателя производила впечатлѣніе какой-то заброшенной кладовки, куда сложили разный хламъ.

Если бы такой наблюдатель заглянулъ въ комнату въ то время, когда въ ней сидѣлъ за столомъ или лежалъ на кровати во весь свой длинный ростъ Чигринскій, то онъ и его причислилъ бы къ хламу: до того страненъ былъ внѣшній видъ этого человѣка.

Въ восемь часовъ вечера Чигринскій сидѣлъ на диванѣ, въ комнатѣ, окна которой выходили въ первый дворъ. Онъ усиленно кусалъ нижнюю губу, отъ времени до времени вытаскивалъ откуда-то, точно изъ глубины шеи, клочья волосъ, составлявшихъ его бороду, теребилъ ихъ въ разныя стороны, запихивалъ себѣ въ ротъ и вообще обнаруживалъ всѣ признаки безпокойства. Онъ молчалъ; молчала также и хозяйка комнаты, Марья Петровна Лопатина. Она была не въ духѣ, испытывала нервную дрожь и постоянно куталась въ пледъ.

— Я не понимаю,—говорила она,—зачѣмъ вы здѣсь торчите? Еслибъ вы могли хоть слово интересное сказать, а то вѣдь вы молчите такъ же, какъ и я. Господи, какая тоска!

Чигринскій смотрѣлъ на нее съ отчаяніемъ. Съ нимъ это всегда случалось, что именно тогда, когда нужно быть умнымъ, онъ оказывался дуракомъ. Человѣкъ онъ былъ вовсе не глупый и при случаѣ могъ говорить интересно и даже остроумно. Но вотъ именно теперь, когда онъ много далъ бы за то, чтобъ Марья Петровна улыбнулась, въ головѣ его не оказывалось ни одной сколько-нибудь сносной мысли.

— Да вѣдь вы же всегда говорите, что я ни-

куда не гожусь!—мрачно промолвилъ Чигринскій.— Это только лишнее доказательство.

— Ахъ, это меня очень мало утѣшаетъ!

Чигринскій казался несчастнымъ. Лопатина вообще не особенно жаловала его своей любезностью, но иногда ему казалось,—именно въ такіе моменты, когда у него въ головѣ оказывались мысли и онъ становился занимательнымъ,—иногда ему казалось, что она слушаетъ его со вниманіемъ и даже начинаетъ относиться съ симпатіей. Но это случалось рѣдко; большею частью ей бывало съ нимъ скучно, и она искала другого общества.

А между тѣмъ, Чигринскій съ каждымъ мѣсяцемъ замѣчалъ, что Лопатина все больше и больше привлекаетъ его къ себѣ. Она появилась на его горизонтѣ съ годъ тому назадъ. Въ первое время она показалась ему очень странной. Чрезвычайно живая, нервная, она поражала своими неожиданностями, нерѣдко казавшимися неловкими и безтактными. На нее иногда находило такое настроеніе, что она вдругъ начинала говорить всѣмъ то, что думала о нихъ. Выходило рѣзко и никому не нравилось. Наружность ея не представляла ничего выдающагося. У нея было маленькое лицо съ мелкими чертами; маленькіе глазки отличались живостью и перемѣнчивостью выраженія, но въ общемъ въ этомъ лицѣ было что-то необыкновенно привлекательное, что-то задорное, интригующее. Вотъ на эту-то удочку и попался Чигринскій. Именно глаза ея заинтриговали его, а затѣмъ она начала интересовать его все больше и больше.

— Слушайте,—сказала Лопатина, — я думаю, лучше будетъ, если вы уйдете къ себѣ.

— Что жъ, если я вамъ такъ надоѣлъ...

— Ахъ, нѣтъ, не то... но мы съ вами оба представляемъ двѣ такія мрачныя фигуры, что лучше намъ провести вечеръ врозь...

— Я уйду!—промолвилъ Чигринскій,—но вѣдь вы знаете, какъ мнѣ будетъ грустно... Вѣдь вы знаете...

— Ахъ, знаю, знаю, знаю!—нервно заговорила Лопатина:—такъ вѣдь это же ничего не помогаетъ. Вы влюблены въ меня, да? Ну, это глупо!

— Почему же глупо?—спросилъ Чигринскій.

— Да такъ, просто глупо, да и только! Вообще глупо быть влюбленнымъ. Это дѣтское занятіе...

Чигринскій всталъ и изобразилъ желаніе уйти. Въ это время въ передней раздался сильный звонокъ, потомъ по корридору зашлепала туфлями хозяйка, которая почему-то всегда была не одѣта и всю жизнь носила какіе-то ночные костюмы. Можетъ быть, это происходило отъ того, что она ютилась въ темной дырѣ, гдѣ можно было поставить только кровать, а всѣ остальные углы отдавала жильцамъ. Еще минута, загрохоталъ болтъ у двери, и затѣмъ въ комнату протянулась рука, подававшая письмо.

Лопатина оживилась, вскочила съ мѣста, схватила письмо и съ радостнымъ крикомъ открыла его.

— Вотъ кстати!—уже совсѣмъ, совсѣмъ другимъ голосомъ воскликнула она.—Оказывается, что сегодня вечеринка... Ужъ я не знаю какая! Вотъ тутъ написано на билетѣ...

— Вамъ прислали билетъ? — спросилъ Чигринскій.

— Да, вотъ посмотрите.

— Кто же это?

Онъ спросилъ это съ какимъ то новымъ оттѣнкомъ въ голосѣ; кажется, онъ ревновалъ Лопатину къ тому, кто прислалъ ей билетъ.

— Право, не знаю! — промолвила Марья Петровна, но при этомъ взглянула на него искоса и заставила усумниться въ томъ, что говоритъ правду.

— Значитъ, вы идете?

— Гм!.. Съ кѣмъ же я пойду?

— Да, это вопросъ!—промолвилъ Чигринскій и отвернулся.

Можетъ быть, онъ боялся именно тѣхъ словъ, которыя были тотчасъ же вслѣдъ за этимъ произнесены.

— Послушайте, вы должны идти!

— Я?—и онъ усмѣхнулся почти саркастически, причемъ этотъ сарказмъ, конечно, относился къ нему самому.

— Конечно, вы... Что жъ тутъ удивительнаго? Вы всегда говорите о вашихъ чувствахъ, а не хотите проводить меня на вечеръ.

— Да видите ли, Марья Петровна, чувства, это одно...

— А одолженіе другое?

— Ахъ, нѣтъ же, нѣтъ, вы меня не такъ понимаете, но...

Онъ замялся. Рѣшительно ему трудно было объясниться. Но Марья Петровна требовала, чтобы онъ, во что бы то ни стало, шелъ съ нею. Тогда Чигринскій почувствовалъ рѣшимость на прямикъ сказать ей, въ чемъ дѣло.

— Слушайте, Марья Петровна, неужели вы думаете, что я могу проводить васъ?

— Почему же нѣтъ?

— Да вы взгляните на меня.

— Ну-те, я гляжу.

— Да вы присмотритесь хорошенько.

Марья Петровна подошла къ столу и взяла даже свѣчку и съ слегка комическимъ видомъ начала тщательно осматривать его. Вдругъ она разсмѣялась.

— Однако... Въ самомъ дѣлѣ! Но какъ это удивительно: я васъ знаю столько времени и никогда этого не замѣчала. Да, это невозможно!

— Вы не замѣчали оттого,—съ видимымъ смущеніемъ говорилъ Чигринскій,—что вамъ это еще ни разу не понадобилось. Какое же вамъ могло быть дѣло до моего костюма?

Да, только теперь Марья Петровна разглядѣла, во что былъ одѣтъ Чигринскій... Она знала, что онъ былъ очень бѣденъ, жилъ скудными уроками, но не подозрѣвала, что бѣдность его доходитъ до такой степени. Сюртукъ у него былъ до того потертъ и изношенъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ блестѣлъ, какъ хорошо вычищенный сапогъ. Подкладка изсѣклась и кое-гдѣ концы ея, въ видѣ черныхъ нитокъ и тряпицъ, выглядывали изъ рукавовъ и изъ-подъ полы; крахмальная манишка, воротничекъ, манжеты—все это отстояло отъ стирки, по крайней мѣрѣ, недѣли на двѣ. Но самое ужасное, это были его узенькія, совершенно обтягивавшія ему ноги брюки, слишкомъ длинныя, внизу истертыя, оканчивавшіяся какой-то бахромой страннаго вида.

Съ глубокимъ смущеніемъ стоялъ передъ нею Чигринскій и мечталъ о томъ, чтобы ему какъ-нибудь провалиться сквозь землю.

— Да, да, въ такомъ видѣ нельзя, конечно!—говорила Лопатина.—Но послушайте, я хочу пойти на вечеръ! Вы должны проводить меня.

— Марья Петровна,—отвѣчалъ Чигринскій,—вѣдь вы же знаете, какъ я хотѣлъ бы этого, вы знаете мои чувства...

— Ахъ, Господи! Зачѣмъ тутъ чувства! Тутъ надо сюртукъ и рубашку, а вы говорите о чувствахъ... Чтобъ пойти на вечеръ, вовсе не надо никакихъ чувствъ.

— Но что мнѣ дѣлать! Что жъ я могу подѣлать?—восклицалъ Чигринскій.

— Почемъ же я знаю? Не могу же я доставать вамъ сюртукъ! Согласитесь сами, что это невозможно.

Чигринскій началъ задумчиво и нервно ходить по комнатѣ. Лопатина усѣлась за столъ, подперла голову руками и видимо испытывала страшную досаду. Его шаги раздражали ее, и она, сидя къ нему спиной и не подымая головы, нервнымъ голосомъ промолвила:

— Слушайте, если вамъ такъ ужъ очень хочется ходить, то вы можете дѣлать это въ своей комнатѣ.

Чигринскій остановился, скорбно посмотрѣлъ на нее, потомъ направился къ двери и вышелъ. Онъ прошелъ по темному корридору, въ которомъ горѣла прибитая къ стѣнѣ маленькая лампочка, дававшая однако очень много копоти и мало свѣта. Онъ вошелъ въ свою комнату и зажегъ свѣчу. Здѣсь было очень трудно шагать, но все-таки онъ не могъ обойтись безъ этого. Онъ не могъ сидѣть или лежать на мѣстѣ, и его прогулка походила на какіе-то безумные прыжки: сдѣлавъ три шага въ одномъ направленіи, онъ долженъ былъ возвращаться.

„Странное существо женщина! — философски размышлялъ Чигринскій, — до какой степени она зависитъ отъ каприза, отъ случайности... Не будь этого билета, вѣдь она спокойно просидѣла бы весь вечеръ дома!“ Но затѣмъ онъ представлялъ себѣ Лопатину сидящею за столомъ въ той позѣ, въ которой онъ ее оставилъ; воображалъ, какое она переживаетъ негодованіе по отношенію къ нему, и ему казалось невозможнымъ оставлять дѣло въ такомъ положеніи. Онъ очень дорожилъ ея расположеніемъ. „Послѣ этого она меня совсѣмъ возненавидитъ!“ — съ отчаяніемъ думалъ Чигринскій.

Рядомъ, сквозь наглухо запертую дверь, слышалось легкое похрапываніе. Сосѣднюю комнату занималъ студентъ-техникъ, хохолъ, по фамиліи Булыга. Онъ уже дня два не выходилъ изъ комнаты. Булыга былъ очень мнителенъ и вѣчно воображалъ себя опасно-больнымъ; на этотъ разъ онъ схватилъ легкую простуду и, по обыкновенію, велъ себя такъ, какъ-будто ему предстояла вѣрная смерть.

У Чигринскаго вдругъ мелькнула мысль попросить у него одежду. Онъ постучался въ дверь.

— А что вамъ?—болѣзненнымъ голосомъ отозвался Булыга.

— Можно къ вамъ зайти на минутку?—спросилъ Чигринскій.

— Зайдите.

— Чигринскій быстро перебѣжалъ изъ своей

комнаты въ сосѣднюю. Булыга лежалъ на кровати, натянувъ на себя одѣяло до подбородка. На стулѣ, стоявшемъ у изголовья, были какіе-то лѣкарственные пузырьки съ рецептами и горящая свѣчка.

— Какъ ваше здоровье?—спросилъ Чигринскій больше для того, чтобы какъ-нибудь обнаружить участіе и этимъ расположить Булыгу въ свою пользу.

— Скверно! — отвѣтилъ Булыга. — Кашляю. Должно быть, туберкулы...

— Слушайте, не можете ли вы мнѣ сдѣлать одолженіе?

Булыга уже послѣ этихъ словъ посмотрѣлъ на него испуганными глазами. Дѣло въ томъ, что онъ былъ сравнительно съ другими порядочно обезпеченъ. Онъ правильно получалъ изъ дому деньги и могъ бы жить въ гораздо лучшей квартирѣ, но изъ экономіи поселился здѣсь. Чигринскій, положимъ, не любилъ брать взаймы, потому что не разсчитывалъ на исправную отдачу; но Булыгѣ было хорошо извѣстно, что у сосѣда никогда денегъ не бываетъ, поэтому онъ тотчасъ же заподозрѣлъ, что у него хотятъ просить денегъ.

— Охъ, знаете, я просто не знаю, что дѣлать— сказалъ Булыга, желая напередъ отвадить сосѣда отъ просьбы.—Вотъ уже недѣля прошла, какъ долженъ получить изъ деревни, а ничего не шлютъ...

— Пришлютъ! — успокоительно замѣтилъ Чигринскій,—вамъ вѣдь всегда присылаютъ. Скажите, Булыга, вѣдь вы сегодня никуда не идете?

— Куда же я могу выйти? Развѣ что-нибудь экстренное?

— Ну, что-же можетъ быть теперь экстренное, вечеромъ? Такъ, значитъ, вы никуда не ѣдете?

— Да что вамъ за дѣло до этого, ѣду я или нѣтъ?

— Да ужъ, значитъ, есть дѣло, коли спрашиваю. Тутъ, видите ли, такое обстоятельство... Мнѣ надо пойти сегодня въ одно мѣсто... приличное... А костюмъ мой, сами видите, каковъ.

— Такъ вы хотите въ мой одѣться?

— Да, если вы позволите.

— Ну, знаете, я этого никогда не дѣлаю. Во-первыхъ, вы длинный, а я короткій.

— Да это ничего... Тутъ главное, чтобы тамъ, гдѣ полагается сюртукъ, былъ сюртукъ, а ужъ какой,—это неважно...

— Нѣтъ ужъ, оставьте пожалуйста! Терпѣть не могу, когда мои вещи кто-нибудь носитъ.

— Такъ не дадите?

— Нѣтъ.

Чигринскій ушелъ къ себѣ. Минутъ черезъ десять послѣ этого въ дверь его постучались, и затѣмъ раздался голосъ Марьи Петровны.

— Слушайте, Чигринскій, идите сюда.

Чигринскій побѣжалъ въ ея комнату.

— Мнѣ страшно хочется поѣхать, я должна пойти сегодня! Я бы сама пошла, но это ужасно далеко, я боюсь...

— Можетъ быть, я проводилъ бы васъ, а оттуда вы какъ-нибудь сами, что ли...

— Нѣтъ, какъ же! А вдругъ я тамъ не встрѣчу знакомыхъ... Нѣтъ, вы ужъ лучше достаньте какъ-нибудь себѣ.

— Я просилъ Булыгу, онъ не даетъ.

— Ахъ, Булыга! Постойте-ка, я у него попрошу...

— Не дастъ!..

— А, можетъ быть, и дастъ...

Марья Петровна въ этомъ случаѣ припомнила, что Булыга тоже не совсѣмъ былъ равнодушенъ къ ея глазкамъ. Она отправилась къ его двери и постучала.

— Ахъ, ты, Господи! Да вѣдь я же сказалъ, что не могу! — крайне недовольнымъ голосомъ отозвался Булыга, повидимому совершенно увѣренный, что это Чигринскій возобновляетъ свои домогательства.

— Послушайте, Булыга, это я! — промолвила Марья Петровна.

— Ахъ, вы? то-есть... Это вы? — воскликнулъ Булыга и, несмотря на то, что дверь была закрыта, изъ вѣжливости всталъ съ кровати.

— Ну, да, я! къ вамъ можно?

— Да, пожалуйста. Только у меня не совсѣмъ тутъ въ порядкѣ! Впрочемъ, ничего, войдите.

Лопатина вошла къ нему и тотчасъ же сдѣлала кислую мину отъ сильнаго запаха лѣкарствъ, Она не разсчитывала здѣсь долго оставаться и потому сразу сказала:

— Слушайте, сдѣлайте мнѣ удовольствіе: дайте, пожалуйста, вашъ сюртукъ.

Булыга съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Сюртукъ? то-есть какъ же? вамъ сюртукъ?

— Ахъ, нѣтъ, конечно, не мнѣ. Чигринскій обѣщалъ проводить меня на вечеръ, понимаете? А у него сюртука нѣтъ.

— Гм... Такъ я уже говорилъ ему... У меня, видите ли, только одинъ сюртукъ...

— Да вы какъ-нибудь посидите такъ.

— Гм... Какъ-же такъ? Да оно, пожалуй... вамъ я не могу отказать... Возьмите, пожалуй

Онъ стоялъ передъ нею и, повидимому, чего-то ждалъ, а она по разсѣянности не сообразила, что такъ какъ у него сюртукъ только одинъ, то онъ долженъ снять его съ плечъ, чего онъ не могъ сдѣлать при ней, и тоже ждала.

— Такъ ужъ вы, пожалуйста, выйдите!— сказалъ онъ, наконецъ,— я долженъ снять сюртукъ.

— Ахъ, да, въ самомъ дѣлѣ! Ну, спасибо.

И она ласково посмотрѣла на него, очевидно въ награду за его любезность.

Минуты черезъ двѣ послѣ того, какъ она пришла къ себѣ, появился Чигринскій въ сюртукѣ, который былъ ему коротокъ, но, несмотря на столь торжественный костюмъ, лицо его выражало отчаянье.

— Ну, вы готовы?—спросила его Лопатина.

— Слушайте, я не знаю ужъ, какъ вамъ это и сказать...—промолвилъ Чигринскій.

— А что еще?

— Да вѣдь сюртука одного мало...

— Зачѣмъ-же вамъ два сюртука? съострила и засмѣялась Лопатина.

— Не въ томъ дѣло. А нужно еще...

Она взглянула на Чигринскаго и только теперь увидѣла, до какой степени лицо у него смущенное.

-- Господи!—воскликнулъ онъ тономъ отчаянья и опустился на стулъ:—что я за несчастный человѣкъ! Вѣдь нельзя-же такъ идти, сами согласитесь! вѣдь вы-же понимаете, до какой степени я желаю проводить васъ!

— Ну, ужъ дѣйствительно...Знаете, еще сюртукъ я могла достать вамъ, но...

Чигринскій на этотъ вопросъ не отвѣтилъ. Онъ запустилъ обѣ руки себѣ въ волосы и мрачно смотрѣлъ внизъ. Между тѣмъ, Марья Петровна въ это время была уже совсѣмъ готова къ вечеру. Ея русые волосы были завиты, новая кофточка блистала бѣлизной, появились бантики, брошечка, шпильки.

— Что-жъ мнѣ съ вами дѣлать?—промолвила она;—послушайте, Анчаровъ дома?

— Кажется, дома,- раздалось точно откуда-то изъ-подъ полу.

— Попросите у него.

— Не дастъ. Мнѣ не дастъ. Мы съ нимъ въ натянутыхъ отношеніяхъ.

— Фу-ты, какой вы! послушайте, да не могу же я, не могу я просить...

— Какъ хотите!—уже окончательно безнадежно отвѣтилъ Чигринскій.

— Онъ въ четвертомъ номерѣ?

— Онъ перебрался въ пятый.

— Пойду. Это невѣроятно, но я пойду!

И она пошла къ пятому номеру. У Анчарова въ комнатѣ былъ свѣтъ. Она тихонько нажала ручку двери и отворила ее.

— Къ вамъ можно?

— Ахъ, это вы, Марья Петровна!—радостно откликнулся Анчаровъ.—Чѣмъ могу служить?..

Марья Петровна совсѣмъ отворила дверь и остановилась на порогѣ.

— Слушайте, какъ это ни странно, но я прошу васъ объ этомъ... Видите ли, Чигринскій долженъ проводить меня на вечеръ, а у него нѣтъ... Такъ не можете ли вы дать?

— Чего нѣтъ? сюртука? — спросилъ Анчаровъ.

— Нѣтъ, не сюртука, а...

Марья Петровна замялась.

— А, понимаю!—догадался Анчаровъ и громко разсмѣялся. — Такъ вотъ что вамъ нужно!.. Ну, знаете, вы къ нему очень милостивы!.. Ему бы я не далъ, а для васъ съ удовольствіемъ.

Въ то время, когда Марья Петровна такъ счастливо одѣвала Чигринскаго, самъ герой впалъ въ отчаяніе еще больше прежняго. Въ ея отсутствіе онъ всталъ, подошелъ къ зеркалу и тщательно осмотрѣлъ свои воротнички и манжеты; они оказались въ безнадежномъ состояніи. Собственно говоря, въ нихъ не довольно прилично было даже показываться на улицѣ. Но допустивъ мысль, что миссія Лопатиной у Анчарова кончится удачно, Чигринскій уже никакъ не могъ согласиться на то, чтобы она доставала для него еще что-нибудь. И тутъ у него мелькнула счастливая мысль: онъ стремглавъ вылетѣлъ изъ комнаты, пробѣжалъ черезъ корридоръ и влетѣлъ прямо въ темную кладовку, гдѣ помѣщалась хозяйка квартиры.

— Анна Ивановна! ради самого Бога!—почти страстно началъ онъ.

— О, Господи!—воскликнула хозяйка и вскочила съ постели, страшно испугавшись его словъ и тона.—Что такое тамъ случилось?

— Да право же ничего... А тутъ дѣло вотъ въ чемъ Понимаете, надо проводить Лопатину на

В. В. Мазуровскій.

Пикетъ.

ФОТ. И ТИП. П. БАБКИНА. СПБ.

вечеръ, а у меня воротнички того... подгуляли. Такъ нѣтъ ли у васъ?

— У меня? Да развѣ я ношу воротнички? Развѣ вы видѣли когда-нибудь?

— Ахъ, вы не понимаете. Можетъ быть, у васъ въ стиркѣ есть чьи-нибудь?

— Въ стиркѣ? Такъ какъ же я отдамъ вамъ чужіе? Вѣдь вы ихъ испачкаете.

— Ну, вы потомъ опять ихъ вымоете, я вамъ за стирку заплачу...

— Охъ, Чигринскій, вы меня подводите... Никогда я этого не дѣлала, чтобъ отдавать чужія вещи.

— Такъ поймите же, поймите! Марью Петровну проводить надо,..

— А вы небось влюблены въ нее?..

— Ну, что тамъ, гдѣ тамъ!.. Просто надо любезность сдѣлать...

Хозяйка разжалобилась и рѣшилась совершить преступленіе. Чигринскій получилъ чистые воротнички и манжеты. Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ, наконецъ, явился передъ Марьей Петровной въ совершенно обновленномъ видѣ. Утомленный нервнымъ волненіемъ, пока она возилась съ послѣдними украшеніями своего туалета, онъ сѣлъ въ кресло и положилъ ногу на ногу. Она приколола себѣ на грудь цвѣточекъ и обернулась къ нему и вдругъ, вглядѣвшись въ него, ахнула.

— Слушайте, Чигринскій! это невыносимо! посмотрите, какъ у васъ зѣваютъ подошвы! Вѣдь этакъ нельзя идти...

— Въ самомъ дѣлѣ!—воскликнулъ Чигринскій, взглянувъ на свои сапоги.

Нижнія части подошвы отскочили отъ верха, и приподнятые сапоги имѣли видъ крокодиловъ съ разинутыми пастями. Чигринскій ударилъ себя ладонью по лбу и промолвилъ:

— Эврика!

Затѣмъ онъ вдругъ схватился и стрѣлой помчался въ свою комнату. Здѣсь онъ отыскалъ пузырекъ съ гуміарабикомъ и довольно искусно склеилъ подошвы.

— Что же вы сдѣлали?—спросила его Лопатина.

— А ужъ это, знаете, моя тайна!—отвѣтилъ Чигринскій.

Затѣмъ они одѣлись и вышли на улицу. У Чигринскаго было очень жиденькое пальто; поэтому онъ прихватилъ у Лопатиной пледъ и прикрылся имъ.

Залъ, въ которомъ была вечеринка, отстоялъ довольно далеко отъ ихъ квартиры; они взяли извозчика, за котораго заплатить пришлось Лопатиной, такъ какъ у Чигринскаго не было ничего; но вошелъ онъ даромъ, потому что встрѣтилъ множество знакомыхъ студентовъ.

Когда они вошли въ залъ, ему показалось, что Марья Петровна начала старательно кого-то разъискивать глазами. Мимо нея проходили знакомые, кланялись ей, но не останавливались; но вотъ подошелъ высокій, статный брюнетъ съ красивыми глазами, очень чисто одѣтый, и, протянувъ ей руку, промолвилъ:

— А! вы, значитъ, получили!

— Ахъ, такъ это вы?—спросила Марья Петровна, и лицо ея просіяло.

— Ну, разумѣется.

— Какой вы милый!

— Я не могъ лично зайти за вами, потому что долженъ былъ привести сестеръ,—объяснилъ брюнетъ.—Пойдемте.

Онъ предложилъ ей руку, и они пошли.

Чигринскій слышалъ весь этотъ разговоръ и уже послѣ первыхъ словъ ему показалось, что сердце его стало биться медленнѣй. Онъ сталъ у стѣны, заложилъ руки за спину и точно приросъ къ ней. Такимъ образомъ онъ простоялъ весь вечеръ. Ему казалось, что какъ только онъ отойдетъ отъ стѣны, то сейчасъ же вся несообразность его костюма станетъ очевидной для всѣхъ. Изрѣдка передъ нимъ мелькала Марья Петровна, танцовавшая съ разными кавалерами, но большею частью съ красивымъ брюнетомъ. Но затѣмъ онъ совсѣмъ потерялъ ее изъ виду. Въ третьей комнатѣ пріятно манилъ его къ себѣ буфетъ, но онъ зналъ очень хорошо, что въ карманѣ у него не было ни гроша. Но больше всего удерживалъ его отъ всякаго движенія страхъ, что ему измѣнитъ гуміарабикъ.

Но вотъ уже давно прошла полночь и, по его мнѣнію, пора было идти домой. Онъ чувствовалъ, что на его обязанности лежитъ проводить обратно Марью Петровну. Кое-кто уже началъ расходиться, публика порѣдѣла и Чигринскій, наконецъ, рѣшился на подвигъ. Онъ прошелъ рядъ большихъ комнатъ и вступилъ въ буфетъ. Первое, что онъ увидѣлъ, это была Марья Петровна, сидѣвшая за круглымъ столикомъ съ тѣмъ самымъ брюнетомъ, который прислалъ ей входной билетъ. Они весело разговаривали, Марья Петровна звонко смѣялась, онъ пилъ пуншъ, а она ѣла сладкіе пирожки.

— Ахъ, это вы!—воскликнула Марья Петровна, увидѣвъ его, и лицо ея выразило такое изумленіе, какъ-будто она никакъ не ожидала встрѣтить его на этомъ вечерѣ.

— Я хотѣлъ узнать,—нерѣшительно промолвилъ Чигринскій,—вы скоро домой пойдете?

— Нѣтъ еще, но... но вы не безпокойтесь, меня проводятъ. Вѣдь вы меня проводите?—обратилась она къ брюнету.

— Ну, да, конечно! вѣдь вы же мнѣ обѣщали это!

Чигринскому вдругъ сдѣлалось какъ-то необыкновенно скучно; онъ ни слова не возразилъ, поклонился и вышелъ.

Онъ бѣгомъ спустился по лѣстницѣ, схватилъ пальто и пледъ и побѣжалъ по улицѣ. Почему онъ бѣжалъ, тогда какъ ему некуда было торопиться, этого онъ и самъ не могъ бы объяснить. Только теперь почувствовалъ онъ, какъ былъ смѣшонъ. Она—красивая, избалованная поклонниками, лестью, успѣхомъ,—да развѣ она можетъ интересоваться имъ? Если до сихъ поръ онъ казался ей бѣднякомъ, то теперь долженъ былъ показаться жалкимъ.

Онъ пришелъ домой и сталъ раздѣваться. Съ омерзеніемъ снималъ онъ съ себя чужія вещи и, какъ только раздѣлся, тотчасъ же легъ въ постель и уткнулся лицомъ въ подушку. Вѣдь онъ далъ ей возможность въ подробностяхъ остановиться на его жалкомъ положеніи. Если она до сихъ поръ хоть каплю уважала его, то теперь, конечно, будетъ презирать. Лучше было бы, если бъ онъ просто отказался провожать ее на этотъ вечеръ,—она, можетъ быть, разсердилась-бы, и это прошло бы, и онъ не испыталъ бы этого страшнаго униженія.

Онъ лежалъ неподвижно и съ глубокой горечью представлялъ себѣ, какъ весело они тамъ сидятъ за столикомъ и обмѣниваются взглядами.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ замѣтилъ потомъ, что Марья Петровна начала относиться къ нему съ какимъ-то обиднымъ снисхожденіемъ. Женщина можетъ простить все, но она никогда не проститъ смѣшного положенія.

И. Потапенко.

* * *

Гробовая тишина...
Ни движенія, ни звука. .
Только въ сердцѣ съ громкимъ воплемъ
Шевелится злая мука.

Гробовая тишина...
Ахъ, когда-бъ и въ самомъ дѣлѣ
Гробовая! чтобъ сковалось
Смертью все въ душѣ и тѣлѣ!..

Гробовая тишина, —
Но съ напрасной жаждой смерти...
О, такихъ не знали казней
Даже Дантовскіе черти!..

Петръ Вейнбергъ.

ДУРАКЪ.

(Изъ прошлаго).

Посвящается М. Д. Фокину.

I.

Младшій помощникъ столоначальника Липецкій, худощавый, бѣлобрысый молодой человѣкъ въ потертомъ пиджакѣ, съ жиденькой свѣтлорусой бородкой и сѣрыми, нѣсколько близорукими глазами въ очкахъ, добросовѣстно высидѣлъ шесть часовъ на службѣ и не менѣе добросовѣстно написалъ за это время не мало отношеній, предписаній и докладовъ. Столоначальникъ Кузьминъ то и дѣло подваливалъ Липецкому бумагъ, очень обрадованный, что напалъ на простофилю, готоваго работать, какъ волъ, вмѣсто того, чтобы въ теченіе дня возиться съ одной бумажкой, и даже снисходительно находилъ, что Липецкій недурно составляетъ бумаги, особенно для молодого человѣка, всего лишь два года, какъ вкусившаго прелести канцелярской службы.

Въ пятомъ часу мысли Липецкаго заняты были исключительно обѣдомъ, который онъ будетъ скоро ѣсть въ своей маленькой квартиркѣ въ Измайловскомъ полку вмѣстѣ съ вдовой-матерью и сестренкой-гимназисткой. Онъ обожалъ и мать и сестру и былъ ихъ единственной опорой, отдавая матери большую часть своего жалованья и небольшого дополнительнаго заработка отъ литературной работы. Изъ-за этихъ двухъ любимыхъ существъ Липецкій и поступилъ на службу вмѣсто того, чтобы остаться, по окончаніи курса, при университетѣ и посвятить себя ученой дѣятельности, какъ онъ мечталъ, пока живъ былъ отецъ, имѣвшій довольно хорошее мѣсто на частной службѣ.

Молодой человѣкъ рѣшительно сложилъ всѣ свои бумаги въ столъ и, взглянувъ на часы, собирался исчезнуть изъ департамента, находя, что за свои шестьдесятъ рублей жалованья въ мѣсяцъ онъ достаточно извелъ бумаги и, пожалуй, даже болѣе, чѣмъ требовало обычное право, если судить, по крайней мѣрѣ, по работѣ другихъ, такихъ же молодыхъ сослуживцевъ.

Только одинъ Кузьминъ изнывалъ надъ работой и, казалось, находилъ въ ней особенную прелесть. Но не даромъ же помощники прозвали его „Юсомъ“, и говорили, что „Юсъ“ дальше начальника отдѣленія не пойдетъ, такъ какъ у него нѣтъ никакихъ талантовъ и никакого умѣнья выдвинуться.

Рѣшительно пора уходить, хотя столоначальникъ, повидимому, объ этомъ и не думаетъ, основательно позавтракавъ въ 12 часовъ. Но молодой человѣкъ, принужденный разсчитывать каждый грошъ, долженъ былъ ограничиться стаканомъ кофе и двумя бутербродами и потому испытывалъ теперь волчій голодъ.

И Липецкій съ веселою улыбкой щелкнулъ ключемъ, запирая столъ, и предвкушалъ радость очутиться на улицѣ да еще въ рѣдкій для Петербурга солнечный октябрьскій день и, послѣ получасовой невольной прогулки до Измайловскаго полка, быть дома. Радъ онъ былъ и тому, что хоть до завтрашняго утра избавится отъ скучной, несимпатичной ему канцелярской работы— отъ писанія этихъ безчисленныхъ, однообразныхъ бумагъ, надъ которыми потомъ священнодѣйствуетъ Кузьминъ, черноволосый, худой и длинный, похожій на задумчивую цаплю, смакуя каждое слово, точно геніальное произведеніе великаго художника, — и отъ табачнаго дыма и сутолоки этой большой, заставленной столами комнаты, черезъ которую то и дѣло шмыгаютъ съ озабоченно-дѣловымъ видомъ чиновники въ кабинетъ начальника отдѣленія, — избавится и отъ пошловатой болтовни и глупыхъ остротъ, которыми коротаютъ служебное время юные свѣтскіе шелопаи, хорошо знающіе, что и безъ черной работы они въ свое время получатъ болѣе или менѣе приличныя мѣста.

И Липецкій хотѣлъ-было пройти къ Кузьмину, чтобъ откланяться, какъ въ эту самую минуту къ молодому человѣку подошелъ бравый и молодцоватый курьеръ съ золотою медалью на шеѣ,

и громко и торжественно, видимо сознавая, что сообщаетъ нѣчто весьма значительное и, несомнѣнно, весьма лестное для такого маленькаго чиновника, какъ Липецкій, — произнесъ:

— Господинъ директоръ департамента васъ проситъ.

— Меня!?—невольно переспросилъ удивленный молодой человѣкъ.

— Точно такъ, васъ, — отчеканилъ курьеръ, бросая на Липецкаго взглядъ, который, казалось, говорилъ: „небойсь, не ожидалъ такой чести?“

И, прежде чѣмъ уйти, прибавилъ:

— Просятъ немедленно!

— Хорошо!—проговорилъ Липецкій.

Это приглашеніе помощника столоначальника къ директору департамента произвело значительную сенсацію.

Столоначальникъ Кузьминъ, сидѣвшій за дальнимъ столомъ, поднялъ голову, и на его желтосмугломъ лицѣ застыло выраженіе такого недоумѣнія, словно бы онъ услыхалъ о паденіи луны или объ упраздненіи чиновниковъ.

Положимъ, недавно назначенный къ нимъ директоромъ Драгоцѣнный и щеголяетъ доступностью и простотой обращенія, но все-таки даже столоначальники никогда не приглашались къ нему, и вдругъ онъ требуетъ помощника. Что могло бы это значить?

Ужъ не попалъ ли въ какую-нибудь исторію этотъ Липецкій? Онъ, кажется, того... крайнихъ мнѣній. Хоть и не высказывается, а все-таки видно...

Эта мысль, явившаяся въ голову Кузьмина внезапно, безъ какихъ бы то ни было основаній, какъ единственно возможное объясненіе столь необычайнаго приглашенія къ директору маленькаго чиновника безъ связей и протекціи, вызвала въ „Юсѣ“ невольное чувство участія къ молодому человѣку. Онъ былъ отличный работникъ и, казалось, порядочный, добрый человѣкъ. Недаромъ писцы его любили.

Угнетенный мыслью, что Липецкаго потребовали для непріятныхъ объясненій, этотъ бумажный человѣкъ, котораго десятилѣтняя канцелярская служба порядочно-таки изсушила и пришибла, невольно пожалѣлъ Липецкаго, попавшаго, конечно, въ бѣду... Онъ самъ былъ студентомъ и знаетъ: долго ли до грѣха? Какое-нибудь неосмотрительное слово, неосторожное знакомство и... пропалъ иногда человѣкъ.

И въ недоумѣвающемъ взглядѣ Кузьмина блеснуло что-то теплое, мягкое.

Но въ Кузьминѣ недаромъ прежде всего сидѣлъ чиновникъ. Онъ эгоистически гораздо болѣе пожалѣлъ Липецкаго, какъ хорошаго помощника, котораго можетъ лишиться, если опасенія его, не дай Богъ, оправдаются. И тогда оставайся опять съ двумя лодырями: барономъ и Айвазовымъ, навязанными ему начальникомъ отдѣленія.

II.

Одинъ изъ этихъ „лодырей“, старшій помощникъ, баронъ Фирксъ фонъ-Шенау, молодой человѣкъ изъ правовѣдовъ, безукоризненно одѣтый, красивый, свѣжій, благоухающій и нѣсколько хлыщеватый, съ гладко выбритыми щеками и подбородкомъ и закрученными кверху, пушистыми усами, растягивающій слова и съ необыкновеннымъ апломбомъ изрекающій обыкновенные пустяки,— бросилъ на Липецкаго взглядъ, въ которомъ были и зависть, и изумленіе, и ироническая насмѣшка.

Мечтавшій о карьерѣ, баронъ вездѣ подозрѣвалъ интригу и во всѣхъ видѣлъ соперниковъ, считая себя несправедливо обиженнымъ тѣмъ, что два года сидитъ въ помощникахъ и, не смотря на заискиванія вездѣ гдѣ только возможно, не получаетъ повышенія. Онъ не особенно часто посѣщаетъ департаментъ и ровно ничего не дѣлаетъ, пользуясь деликатностью Кузьмина, котораго въ душѣ презираетъ, считая его недалекой канцелярской крысой. Не имѣя никакихъ средствъ, баронъ жаждетъ мѣста съ приличнымъ окладомъ и старается получить его и вообще выдвинуться участіемъ въ спектакляхъ, устраиваемыхъ благотворительными дамами „гранмонда“, и ухаживаніемъ за старушками съ вліяніемъ.

Когда онъ бываетъ на службѣ, то большую часть времени посвящаетъ разсказамъ Айвазову о своихъ сценичныхъ и свѣтскихъ успѣхахъ, намѣренно громко называя титулованныя имена, чтобы Кузьминъ и другіе знали, въ какомъ избранномъ обществѣ вращается баронъ. Онъ давно разсчитываетъ на мѣсто Кузьмина и искренно удивляется, какъ это, не смотря на свои связи, Кузьмина не убираютъ, чтобы дать барону двѣ тысячи для начала его будущей, блестящей, конечно, карьеры, на которую онъ надѣется съ несокрушимой увѣренностью влюбленнаго въ себя остзейскаго нѣмца.

Съ Кузьминымъ онъ оффиціально любезенъ, а Липецкаго не можетъ терпѣть и за то, что Липецкій, по выраженію барона, изъ „мовежанра“, и за то, что Липецкій не слушаетъ его великосвѣтскихъ разсказовъ и вообще не обнаруживаетъ ни малѣйшаго къ нему вниманія. Напротивъ, не смотря на снисходительно-любезные авансы барона въ началѣ, Липецкій былъ крайне сдержанъ и сухъ, видимо сторонился отъ барона и порой насмѣшливо улыбался, когда баронъ, случалось, поучалъ Айвазова насчетъ того, что такое порядочные люди.

Когда Липецкій вышелъ изъ комнаты, не обнаруживъ, къ удивленію Кузьмина, ни малѣйшаго волненія и даже не ускоривъ шаговъ, баронъ шепнулъ Айвазову:

— Что̀ ты думаешь объ этомъ, а?

И подмигнулъ глазомъ.

— О чемъ — объ этомъ? — простодушно спросилъ съ акцентомъ восточнаго человѣка, плотный и коренастый брюнетъ, поднимая на барона большіе волоокіе черные глаза.

— Ты неисправимъ въ своей... недогадливости, мой милый! Я говорю о приглашеніи Липецкаго къ директору.

Айвазовъ, повидимому, относился довольно безразлично къ этому факту.

У него была богатая мать въ Тифлисѣ, и онъ „тянулъ лямку“, какъ называлъ свое присутствіе въ департаментѣ, гдѣ выкуривалъ безчисленное количество папиросъ, прочитывалъ газеты и иногда, съ видомъ страдальца, осиливалъ какую-нибудь бумагу, — только потому, что въ противномъ случаѣ мать не давала бы денегъ.

Далеко не честолюбивый, лѣнивый и медлительный, не лишенный лукавства въ практическихъ дѣлахъ и потому считавшій себя тонкимъ человѣкомъ, Айвазовъ не гнался за карьерой, не разсчитывалъ въ будущемъ на министерскій постъ и довольствовался тайными мечтами о мундирѣ камеръ-юнкера, чтобы утѣшить мать. Онъ предпочелъ бы всякой службѣ спокойную жизнь въ своемъ чудномъ хуторѣ подъ Тифлисомъ, гдѣ славный домъ въ тѣни дубовъ, чинаръ и орѣшниковъ и гдѣ большія плантаціи виноградниковъ, можно выдѣлывать отличное вино и имѣть большой доходъ. О, онъ поставилъ-бы это дѣло на широкую ногу, и Айва́зовское вино славилось бы въ Петербургѣ...

— Но маменька не позволяетъ, ты понимаешь? — говорилъ онъ нерѣдко барону и прибавлялъ: — и я, понимаешь, долженъ ходить сюда и тянуть лямку, разстраивая свое здоровье...

— Ну, о здоровьѣ ты лучше не говори! — останавливалъ его баронъ.

Дѣйствительно, и крѣпкая, коренастая фигура Айвазова, и волосатое лицо, отливавшее румянцемъ, свидѣтельствовали объ избыткѣ силъ и здоровья,

Къ барону Фирксу Айвазовъ относился съ нѣкоторымъ почтеніемъ, какъ къ аристократу, бывающему въ высшемъ обществѣ и, главное, имѣющему счастіе видѣть аристократическихъ дамъ, къ которымъ молодой восточный человѣкъ питалъ какой-то особенно нѣжный культъ. Гордый расположеніемъ барона, Айвазовъ считалъ его умницей и искренно былъ привязанъ къ нему, но при всемъ этомъ не давалъ ему большихъ суммъ взаймы, умѣя отказывать очень ловко, и аккуратно записывалъ тѣ небольшія суммы, которыя перебиралъ у него баронъ.

Въ отвѣтъ на вопросъ барона, Айвазовъ добродушно улыбнулся, оскаливая изъ-за черныхъ усовъ ослѣпительно-бѣлые зубы, и затѣмъ проговорилъ:

— Я рѣшительно не понимаю, что это значитъ. А ты, баронъ, понима́ешь?

— Понимаю.

— Въ чемъ же дѣло?

— А въ томъ, что этотъ Липецкій интриганъ.

— Ну? — усумнился Айвазовъ, видимо протестовавшій противъ такого категорическаго опредѣленія. — Почему ты такъ думаешь?

— По всему! — рѣшительно проговорилъ баронъ, и его красивое лицо приняло злое выраженіе, и глаза загорѣлись. — Я только не говорилъ этого раньше, но всегда былъ нелестнаго мнѣнія объ этомъ господинѣ. Ты развѣ не видишь, какъ онъ усердствуетъ, желая отличиться передъ Юсомъ, какъ онъ старается сблизиться съ нимъ и держаться отъ насъ въ сторонѣ, зная, что Юсъ не очень-то благоволитъ къ намъ? Корчитъ изъ себя человѣка съ принципами, а нашелъ-таки ходъ къ директору департамента. Недаромъ же его пригласилъ Драгоцѣнный. Вѣрно, кто-нибудь да просилъ за Липецкаго. А помнишь, что̀ онъ говорилъ о карьеристахъ? А самъ! Оказывается лицемѣръ и интриганъ... съумѣлъ подъѣхать къ Драгоцѣнному... А Драгоцѣнный восходящая звѣзда, любимецъ министра... Онъ самъ выскочка,

изъ какихъ-то вчерашнихъ дворянъ, сдѣлавшій необыкновенную карьеру, и тянетъ такихъ же проходимцевъ... Слѣдовательно...

Обыкновенно соглашавшійся со всѣмъ, что ни изрекалъ баронъ, Айвазовъ на этотъ разъ перебилъ барона и произнесъ:

— Извини, баронъ, я не могу согласиться съ тобой.

— Интересно, почему?—изумился баронъ, ни ожидая такого протеста.

— Ты напрасно чернишь человѣка, не имѣя никакихъ данныхъ... И вообще у тебя скверная привычка видѣть во всѣхъ только дурное... Липецкому я не симпатизирую, но онъ, по моему мнѣнію, не интриганъ и порядочный человѣкъ.

— Порядочный!? О, какъ ты проницателенъ! Удивительно проницателенъ!—съ презрительной усмѣшкой кинулъ баронъ. — Поздравляю тебя съ такимъ порядочнымъ человѣкомъ. Вотъ увидишь, что этого порядочнаго человѣка назначатъ столоначальникомъ, а меня и тебя обойдутъ.

— И пусть... Мнѣ все равно...

— Но мнѣ-то не все равно... Понимаешь ли это...

Съ губъ барона чуть не сорвалось: „идіотъ". Но онъ удержался и повторилъ:

— Понимаешь ли ты это, сообразительный человѣкъ!

— Я вижу, что у тебя разлита желчь, и ты ругаешься!—обиженно замѣтилъ Айвазовъ.

III.

Между тѣмъ Липецкій вошелъ въ большой кабинетъ и остановился вблизи письменнаго стола, заваленнаго бумагами, за которымъ сидѣлъ директоръ.

— Господинъ Липецкій?—раздался пріятный баритонъ директора, когда онъ поднялъ свою свѣтлорусую, коротко-остриженную голову и остановилъ на вошедшемъ пристальный взглядъ.

— Липецкій. Ваше превосходительство требовали меня!—проговорилъ молодой человѣкъ.

И онъ, въ свою очередь, не безъ любопытства взглядывалъ на Драгоцѣннаго, о которомъ такъ много говорили и въ министерствѣ, и въ обществѣ, и въ газетахъ, какъ о замѣчательно талантливомъ чиновникѣ и неутомимомъ работникѣ, которому предстоитъ блестящая будущность.

Но, разумѣется, рядомъ съ похвалами были и порицанія, особенно со стороны завистниковъ.

Говорили, что Драгоцѣнный всегда держитъ хвостъ по вѣтру и потому такъ и преуспѣваетъ. Его называли выскочкой, наглецомъ и человѣкомъ, у котораго ni foi, ni loi.

Все это невольно припомнилъ Липецкій, посматривая на этого блондина, бывшаго не въ вицъ-мундирѣ, а въ скромномъ пиджакѣ, и не имѣвшаго въ себѣ ничего юпитеровскаго. Полноватое, нѣсколько утомленное лицо съ рыжеватой бородой, небольшіе умные глаза, какая-то мягкость и въ то же время увѣренность въ ихъ взглядѣ,—все это производило съ перваго раза благопріятное впечатлѣніе.

— Я просилъ васъ, — любезно подчеркнулъ его превосходительство, привѣтливо кивнувъ головой, — чтобъ лично съ вами познакомиться... Прошу присѣсть,—указалъ онъ на кресло около письменнаго стола.

И когда Липецкій, рѣшительно непонимавшій, зачѣмъ директоръ департамента желаетъ знакомиться съ такимъ незначительнымъ чиновникомъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ столу, его превосходительство привсталъ съ кресла и протянулъ свою бѣлую широкую руку съ крупными ногтями.

— Садитесь, Григорій Николаичъ... Прикажете папироску?

— Благодарю, я не курю!—отвѣтилъ молодой человѣкъ, окончательно изумленный, что его назвали по имени и отчеству.

— Счастливецъ, что не курите... А я вотъ не выпускаю изо рта папироски!—говорилъ Драгоцѣнный, закуривая папироску.—Очень радъ съ вами поближе познакомиться... Надѣюсь, мы останемся довольны другъ другомъ... Мнѣ говорилъ о васъ начальникъ отдѣленія, какъ о способномъ, трудолюбивомъ чиновникѣ... А я очень дорожу хорошими работниками... Ихъ вѣдь такъ мало у насъ...

Его превосходительство пыхнулъ дымкомъ и продолжалъ:

— Кромѣ того, мнѣ хотѣлось поблагодарить васъ за удовольствіе, доставляемое мнѣ чтеніемъ вашихъ статей. Вѣдь это вы пишете въ *Правдѣ*. Вчерашняя передовая статья ваша?

— Моя!—промолвилъ Липецкій.

— Превосходная статья! Сжатая, ясная, безъ лишнихъ фразъ... Говорю вамъ это безъ всякихъ

комплиментовъ... Я прочелъ ее и, признаюсь, заинтересовался авторомъ... Вчера я случайно узналъ, что вы сотрудничаете въ *Правдѣ*.

„Вотъ оно что!“—подумалъ Липецкій и насторожился.

— Я обрадовался, что у насъ въ департаментѣ такой талантливый публицистъ, и рѣшилъ эксплоатировать ваше золотое перышко и дать вамъ случай выдвинуться, предложивъ вамъ работу, которую, я увѣренъ, вы сдѣлаете отлично.

И его превосходительство кратко и точно объяснилъ, какая это работа.

Дѣло въ томъ, что, по приказанію начальства, составленъ проектъ весьма благодѣтельной реформы. Проектъ поступитъ въ скоромъ времени на обсужденіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ желательно было бы познакомить съ нимъ и публику.

— Вы послужите хорошему дѣлу, если напечатаете небольшую статью въ *Правдѣ* и внушите читателямъ здравыя понятія о важности и полезности нашего проекта, имѣющаго серьезное государственное значеніе... Познакомьтесь съ проектомъ и объяснительной запиской, и когда статья будетъ готова, потрудитесь зайти ко мнѣ на квартиру, и мы прочтемъ вмѣстѣ... До одиннадцати я всегда дома.

Съ этими словами Драгоцѣнный, не спрашивая Липецкаго о согласіи и вполнѣ увѣренный, что молодой человѣкъ долженъ быть несказанно обрадованъ порученіемъ, которое дастъ случай „выдвинуться“, взялъ со стола объемистую печатную тетрадь и, подавая ее Липецкому, замѣтилъ:

— Какъ видите, трудъ почтенный. Увѣренъ, вы оцѣните его по достоинству.

И, не ожидая отвѣта, спросилъ:

— Давно вы у насъ служите?

— Два года, ваше превосходительство.

— Помощникомъ столоначальника?

— Да.

— Окончили на юридическомъ?

— Нѣтъ, на естественномъ.

— Я постараюсь васъ лучше устроить и дать возможность развернуть свои способности. Намъ нужны образованные и трудолюбивые чиновники. До свиданія! Жду васъ на-дняхъ къ себѣ. Очень радъ, что познакомился съ вами!—еще разъ съ привѣтливою улыбкой повторилъ директоръ, протягивая Липецкому руку.

Былъ ли молодой человѣкъ пораженъ неожиданностью или просто сконфуженъ, но дѣло только въ томъ, что онъ не догадался поблагодарить его превосходительство за всѣ любезности и вообще въ этотъ памятный день не оказался на высотѣ своего новаго положенія, неожиданно открывавшаго передъ нимъ блестящія перспективы.

Онъ молча откланялся и вышелъ изъ директорскаго кабинета далеко не сіяющій, какимъ, казалось, долженъ быть добрый чиновникъ, получившій столь лестное порученіе, да еще отъ такой „звѣзды“, какою былъ Драгоцѣнный, портретъ котораго еще недавно украшалъ иллюстрированные журналы.

Нашъ молодой человѣкъ не только не сіялъ, а, напротивъ, имѣлъ такой смущенный, словно бы виноватый видъ, что курьеръ вывелъ заключеніе о головомойкѣ, полученной „замухрышкой“-чиновникомъ отъ генерала.

Липецкій торопливо шелъ по улицамъ, направляясь домой, раздумывая о неожиданномъ свиданіи съ директоромъ и объ его предложеніи.

Оно казалось ему страннымъ и стѣснительнымъ. Напрасно онъ не уклонился отъ него!

А, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ проектъ заслуживаетъ одобренія и тогда...

Это соображеніе нѣсколько успокоило Липецкаго и вызвало въ немъ мысль о томъ, что давно уже пора завести новую шубу матери и сдѣлать сестренкѣ новое пальто .. Совсѣмъ обносились онѣ.

Все это представлялось теперь осуществимымъ...

Однако, за обѣдомъ онъ ни слова не сказалъ ни о бесѣдѣ съ Драгоцѣннымъ, ни о данномъ ему порученіи, хотя обыкновенно и разсказывалъ матери о служебныхъ дѣлахъ.

Онъ, видимо, былъ возбужденъ и тотчасъ же послѣ обѣда ушелъ въ свою комнату и принялся штудировать проектъ благодѣтельной реформы.

Когда онъ, наконецъ, его окончилъ, то долго ходилъ по своей маленькой комнаткѣ взволнованный и негодующій.

IV.

На слѣдующее утро Липецкій облачился въ черный сюртукъ.

Напившись чаю, онъ сегодня какъ-то особенно нѣжно поцѣловалъ на прощаніе мать, худощавую старушку съ сбитымъ на бокъ чепцомъ и съ добрыми глазами, и вышелъ изъ дома ранѣе обык-

новеннаго, объяснивъ матери, что до службы надо зайти въ одно мѣсто.

Липецкій взялъ извозчика и ровно въ десять часовъ уже былъ у дверей квартиры Евгенія Аркадьевича Драгоцѣннаго и рѣшительно надавилъ пуговку электрическаго звонка.

Великолѣпный лакей въ бѣломъ передникѣ, съ роскошными выхоленными черными бакенбардами, отворилъ двери.

Оглядывая весьма двусмысленное пальтецо Липецкаго и не первой свѣжести котелокъ юпитеровскимъ, нѣсколько застланнымъ взглядомъ, онъ процѣдилъ снисходительно-небрежнымъ тономъ, загораживая своею особой входъ:

— Генералъ не принимаетъ просителей на дому. Идите въ департаментъ.

— Я не проситель!—рѣзко кинулъ, возвышая голосъ, Липецкій.—Доложите!

Секунда колебанія на лицѣ камердинера, и молодой человѣкъ былъ впущенъ въ прихожую.

Но пальто съ него не снимали.

— Какъ о васъ доложить?—недовольно спросилъ лакей.

— Липецкій! Коллежскій секретарь Липецкій!

Онъ выкрикнулъ эти слова такъ нетерпѣливо и такимъ вызывающимъ тономъ, что великолѣпный лакей, привыкшій встрѣчать болѣе мягкихъ посѣтителей и при томъ почти всегда награждающихъ его бумажками, былъ озадаченъ.

— Да вамъ по какому дѣлу нужно?—спросилъ онъ.

— Нужно, вотъ и все.

— Генералъ знаетъ васъ?

— Онъ просилъ меня быть у него. Идите же докладывать!—громко и настойчиво приказывалъ Липецкій.

— Подождите минутку. Сейчасъ доложу!

Дѣйствительно черезъ минуту, камердинеръ его превосходительства вернулся и уже совсѣмъ другимъ тономъ проговорилъ, снимая съ Липецкаго его двусмысленное пальтецо:

— Пожалуйте въ кабинетъ.. Вотъ сюда!—докладывалъ онъ, отворяя двери.

Липецкій вошелъ въ большой, свѣтлый кабинетъ съ темною обитою сафьяномъ мебелью, съ книжными шкафами и картинами на стѣнахъ. Громадный письменный столъ, стоявшій посрединѣ, былъ заваленъ бумагами, книгами и брошюрами.

Въ дальнемъ углу на отоманкѣ сидѣлъ его превосходительство съ газетой въ рукахъ. Пачка свѣжихъ, еще не тронутыхъ газетъ лежала передъ нимъ на маленькомъ столѣ.

— Уже готово?—весело воскликнулъ Драгоцѣнный.

И съ этими словами онъ поднялся съ отоманки и пошелъ навстрѣчу Липецкому, протягивая ему свою широкую руку.

Его превосходительство, видимо, былъ въ отличномъ расположеніи духа. Хорошо выспавшійся (хотя газеты и утверждали, что онъ спитъ всего лишь четыре часа въ сутки), съ лучшимъ цвѣтомъ лица, чѣмъ наканунѣ, въ министерствѣ, слегка благоухающій, съ расчесанной бородкой, въ своемъ короткомъ синемъ вестонѣ и въ туфляхъ на ногахъ, онъ казался гораздо моложе своихъ пятидесяти лѣтъ.

— Ну и молодецъ же вы, Григорій Николаевичъ. Быстро работаете. Присаживайтесь-ка и читайте!—говорилъ онъ, не обративъ, повидимому, ни малѣйшаго вниманія ни на оффиціально сдержанный видъ молодого чиновника, ни на выраженіе его лица и особенно близорукихъ глазъ, въ которыхъ блестѣла едва замѣтная и ироническая усмѣшка.

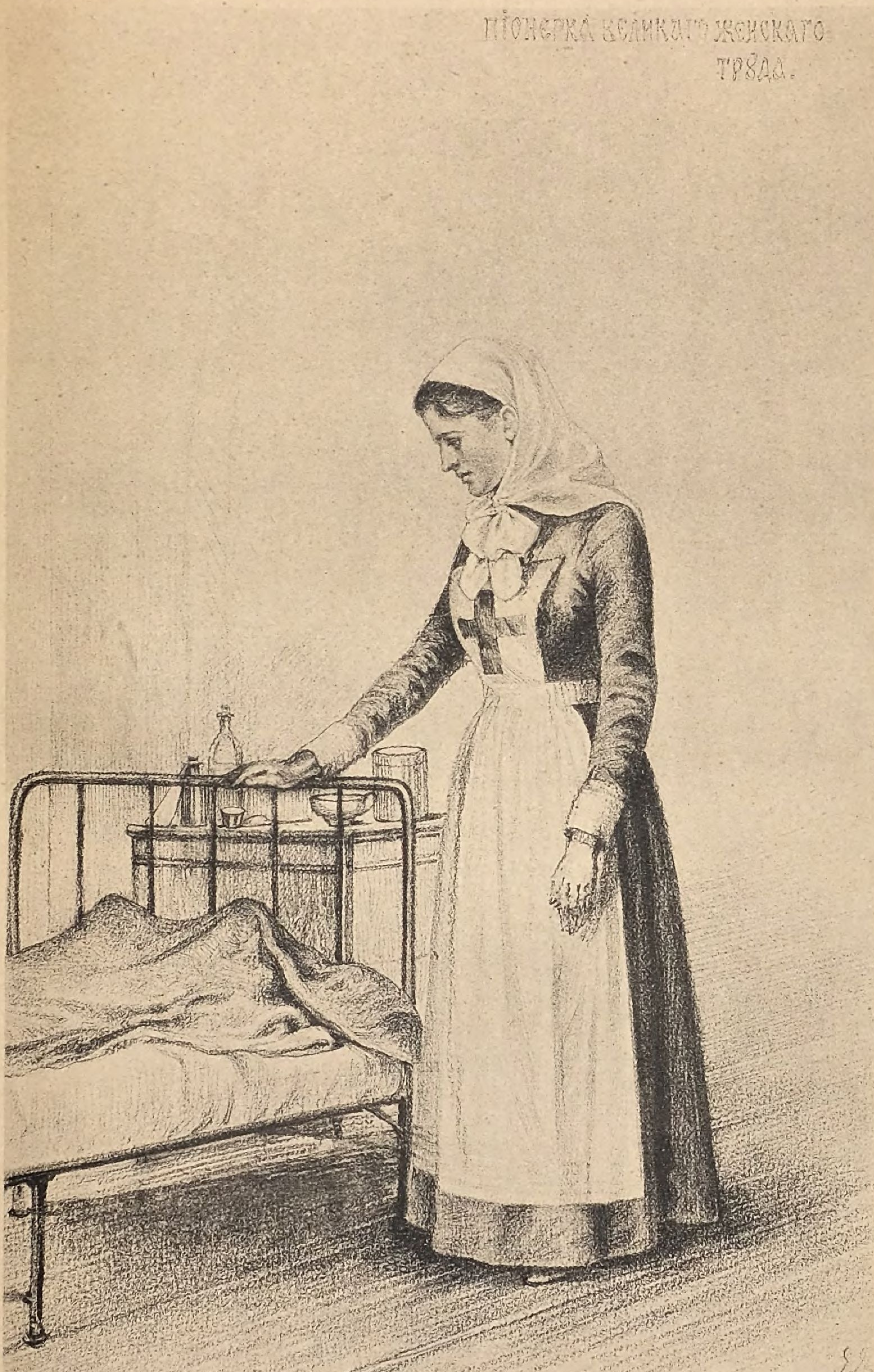
„Убѣжденъ, что я такая же безпринципная каналья, какъ и онъ самъ!“—подумалъ Липецкій, довольно сдержанно отвѣчая на горячее пожатіе руки хозяина.

И предвкушая злорадное удовольствіе удивить эту „восходящую звѣзду“, къ которой чувствовалъ теперь непріязнь, онъ громко, слегка дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ проговорилъ:

— У меня ничего не готово. Я пришелъ заявить вашему превосходительству, что отказываюсь отъ предложенной мнѣ работы.

И вслѣдъ за этими словами положилъ на письменный столъ объемистую тетрадь.

Хотя его превосходительство и былъ недурнымъ актеромъ въ жизни, играя разнообразныя роли во время своей служебной карьеры, тѣмъ не менѣе слова молодого человѣка настолько поразили Драгоцѣннаго, что онъ широко раскрылъ отъ изумленія глаза—до того отказъ Липецкаго отъ предложеннаго ему „случая выдвинуться“ казался чѣмъ-то диковиннымъ, невѣроятнымъ. Самъ Евгеній Аркадіевичъ съ цинизмомъ безшабашнаго карьериста, не задумываясь, не только писалъ, но и проводилъ въ жизнь то, что считалъ часто и вреднымъ, и безсмысленнымъ, и надъ

М. Е. Малышевъ.

Піонерка великаго женскаго труда.

чѣмъ самъ же въ душѣ смѣялся. Дѣлали то же самое и всѣ. Любой изъ его чиновниковъ съ восторгомъ принялъ бы подобное порученіе. И вдругъ этотъ маленькій чиновникъ, и при томъ нищій, имѣвшій на рукахъ мать и сестру (его превосходительство собралъ о немъ свѣдѣнія) отказывается, и при томъ такой тонъ... неслыханный тонъ.

Всѣ эти мысли пробѣгали въ головѣ его превосходительства, и онъ, наконецъ, проговорилъ, точно еще не вѣря своимъ ушамъ:

— Такъ вы отказываетесь и не хотите воспользоваться случаемъ выдвинуться. Подумали ли вы объ этомъ?

— Подумалъ, ваше превосходительство, и отказался, такъ какъ считаю проектъ не только не благодѣтельнымъ, а прямо вреднымъ, и хвалить его въ газетахъ, разумѣется, не стану...

— Меня нисколько не интересуетъ ваше мнѣніе, г. Липецкій, о проектѣ!—перебилъ его рѣзкимъ тономъ его превосходительство.

И мгновенно лицо его приняло серьезное начальническое выраженіе, и въ его глазахъ блеснулъ злой огонекъ.

— Я полагалъ, что, предлагая мнѣ расхвалить проектъ, вы интересовались моимъ мнѣніемъ, ваше превосходительство?..

— Вы полагали? — презрительно протянулъ Драгоцѣнный. — А я полагаю, что вамъ не слѣдовало бы служить съ такими взглядами, какъ у васъ... Вотъ, что я полагаю...

И, кивнувъ головой и не подавъ, конечно, руки, его превосходительство далъ знать, что аудіенція окончена.

Оставшись одинъ, Драгоцѣнный проговорилъ вслухъ:

— Вотъ-то дуракъ!

V.

Веселый, точно свалившій съ себя непріятную обузу, Липецкій вышелъ изъ директорскаго кабинета и отправился на службу.

Кузьминъ очень обрадовался, увидѣвъ своего помощника.

Когда онъ узналъ отъ него о предложеніи директора департамента и объ отказѣ исполнить порученіе, то пришелъ въ какой-то священный ужасъ, и въ то же время смотрѣлъ на молодого человѣка, какъ на героя.

— Ну, теперь не забудетъ онъ намъ этого, Григорій Николаичъ! Не забудетъ! А вы поступили, можно сказать, героически... Отказаться отъ такого случая... отъ покровительства такого орла, какъ Драгоцѣнный, это я вамъ скажу... неслыханно... Вы просто-таки герой, и я васъ за это очень уважаю! — говорилъ Кузьминъ шопотомъ, словно бы боясь выразить свое сочувствіе открыто.

Къ тремъ часамъ дня уже весь департаментъ зналъ объ исторіи съ Липецкимъ; всѣ находили, что онъ большой дуракъ, и приходили взглянуть на такого дурака...

— Фе-но-ме-на-льный!—шепталъ на ухо Айвазову баронъ Фирксъ.—Не-воз-мож-ный! Теперь его пѣсенка здѣсь спѣта! — прибавилъ онъ весьма довольный, что Липецкій оказался такимъ дуракомъ.

И дѣйствительно, пѣсенка Липецкаго была скоро спѣта.

Черезъ нѣсколько дней въ одной газетѣ появилась хвалебная статья о проектѣ, а вслѣдъ затѣмъ въ *Правдѣ* была напечатана обстоятельная замѣтка, доказывавшая, что проектъ лишенъ серьезности и не только не благодѣтеленъ, но прямо-таки вреденъ.

И въ тотъ же день, когда напечатана была эта замѣтка, начальникъ отдѣленія позвалъ Липецкаго въ кабинетъ и сообщилъ ему о приказаніи подать въ отставку.

— Ну, не дуракъ ли? — говорилъ на другой день баронъ Фирксъ въ кружкѣ собравшихся чиновниковъ: — Могъ бы сдѣлать карьеру, а вмѣсто этого...

Всѣ соглашались, что Липецкій дуракъ. Одинъ Кузьминъ отмалчивался.

И только мать, сестра и нѣсколько друзей Липецкаго продолжали считать его умнымъ человѣкомъ.

К. Станюковичъ.

* * *

(Съ англійскаго).

Подъ покровомъ небесъ, въ полумракѣ ночномъ
Ты блеснула красой—словно солнце лучомъ;
Словно вся ты была изъ лучей соткана —
Золотилась волосъ шелковистыхъ волна...

Ткань прозрачныхъ одеждъ, какъ волнистый туманъ,
Обвивала волшебно твой дѣвственный станъ...
О, восторгъ! О, блаженныя чары очей!
Вы мнѣ сердце зажгли жарче знойныхъ лучей...

Еслибъ ты не была нѣжнымъ другомъ моимъ,
Я сгоралъ-бы любовью — ихъ свѣтомъ палимъ —
И себя-бы, забывъ о житейской борьбѣ,
Крѣпче всякихъ цѣпей приковалъ-бы къ тебѣ...

Аполлонъ Коринфскій.

ДВѢ ИФИГЕНІИ.

(Опытъ литературной параллели).

Не только съ литературной, но и съ общекультурной точки зрѣнія большой интересъ представляютъ сближенія, сопоставленія и параллели, какія можно сдѣлать, сравнивая произведенія великихъ поэтовъ разныхъ временъ и разныхъ народовъ. Такія параллели ясно вскрываютъ передъ нами индивидуальность поэтическаго творчества и вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, какимъ образомъ культура, народность, эпоха, то или иное господствующее міровоззрѣніе вліяютъ на творчество, окрашивая его въ извѣстный цвѣтъ и придавая ему опредѣленный, иногда очень условный характеръ. Еще бо̀льшій интересъ получаютъ параллели, когда мы сравниваемъ два произведенія, писанныя на одинъ и тотъ же сюжетъ, но отдѣленныя другъ отъ друга значительнымъ промежуткомъ времени и принадлежащія двумъ различнымъ народностямъ. Въ этомъ именно смыслѣ сама собою напрашивается параллель между такими великими поэтами, какъ Эврипидъ, Расинъ и Гете. Какъ древній грекъ, такъ и французъ XVII столѣтія и нѣмецъ XIX-го сошлись на одномъ сюжетѣ, который, повидимому, интересовалъ ихъ одно время очень сильно. Сюжетъ этотъ—Ифигенія и ея трагическая судьба. Эврипидъ посвятилъ античной героинѣ двѣ трагедіи,—два шедевра,—„Ифигенію въ Авлидѣ“ и „Ифигенію въ Тавридѣ“. Въ нихъ изображаются два событія изъ жизни героини. Съ своей стороны, Расинъ написалъ „Ифигенію въ Авлидѣ“, а Гете — „Ифигенію въ Тавридѣ“. Очень любопытно было бы сравнить трагедію Расина съ первой изъ этихъ трагедій Эврипида, а трагедію Гете—со второй, но такая сложная параллель требуетъ довольно подробнаго литературнаго изслѣдованія и повела бы насъ слишкомъ далеко; поэтому мы принуждены ограничиться на первыхъ порахъ сравненіемъ трагедіи Гете съ трагедіей Эврипида.

Достаточно извѣстенъ миѳъ, на которомъ Эврипидъ основалъ свои трагедіи: онъ подробно разсказанъ у Овидія. Въ теченіе пяти поколѣній самыя страшныя преступленія возникали другъ

изъ друга въ семьѣ, которой представителями были послѣдовательно: Танталъ, Пелопсъ, Θіестъ, и Атрей, Агамемнонъ и Орестъ. Одно убійство точно роковымъ образомъ вызывало другое и кровь омывалась кровью: Агамемнонъ убитъ своей собственной женой, мстившей ему за предполагаемое принесеніе въ жертву ихъ дочери Ифигеніи; за смерть Агамемнона отомстилъ своей собственной матери ея сынъ Орестъ. Этотъ послѣдовательный рядъ убійствъ образовалъ цѣлую трагическую цѣпь, звенья которой разрабатывались многими поэтами: въ древности Эсхилъ и въ новѣйшее время Альфіери изобразили въ трагедіи смерть Агамемнона; судьбу Ореста послѣ убійства имъ Клитемнестры разрабатывали: Эсхилъ въ „Эвменидахъ", Софоклъ въ „Электрѣ", Эврипидъ въ „Орестѣ", Вольтеръ и Альфіери въ трагедіяхъ того же названія. Задача какъ Эврипида, такъ и Гете заключалась въ томъ, чтобы показать, какимъ образомъ кончилось проклятіе, легшее на цѣлую семью.

Изъ разсказовъ Овидія мы знаемъ, что Ифигенія въ то время, какъ Агамемнонъ приготовлялся принести ее въ жертву, чтобы умилостивить боговъ, была спасена Діаной и перенесена богиней на облакѣ въ Тавриду, гдѣ молодая дѣвушка сдѣлалась жрицей богини, которая ее спасла. Таврида, — древнее названіе Крыма, — была заселена скиθами, народомъ варварскимъ, и культъ Діаны въ этой странѣ былъ такъ-же жестокъ, какъ и нравы обитателей. Всѣ чужеземцы, появлявшіеся въ Тавридѣ, обязательно приносились въ жертву богинѣ. Ифигенія должна была наблюдать за исполненіемъ этого закона. Однажды два грека, только что высадившіеся на берегъ Тавриды, были приведены къ ней; это были Пиладъ и Орестъ, ея братъ. Они явились въ Тавриду похитить, по приказанію Аполлона, статую Діаны; отъ успѣха этого предпріятія, по указанію оракула, зависѣло освобожденіе Ореста отъ преслѣдованія Фурій, мстившихъ ему за смерть Клитемнестры. Братъ и сестра узнали другъ друга. Было рѣшено, что Орестъ и Пиладъ, захвативъ съ собой статую, бѣжать вмѣстѣ съ Ифигеніей; судьба, однако, рѣшила иначе: ихъ заговоръ былъ открытъ. Тоасъ, царь Тавриды, уже готовился казнить грековъ, какъ вдругъ появилась Минерва; она спустилась съ Олимпа съ приказомъ отъ боговъ освободить грековъ и позволить имъ вмѣстѣ съ статуей Діаны возвратиться въ Грецію.

Таковы сюжеты трагедій Эврипида и Гете.

I.

Современникъ Софокла, Эврипидъ, кажется, ближе къ намъ, чѣмъ къ своему великому современнику. Въ лихорадочно-кипучей дѣятельности Эллады, въ промежуткѣ четырнадцати лѣтъ между рожденіемъ двухъ поэтовъ, все измѣнилось коренньмъ образомъ. Великая аθинская эпоха прошла; герои исчезаютъ, на ихъ мѣсто являются софисты, античная религія теряетъ свою жизненность, возникаетъ скептицизмъ, такъ рѣзко проявившійся въ Эврипидѣ и Аристофанѣ. Софоклъ, потомокъ благородныхъ борцовъ, видѣвшихъ мидійскія войны, пѣвшій гимнъ побѣды послѣ Саламинскаго сраженія, затѣмъ жрецъ,—олицетворяетъ собою идеальную Элладу. Сынъ простой торговки, атлетъ въ юности, риторъ у Предика, ученикъ Анаксагора и товарищъ по школѣ Сократа, Эврипидъ представляетъ новую эпоху аθинской культуры. Оба великіе поэта принадлежатъ разнымъ мірамъ, живя въ одномъ и томъ же городѣ и въ одно и то же время.

Разница между трагедіями Софокла и Эврипида также велика. Идеалъ потухаетъ и боги блѣднѣютъ; эти боги, грозные у Эсхила, величественные у Софокла, превращаются въ какія-то неясныя тѣни у Эврипида; они точно плаваютъ въ сумракѣ между падающей религіей и нарождающейся философіей. Поэтъ какъ-будто потерялъ пониманіе священныхъ стиховъ, олицетворяемыхъ богами; онъ конечно, попрежнему выводитъ ихъ на сцену, но не вѣруетъ въ нихъ. Иногда онъ прибѣгаетъ къ нимъ безъ всякой нужды, въ прологѣ и эпилогѣ, но и только. Иногда онъ ихъ рѣзко порицаетъ, упрекая во всѣхъ легендарныхъ преступленіяхъ, игнорируя символическій смыслъ миθовъ. Скептически относясь къ богамъ, Эврипидъ въ то же время искажаетъ преданія политеизма; онъ усложняетъ ихъ романтическими приключеніями и навязываетъ имъ произвольныя развязки. „Я изображалъ людей такими, какими они должны быть,—говорилъ Софоклъ:—Эврипидъ—такими, какими они есть въ дѣйствительности". И это правда. Встрѣчая на сценѣ тѣхъ же людей, которыхъ выводилъ Эсхилъ и Софоклъ, кажется, что теперь, въ трагедіи Эврипида, они гораздо ниже. Все ослабло въ нихъ: гордость, благородство, добродѣтель, даже самое зло. У Эврипида эпическіе герои дѣлаются похожи на дѣйствительныхъ тогдашнихъ грековъ; величіе, которыми они драпируются, кажется,

зависитъ отъ надѣваемыхъ ими котурновъ. Они развязно носятъ свои царскія тоги. Ихъ мелкія страсти недостойны героической эпохи: кажется, что полу-боги превратились въ простыхъ горожанъ. Они не борются уже противъ рока, они подчиняются ему съ безсильнымъ бѣшенствомъ, какъ рабы подъ палкой грознаго тирана. Кромѣ того, эти герои напоминаютъ еще и ораторовъ. Кажется, что Эврипидъ сначала воспитывалъ ихъ въ школѣ софистовъ, и потомъ уже выводилъ ихъ на сцену. Находятся ли они въ Аргосѣ или въ Ѳивахъ, среди сраженія, или на укрѣпленіяхъ осажденнаго города, они всегда готовы говорить рѣчи. Немудрено, поэтому, что Аристофанъ такъ жестоко вышучивалъ Эврипида въ своихъ комедіяхъ.

Но Аристофанъ тѣмъ не менѣе несправедливъ; онъ видитъ только слабыя стороны Эврипида и не хочетъ выдать его поразительныхъ красотъ. Если Эврипидъ и не принадлежитъ къ породѣ Эсхила и Софокла, то онъ слѣдуетъ за ними непосредственно. Онъ похожъ на Педазоса, третьяго коня въ колесницѣ Ахилла: это былъ конь не божественнаго происхожденія, подобно двумъ другимъ, но, какъ сказалъ Гомеръ, „онъ всюду слѣдовалъ за безсмертными конями". „Эврипидъ,— говоритъ Коршъ въ своей „Исторіи греческой литературы",—внесъ новую струю въ греческую трагедію. Струя эта была, правда, разрушительнаго свойства, но трагедія не могла держаться долѣе на той героической высотѣ, на какую вознесли ее Эсхилъ и Софоклъ. Критическій духъ времени сдѣлалъ свое дѣло. Большой талантъ, смѣнившій ихъ на аѳинской сценѣ, не могъ не искать новыхъ путей, на которые наводили его передовыя стремленія современности. За привлекательной оболочкой героическаго величья Эврипидъ яснѣе своихъ предшественниковъ разглядѣлъ причину всѣхъ причинъ, человѣческое сердце, его борьбу съ внушеніями мысли и разума. Эсхилъ и Софоклъ геніально изображали героизмъ человѣческой природы въ увеличенныхъ размѣрахъ. Эврипидъ былъ не менѣе геніальнымъ поэтомъ ея неодолимыхъ страстей, ея сильныхъ, но реальныхъ слабостей, если можно такъ выразиться... Вслѣдствіе этого Эврипида можно считать предшественникомъ, чуть не творцомъ, такъ называемой новой комедіи грековъ, которая замѣнила сатиру на лица сатирой на нравы, и которой представители относились восторженно къ памяти и произведеніямъ Эврипида, какъ своего учителя. Его вліяніе замѣтно перешло потомъ, черезъ новую комедію грековъ и римлянъ, на новыя литературы. Нравственныя идеи Эврипида, отразившіяся въ его драмахъ, обличаютъ такое глубокое пониманіе человѣческой природы и общества, такія сильныя философскія и религіозныя убѣжденія, что многіе въ древности считали его мудрымъ изъ мудрыхъ, а христіанскіе писатели первыхъ вѣковъ нашей эры даже находили въ его сочиненіяхъ смутное предчувствіе новой вѣры..."

Этотъ особенный характеръ таланта Эврипида и его недостатки какъ нельзя лучше отразились въ „Ифигеніи въ Тавридѣ". Трагедія открывается разсказомъ самой героини о ея предшествующей судьбѣ, о томъ, какъ она была спасена чудеснымъ образомъ въ Авлидѣ и какъ затѣмъ Діана перенесла ее въ Тавриду. Тамъ царствуетъ жестокій тиранъ-варваръ Тоасъ; Ифигенія состоитъ жрицей въ храмѣ Діаны, гдѣ, по закону страны, совершаются человѣческія жертвоприношенія, при которыхъ она должна присутствовать. Всѣ ея мысли съ тоской обращаются къ ея родинѣ и къ ея брату Оресту, который одинъ только и можетъ спасти ее изъ того тяжелаго положенія, въ которомъ она находится. Первыя сцены трагедіи, переполненныя грустью, болѣе свойственной нашему времени, чѣмъ древности, вводятъ насъ въ самое сердце трагедіи. Затѣмъ жрицѣ объявляютъ, что на берегу моря были пойманы два чужеземца; въ цѣпяхъ ихъ приводятъ къ ней. Чувство жалости просыпается въ Ифигеніи, которая предлагаетъ спасти одного изъ нихъ, если тотъ обѣщаетъ отвезти ея посланіе въ Грецію, къ ея роднымъ. Одинъ изъ нихъ, какъ догадывается зритель, есть Орестъ, ея братъ, а другой—Пиладъ, его другъ. Орестъ отказывается отъ побѣга, но предлагаетъ сдѣлать это Пиладу. Эта дружба, выражающаяся въ такомъ самопожертвованіи, удивляетъ молодую дѣвушку; она съ любопытствомъ разспрашиваетъ ихъ, и изъ этихъ объясненій оказывается, что одинъ изъ нихъ — Орестъ. Эта сцена имѣетъ очень возвышенный и трогательный характеръ. Теперь приходится думать о спасеніи обоихъ, какъ и о томъ, чтобы увезти въ Грецію священную статую Діаны. Ифигенія — по истинѣ хитрая и ловкая гречанка, — убѣждаетъ Тоаса, что необходимо полное очищеніе прежде, чѣмъ будетъ приступлено къ жертвоприношенію, ибо чужеземцы осмѣлились прикоснуться своими нечистыми руками къ статуѣ. Тоасъ, грубый и невѣжественный тиранъ, позволяетъ за-

переть себя въ храмъ, боясь быть свидѣтелемъ тайнъ очищенія. Тогда Ифигенія приказываетъ перенести статую на корабль, на который входятъ также она сама и два друга. Корабль отплываетъ въ то время, когда Тоасъ, замѣтившій слишкомъ поздно уловку, разражается проклятіемъ; но его усмиряетъ появленіе Минервы, велѣніямъ которой онъ подчиняется. Эта развязка, напоминающая отчасти обыкновенный фарсъ, совершенно въ духѣ Эврипида. Не вѣря въ могущество боговъ и ихъ заступничество за дѣло правды и справедливости, Эврипиду часто приходилось прибѣгать къ подобнаго рода развязкамъ. Тѣмъ не менѣе, чрезвычайно искусное расположеніе сценъ придаетъ трагедіи необыкновенное движеніе. Трагедія поражаетъ чудесной разработкой характеровъ,—правдивыхъ и сильныхъ. Ифигенія представляется какимъ-то высшимъ, цѣломудреннымъ существомъ, которое невольно внушаетъ къ себѣ уваженіе варваровъ. Еще болѣе возвышенный и благородный оттѣнокъ имѣетъ дружба Ореста и Пилада. Одинъ Тоасъ является типомъ жестокаго и грубаго варвара, въ которомъ нѣтъ ничего человѣческаго.

Гете, почти цѣликомъ сохранивъ фабулу трагедіи, тѣмъ не менѣе совершенно ее измѣнилъ. Онъ хотѣлъ показать намъ, какъ великая душа однимъ лишь превосходствомъ своей нравственной красоты можетъ побѣдить варварство нравовъ и необузданность страстей. Своимъ нѣжнымъ вліяніемъ Ифигенія на половину цивилизовала Тоаса. Она настояла на уничтоженіи человѣческихъ жертвоприношеній въ Тавридѣ, а въ минуту опасности, когда является желаніе прибѣгнуть къ хитрости и обману, измѣнить правдѣ, которая для нея является первой изъ добродѣтелей, она чувствуетъ себя неспособной обманывать и лгать, и такова ея власть надъ сердцемъ Тоаса, что этотъ тиранъ не только добровольно соглашается отпустить Ореста и Пилада, противъ которыхъ онъ раздраженъ, но примиряется и съ отъѣздомъ Ифигеніи, которую любитъ.

Драма Гете въ тѣсномъ смыслѣ слова не есть драма. Въ ней нѣтъ того, что называется сценическимъ движеніемъ и что такъ закупаетъ въ трагедіи Эврипида. Гете, точно нарочно, избѣгаетъ всего, что можетъ возбуждать воображеніе зрителей. Нельзя даже сказать, чтобы драма нѣмецкаго поэта отличалась тѣмъ драматическимъ интересомъ, который характеризуетъ современную драму и который заключается во внутренней борьбѣ страстей съ долгомъ. Конечно, Ифигенія взволнована, когда она видитъ, что ей предстоитъ выборъ между обманомъ, долженствующимъ спасти ее и ея брата, и правдой, которая можетъ погубить ихъ; но ужасъ такого положенія только показанъ поэтомъ и не доведенъ до настоящей нравственной бури.

И тѣмъ не менѣе, при этомъ отсутствіи драматическаго элемента, произведеніе Гете есть истинная драма. Это вовсе не рядъ послѣдовательныхъ лирическихъ монологовъ или философскихъ діалоговъ. Въ драмѣ замѣчается внутреннее дѣйствіе, которое спокойно, но логично приводитъ дѣйствующихъ лицъ къ развязкѣ. Въ „Ифигеніи“ Гете драматическое движеніе замѣняютъ чувства. Когда въ концѣ четвертаго дѣйствія Ифигенія декламируетъ гимнъ Парокъ, передающій въ короткихъ энергическихъ стихахъ гибель гордаго Тантала, проклятаго въ своемъ потомствѣ, — воспоминаніе объ этой старой пѣснѣ ея дѣтства естественно приходитъ на память молодой дѣвушкѣ въ минуту нравственныхъ страданій и останавливаетъ развязку въ тотъ самый моментъ, когда должна рѣшаться судьба Ореста. И когда въ первомъ дѣйствіи она разсказываетъ царю несчастія и преступленія своихъ предковъ, – разсказъ прерывается внезапно по-истинѣ драматическимъ восклицаніемъ:

> Ты отвращаешь взоръ свой, государь!
> Такъ солнце отвратило ликъ свой ясный
> И колесницу съ вѣчнаго пути!.. [1])

эти слова — не случайная вставка, они имѣютъ цѣлью поколебать Тоаса въ его любви. Въ драмѣ Гете все мотивировано, все на своемъ мѣстѣ; нѣтъ ничего ни внѣшняго, ни лишняго, и вслѣдствіе этого получается удивительное впечатлѣніе цѣльности.

Нѣмецкіе критики очень много спорили о томъ, насколько „Ифигенія“ Гете сохранила греческій характеръ. Этотъ споръ доказалъ, что въ этомъ отношеніи существуетъ цѣлый рядъ недоразумѣній. Такъ какъ герои Гете совсѣмъ не дѣйствуютъ, то многіе заключили, что они — истинные античные греки, какъ-будто отсутствіемъ дѣйствія характеризуется античная трагедія! А такъ какъ чувства, выражаемыя ими, чисто современныя, то другіе заключили, что въ нихъ нѣтъ ничего греческаго! Мы, однако, думаемъ, что драма Гете,

[1]) Я вездѣ цитирую переводъ г. Яхонтова.

благодаря нѣкоторымъ своимъ признакамъ, простотѣ средствъ, малому числу дѣйствующихъ лицъ, ширинѣ плана, возвышенности, строгости, чувству мѣры,— имѣетъ греческій характеръ. Но въ самомъ содержаніи произведеніе Гете вполнѣ современно и въ этомъ-то именно и заключается его обаяніе. Великій поэтъ съумѣлъ сохранить полную гармонію между античными нравами и чувствами современнаго человѣка. Конечно, его героиня—женщина XVIII вѣка, но она не противорѣчитъ нравамъ античнаго міра: она является только послѣднимъ словомъ прогрессивной культуры. Гете, разумѣется, не остановился на религіозной точкѣ зрѣнія древности, да и не могъ остановиться И въ самомъ дѣлѣ, о какой, собственно говоря, религіозной точкѣ зрѣнія здѣсь можетъ быть рѣчь? Уже между Эсхиломъ и Эврипидомъ лежитъ въ этомъ отношеніи цѣлая пропасть, а съ тѣхъ поръ человѣчество прошло не малый путь. Драма Гете не есть бездушное подражаніе античной трагедіи, но живое продолженіе ея. Гетевская Ифигенія есть именно такая Ифигенія, какую долженъ былъ бы создать трагикъ античной Греціи, если-бы онъ могъ воспользоваться двадцатью-двумя вѣками цивилизаціи, въ теченіе которыхъ человѣческое сознаніе такъ страшно обогатилось и осложнилось.

III.

Героиня Гете отличается хрустальной чистотой души; зло не имѣетъ надъ нею никакой власти, а искушеніе прибѣгнуть къ обману побѣждено въ этой душѣ почти безъ малѣйшей борьбы. Съ сценической точки зрѣнія такая непоколебимая добродѣтель имѣетъ свои неудобства, потому что абсолютное нравственное совершенство лишено драматическаго интереса и не такъ правдиво, какъ слабости и колебанія человѣческой совѣсти, но въ гетевской Ифигеніи этотъ недостатокъ съ лихвой выкупается одной чисто женской чертой: въ ней замѣчается какая-то мягкая, нѣжная робость, проникающая всю мощь ея души. Къ тому-же поэтъ и не имѣлъ права придать Ифигеніи болѣе человѣческій обликъ, потому что божественная чистота этой великой души требовалась самой сущностью избраннаго сюжета, какъ его понялъ Гете.

Эврипидъ сохранилъ религіозный элементъ драмы, но съ внѣшней лишь стороны. Устарѣвшая миѳологія, въ которую греки его времени уже не вѣрили, кажется ему нелѣпой. Его персонажи, устами которыхъ онъ чаще всего самъ говоритъ, обвиняютъ боговъ во лжи и жестокости, и тѣмъ не менѣе эти боги являются полными хозяевами драматическаго дѣйствія, и драма, благодаря имъ, приходитъ къ желаемой развязкѣ. Поэтому и Ифигенія въ античной драмѣ имѣетъ чисто человѣческую роль. Это – настоящая гречанка, внучка Пелопса. У нея всѣ недостатки и качества своего пола и своей народности. Болѣе энергичная и ловкая, чѣмъ Орестъ и Пиладъ, она придумываетъ искусный планъ побѣга; не теряя ни минуты, она приводитъ его въ исполненіе съ удивительной ловкостью, пользуясь комической глупостью скиѳскаго царя, и это ея поведеніе вызываетъ только два замѣчанія хора: „Какъ женщины искусны въ продѣлкахъ!“ „Посмотрите, заслуживаютъ ли женщины нашего довѣрія!“ Убійство тирана совсѣмъ не входитъ въ ея планы: убійство она считаетъ просто ошибкой, но она хвалитъ Ореста за то, что ему пришла мысль убить царя. Страданіе, изгнаніе омрачили ея душу, вмѣсто того, чтобы укротить ее. Она желала бы встрѣтить Елену и Менелая, чтобы отомстить имъ и устроить имъ новую Авлиду. Она не прощаетъ ни богамъ, ни отцу. Она жаждетъ погибели Улисса и радуется, узнавъ о смерти Калхаса.

Ничего подобнаго мы не видимъ въ гетевской Ифигеніи. То благо, которое героиня нѣмецкаго поэта распространяетъ вокругъ себя, не есть результатъ энергической и суетливой дѣятельности; Ифигенія Гете совсѣмъ не предпріимчива, не дѣятельна, она даже на совѣты скупа. И тѣмъ не менѣе, она является великимъ благомъ для окружающихъ ее. Ея красота возбудила въ Тоасѣ сдержанную къ ней любовь вмѣстѣ съ уваженіемъ, внушаемымъ великимъ нравственнымъ характеромъ. Скиѳы, благодаря ея благодѣтельному вліянію, цивилизуются, какъ и ихъ царь. Человѣческія жертвы становятся невѣроятными при болѣе мягкихъ и очищенныхъ нравахъ. Но варварство только на половину побѣждено. Тоасъ, взбѣшенный отказомъ молодой дѣвушки быть его женой, возстановляетъ древній законъ человѣческихъ жертвоприношеній въ то самое время, когда появляются въ Тавридѣ Орестъ и Пиладъ.

Узнавъ отъ Ифигеніи, что она—сестра его, Орестъ снова ощущаетъ припадокъ бѣшенства. Образъ смерти, кажущейся ему неизбѣжной, охватываетъ съ новой силой его мысль, и ему кажется,

что умереть отъ руки Ифигеніи—верхъ проклятія, лежащаго на всей его семьѣ. Истощенный этимъ припадкомъ, онъ засыпаетъ и сейчасъ же благодѣтельное вліяніе Ифигеніи начинаетъ дѣйствовать, какъ очарованіе. Во снѣ онъ видитъ, какъ представители его семьи подаютъ другъ другу руки, Атрей прохаживается съ Ѳіестомъ, дружески съ нимъ бесѣдуя, ихъ дѣти тутъ-же весело играютъ. Мало-по-малу, взволнованная душа Ореста настолько успокаивается, что при пробужденіи онъ считаетъ себя возрожденнымъ.

Даруйте же и мнѣ, на лонѣ друга,
Въ объятіяхъ возлюбленной сестры,
Вполнѣ дарами неба насладиться
И ихъ хранить, благословляя васъ!
Мнѣ говоритъ сердечный, чистый голосъ:
Проклятіе снимается съ меня.
Уже нисходятъ въ Тартаръ Эвмениды;
Вотъ за собой тяжелыя врата
Захлопнули онѣ съ далекимъ гуломъ;
Земля благоухаетъ животворно,
Манитъ меня въ широкій свой просторъ
На подвиги, на радость новой жизни.

Недугъ Ореста имѣлъ нравственной причиной убѣжденіе, что рокъ осудилъ на преступность всѣхъ членовъ его семьи; но вотъ онъ узнаетъ, что его сестра добродѣтельна и невинна, значитъ искупленіе совершено и античное проклятіе прекращается. По мистическимъ взглядамъ Гете, одна лишь женщина могла реализировать божественную идею совершенства, одна лишь женщина могла избавить мужчину отъ ада и открыть передъ нимъ божественные горизонты:

Das Ewig-Weibliche
Zieht uns hinau [1]).

Верхомъ искусства нѣмецкаго поэта можно считать то, что онъ сохранилъ Ифигеніи всѣ черты женщины, не отнимая у нея ореолъ божественности. Она всегда и во всемъ остается женщиной. Но вотъ наступаетъ минута выбрать или спасающую ложь, или убивающую правду, и она говоритъ:

Разумное они внушили слово
Моимъ устамъ, чтобъ отвѣчать царю,
Когда упорнѣй требовать онъ будетъ
Ужасной жертвы. Ахъ, меня должны
Руководить, какъ малаго ребенка!
Хитрить, скрывать не научилась я!
О, ненавистна ложь! Она отъ гнета
Освободить не можетъ нашу грудь,
Какъ справедливо сказанное слово,
Она не ободряетъ, а страшитъ
Кующаго ее во мглѣ и тайнѣ;
Назадъ она вернется, какъ стрѣла,
Безумнымъ смертнымъ пущенная въ небо,
И поразитъ пославшаго ее...
Въ моей душѣ—тревога за тревогой!
Опять, быть можетъ, Фурія теперь
Преслѣдуетъ, неистовая, брата
На неблагословенномъ берегу...
Смутился духъ при видѣ человѣка,
Котораго неправдой встрѣчу я.

Въ разговорѣ съ Аркосомъ она старается хитрить, но неловко и неумѣло, и въ концѣ концовъ бросаетъ эту неподходящую ей роль и возвращается къ героическому рѣшенію не измѣнять правдѣ:

... Отъ сна
Онъ пробудилъ меня, напомнивъ снова,
Что я *людей* покину здѣсь.

Какъ далеко отъ древности переноситъ насъ подобное чувство. Никогда истинный античный грекъ не въ состояніи былъ бы понять колебаніе Ифигеніи въ ея положеніи, и выборъ, на которомъ она останавливается, показался бы ему не только нелѣпымъ, но и нечестивымъ. Ифигенія мягко, безъ всякихъ фразъ заявляетъ Пиладу, что не можетъ послѣдовать его совѣту Въ спорѣ, возникшемъ такимъ образомъ между Пиладомъ и Ифигеніей, Пиладъ представляетъ долгъ по отношенію къ лицамъ и обстоятельствамъ, Ифигенія—безотносительный, вѣчный долгъ. Пиладъ непоколебимъ на практической почвѣ, на которой онъ стоитъ. Ифигенія—не менѣе непоколебима, не отступая ни на шагъ отъ своей совѣсти. Пиладъ правъ, когда говоритъ:

Такой себя ты въ храмѣ сохранила.
Жизнь учитъ насъ съ собою и къ другимъ
Быть меньше строгими; сама ты это
На опытѣ узнаешь. Родъ людской
Такъ чудно созданъ, многосложно такъ
Закутанъ, связанъ тайными судьбами,
Что въ немъ никто, ни порознь самъ въ себѣ,
Ни въ отношеньяхъ съ близкими не можетъ
Быть гостемъ, независимымъ вполнѣ.

Пиладъ, конечно, правъ, но какую цѣнность имѣетъ это мнѣніе практическаго человѣка въ

[1]) Заключительныя слова „Фауста“. Въ переводѣ г. Холодковскаго они переданы такъ:

Нашъ духъ возносится сюда
Лишь женственностью вѣчной.

сравненіи съ чувствомъ Ифигеніи, которая можетъ удовлетвориться однимъ лишь идеаломъ?

Только въ чистотѣ,
Безъ пятенъ, сердце можетъ быть спокойнымъ!

Въ короткой молитвѣ она умоляетъ боговъ „прославить въ ней правду", потомъ она все открываетъ Тоасу: имя Ореста, цѣли его путешествія, планъ побѣга, торопливо, ничего не забывая, какъ это обыкновенно бываетъ, когда стараешься освободиться отъ слишкомъ тяжелой ноши. Облегченная этимъ сознаніемъ, но трепеща за послѣдствія, она проситъ прощенія у Ореста и Пилада:

Мой братъ, прости меня! Внушенью сердца
Послушная, ему вручила я
Судьбу васъ всѣхъ. Я замыселъ открыла
И душу отъ измѣны сберегла.

Гете вложилъ въ сердце Ифигеніи чувство благодарности къ Тоасу, который былъ ея благодѣтелемъ. Отказываясь обманывать его, она не только отступаетъ передъ ложью, но также и передъ неблагодарностью. Этой чертой поэтъ какъ бы смягчилъ то, что могло бы показаться парадоксальнымъ въ возвышенной любви героини къ истинѣ. Но въ дѣйствительности Ифигенія повинуется только абсолютному долгу говорить правду. Если бы даже Тоасъ былъ человѣкомъ безъ сердца, она не могла бы дѣйствовать иначе; она бы не могла сказать себѣ, что злой человѣкъ не имѣетъ права знать истину, потому что говорить правду есть долгъ по отношенію къ намъ самимъ, а ложь —поступокъ, унижающій наше человѣческое достоинство.

IV.

Мы видѣли, какой нравственной красотой отличается гетевская Ифигенія. Не менѣе прекрасна въ художественномъ и нравственномъ отношеніи и развязка трагедіи.

Въ развязкѣ трагедіи поэтъ имѣлъ задачей показать, какимъ образомъ, благодаря какимъ матеріальнымъ и нравственнымъ обстоятельствамъ, преступная семья примиряется съ богами. Когда выходъ изъ трагической борьбы не кончается кровью, то существуютъ только два способа закончить трагедію мирно: или примиреніе является внѣшнимъ, благодаря вмѣшательству божественныхъ силъ, или же оно возникаетъ само собой, благодаря доброй волѣ дѣйствующихъ лицъ.

Развязка „Ифигеніи въ Тавридѣ", возникающая вслѣдствіе всемогущаго вмѣшательства Минервы, является самой слабой частью трагедіи Эврипида. Бѣдный Тоасъ, передъ тѣмъ до такой степени разсвирѣпѣвшій противъ грековъ, что намѣревался посадить ихъ „на острый колъ", теперь печально склоняетъ голову и покорно отвѣчаетъ дочери Юпитера: „Могущественная Минерва! тотъ, кто слышитъ приказъ боговъ и отказывается исполнить его,—безумецъ. Хотя Орестъ и увозитъ статую богини, я не сержусь на него и на его сестру, ибо что можетъ быть хорошаго бороться противъ всемогущихъ боговъ?" Собствено говоря, такая развязка не можетъ быть названа развязкой: разрубить узелъ—не значитъ развязать его.

Теперь посмотримъ на развязку гетевской трагедіи. Орестъ, пораженный внезапнымъ свѣтомъ, открываетъ истинный смыслъ оракула, смыслъ чисто-человѣческій, яркій, очевидный:

Не долженъ ликъ богини, государь,
Причиной быть раздора между нами.
Мы заблужденье поняли теперь,
Которымъ насъ, какъ мракомъ, окружило
Путеводившее насъ божество.
Усердно я молилъ его отъ фурій
Меня избавить. Вотъ его отвѣтъ:
«Когда сестру, которая въ Тавридѣ
Во храмѣ противъ воли остается,
Ты въ землю грековъ снова привезешь,
Съ тебя проклятье снимется». Мы ложно
Въ словахъ его истолковали смыслъ:
Сестру мы разумѣли Аполлона,
А онъ тебя въ нихъ разумѣлъ, сестра.
.
О царь, склонися къ миру; не препятствуй
Ей освятить присутствіемъ своимъ
Родимый кровъ нашъ, возвратить меня
Въ чертогъ отцовъ......
Какъ сила дерзновенная и хитрость —
Хвала и слава высшая мужей —
Пристыжены незыблемою правдой
Ея души, такъ дѣтское ея
Довѣрье къ благороднѣйшему мужу
Награждено да будетъ!

Такъ какъ статуя Діаны остается въ Тавридѣ, то права монарха никоимъ образомъ не нарушены, если только самъ Тоасъ не считаетъ Ифигенію своею собственностью. Но онъ самъ еще въ началѣ трагедіи объявилъ ей:

М. Т. Михайловъ.

По грибки—по ягодки!

ФОТ. И ТИП. П. БАБКИНА. СПБ.

На родину вернуться ты свободна;
Но если путь на вѣкъ тебѣ закрытъ,
Но если родъ твой изгнанъ иль угасъ
Преслѣдуемъ невзгодою великой —
По всѣмъ правамъ ты мнѣ принадлежишь.

Послѣ Ореста къ царю обращается Ифигенія и умоляетъ его сдержать данное ей обѣщаніе, т.-е. позволить ей вернуться въ Грецію. Тоасъ, побѣжденный ея мольбами, нехотя соглашается:

Свободны вы—идите!

говоритъ онъ. Но не такого позволенія желаетъ Ифигенія; простой матеріальный фактъ ея освобожденія не можетъ удовлетворить ее, ей даже недостаточно формальное разрѣшеніе уѣхать: она уѣдетъ только тогда, когда царь добровольно и отъ всего сердца, не сердясь на ея мнимую неблагодарность, дастъ ей это позволеніе. И вотъ она умоляетъ его съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ:

Нѣтъ, не такъ,
Мой царь! Безъ твоего благословенья,
Въ раздорѣ не разстанусь я съ тобой.
Не изгоняй насъ. Межъ тобой и нами
Обмѣнъ да будетъ правъ гостепріимства —
Такъ будемъ не на вѣкъ разлучены.
Ты дорогъ мнѣ, какъ былъ отецъ мнѣ дорогъ, —
И впечатлѣнье это глубоко
Въ душѣ я сохраняю. Еслибъ даже
Послѣдній изъ народа твоего
Мнѣ звукъ принесъ знакомой здѣшней рѣчи,
И если на послѣднемъ бѣднякѣ
Подобіе одеждъ я вашихъ встрѣчу,
Какъ бога я его приму. Сама
Я для пришельца ложе приготовлю,
Предъ очагомъ домашнимъ посажу
И спрашивать его подробно стану
Лишь о тебѣ, о жребіи твоемъ.
Пусть боги, за дѣла твои и милость,
Достойно воздадутъ тебѣ хвалу!
Прости же, царь! Взгляни на насъ и добрый
Привѣтъ прощанья всѣмъ намъ возврати!
Тогда и вѣтеръ тише будетъ вѣять,
Нашъ парусъ наполняя, и слеза
Отрадная изъ глазъ моихъ прольется.
Прости! Въ залогъ старинной нашей дружбы
Дай руку на прощанье мнѣ!

Тоасъ, очарованный ея словами, побѣжденный величьемъ ея души, понявъ возвышенность ея чувства, протягиваетъ ей руку и говоритъ:

Lebt wohl!

т.-е. прощай.

И этимъ словомъ заканчивается трагедія. Какое громадное разстояніе, въ идеальной сферѣ чувства, пережили мы между Эврипидомъ и Гете! Передъ нами воочію обнаружилось двѣ цивилизаціи, два міровоззрѣнія, два полюса культуры, языческій и христіанскій, и этотъ послѣдній—утонченный такимъ развитіемъ чувства, такимъ сознаніемъ правъ личности, такимъ утвержденіемъ свободы, о какихъ древній грекъ, несмотря на богатство культуры, созданной имъ, не имѣлъ никакого представленія.

В. Чуйко.

* * *

Ужъ близокъ гостей
Пѣвучій прилетъ.
Уноситъ ручей
Серебряный ледъ.

Еще холодна,
На нивы и лѣсъ,
Зардѣвшись, весна
Слетаетъ съ небесъ.

Гдѣ ступитъ—цвѣты,
Какъ грезы, растутъ;
А глянетъ—мечты
О счастьѣ цвѣтутъ.

I. Ясинскій.

ДВА ДНЯ ВЪ НОВГОРОДѢ.

„Весной всѣхъ тянетъ вдаль,“—сказалъ Тургеневъ, а любимый имъ Мопассанъ выразился такъ, что въ каждомъ стремленіи къ путешествію играетъ большую роль желаніе хоть нѣкоторое время не видѣть крыши сосѣдняго дома.

Какъ бы то ни было, но года два тому назадъ автору этихъ строкъ захотѣлось непремѣнно попутешествовать, но „l'homme propose, Dieu dispose, и, несмотря на мечты о „заграницѣ“, Крымѣ и Кавказѣ, мнѣ пришлось ограничиться поѣздкой въ недалекій Новгородъ. Впрочемъ, не одно морское купанье дѣйствуетъ освѣжительно иногда стоитъ только погрузиться въ волны маленькой рѣчки, чтобъ стряхнуть съ себя тяжесть зноя; вотъ почему и эта небольшая экскурсія произвела на меня впечатлѣніе, такъ что мнѣ и теперь пріятно вспомнить о ней и, перебирая фотографическіе виды Новгорода, мысленно продѣлать ее еще разъ.

Не знаю, какъ моя спутница, но я, садясь въ вагонъ Николаевской дороги въ одинъ изъ іюньскихъ дней, испытала свойственное многимъ путешественникамъ особое чувство освобожденія, отрѣшенности отъ обычныхъ условій жизни, какъ будто вмѣстѣ съ дымомъ уходящаго поѣзда разсѣялись и всѣ житейскія заботы. Надо замѣтить, однако, что намъ обѣимъ не пришлось долго размышлять о такомъ благодѣтельномъ вліяніи путешествій: часа черезъ четыре послѣ нашего отъѣзда изъ Петербурга передъ нами замелькала свѣтлая полоса рѣки, и поѣздъ остановился на знаменитой своими комарами станціи Волховъ, гдѣ мы должны были пересѣсть на пароходъ. При первомъ взглядѣ на историческую рѣку мною овладѣло то волненіе, которое Бурже называетъ sensation de l'histoire; оно знакомо всѣмъ любителямъ исторіи, да и немудрено было ему поддаться: вѣдь нашъ пароходъ шелъ по тѣмъ волнамъ, по которымъ летѣли когда-то удалыя ладьи Рюрика и его дружины, если только существовалъ когда-нибудь этотъ легендарный вождь, а то, можетъ быть, ему навсегда суждено остаться для русской исторіи какимъ-то Иваномъ непомнящимъ родства. При этомъ невольно вспомнился мнѣ учебникъ Рождественскаго, гдѣ этотъ вопросъ рѣшенъ очень просто: существованіе Рюрика признано несомнѣннымъ фактомъ и потому на первыхъ же страницахъ красуется его портретъ, чертами напоминающій швейцара изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ. Вѣроятно, составитель учебника нашелъ, что для молодого ума гипотезы вредны, и лучше обратить ихъ въ историческіе факты и закрѣпить въ дѣтской памяти подобными иллюстраціями.

Съ мыслями о Рюрикѣ мы и заснули подъ мѣрный шумъ парохода. Когда мы проснулись, солнце уже ярко свѣтило на небѣ, и мы поспѣшили подняться на палубу, чтобъ полюбоваться рѣкой и ея берегами. Насъ сейчасъ же охватило холодкомъ ранняго лѣтняго утра.

На палубѣ сидѣла обычная публика волховскихъ пароходовъ: старенькій сельскій священникъ со сморщеннымъ личикомъ и слезящимися глазками, одѣтый въ темную поношенную ряску, богомолки изъ Петербурга, ѣдущія поклониться новгородскимъ святынямъ, два-три неуклюжихъ семинариста, торговецъ съ корзиной провизіи и т. п. Но насъ занимали не пассажиры, а Волховъ, и тѣ панорамы, которыя раскидывались передъ нами: вотъ Званка, гдѣ когда-то жилъ пѣвецъ Екатерины; подводя здѣсь итоги своимъ долгимъ днямъ, онъ передъ смертью написалъ извѣстное стихотвореніе о рѣкѣ временъ, все топящей въ пропасти забвенья. Но старый скептикъ оказался не правъ: его имя еще не пожрано „жерломъ вѣчности“. Дальше по берегамъ Волхова развертываются, точно въ хронологическомъ порядкѣ, другія страницы исторіи, но „не дней Александровыхъ прекрасное начало“, а ихъ далеко не прекрасный конецъ:—передъ нами тянутся унылыя въ своемъ однообразіи казармы, остатки прежнихъ военныхъ поселеній. Въ то же время и живая жизнь даетъ о себѣ знать, прошлое сливается съ настоящимъ: длинныя и некрасивыя зданія на берегу твердятъ намъ о мрачномъ Аракчеевѣ, а бойкій мужичекъ-пассажиръ толкуетъ съ своимъ сосѣдомъ о подвигахъ земскаго начальника. Тамъ и сямъ мелькаютъ также по откосамъ бѣдныя деревеньки, дворянскія усадьбы, захудалыя или

еще держащіяся. Вотъ и Хутынь — пассажиры поднимаются съ своихъ мѣстъ и набожно крестятся, многіе шепчутъ молитву до тѣхъ поръ, пока величавая древняя обитель не скрывается совсѣмъ изъ глазъ. Мы опять совершаемъ тогда экскурсію въ область исторіи или скорѣе легенды и, справившись съ указателемъ, узнаемъ, что Іоаннъ III, грозный покоритель Новгорода, посѣтилъ разъ Хутынскій монастырь и пожелалъ видѣть почивающія подъ спудомъ мощи святого Варлаамія, но вышедшей изъ раки огонь опалилъ его трость. Наконецъ нашъ пароходъ миновалъ и монастыри Антоніевъ и Деревяницкій.

Мы пріѣхали. Вотъ онъ—„господинъ великій Новгородъ". Первое впечатлѣніе получается такое, какъ-будто вы попали въ столичное захолустье, очутились гдѣ-нибудь на Петербургской или Выборгской сторонѣ, а между тѣмъ передъ нами центръ губернскаго города. Извозчикъ везетъ насъ въ гостиницу, и послѣ краткаго отдыха мы начинаемъ осмотръ городскихъ достопримѣчательностей. Прежде всего насъ манитъ къ себѣ Софійскій соборъ, но по дорогѣ мы заходимъ въ часовню Чуднаго креста, названную такъ по большому распятію, которое очень чтится мѣстными жителями: судя по славянской надписи, она сооружена въ XVI в. какимъ-то Петромъ Невѣжинымъ, можетъ быть, для выполненія благочестиваго обѣта. Въ этой часовнѣ всегда можно видѣть молящихся: для новгородцевъ она то же, что часовня Спасителя для петербуржцевъ. Пройдя по Волховскому мосту, на которомъ ужъ не бьются теперь „мужики-вѣчники", мы входимъ въ Кремль и съ интересомъ разсматриваемъ его древнія стѣны и полукруглыя ворота. Такимъ образомъ, мы приближаемся къ собору и къ памятнику тысячелѣтія, но здѣсь насъ ожидаетъ разочарованіе: въ памятникѣ, стоящемъ на загороженной зданіями площади, нѣтъ ничего грандіознаго, каждая изъ фигуръ въ отдѣльности сдѣлана прекрасно, но всѣ вмѣстѣ онѣ какъ-то скучены. Къ тому же, полуденный зной палитъ нестерпимо, и намъ хочется скорѣе укрыться отъ него подъ прохладными сводами св. Софіи. Къ сожалѣнію, соборъ реставрируется, и туда нельзя проникнуть, приходится ограничиться осмотромъ наружныхъ фресокъ, съ которыхъ теперь отбита покрывавшая ихъ штукатурка.

Впрочемъ, и эти фрески чрезвычайно интересны: отъ нихъ вѣетъ когда-то сѣдой стариной. Такъ какъ въ соборѣ производятся работы, то почивавшія въ немъ мощи перенесены въ Входоіерусалимскую церковь. Дежурный іеромонахъ соглашается отпереть для насъ святыя гробницы, но онъ чѣмъ-то озабоченъ и видимо торопится; поэтому онъ наскоро открываетъ каждую раку и, едва выждавъ, пока мы приложимся, уже со стукомъ захлопываетъ крышку и, гремя ключами, несется къ слѣдующимъ мощамъ съ поспѣшностью, совсѣмъ неблагопріятной для благочестивыхъ размышленій. А между тѣмъ здѣсь есть надъ чѣмъ призадуматься: вотъ княгиня Анна, жена Ярослава Мудраго, вотъ сынъ ея Владиміръ, создатель собора, умершій еще при жизни отца, почему дѣти его стали изгоями; онъ совершилъ послѣдній походъ на Грецію, закончившій собою героическій періодъ русской исторіи. Здѣсь же покоятся и Мстиславъ Храбрый, смѣлый противникъ Андрея Боголюбскаго, и юный князь Ѳеодоръ, братъ Александра Невскаго, скончавшійся въ самый день своей свадьбы. Не давъ намъ времени предаться историческимъ воспоминаніямъ, іеромонахъ уходитъ быстро, но смѣнившій его молодой послушникъ оказывается предупредительнѣе и предлагаетъ намъ зайти въ церковь святителя Іоанна, особенно чтимаго новгородцами.

Всѣ стѣны ея украшены фресками недавняго происхожденія, изображающими тѣ или другіе эпизоды изъ жизни святого; между прочимъ, мы видимъ и того принявшаго видъ лошади бѣса, на которомъ преп. Іоаннъ ѣздилъ въ Іерусалимъ: въ немъ нѣтъ ничего демоническаго; это просто сѣренькая лошадка, не имѣющая ничего общаго съ тѣмъ конемъ, на которомъ ѣхала старушка въ извѣстной балладѣ Жуковскаго.

Осмотръ церкви конченъ, и, отдохнувъ еще разъ при взглядѣ на древній соборъ, оказавшійся для насъ недоступнымъ, мы возвращаемся въ гостиницу. Едва пообѣдавъ, мы, какъ истые туристы, предпринимаемъ новую поѣздку: на этотъ разъ мы ѣдемъ Волховомъ въ Антоніевскій монастырь, который находится въ 3-хъ верстахъ отъ Новгорода, на правомъ берегу рѣки. Жаръ спалъ, но погода стоитъ прекрасная, рѣка блеститъ, какъ зеркало, и наша лодка быстро несется по теченію, обгоняя попадающіяся намъ навстрѣчу гонки, т.-е. плоты, нагруженные сплавляемымъ лѣсомъ.

На одномъ изъ нихъ, среди груды сухого

лѣса, разложенъ костеръ—вѣроятно, на немъ готовится ужинъ, и возможность пожара, очевидно, не пугаетъ безпечныхъ пловцовъ. Поѣздка наша оказывается очень удачной: намъ удается напасть на словоохотливаго чичероне, который самымъ добросовѣстнымъ образомъ знакомитъ насъ со всѣми монастырскими достопримѣчательностями: онъ показываетъ намъ камень, на которомъ св. Антоній Римлянинъ, основавшій въ 1106 г. эту обитель, приплылъ, по преданію, изъ Италіи въ Новгородъ; вѣтвь морской травы, бывшую въ моментъ прибытія въ рукахъ преподобнаго; небольшой колоколъ и два мѣдныхъ паникадила, согласно тому же преданію, принадлежавшихъ ему же. Есть здѣсь и вещи интересныя для археологовъ, и къ числу ихъ принадлежитъ очень древняя икона Благовѣщенія, на которой Богородица изображена не за традиціоннымъ чтеніемъ книги пророка Исаіи, а съ веретеномъ въ рукѣ. По словамъ монаховъ, раскольники приходятъ въ монастырь съ исключительной цѣлью поклониться этой иконѣ. Убѣдившись, что мы дѣйствительно интересуемся стариной и желаемъ видѣть рѣшительно все, монахъ ведетъ насъ по узкой спиральной лѣстницѣ въ самый куполъ, гдѣ помѣщается крошечная церковка во имя св. Онуфрія и Петра Аѳонскаго. Онъ идетъ впередъ, освѣщая намъ путь восковымъ огаркомъ, и дорогой указываетъ намъ на продѣланную въ толстыхъ стѣнахъ келейку, нѣчто вродѣ ящика: это молельня св. Антонія, и весь полъ изрытъ въ ней колѣнопреклоненіями святого; здѣсь всегда горитъ неугасимая лампада. Поднявшись по крутымъ каменнымъ ступенямъ, мы вдругъ очутились прямо предъ высокимъ иконостасомъ, потому что весь этотъ храмъ имѣетъ не болѣе двухъ саженей въ діаметрѣ. Лики св. Петра и Онуфрія смотрятъ на насъ какъ-то особенно сурово, и намъ дѣлается жутко отъ вида ихъ скелетообразныхъ, лишенныхъ одежды фигуръ, съ длинными сѣдыми бородами. Намъ кажется, что изъ боковой ниши на насъ глядитъ и третье человѣческое лицо, и, дѣйствительно, проводникъ указываетъ намъ на рѣзное изображеніе Спасителя, которое спрятано здѣсь съ тѣхъ самыхъ поръ, когда, по приказу Петра Великаго, всѣ подобныя статуи, какъ нѣчто католическое, были изгнаны изъ церквей. Мы смотримъ, и намъ становится жаль этого опальнаго, загнаннаго въ уголокъ Христа, печально поникшаго увѣнчанной терніями головою: впечатлѣніе тѣмъ сильнѣе, что эта деревянная статуя искусной работы. Подъ этимъ впечатлѣніемъ мы спускаемся внизъ, — опять передъ нами мерцаетъ красноватый свѣтъ воскового огарка, бросая неровные отблески на сырыя, поросшія вѣковымъ мохомъ стѣны, и становится страшно при одной мысли, что онъ можетъ потухнуть: какъ мы спустимся тогда съ этой крутой винтообразной лѣсенки, ведущей на головокружительную высоту? Такое же чувство пришлось мнѣ испытать за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, когда мнѣ пришла фантазія взобраться на крышу стариннаго рыцарскаго замка въ Аренсбургѣ: оттуда открывался чудесный видъ на голубое море, на которомъ гдѣ-то вдали бѣлѣлъ неизбѣжный парусъ, на сосѣдніе луга съ вѣтряными мельницами, на лежащій у подножія замка красивый маленькій городокъ; на этой высотѣ дышалось легко и свободно, но зато, каково было спускаться обратно по безконечной, полуразрушенной лѣстницѣ, на которой не хватало многихъ ступеней: перилъ не было, а сбоку зіялъ, какъ черная пасть, огромный ровъ, „Löwengtabn“, куда, по преданію, бросали ослушавшихся епископа рыцарей. Я была такъ счастлива, когда выбралась наконецъ на дневной свѣтъ и почувствовала подъ ногами твердую почву.

Но вотъ мы спустились, оставивъ далеко за собой и суровые лики отшельниковъ, и меланхолическую статую, и мрачную келейку св. Антонія. Мы опять на берегу рѣки, озаренной вечернимъ солнцемъ, наша лодка ждетъ насъ, и мы пускаемся въ обратный путь. Дома, прежде чѣмъ заснуть, мы чертимъ себѣ программу завтрашнихъ странствованій; на этотъ разъ мы прежде всего рѣшаемъ побывать въ женскихъ монастыряхъ, Звѣринъ-Покровскомъ и Десятинскомъ. До нихъ далеко, и потому дорогой мы успѣваемъ составить себѣ понятіе о характерной чертѣ Новгорода—обиліи храмовъ: среди скромныхъ домиковъ то-и-дѣло выростаетъ то бѣлая церковь съ зеленымъ куполомъ, то небольшая часовня; на улицахъ постоянно попадаются монахи и монахини съ кружками.

Подъѣхавъ къ Звѣринскому монастырю (онъ названъ такъ потому, что построенъ на мѣстѣ княжескаго звѣринца), мы входимъ на обширный монастырскій дворъ, и насъ сразу поражаетъ окружающая насъ тишина. Чисто выметенный дворъ похожъ на паркетъ, окна келій блестятъ на солнцѣ, и вѣтеръ колышетъ ихъ бѣлыя зана-

вѣски, но нигдѣ не видно ни души—все точно вымерло: дѣло въ томъ, что всѣ монахини за трапезой.

Наконецъ насъ замѣтили, дежурная монахиня привѣтливо спѣшитъ намъ навстрѣчу и даетъ въ спутницы послушницу. Та показываетъ намъ старинную церковь, „обыдёнку", построенную въ XV вѣкѣ по народному обѣту во время морового повѣтрія: когда древнюю Русь постигали „гладъ или моръ", что случалось нерѣдко, жители пострадавшей мѣстности давали обѣщаніе воздвигнуть въ однѣ сутки церковь, и вотъ эти добровольцы-плотники цѣлый день рубили бревна и строили; духовенство при этомъ все время безпрерывно служило молебны, и точно чудомъ, быстро выросталъ новый храмъ. Между прочимъ, послушница ведетъ насъ мимо какихъ-то низенькихъ чулановъ, говоря при этомъ равнодушнымъ тономъ:—„Вотъ здѣсь прежде хоронили умершихъ отъ чумы, а теперь мы тутъ муку держимъ". Моя спутница М. К. содрогается отъ этихъ словъ тѣмъ болѣе что историческая справка подтверждаетъ намъ существованіе при этомъ монастырѣ такой „скудельницы" или „божедомки". Тѣмъ не менѣе, передъ отъѣздомъ изъ монастыря, по предложенію монахинь, мы пробуемъ и монастырскій квасъ, и хлѣбъ, и находимъ и то, и другое замѣчательно вкуснымъ, несмотря на воспоминаніе о той мукѣ, которая хранится надъ прахомъ зачумленныхъ; вѣдь это было еще въ XV в.! самъ Пастеръ нашелъ бы, что бактеріи не могутъ же обладать такой живучестью.

Въ Десятинскомъ монастырѣ мы находимъ такую же тишину, все также блеститъ чистотой, но древностями обитель небогата: напротивъ того, все подновлено; иконы новаго и довольно аляповатаго письма изображаютъ различные эпизоды изъ жизни св. мученицы Варвары, часть мощей которой находится въ этой обители, но все это нарисовано грубо; кровь черезчуръ красна, мучители святой черезчуръ звѣроподобны.

Достопримѣчательностью Десятинскаго монастыря является могила Параши Сибирячки, прославленной и Ксавье де-Местромъ, и Полевымъ, и вызвавшей въ свое время, можетъ быть, столько же слезъ, сколько и пресловутая „Бѣдная Лиза".

Она была здѣсь послушницей и скончалась отъ чахотки въ 1812 г., 25 лѣтъ отъ роду. Эта могила невольно наводитъ на мысль: да нуженъ ли былъ самый подвигъ молодой героини? Извѣстно, что родители ея, горюя о ней, жалѣли о томъ, что ихъ вернули изъ Сибири, съ которой они уже сжились, и гдѣ все имъ было знакомо, тогда какъ въ Европ. Россіи, среди чужихъ людей и лишившись единственной дочери, они чувствовали себя совсѣмъ одинокими. Впрочемъ, можетъ быть, и многіе подвиги нужны не сами по себѣ, а по тому слѣду, по тому нравственному значенію, которое они имѣютъ для другихъ людей.

Отъ бѣдной, безвременно умершей Параши Сибирячки наши мысли обращаются къ разсказывающей о ней старой монахинѣ, и у насъ является желаніе узнать, давно ли она удалилась отъ міра. На нашъ вопросъ мать Мастридія, еще бодрая и живая старушка, отвѣчаетъ, что пришла въ монастырь 11-лѣтней дѣвочкой и провела здѣсь болѣе 50 лѣтъ. Мы спрашиваемъ, не жалѣла ли она когда-нибудь о принятомъ ею безповоротномъ рѣшеніи, но получаемъ отрицательный отвѣтъ, и по добродушнымъ глазамъ матери Мастридіи, по всему ея безмятежному и спокойному облику видно, что она говоритъ правду,—или, можетъ быть, и недовольство своей участью, и порывы были когда-то, но все это давно улеглось, и старушка сама забыла о прежнемъ. М. К. вступаетъ съ нею въ продолжительную бесѣду о ея монашескомъ житьѣ-бытьѣ, и старая монахиня охотно болтаетъ съ нами; видно, что рада поговорить со свѣжимъ человѣкомъ и похвалиться благоустройствомъ обители. На прощанье она обнимаетъ насъ, спрашиваетъ наши имена и обѣщаетъ молиться за Марію и Наталію. Мать Мастридія долго не выходитъ у насъ изъ головы, и на обратномъ пути мы даже начинаемъ спорить: моя спутница утверждаетъ, что нѣтъ ничего лучше, какъ на старости лѣтъ поселиться въ такой тихой обители, гдѣ всюду миръ и благолѣпіе, а меня одна мысль объ этомъ приводитъ въ ужасъ: я нахожу, что подобное добровольное заточеніе хуже смерти, лучше и на склонѣ лѣтъ остаться жить среди людей и по возможности участвовать въ ихъ интересахъ. Впрочемъ, это слишкомъ обширная тема: наши взгляды настолько субъективны, что примирить ихъ нельзя, и нашъ споръ, какъ бо̀льшею частью споры, кончается ничѣмъ.

Вечеромъ мы снова пускаемся въ путь, и эта новая поѣздка насъ особенно интересуетъ: мы отправляемся въ Юрьевъ монастырь, а оттуда въ Спасо-Нередицкую церковь, замѣчательный памятникъ старины, истинное сокровище для археологовъ. Ѣдемъ мы по Волхову довольно долго,

потому что приходится плыть противъ теченія да и Ильмень близко и даетъ о себѣ знать легкой качкой; древняя обитель съ красивыми золотыми главами точно плыветъ намъ навстрѣчу, мы ясно слышимъ мѣрные и чистые звуки колокола, призывающаго къ вечернѣ, но все еще не можемъ доѣхать. Наконецъ мы причалили къ небольшой монастырской пристани и очутились „у вратъ обители святой": хотя она, по преданію, основана еще Ярославомъ Мудрымъ, но въ ней не напоминаетъ все о старинѣ, а о временахъ сравнительно недавнихъ, о знаменитомъ архимандритѣ Фотіи и его фанатической поклонницѣ, графинѣ Аннѣ Орловой, благодаря которой Юрьевъ монастырь сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ въ Россіи. Намъ показываютъ и гробницы ихъ въ подземной церкви Похвалы Богородицѣ, причемъ сопровождающій насъ монахъ утверждаетъ, что по обоимъ благодѣтелямъ монастырь читаетъ псалтирь „денно и нощно". Это увѣреніе насъ нѣсколько удивляетъ, потому что хоть на аналоѣ и раскрытъ псалтирь, но чтеца не видно. Иконостасъ главнаго соборнаго храма во имя св. Георгія блеститъ драгоцѣнными камнями, дарами той же „дщери-дѣвицы", какъ называлъ ее Фотій: они поражаютъ своей величиной, но пока мы любуемся ими, монахъ спѣшитъ намъ замѣтить, что это поддѣльные камни, копіи, а самые оригиналы, во избѣжаніе пропажи, хранятся въ ризницѣ. Запасшись образками для петербургскихъ родныхъ и знакомыхъ, мы отказываемся, однако, отъ предлагаемыхъ намъ карточекъ Фотія и графини Анны и спѣшимъ снова сѣсть въ лодку, чтобъ до заката солнца побывать въ древнемъ Спасо-Нередицкомъ храмѣ. Изъ Волхова наша лодка въѣзжаетъ въ Сиверсовъ каналъ; кругомъ тишина и безмолвіе, по каналу никакого движенія, дорогой мы не встрѣчаемъ ни барокъ, ни лодокъ... кажется, будто мы плывемъ по рѣкѣ Стиксу и готовы вступить въ царство тѣней. Спасо-Нередицкая церковь, какъ заштатная, приписана къ Рюрикову Городищу, историческому селу, гдѣ, по преданію, впервые поселились славяне, основавшіе потомъ Новгородъ; здѣсь же остановился и Рюрикъ по своемъ прибытіи изъ Варяжской земли. Намъ надо заѣхать сюда и пригласить съ собой въ Нередицу мѣстнаго священника, у котораго хранятся ключи отъ Нередицкаго храма, наша лодка долго лавируетъ, не зная, какъ причалить къ Городищу; берегъ топкій и болотистый и ни малѣйшаго подобія пристани. Наконецъ мы пристаемъ, приглашенный священникъ садится къ намъ въ лодку, и мы приближаемся къ маленькой церкви, которая все яснѣе и яснѣе вырисовывается на фонѣ вечерняго неба. Это настоящая экскурсія въ область исторіи: вблизи нѣтъ ничего напоминающаго о современности, мы видимъ только воду и небо, Волховъ шумитъ, какъ онъ шумѣлъ при Ярославѣ, а разбросанныя по берегу Городища избушки не нарушаютъ иллюзіи: такими онѣ были и въ первыя времена нашей исторіи—недалеко мы ушли съ тѣхъ поръ въ этомъ отношеніи. Вотъ мы и у цѣли, и стоимъ уже передъ скромной древней церковью, похожей по виду на сундучекъ, надъ входомъ глядитъ на насъ полустершійся ликъ Христа, маленькая колоколенка „звонница", стоитъ отдѣльно, такъ строили въ старину. Дверь отпирается со скрипомъ, мы входимъ, и насъ сразу охватываетъ ледяная сырость, чувствительная, несмотря на теплый лѣтній вечеръ. Въ храмѣ полумракъ, и мы сначала не можемъ оріентироваться; зато потомъ, когда глазъ привыкъ къ этимъ сумеркамъ, нами овладѣваетъ такое чувство, какъ будто волшебная сила перенесла насъ за семь вѣковъ назадъ (храмъ основанъ въ XII вѣкѣ). Дѣйствительно, насъ окружаетъ здѣсь глубокая, сѣдая старина. Въ куполѣ церкви, какъ и въ св. Софіи, изображенъ огромный ликъ Спасителя, а всѣ стѣны обильно покрыты фресками, дѣтски-уродливыми и наивными въ своей уродливости. На сѣверной стѣнѣ особенно бросается въ глаза изображеніе кн. Ярослава, строителя собора, подносящаго Христу модель Нередицкой церкви, далѣе идутъ сцены изъ Ветхаго и Новаго завѣта; весь потолокъ изрытъ, какъ гнѣздами, углубленіями для голосниковъ, или резонаторовъ, которые вставлялись сюда съ акустическими цѣлями. Отъ многихъ иконъ отъ сырости остались только ободки, живопись исчезла, но царскія двери замѣчательной работы XV в. (ажурная рѣзьба) сохранились превосходно; сохранился и каменный жертвенникъ, на который и указываетъ намъ нашъ священникъ. Тутъ же лежатъ влажныя отъ сырости ризы, отъ одного взгляда на которыя дѣлается холодно, и однако нашъ спутникъ надѣваетъ это облаченіе въ тѣ рѣдкіе дни, когда въ этомъ храмѣ отправляется служба. По его словамъ, здѣсь служатъ и Свѣтлую заутреню. Моему воображенію сейчасъ же представляется

оригинальная и трогательная картина свѣтлой заутрени въ этомъ полуразрушенномъ храмѣ, среди исчезающихъ фресокъ, въ двухъ шагахъ отъ исторической рѣки. Несмотря на то, что за дверями храма и свѣтло, и тепло, а здѣсь и сырость, и полутьма, намъ обѣимъ какъ-то не хочется выйти отсюда, разстаться съ тѣми особенными и до тѣхъ поръ неизвѣданными ощущеніями, какими подарила насъ эта древняя, полузабытая церковь. Но намъ нельзя задерживать священника, который видимо торопится. Мы выходимъ, садимся въ лодку, нашъ гребецъ начинаетъ работать веслами; небольшой древній храмъ, на который уже набѣгаютъ вечернія тѣни, мало-по-малу удаляется отъ насъ, и мы съ сожалѣніемъ прощаемся съ нимъ. Впечатлѣніе такъ полно, что мы даже говоримъ мало, и мѣрный всплескъ воды отъ взмаха веселъ гармонируетъ съ нашимъ душевнымъ настроеніемъ. И теперь стоитъ мнѣ только закрыть глаза, и сейчасъ же мнѣ представляется пустынный Сиверсовъ каналъ, освѣщенный заходящимъ солнцемъ, безлюдный берегъ съ группой развѣсистыхъ деревьевъ и эта ветхая церковь съ благословляющимъ ликомъ Христа надъ входомъ.

Но вотъ насталъ послѣдній день нашего пребыванія въ Новгородѣ. Мы спѣшимъ побывать въ церкви Знаменія и поклониться знаменитой иконѣ, спасшей новгородцевъ отъ войскъ „самовластца“, Андрея Боголюбскаго, дорогой бросаемъ любопытный взглядъ на Ярославову башню, заходимъ и въ Николо-Дворищенскій соборъ, находящійся на той площади, гдѣ когда-то собиралось буйное новгородское вѣче. Перейдя на Софійскую сторону, мы отправляемся въ недавно устроенный новороссійской музей древностей, но недостатокъ времени заставляетъ насъ ограничиться бѣглымъ его осмотромъ, хотя здѣсь много интереснаго. Мы наскоро осматриваемъ древнія иконы, фрески, вериги неизвѣстныхъ подвижниковъ, найденныя въ упраздненныхъ монастыряхъ (при Екатеринѣ II въ окрестностяхъ Новгорода было закрыто много монастырей), старинные брачные вѣнцы, сдѣланные изъ древеснаго луба. Среди всѣхъ этихъ памятниковъ древности намъ вдругъ бросается въ глаза знакомый ликъ Христа въ терновомъ вѣнцѣ: то же безутѣшное выраженіе, та же полная скорби поза, что мы уже видѣли въ Антоніевомъ монастырѣ: только этотъ Христосъ заключенъ еще въ тѣсную будочку изображавшую, вѣроятно, часовню. Присутствіе такихъ статуй въ новгородскихъ церквахъ говоритъ о частыхъ сношеніяхъ съ католическимъ западомъ. Есть здѣсь и памятники болѣе близкаго прошлаго: императорскіе портреты, чашка и салфетка Екатерины II, мебель изъ барки, на которой эта императрица совершила путешествіе по Волхову, и т. д. Есть здѣсь и старыя клавикорды, помѣченныя 1700 годомъ. Помнится, одинъ изъ тургеневскихъ героевъ все желалъ узнать, что видѣло старое зеркало лѣтъ сто тому назадъ. У насъ при видѣ этихъ клавикордъ явился похожій вопросъ: кто-то игралъ на нихъ, когда они были еще новы?

Послѣ осмотра музея мы ѣдемъ еще разъ за городъ,— насъ манитъ къ себѣ кладбищенская церковь во имя апостоловъ Петра и Павла, построенная еще въ XI в., и мы положительно чувствуемъ, что, живя въ Новгородѣ, могли бы сдѣлаться страстными археологами. Ожиданіе насъ обманываетъ: кладбищенская церковь оказывается, дѣйствительно, древностью, но древностью неинтересною, а только мрачною и непривѣтливой. Въ самомъ храмѣ сыро, холодно и темно, деревья такъ разрослись, что совсѣмъ закрыли окна, и дневной свѣтъ едва проникаетъ подъ эти угрюмые своды. Но самое безотрадное впечатлѣніе производитъ гробница покоящейся здѣсь преподобной Харитины, по преданію невѣсты того самаго князя Θеодора, который скончался въ самый день своей свадьбы (по другимъ извѣстіямъ, преп. Харитина, скончавшаяся въ XV в., не могла конечно, быть современницей Александра Невскаго). Послѣ постигшаго ея несчастія эта литовская княжна постриглась въ монастырѣ, единственнымъ остаткомъ котораго и является эта печальная церковь. И гробница, и покровы ея такъ изветшали, на всемъ лежитъ такая печать разрушенія, унынія, заброшенности, что мы спѣшимъ скорѣе выйти отсюда и съ наслажденіемъ вдыхаемъ свѣжій вечерній воздухъ. Но насъ ждетъ еще новое тяжелое впечатлѣніе; на каменной скамьѣ у самаго храма сидитъ дряхлая старуха, мать сторожа. Печально глядя на насъ своими полуслѣпыми глазами, она разсказываетъ, что она и сынъ сторожатъ церковь только изъ-за квартиры: при храмѣ нѣтъ особаго прихода, и имъ не могутъ дать другого вознагражденія, помѣщаются же они въ подвалѣ, подъ церковью. Вспомнивъ, какъ сыро и холодно въ самой церк-

ви, мы можемъ себѣ представить, каково это помѣщеніе, и скорченная ревматизмами, почти потерявшая зрѣніе старушка служитъ нагляднымъ доказательствомъ той истины, что не всякая казенная квартира бываетъ хороша. Въ общемъ, впечатлѣніе не изъ веселыхъ, и моя спутница не находитъ, повидимому, особенно удачной мою идею посѣтить эту древнюю церковь.

Конецъ вечера мы проводимъ на Лерховскомъ бульварѣ, на берегу Волхова, и, сидя на скамейкѣ, присматриваемся къ незнакомой намъ провинціальной жизни: гуляющіе семинаристы любезничаютъ съ барышнями, старенькій попикъ съ пушистыми сѣдыми кудрями, въ бѣлой лѣтней ряскѣ, идетъ съ вѣникомъ изъ бани и, любуясь яснымъ вечеромъ, спокойно отвѣчаетъ на поклоны знакомыхъ; мимо насъ проплываетъ большая лодка, гдѣ сидитъ цѣлая компанія молодежи, слышатся пѣсни и хохотъ. Солнце заходитъ, и мы отправляемся домой, толкуя о послѣднемъ визитѣ, который предстоитъ намъ сдѣлать завтра. По просьбѣ одной знакомой, я обѣщала навѣстить ея родственницъ, родившихся, выросшихъ и проживишихъ весь вѣкъ въ Новгородѣ. Я знала, что эти старушки живутъ очень уединенно, крайне подозрительны, боятся чужихъ и попасть къ нимъ трудно; поэтому, отправляясь къ нимъ утромъ слѣдующаго дня, мы не ручались за успѣхъ предпріятія: насъ, пожалуй, еще примутъ за злоумышленницъ и на порогъ не пустятъ. Домикъ старушекъ мы нашли безъ труда, отворили калитку и вошли на поросшій высокой травою дворъ, который примыкалъ къ небольшому запущенному садику. Долго бродили мы по травѣ, не зная, куда направиться: и окна, и двери были наглухо заперты. Наконецъ въ одномъ изъ оконъ съ двойными рамами, несмотря на іюньскую жару, пріотворилась форточка, сердитый старческій голосъ окликнулъ насъ, мы представили свои объясненія и получили позволеніе войти въ домъ. Хозяйки его, старыя дѣвицы, изъ которыхъ старшей за семьдесятъ, а младшей за шестьдесятъ лѣтъ, сначала встрѣтили насъ недовѣрчиво, но потомъ мало-по-малу разговорились, и изъ ихъ безхитростныхъ рѣчей мы узнали всю повѣсть ихъ неботатой событіями жизни: онѣ, какъ уже сказано, коренныя новгородки, младшая лѣтъ 40 тому назадъ была въ Петербургѣ, а старшая никогда не выѣзжала изъ Новгорода и вполнѣ убѣждена, что лучше города и быть не можетъ. Сначала онѣ жили при отцѣ, мелкомъ чиновникѣ казенной палаты, но „папенька померъ“, и теперь онѣ ухитряются существовать на 17 руб. пенсіи въ мѣсяцъ и, правда, существуютъ, но домишка поддерживать не могутъ; поэтому онъ и цвѣтъ потерялъ, крыша его покосилась, полъ покривился, зимой изъ всѣхъ щелей дуетъ, хоть въ шубѣ сиди. Уходя отъ старушекъ, мы выносимъ впечатлѣніе, сходное съ тѣмъ, которое получалось наканунѣ отъ кладбищенской церкви: и тамъ, и здѣсь гробницы, но тамъ хотя есть историческія воспоминанія, а здѣсь одно прозябаніе изъ-за грошей. Судьба этихъ старушекъ показалась мнѣ сходной съ настоящимъ положеніемъ Новгорода, бѣднаго, захудалаго городка съ поросшими травой улицами и разрушающимися церквами. Sic transit gloria mundi!

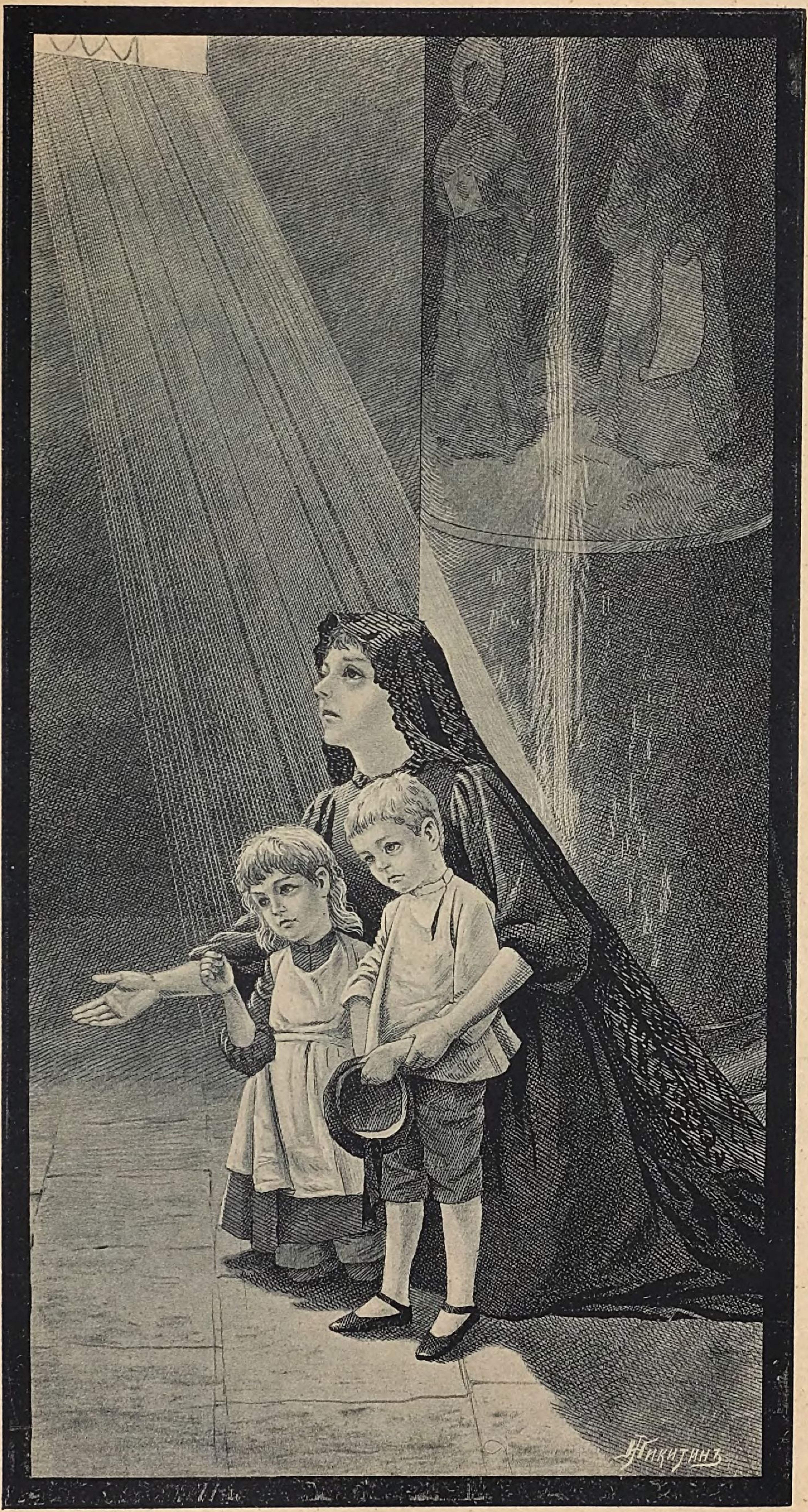
Н. Леонтьева.

* * *

Мы всѣ наемники на время;
Дни нашей жизни сочтены,
И всѣ тяжелой жизни бремя
До срока несть обречены.

И, какъ невольникъ въ нетерпѣньѣ
Ждетъ окончанія труда,
Такъ я въ минуты утомленья
Взываю къ Господу: „когда?..“

А. Заринъ.

Т. И. Никитинъ.

«Не за свою молю душу пустынную»...

ЖЕНЩИНѢ БУДУЩАГО.

Ты родилась въ хорошіе года:
Въ разгаръ движенія эпохи переходной,
Въ разгаръ великихъ битвъ святой войны народной
За независимость народнаго труда,
За право женщины, за честь и святость мнѣній,
За все, что силимся упрочить мы въ нашъ вѣкъ,
Чтобъ человѣкомъ сталъ, какъ должно, человѣкъ
За жизнью общества грядущихъ поколѣній...

Счастливица! Прекрасенъ жребій твой,
И путь твой въ будущемъ и радостенъ, и ясенъ!
Жизнь не растлитъ тебя ни ядомъ вредныхъ басенъ—
Беззубыхъ нянюшекъ безсвязной болтовней,
Ни вздорной матери вліяньемъ безтолковымъ,
Ни льстивымъ лепетомъ восторговъ и молитвъ,—
Ты съ дѣтства свыкнешься съ тревогой бранныхъ битвъ;
Твой умъ съ младенчества сроднится съ вѣкомъ новымъ;
Вражда къ невѣжеству и къ знаніямъ любовь
Тебѣ съ младенчества всосутся въ плоть и кровь,
И въявь въ глазахъ твоихъ, какъ въ пестрой панорамѣ,
Послушно прихоти разящей насъ судьбы,
Безъ личной помощи въ безкровной вѣка драмѣ
Пройдутъ всѣ ужасы общественной борьбы.

Да, ты счастливица! Изъ школы той печальной
Ты много вынесешь и сердцемъ, и умомъ,
И смѣло въ жизнь войдешь не куколкой хрустальной,
Не свѣтской барышней, а женщиной-бойцомъ
Съ неженской волею, съ запасомъ силъ и знаній,
Всегда готовая, врагамъ своимъ на страхъ,
Въ пылъ битвы ринуться безъ рабскихъ колебаній,
Второю Жанной д'Аркъ, со знаменемъ въ рукахъ...

Дитя! Кто скажетъ мнѣ: какъ взглянешь ты въ то время,
Съ какими чувствами на сгибнувшее племя
Твоихъ, преданьями изломанныхъ, отцовъ
Съ ихъ заблужденьями, съ ихъ жизненнымъ позоромъ,
Съ ихъ отрицаніемъ всѣхъ признанныхъ основъ?
Казнишь ли память ихъ ты строгимъ приговоромъ—
Насмѣшкой, свойственной холодному уму,
Иль, благодарная, дивяся и тому,
Чтò дать могли они, чтò муками и кровью
Они купили вамъ, ты вспомнишь ихъ съ любовью,
Прощая многое, сочувствуя въ иномъ
И сострадая имъ — во всемъ?..

Н. Пушкаревъ.

ТОРЖЕСТВО ПОБѢДИТЕЛЯ

(Комедія въ одномъ дѣйствіи)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Машутинъ, Петръ Леонтьевичъ, чиновникъ въ отставкѣ; занимается частными дѣлами.

Анна Модестовна, его жена.

Клавдія, Ипполитъ, Лена — ихъ дѣти.

Ходневъ; Павелъ Дмитріевичъ, женихъ Лены, присяжный повѣренный.

Тихоцкая.

Луша, горничная.

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, у Машутиныхъ.

Гостиная, обставленная небогато, но съ мѣщанскими притязаніями. Четыре двери: одна прямо, въ переднюю, двѣ направо, первая во внутреннія комнаты, вторая въ кабинетъ Машутина, и одна налѣво, въ комнату Клавдіи. Время передъ обѣдомъ.

I.

Клавдія и Лена.

(Клавдія—*въ утренней блузѣ и папильоткахъ сидитъ съ книгой,* Лена — *совсѣмъ одѣтая — возбужденно двигается по комнатѣ. Продолжительное молчаніе*).

Клавдія.

Не сидится тебѣ!

Лена.

Почему это не сидится?

Клавдія.

Да какже! Судьба твоего Павлуши рѣшается.

Лена *(значительно).*

Да, рѣшается.

Клавдія.

То-то и есть. Распинается, я думаю, страсть! Я какъ-то была въ судѣ, видѣла—не его, а другого. Умора! Ужъ и такъ онъ, и этакъ. Подумаешь, самого судятъ. Да и то сказать — хлѣбъ. Поневолѣ будешь изъ кожи лѣзть. Я только одному удивляюсь: какъ это ты утерпѣла и ни разу не пошла. Хоть бы сегодня.

Лена.

Это ужъ мое дѣло.

Клавдія.

Мудрите вы, Елена Петровна. Поймали жениха и зазнались. А смотри, какъ бы онъ того... Войдетъ въ славу, станетъ деньги загребать, пожалуй, и на попятный. Какой ему тогда въ тебѣ интересъ! Какъ ты полагаешь?

Лена.

Никакъ я не полагаю. Оставь меня въ покоѣ!

Клавдія.

Или, можетъ, ты оттого и мѣста себѣ не находишь, что сердце чуетъ? Бываетъ. А правда, что онъ за это дѣло десять тысячъ получитъ, если оправдаютъ?

Лена.

Не знаю.

Клавдія.

Ну, ужъ! Вотъ не повѣрю. Чтобы ты, при своей скупости, не полюбопытствовала,—какъ бы не такъ!

Лена.

Въ чемъ это моя скупость выражается, желала бы я знать? Не въ томъ ли, что я на всякій вздоръ денегъ не бросаю?

Клавдія.

Это въ мой огородъ, стало-быть? Сдѣлайте одолженіе, сколько угодно. Свои трачу, не ваши. А ужъ одѣться получше вашего умѣю, что и говорить. Даже вашъ Павлуша похвалилъ—даромъ, что обошли вы его... умными словами!

Лена.

Какъ это глупо!

Клавдія.

А то не обошла, скажешь? Чѣмъ же ты его прельстила тогда? Приданаго у тебя нѣтъ, наружность самая обыкновенная, талантами тоже Богъ не надѣлилъ—не поешь, не играешь. А понахватала умныхъ словъ, гдѣ вычитала, гдѣ услыхала, благо память хорошая,—ну, и ошарашила. Привыкъ, небось, чтобы всѣ его только слушали да ахали; а тутъ вдругъ даже такая дѣвица выискалась, что сама заговорила, да еще спорить начала.

Понравилось. Новинка. Только мой совѣтъ тебѣ, не откладывай свадьбу. Какъ это Ипполитъ говоритъ: „лови моментъ“, что ли? Чужого ума не надолго хватитъ, да и надоѣсть можетъ. Вы поцѣловались ли хоть разъ-то наединѣ? Или все только бесѣдуете, а? (*Передразнивая ее*) „Нѣтъ, милый, я съ тобой не согласна! Назначеніе женщины...“ (*Замѣтивъ нетерпѣливое движеніе Лены, со смѣхомъ*) Что, не нравится?

(*Лена идетъ направо и въ дверяхъ сталкивается съ Ипполитомъ*).

II.

Клавдія и Ипполитъ.

Ипполитъ.

Легче! Легче!.. Фу, гадость какая! (*Щурится*).

Клавдія.

Гдѣ гадость?

Ипполитъ.

Солнце. Смотрѣть больно.

Клавдія.

Ты бы еще больше спалъ.

Ипполитъ.

Не твое дѣло.

Клавдія.

Миленькій отвѣтъ! Гдѣ это вы вчера изволили?

Ипполитъ.

Въ хорошемъ мѣстѣ. Отсюда не видать. (*Громко зѣваетъ*)

Клавдія.

Ипполитъ! Что это?

Ипполитъ.

Зѣваю, очень просто. Съ чего это Елена выскочила отсюда, какъ ошпаренная? Опять поругались?

Клавдія.

Онѣ въ волненіи. Сегодня процессъ кончается.

Ипполитъ.

Это, стало-быть, насчетъ десяти тысячъ?

Клавдія.

Ну, конечно.

Ипполитъ.

Кушикъ изрядный. Хоть бы и мнѣ. Повезетъ же человѣку! А тутъ за тридцать рублей въ мѣсяцъ, изо дня въ день, по шести часовъ... Эхъ, жизнь проклятая!

Клавдія.

Не очень-то изо дня въ день. Сегодня, кажется, не праздникъ.

Ипполитъ.

Завтра праздникъ, все равно. (*Напѣвая*) „Смотрите здѣсь, смотрите тамъ...“ (*Подходитъ къ Клавдіи сзади и наклоняется*) Сѣдой волосъ.

Клавдія.

Что ты врешь?! (*Бросается къ зеркалу*)

Ипполитъ.

Испугалась? Да нѣтъ, нѣтъ, успокойся.

Клавдія (*возвращаясь на мѣсто*).

Болванъ!

(*Ипполитъ смѣется. Справа входитъ Анна Модестовна*)

III.

Клавдія, Ипполитъ и Анна Модестовна.

Анна Модестовна (*сыну*).

Всталъ, голубчикъ?

Ипполитъ.

Нѣтъ, лежу. Не видите развѣ?

Анна Модестовна.

Поздно вчера вернулся? Я что-то не слыхала.

Ипполитъ.

Рано. Только не вчера, а сегодня.

Анна Модестовна (*грузно усаживаясь*).

Не можется мнѣ что-то. Ты бы одѣлась, Клодиночка. Не равно, кто заѣдетъ.

Клавдія (*снова принявшаяся за чтеніе*).

Успѣю еще.

Анна Модестовна.

Какой я сегодня странный сонъ видѣла! Будто иду я, не то лѣсомъ, не то садомъ какимъ... иду, иду, конца нѣтъ. Устала, ноги подкашиваются, а все иду. Куда-то, будто, нужно, тороплюсь. Ночью это. Луна свѣтитъ, только на луну не похожа. Красная такая, неровная, и все по ней мелькаетъ что-то... Ну, шла я, шла... Вдругъ, поляна. Большая такая, и свѣтло на ней, какъ днемъ. Смотрю...

Ипполитъ.

Ну, да это намъ не интересно. Дайте-ка мнѣ лучше семь рублей!

Анна Модестовна.

Что? Какіе семь рублей?

Ипполитъ.

Какіе! Бумажные, извѣстно. Не видали никогда?

Анна Модестовна.

Гдѣ жъ я тебѣ возьму, Поленька? У меня нѣтъ.

Ипполитъ.

Ну, пошли!

Анна Модестовна.

Да ей Богу же! Ты вѣдь знаешь, отецъ мнѣ только на хозяйство даетъ, въ обрѣзъ. Еле хватаетъ.

Ипполитъ.

Еще бы хватало, когда у васъ въ кухнѣ по цѣлымъ днямъ сбродъ всякій толчется. Вонъ и теперь морда какая-то сидитъ, взглянуть тошно. Жрутъ, пьютъ, да еще, небось, кому пятиалтынный, кому двугривенный. Сыну жаль дать, а чортъ знаетъ кому...

Анна Модестовна.

Вотъ ужъ это ты напрасно, Поленька. Никогда этого не было. Если я и даю что, такъ изъ старья, изъ хлама. Сапоги тамъ или брюки. Разъ, дѣйствительно, изъ вещей ничего не оказалось, ну, дала сорокъ копеекъ, и то кому же? Феозѣ Антоновнѣ! Самъ знаешь, какая у ней семья. Мужъ пьяница.

Ипполитъ.

Это мнѣ все равно—Феозѣ, Мимозѣ... А вотъ, вмѣсто того, чтобы тряпье раздавать зря, лучше бы татарамъ его продавали. Ну, да какъ угодно, а семь рублей мнѣ давайте. Гдѣ хотите, возьмите.

Анна Модестовна.

Ахъ, Поленька! Терзаешь ты меня. Не жалѣю же я, въ самомъ дѣлѣ. Мнѣ вотъ еще цѣлую недѣлю изворачиваться, пока отецъ выдастъ (*Достаетъ кошелекъ и вынимаетъ изъ него рублевую бумажку*). Возьми вотъ. Больше, ей-богу, не могу.

Ипполитъ (*беретъ бумажку*).

Хоть бы Елена скорѣй замужъ выходила. Тамъ бы ужъ попользовался. Какъ оправдалъ какого-нибудь мошенника, пожалуйте! (*Звонокъ*).

Анна Модестовна (*встрепенувшись*).

Отецъ! Смотри, Клодиночка! Увидитъ, что ты не одѣта, разсердится.

Клавдія (*лѣниво потягиваясь*).

Для кого одѣваться-то? Кто у насъ бываетъ!

Анна Модестовна.

Кто бываетъ! Мало ли? Павелъ Дмитричъ..

Клавдія.

Онъ не для меня. Пріѣдетъ, одѣнусь.

Ипполитъ.

Ну, я уйду. Коли что, скажете, нездоровъ.

(*Уходитъ направо. Изъ передней входитъ Машутинъ*).

IV.

Клавдія, Анна Модестовна и Машутинъ.

Машутинъ (*Клавдіи*).

Ты что жъ это? Третій часъ, и все еще въ блузѣ? Пошла одѣнься!

Клавдія.

Сейчасъ, папаша. Вотъ, дочитаю только.

Машутинъ (*садясь*).

Усталъ.

Анна Модестовна.

Пѣшкомъ?

Машутинъ.

Развѣ только оттого устаютъ, что пѣшкомъ ходятъ? Устаютъ отъ дѣла.

Анна Модестовна.

Закусить чего-нибудь не хочешь ли? Я велю.

Машутинъ.

Не надо. Не хочу. (*Помолчавъ*). Никто не былъ?

Анна Модестовна.

Никто. Павла Дмитрича поджидаемъ... Замучили его тамъ, бѣднаго, на судѣ.

Машутинъ.

Замучили, за то и вознаградятъ, коли не сбрендитъ.

Анна Модестовна.

Далъ бы Богъ! (*Молчаніе*).

Машутинъ (*ни къ кому не обращаясь*).

Иванъ Иванычъ умеръ.

Анна Модестовна.

Хорошиловъ?!

Машутинъ.

А то кто же еще?

Анна Модестовна.

Господи! Вотъ! Царство ему небесное. Отъ какой же болѣзни?

Машутинъ.

Ударъ.

Анна Модестовна.

Скажите на милость! А какой здоровый былъ... Хорошо еще, что одинокій. А не дай Богъ, семья!

Машутинъ.

Вотъ протяну ноги, тогда почувствуете.

Анна Модестовна.

Что ты, что ты, Петръ Леонтьичъ! Да съ чего тебѣ? Кажись...

Машутинъ.

Сглазь еще!.. Клавдія, одѣнешься ты сегодня?

Клавдія (*не отрываясь отъ книги*).

Одѣнусь, папаша. Черезъ пять минутъ. (*Молчаніе*).

Машутинъ.

Кого я сегодня встрѣтилъ!

Анна Модестовна

Кого жъ? Изъ знакомыхъ кого-нибудь?

Машутинъ.

Нѣтъ, не изъ знакомыхъ. Принца Оранскаго.

Клавдія.

Мамаша, ей-богу!

Анна Модестовна.

Изъ знакомыхъ, стало-быть... Степана Лукича?

Машутинъ (*постепенно раздражаясь*).

Угадала! Степана Лукича я чуть не каждый день вижу.

Анна Модестовна.

Кубышкина?

Машутинъ.

Ты это что, нарочно?

Анна Модестовна.

Ну... Парфена Васильича?

Машутинъ.

Тпфу!

Анна Модестовна.

Да ты хоть скажи, голубчикъ, мужчину или даму? Все мнѣ легче будетъ.

Машутинъ (*вскочивъ съ мѣста*).

Чорта съ рогами!.. (*Уходитъ въ кабинетъ, съ силою захлопывая за собою дверь, но черезъ секунду пріотворяетъ ее и выглядываетъ*). Я спать ложусь. Не трогать меня.

(*Скрывается*).

V.

Клавдія и Анна Модестовна.

Анна Модестовна.

Ну, вотъ, ей Богу! Разсердился, а за что?

Клавдія.

Вольно-жъ вамъ!.. Лукерья!

Анна Модестовна.

На что она тебѣ, Клодиночка?

Клавдія.

Зову—значитъ, нужно. Лукерья!!

(*Справа входитъ Луша*).

VI.

Клавдія, Анна Модестовна и Луша.

Клавдія.

Юбка моя выглажена?

Луша.

Доглаживаю, барышня. Сію минуту подамъ.

Клавдія.

Доглаживаю! Скажите пожалуйста! Что жъ ты цѣлое утро дѣлала?

Луша.

Какъ что́, барышня? Мало ли у меня дѣла? Сами знаете...

Клавдія.

Чтобъ сейчасъ была юбка!

Луша.

Сію минуту! (*Уходитъ обратно*)

VII.

Клавдія и Анна Модестовна.

Анна Модестовна.

Телятникова встрѣтилъ! Никого другого, какъ Телятникова! Еще намедни вспоминалъ о немъ. Не пришло же въ голову!

Клавдія.

Ну, и подите, скажите.

Анна Модестовна.

Какъ же! Чтобъ турнулъ меня? Я ужъ лучше потомъ какъ-нибудь, обинякомъ. (*Звонокъ*).

Клавдія.

Не дали-таки дочитать.

Анна Модестовна.

Уходи, Клодиночка! Да и мнѣ убраться. Можетъ, къ Петру Леонтьичу кто, по дѣлу.

(*Клавдія уходитъ налѣво; Анна Модестовна торопливо оглядываетъ комнату, поправляетъ скатерть на столѣ, передвигаетъ кресло, аккуратно кладетъ книгу и уходитъ направо*).

VIII.

Машутинъ и Луша.

Машутинъ (*выглядываетъ изъ кабинета, въ халатѣ и всклоко-ченный*).

Что жъ это не отпираютъ? Эй, кто тамъ!

Голосъ Луши (*справа*).

Иду-съ, иду-съ!

(*Машутинъ скрывается. Луша пробѣгаетъ справа налѣво, держа на-отлетъ накрахмаленную юбку, а оттуда въ переднюю. Второй звонокъ*).

Машутинъ (*снова появляясь*).

Что за каторжный народъ!

(*Прислушивается и поспѣшно затворяетъ дверь. Изъ передней входитъ Тихоцкая, справа Анна Модестовна*).

IX.

Тихоцкая и Анна Модестовна.

Тихоцкая (*тараторитъ*).

Побѣда! Побѣда! Оправданъ!

Анна Модестовна.

Оправдали? Ну, слава Богу! Вы, что жъ, сами тамъ были, Глафира Семеновна?

Тихоцкая.

Сама, сама! Отъ перваго дня до послѣдняго! Но прежде всего, голубушка Анна Модестовна, кусочекъ чего-нибудь, ради Создателя! Вѣрите, кромѣ чашки холоднаго чаю, ничего сегодня! Я обыкновенно по утрамъ что-нибудь ѣмъ, а сегодня проспала, представьте! Велѣла разбудить въ девять, разбудили чуть не въ десять—ахъ, эта прислуга! Вотъ гдѣ нужна реформа, но когда мы ее дождемся! Пишутъ, пишутъ, и все ничего!.. Ну, понятно, вскочила какъ шальная, наскоро проглотила чашку чаю, одѣлась кое-какъ, даже дѣтей не видала, гдѣ ужъ тутъ! Только, пожалуйста, безъ всякихъ приготовленій! Я къ вамъ минутъ на пять, не больше. Кусочекъ вина... Фу, Боже мой! Я отъ голода и отъ усталости даже заговариваюсь... Кусочекъ чего-нибудь и глотокъ вина, вотъ и все, что̀ мнѣ нужно!

Анна Модестовна.

Сію минуту, Глафира Семеновна. Я бы ужъ давно, да вы все разсказывали... (*Уходитъ направо*).

Тихоцкая (*вслѣдъ ей*).

Одинъ кусочекъ!

X.

Тихоцкая (*одна*)

Что жъ это счастливая невѣста нейдетъ? Должна бы, кажется, поинтересоваться. Да, счастливица. Какъ онъ хорошъ! Боже мой, какъ онъ хорошъ! Глядишь ли на него, слушаешь ли его—все, все забываешь. А закроешь глаза—такъ бы, кажется... Куда они всѣ запропастились! Вотъ равнодушіе! Нѣтъ, она его не сто́итъ (*Подходитъ къ двери кабинета и стучитъ въ нее пальцемъ*). Петръ Леонтьичъ, вы спите?

Голосъ Машутина.

Виноватъ, Глафира Семеновна. Прилегъ отдохнуть. Умаялся.

Тихоцкая.

Поздравляю васъ!

Голосъ Машутина.

Слышалъ, слышалъ. Премного благодаренъ. Дай Богъ!

Тихоцкая.

Ахъ, еслибъ вы знали, Петръ Леонтьичъ... впрочемъ, спите, спите! Не хочу васъ тревожить! (*Отходя отъ двери*) Удивительно! А я то разлетѣлась! обрадую, молъ! Пусть бы ужъ другіе, Богъ съ ними! Но невѣста... Надо быть рыбой!

(*Справа, съ видимой неохотой, входитъ Лена*).

XI.

Тихоцкая и Лена.

Тихоцкая.

Наконецъ-то! И вы не спѣшите? И вы не летите? Ай-ай-ай! За это слѣдовало бы наказать васъ, ничего не разсказывать, ну, да я не злая... (*Справа входятъ Луша съ закуской и виномъ на подносѣ и Анна Модестовна. Луша ставитъ подносъ на столъ и уходитъ*).

XII.

Тихоцкая, Лена и Анна Модестовна

Анна Модестовна.

Ужъ извините, Глафира Семеновна. Что̀ успѣли собрать. Боялась задержать васъ.

Тихоцкая.

Да, да, да! Одинъ кусочекъ. (*Садится и ѣстъ съ большимъ аппетитомъ*). Ну, слушайте! Вчера передъ обѣдомъ окончилось судебное слѣдствіе... Вы знаете, что̀ такое судебное слѣдствіе? Это допрашиваютъ свидѣтелей, читаютъ документы. То еще есть предварительное слѣдствіе, которое судебный слѣдователь производитъ, а это ужъ здѣсь,

на судѣ. Видите, какъ я все знаю! Къ чему только эти два слѣдствія, я рѣшительно понять не могу. Лишняя проволочка, больше ничего. Одного совершенно было бы достаточно. Ну-съ, такъ вотъ. Оканчивается судебное слѣдствіе, перерывъ до семи часовъ. Тутъ со мной скандалъ. Открываю саквояжъ, нѣтъ провизіи! А была. Тамъ же завтракала.

Анна Модестовна.

Такъ вы и обѣдать домой не ѣздили?

Тихоцкая.

Конечно, нѣтъ! Какъ я могла уѣхать? А мѣсто? Вѣдь тамъ на каждое мѣсто десять кандидатовъ, или, лучше сказать, кандидатокъ. Мы однѣ интересуемся всѣмъ этимъ, а мужчины такіе противные стали! Такъ поднимись я только — и поминай, какъ звали!

Анна Модестовна.

Это ужасъ!

Тихоцкая.

Что дѣлать! Взялась за гужъ... Что же оказалось? Стала я искать подъ собой, за собой... Вижу, мой свертокъ на полу! Грязный, затоптанный, представьте! Это, значитъ, я еще тогда его уронила. Дѣло въ томъ, что только-что я позавтракала, вдругъ Павелъ Дмитричъ задаетъ какой-то интересный вопросъ свидѣтелю. Общее вниманіе, конечно. Я наскоро все это сложила, хотѣла въ саквояжъ, да должно-быть мимо. Какъ тутъ быть? Голодна страшно, какъ вотъ теперь. На счастье, вижу, молоденькій адвокатъ. Ихъ много тамъ, слушаютъ, учатся. Поучиться есть чему, особенно у Павла Дмитрича. Какой онъ мастеръ сбивать, если бъ вы слышали!

Анна Модестовна.

Знаете, Глафира Семеновна, смотрю я на васъ, а у самой сердце не на мѣстѣ.

Тихоцкая.

Почему?

Анна Модестовна.

Кушаете вы и говорите въ одно время. Я бы непремѣнно подавилась.

Тихоцкая.

Ну, я привыкла. Я всегда говорю. Во снѣ даже. Ужъ какъ мнѣ за это отъ мужа достается! Хорошо еще, что у меня нѣтъ никакихъ сердечныхъ тайнъ. На чемъ я остановилась? Да! Молоденькій адвокатикъ. Я ему шопотомъ: monsieur! monsieur! Услыхалъ, подошелъ. Удивленный такой! Слава Богу, что у меня деньги лишнія съ собой были. Monsieur, говорю, будьте любезнымъ кавалеромъ, купите мнѣ пирожковъ! Сконфузился, вспыхнулъ, однако, взялъ деньги, побѣжалъ, скоро, скоро такъ, смѣшной! Приноситъ. Ахъ, голубушка, вотъ мерзость! На чемъ они ихъ пекутъ, не знаю.

Анна Модестовна.

На салѣ, говорятъ.

Тихоцкая.

Должно-быть. Страшная мерзость. Тѣмъ не менѣе, съѣла, ничего не подѣлаешь. A la guerre comme à la guerre! Съѣла, попросила судебнаго пристава—это такой особый чиновникъ для порядка — попросила судебнаго пристава принести воды. . Послѣ этихъ пирожковъ, понимаете, жажда невыносимая... Напилась, жду. Въ семь часовъ, а можетъ-быть и позже, не замѣтила, появляется судебный приставъ: „судъ идетъ!“ Вы никогда не были въ судѣ? Это очень торжественный моментъ. Вотъ еще, когда присяжные звонятъ... Ну, да объ этомъ послѣ. Пришли, сѣли. Начинаетъ говорить прокуроръ. Помните вы, лѣтъ семь, восемь назадъ, у Безсоновыхъ правовѣдъ бывалъ, такой высокій, худой, блѣдный? Еще очень важно держалъ себя, все больше со стариками и со старухами, а къ барышнямъ съ презрѣніемъ? Мы еще его каменнымъ гостемъ прозвали. Представьте, это онъ и есть. Я его сразу узнала. Конечно, возмужалъ, обросъ бородой, но черты лица совершенно тѣ же, а важности еще прибавилось. Ну, началъ говорить. Я съ первыхъ же словъ угадала, что рѣчь будетъ длинная, скучная. И дѣйствительно. Истомилъ совсѣмъ. Положимъ, все это правда, нельзя было съ нимъ не согласиться. Кліентъ Павла Дмитрича, между нами говоря, субъектъ очень и очень... грязненькій. Такія вещи про него разсказывали! Матеріалъ для обвиненія богатый, но можно было гораздо короче и въ то же время сильнѣе. Если бъ на его мѣстѣ былъ Павелъ Дмитричъ, не дождаться бы этому господину оправданія. Ну, думаю, Павлу Дмитричу никакой противникъ не страшенъ, а съ этимъ онъ шутя расправится. И такъ онъ промучилъ насъ до полуночи или почти. Понятно, засѣданіе было закрыто, и мы по домамъ. Сегодня...

Лена (*все время обнаруживавшая постепенно возраставшее возбужденіе*).

Мамаша, я пойду лягу. У меня страшно голова болитъ. Простите, Глафира Семеновна...

Тихоцкая.

Милая моя! Я отказываюсь понимать васъ! На самомъ интересномъ для васъ мѣстѣ...

Анна Модестовна (*щупая голову Лены*).

Ну, вотъ! Захворай еще!

Лена.

Нѣтъ, это просто такъ. Не выспалась. (*Уходитъ налѣво*).

XIII.

Тихоцкая и Анна Модестовна.

Тихоцкая.

Какая она у васъ... порывистая! Не думаю, чтобъ это было равнодушіе. Скорѣй экзальтація. Но ужъ черезчуръ. Волноваться въ ея положеніи, конечно, совершенно естественно: первый дебютъ жениха въ серьезномъ дѣлѣ, но чтобы до такой степени... Ну, слушайте хоть вы меня, Анна Модестовна.

Анна Модестовна.

Слушаю, слушаю. Кушайте, пожалуйста!

Тихоцкая.

Нѣтъ, merçi, довольно. Сыта по горло... Теперь только рюмочку винца... (*Пьетъ*). Итакъ, открывается засѣданіе, слово предоставляется Павлу Дмитричу. Понятно, все обращается въ слухъ и зрѣніе. Надо вамъ сказать, что Павелъ Дмитричъ успѣлъ уже всѣхъ очаровать. Можете представить общее нетерпѣніе. Начинаетъ говорить. Нѣтъ! Это не передать словами! Это надо видѣть и слышать!

Анна Модестовна.

Да мы же знаемъ Павла Дмитрича...

Тихоцкая.

Гдѣ вы его знаете? Въ гостиной, на улицѣ? А тамъ трибуна, понимаете! Ахъ, какая прелесть! Вотъ ораторъ, такъ ораторъ!

Анна Модестовна.

Чтò жъ онъ говорилъ, Глафира Семеновна?

Тихоцкая.

Что онъ говорилъ, это вы прочтете въ газетахъ, а какъ онъ говорилъ, повторяю, словами не передашь. Это все равно, что музыка. Вы запомните мотивъ, споете его или сыграете сами, но развѣ это будетъ то же самое?

Анна Модестовна.

Ну, и что жъ потомъ?

Тихоцкая.

Ну, кончилъ онъ. Я едва удержалась отъ апплодисментовъ. Знала, что моему примѣру послѣдуютъ другія, и намъ придется оставить залъ, а хотѣлось дождаться финала, полнаго торжества Павла Дмитрича. Въ результатѣ ужъ никто не сомнѣвался, понятно. Прокуроръ отказался отъ возраженія, еще бы! Потомъ сказалъ нѣсколько словъ подсудимый, прочитали вопросы, немного, три или четыре, присяжные ушли совѣщаться. Обыкновенно въ такихъ запутанныхъ дѣлахъ это совѣщаніе тянется очень долго, пока придутъ къ соглашенію. Но тутъ, представьте, не прошло и получаса—звонокъ!

Анна Модестовна.

Это что же?

Тихоцкая.

Это отъ присяжныхъ. Значитъ, вердиктъ готовъ. Тоже очень торжественный моментъ. Вся участь рѣшается, какъ хотите. Вышелъ судъ, вышли присяжные. „Нѣтъ, невиновенъ!“ Ну, ужъ тутъ, я не помню, что со мной было. И кричала я, и апплодировала. Вы видите, что я безъ перчатокъ? Обѣ въ дребезги, а только-что купила. Насъ попросили удалиться. Мы на подъѣздъ. Какъ тамъ полиція ни уговаривала, ни упрашивала насъ, мы дождались-таки Павла Дмитрича, и ужъ тутъ настоящую овацію ему устроили. Чуть не на рукахъ вынесли, забросали цвѣтами. Вотъ какъ мы умѣемъ нашихъ дѣятелей чествовать! А еще говорятъ, что мы думаемъ только о нарядахъ да объ удовольствіяхъ... Однако заболталась я. Очень жаль, что не видала Петра Леонтьича и Клавдиньку. Поцѣлуйте ее за меня, пожалуйста! До свиданія.

Анна Модестовна.

До свиданія, Глафира Семеновна. Милости просимъ вечеркомъ какъ-нибудь. Мы всегда дома.

Тихоцкая.

Непремѣнно, непремѣнно. Вотъ отдохну, соберусь съ силами, домъ приведу въ порядокъ. Тамъ вѣдь у меня теперь столпотвореніе вавилонское. Что и какъ, пьютъ ли, ѣдятъ ли, ничего не знаю. А Павлу Дмитричу скажите, что я въ него влюблена, страстно влюблена. Ужъ пусть Леночка не прогнѣвается. Вообще ей придется, ой, какъ смотрѣть за нимъ! Adieu! (*Уходитъ Анна Модестовна провожаетъ ее въ переднюю и возвращается вмѣстѣ съ Лушей, которая забираетъ и уноситъ подносъ направо. Анна Модестовна идетъ въ ту же сторону*).

XIV.

Анна Модестовна и Машутинъ.

Машутинъ (*осторожно выглядывая изъ кабинета*).

Убралась таранта?

Анна Модестовна.

Ушла. Наговорила ужъ. Опомниться не могу. А вѣдь я, Петръ Леонтьичъ, догадалась... (*Машутинъ скрывается, Анна Модестовна машетъ рукой и уходитъ направо. Звонокъ. Чрезъ нѣсколько секундъ изъ передней входитъ Ходневъ*).

XV.

Ходневъ.

Шествіе тріумфатора Народные клики, цвѣты... Только, вмѣсто колесницы, ванька. Вотъ, онъ—вѣкъ прозы. Однако, и въ прозѣ есть своя прелесть. (*Похлопывая себя по карману*). Поэзія этого не дастъ, а безъ этого на что и поэзія? Да, будущность мнѣ видимо улыбается. Данныя всѣ на лицо. Діалектика, находчивость, дикція—все это въ порядкѣ... Ну... (*передъ зеркаломъ*) и наружность... Безъ комплимента сказать могу, есть на что посмотрѣть. (*Вынимаетъ платокъ и роняетъ на полъ сложенную въ нѣсколько разъ бумажку*). Что это? (*Поднимаетъ и разворачиваетъ*). Женская рука! (*Читаетъ*). „Я не молода, но богата. Сердце и рука мои свободны. Возьмите ихъ!" (*Говоритъ*). Восклицательный знакъ. (*Читаетъ*). „Сегодня вечеромъ, въ Маломъ театрѣ, бенуаръ № 3!!" (*Говоритъ*). Два восклицательные знака. (*Читаетъ*). „Я буду одна, входите смѣло!!!" (*Говоритъ*). Три восклицательные знака. Однако! Плоды успѣха быстро сказываются. Ну, нѣтъ, шалишь! До этого мы еще не дошли. Должно-быть, уродъ какой-нибудь и притомъ несомнѣнно древній. Сама пишетъ, что немолода... Вотъ моему будущему beau-frère'у хорошій случай стать на ноги. Рожа у него смазливая, отъ нравственныхъ началъ, кажется, Богъ миловалъ... Свести ихъ развѣ? А на меня, милая старушка, не надѣйся! Я выхолилъ себѣ такой цвѣточекъ... Гдѣ жъ это она, однако? Давнымъ бы давно пора ей быть въ объятьяхъ жениха-героя... (*Внезапно разсмѣявшись*). Не могу вспомнить физіономію прокурора, когда я ему преподнесъ послѣднюю пилюлю. Онъ, бѣдняга, на этомъ фундаментѣ все свое зданіе построилъ, и вдругъ... ничего! Ловко это у меня вышло. Тѣмъ болѣе ловко, что онъ былъ совершенно правъ. Но, какъ видишь, милый другъ, этого мало... Дѣло не въ правотѣ, а въ талантѣ, у тебя же онаго не оказалось.

(*Машутинъ и Клавдія входятъ съ разныхъ сторонъ, оба одѣтые*).

XVI.

Ходневъ, Машутинъ и Клавдія.

Машутинъ и Клавдія (*вмѣстѣ аплодируя*).

Браво, браво, браво!

Ходневъ (*раскланиваясь съ шутливымъ смиреніемъ*).

Клавдія Петровна... Петръ Леонтьичъ... Много чести...

Машутинъ (*обнимая и цѣлуя его*).

Только не вамъ, Павелъ Дмитричъ, а намъ. Съ сегодняшняго дня вы ужъ знаменитость, а черезъ недѣлю, черезъ двѣ, членъ нашей семьи.

Ходневъ.

Вы мнѣ даете такое сокровище, передъ которымъ всѣ знаменитости, вмѣстѣ взятыя, въ томъ числѣ и новоиспеченная, вашъ покорнѣйшій слуга, ровно ничего не стóятъ.

Клавдія (*про-себя*).

Сокровище! Тоже!

Машутинъ (*впадая въ торжественно-трогательный тонъ*).

Сокровище, не сокровище, а что дѣйствительно, Павелъ Дмитричъ, положа руку на сердце, могу сказать: для дѣтей—все. (*Указывая на Клавдію*). Вотъ вамъ живой свидѣтель. Ни для воспитанія, ни для обученія ничего не жалѣлъ. Конечно, по средствамъ. И больше хотѣлось бы сдѣлать, да гдѣ же было взять средствъ? По крохамъ вѣдь собиралъ, себѣ во всемъ отказывалъ. Будете сами отцомъ, узнаете. Кто говоритъ, разные бываютъ родители. Но которые сознаютъ свои обязанности, свою отвѣтственность, тѣмъ не легко. Дочь, напримѣръ. Вѣдь мало того, чтобы выдержать ее, какъ слѣдуетъ, образованіе дать: нужно въ ней и жену, и мать хорошую подготовить, чтобы и мужъ потомъ добрымъ словомъ стариковъ помянулъ. Мо-

лодой человѣкъ беретъ дѣвушку—онъ ни характера ея въ точности не знаетъ, ни привычекъ. Тутъ ужъ прямо порука родителей. Они и въ отвѣтѣ, коли что...

Ходневъ (*въ нетерпѣніи*).

Гдѣ же моя невѣста?

Машутинъ (*Клавдіи*).

Гдѣ она, въ самомъ дѣлѣ?

Клавдія (*съ усмѣшкой*).

Спать улеглась. Голова болитъ.

Машутинъ.

Какая тутъ голова! (*Идетъ налѣво*).

Ходневъ.

Мнѣ очень хочется видѣть Леночку, но если она дѣйствительно нездорова...

Машутинъ.

А вотъ мы сейчасъ удостовѣримся. (*Уходитъ*).

XVII.

Ходневъ и Клавдія.

Ходневъ.

Не простудилась ли она?

Клавдія.

Не знаю. Она вѣдь никогда не скажетъ Скрытная.

Ходневъ.

Будто? Я этого не замѣтилъ.

Клавдія.

Кто влюбленъ...

Ходневъ.

Тотъ ослѣпленъ?

Клавдія.

Такъ говорятъ, по крайней мѣрѣ.

Ходневъ.

Устарѣвшая истина. Впрочемъ, я говорю только о себѣ. А если вы судите по собственному опыту...

Клавдія.

Развѣ я влюблена?

Ходневъ.

Я не знаю. Можетъ-быть, не теперь, а раньше...

Клавдія.

Только не раньше.

Ходневъ.

Стало-быть, теперь?

Клавдія.

Къ чему вамъ знать?

Ходневъ.

Я полагалъ, что имѣю нѣкоторое право, какъ будущій родственникъ...

Клавдія.

Прекратите этотъ разговоръ, Павелъ Дмитричъ!

Ходневъ.

Какъ прикажете. (*Про-себя*). Неужто и она? (*Слѣва входятъ Машутинъ и Лена*).

XVIII.

Ходневъ, Клавдія, Лена и Машутинъ.

Машутинъ.

Вотъ вамъ и больная. Просто, нервы расходились отъ волненія.

Ходневъ (*подойдя къ Ленѣ*).

Кладу мой щитъ къ ногамъ моей царицы. (*Беретъ ее за обѣ руки и любовно смотритъ ей въ глаза*).

Машутинъ.

Ну, Клавдинька, здѣсь намъ съ тобой дѣлать нечего. Пусть ихъ поворкуютъ. Вы, конечно, на цѣлый день къ намъ, Павелъ Дмитричъ?

Ходневъ.

Еще бы, послѣ такого перерыва! Если только меня не прогонятъ.

Машутинъ

Что вы это, Павелъ Дмитричъ! Богъ съ вами! Ну, Клавдинька, маршъ! (*Уходятъ направо въ разныя двери*).

XIX.

Ходневъ и Лена.

Ходневъ.

Радость моя! (*Цѣлуетъ ее*).

Лена (*съ усиліемъ*).

Ты хотѣлъ меня видѣть?

Ходневъ (*удивленный*).

А ты развѣ не хотѣла? Лялька! Что за вопросъ?

Лена.

Сегодня не хотѣла. Мнѣ надо было прійти въ себя, собраться съ мыслями...

Ходневъ

Что такое, Лялька? Ты тревожишь меня. Даже не глядишь, отворачиваешься!

Лена (*остановивъ на немъ продолжительный, какъ бы испытующій взглядъ*).

Ну, сегодня, такъ сегодня. Все равно. Правда, что ты получилъ за это дѣло большія деньги?

Ходневъ (*разсмѣявшись*).

О! такъ вотъ что насъ волнуетъ! Значитъ, и мы не чужды нѣжнаго влеченія къ презрѣннымъ... бумагамъ? Я не говорю: металлу, потому что по настоящему времени это былъ бы анахронизмъ. Что жъ! Я ничего противъ этого не имѣю. Это даже радуетъ меня. Нашъ вѣкъ...

Лена (*рѣзко*).

Ты не понялъ меня! И не отвѣтилъ...

Ходневъ.

Я отвѣчу тебѣ безмолвно, но краснорѣчиво и убѣдительно. (*Опускаетъ руку въ карманъ*).

Лена (*испуганно*).

Нѣтъ, нѣтъ! Не надо! И ты взялъ ихъ... какъ ни въ чемъ не бывало, съ легкимъ сердцемъ?

Ходневъ.

Долженъ сознаться, что глаза разбѣжались и руки немного дрожали—вѣдь это первый кушъ! Что же касается сердца... Карману тяжеловато, правда, но сердцу легче, чѣмъ когда-нибудь. Минутами кажется даже, что какая-то сила поднимаетъ меня кверху, точно летѣть собираюсь, такъ легко!

Лена.

За что-жъ ты получилъ эти деньги?

Ходневъ.

Какъ за что? Человѣку чуть не каторга угрожала, а теперь онъ полноправный гражданинъ: развѣ это не стоитъ десяти тысячъ?

Лена.

Такъ, значитъ, онъ дѣйствительно виноватъ? Значитъ, его оправдали напрасно?

Ходневъ.

Я не понимаю, Лялька, что тебѣ за охота! Ну его! Виноватъ, не виноватъ,—дѣло кончено, и я опять съ тобой. Бросимъ этотъ скучный разговоръ! Шутка сказать, больше недѣли не видались...

Лена (*въ отчаяніи*).

Не то! Все не то! Ты однимъ словомъ могъ бы уничтожить мои сомнѣнія. Пойми, что я не могу такъ! Пока я не узнаю .. Скажи мнѣ, почему онъ оправданъ?

Ходневъ.

Потому что я удачно защищалъ его.

Лена.

Только потому? А иначе онъ былъ бы обвиненъ? И все то, что разсказывали про него, все это... правда?

Ходневъ.

Что за допросъ, Лена?

Лена.

Все это правда?

Ходневъ.

Прежде всего, успокойся! Я понимаю теперь, что тебя волнуетъ. Дитятко мое! Нельзя такъ легко смотрѣть на вещи. Слушай...

Лена.

Отчего ты не хочешь отвѣчать мнѣ? За что ты меня мучишь?

Ходневъ.

Напротивъ, я только-что собрался отвѣчать тебѣ, но не двумя-тремя словами, какъ ты требуешь. Долженъ же я объяснить.

Лена.

Что объяснить? что объяснить? Не объясненія жду я, а отвѣта! Я спрашиваю тебя: зналъ ты, кого ты защищалъ?

Ходневъ.

Зналъ. Иначе какъ бы я могъ...

Лена.

Но вѣдь это—стачка! Ты былъ съ нимъ за одно!

Ходневъ.

Лена! Лена! Опомнись!

Лена.

Я опомнилась. Потому-то я и говорю такъ... (*Порывисто*). Гляди на меня! Ты спокоенъ? Тебя ничто не тревожитъ?

Ходневъ.

Довольно, Лена! Это оскорбляетъ меня.

Лена.

Нѣтъ, не можетъ быть! Не вѣрю! Не хочу вѣрить! (*Страстно*). Павлуша! Ты вѣдь не разлюбилъ меня?

Ходневъ.

Ну, вотъ! Давно бы такъ! (*Хочетъ поцѣловать ее*).

Лена (*удерживая его*).

Не разлюбилъ?

Ходневъ.

Теперь ты гляди на меня! И тебѣ не стыдно спрашивать?

Лена.

Отдай эти деньги!

Ходневъ.

Что?!

Лена.

Ты долженъ отдать ихъ, Павлуша! Только этимъ ты можешь искупить...

Ходневъ.

Что искупить?

Лена.

Ахъ, не притворяйся! Ты знаешь, что я хочу сказать.

Ходневъ.

Пожалуй, знаю, но лучше бы не знать. Нѣтъ, Лена, такъ нельзя. Это слишкомъ серьезно. Можно ребячиться, можно капризничать, но всему есть мѣра. Подумай, о чемъ ты просишь! Вѣдь это мой заработокъ!

Лена (*внѣ себя*).

Не говори этого! Не смѣй говорить! Отдай деньги!

Ходневъ.

Ты больна, Лена.

Лена.

Не шути со мной! Для меня это вопросъ всей жизни! Или ты сдѣлаешь то, что я требую, или...

Ходневъ.

Или?

Лена.

Ты не догадываешься? Гдѣ-жъ твоя любовь? Гдѣ твое уваженіе? Какъ ты могъ хоть одну минуту подумать, что я соглашусь... Отдашь?

Ходневъ.

Лена!

Лена.

Отдашь?

Ходневъ (*рѣшительно*).

Нѣтъ!

Лена.

Тогда... Вотъ... (*Снимаетъ кольцо и кладетъ его на столъ*). Возьми!

Ходневъ.

Что за безумство!

Лена (*заглушая рыданія*).

Какъ хочешь... Прощай!

Ходневъ.

Лена! Ляля!

Лена.

Прощай! (*Идетъ, останавливается, снова бросается къ нему и страстно обнимаетъ*). Милый мой! Счастье мое! Отдай! Сожги! Да?.. Нѣтъ?!. Спрячь! Спрячь! Еще будутъ... Много... Бери! Все бери! И забудь. . (*Разражается рыданіями и убѣгаетъ налѣво*).

XX.

Ходневъ.

Не могу опомниться. Вотъ не подозрѣвалъ. Неужто кончено? Фу, какъ глупо! Что-жъ теперь?.. Жалко! И жалко и больно. Точно оторвалось что-то. Славная она. Свѣжесть въ ней какая-то, чистота. Тріумфальное шествіе!.. А съ другой стороны... Если принять въ соображеніе весь антуражъ... Родитель-плутъ, сестрица—безнадежная дѣвственница, братецъ—прощалыга... Какъ насѣло бы все это на шею! Да и сама она... ужъ больно огневая натура. Но хорошая натура! Рѣдкая жемчужина!.. Какъ бы то ни было, положеніе, во всякомъ случаѣ, непріятное.

(*Изъ кабинета входитъ Машутинъ*).

XXI.

Ходневъ и Машутинъ.

Машутинъ.

Наговорились? Гдѣ жъ она?

Ходневъ.

Петръ Леонтьичъ! Мнѣ приходится сообщить вамъ очень грустную, очень тяжелую для меня вѣсть...

Машутинъ.

Что такое?

Ходневъ.

Елена Петровна... отказала мнѣ.

Машутинъ.

Ну-у-у?.. не повѣрю!

Ходневъ.

Я былъ бы очень счастливъ, если бъ и самъ могъ усомниться. Но, къ моему глубокому отчаянью, это такъ же вѣрно, какъ то, что я бесѣдую съ вами.

Машутинъ.

А я все-таки не вѣрю, воля ваша. Больше ничего какъ повздорили. Люди молодые, горячіе. Эхъ, Павелъ Дмитричъ! Знаю я по себѣ. Нарочно, бывало, повздоришь, чтобы слаще мириться было. Изволите знать пословицу: милые бранятся—только тѣшатся?

Ходневъ.

Повторяю вамъ, Петръ Леонтьичъ, здѣсь не осталось мѣста никакимъ сомнѣніямъ. Да вотъ вамъ доказательство (*Беретъ со стола кольцо*). Это кольцо я подарилъ Еленѣ Петровнѣ вмѣсто обручальнаго, и теперь оно возвращено мнѣ.

Машутинъ.

Ссс... Да что жъ такое? Изъ-за чего?

Ходневъ.

Я думаю, что Елена Петровна лучше меня съумѣетъ объяснить вамъ это. А я, признаюсь, не

совсѣмъ даже понялъ. Во всякомъ случаѣ, фактъ на лицо.

Машутинъ.

Нѣтъ-съ, позвольте! Это такъ оставить нельзя! Я сейчасъ... (*Идетъ налѣво*).

Ходневъ (*удерживая его*).

Петръ Леонтьичъ! Я васъ очень прошу—не теперь. Дайте ей успокоиться. Тогда, можетъ-быть, вамъ удастся узнать побольше, чѣмъ узналъ я. А пока, позвольте мнѣ удалиться. Надѣюсь, нѣтъ надобности увѣрять васъ, многоуважаемый Петръ Леонтьичъ, въ тѣхъ чувствахъ, съ какими я покидаю вашъ домъ. Здѣсь мнѣ впервые улыбнулось желанное счастье...

(*Справа входитъ Анна Модестовна*).

XXII.

Ходневъ, Машутинъ и Анна Модестовна.

Машутинъ (*женѣ*).

Слышишь? Слышишь? Да нѣтъ, я не могу! У меня языкъ не повернется...

Анна Модестовна (*въ испугѣ*).

Господи! Что еще?

Машутинъ (*съ напускнымъ паѳосомъ*).

Павелъ Дмитричъ—слышишь?—Павелъ Дмитричъ, котораго мы успѣли полюбить, какъ сына, которымъ я гордился, какъ будущимъ зятемъ... получилъ отказъ! И отъ кого же—отъ дѣвчонки!

Ходневъ.

Петръ Леонтьичъ! Будьте великодушны...

Анна Модестовна.

Какой отказъ? Отъ какой дѣвчонки?

Машутинъ.

Ты не понимаешь? И немудрено! Несчастная мать! Приготовься!

Анна Модестовна.

Петръ Леонтьичъ... Голубчикъ...

Машутинъ.

Наша дочь Елена отказала въ рукѣ Павлу Дмитричу!

(*При послѣднихъ словахъ справа входятъ Клавдія и Ипполитъ*).

XXIII.

Ходневъ, Машутинъ, Анна Модестовна, Клавдія и Ипполитъ.

Клавдія.

Что такое?

Машутинъ.

Дѣти мои! Ваша сестра Елена отказала въ рукѣ Павлу Дмитричу!

Клавдія.

Да что она, съ ума сошла?

Ипполитъ (*поздоровавшись съ Ходневымъ, про себя*).

Вотъ дурища-то! Человѣкъ только-что сталъ деньгу загребать... Стало-быть, и мои разсчеты въ трубу?

Ходневъ.

Позвольте пожелать вамъ всего, всего хорошаго! (*Горячо жметъ руки Машутина*).

Машутинъ (*обнимая и цѣлуя его*).

Павелъ Дмитричъ! Дорогой Павелъ Дмитричъ! Не нахожу словъ... Одно могу сказать вамъ: у меня есть предчувствіе, что мы еще увидимся!

Ходневъ.

О, безъ сомнѣнія!

Машутинъ.

То-есть, какъ увидимся! Попрежнему, понимаете?

Ходневъ.

Какъ бы я хотѣлъ раздѣлить вашу надежду!.. Анна Модестовна... (*Цѣлуетъ у ней руку*).

Анна Модестовна (*со слезами*).

Прощайте, Павелъ Дмитричъ! Прощайте, голубчикъ! И что съ ней подѣлалось?

(*Ходневъ прощается съ Клавдіей*).

Клавдія (*выразительно пожимаетъ ему руку*).

Знайте, Павелъ Дмитричъ, что здѣсь у васъ еще остались друзья.

Ходневъ (*отвѣтивъ ей глубокимъ поклономъ и попрощавшись съ Ипполитомъ, про-себя*).

Нѣтъ, я вижу, что это положительно къ лучшему. А въ Малый театръ надо будетъ заглянуть—изъ любопытства! (*Уходитъ въ переднюю въ сопровожденіи Машутина; остальные толпятся у открытой двери*).

Машутинъ (*въ передней*).

Будьте здоровы, Павелъ Дмитричъ! Не поминайте насъ, грѣшныхъ, лихомъ!

Клавдія (*съ удареніемъ*).

До свиданія!

(*Всѣ, кромѣ Ходнева, возвращаются въ гостиную*).

XXIV.

Машутинъ, Анна Модестовна, Клавдія и Ипполитъ.

Машутинъ (*свирѣпѣя*).

Гдѣ она? Гдѣ?

Клавдія.

У себя. Въ подушки зарылась. Реветъ, кажется.

Машутинъ (*подходитъ къ двери и хочетъ отворить ее*).

Заперлась! (*Стучитъ въ дверь*). Отопри, Елена!.. Елена! Слышишь?.. Отопри, тебѣ говорятъ!.. Эй, не шути со мной!

Анна Модестовна.

Петръ Леонтьичъ! Не трогалъ бы ты ее...

Машутинъ.

Пошла вонъ!

Ипполитъ (*тихо матери*).

Не суйтесь ужъ!

Машутинъ.

Елена! Въ послѣдній разъ тебѣ приказываю... Не отопрешь?.. (*Внѣ себя*). Ну, ладно! Пеняй теперь на себя! Не посмотрю я, что ты ужъ невѣстой успѣла побывать! Вспомнишь дѣтство! За косы оттаскаю! Въ чуланъ запру! На хлѣбъ, на воду! Въ лохмотья одѣну!! На кухню!! Судомойкой!! Я покажу тебѣ, какъ женихамъ отказывать! Я покажу тебѣ, какъ передъ отцомъ дверь запирать! Узнаешь!! Запоешь!! (*Женѣ*). И съ тобой еще поговорю! Тоже мать называется! Дрыхнуть только умѣешь! У! (*Уходитъ къ себѣ, сильно хлопнувъ дверью*).

XXV.

Анна Модестовна, Клавдія и Ипполитъ.

Анна Модестовна (*совсѣмъ отъшенная*).

Господи, твоя воля! Я то-что жъ? Я-то чѣмъ виновата?

Клавдія.

Избаловали, очень просто.

Анна Модестовна.

И съ чего это она? Въ толкъ не возьму.

Клавдія (*охорашиваясь передъ зеркаломъ*).

Вернется или нѣтъ?

Ипполитъ.

Гляди, гляди! Ты думаешь, я не замѣтилъ, какъ ты ему руку жала? Напрасно только. Теперь его, небось, калачомъ сюда не заманишь. Радъ, что вырвался. Ну, наградилъ меня Богъ сестрицами! У одной и вовсе никакихъ жениховъ не было, другая удержать не сумѣла. Своя богадѣльня откроется. Моськи пойдутъ, кошки...

Клавдія.

Ипполитъ! Перестанешь ты? Мамаша, что вы ему позволяете? (*Садится читать*).

Анна Модестовна.

Ахъ, Клодиночка! Не до того мнѣ. И что это у насъ теперь начнется, подумать страшно!

(*Плачетъ. Ипполитъ хохочетъ*).

В. С. Лихачовъ.

* * *

Онъ лгалъ тебѣ, твой сонъ любви,
И страшно было пробужденье
Въ тотъ часъ, когда въ мечты твои
Закралось горькое сомнѣнье.
Но ты горда. Въ толпѣ чужой
Не зарыдаешь ты невольно,
Ей не узнать—какъ сердцу больно,
Какой мучительной тоской

За мигъ одинъ, за призракъ счастья
Суровой платишь ты судьбѣ.
Такъ воинъ, гибнущій въ борьбѣ,
Не ждетъ обиднаго участья.
Пусть смерть ему туманитъ даль,
Но прежнихъ дней воспоминанья
Не властны вызвать въ немъ рыданья,
А только гордую печаль.

Вл. Ладыженскій.

У ХРИСТА ВЪ ГОСТЯХЪ.

(УРАЛЬСКАЯ ЛЕГЕНДА).

I.

На югѣ Пермской губерніи, около Златоуста, высятся двѣ горы, отдѣльно отъ Уральскаго хребта. Одну зовутъ—Сугомакъ, другую—Егоза.

На послѣдней, болѣе южной изъ нихъ, въ концѣ прошлаго столѣтія еще были замѣтны остатки отъ небольшого выселка, которые затѣмъ безслѣдно исчезли.

Такіе выселки можно и теперь еще встрѣтить на сѣверѣ Пермской губерніи тамъ, гдѣ начинаются отдѣльныя горы Сѣвернаго Урала.

Выселокъ назывался Змѣевскимъ, вѣроятно вслѣдствіе множества змѣй, которыхъ и теперь еще можно встрѣтить на горѣ Егозѣ, среди камней, на солнечномъ припекѣ.

Выселокъ состоялъ изъ немногихъ дворовъ; но странно, что въ немъ небольшое населеніе было богато дѣтьми. Сосновый и еловый лѣсъ, росшій по скатамъ горъ, пріютилъ подъ свой тѣнистый покровъ много рослыхъ травъ, между которыми въ особенности отличался своей красотой черный или страусовый папоротникъ. Его мелко разрѣзные листья гордо поднимались кверху и сплошь покрывали землю въ тѣнистыхъ оврагахъ, по которымъ нерѣдко тихо пробирались нагорные студеные ключи.

Въ этой мѣстности жизнь развивалась привольно и свободно, и нѣтъ ничего удивительнаго, что при этихъ блаженныхъ условіяхъ въ населеніи преобладали дѣти.

Они росли безъ призора и въ то время, когда большіе уходили въ поле или на заработки, собирались позади деревни, на опушкѣ лѣса, на небольшой площадкѣ, какъ-будто нарочно выровненной для ихъ игръ.

Изъ болѣе старшихъ между ними отличалась большей разсудительностью 12-лѣтняя дѣвочка Маша, высокая, худая, постоянно нянчившаяся съ 4-лѣтнимъ, больнымъ, рахитическимъ ребенкомъ Ванюшкой, который не сходилъ у нея съ рукъ. Всѣхъ рѣзвѣе была 6-лѣтняя дѣвочка Маня, бойкая юла, зачинщица всѣхъ затѣй и игръ.

Одинъ разъ, весной, въ теплый день, собралась вся компанія на привычное мѣсто. День былъ ясный, солнечный, но не жаркій, а какой-то радостный, праздничный. Было воскресенье...

Маня-затѣйница зорко смотрѣла впередъ.

— А вонъ блаженный идетъ,—затянула она тоненькимъ голосомъ и захлопала въ ладошки.

— Гдѣ... гдѣ?—встрепенулись всѣ дѣтки

— Вонъ!—указала Маня вдаль.

И всѣ дѣтки, дѣйствительно, увидали, какъ съ горы спускалась небольшая сѣрая фигурка. Они пошли ей навстрѣчу, нѣкоторые побѣжали бѣгомъ и впереди всѣхъ покатилась бойкая юла, Маня-затѣйница.

Сначала, сгоряча, всѣ дѣтки бросились дружно, ровно бѣжать, но гора дала себя знать; камни катились изъ-подъ ихъ маленькихъ ножекъ. Нѣкоторые обрывались, падали, но тотчасъ же опять вскакивали и упорно неслись впередъ, перегоняя другъ друга. Одинъ клопикъ, Иванчикъ Сухопёрый—совсѣмъ запыхался, перебирая своими худенькими ножками; Маша схватила его за руку и потащили за собой.

Дѣтки бѣжали къ сѣрой фигуркѣ, а она медленно, степенно сходила къ нимъ, махала руками, кричала... Но что кричала—нельзя было разобрать... Наконецъ, Маня первая подбѣжала къ ней и, бросившись впередъ, уцѣпилась за ея сѣрое платье.

Это былъ маленькій мужичекъ. Издали его можно было принять за ребенка—съ большой, ничѣмъ не покрытой головой, на которой обильно росли волосы. Сѣдая окладистая борода обрамляла его лицо снизу—лицо бѣлое и румяное, все дышавшее дѣтской веселостью. Эта веселость, въ видѣ тихой дѣтской улыбки, сіяла на губахъ его и въ особенности блестѣла въ маленькихъ голубыхъ глазкахъ.

— Отецъ Левонтій!.. Отецъ Левонтій!..—кричали дѣти и всѣ прыгали и цѣплялись за его ветхую одежду, за длинный сѣрый балахонъ и даже за сучковатую толстую палку, на которую отецъ Левонтій опирался.

И всѣ дѣтки толпились вокругъ и липли къ нему, какъ пчелки къ меду. И всѣхъ онъ расцѣловалъ и каждаго перекрестилъ:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь!..

— А меня, меня!..—кричали дѣтки.

Всѣмъ онъ принесъ по гостинцу: кому пряникъ, кому сладкую конфетку въ золотенькой бумажкѣ, а кому такъ просто черствую корочку отъ чернаго хлѣба. Всѣхъ одѣлилъ, никого не обидѣлъ.

И странное дѣло: всѣ дѣти были вполнѣ довольны гостинцами отца Левонтія, и даже Степка Загвоздный, получившій черствую корочку, тутъ же принялся сосать ее съ наслажденіемъ. Правда, онъ уже другой день ничего не ѣлъ, такъ какъ мать его ушла въ большое село Касли, а она была единственной поддержкой Степушки. И безъ нея онъ почти никогда ничего не ѣлъ, только теперь сдѣлалъ исключеніе ради гостинца отца Левонтія.

А отецъ Левонтій, раздавая гостинцы, постоянно твердилъ:

— Благословенъ Богъ, милуяй и питаяй отъ своихъ богатыхъ даровъ.

Когда всѣ были удовлетворены, то отецъ Левонтій сѣлъ подъ старымъ, развѣсистымъ кедромъ, и всѣ дѣтки усѣлись вокругъ него. Каждый разъ какъ отецъ Левонтій приходитъ къ нимъ, они также окружаютъ его и смирно, внимательно слушаютъ, что имъ разсказываетъ отецъ Левонтій, а онъ имъ всегда разсказываетъ что-нибудь изъ „божественнаго.“

II.

Откуда являлся отецъ Левонтій къ дѣткамъ— неизвѣстно, да никто и не видалъ его, кромѣ дѣтей. Они разсказывали объ этомъ и отцамъ, и матерямъ. Отцы и матери нѣсколько разъ пытались увидать отца Левонтія и не могли. Они приходили вмѣстѣ съ дѣтьми на поляну, сидѣли и ждали, калякали промежъ себя о томъ, о семъ, зѣвали и наконецъ засыпали; а въ это самое время приходилъ отецъ Левонтій и уводилъ дѣтокъ — куда? Они сами не знали и разсказывали такъ, что никому нельзя было понять, куда они уходили съ отцомъ Левонтіемъ, въ такія палестины, гдѣ текутъ рѣки медовыя, а на берегахъ лежатъ вмѣсто камешковъ орѣхи и пряники „такіе сладкіе, сладкіе, скусные, прескусные“.

Нѣкоторыя матери догадывались, что дѣткамъ просто мерещится:

— Одна какая-нибудь дѣвчонка-баловница, въ родѣ Мани-затѣйницы, наскажетъ имъ чудесъ, а имъ представится, что они точно такія чудеса и видѣли.

Когда же матери разсказывали отцамъ объ отцѣ Левонтіи, то отцы обыкновенно отмахивались отъ нихъ и говорили:

— Зря баютъ, одна болтовня.

А другіе при этомъ думали: „Что-жъ? Може быть. и правда... Только нѣтъ-ли тутъ колдовства и дьявольскаго навожденія?“ А третьи думали: „Просто, надо становому, али исправнику оповѣстить...“

Одинъ разъ отецъ Левонтій пришелъ къ нимъ съ „пальмовой вайей“. Гдѣ онъ взялъ этотъ пальмовый листъ въ сосновыхъ и кедровыхъ сибирскихъ лѣсахъ? Объ этомъ никто изъ дѣтокъ не спросилъ и не интересовался. И только, когда отецъ Левонтій разсказалъ, имъ какой это листъ, отъ какого дерева, и сказалъ, что съ этими листьями народъ встрѣчалъ Христа въ Іерусалимѣ, то всѣ дѣтки пожелали ближе посмотрѣть чудный листъ. Каждый протягивалъ рученку къ нему, и отецъ Левонтій каждому давалъ чудную вѣтку въ руки и говорилъ:

— Поцѣлуй ее, ибо это святыня изъ райскихъ садовъ. Тамъ много такихъ деревьевъ... Цѣлые лѣса ихъ у Господа.

И, слушая это, дѣтки слѣпо вѣрили, что тамъ, высоко на небѣ, существуютъ цѣлые райскіе сады, въ которыхъ на деревьяхъ растутъ золотые райскіе яблоки и порхаютъ райскія птицы, такія нарядныя, что ни въ сказкахъ сказать, ни перомъ описать...

— Батя милый!—сказала Маня:—Своди насъ когда-нибудь въ эти сады... Мы потихонечку, однимъ краешкомъ глаза, посмотримъ на нихъ и снова вернемся сюда.

Отецъ Левонтій пристально посмотрѣлъ въ веселые, добрые глазки дѣвочки и тихо, шопотомъ сказалъ ей:

— Погодите ужо... Я когда-нибудь свожу васъ къ Христу въ гости, въ райскій садъ...

И всѣ дѣтки примолкли, у всѣхъ какъ-то радостно и покойно забились маленькія сердечки.

И съ этихъ поръ они каждый разъ, какъ приходилъ къ нимъ отецъ Левонтій, приставали къ нему и просили сводить ихъ въ садъ Гос-

А. Н. Новоскольцовъ.

Преподобный Сергій и Димитрій Донской.

пода. И каждый изъ нихъ представлялъ этотъ садъ по своему.

У одного—этотъ садъ являлся съ деревьями, которые всѣ были покрыты золотыми яблоками. У другого — онъ представлялся въ видѣ множества цвѣтовъ, такихъ красивыхъ, что на нихъ нельзя было налюбоваться. У Мани-затѣйницы онъ представлялся въ видѣ голубыхъ небесъ и широкой, свѣтлой рѣки, и всѣ дивныя деревья этого сада отражались въ этой голубой рѣкѣ, и весь онъ былъ полонъ хорошенькихъ птичекъ, которыя пѣли Манѣ такія чудныя пѣсни, что Маня слушала, слушала ихъ по цѣлымъ часамъ и не могла наслушаться...

III.

Одинъ разъ, въ воскресенье, дѣтки не могли дождаться отца Левонтія. День былъ сухой и жаркій. Вѣтеръ съ какой-то особенной злобой рвалъ и металъ и сдувалъ пыль со всѣхъ кустовъ и деревьевъ. Онъ билъ этой пылью прямо въ лицо, въ глаза всѣмъ, кто шелъ по дорогѣ.

Но къ вечеру этотъ злой вѣтеръ сталъ утихать и наконецъ совсѣмъ затихъ. И среди этого тихаго вечера явился отецъ Левонтій—явился тогда, когда всѣ дѣтки уже сбирались домой спать.

Онъ пришелъ, и всѣ ожили, окружили его. Со всѣми онъ поздоровался и сказалъ:

— Потому не приходилъ къ вамъ сегодня раньше, что вы встрѣтили сегодня день мирно. Злой вѣтеръ дулъ, и всѣмъ вамъ было скучно и вы забыли, что вы дѣти одного Отца небеснаго, иже благъ, щедръ и многомилостивъ...

И, проговоривъ это, отецъ Левонтій сѣлъ на свое обычное мѣсто и началъ разсказывать притчу; а всѣ дѣтки скорѣе, въ тихомолку усѣлись вкругъ него и начали слушать такъ внимательно...

— У одного отца,—разсказывалъ отецъ Левонтій,—было двое дѣтей, два брата; старшаго звали Каиномъ, а младшаго Авелемъ. И былъ Авель пастырь овецъ, а Каинъ—земледѣлецъ. Авель пасъ своихъ овецъ, и всѣ маленькія овечки, бѣленькія и хорошенькія, прибѣгали къ нему и прыгали и скакали вокругъ него и всѣ лизали руки Авеля, потому что онъ былъ добрый. А Каинъ пахалъ землю и собиралъ жатву и былъ угрюмъ и золъ отъ постоянныхъ трудовъ. Собралъ Каинъ хлѣбъ съ поля и отъ этого хлѣба принесъ жертву Богу и пошелъ отъ этой жертвы дымъ, но этотъ дымъ не подымался къ небу, а разстилался по землѣ. Авель, увидавъ это жертвоприношеніе, также сложилъ жертвенникъ изъ камней и, выбравъ лучшаго, красиваго ягненка, закололь его и положилъ на жертвенникъ. Затѣмъ зажегъ дрова, на которыхъ лежалъ ягненокъ. Густой дымъ пошелъ отъ этой жертвы и понесся большими клубами прямо къ небу. И призрѣлъ Господь на Авеля и на даръ его, а на Каина и на даръ его не призрѣлъ. Тогда Каинъ сильно огорчился и поникло лицо его къ землѣ. И сказалъ Господь Каину: — „Почему ты огорчился и поникло лицо твое? Если ты дѣлаешь доброе, то лицо твое должно быть поднято кверху, а если дѣлаешь злое, то у дверей твоихъ лежитъ грѣхъ твой и влечетъ тебя къ себѣ. Но ты не поддавайся ему, а борись и будь ему господинъ“. Но Каинъ не послушалъ Бога. Онъ поддался грѣху. „Если дымъ отъ жертвы Авеля,—думалъ онъ,—летитъ прямо къ небу, а отъ моей идетъ къ землѣ, то развѣ не ясно, что жертва брата моего угодна Богу, а моя нѣтъ? Пусть у двери моей лежитъ грѣхъ. Я допущу его въ сердце мое“. И съ тѣхъ поръ возненавидѣлъ Каинъ брата своего и погибъ. Онъ сказалъ брату:—„Пойдемъ въ поле мое, посмотри какъ растетъ хлѣбъ мой“, и когда они пришли на поле, онъ схватилъ тяжелое кайло̀, которымъ онъ обрабатывалъ землю, и ударилъ имъ Авеля. И Авель упалъ мертвый и оросилъ своей кровью землю брата своего. А Каинъ пошелъ, озираясь по сторонамъ, и ужасъ грѣха напалъ на душу его. Онъ хотѣлъ убѣжать или спрятаться; но отъ Бога нельзя никуда убѣжать и нигдѣ спрятаться. И спросилъ его Богъ: — „Каинъ! гдѣ братъ твой?“—„Почемъ же я знаю, гдѣ братъ мой?! — сказалъ грубо Каинъ: — развѣ я сторожъ брата моего?“ И сказалъ ему Богъ:— „Каинъ! Что ты сдѣлалъ? Голосъ крови брата вопіетъ ко Мнѣ отъ земли. И нынѣ проклинаетъ тебя земля, такъ какъ она должна была открыть уста свои, чтобы принять кровь брата твоего, убитаго твоей рукой. И теперь, когда ты будешь воздѣлывать землю, то она не станетъ больше давать тебѣ силы своей. И будешь ты изгнанникомъ и скитальцемъ бродить по землѣ“. Каинъ содрогнулся и сказалъ Господу: — „Наказаніе твое больше, чѣмъ я могу снести: Ты изгоняешь меня съ лица земли и отъ лица

Твоего. И буду я изгнанникомъ, буду скитаться по землѣ и погибну подъ постояннымъ страхомъ смерти, ибо каждый, кто встрѣтится съ мною, можетъ теперь убить меня". И сказалъ Богъ Каину:—„Кто убьетъ тебя, тому будетъ отмщено всемеро". И положилъ Господь знаменіе на лицо Каина, чтобы никто не могъ убить его, а на луну положилъ знаменіе братоубійственнаго грѣха...

А въ это время всходила луна. Большой и красный кругъ ея выплывалъ изъ тумана и остановился надъ полемъ.

— Вонъ видите,—сказалъ отецъ Левонтій, указывая на него:—видите ликъ Авеля и лицо Каина, убивавшаго его.

И всѣ дѣтки съ ужасомъ вглядывались въ кругъ луны и нѣкоторые закричали:

— Видимъ! Видимъ!.. Вонъ Авель!..

Лицо у него было круглое, почти во весь кругъ луны, доброе и ласковое, молодое, безъ усовъ. А изъ-за края его выглядывало злое, хмурое, съ ощетинившейся бородой, лицо убившаго его брата, Каина.

— И съ тѣхъ самыхъ поръ,—прибавилъ отецъ Левонтій:—братоубійственный грѣхъ проникъ въ міръ и опуталъ его... Вы всѣ братья, ибо одинъ у насъ Отецъ небесный, и кто смотритъ на другого, на брата своего, съ ненавистью или съ завистью, тотъ уже несетъ въ сердцѣ своемъ образъ Каина и покланяется ему... И кто носитъ въ сердцѣ своемъ образъ Каина, тотъ никогда, никогда не войдетъ въ райскій садъ любящаго Господа нашего Іисуса Христа Сына Божія...

IV.

Пришла и прошла Святая. Прошелъ Вознесеньевъ день. Пришелъ и прошелъ семикъ. Наступала Троица. И въ самый этотъ день Господень всѣ дѣтки вмѣстѣ со старшими сходили въ Кыштымъ, большой заводъ съ большимъ храмомъ Божіимъ. И всѣ, не сговариваясь, прямо отъ обѣдни, съ цвѣтами и березками въ рукахъ, прошли на ихъ любимую площадку.

Они знали, что тамъ ихъ уже ждетъ отецъ Левонтій и что всѣхъ ихъ онъ сейчасъ же поведетъ ко Христу въ гости.

И дѣйствительно, отецъ Левонтій уже ждалъ ихъ на площадкѣ. Всѣ степенно поздоровались съ нимъ. И отецъ Левонтій каждаго поцѣловалъ и перекрестилъ и каждому далъ цвѣтокъ—такой красивый, какого еще никогда не видали, и такъ хорошо, пріятно пахъ этотъ цвѣтокъ, что у каждаго сердце радостно билось и духъ расширялся въ груди. Они стояли и ждали, когда начнется, когда отецъ Левонтій скажетъ имъ:—ну! теперь пора, идемте!..

А было всѣхъ дѣтокъ безъ одного тринадцать. Старшая была Маша, съ маленькимъ Ванюшкой на рукахъ. Была тутъ черненькая сиротливая Даша, у которой въ цѣломъ свѣтѣ была одна родная—бабушка Маврикіевна. Было трое дѣтокъ, дѣвочки-подросточки Степана Бездольнаго, всѣ на одно лицо—кругленькія, румяненькія. Было четверо дѣтокъ—Боровиковы—два мальчика и двѣ дѣвочки, тоже погодки. Наконецъ, была еще одна дѣвочка, худенькая да болѣзненная, круглая сирота—Вѣрунька Чужакова.

А Маня-затѣйница всѣхъ впереди стоитъ съ цвѣтами и цвѣтокъ у нея, что далъ ей отецъ Левонтій, всѣхъ наряднѣе и красивѣе и какъ-будто свѣтится.

— Это цвѣтокъ Божій,—говоритъ отецъ Левонтій:—прямо изъ райскихъ садовъ. Тамъ всѣ свѣтятся и сіяютъ радостью Господней.

И никто изъ дѣтокъ, ни отецъ Левонтій не сказалъ „пора", а просто Маня-затѣйница подняла кверху букетикъ, что былъ у нея въ ручкахъ,—букетикъ изъ райскаго цвѣта, смѣшаннаго съ простыми полевыми деревенскими цвѣтами, и тоненькимъ голоскомъ запѣла:

— Осанна въ вышнихъ! Благословенъ, грядый во имя Господне!

И тотчасъ же всѣ подхватили этотъ гимнъ и всѣ тихо и стройно запѣли:—„Осанна! Осанна! Осанна въ вышнихъ!" и всѣ пошли тихо и бодро впередъ на гору.

И никто не удивился, какъ могла пяти-лѣтняя дѣвочка запѣть такъ правильно, истово и вѣрно кондакъ, котораго она, можетъ быть, никогда въ жизни не слыхала... И никто также не удивился, почему всѣ дѣти пѣли хоромъ, такъ вѣрно и чудно и согласно, точно они всю жизнь этому учились...

Но некому было дивиться и некому было любоваться. Дѣти во все вѣрили,—вѣрили, что они могутъ пѣть правильно, и пѣли. И отецъ Левонтій составлялъ единственный басъ въ этомъ чудномъ, дѣтскомъ хорѣ, но этотъ басъ былъ удивительно тихъ и мелодиченъ. Онъ придавалъ только силу и нѣжность тоненькимъ дѣтскимъ голосамъ,—онъ тихо аккомпанировалъ имъ.

И дѣти шли, шли и пѣли. Долго-ли они шли,

они этого не знали, да и никто не зналъ. Они только чувствовали, что чѣмъ дальше, выше они идутъ, тѣмъ легче, ходчѣе становилось имъ идти, и они поднимались выше и выше...

Они видѣли, что какъ-будто все по сторонамъ ихъ мало-по-малу исчезаетъ въ какомъ-то серебристомъ туманѣ, и наконецъ они уже ничего не видали, кромѣ этого серебристаго, такого нѣжнаго, благоухающаго и пѣвучаго тумана.

Одна изъ дѣвочекъ Боровиковыхъ оглянулась и посмотрѣла на всѣхъ своими восторженными глазками, а всѣ другіе тотчасъ же посмотрѣли на нее и всѣ какъ-будто сказали:

— Ну! что-же удивительнаго?!.. Вѣдь мы ко Христу идемъ, въ его райскій садъ...

И стали дѣтки замѣчать, что они поютъ не одни, что какіе-то неслыханные голоса подпѣваютъ имъ. И стали они смутно видѣть, что весь серебристый туманъ какъ-будто шевелился и движется, какъ стадо серебристыхъ овечекъ, что весь онъ разбивается на мелкія облачки и что каждое облачко улыбается и глядитъ на нихъ такъ любовно... ясными, дѣтскими глазами. Они ясно видятъ, что это не облачко, а дѣтскія, милыя головки. У каждой головки крылышки, и всѣ эти крылатыя головки поютъ и славятъ Бога, такъ тихо, тихо... какъ струны невидимой арфы... И весь туманъ сталъ принимать какія то странныя формы: онъ клубился темнозелеными деревьями и кустами, и среди этихъ душистыхъ кустовъ и цвѣтущихъ деревьевъ вдругъ встали передъ ребятишками большія ворота, точь-въ-точь такія, какъ царскія двери въ Кыштымскомъ соборѣ, и у дверей стоитъ старикъ съ такимъ строгимъ, но добрымъ ликомъ и небольшой окладистой бородой. Его, почти совсѣмъ лысая голова окружена лучами, и эти лучи тихо перебѣгаютъ и переливаются.

Отецъ Левонтій подошелъ къ старику, и дѣткамъ было слышно, какъ онъ сказалъ—и не голосомъ, а своимъ искреннимъ сердцемъ. Онъ сказалъ:

— Впусти! это дѣти земли пришли къ Христу въ гости.

Быстро осмотрѣлъ старикъ всѣхъ дѣтей и распахнулъ одну половинку большихъ воротъ и сказалъ:

— Идите, малые, желанные гости... Ангелы бо ваши видятъ на небеси лицо Отца ихъ небеснаго.

И дѣти вошли и остановились, пораженныя красотой и невиданнымъ зрѣлищемъ.

V.

Прежде всего дѣтей охватила всецѣло радость,—не та радость шумная, земная, которая прогоритъ, какъ бенгальскій огонь, и потухнетъ,—но радость тихая и глубокая: радость, которая идетъ рядомъ съ восхищеніемъ, радость, отъ которой вся душа умиляется и слезы выступаютъ на глазахъ, а сердце бьется такъ тихо, покойно и нѣжно. Всѣ дѣтки притихли, и не знали, и не понимали, гдѣ они: на землѣ или на небѣ?

Маня-затѣйница тоже притихла, крѣпко схватила за ручку Вѣру и прошептала:

— Гляди, Вѣруня! Гляди!.. Птички-то... Птички, Христовы птички!

И дѣйствительно, птички были восхитительны. Онѣ такъ весело, такъ пріятно щебетали и веселились и радовались, порхая по чуднымъ цвѣтамъ, такимъ наряднымъ, сіяющимъ.

Но не однѣ птички, а все было восхитительно въ райскомъ саду: и воздухъ ласковый, голубозеленый, и воды серебристыя, голубыя, прозрачныя, какъ кристаллъ. И лучше всѣхъ и всего были ангелы. Они сіяли добротой и благостью; отъ ихъ ликовъ, отъ ихъ взглядовъ становилось тепло и радостно и въ сердцѣ и въ душѣ.

Они подошли къ дѣткамъ и къ отцу Левонтью и сказали:

— Надо переодѣть ихъ, сюда нельзя входить не въ праздничныхъ одеждахъ.

И они принесли нарядныя, блестящія, какъ серебро, одежды, и такъ быстро переодѣли всѣхъ дѣтокъ, переодѣли и Маню-затѣйницу въ чистую, бѣлую, какъ снѣгъ, одежду съ серебряными, сіяющими звѣздочками. И она прыгала и радовалась и всѣмъ показывала: какіе у ней прелестныя звѣздочки, что горятъ и сіяютъ брилліантовыми огоньками. И ангелы Божьи не могли не радоваться ея радости.

И всѣ дѣтки чинно и радостно вступили въ Божій садъ.

Впереди были опять ангелы, много ангеловъ, и слышались радостные дѣтскіе голоса. Впереди былъ свѣтъ. Онъ переливался волнами и манилъ и ласкалъ, и казался такимъ радостнымъ и любящимъ. И всѣ дѣтки потянулись къ этому свѣту, и впереди всѣхъ Маня-затѣйница.

И долго рѣзвились дѣтки: бѣгали, прыгали, играли въ мячикъ, бѣгали въ горѣлки.

Наконецъ всѣ ангелы подняли крылья и руки

къ небу, и всѣ дѣтки встали рядами впереди ихъ и всѣ запѣли „славу“ Богу.

И тихо, стройно носилась эта слава надъ дѣтскими головками, и всѣмъ дѣткамъ было тепло и радостно, а съ неба сіялъ свѣтъ и какъ-будто сливался съ ихъ чуднымъ гимномъ, радостнымъ, хвалебнымъ гимномъ Господу...

И послѣ этого гимна всѣ дѣтки во всемъ громадномъ, безпредѣльномъ райскомъ саду посѣли на лугъ, такой мягкій, зеленый, весь покрытый ландышами и незабудками, посѣли рядами, рядами, и нельзя было глазомъ окинуть; такъ неизмѣримо велико было это море дѣтскихъ головокъ. И ангелы принесли полныя корзины райскихъ плодовъ и начали раздавать ихъ дѣткамъ. Всѣ они ѣли съ такимъ аппетитомъ эти вкусные, сладкіе, ароматные райскіе плоды, а ангелы тихо и стройно пѣли:

Благословенъ Богъ,
Милуяй и питаяй
Отъ своихъ богатыхъ даровъ!!.
.

И послѣ этой обильной и благословенной трапезы всѣмъ дѣткамъ захотѣлось пить, а ангелы уже несли имъ полныя чаши чуднаго вина.

— Это вино искупленія,—говорили ангелы,— отъ виноградныхъ лозъ, что растутъ въ нашемъ райскомъ саду. Это вино искупленія отъ грѣха братоненавистничества, отъ страшнаго грѣха Каинова.

И всѣ дѣтки пили это вино и вспоминали тотъ мѣсяцъ, на который имъ указывалъ отецъ Левонтій; а отецъ Левонтій сидѣлъ тутъ же, между дѣтками, и цѣловалъ ихъ и плакалъ отъ радости, а всѣ ангелы продолжали пѣть стройными, чудными голосами:

Благословенъ Богъ,
Милуяй и питаяй
Отъ своихъ богатыхъ даровъ.
.

VI.

И наконецъ всѣмъ дѣткамъ показалось, что все кругомъ какъ-будто потемнѣло, и всѣ ангелы говорили: „пора!“

И всѣ дѣтки поняли, что пора уже имъ идти домой. Но здѣсь Маня-затѣйница принялась плакать и говорила, что они были у Христа въ гостяхъ, а Христа не видали.

Всѣ ангелы какъ бы удивились этому желанію и молча смотрѣли другъ на друга, и смотрѣли вдаль,—туда, гдѣ уходили въ вѣчность необозримые и безпредѣльные горизонты. И вдругъ тамъ, далеко, далеко на безконечномъ краѣ, показался чистый, бѣлый свѣтъ. Онъ росъ, увеличивался, подходилъ ближе и ближе... Всѣ ангелы встали на колѣна, а всѣ дѣти кинулись съ радостнымъ крикомъ къ этому свѣту, и впереди всѣхъ Маня-затѣйница.

И всѣ ангелы такъ стройно и громко, съ такимъ глубокимъ чувствомъ запѣли чудными, нѣжными голосами славу Великому Искупителю міра, побѣдившему грѣхъ братоубійства.

И свѣтъ великій прошелъ надъ склоненными головами всѣхъ, и опять въ райскомъ саду все потускло и потемнѣло, и снова ангелы говорили свое ужасное слово: „пора!“

Но здѣсь Маня-затѣйница расплакалась и разрыдалась, такъ что никто ее не могъ успокоить и утѣшить. Она говорила, что она не хочетъ возвращаться домой, что дома темно, скучно, что она не хочетъ снимать своей блестящей, нарядной блузки...

Ангелы долго хлопотали около нея, долго совѣщались съ отцомъ Левонтіемъ, качали головами, шептались и наконецъ сказали отцу Левонтію.

— Что же? Оставь ее у насъ и уведи другихъ дѣтей. Можетъ быть, она пойдетъ вслѣдъ за ними.

Но она не пошла, а убѣжала туда, куда прошелъ Великій Свѣтъ.

И вдругъ что-то смутное, какой-то легкій, свѣжій вѣтерокъ пронесся по всему райскому саду, и поблѣднѣлъ и задрожалъ райскій садъ... и смутно стало на душѣ у всѣхъ дѣтокъ, и всѣ они опечалились и пошли вслѣдъ за отцомъ Левонтіемъ. Они шли и поминутно оглядывались на райскій садъ. У многихъ на глазахъ выступили слезы, и всѣмъ было горько. Всѣ думали: если бы мы сильно заплакали, то и насъ бы, навѣрно, оставили въ райскомъ саду.

И чѣмъ дальше шли дѣтки, тѣмъ меньше становился райскій садъ и тѣмъ туманнѣе все, что ихъ окружало. Но этотъ туманъ тихо, незамѣтно исчезалъ, расплывался и скучная, темная дѣйствительность мало-по-малу выступала вокругъ.

Дѣтки теперь ясно увидѣли, что они спускаются съ горы Егозы и подходятъ къ хорошо знакомой имъ, привычной площадкѣ.

Они пришли и разсѣлись на этой площадкѣ, чтобъ отдохнуть. Отца Левонтія уже не было съ ними. Онъ давно уже исчезъ въ туманѣ.

Кругомъ была ночь. Легкій, холодный вѣтерокъ какъ-то уныло подувалъ между деревьями. И сухо и холодно было на сердцѣ у дѣтокъ. Каждому изъ нихъ хотѣлось плакать и каждый думалъ: „Почему же райскій садъ на небѣ, а не на землѣ? почему Господь не устроитъ здѣсь на землѣ для всѣхъ райскій садъ?“

И вспоминалась имъ ихъ заскорузлая, обыденная, сѣрая жизнь и всѣ ея дрязги: и брань и ссоры между домашними, и всѣ эти домашніе представлялись имъ „врагами Господу“...

И потому, думали они, и нѣтъ райскаго сада на землѣ, и потому изъ нихъ осталась тамъ въ райскомъ саду одна Маня-затѣйница. И теперь стало имъ жутко. И вдругъ представлялось имъ, какой они отвѣтъ дадутъ, когда спросятъ ихъ домашніе: куда они дѣвали Маню-затѣйницу?

Но надо было идти домой, опять спускаться, а кругомъ была глухая, черная ночь. Встали и пошли.

Они пришли въ поселокъ уже на разсвѣтѣ. Нѣсколько разъ домашніе выходили искать ихъ, кликали, аукали. Нѣкоторыя матери голосили и причитали по нимъ, какъ по покойникѣ. Другія ругали ихъ самыми отборными ругательствами.

— Погодите-жъ ужò, — говорила Степанида Боровикова, выставляя впередъ кулаки...—А все Наська охальница!.. Наломаю я ивовыхъ вицъ... да такъ отхлещу... небу жарко будетъ...

И наконецъ всѣ утомились и занялись утренними работами. И у всѣхъ было смутно и тяжело на душѣ, а мать Мани-затѣйницы просто голосила голосомъ и заливалась слезами.

Когда же послышались дѣтскіе голоса, то всѣ бросились имъ на встрѣчу и обнимали дѣтокъ и разспрашивали: куда они пропадали?

— А мы были у Христа въ гостяхъ,—отвѣтила Маша и теперь только спустила ребенка-Ванюшку съ рукъ. Руки у нея затекли, нося все это время.

Но разумѣется, дѣткамъ не повѣрили, хотя всѣ охотно слушали ихъ розсказни и дивились имъ.

Прошло нѣсколько дней, и двѣ дѣвочки Боровиковы съ крикомъ прибѣжали въ деревню.

— Мы нашли! нашли...—кричали онѣ,—нашли Маню-затѣйницу. Она спитъ тамъ за лѣскомъ. Мы будили, будили ее и не могли разбудить.

И всѣ, чуть не всей деревней, пошли посмотрѣть, гдѣ и какъ спитъ Маня-затѣйница.

Пришли, глядятъ:—лежитъ Маня-затѣйница на лужку, среди цвѣтовъ полевыхъ, и точно спитъ и во снѣ улыбается. Только личико ея бѣлѣй цвѣту бѣлаго, а на губахъ такая радостная, тихая улыбочка, и ямки на щечкахъ, и вся она, точно ангелъ Господень небесный, лежитъ.

Прибѣжала и мать ея. Упала на тѣло дѣвочки и начала горько рыдать и причитать...

И долго никто изъ дѣтокъ не могъ повѣрить тому, что Маня взаправду умерла. Всѣ думали, что она только обмерла...

VII.

Похоронили Маню. Отнесли на погостъ, и матери не стали пускать дѣтокъ въ лѣсъ, на гору. Всѣ говорили имъ:

— Видите!.. Видите!.. что съ Маней сдѣлалось... И васъ тоже уведутъ и помрете...

А между собой онѣ говорили, что дѣткамъ просто помстилось и ничего съ ними не было... а только одно затменіе очей.

Послѣ этого прошло много, чуть не сотня лѣтъ... И въ живыхъ осталась изъ всего поселка только одна старая Домаха, мать Мани-затѣйницы; а было ужъ ей 97 лѣтъ. И всѣмъ она охотно разсказывала старую былину, какъ дѣтки къ Христу въ гости ходили.

И пріѣзжали господа и нарядныя барышни, и всѣ охотно слушали разсказъ старой, древней Домны. Только, выслушавъ разсказъ, они начинали спорить.

Одни говорили:

— Ничего этого не было и не могло быть... Все однѣ сказки и галлюцинаціи.

А другіе возражали и говорили:

— Все могло быть по теплой, глубокой дѣтской вѣрѣ... А кто не вѣритъ ни въ адъ, ни въ рай, ни въ Христа, тотъ обойди хоть всю землю и небо, нигдѣ, никогда не найдетъ райскаго сада... Мы все говоримъ: покажи, такъ мы и увѣруемъ... Нѣтъ, ты сперва повѣрь, тогда и увидишь то, чему повѣрилъ!

Котъ-Мурлыка.

ПОЭТЪ-КРЕСТЬЯНИНЪ — С. Д. ДРОЖЖИНЪ.

I.

Нужно признаться, что поэтъ С. Д. Дрожжинъ, не смотря на продолжительность своей литературной дѣятельности (съ 1866 года по настоящее время), вовсе почти неизвѣстенъ читающему обществу, да и критика замѣчала его стихотворенія весьма рѣдко и разбирала ихъ далеко не подробно. Впрочемъ, винить здѣсь, кажется, слѣдуетъ не столько преднамѣренное замалчиваніе его поэзіи критикою, сколько то обстоятельство, что г. Дрожжинъ отмежевалъ себѣ слишкомъ ограниченный кругъ изданій, нераспространенныхъ среди, такъ-сказать, большой публики, и только въ нихъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, помѣщалъ свои произведенія. И дѣйствительно, изъ большихъ журналовъ, въ которыхъ помѣщались стихотворенія г. Дрожжина, мы можемъ указать лишь на *Дѣло*, напечатавшее его стихотвореніе „Сонъ труженика", *Слово*, гдѣ появились въ семидесятыхъ годахъ его „Пѣсни рабочихъ", да *Русское Богатство*, пріютившее на своихъ страницахъ его „Домового". Огромное же большинство стихотвореній г. Дрожжина затеряно было въ дѣтскихъ журналахъ, извѣстныхъ весьма ограниченнымъ и притомъ спеціальнымъ кругомъ читателей, да въ такихъ изданьицахъ, которыя ни малѣйшаго литературнаго значенія не имѣютъ, какъ *Лучъ*, *Ребусъ*, *Новый Русскій Базаръ* и т. п. Находи себѣ произведенія г. Дрожжина пріютъ на страницахъ изданій распространенныхъ и читаемыхъ интеллигентнымъ обществомъ—общество, всегда чуткое ко всякому свѣжему и интересному литературному явленію, не замедлило бы уже давно отмѣтить поэта съ искреннимъ дарованіемъ, съ истинно-поэтическимъ огонькомъ и симпатичнымъ складомъ мыслей. То, что затрогиваетъ г. Дрожжинъ въ своихъ произведеніяхъ, дорого каждому человѣку вообще: природа, любовь, людское горе, людскія радости — вотъ мотивы его стихотвореній. Но при этомъ они дороги еще въ особенности каждому русскому, любящему и знающему свою родину, такъ какъ въ нихъ главный мотивъ — деревня, со всею ея жизнью, съ ея печалями и радостями, съ ея заботами и стремленіями. Описывая деревню, г. Дрожжинъ чувствуетъ себя въ своей сферѣ, такъ какъ самъ родился и голодалъ въ ней, и составляетъ съ нею единую плоть, и знаетъ ее такъ, какъ рѣдко кто другой. Каждое его стихотвореніе, навѣянное ему деревней и деревенской жизнью, дышитъ замѣчательною правдой и любовью къ родному краю, а потому тепло ложится на душу читателю. Общая картина родного края представлена имъ въ стихотвореніи „Родина":

Кругомъ поля раздольныя,
 Широкія поля,
Болота непроходныя,—
 Вотъ родина моя!
Соломою покрытыя
 Избушки предо мной,
Ребята неумытыя
 На улицѣ порой
Босыя, загорѣлыя
 Играютъ и шумятъ,
И, словно вишни спѣлыя,
 Ихъ личики горятъ.
А мимо храма Божія
 Дорогою большой
Идутъ, крестясь, прохожіе
 И странники съ сумой..
Вдали растутъ сосновые
 Дремучіе лѣса,
И съ тучами свинцовыми
 Нависли небеса.
Ничѣмъ не одаренная
 И скудная земля,
Да Волга многоводная,—
 Вотъ родина моя!

Это—общая картина. А затѣмъ находимъ въ книгѣ цѣлый рядъ картинъ съ изображеніемъ различныхъ моментовъ деревенскаго года и вообще крестьянской жизни. Съ особенною любовью, съ какимъ-то отраднымъ чувствомъ останавливается поэтъ на изображеніи крестьянскаго довольства. Немного нужно мужичку: если его милая ему вѣрна, да всѣ въ семьѣ здоровы, да Богъ послалъ ему урожай, при которомъ можно будетъ свести концы съ концами,—онъ спокоенъ, доволенъ и по-своему счастливъ. Живя и работая

среди природы, онъ привыкъ къ ней и наслаждается ею, когда выходитъ на пашню или отправляется полюбоваться, какъ колосится и наливается рожь, и когда наконецъ, по выраженію Майкова, „золотой дождь“ собирается

„Золотистымъ зерномъ
Въ полныхъ амбарахъ душистаго хлѣба“.

Таково въ изображеніи г. Дрожжина крестьянское довольство. Желающіе найдутъ это въ стихотвореніяхъ: „Крестьянскій отдыхъ“, „Въ зимній день“, „Первая борозда“, „Забота“, „Праздникъ осени“, „Послѣ урожая“.

Не такъ часто, но зато съ неослабѣвающею теплотой останавливается поэтъ на изображеніи крестьянскаго горя. Мотивы печальныхъ деревенскихъ думъ подмѣчены имъ вѣрно и притомъ въ немаломъ разнообразіи. То разсказывается о томъ, какъ:

Бабушка въ кручинѣ
Съ вечера безъ сна:
Все о миломъ сынѣ
Думаетъ она.
Въ Питеръ на работу,
Вотъ ужъ цѣлый годъ,
Какъ уѣхалъ, что-то
Вѣсточки не шлетъ...

то описывается смерть лошади, издыхающей во время работы, среди поля, и горе пахаря, котораго постигла внезапная бѣда; то въ весьма поэтическомъ стихотвореніи разсказывается, какъ домовой разгуливаетъ по пустому хлѣву, грустя по конѣ, который недавно издохъ у мужика; то изображается горе матери, у которой сынъ въ солдатахъ на войнѣ:

Только въ деревушкѣ
Мать одна, старушка,
Милаго сынка
Если не дождется—
Слезъ-то, слезъ прольется
Цѣлая рѣка!

то въ короткомъ и сжатомъ, прекрасномъ стихотвореніи представляется портретъ матери, поздно вечеромъ поджидающей домой дочь, загулявшуюся въ деревнѣ:

Думаетъ старушка,
Слушаетъ въ тоскѣ,
Какъ звенитъ и льется
Пѣсня вдалекѣ;
Но въ деревнѣ тихо,
Улица пуста;
Только проскрипѣли
Гдѣ-то ворота...

Помимо такого строгаго разграниченія стихотвореній съ деревенскими мотивами, можно указать еще множество такихъ, въ которыхъ не сказывается прямо крестьянское довольство или горе, но вообще изображаются разные моменты сельской жизни и даются живыя картинки ея. Изъ нихъ особенно хороши слѣдующія: „Пряха“, „Дума пахаря“, „Осенью“, „Въ страду“, „Ясный мѣсяцъ надъ селомъ“, „Избы застилаетъ и туманъ и мгла“. Повторяю: къ нимъ привлекаютъ любовь поэта къ родинѣ, замѣчательно теплый тонъ его картинъ, знаніе жизни и простота, рѣдкая въ наше время вычурнаго и претенціознаго стихотворства.

II.

И не только въ стихотвореніяхъ съ деревенскими мотивами замѣчается этотъ теплый тонъ: имъ проникнута вся книга г. Дрожжина, ибо онъ лирикъ по преимуществу. Эпическія стихотворенія ему не удаются. Въ его сборникѣ помѣщено нѣсколько стихотворныхъ разсказовъ и поэмъ; но они остаются только попытками, показывающими, что съ этой музой г. Дрожжину не стоитъ продолжать знакомство. Его разсказы растянуты, страдаютъ отсутствіемъ фабулы и скорѣе представляютъ рядъ картинокъ, связь между которыми часто бываетъ слабо мотивирована или даже вовсе не разъяснена.

Чтобы согласиться съ этимъ, достаточно прочитать разсказъ „Ѳедя“. Очень хорошо изображенъ здѣсь сначала мальчикъ-созерцатель, которому хочется учиться грамотѣ и „все знать“. И вотъ отецъ отдаетъ его въ ученье къ сельскому дьячку, который также изображенъ авторомъ симпатично. Но къ разсказу, въ видѣ эпилога, зачѣмъ-то (должно быть, для того, чтобы обязательно пристегнуть какую-нибудь мораль) прибавленъ конецъ, къ которому авторъ долженъ былъ скокнуть черезъ нѣсколько лѣтъ жизни своего героя. Выходитъ такъ, что прежде бывшіе крайними бѣдняками Пантелей съ сыномъ своимъ Ѳедей стали впослѣдствіи зажиточными мужиками только благодаря тому, что Пантелей послушался просьбъ сына и отдалъ его въ ученье къ

дьячку, отъ котораго Ѳедя, по описанію г. Дрожжина, узналъ „буки, азъ"; выходитъ наконецъ такъ, что кто узнаетъ „буки азъ", тотъ и богатымъ станетъ. Очевидно, тутъ натяжка. У Плещеева есть аналогическое съ этимъ стихотвореніе „Бабушка и внучекъ": мальчикъ разсказываетъ бабушкѣ, что, проходя мимо сельской школы, онъ увидѣлъ, какъ тамъ сидятъ ученики, и слышалъ, какъ они занимаются съ учителемъ; въ живой, прекрасной рѣчи передана поэтомъ просьба мальчика; и бабушка въ концѣ концовъ соглашается послать внучка въ школу. И никакой морали въ концѣ; и все естественно, просто и трогательно... А г. Дрожжинъ не совладалъ съ той-же простой темой. То же можно сказать и объ его поэмѣ „Привалъ на Волгѣ" и о „Легендѣ о пчелахъ": онѣ растянуты, въ нихъ нѣтъ движенія, отъ нихъ вѣетъ сочиненностью и подражательностью.

Но и въ этихъ слабыхъ произведеніяхъ есть прекрасныя мѣста, а именно тѣ, въ которыхъ г. Дрожжинъ, не принимая на себя непосильной и несоотвѣтствующей своему дарованію задачи, является самимъ собой. Это—мѣста лирическія. Какъ-бы ни была натянута и подражательна поэма „Привалъ на Волгѣ", но какъ-только поэтъ вспоминаетъ родную природу, встающая въ его воображеніи картина ея будитъ въ немъ теплое чувство и выливается въ слѣдующихъ простыхъ строкахъ:

Пѣла птичка надъ нимъ и порхала вокругъ,
Да кузнечики громко трещали,
За рѣкою игралъ на свирѣли пастухъ,
И травинки о чемъ-то шептали;
Василекъ голубой, улыбаясь, глядѣлъ
Сквозь колосья, зерномъ налитыя;
Занималась заря; яркій пламень одѣлъ
И обнялъ облака золотыя...

Можно безошибочно сказать, что среди лирическихъ пьесъ г. Дрожжина найдутся такія, которыя умѣстны въ любой, даже съ самымъ строгимъ выборомъ, хрестоматіи. То въ нихъ слышится вопль, вырвавшійся изъ самой глубины изнывшей въ страданіяхъ души:

Не съумѣю горя
Высказать словами.—
Такъ въ тоскѣ его я
Изолью слезами;
И когда слезою
Злое не зальется,
Отъ души родною
Пѣснею споется...

Или же въ нихъ звучитъ какая-то, такъ сказать, печально-отрадная элегическая нотка, понятная и дорогая каждому читателю, ибо кто же не оглядывается назадъ, на свое прошлое съ благодарностью, какъ-бы ни было оно у многихъ печально и тяжело?.. Но пусть теперь скажетъ за себя одно изъ лучшихъ стихотвореній этого рода:

Когда въ избушкѣ при огнѣ
Узоръ мороза на окнѣ
Блеститъ передо мной,
Я забываю о веснѣ
Въ глуши родной
И забываюся въ мечтахъ...
Пока еще въ моихъ кудряхъ
Не видно сѣдины,
Слагаю пѣснь о лучшихъ дняхъ
Былой весны...
Пусть злится буря за окномъ,
Какъ лютый звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Пускай трещитъ морозъ,—
Мнѣ хорошо забыться сномъ
Волшебныхъ грезъ!

Въ этомъ прекрасномъ стихотвореніи нѣтъ сочиненности: оно просто, ясно, доступно каждому. Видно, что авторъ пережилъ самъ то, что высказалъ въ немъ, что это—изъ его собственной жизни. У г. Дрожжина есть немало такихъ автобіографическихъ произведеній, которыя получаютъ еще большій смыслъ и значеніе, если прочитаешь его автобіографію, приложенную къ сборнику стиховъ. О ней, впрочемъ, потомъ. А пока нельзя не сказать, что эти автобіографическія стихотворенія у г. Дрожжина особенно хороши: въ нихъ видна самостоятельность поэта, нѣтъ подражательности, они не навѣяны ему никакими образцами,—они вылились изъ души поэта, зародились въ ней сами, безъ всякаго посторонняго импульса, по собственному внутреннему побужденію. Немудрено, что стихотворенія г. Дрожжина чрезвычайно нравятся дѣтямъ и въ изобиліи помѣщались въ дѣтскихъ журналахъ: своею простотою большинство изъ нихъ доступно какому угодно возрасту, а теплымъ тономъ своимъ они проникаютъ вглубь души и заставляютъ невольно полюбить поэта.

III.

Г-нъ Дрожжинъ—не только лирикъ непосредственнаго чувства. Какъ человѣкъ мыслящій и

В. П. Овсяниковъ.
Эллисъ («Призраки» И. С. Тургенева).

ФОТ. И ТИП. П. БАБКИНА, СПБ.

много читавшій, онъ нерѣдко даетъ въ своемъ сборникѣ отклики на стремленія, волнующія мыслящій міръ; онъ не удовлетворяется сюжетами, которые представляетъ ему деревня, и пытается заглянуть въ другія сферы, рѣшать нѣкоторые вопросы и формулировать кое-какія сентенціи, далеко выходящія за предѣлы исключительно-народныхъ понятій и кругозора. Поэтому его книга, помимо народныхъ мотивовъ, изобилуетъ и такъ-сказать культурными. Послѣдніе, однако, значительно слабѣе первыхъ. Хотя и между ними встрѣчаются недурныя пьесы, но надо сказать правду — въ общемъ тонѣ и содержаніи тѣхъ и другихъ стихотвореній сказывается, что г. Дрожжинъ сынъ своей среды и что среда, не столь ему близкая, не находитъ себѣ одинаково-сильнаго отраженія въ его произведеніяхъ. Можно указать только шесть стихотвореній съ такими мотивами, заслуживающихъ вниманія. Къ поэту авторъ относится съ большими требованіями: чтобы душа его всегда была открыта для святой истины, за которую онъ долженъ бороться огневымъ словомъ съ порокомъ, во славу своей родины и на пользу всему человѣчеству. Такой же честный, бодрый призывъ слышится въ стихотвореніи „На пути“: люди, подавленные нуждой и измученные трудомъ, идутъ впередъ съ надеждой увидѣть наконецъ зарю счастливыхъ дней.

Пусть тьма кругомъ, какъ ночь осенняя, виситъ
И тернъ колючій насъ мучительно язвитъ:—
Пока лучемъ своимъ намъ счастье не блеснетъ,
Мы будемъ все идти, хоть ощупью, впередъ!

Проходятъ годы—и, по признанію поэта, а также и по его автобіографіи, годы очень грустные; но бодрость не покидаетъ его, уныніе не приходитъ ей на смѣну:

Все насъ манитъ жизни даль
Съ дивнымъ міромъ идеала,—
Такъ крѣпчаетъ отъ закала
И острѣй бываетъ сталь
У завѣтнаго кинжала.

Эта бодрость, эта вѣра въ „міръ идеала“, исканіе его—составляютъ характерную черту поэзіи г. Дрожжина. Поэтъ не предается ни отчаянію, ни даже унынію: если имъ овладѣваетъ тоска, онъ съ ожесточеніемъ гонитъ ее прочь отъ себя:

Ты запой
Мнѣ весной
Пѣсню, соловейко;
Уходи,
Пропади,
Грусть-тоска злодѣйка!

Онъ даже ищетъ и, какъ мы видимъ, находитъ отраду въ грусти, западающей въ его сердце; если же онъ видитъ уныніе въ своемъ ближнемъ, то спѣшитъ придти къ нему на помощь сочувственнымъ, ободряющимъ словомъ. Даже въ такомъ, казалось бы, безотрадномъ стихотвореніи, какъ „Вѣчная память“, звучитъ не только минорная нота, но и бравурная: поэтъ, проникнувшись замѣтнымъ благоговѣніемъ, призываетъ спѣть вѣчную память—

Тѣмъ, кто на свѣтѣ жилъ честнымъ трудомъ,
Нажилъ не мало мозолей въ работѣ,
И, умирая, въ предсмертной заботѣ
Намъ завѣщалъ не отчаянье въ жизни,
А, прозрѣвая величье отчизнѣ,
Вѣрилъ, что колосъ нальется зерномъ.

Но зато, когда г. Дрожжинъ беретъ минорный тонъ, то у него получаются или банальныя, до-нельзя-слабыя пѣсни (напр., „Скобелевъ“), или сплошныя, весьма прозрачныя подражанія. Эти послѣднія занимаютъ также не мало мѣста въ книгѣ разбираемаго автора. На поэта, повидимому, произвели весьма сильное впечатлѣніе образцы, которые по самой сущности своей поэзіи особенно близки и сродны ему: Некрасовъ, Никитинъ, Кольцовъ, Борнсъ. Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній очень недурны, но они уже не такъ дороги читателю, потому что, составляя собою явное подражаніе хотя и хорошимъ образцамъ, доказываютъ однако, что поэтъ не всегда находитъ въ самомъ себѣ достаточно творческой силы ни въ смыслѣ замысла, ни въ смыслѣ его воплощенія въ стихотворныхъ строфахъ.

VI.

Теперь, къ сожалѣнію, приходится остановиться на нѣкоторыхъ недостаткахъ поэзіи г. Дрожжина. Справедливость и безпристрастіе не допускаютъ умолчать объ нихъ. Г-ну Дрожжину, какъ человѣку, очевидно способному задумываться надъ серьезными явленіями и запросами жизни, положительно нельзя не поставить въ укоръ нѣкоторыхъ пробѣловъ въ его поэзіи. Воспѣвая урожай и прочія прелести деревенской жизни, онъ какимъ-то страннымъ образомъ упустилъ возмож-

ность откликнуться на тѣ новыя вѣянія, которыя охватили русскую деревню въ послѣднія тридцать-сорокъ лѣтъ. У рѣдкаго современнаго поэта, хотя бы даже изъ такихъ, которые очень мало посвящали свои возвышенныя, олимпійскія думы русскому народу, — вы не найдете подобнаго отклика. Уже не говоря о Некрасовѣ, жившемъ народными думами и скорбями,— возьмите любого изъ остальныхъ послѣреформенныхъ пѣвцовъ, и вы отъ каждаго изъ нихъ услышите откликъ на тѣ великія преобразованія, которыми ознаменовано послѣднее, дорогое сердцу всякаго истинно-русскаго человѣка, сорокалѣтіе. А у г. Дрожжина такихъ откликовъ вы сталибы искать тщетно, какъ-будто въ деревнѣ и въ настоящее время все обстоитъ по-прежнему, какъ-будто съ кольцовскихъ временъ въ народной жизни не произошло никакихъ перемѣнъ, какъ-будто въ нее не влилось новой струи, освѣжившей и обновившей деревенскаго человѣка, пробудившей въ немъ невѣдомыя ему раньше стремленія къ грамотности и къ знанію вообще. Есть, правда, въ книгѣ одна попытка изобразить это, но попытка весьма слабая, ибо выразилась она въ указанномъ выше плохомъ стихотвореніи „Ѳедя“. Очевидно, поэтъ не задумывался достаточно серьезно надъ этою стороною русской жизни, что́ прискорбно тѣмъ болѣе, что, казалось бы, ему, какъ человѣку изъ народа, она должнабы быть особенно замѣтна и отрадна. А между тѣмъ, имѣя подъ рукою такіе богатые содержаніемъ сюжеты, онъ зачѣмъ-то, въ погонѣ за творческими темами, пускается подчасъ въ области, вовсе ему чуждыя: какъ-то смѣшно встрѣтить въ сборникѣ г. Дрожжина,—въ книгѣ, отъ которой вѣетъ русской пѣснью и народнымъ духомъ,—встрѣтить какую-то не то баркароллу, не то гондольеру какого-то испанско-венеціанскаго пошиба:

Даль въ таинственномъ покоѣ...
Милая, скорѣй
Выходи: стою давно я
У твоихъ дверей!

Думается, что если бы г. Дрожжинъ не искалъ сюжетовъ и вслѣдствіе этого не пускался бы въ чужія области и въ подражаніе, а всматривался-бы глубже въ тѣ явленія, которыя сами къ нему ближе, то нѣкоторые его мнѣнія и взгляды не получили бы такой странной окраски, какая замѣчается, напримѣръ, въ его идеализаціи народнаго пьянства. Какъ-то непріятно въ такой прекрасной книгѣ читать такія непрекрасныя строки:

Ахъ, пойду-ли я,
Добрый молодецъ,
Во питейный домъ,
Разгуляюся!

Пьянство отъ разныхъ причинъ—и вслѣдствіе несчастной любви, и вслѣдствіе горькой бѣдности, и отъ неудовлетворенности въ жизни—пьянство безпробудное и безпросыпное представляется въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ г. Дрожжина въ окраскѣ какой-то наивной и, откровенно сказать, несимпатичной идеализаціи. Сквозитъ та же неумѣстная наивность и въ нѣкоторыхъ другихъ стихотвореніяхъ, напр. въ „Лучинушкѣ“. При всемъ сочувствіи къ поэзіи г. Дрожжина, нельзя не улыбнуться тому, что *современный* народный поэтъ еще не перестаетъ воспѣвать традиціонную лучинушку, отошедшую, казалось бы, въ область воспоминаній. А все это, очевидно, происходитъ отъ того, что г. Дрожжинъ ищетъ сюжетовъ и не всегда удовлетворяется или, вѣрнѣе, не пользуется тѣмъ, что представляетъ ему жизнь.

И не только въ содержаніи встрѣчаются у г. Дрожжина пробѣлы и недосмотры: форма у него также грѣшитъ подчасъ оплошностями и просто даже отсутствіемъ отдѣлки. Изъ приведенныхъ выше въ изобиліи отрывковъ и цѣльныхъ стихотвореній можно уже заключить, что г Дрожжину стихотворная форма нерѣдко измѣняетъ; но для того, чтобы показать, до какого совершенства могъ онъ довести свой стихъ, слѣдуетъ привести здѣсь чрезвычайно трудное по версификаціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лучшее въ этомъ отношеніи изъ всей его книги стихотвореніе—„Цвѣтокъ“:

Тамъ, гдѣ глубокъ,
Сыпучъ песокъ,
Краса долинъ—
Поникъ одинъ
Весной цвѣтокъ
На стебелекъ.
Полдневный зной
Его палитъ,
Живой росой
Не окропитъ,
Не освѣжитъ...
Такъ предо мной,
Подъ зноемъ бѣдъ,
Во цвѣтѣ лѣтъ,
И ты, родной
Увялъ поэтъ...

Къ поэту, который способенъ написать такое чарующее формой стихотвореніе, можно и должно относиться требовательно: имъ онъ самъ себя уличаетъ въ своихъ дальнѣйшихъ ошибкахъ и оплошностяхъ. А между тѣмъ, именно въ *его* книгѣ встрѣчаются такія, напр., неровности стиха:

Молодая мать сидитъ
Подъ окномъ, вздыхаетъ,
Свòихъ маленькихъ дѣтей
Нá степь посылаетъ.

Отцы Изосимъ и Савватій святой
Въ посохахъ страннихъ по пчелкѣ одной...

А безъ ней
Ясныхъ дней
Знать, *не воротиться*..

Какъ г. Дрожжину измѣняютъ иногда сюжеты и ему приходится искать ихъ, такъ и картины и образы подвертываются ему такіе, которые онъ раньше уже изображалъ въ другихъ своихъ стихотвореніяхъ. Повторенія у него довольно часты (и довольно-таки схожія повторенія). Сравните, наприм., слѣдующія два стихотворенія:

Люблю я жгучіе морозы
И шумъ безлиственной березы,
Стоящей грустно подъ окномъ,
Когда изъ трубъ летитъ столбомъ
Дымокъ, и стелется туманомъ,
Играя въ воздухѣ румяномъ
И по равнинѣ снѣговой;
Когда не видно ни одной
Души на улицѣ широкой
И все кругомъ меня глубокой
Еще объято тишиной...
Едва проснется деревушка,
Глядишь—покажется старушка,
Пройдетъ къ колодцу за водой
Мужикъ, иль парень молодой
Лошадку въ дровни запрягаетъ,
Беретъ топоръ и уѣзжаетъ
Въ лѣсъ за дровами...

И вотъ еще описаніе точно такого же пробужденія точно такой же деревушки:

Звѣзды одна за другою
Скрылися съ темныхъ небесъ,
И освѣтился зарею
Грустно-нахмуренный лѣсъ.
Иней на окнахъ избенокъ
Вдругъ заблисталъ серебромъ...
Баба, зѣвая съ просонокъ,
Вышла къ колодцу съ ведромъ.
Скрипнули гдѣ-то ворота,
Гдѣ-то послышался крикъ...
Перекрестившись, съ заботой
Улицей ѣдетъ мужикъ.
Конь его бодро мотаетъ
Гривой лохматой своей,
И на снѣгу оставляетъ
Слѣдъ отъ тяжелыхъ дровней.

Тѣ же дровни, тотъ же мужикъ, та же баба... развѣ только съ маленькими перестановками: тамъ шелъ къ колодцу за водой мужикъ, а тутъ баба.

V.

Тяжелая обязанность исполнена: недостатки поэта даровитаго и симпатичнаго указаны подробно. Мало того: можно сдѣлать еще болѣе непріятное указаніе. Въ книгѣ г. Дрожжина стихотворенія расположены въ хронологическомъ порядкѣ ихъ написанія, и нельзя не признать, что въ болѣе ранніе годы они сравнительно гораздо лучше, чѣмъ въ позднѣйшіе: и разнообразнѣе по сюжетамъ, и живѣе, ярче, сильнѣе по формѣ. Очевидно, поэтъ остановился въ своемъ развитіи—если не совсѣмъ, то, можетъ быть, только на время, но во всякомъ случаѣ теперь онъ ужъ ищетъ сюжетовъ для своего творчества, повторяется въ цѣлыхъ произведеніяхъ, въ отдѣльныхъ образахъ, картинахъ и даже отдѣльными строками, выраженіями. Что за причина? Обыкновенно принято объяснять все одной причиной: исписался, высказался. Но кто ознакомится съ автобіографіей поэта-крестьянина, тому врядъ ли придетъ мысль, что г. Дрожжинъ потому только спустилъ тонъ, что ужъ высказался: тотъ, напротивъ, удивится, что онъ съумѣлъ и успѣлъ написать даже эту книгу при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя всю его жизнь тяготѣли надъ нимъ.

Для того, чтобы стало ясно, почему г. Дрожжинъ не могъ развиться на своемъ творческомъ поприщѣ и что̀ именно мѣшало ему,—необходимо привести свѣдѣнія объ его жизни. Около сотни первыхъ страницъ его книги заняты автобіографіей поэта, полной потрясающихъ, возмутительныхъ эпизодовъ, которые никоимъ образомъ не могли вліять благотворно на его развитіе,—такъ что даже удивительно, какимъ образомъ могло сохраниться въ его дарованіи все то живое, свѣтлое и чистое, что мы нашли и указали въ его прекрасной книгѣ.

Спиридонъ Дмитріевичъ Дрожжинъ родился въ 1848 году въ деревнѣ Низовкѣ Тверского уѣзда, стоящей при впаденіи Шоши въ Волгу. Дѣдъ его, временнообязанный крестьянинъ помѣщика Безобразова, былъ человѣкъ грамотный, любилъ чи-

тать священныя книги и увлекательно разсказывалъ прочитанное. Онъ оказалъ не малое и притомъ благотворное вліяніе на развитіе юноши-поэта. Напротивъ, отецъ С. Д. Дрожжина во все время его поэтической дѣятельности не переставалъ оказывать давленіе на его стремленія и тормозить непонятные и ненавистные ему порывы сына. Деспотъ въ семьѣ, любитель прожигать жизнь въ столицѣ, откуда онъ возвращался домой только на поправку здоровья, истрепаннаго костюма и разстроенныхъ денежныхъ обстоятельствъ, и откуда не любилъ посылать денегъ въ помощь своей трудовой семьѣ, вообще деревенскій работникъ ненадежный,—отецъ С. Д. Дрожжина много вреда принесъ какъ всей семьѣ, такъ въ особенности и сыну-поэту. Зато мальчикъ находилъ утѣшеніе въ женской ласкѣ: онъ заслушивался пѣсенъ своей матери и бабушкиныхъ сказокъ. Онѣ-то и заронили въ его душу первыя сѣмена творчества. Любя уединеніе, онъ уходилъ отъ уличныхъ сборищъ и игръ своихъ сверстниковъ въ поле, въ лѣсъ, и среди тишины природы предавался ея созерцанію; а короткіе зимніе дни и долгіе вечера больше проводилъ, за неимѣніемъ теплой одежды, въ избѣ, разсматривая картинки въ книгѣ: „Сто двадцать четыре исторіи ветхаго и новаго завѣта". Эта книга положила начало его религіозному воспитанію, которому много способствовалъ и дѣдъ: по праздникамъ онъ водилъ внука въ церковь, а когда послѣднему исполнилось шесть лѣтъ, самъ началъ учить его церковной и гражданской азбукѣ. Грамота далась мальчику скоро; восьми лѣтъ онъ ужъ бойко читалъ церковныя и гражданскія книги, преимущественно же книги священнаго писанія, и до того увлекался примѣрами святыхъ отцовъ церкви, что одно время даже думалъ бѣжать изъ этого грѣховнаго міра, носить подобно имъ желѣзныя вериги и быть учителемъ и проповѣдникомъ слова Божія. Но живая дѣйствительность отрывала его отъ мечтаній: въ это время семья Дрожжиныхъ страшно бѣдствовала, не видя никакой поддержки со стороны отца, который жилъ тогда въ Петербургѣ въ кучерахъ и наслаждался прелестями столичной жизни; продать или заложить имъ было нечего, корова пала, на дворѣ у яслей стояла только старая Булашка и бродило нѣсколько куръ, да двѣ-три овцы... Долго не рѣшался дѣдъ идти „по міру", просить Христа ради; но въ одно печальное утро онъ обулъ ноги въ онучи, натянулъ худой армячишко и, опираясь на суковатую палку, провожаемый плакавшею женой, вышелъ изъ избы и, крадучись, скрылся на задворкахъ; опуская въ торбу первый кусокъ подаянія, старикъ прослезился, но угрожающій видъ голодной семьи не давалъ ему задумываться надолго, и велъ его ко второй и къ слѣдующей избамъ... Такъ продолжалось до лѣта, а когда пришло оно, старикъ принялся за работу, и семья опять стала съ хлѣбомъ.

Десяти лѣтъ маленькаго Дрожжина отдала мать въ ученье къ сельскому дьячку, который частенько поколачивалъ его за неспособность къ ариѳметикѣ. У этого педагога мальчикъ обучался полтора года. Въ ноябрѣ 1860 г. пріѣхалъ на побывку въ Низовку его дядя, служившій въ Петербургѣ половымъ въ какой-то гостиницѣ, и уговорилъ родителей мальчика отпустить его съ нимъ въ Петербургъ. И вотъ его увезли изъ родной деревни. Очутился онъ въ большой и грязноватой столичной гостиницѣ „Европа"; его привели къ буфетчику и велѣли поклониться ему въ ноги—онъ поклонился. Благодаря такому маневру, онъ получилъ мѣсто: буфетчикъ опредѣлилъ его на должность „мальчика" на черную половину гостиницы—въ отдѣленіе, извѣстное подъ названіемъ „Капказъ", съ ежемѣсячнымъ окладомъ въ 2 рубля. „Капказъ" этотъ оказался большою, грязной, пропитанною табакомъ и алкоголемъ комнатой; стѣны ея покрыты были зеленой краской, по которой мѣстами выступала плѣсень; три окна „Капказа" глядѣли на мрачный дворъ и выходили къ помойной ямѣ. На обязанности мальчика Дрожжина лежало прислуживать бурливымъ посѣтителямъ „Капказа" и угождать половымъ гостиницы, нерѣдко пьянымъ, выслушивать ихъ брань и выносить постоянныя потасовки. Онъ былъ на ногахъ съ четырехъ часовъ утра до двѣнадцати ночи; послѣ 12-ти долженъ былъ мыть полы и, слѣдовательно, спать ему удавалось не болѣе трехъ часовъ въ сутки.

Въ гостиницу часто захаживали книгоноши. Собравъ въ продолженіе дня нѣсколько копеекъ, даваемыхъ посѣтителями „на чай", мальчикъ употреблялъ ихъ на покупку картинокъ и книгъ, больше сказочнаго и духовнаго содержанія. Все это приходилось дѣлать урывками и украдкой,—особенно послѣ того, какъ старичка-буфетчика замѣнилъ другой, молодой, который съ мальчиками, а равно и со взрослыми слугами обращался деспотически. Сильно досталось Дрожжину, когда

новый буфетчикъ засталъ его за чтеніемъ рукописи народной комедіи „Царь Максимиліанъ". Когда же мальчикъ рѣшился уйти изъ гостиницы и поступить на службу въ табачную лавочку, буфетчикъ, вмѣсто причитавшихся тридцати-пяти рублей, уплатилъ ему всего только десять, а остальные прикарманилъ себѣ, сказавъ хозяину, что они давно ужъ выплачены мальчику.

Такъ началась скитальческая и трудовая жизнь поэта. Судьба закинула его на первыхъ порахъ въ кабакъ, потомъ въ табачную лавочку, потомъ опять въ кабакъ, да еще съ музыкально-танцовальнымъ отдѣленіемъ, потомъ въ табачный магазинъ Габая и Мичри; наконецъ, отъ истощенія силъ онъ заболѣлъ и попалъ въ больницу. Вышелъ онъ изъ нея въ апрѣлѣ и, не имѣя ни денегъ, ни постоянной квартиры, по цѣлымъ днямъ бродилъ голодный, а по ночамъ, крадучись отъ хожалыхъ, спалъ на гранитныхъ спускахъ Невы, на Адмиралтейскомъ бульварѣ или въ Александровскомъ паркѣ... Несмотря однако на этотъ скитальческій образъ жизни, онъ не переставалъ удовлетворять свое влеченіе къ чтенію и къ знанію: пообчистившись отъ уличной грязи, онъ нерѣдко заходилъ въ публичную библіотеку и, благодаря тому, что въ ней пользуются чтеніемъ безплатно, могъ ознакомиться со многими серьезными книгами. Словомъ, ни откуда не видѣлъ онъ духовной помощи и поддержки, и обязанъ своимъ развитіемъ исключительно самому себѣ. Интересно привести прямо выдержки изъ дневника С. Д. Дрожжина:

„Въ это тяжелое время я не разъ имѣлъ ночлегъ и обѣдъ у друга моего, Сократа; иногда давалъ мнѣ пріютъ по ночамъ и столъ при портерной добрый другъ Григорій Демидовичъ Т***, который не разъ снабжалъ меня при крайности нѣсколькими копейками; если онъ живъ, дай ему, Богъ, здоровья и счастья...

„Я такъ въ то время обносился, что мнѣ стыдно было показаться знакомымъ. Не видя никакого выхода изъ своего нищенскаго положенія, 27-го мая поступилъ я служащимъ въ помѣщающійся въ Апраксиномъ переулкѣ довольно грязный трактиръ „Эривань"; отсюда 9-го іюля опредѣлился прикащикомъ за 15 руб. въ мѣсяцъ въ магазинъ игольчатыхъ газовыхъ свѣчей, гдѣ я имѣлъ готовый столъ и комнату. Тутъ, хоть и не надолго, вздохнулъ я свободно, о чемъ свидѣтельствуетъ продолженіе моего дневника:

„*11 сентября 1870* г. Пользуясь послѣ одиннадцати часовъ вечера свободнымъ временемъ, пишу мои пѣсни и, кромѣ друзей, никому ихъ не показываю. Друзьямъ онѣ нравятся и часто переписываются и поются ими; но отдавать печатать страшно.

„*15 сентября.* Сижу одинъ въ своей комнатѣ и читаю безсмертнаго Шекспира, изданіе Некрасова и Гербеля. Шекспиръ натолкнулъ меня на мысль написать драму изъ крестьянской жизни. Напишу-ли—это вопросъ. Попытка не шутка!

„*20 сентября.* Написалъ нѣсколько пѣсенъ. Начинаю и не оканчиваю поэмы; въ головѣ все путается и мѣшается, воображеніе работаетъ. Является опять недовольство жизнью и самимъ собой. Что я, кто я? Боже мой, какое мучительное состояніе чувствовать и сознавать себя во всемъ безсильнымъ и ничтожнымъ!

„*29 сентября.* Хозяинъ-нѣмецъ на меня сердится..

„Ожидаемая катастрофа разразилась надо мной, и я, имѣя въ карманѣ 2 руб. 15 коп., нанимаю себѣ въ Кузнечномъ переулкѣ у какого-то отставнаго солдата на кухнѣ, за 1 р. 25 к. въ мѣсяцъ, уголъ. Въ другихъ углахъ той же кухни помѣщались двѣ дѣвицы и старикъ-отецъ ихъ, занимавшійся починкой сапогъ; тутъ же на русской печкѣ ютился старый нищій. Кухня эта находилась въ подвалѣ двухъ-этажнаго дома и была съ маленькими грязными окнами, выходившими въ холодныя сѣни. Кровать моя была устроена изъ досокъ, набросанныхъ на опрокинутые ящики и покрытыхъ рогожею. Возлѣ нея стоялъ небольшой столикъ и табуретъ; тутъ я питалъ себя хлѣбомъ съ колбасой и лакомился иногда чаемъ; тутъ же, по вечерамъ, при свѣтѣ сальнаго огарка, занимался чтеніемъ, или писалъ, а днемъ уходилъ въ Публичную библіотеку. Прожилъ я въ этомъ углу до 19-го апрѣля и поступилъ къ бывшему содержателю трактира „Эривань", но въ іюнѣ онъ, вслѣдствіе дурной торговли, заведеніе свое принужденъ былъ закрыть. Тогда, чтобы какъ-нибудь существовать, я продалъ за 1 р. 50 к. подушку и одѣяло, заложилъ пальто. Послѣ новыхъ ночевокъ подъ открытымъ небомъ, мнѣ удалось поступить въ одинъ изъ трактировъ на Васильевскомъ островѣ".

Но не могъ С. Д. Дрожжинъ ужиться въ трактирной обстановкѣ, среди пьянаго разгула. Зимой онъ вернулся на родину, а отсюда пѣшкомъ отправился попытать счастье въ Москвѣ. Тутъ счастье улыбнулось ему своеобразно: онъ получилъ мѣсто лакея; но баринъ его говорилъ ему не разъ:—„Ты, братецъ, отличный человѣкъ, но какъ лакей—ни къ чорту не годишься..." Когда же въ Москву пріѣхала мать Дрожжина и требовала, чтобъ сынъ ѣхалъ въ деревню жениться, онъ украдкой отъ нея отправился искать счастья въ Петербургѣ. Въ это время (съ 1873 г.) стали появляться въ журналѣ *Грамотѣй* его стихотворенія, за которыя онъ не получалъ отъ редакціи ни гроша. Въ Петербургѣ онъ познакомился съ купцомъ Агамаловымъ, предложившимъ ему ѣхать съ нимъ въ Ташкентъ, приказчикомъ на его табачную фабрику. Но, привезя его на чужбину, Агамаловъ обманулъ, и злосчастный поэтъ на кое-какія скопленныя деньжонки еле-

еле добрался на родину, гдѣ его и женили. Такимъ образомъ, забота его съ той поры удвоилась: пришлось опять мыкаться въ Петербургѣ то приказчикомъ, то половымъ, а подходящихъ занятій не находилось. Только въ 1879 г. получилъ онъ на время порядочное мѣсто—завѣдующаго поставкой дровъ на Николаевскую желѣзную дорогу.

Около этого времени С. Д. Дрожжину удалось наконецъ познакомиться съ нѣсколькими литераторами, благодаря содѣйствію которыхъ, въ печати стали появляться его стихотворенія. Но тутъ начался для него новый рядъ мытарствъ. Деньги, сбереженныя имъ изъ семидесяти-пятирублеваго жалованья, онъ цѣликомъ убилъ на постройку новой избы въ Низовкѣ; а между тѣмъ, мѣста этого онъ долженъ былъ лишиться, такъ какъ поставка дровъ была отдана другому лицу, которое къ этому дѣлу приставило своего приказчика. Литературный же заработокъ былъ слишкомъ незначителенъ, чтобы существовать на него мало-мальски сносно. И вотъ несчастному пришлось ютиться съ семьей гдѣ-то въ пятомъ этажѣ, въ сырой и холодной комнаткѣ. Жена хворала, дѣти одинъ за другимъ помирали. . Когда же наконецъ онъ, по настоянію нѣкоторыхъ друзей, обратился за помощью въ литературный фондъ, то здѣсь познакомился съ членомъ его комитета, редакторомъ „Русской Старины" М. И. Семевскимъ, который предложилъ ему написать для журнала свою автобіографію. Этотъ новый трудъ хоть сколько-нибудь поддержалъ существованіе бѣднаго поэта. Но силы его, какъ видно, были порядкомъ уже надломлены тяжестью жизни. „Все тоже, только я не тотъ,—пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ:—не прежняя во мнѣ сила, энергія... утратилась она, размоталась по чужимъ людямъ..." Съ одной стороны—поэта встрѣчаетъ ужъ нѣкоторая извѣстность: его охотно печатаютъ, его просятъ сообщить свѣдѣнія о своей жизни, словомъ, его начинаютъ замѣчать; съ другой стороны—у него на пути по-прежнему стоятъ нужда и семейная неурядица и полное неуваженіе окружающихъ его односельцевъ къ его любимымъ занятіямъ, къ его книгамъ и тетрадкамъ,—словомъ, ничего, что̀ хоть сколько-нибудь способствовало бы развитію и совершенствованію поэта... Пренебреженіе это доходитъ до того, что отецъ-деспотъ бьетъ поэта и его жену, несмотря на то, что живя въ деревнѣ, они вовсе не отдѣляютъ себя отъ крестьянства и не разыгрываютъ изъ себя баръ, а наравнѣ съ прочими выходятъ на работу, пашутъ, косятъ, жнутъ... Пренебреженіе и озлобленіе доходятъ наконецъ до того, что отецъ доноситъ на сына въ его якобы неблагонадежности, и въ мирную жизнь приволжской деревеньки врываются элементы чисто-городскіе и трудно-описуемые...

VI.

Приведенныя свѣдѣнія о жизни поэта ясно показываютъ, при какихъ ужасныхъ обстоятельствахъ суждено ему было расти и развиваться. Повторяю: г. Дрожжинъ написалъ много, и притомъ много хорошаго, и если должно быть удивительно, что онъ не погибъ и не затертъ житейскою сутолокой, то еще болѣе удивительно и заслуживаетъ всевозможнаго вниманія то, что онъ могъ написать цѣлую книгу хорошихъ поэтическихъ произведеній. Если поэтъ всю жизнь бѣдствовалъ; если онъ отъ окружающихъ не встрѣчалъ въ большинствѣ не только поддержки и поощренія, но хотя бы мало-мальски сочувственнаго отношенія; если онъ всею своею литературною производительностью обязанъ исключительно самому себѣ; если даже критика до сихъ поръ не оказала ему ни поддержки, ни даже вниманія,—то, по крайней мѣрѣ, теперь, по истеченіи болѣе четверти вѣка отъ начала своей дѣятельности, онъ въ правѣ ожидать, чтобы книга его была замѣчена — и, прибавлю, замѣчена съ признательностью.

Н. Позняковъ.

СТРАННИКЪ.

Влекомый силою святою
Сквозь жизни радость и печаль,
Я, вѣчный странникъ, чуждъ покою,
Стремлюсь куда-то вдаль и вдаль;

Остановлюсь,—но кличъ призывный
Звучитъ далече впереди,
И сердце просится въ груди
На зовъ таинственный и дивный.

И вновь беру я посохъ мой
И вновь иду, куда—не знаю,—
Иду и пѣсней услаждаю
Свой путь тяжелый и крутой.

Н. Холодковскій.

ПЕРВОЕ РАЗОЧАРОВАНІЕ.

(Разсказъ).

I.

Окончивъ гимназію, Настенька Кропотова просила позволенія у отца поступить на высшіе курсы — и не потому, чтобы ее влекла къ себѣ наука, а потому больше, что ея подруга, Бунина, поступала на нихъ и звала ее съ собою. Вотъ почему она не очень огорчилась, когда отецъ не далъ согласія:

— Какіе еще тамъ курсы!—сказалъ онъ:— и въ гимназію-то напрасно отдавали! Это нужно бѣднымъ, которыя жениховъ себѣ не надѣются найти! А у тебя, слава Богу, есть приданое... Отъ жениховъ и такъ отбою не будетъ.

У отца Настеньки было два дома на Петербургской сторонѣ и большое „каретное заведеніе" гдѣ-то на Гороховой.

Настенька не очень упрашивала. Женихъ уже былъ у нея, хоть и не формальный. Въ теченіе многихъ лѣтъ съ семьѣ Кропотова жилъ сынъ его провинціальнаго пріятеля, студентъ университета Мошкинъ. Когда юношу пришлось, послѣ окончанія курса въ провинціальной гимназіи, отправить въ Петербургъ, отецъ его написалъ письмо къ старому своему другу, Кропотову, прося „пріютить" сына. Тотъ исполнилъ просьбу друга буквально: отвелъ Васенькѣ Мошкину комнатку, кормилъ и поилъ его.

Когда Васенька пріѣхалъ въ Петербургъ, Настя была въ четвертомъ классѣ гимназіи, и первое время студентъ не обращалъ на нее вниманія, весь поглощенный лекціями, товариществомъ, университетскими дѣлами, вообще, той молодой, бойкой жизнью, которая сразу охватываетъ провинціальнаго гимназиста, дѣлающагося студентомъ, да еще столичнаго университета. Да и какой интересъ могла для него представлять пятнадцатилѣтняя дѣвочка-подростокъ!

Но уже на второй, а въ особенности на третій годъ, Настя развилась въ очень красивую, бойкую дѣвушку, и студентъ утратилъ свое равнодушіе. Чаще и чаще заводилъ онъ съ нею разговоры на „серьезныя темы" — и сначала все больше въ ироническомъ тонѣ, подсмѣиваясь надъ тѣмъ, что она ничего не читаетъ, занимается нарядами, ничего не знаетъ, кромѣ вызубренныхъ гимназическихъ уроковъ, и т. д. Но когда Настя попросила его приносить ей книжки для чтенія,

стала задавать ему вопросы, возникавшіе въ ней отъ чтенія этихъ книжекъ, то между молодыми людьми установилось что-то въ родѣ серьезной дружбы по наружности, а въ тайнѣ каждый изъ нихъ чувствовалъ и нѣчто большее. Что-то тянуло ихъ другъ къ другу, заставляло задумываться, мечтать и ловить себя на этихъ мечтахъ. Никакихъ „объясненій" между ними не было, но объясненій и не было нужно: каждый отлично понималъ то, что чувствуетъ другой, по выраженію лица, по звуку голоса, пожатію руки и т. п.

Вотъ этого-то Васеньку Мошкина Настя и считала своимъ женихомъ, и была въ этомъ такъ же увѣрена, какъ въ томъ, что сама она „никогда и ни за что на свѣтѣ не выйдетъ замужъ ни за кого другого".

Кажется, и отецъ Настеньки думалъ объ этомъ. По крайней мѣрѣ, весной того года, когда Настенька кончала гимназію, а Мошкинъ готовился держать государственные экзамены, отецъ сталъ особенно любезенъ и внимателенъ къ студенту. Онъ чаще оставлялъ его наединѣ съ дочерью, не бросалъ сердитыхъ взглядовъ, когда заставалъ ихъ въ уголкѣ гостиной за какой-нибудь книгой, а перваго мая разрѣшилъ имъ даже прогулку почти tête-a-tête въ „Лѣсной".

Отецъ потребовалъ только, чтобы Настя пригласила на эту прогулку которую-нибудь изъ своихъ старыхъ гимназическихъ подругъ. Старикъ надѣялся, что эта прогулка развяжетъ языкъ студенту, и тотъ сдѣлаетъ предложеніе Настенькѣ. У дѣвушки были подобныя же ожиданія. Она волновалась, готовясь къ этой прогулкѣ; сердце ея замирало.

Изъ своихъ прежнихъ подругъ Настенька выбрала для прогулки Бунину. Хотя та окончила курсъ раньше ея, и была уже цѣлый годъ на курсахъ, но Настя считала ее самымъ близкимъ своимъ другомъ. Правда, въ послѣдній годъ онѣ почти не видались. Бунина много работала на курсахъ у нея была масса новыхъ подругъ, интересовъ, вопросовъ... Но Настя была увѣрена, что старая гимназическая дружба должна остаться „на вѣкъ". Не даромъ же пословица говоритъ: „старый другъ лучше новыхъ двухъ".

За нѣсколько дней до прогулки она написала Буниной пригласительную записку, въ которой упоминала, что въ прогулкѣ участвуетъ и студентъ Мошкинъ. Курсистка дала согласіе и въ назначенный часъ явилась къ подругѣ.

II.

Въ тотъ годъ весна была такая ранняя, какой не помнили старожилы. Уже въ концѣ апрѣля всѣ деревья покрылись листьями; трава выросла почти въ цѣлую четверть. Цвѣла черемуха, зацвѣтала сирень.

Послѣ душныхъ улицъ города, Лѣсной казался Настенькѣ раемъ. Она была беззавѣтно счастлива, шутила, смѣялась, была готова бѣгать, какъ ребенокъ, и приходила въ восторгъ отъ каждаго щебетанья въ кустахъ невѣдомой пташки. Она не замѣчала, охваченная радостью, что Бунина разговариваетъ съ нею нѣсколько небрежно, отвѣчаетъ на ея вопросы нѣсколько свысока и покровительственно. Она не замѣчала, что и у студента изрѣдка прорывается тотъ ироническій тонъ, котораго онъ держался съ нею три года тому назадъ, когда только-что пріѣхалъ въ Петербургъ.

Настенькѣ казалось, что этотъ тонъ былъ теперь просто шутливымъ и радостнымъ. Но она ошиблась. Студента поразилъ, съ самаго начала прогулки, черезчуръ пестрый, бросавшійся въ глаза, изысканно-модный костюмъ Насти. Особенно его шокировала шляпка, представлявшая огромный цвѣтникъ на юной головкѣ. Эта шляпка и этотъ костюмъ представлялъ и рѣзкій контрастъ съ простенькимъ, скромнымъ нарядомъ студентки. Бунина была некрасива, худенькая, немножко блѣдная; но ея большіе, глубокіе, темные глаза свѣтились мыслью и какой-то затаенной грустью. Самая походка ея была задумчивая, тихая. А между тѣмъ, отъ Насти вѣяло могучимъ физическимъ здоровьемъ; румянецъ заливалъ ея полныя щеки; сѣрые глазки добродушно смѣялись; движенія и прыжки, выражавшіе дѣтское веселье, не совсѣмъ гармонировали съ ея плотной фигурой и сильно-развитымъ бюстомъ.

Бунина, по намекамъ подруги, знала ея тайну, и старалась держаться въ сторонѣ отъ влюбленной парочки, то отставая подъ предлогомъ собиранія какихъ-то растеній, то просто объявляя, что она устала, хочетъ посидѣть и прося ихъ не стѣсняться и оставить ее одну.

— Я очень люблю быть одна, — увѣряла она.

И вотъ, Настя оставалась наединѣ съ Мошкинымъ, но онъ былъ молчаливъ, и она не только не могла дождаться ожидаемаго „объясненія"

А. А. Писемскій.

Отдыхъ на жатвѣ.

ФОТ. И ТИП. П. БАБКИНА. СПБ.

но даже и обыкновенные ихъ разговоры сегодня не клеились.

Дѣло пошло еще хуже, когда студентъ рѣшился задать Буниной вопросъ: хорошо ли у нихъ на курсахъ читаетъ политическую экономію профессоръ X? Бунина отвѣчала, но половины изъ ея словъ Настенька не поняла. Студентка была почему-то недовольна, что профессоръ проповѣдуетъ какое-то „laissez faire“.

„Что такое „laissez faire“?—ломала себѣ голову Настя. Вѣдь это значитъ, что онъ проповѣдуетъ предоставить каждаго своимъ силамъ? А развѣ это дурно? Сейчасъ буду возражать Буниной и докажу ей, что профессоръ правъ и что это очень хорошо!“

Но она выжидала, что̀ отвѣтитъ Мошкинъ

Тотъ, повидимому, былъ несогласенъ съ Буниной, и заговорилъ что-то о какой-то Манчестерской школѣ, на которую напрасно нападали прежде. Она, по его словамъ, все же привела Европу къ величайшему развитію производства и подготовила путь для дальнѣйшаго „экономическаго прогресса.“

— О! да вы экономическій матеріалистъ!— воскликнула студентка:—а я врагъ этой теоріи!..

Тутъ Настенька рѣшилась напасть на свою подругу въ защиту, какъ ей казалось, своего жениха: ужъ, конечно, онъ увидитъ изъ этой защиты, что хотя она и не была на курсахъ, но понимаетъ въ „серьезныхъ“ вопросахъ больше курсистокъ.

— Я совершенно согласна съ Мошкинымъ!— воскликнула она горя̀чо и волнуясь:—какъ можно нападать на школу, въ которой дѣтямъ даютъ больше свободы, не стѣсняютъ ихъ?..

И вдругъ, въ отвѣтъ на эти слова, и студентъ и Бунина разразились такимъ хохотомъ и смѣялись такъ долго, что бѣдная Настя стояла передъ ними, какъ соляной столбъ, и даже слезинки выступили у нея на рѣсницахъ.

— Что-жъ вы смѣетесь? Развѣ я сказала что-нибудь очень глупое?—едва выговорила она, вся заливаясь румянцемъ.

— Ахъ, милочка, погоди, дай мнѣ успокоиться! Вотъ одолжила!—воскликнула студентка, почти падая на скамью, около которой они проходили. Студентъ же вытиралъ слезы, выступившія у него на глазахъ отъ смѣха.

— Вы все перепутали,—сказалъ онъ, наконецъ, Настенькѣ:—мы говоримъ вовсе не о школѣ въ обыкновенномъ смыслѣ. Манчестерской школой называется одно направленіе въ политической экономіи...

— Но развѣ я обязана знать всѣ новѣйшія направленія въ политической экономіи! Чего же тутъ смѣшного?—сказала Настенька обидчиво.

Но ея слова вызвали новый взрывъ смѣха, который былъ еще необузданнѣе и продолжительнѣе. Теперь студентъ прямо повалился на траву и хохоталъ, какъ сумасшедшій.

— Новѣйшія... новѣйшія направленія!—восклицалъ онъ, всхлипывая:—этому направленію теперь ровно полтораста лѣтъ!..

Все остальное время прогулки между Мошкинымъ и Буниной шли самые оживленные разговоры и споры, а Настенька ходила рядомъ съ ними, какъ опущенная въ воду, и уже не восторгалась птичками, листьями, одуванчиками...

Впрочемъ, она не унывала.

„Завтра же достану политическую экономію“, думала она, „и когда прочту, устрою вторую прогулку... Вотъ тогда они посмотрятъ, какъ я ихъ буду рѣзать...“

III.

Прошло недѣли три. Настя выполнила свое намѣреніе и дочитывала какой-то курсъ „политической экономіи“. За все это время она рѣдко видѣла Мошкина, совершенно поглощеннаго своими экзаменами.

Въ тотъ день, когда у него былъ послѣдній экзаменъ, она рѣшила устроить прогулку, получила согласіе отца, и опять написала записку Буниной. Мошкинъ же еще раньше обѣщалъ принять участіе въ прогулкѣ.

И вотъ—они снова въ паркѣ Лѣсного института. Теперь въ немъ было еще лучше. Вечернее солнце обливало деревья золотымъ блескомъ. Въ кустахъ нѣжно и страстно пѣли соловьи. На поворотѣ одной изъ аллей ихъ догнала группа студентовъ и курсистокъ, кричавшая еще издали:

— Мошкинъ! Бунина! Да остановитесь! Къ вамъ есть серьезное дѣло!

Оказалось, что нѣсколько товарищей Мошкина и подругъ Буниной рѣшили ознаменовать день окончанія экзаменовъ поѣздкой на лодкахъ на взморье изъ Петровскаго парка.

— Будемъ всю ночь на взморьѣ,—говорили они:—тамъ встрѣтимъ восходъ солнца! Беремъ

съ собой самоваръ, молока, гору бутербродовъ... Конечно, вы съ нами?

— А какъ же быть съ нашей спутницей? Ей нельзя!—говорили смущенно Мошкинъ и Бунина, указывая на Настеньку.

— А ее проводитъ домой Измайловъ,—сказала одна студентка, указывая на бывшаго съ ними длиннаго, какъ жердь, гимназиста:—ему тоже нельзя съ нами; онъ долженъ въ девять часовъ явиться въ пансіонъ.

Мошкинъ и Бунина согласились и простились съ Настенькой. Она осталась съ Измайловымъ, а молодая компанія, громко разговаривая, смѣясь и напѣвая, направилась къ выходу.

— Быть можетъ, вы еще желаете погулять? Вѣдь вы только-что пріѣхали?—сказалъ гимназистъ, смотря на свою красивую спутницу и ея блестящій, модный костюмъ.

— Да, побудемъ немножко,—отвѣчала она, едва выговаривая слова, такъ какъ ей горло сжимало, и она готова была каждую минуту разрыдаться.

Они сѣли на скамью. Гдѣ-то совсѣмъ близко пѣлъ соловей... На рѣсницахъ у Насти появилась слезинка. Голоса уходившей компаніи звучали все дальше и дальше. Наконецъ, совсѣмъ смолкли...

Вдругъ Настенька выпрямилась, гордо взглянула на своего сосѣда и спросила его:

— Что вы думаете о Манчестерской школѣ?

— Это хорошая школа. Тамъ механикѣ обучаютъ очень хорошо,—увѣренно отвѣтилъ гимназистъ.

Теперь ужъ Настя хохотала, какъ безумная... Она вымещала на Измайловѣ свое недавнее посрамленіе и свое глубокое горе...

М. И. Красовъ. (Л. Е. Оболенскій).

ЗНАЧЕНІЕ МЕДИЦИНЫ

ВЪ ДѢЛѢ ВОСПИТАНІЯ.

Лекція.

Современное развитіе медицины сдѣлало спеціализацію нашей науки требованіемъ необходимости. Если въ XVII ст. было возможно, чтобы извѣстный ученый *Копрингъ* былъ докторомъ 4-хъ факультетовъ, а *Лессингъ* совмѣщалъ въ своей головѣ литературу, философію и богословіе, то въ настоящее время даже для выдающихся личностей невозможно знать спеціально хотя бы половину наукъ, входящихъ въ составъ одной медицины. Но та же спеціализація, явившись дѣломъ необходимости, приняла границы нежелательныя и даже вредныя для общаго врачебнаго образованія. Подъ словомъ спеціальность теперь понимаютъ изученіе отдѣльной системы органовъ, такъ напримѣръ: глаза, уха, или изученіе такой отрасли, которая требуетъ особенной технической сноровки, особыхъ практическихъ пріемовъ, какъ напримѣръ, акушерство. Ни съ той, ни съ другой точки зрѣнія дѣтскія болѣзни не составляютъ отдѣльной спеціальности, и если руководиться означеннымъ узкимъ взглядомъ на вещи, то нельзя признать педіатрію спеціальностью въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Въ 1-й лекціи, характеризуя въ общихъ чертахъ область ученія о дѣтскихъ болѣзняхъ, я умолчалъ объ этой особенности нашей спеціальности. Это молчаніе было умышленно. Я хотѣлъ, чтобы наглядно, путемъ клиническаго разбора болѣзней дѣтскаго возраста вы убѣдились въ близорукости тѣхъ, которые отрицаютъ самостоятельное значеніе педіатріи только потому, что мы изучаемъ цѣлое, а не часть; потому, что пользуемся методами изслѣдованія общими, а не спеціальными. Теперь, когда мы разобрали рядъ болѣзней, свойственныхъ исключительно дѣтямъ, когда я указалъ вамъ на особенности въ теченіи у дѣтей

болѣзней общихъ со взрослыми, я нахожу цѣлесообразнымъ и естественнымъ сказать нѣсколько прощальныхъ словъ о самомъ объектѣ этихъ болѣзней, объ организмѣ ребенка. Я позволю себѣ напомнить вамъ старинное изреченіе *Гиппократа*, сохранившее свою силу вѣками, что мы лѣчимъ не болѣзнь, а больного. Это изреченіе не потеряетъ своей силы, не смотря на всѣ современныя расширенія нашихъ знаній относительно этіологіи, патологической анатоміи и терапіи различныхъ болѣзней. Не достаточно для врача, хотя-бы и спеціалиста дѣтскихъ болѣзней, знать микроба сыпной лихорадочной болѣзни, измѣненія, вызываемыя имъ въ органахъ, и сортъ сыворотки, которую нужно вспрыснуть. Надо знать еще особенности организаціи, съ которыми имѣешь дѣло, —почву, на которой развилась болѣзнь.

Какъ одно и то же растеніе растетъ различно на различной почвѣ, такъ одна и та же болѣзнь, въ силу индивидуальныхъ особенностей больнаго, приметъ различное теченіе и вызоветъ различныя послѣдствія независимо отъ того, будетъ-ли болѣзнетворнымъ агентомъ бактерія тифа или дифтерита, будемъ ли лѣчить выжидательно или примѣненіемъ сыворотки. Современная медицина въ погонѣ за микроскопическими величинами—бактеріями – упускаетъ иногда изъ виду величину макроскопическую—больного. Въ области внутреннихъ болѣзней необходимыя свѣдѣнія о человѣческомъ организмѣ намъ доставляютъ анатомія и физіологія—съ одной стороны, химія и патологическая анатомія—съ другой. На основательномъ знакомствѣ съ означенными науками зиждется знаніе и искусство практическаго врача. Это истина, не требующая доказательствъ. Но также неоспоримо и второе положеніе, что анатомическое строеніе, физіологическіе и химическіе процессы растущаго организма различны отъ процессовъ, которые происходятъ въ организмѣ человѣка взрослаго. Общій основной законъ патологіи одинаковъ для ребенка и взрослаго, но симптомы, клиническое теченіе болѣзней у дѣтей и анатомо-патологическая картина на каждомъ шагу представляютъ уклоненія. Уклоненія эти обусловливаются разницею въ анатомическомъ строеніи растущаго организма, въ физіологической функціи извѣстныхъ его органовъ и въ зависящихъ отъ нея химическихъ процессахъ. Отсюда слѣдуетъ естественный выводъ, что педіатръ долженъ быть хорошо знакомъ съ анатоміей и физіологіей растущаго организма. Но, къ сожалѣнію, это необходимое знакомство затрудняется неполнотою и несовершенствомъ тѣхъ данныхъ, которыя существуютъ въ означенныхъ наукахъ относительно дѣтскаго организма. Педіатрія—отрасль молодая съ одной стороны, не всѣми признанная—съ другой. Теоретически это непризнаніе замедляетъ ходъ изслѣдованія нормальныхъ жизненныхъ процессовъ въ дѣтскомъ возрастѣ, практическимъ результатомъ непризнанія нашей спеціальности является большая смертность дѣтей, которая составляетъ удѣлъ всѣхъ странъ вообще и нашего отечества въ особенности. Молодое поколѣніе—это надежда и будущность всей націи. Правильное развитіе и воспитаніе дѣтей—залогъ для роста и развитія всей страны. Эти истины признаны всѣми государствами; остается только непризнаннымъ основное положеніе, что нормальное физическое и умственное развитіе не мыслимо безъ знакомства съ природою развиваемаго. Дѣтскій докторъ не только врачъ въ тѣсномъ смыслѣ, но и гигіенистъ-воспитатель. Послѣдняя мысль туго проникаетъ въ публику, но истина, какъ бы сильно ни было противодѣйствіе, беретъ верхъ. Даже въ нашемъ отечествѣ мы встрѣчаемъ уже теперь врачей въ школахъ, гимназіяхъ, институтахъ; врачебныя мнѣнія спрашиваются въ педагогическихъ совѣтахъ...

Натуры богато-одаренныя дѣйствуютъ, а посредственности противодѣйствуютъ—таковъ законъ соціальной жизни. Въ Россіи мало выдающихся педагоговъ. Но такія даровитыя, свѣтлыя личности, какъ *Ушинскій*, давно сознали необходимость для педагога знакомства съ физическою и духовною организаціею ребенка. Достаточно просмотрѣть прекрасное сочиненіе *Ушинскаго* „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“, чтобы убѣдиться, какое значеніе придавалъ онъ въ дѣлѣ воспитанія основнымъ медицинскимъ наукамъ. Но съ другой стороны, изъ той же книги легко видѣть, какъ трудно было нашему педагогу собрать разбросанныя данныя медицины, согласовать противоположныя мнѣнія, и сколькихъ данныхъ онъ не нашелъ, потому что ихъ и доселѣ не существуетъ.

Воспитаніе вообще и русское въ особенности далеко не совершенно. Причина этого обстоятельства становится ясною при одномъ взглядѣ на исторію педагогики. Въ древнія, до-христіанскія времена мы встрѣчаемъ воспитаніе спеціаль-

ное, гдѣ человѣческая личность уничтожалась для семьи, касты, народа; затѣмъ—періодъ господства схоластики, сухого и эгоистичнаго педантизма. Теперь мы освободились отъ послѣдняго періода, благодаря сознанію человѣческой личности, необходимости воспитанія для себя, общества, родины. Это сознаніе проведено философами, которые изучали и защищали духъ человѣка. Но воспитаніе духа немыслимо безъ воспитанія его оболочки—тѣла. Для правильнаго воспитанія духа необходимы, помимо отвлеченныхъ знаній, и знанія существенныя—знакомство съ вмѣстилищемъ духа—нервною системою человѣка. Недостаточное знакомство съ анатоміею и физіологіею мѣшаетъ правильной постановкѣ воспитанія: недостаточныя свѣдѣнія о растущемъ организмѣ будутъ препятствовать осуществленію теоріи нормальнаго воспитанія на практикѣ. Въ своей послѣдней лекціи я намѣренъ показать вамъ роль медицины въ нормальномъ воспитаніи ребенка, думаю ознакомить васъ въ краткихъ словахъ съ тѣми особенностями, которыя представляетъ дѣтскій организмъ и знаніе которыхъ необходимо для физическаго и духовнаго воспитанія ребенка.

Опредѣлить границы дѣтскаго возраста, изученіе особенностей котораго составляетъ предметъ педіатріи, довольно трудно. На практикѣ границею дѣтскаго возраста считаютъ 12—14 лѣтъ; по крайней мѣрѣ, въ дѣтскія больницы не принимаютъ дѣтей старше даннаго возраста. Дѣйствительно, болѣзни у дѣтей болѣе старшихъ очень мало отличаются по клиническому теченію отъ наблюдаемыхъ у взрослыхъ; но, съ другой стороны, нѣкоторыя болѣзни спеціально дѣтскія, какъ, напримѣръ, rachitis tarda, наслѣдственныя нервныя встрѣчаются нерѣдко за предѣлами означеннаго возраста. Въ теоріи существуютъ два пути: одни руководятся ростомъ тѣла; но ростъ отдѣльныхъ органовъ и отдѣльныхъ костей идетъ неравномѣрно и вполнѣ оканчивается далеко за границею дѣтскаго возраста; другіе берутъ въ основу раздѣленія процессъ прорѣзыванія зубовъ, но зубы существуютъ до прорѣзыванія, съ ихъ выходомъ ничего не измѣняется въ гигіеническихъ условіяхъ для дитяти. Я, съ своей стороны, предложу вамъ раздѣленіе дѣтскаго возраста менѣе сложное, чѣмъ существующее, и основанное на взаимномъ отношеніи роста организма къ развитію. Организмъ ребенка характеризуется преобладаніемъ по росту и вѣсу надъ развитіемъ. Я признаю: младенческій возрастъ, который обнимаетъ 2 первые года жизни; возрастъ дѣтскій, отъ 2—7 лѣтъ: и возрастъ отроческій, который начинается на 7-мъ году, съ окончаніемъ развитія мозга, и продолжается до 12—16 лѣтъ. Съ этимъ періодомъ увеличеніе по росту и вѣсу не преобладаетъ надъ формировкою тѣла, а идетъ параллельно.

Установивши опредѣленіе для дѣтскаго возраста, обратимся къ опредѣленію педагогики. Педагогика подраздѣляется на діэтетику (собств. воспитаніе), дидактику (обученіе) и методику. Но діэтетика и дидактика, составляя понятія разныя, занимаясь одна воспитаніемъ характера, а другая—ума, въ сущности обѣ тѣсно связаны между собою развитіемъ ребенка; объективная сторона ребенка составляетъ задачу обученія, а субъективная—воспитанія. Медицина имѣетъ отношеніе какъ къ воспитанію, такъ и къ обученію ребенка, потому что физіологія и психологія составляютъ въ наше время двѣ науки, предназначенныя, если не слиться между собою, то прислушиваться одна къ другой. Въ предѣлахъ настоящей лекціи я намѣренъ сообщить нѣсколько краткихъ свѣдѣній объ организмѣ ребенка, необходимыхъ для нормальнаго воспитанія. Воспитаніе раздѣляется на физическое, умственное и нравственное. Былобы большою ошибкою думать, что эти три отдѣла самостоятельны; напротивъ, какъ увидимъ ниже, они тѣсно связаны между собою, и чѣмъ раньше начинаются всѣ три, тѣмъ плодотворнѣе оказываются результаты. Для удобства изложенія мы разберемъ отдѣльно воспитаніе физическое отъ душевнаго, въ составъ котораго входятъ умственное и нравственное воспитаніе.

Цѣль физическаго воспитанія—здоровье ребенка. Гигіена имѣетъ въ дѣтскомъ возрастѣ громадное значеніе, такъ какъ большинство дѣтскихъ болѣзней можетъ быть предупреждено правильною гигіеническою обстановкою ребенка; съ другой стороны, нарушеніе основныхъ правилъ гигіены оказывается на растущемъ организмѣ несравненно сильнѣе, чѣмъ на организмѣ взрослаго. Физическое воспитаніе должно начинаться съ момента рожденія ребенка, т.-е. съ младенческаго возраста. Но въ этомъ возрастѣ мы встрѣчаемъ два понятія: новорожденный ребенокъ и грудной ребенокъ. Всѣмъ извѣстно, что существуетъ цѣлый отдѣлъ болѣзней новорожденныхъ, но не существуетъ научнаго опредѣленія срока для названія „новорожденный“. Изслѣдованія крови у новоро-

жденныхъ дѣтей показали мнѣ, что физіологическія условія не въ состояніи объяснить всѣхъ уклоненій, которыя встрѣчаются въ морфологическомъ и химическомъ составѣ крови. Кровь новорожденнаго напоминаетъ по морфологическому составу кровь ребенка, заболѣвшаго острою лихорадочною формою. Съ другой стороны, такіе процессы, какъ паденіе вѣса въ первые дни жизни, суточныя колебанія температуры тѣла, физіологическая гиперемія покрововъ, частые инфаркты въ почкахъ, желтуха — показываютъ, что и внутренніе органы у новорожденныхъ отличаются состояніемъ неустойчивости, находятся въ положеніи, если не патологическомъ, то во всякомъ случаѣ на границѣ между нормальнымъ и больнымъ. Основываясь на изложенномъ, я считаю каждаго новорожденнаго —больнымъ; опредѣленіе въ крови числа бѣлыхъ шариковъ даетъ точку опоры для опредѣленія срока болѣзни и названія „новорожденный".

Физическое воспитаніе грудного ребенка состоитъ въ бдительномъ надзорѣ за нимъ, въ устраненіи всѣхъ вредныхъ моментовъ и въ доставленіи ребенку условій, необходимыхъ для правильнаго развитія. Такими условіями являются: пища, воздухъ, тепло и сонъ. Въ первое время жизнь грудного ребенка состоитъ изъ растительныхъ и животныхъ потребностей; удовлетвореніе этихъ потребностей — вотъ задача первоначальнаго физическаго воспитанія. Къ концу перваго года у дѣтей рѣзко становится замѣтнымъ стремленіе къ произвольнымъ движеніямъ. Многія матери прибѣгаютъ и до сихъ поръ къ пеленанію ребенка, задерживая этимъ его движенія. Пеленки, по мѣткому выраженію *Спенсера*— это кандалы, въ которыя заключаютъ тѣло ребенка заботливыя матери. Обычай пеленанія задерживаетъ правильное физическое развитіе, но не менѣе вредно и ускореніе этого развитія. Любящему сердцу матери хочется, чтобы ребенокъ скорѣе научился сидѣть и ходить; съ этою цѣлью рибѣгаютъ къ различнымъ аппаратамъ, которые собствуютъ выполненію означенныхъ актовъ. врожденная способность не нуждается во нѣшнихъ побужденіяхъ; ребенокъ самъ начнетъ стоять и ходить, когда его мышцы и костная система достаточно окрѣпнутъ; преждевременныя требованія и вспомогательные снаряды ведутъ къ развитію искривленій въ позвоночникѣ и конечностяхъ. Въ возрастѣ собственно дѣтскомъ наклонность ребенка къ движеніямъ проявляется очень замѣтно въ играхъ, бѣготнѣ, шумѣ. Лишеніе ребенка возможности двигаться отзывается весьма вредно какъ на физическомъ, такъ и умственномъ развитіи. Если у маленькаго ребенка пропадаетъ наклонность къ движеніямъ—онъ навѣрное боленъ.

Пища дѣтей, начиная съ 2—3-лѣтняго возраста должна быть болѣе разнообразна; одно молоко становится уже недостаточнымъ для питанія, развивающаяся мускульная сила требуетъ мясной пищи. По изслѣдованію *Бидерра и Шмита* взрослый человѣкъ вырабатываетъ 24 фунта пищеварительныхъ жидкостей; энергія, потребная на эту работу, съ улучшеніемъ пищевыхъ веществъ должна, по гипотезѣ *Сѣченова*, обратиться на высшіе органы. Фактъ, что не только физическое развитіе, но и умственная дѣятельность находятся въ прямой зависимости отъ питанія, давно замѣченъ и извѣстенъ даже въ публикѣ. Въ питаніи дѣтей старшаго возраста необходимо заботиться объ извѣстномъ разнообразіи пищи, такъ какъ одни и тѣ же вещества скоро надоѣдаютъ и влекутъ за собою уменьшеніе аппетита. Дѣтямъ не слѣдуетъ давать веществъ возбуждающихъ (кофе, спирта), не нужно пріучать ихъ къ различнымъ соусамъ и приправамъ, такъ какъ этимъ способомъ врожденная страсть къ ѣдѣ можетъ быть доведена до обжорства или слишкомъ большой гастрономической требовательности. Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду того обстоятельства, что ребенокъ въ выборѣ пищи руководствуется инстинктомъ; такъ, фрукты даютъ организму необходимыя растительныя кислоты; страсть къ сладкому объясняется потребностью въ углеводахъ и отвращеніемъ дѣтей отъ жирныхъ веществъ. Мясная пища возбуждаетъ нервную дѣятельность; мучнистая способствуетъ образованію подкожнаго жира и ведетъ къ вялости нервной системы. Вегетаріанство не соотвѣтствуетъ натурѣ ребенка, организмъ котораго требуетъ для своего роста избытка питательныхъ веществъ. Новорожденные щенки, если ихъ воспитывать на растительной пищѣ, гибнутъ въ теченіе 50—60 дней; а физіологическія потребности растущаго организма какъ для животнаго, такъ и для человѣка—одинаковы.

Наша одежда относительно тепла тѣла есть только замѣна извѣстнаго количества пищи. Недостатокъ образованія тепловыхъ единицъ восполняется защитою нашего тѣла платьемъ. Жители сѣверныхъ, холодныхъ странъ вводятъ съ

пищею массу жировъ; но недостатокъ тепла оказываетъ задерживающее вліяніе на ихъ ростъ. Ребенокъ нуждается въ теплотѣ болѣе взрослаго, такъ-какъ тепловыя потери у него больше. Отсюда слѣдуетъ, что одежда должна быть въ нашемъ климатѣ теплою и что раннее закаливаніе молодого организма возможно и полезно только при условіи, если оно производится подъ руководствомъ врача. Въ западныхъ странахъ существовала одно время довольно распространенная мода выпускать дѣтей въ холодную погоду съ голыми икрами и руками; послѣдствія этой моды могутъ причинить только вредъ для физическаго здоровья ребенка. Другая крайность въ дѣтской одеждѣ состоитъ въ слишкомъ парадныхъ костюмахъ, въ которые нерѣдко наряжаютъ ребенка; красивыя дорогія платья только стѣсняютъ естественную потребность ребенка въ движеніи. Но еще вреднѣе оказываются платья, которыя давятъ на тѣло, какъ напримѣръ тугіе дѣтскіе лифчики, подвязки, идущія отъ пояса къ колѣну и искривляющія его наружу, слишкомъ тѣсная обувь. Костюмъ ребенка долженъ быть простъ, удобенъ и достаточно предохранять его отъ холода.

Изъ всего изложеннаго видно, что роль физическаго воспитанія въ возрастѣ собственно дѣтскомъ—пассивная. Активная дѣятельность воспитанія начинается для дѣтей старше 7-лѣтняго возраста и особенную важность пріобрѣтаетъ въ возрастѣ школьномъ. На послѣдней гигіенической выставкѣ въ Москвѣ можно было видѣть двѣ модели школьныхъ столовъ; за однимъ изъ нихъ сидѣлъ нормальный здоровый ребенокъ, за другимъ ребенокъ съ искривленнымъ позвоночникомъ. Такъ и хотѣлось сказать, глядя на эти модели: „смотрите и научайтесь". Изслѣдованія силы зрѣнія у учениковъ петербургскихъ гимназій, произведенныя профессоромъ *Эрисманомъ*, показали, что большой процентъ близорукости пріобрѣтался отъ недостаточнаго освѣщенія классовъ. Неправильное распредѣленіе занятій обременяетъ мозгъ учащейся молодежи въ ущербъ тѣлу, такъ какъ непосильная умственная дѣятельность сказывается по закону природы на физическомъ развитіи—ведетъ къ анеміи, неврозамъ, головнымъ болямъ. Всѣ эти факты извѣстны въ настоящее время не только врачамъ, но и педагогамъ; они проникли, по счастью, и въ современное интеллигентное общество. Устранить вредныя вліянія означенныхъ недостатковъ школы на физическое и умственное развитіе учащихся—совмѣстное дѣло педагоговъ и врачей. Но подмѣтить болѣзненныя измѣненія въ самомъ началѣ, не дать имъ развиться далѣе, можетъ только врачъ. Съ этой точки зрѣнія особеннаго вниманія заслуживаютъ наши учрежденія для воспитанія дѣвицъ: здѣсь—широкое, неразработанное поле для дѣятельности женщины-врача. Но когда женщина-врачъ займетъ свое законное мѣсто въ гимназіяхъ и институтахъ?—вопросъ отдаленный, далеко еще не проникшій въ сознаніе даже врачебнаго общества. Изъ отчета московскаго училищнаго врача *Михайлова* за 1891—92 годъ мы получаемъ весьма поучительныя данныя о состояніи здоровья учащихся дѣтей. Докторъ Михайловъ осмотрѣлъ 1,578 дѣтей и у 1,082 нашелъ разныя болѣзни числомъ 1,600, такъ что на 10 человѣкъ приходится 15 болѣзней. Помимо всего изложеннаго, школы являются еще разсадникомъ заразныхъ болѣзней. Въ будущей практической дѣятельности вы легко и скоро убѣдитесь, въ какомъ непосредственномъ отношеніи находится съ поступленіемъ ребенка изъ семьи въ школу появленіе въ домѣ заразной болѣзни. Изъ всего изложеннаго становится вполнѣ ясною важная дѣятельность школьнаго врача какъ въ видахъ профилактики заразныхъ болѣзней, такъ и въ виду сохраненія здоровья учащихся. Массовыя изслѣдованія зрѣнія, слуха, состоянія внутреннихъ органовъ у школьниковъ являются необходимыми. Въ Германіи эти осмотры уже введены; они касаются не только внутреннихъ органовъ, но даже состоянія зубовъ. У насъ и въ образованныхъ семьяхъ на зубы дѣтей почти не обращаютъ вниманія, совершенно упуская изъ виду, что сохраненіе зубовъ важно не только въ отношеніи косметическомъ, но и для нормальнаго пищеваренія и правильной рѣчи.

Физическая сила представляетъ прекрасную почву для умственной. Сама природа въ своей вѣчной послѣдовательности какъ бы указываетъ намъ на важность физическаго воспитанія. Говорятъ, что первымъ перомъ была пшеничная соломина. Стволъ растенія, питающаго тѣло, послужилъ къ приготовленію первой пищи для ума. Развитіе душевныхъ силъ находится въ связи съ здоровьемъ. Правда, въ біографіяхъ выдающихся личностей не рѣдки примѣры, гдѣ люди слабые здоровьемъ, какъ *Дарвинъ*, *Спиноза*, проявляли замѣчательную умственную дѣятельность. *Гейне*

пишетъ про себя: „Только больной становится человѣкомъ. Страданія одухотворяютъ. Я полагаю, что путемъ страданія животное можетъ возвыситься до человѣка“. Но приведенные примѣры единичны, и римская пословица: „здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ“ сохраняетъ полную силу для большинства людей вообще и для дѣтей въ особенности, ибо у дѣтей душа и тѣло тѣснѣе связаны, чѣмъ у взрослыхъ. Дѣтскій врачъ долженъ имѣть въ виду не только оберегать здоровье организма, но и способствовать развитію тѣлесной ловкости, силы. Игры, естественное занятіе маленькихъ дѣтей, оказываются недостаточными для укрѣпленія болѣе старшихъ. Въ игрѣ многія мышцы какъ таза, спины, брюшныя остаются недѣятельными; поэтому для дѣтей съ 7-лѣтняго возраста и особенно въ школахъ является весьма полезною въ физическомъ отношеніи гимнастика. Я не могу входить здѣсь въ разборъ вопроса, какъ поставлена гимнастика въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ; ограничусь лишь указаніемъ на тѣ недостатки, о которыхъ пишутъ современные врачи и педагоги. Гимнастикѣ удѣляется слишкомъ мало времени сравнительно съ умственными занятіями; гимнастическія упражненія производятся въ спертомъ, душномъ воздухѣ и слишкомъ однообразны, такъ что скоро надоѣдаютъ учащимся; на народныя гимнастическія игры, какъ лапта, городки и пр., не обращаютъ должнаго вниманія, или вѣрнѣе оставляютъ ихъ безъ всякаго вниманія. Въ нашемъ обществѣ принято указывать на прекрасную постановку физическаго воспитанія у англичанъ. Но современные англійскіе беллетристы, какъ *Wilkie Collins*, *Arnold*, *Littenton* и др., все чаще признаютъ, что атлетическія игры въ Англіи оказываютъ дурное вліяніе на нравственность и здоровье подрастающаго поколѣнія. *Аристотель*—великій философъ древней Греціи, гдѣ физическія игры составляли основу воспитанія, выражается прямо, что гимнастическій призъ приличенъ прекрасному, а не животно-дикому подвигу. Если пожелаете искать идеальную систему гимнастики, то откроете ее не у англичанъ, а у шведовъ. Извѣстный шведскій поэтъ и философъ *Лингъ* дѣлитъ всю систему физическихъ упражненій на четыре отдѣла: 1) педагогику, посредствомъ которой тѣло подчиняется волѣ и устанавливается единство дѣйствій между различными частями тѣла; 2) военное искусство, въ которомъ индивидуумъ подчиняетъ своей волѣ чужую волю, причемъ каждый дѣйствуетъ съ помощью силы или съ помощью орудія; 3) медицину, въ которой единство дѣйствія между различными частями тѣла, потерянное вслѣдствіе болѣзни, возстанавливается; 4) эстетику, въ которой мысли и чувства выражаются движеніями и позами, единство устанавливается между душою и тѣломъ. Если-бы означенная система была выполнена, то оставалось бы только согласиться со словами Фейхтерслебена, что здоровье есть не что иное, какъ формула правды, добра и красоты.

Духовное воспитаніе ребенка должно начинаться съ самаго рожденія, подобно физическому; но естественно, что пріемы, т.-е. методика воспитанія, будутъ различны въ зависимости отъ возраста ребенка Изученіе душевной жизни груднoго ребенка сдѣлало большой шагъ впередъ съ тѣхъ поръ, какъ психологія изъ науки отвлеченной стала на почву опыта. Физіологическіе опыты на животныхъ объясняли намъ многіе факты изъ жизни человѣка. Другую услугу оказали непосредственныя наблюденія за постепеннымъ развитіемъ ребенка, которыя замѣнили прежнія отвлеченныя разсужденія и методъ самонаблюденія, непримѣнимый къ ребенку. Какъ производятся эти наблюденія и къ какимъ результатамъ они привели, вы найдете въ книгѣ проф. *Прейера*: „Душа ребенка“, гдѣ собраны и отрывочныя наблюденія такихъ ученыхъ, какъ *Спенсеръ*, *Дарвинъ*, и большой личный опытъ автора.

Ребенокъ рождается на свѣтъ съ несовершенными по строенію органами внѣшнихъ чувствъ. Новорожденный способенъ лишь отличать свѣтъ отъ тьмы: онъ слышитъ только рѣзкіе звуки; его болевая чувствительность понижена; чувство вкуса и обонянія также мало развиты. Слабое развитіе зрѣнія и слуха у новорожденнаго является цѣлесообразнымъ закономъ природы. Что было бы съ ребенкомъ, если-бы онъ попалъ во внѣшній міръ уже съ готовою способностью видѣть и слышать окружающее! Какая масса ощущеній должна была бы подѣйствовать на неоконченный еще, жидкій мозгъ ребенка, и какую страшную пертубацію произвели бы въ этомъ мозгу воспринятыя впечатлѣнія! Лишь постепенно, путемъ опыта и совершенствуясь въ анатомическомъ строеніи, органы чувствъ новорожденнаго получаютъ способность воспріятія; но проходитъ еще много времени прежде, чѣмъ ребенокъ научится соединять свои

ощущенія и образовывать зрительныя и слуховыя представленія.

Если жизнь новорожденнаго напоминаетъ жизнь растеній, то жизнь въ грудномъ возрастѣ есть жизнь чувствъ. Новорожденный обладаетъ очень небольшимъ запасомъ врожденныхъ чувствъ; сюда относятся чувство голода, утомленія, общее ощущеніе удовольствія и неудовольствія. Позднѣе, въ грудномъ возрастѣ, появляются простыя чувства страха, гнѣва, удивленія. Эти чувства или аффекты составляютъ, по мнѣнію *Биша*, слѣдствіе тѣхъ дѣйствій и реакцій, которыя проявляются въ органахъ внутренней жизни; они соединены съ извѣстными выразительными (мимическими) движеніями ребенка. Интеллектуальное развитіе начинается съ усовершенствованіемъ органовъ внѣшнихъ чувствъ: ребенокъ получаетъ способность воспріятія; затѣмъ развиваются извѣстные отдѣлы головного мозга и становится возможнымъ производство волевыхъ движеній. Съ появленіемъ этихъ движеній ребенокъ начинаетъ выказывать сознательное и внимательное отношеніе къ окружающему міру, т.-е. наклонность къ отвлеченному мышленію и, наконецъ, путемъ постояннаго упражненія вступаетъ понемногу въ ближайшее знакомство съ окружающими предметами.

Все дѣло психическаго воспитанія въ раннемъ возрастѣ должно быть устремлено на правильное развитіе сферы чувствъ. Эту истину, въ смыслѣ общаго положенія, давно уже высказалъ *Эскироль*: „Мы придаемъ, говоритъ онъ, большое значеніе развитію ума, и въ то же время, повидимому, совершенно забываемъ, что чувство, подобное уму, требуетъ также воспитанія“. И, дѣйствительно, во всемъ сложномъ процессѣ нервно-психическаго развитія, чувство имѣетъ огромное значеніе: появляясь раньше мышленія и разсудка, оно служитъ проводникомъ и возбудителемъ психическаго развитія, но можетъ содѣйствовать умственному процессу, можетъ и задерживать его. Необходимыя условія для нормальнаго развитія психическихъ чувствъ составляютъ: правильная діэта ребенка, нормальный уходъ и достаточный сонъ. Еще *Галенъ* и *Авицена* указывали на необходимость доставлять ребенку все необходимое и устранять моменты, способствующіе появленію страха, гнѣва, печали, безсонницы. Въ этомъ отношеніи весьма важно изобиліе пріятныхъ ощущеній, такъ какъ оно ведетъ къ хорошему душевному настроенію ребенка, благодаря которому развивается и крѣпнетъ зачатокъ его прочныхъ, энергическихъ чувствъ. Довольный ребенокъ всегда веселъ, бодръ и спокоенъ. Совершенно обратное наблюдаемъ мы подъ давленіемъ ощущеній непріятныхъ: избытокъ ихъ отражается весьма вредно на всемъ ходѣ психическаго развитія ребенка, воспитывая въ немъ впечатлительность, чувствительность, нетерпѣливость. Недаромъ еще *Кантъ* говорилъ, что удовольствіе есть чувство усиленія жизни, а неудовольствіе – чувство задержки. Способность понимать чувства другихъ и усваивать ихъ развивается уже у грудныхъ дѣтей на 3—4-мъ мѣсяцѣ жизни. Дѣти болѣе впечатлительны, чѣмъ взрослые, легче подчиняются чувствамъ, и послѣднія оказываютъ большое вліяніе на развитіе всей ихъ умственной дѣятельности. Отсюда понятно, насколько ва̀жно, чтобы ребенка окружала атмосфера любви и довольства, насколько важно, чтобы у его колыбели находилась мать—существо, охваченное высшими душевными побужденіями, орудіе для развитія лучшихъ чувствъ ребенка. Ребенокъ научается любить, благодаря тому, что его самого любятъ. Способность врождена, но чувство развивается воспитаніемъ. Первая улыбка младенца составляетъ естественный отвѣтъ на любящую улыбку матери. Жизнь младенца всецѣло зависитъ отъ гигіеническихъ условій, но въ физическомъ отношеніи важна уже нравственная сторона. Но еще болѣе относится все сказанное къ дѣтямъ, которыя отъ природы нервны, плаксивы и нетерпѣливы. Вліяніе наслѣдственности сказывается нерѣдко уже въ грудномъ возрастѣ, и здѣсь особенно важно сдѣлать все необходимое въ гигіеническомъ отношеніи, что̀ можетъ приравнять больныхъ дѣтей къ нормальной категоріи.

Преобладающее развитіе чувствъ продолжается въ дѣтскомъ возрастѣ далеко за предѣлы младенчества. Особенная страстность и чувствительность дѣтей объясняется слѣдующими анатомическими условіями: быстрый обмѣнъ веществъ въ растущемъ организмѣ, незаконченное развитіе мозга, болѣе тѣсное распредѣленіе нервовъ на поверхности тѣла. Изслѣдованія *Гартинга* показали, что уже новорожденный обладаетъ полнымъ числомъ нервныхъ волоконъ; дальнѣйшее утолщеніе нерва происходитъ путемъ утолщенія одной оболочки, отсюда доказанная опытами проф. *Чермака* большая тонкость пространственнаго чувства у дѣтей и болѣе сильная мускульная чувствительность.

И. Е. Рѣпинъ.

Дуэль.

ФОТ. И ТИП. П. БАБКИНА. СПБ.

Воспитанiе чувствъ въ возрастѣ собственно дѣтскомъ прiобрѣтаетъ особенное значенiе въ смыслѣ воспитанiя темперамента. Темпераментъ или различная способность воспринимать и сохранять чувства проявляется уже у грудныхъ дѣтей въ первую четверть перваго года; но особенно замѣтны становятся основныя черты темперамента въ томъ возрастѣ, когда ребенокъ начинаетъ ходить и говорить. При воспитанiи темперамента необходимо согласоваться съ особенностями даннаго случая. Необыкновенно живое и подвижное дитя сангвиническаго темперамента должно быть прiучаемо къ умѣренному свѣту, тишинѣ; всякое усиленное раздраженiе можетъ повести здѣсь къ судорогамъ и задержкѣ въ физическомъ развитiи. Наоборотъ, вялый и сонный флегматикъ нуждается въ частой смѣнѣ дѣтскихъ игръ, въ возбужденiи свѣтомъ, звукомъ; онъ требуетъ чистаго свѣжаго воздуха и лѣченiя водою. Холерическiй темпераментъ проявляется въ раннемъ возрастѣ припадками ярости, гнѣва ребенка. Во время этихъ припадковъ лучшее средство—предоставить ребенку возможность успокоиться одному, но при скрытомъ наблюденiи. Главнымъ факторомъ въ воспитанiи темперамента служатъ примѣръ окружающихъ ребенка и выработка воли путемъ умѣнiя подчиняться приказанiямъ. Дѣти въ силу особенной чувствительности весьма склонны къ подражанiю. Большинство дурныхъ инстинктовъ ребенка,—какъ гнѣвъ, страхъ, жестокость къ животнымъ, эгоизмъ и др.,—появляются чаще всего въ результатѣ подражанiя окружающимъ. Эмоцiя есть не что иное, какъ нервная индукцiя. Всѣ живыя существа, говоритъ *Эспинасъ*, входятъ въ сознанiе одно другого. Извѣстныя психическiя возбужденiя сопровождаются всегда опредѣленными мимическими движенiями; эти выразительныя движенiя, въ свою очередь, могутъ перейти въ психическое состоянiе другихъ субъектовъ. Отсюда понятно, насколько важно удалить отъ дѣтей всѣ моменты, способствующiе проявленiю гнѣва, страха, печали, и насколько важно воздерживаться при дѣтяхъ отъ проявленiя дурныхъ чувствъ.

Воспитанiе воли составляетъ необходимое условiе нравственнаго воспитанiя ребенка. Безъ воли нѣтъ нравственности, безъ воли не существуетъ и высшей свободы противостоять примитивнымъ страстямъ и желанiямъ. Развитiе воли требуетъ уже сознательнаго отношенiя къ окружающему мiру. Ребенокъ долженъ раньше научиться желать, а затѣмъ уже мочь; сперва накопить въ себѣ силу, а потомъ уже научиться развивать ее въ надлежащемъ направленiи. Первое время воспитанiе воли состоитъ въ томъ, чтобы прiучить ребенка сдерживать свои желанiя и порывы и внушить ему извѣстную привычку подчиняться. Дурныя наклонности заглушаются раньше привычками, а затѣмъ искореняются сознанiемъ. Добро для маленькихъ дѣтей все то, что позволено, а зло все то, что̀ запрещено. Чуть только ребенокъ повинуется изъ страха, по привычкѣ, говоритъ *Гюйо*, онъ обладаетъ уже нравственнымъ чувствомъ; когда онъ повинуется ради похвалы, награды, онъ обладаетъ имъ вполнѣ.

Умственное воспитанiе ребенка начинается позднѣе, чѣмъ воспитанiе чувствъ; поэтому человѣкъ и требуетъ продолжительнаго времени для своего окончательнаго развитiя. Мозгъ новорожденнаго ребенка далеко не оконченъ въ своемъ строенiи; цѣлые отдѣлы его еще не вполнѣ развиты, сѣрое вещество не достаточно дифференцировано отъ бѣлаго, многiя нервныя клѣтки не имѣютъ отростковъ, и цѣлые миллiоны нервныхъ волоконецъ не покрыты еще мiэлиномъ, т.-е. не могутъ служить проводниками. Съ химической стороны мозгъ новорожденнаго богаче водою и бѣднѣе фосфоромъ, чѣмъ мозгъ взрослаго; отсюда его меньшая способность къ активной дѣятельности. Всѣ движенiя новорожденнаго относятся къ числу автоматическихъ, рефлекторныхъ или инстинктивныхъ; движенiя волевыя появляются лишь впослѣдствiи, на 3—4-мъ мѣсяцѣ жизни, параллельно съ развитiемъ и усовершенствованiемъ органовъ внѣшнихъ чувствъ. Новорожденный ребенокъ на основанiи изложеннаго можетъ быть названъ существомъ спинномозговымъ тѣмъ болѣе, что строенiе его спинного мозга гораздо совершеннѣе, чѣмъ головного.

Первыми признаками интеллектульнаго развитiя грудного ребенка служатъ сознанiе, внимательное отношенiе къ окружающему мiру и воля. „Кто не способенъ управлять своими мышцами. тотъ способенъ къ вниманiю“, говоритъ *Маудсли* И дѣйствительно, мы видимъ, что грудныя дѣти только тогда начинаютъ относиться внимательно къ окружающему мiру, когда ихъ волевыя движенiя уже достаточно развиты. Знакомство съ внѣшнимъ мiромъ совершается при посредствѣ органовъ внѣшнихъ чувствъ; отсюда понятно, что чѣмъ совершеннѣе будетъ строенiе и развитiе

означенныхъ органовъ, тѣмъ правильнѣе и живѣе доставляемыя ими представленія. Развитіе органовъ внѣшнихъ чувствъ можетъ быть усовершенствовано путемъ воспитанія. Ребенокъ, который часто слышитъ нѣжный голосъ матери, научается скорѣе говорить. Способность различать цвѣтовыя ощущенія появляется обыкновенно у дѣтей только около 3-хъ лѣтъ, но она также можетъ быть ускорена путемъ воспитанія. Грудныя дѣти очень склонны къ музыкѣ и пѣнію; такъ, ребенокъ Прейера уже на 7-ой недѣлѣ жизни внимательно слушалъ игру на фортепіано и пѣніе матери. Любовь къ музыкѣ настолько сильно выражена у дѣтей, что подъ вліяніемъ музыкальныхъ звуковъ они всегда приходятъ въ хорошее настроеніе духа и забываютъ нерѣдко даже голодъ и другія непріятныя ощущенія. Ребенокъ напоминаетъ собою въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, дикаря. Извѣстный путешественникъ *Самуилъ-Беккеръ-Паша* говоритъ, что съ органомъ за спиною можно безопасно пройти всю Африку. Музыка пробуждаетъ у дикарей инстинкты высшаго характера, дѣлая ихъ кроткими и нѣжными. Изъ остальныхъ органовъ внѣшнихъ чувствъ особеннаго вниманія заслуживаетъ развитіе чувства обонянія: значеніе его въ повседневной жизни весьма важно въ гигіеническомъ отношеніи, но воспитаніе этого чувства возможно лишь въ возрастѣ болѣе старшемъ, позднѣе чѣмъ воспитаніе зрѣнія и слуха.

Первое время жизни ребенокъ или спитъ или сосетъ — въ этомъ заключается все его времяпрепровожденіе. Начиная со второй половины перваго года, когда движенія волевыя замѣняютъ собою преобладавшіе прежде импульсы, время, посвящаемое сну, становится короче. Шести-семи мѣсячный ребенокъ проводитъ уже нѣсколько часовъ, не засыпая; сознаніе его и воля пользуются этимъ временемъ для знакомства съ окружающимъ миромъ, причемъ однимъ изъ главныхъ факторовъ въ этомъ знакомствѣ являются различныя игры ранняго возраста. Игры эти не сложны: они состоятъ въ захватываніи руками различныхъ предметовъ, въ бросаніи ихъ на полъ, въ сосаніи своихъ рукъ и ногъ, и тому подобное. Но путемъ этихъ, на первый взглядъ безцѣльныхъ, актовъ ребенокъ изучаетъ постепенно отношеніе своего тѣла къ окружающимъ предметамъ, величину и форму послѣднихъ, положеніе ихъ въ пространствѣ. Не даромъ *Прейеръ* называетъ игры ребенка экспериментомъ. По мнѣнію профессора *Сикорскаго*, игры дѣтей представляютъ исключительно умственную, интеллектуальную дѣятельность; движеніе и гимнастика играютъ въ нихъ роль второстепенную, служа лишь орудіемъ для выполненія умственнаго замысла. Съ точки зрѣнія психолога и педагога онъ раздѣляетъ эти игры на три группы: первая группа научаетъ ребенка отвлеченному мышленію; вторая группа игръ служитъ для развитія и укрѣпленія чувства самосознанія; третья категорія игръ и забавъ способствуетъ упражненію ребенка въ процессѣ воспроизведенія, или репродукціи впечатлѣній. Такимъ образомъ, игры ребенка это школа мышленія, а творчество и фантазія, проявляемыя въ играхъ, не что иное, какъ различныя ступени въ развитіи мыслительной способности. Путемъ игръ ребенокъ исполняетъ правило *Гете*: „старайся познать себя и окружающее“. Отсюда вытекаетъ естественное правило: слѣдуйте природѣ, предоставьте ребенку заниматься играми и дайте необходимую пищу для впечатлѣній, какъ необходима пища для тѣла.

Однимъ изъ главныхъ факторовъ въ дѣлѣ умственнаго развитія ребенка является способность рѣчи. Способность эта развивается постепенно: сначала являются продуктивные, рефлекторные звуки, затѣмъ ребенокъ говоритъ отдѣльныя слова, потомъ по мѣрѣ группировки понятій и образованія сужденій наступаетъ періодъ короткихъ предложеній: дѣти 3—4-хъ-лѣтняго возраста способны уже къ связной рѣчи, но рѣчь эта отрывиста и безпорядочна, какъ безпорядочна еще связь понятій съ сужденіями. Если можно ускорить періодъ отдѣльныхъ словъ, то дальнѣйшее ускореніе рѣчи является уже вреднымъ для развитія ребенка. Слишкомъ большое количество словъ безъ идей ведетъ къ образованію фразеровъ; точно такъ же, какъ при одныхъ идеяхъ безъ словъ выходятъ непризнанные философы. Относительно рѣчи слѣдуетъ имѣть въ виду еще одно краткое замѣчаніе: надобно исправлять неправильный выговоръ ребенка, а не любоваться имъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые родители, ибо неправильный выговоръ можетъ остаться на всю жизнь.

Головной мозгъ грудного ребенка отличается нѣжностью и неоконченностью своего строенія. Поэтому первое правило развивать умъ ребенка, но не ускорять этого развитія. Воспитатель долженъ слѣдить за способностью органовъ внѣшнихъ чувствъ къ воспринятію и за стремленіемъ

ребенка къ впечатлѣніямъ. Если стремленіе это ослабѣло, то это можетъ быть слѣдствіемъ физическаго нездоровья, чувства утомленія или недостаточнаго разнообразія въ окружающихъ предметахъ. Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что излишество предметовъ и игрушекъ для воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній у богатыхъ родителей также вредно отзывается на умственной дѣятельности ребенка, какъ и бѣдность предметовъ для воспріятія въ деревенскомъ населеніи. Могущественное средство для развитія ума—это пріучить ребенка къ вниманію путемъ изученія окружающей природы и внушить ему любовь къ труду, такъ какъ жизнь есть работа и извѣстное подчиненіе правиламъ. Знакомство съ внѣшнимъ міромъ должно начинаться съ ближайшихъ предметовъ, затѣмъ переходятъ къ предметамъ болѣе отдаленнымъ, направляясь отъ простого къ сложному, отъ конкретнаго къ абстрактному. Понятія у ребенка составляются естественнымъ путемъ изъ созерцанія, и только такія понятія будутъ естественными, а не пріобрѣтенными, только такія понятія составятъ сущность нашего тѣла и не уподобятся искусственнымъ конечностямъ. „Знаніе нельзя прикрѣпить къ нашему мозгу, оно должно сдѣлаться частицею его“, говоритъ *Монтень.* Это относится къ школѣ мыслителей, однимъ изъ представителей которой является *Гюйо* и которая ставитъ въ основу воспитанія внушеніе. Ребенокъ въ силу слабаго развитія разсудка и воли легче поддается внушенію, чѣмъ человѣкъ взрослый; но пріобрѣтенныя такимъ путемъ понятія никогда не сдѣлаются обдуманными и сознательными. Дѣло воспитателя должно ограничиваться тѣмъ, чтобы путемъ вниманія, терпѣнія и тонкой наблюдательности провѣрить и исправить, если нужно, составленныя ребенкомъ понятія. Въ естественномъ ходѣ умственнаго развитія ребенка замѣчается извѣстная послѣдовательность: въ первомъ періодѣ умственной дѣятельности у маленькихъ дѣтей преобладаетъ фантазія, воли почти нѣтъ, умъ слабъ, чувства господствуютъ; во второмъ періодѣ фантазія становится менѣе пылкою, творчество болѣе цѣлесообразнымъ; въ третьемъ періодѣ мы наблюдаемъ внимательное отношеніе къ окружающему міру и наклонность къ изученію причинности явленій и послѣдовательности; къ семи годамъ мозгъ ребенка развивается вполнѣ, и съ этого времени становится возможнымъ обученіе. Болѣе раннее начало ученія можетъ оказаться настолько же вреднымъ, какъ вредно и усиленное занятіе вниманія у маленькихъ дѣтей.

Природа начинаетъ твореніе человѣка, воспитаніе завершаетъ его. Цѣль воспитанія опредѣляется весьма различно: одни рекомендуютъ воспитаніе для свѣта, другіе сообразно съ природою (*Руссо*), третьи имѣютъ въ виду достиженіе неопредѣленнаго идеала (*Нимейръ*, *Гердеръ*, *Фихте*). Такъ же различны и взгляды на природу ребенка. Прежде существовало мнѣніе, что ребенокъ родится носителемъ первороднаго грѣха и содержитъ въ себѣ всѣ зачатки дурныхъ наклонностей человѣка. Другіе смотрятъ на ребенка, какъ на ангела; на что поэтъ Бильдобъ замѣчаетъ: „развѣ можетъ родиться ангелъ отъ женщины“. Наконецъ, третьи считаютъ душу новорожденнаго за *tabula rasa*—бѣлый листъ бумаги, а самого ребенка за воскъ, изъ котораго можно вылѣпить путемъ воспитанія, что́ угодно. Современное развитіе ученія о наслѣдственности показало намъ, что наслѣдственная передача физическихъ и душевныхъ качествъ составляетъ законъ природы. Душа новорожденнаго содержитъ уже неясные зачатки будущихъ способностей. Дѣло воспитанія развить эти способности, заглушить ихъ или направить въ другую сторону. Могущественное вліяніе воспитанія сказывается всего рельефнѣе въ дѣятельности колоній для малолѣтнихъ преступниковъ, куда поступаютъ дѣти уже съ укрѣпившимися, повидимому, дурными инстинктами. Однако, и ихъ исправленіе оказывается возможнымъ; такъ, въ старѣйшей колоніи Метра число рецедивистовъ достигаетъ всего 4%. Наглядный примѣръ убѣдительнѣе теоретическихъ разсужденій. Цѣль нормальнаго воспитанія—гармоническое развитіе тѣлесныхъ и душевныхъ способностей въ гармоническомъ согласіи съ міромъ и Богомъ. Воспитатель долженъ стремиться создать изъ ребенка полезнаго въ будущемъ члена общества. Человѣкъ полезный въ обществѣ тотъ, который способенъ бороться съ жизнью, какъ для поддержанія собственнаго существованія, такъ и для поддержанія жизни ближняго,—человѣкъ, для котораго жизнь не прозябаніе, а борьба за дорогіе, идеальные интересы.

Н. Гундобинъ.

SOUVENIR D'ÉTÉ.

Où donc es-tu? beau temps rempli d'ivresse,
Beau temps de plaisir et d'amour;
Charmant été, pur rayon d'allégresse,
Où tout zéphyr semblait une caresse,
Ainsi que l'aurore un beau jour!

Où donc es-tu? rayon, pure lumière,
Source d'où jaillit le bonheur;
Charmant été, plein d'ombre et de mystère,
Où tout soupir semblait une prière,
Où tout murmure allait au coeur!

Déjà passé!... Faut-il donc en ce monde
Ne vivre que de souvenirs?
Pourquoi faut-il que toujours, comme une onde,
S'écoule en vain jouissance féconde,
Ne nous laissant que des soupirs!

Et nous aimons!... Pauvre coeur en démence
Peux-tu lutter contre le temps!
Ne vois-tu pas s'envoler l'espérance
De tes désirs, et l'affreuse souffrance
Anéantir tes sentiments!

Pourtant que faire?... Ainsi la fleur charmante
Ouvre son calice au soleil;
Ainsi l'oiseau par ses concerts enchante
Les prés, les bois et l'aurore brillante
Sourit en son rayon vermeil!

Puis tout s'efface!... et la nature entière
Semble disparaître à nos yeux,
Et dans son deuil nous voyons que la terre
Ne peut avoir qu'un plaisir éphémère
Que le vrai bonheur est aux cieux!

P. Weidling.

2 D-bre 1896.

МИХРЮТКА.

(Изъ путешествія на о. Сахалинъ)

— Что ты, лѣшій, полымя-то развелъ! Али тебѣ жисть опостылѣла! Убери полѣно-то!

И не дожидаясь, пока „лѣшій“ исполнитъ приказаніе, Ѳаддей вскочилъ на ноги и вытащилъ изъ костра толстую смолистую вѣтку, которая принялась-было горѣть слишкомъ ярко.

— Поди-жъ ты вотъ, какъ запылала!—виноватымъ голосомъ оправдывался Чалый, — а я думалъ, она мокрая. Дай, думаю, посохнетъ: ужо годится; а она вишь ты!

Надъ костромъ, на воткнутой въ землю палкѣ, висѣло небольшое ведерце, въ которомъ что-то бурлило. Чалый деревянной ложкой помѣшалъ варево, затѣмъ зачерпнулъ и попробовалъ на̀ зубъ жидкую гречневую кашицу.

– Упрѣла,—проговорилъ онъ и вслѣдъ за этимъ разбросалъ горящія вѣтви костра, старательно затушилъ ихъ ногами и съ ведерцемъ въ рукахъ направился къ толстой, развѣсистой ели. Тамъ, подлѣ ствола дерева, между обнаженными корнями лежали двѣ огромныя котомки, обличавшія въ Ѳаддеѣ и Чаломъ дальнихъ путешественниковъ.

День догаралъ. Послѣдніе лучи заходящаго солнца золотили верхушки дѣвственнаго лѣса. Кругомъ толпились могучія, вѣковыя ели; сквозь толстый слой валежника кое-гдѣ пробивались зеленыя верхушки травы; мѣстами лежали огромные стволы деревъ, вырванные бурей; ихъ корни вмѣстѣ съ насѣвшей землей поднимались высокой стѣной надъ обнаженнымъ камнемъ. Тишину дремучаго лѣса нарушали одни дятлы, настойчиво

долбившіе сухую кору старыхъ елей, да синицы, выводившія свои печальныя ноты.

Путешественники очистили до дна котелъ, затѣмъ завалились подъ деревомъ, положивъ подъ головы свои котомки. Ихъ сѣрые халаты, шапки безъ козырьковъ, бубновые тузы на спинѣ, когда-то краснаго цвѣта, а теперь тщательно зашитые тѣмъ же сѣрымъ сукномъ, обличали въ нихъ арестантовъ. И дѣйствительно, оба они были бѣглые каторжники.

Опытный глазъ, впрочемъ, могъ признать въ Ѳаддеѣ „варнака" [1]) и во всякой одеждѣ: это былъ рослый мужикъ, лѣтъ 40, въ плечахъ косая сажень; худое лицо, густая всклоченная борода, цѣлый овинъ волосъ на головѣ, а въ особенности насупленныя брови и взглядъ исподлобья — придавали ему свирѣпый видъ. Его огромный, жилистый кулакъ производилъ очень внушительное впечатлѣніе.

Лѣтъ пять тому назадъ за убійство въ Харьковѣ Ѳаддей былъ осужденъ въ каторжныя работы на 15 лѣтъ, но въ дорогѣ, гдѣ-то около Тобольска, бѣжалъ и появился въ Казани. Долго бродяжилъ онъ здѣсь, промышляя по пригороднымъ мѣстечкамъ и глухимъ улицамъ, пока снова не попался въ убійствѣ. На слѣдствіи онъ назвалъ себя Ѳаддеемъ, не помнящимъ родства, и такъ подъ этимъ именемъ опять былъ приговоренъ въ каторгу.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, вмѣстѣ съ партіей арестантовъ, его привезли въ Одессу, гдѣ посадили на пароходъ „Нижній Новгородъ", который долженъ былъ доставить каторжниковъ на Сахалинъ. Два мѣсяца тянулась длинная дорога. Духота тѣснаго помѣщенія, страшная жара при переѣздѣ чрезъ жаркія страны истомили Ѳаддея, но не сломили его желѣзнаго здоровья. Здѣсь онъ познакомился съ Чалымъ, сидѣвшимъ съ нимъ въ одномъ отдѣленіи. Насколько Ѳаддей былъ великъ, настолько Чалый былъ невзраченъ. Глядя на его тщедушное тѣло, впалую грудь и испитое лицо, трудно было повѣрить, что и онъ былъ сосланъ за убійство.

По прибытіи на островъ, изъ 300 арестантовъ, высаженныхъ въ посту Дуэ, уже черезъ недѣлю почти половина бѣжала. Тюремное начальство Сахалина не принимаетъ строгихъ мѣръ противъ побѣга по той простой причинѣ, что съ острова бѣжать невозможно. Много, если бѣглые прошатаются по безлюдному глухому лѣсу цѣлое лѣто, питаясь ягодами, кореньями, рыбой; съ наступленіемъ же осени голодъ и холодъ гонитъ ихъ назадъ въ тюрьмы. Многіе, впрочемъ, остаются въ тайгѣ [1]), но только не по собственной охотѣ. Бродитъ, бродитъ бѣглый,--все лѣсъ да лѣсъ, конца-краю не видно: ни дорогъ, ни тропинокъ; наступаетъ зима —ни ягодъ, ни грибовъ, ни рыбы. Варнакъ и хотѣлъ бы вернуться — да куда идти, онъ самъ не знаетъ. Такъ и помираетъ съ голоду и холоду, свернувшись гдѣ-нибудь подъ деревомъ.

Сахалинскіе гиляки, промышляющіе исключительно звѣроловствомъ и рыболовствомъ, очень усердно охотятся за всякимъ звѣремъ, но еще усерднѣе охотятся за варнакомъ. Гиляки — дикій народецъ, живущій маленькими деревушками въ двѣ-три юрты въ самыхъ глухихъ мѣстахъ острова по теченію рѣкъ, въ особенности по сосѣдству моря. Рыба, тюлени, медвѣди, а въ голодное зимнее время собаки, справляющія также службу лошадей, составляютъ повседневную пищу гиляковъ. Хлѣба они не знаютъ, а соли не признаютъ. Шкуры всѣхъ тѣхъ животныхъ, которыя снабжаютъ этихъ дикарей мясомъ, не исключая рыбъ и собакъ, составляютъ единственное ихъ одѣяніе. При такомъ хозяйствѣ арестантскій халатъ, рубашка и сапоги для гиляка сущая находка, а если при варнакѣ найдется еще котелокъ да топоръ или ножъ, то съ этой добычей не могутъ сравниться даже два медвѣдя или десятокъ тюленей. Къ тому же, всякому инородцу, какъ онъ ни дикъ, хорошо извѣстно, что бѣглый каторжникъ находится на положеніи медвѣдя въ лѣсу: его можно убить, содрать съ него все, что есть, а самого бросить тутъ же на съѣденіе волкамъ,— за это придется столько же отвѣчать, сколько и за убитаго медвѣдя — уже по одному тому, что въ дѣвственномъ лѣсу острова никто изъ русскихъ никогда этого не узнаетъ.

На счастье сахалинскихъ варнаковъ, у мѣстныхъ гиляковъ на рѣдкость ружья; поэтому гилякамъ приходится выслѣживать добычу втроемъ или вчетверомъ и захватывать ее врасплохъ гдѣ-нибудь на ночевкѣ, а тамъ, смотря по обстоятельствамъ, пускаются въ ходъ ножи, копья, даже луки. Случается, что бѣглый самъ попадется въ капканъ, поставленный на медвѣдя.

[1]) *Варнаками* зовутъ въ Сибири бѣглыхъ арестантовъ.

[1]) *Тайгой* называютъ въ Сибири густой хвойный лѣсъ.

Такое, можно сказать, медвѣжье положеніе варнака, конечно, очень хорошо извѣстно всѣмъ каторжникамъ; однако это едва ли кого удерживало отъ побѣга. Сахалинскіе арестанты знаютъ также и то, что дальше острова никуда не уйдешь; тѣмъ не менѣе, вскорѣ по прибытіи они бѣгутъ цѣлыми толпами, чтобы хоть съ мѣсяцъ пожить на свободѣ,—не бѣда, что за побѣгъ накажутъ плетьми и прибавятъ 10 лѣтъ каторги. Къ тому же, кто не живетъ надеждой: авось да небось, какъ-нибудь и улизнешь съ Сахалина; тѣмъ болѣе, что ходятъ слухи, будто одному-другому удалось-таки удрать: добрались они всякими правдами и неправдами до необитаемаго восточнаго берега острова, вышли на Охотское море, здѣсь встрѣтили японскихъ китолововъ, высадившихся на берегъ за прѣсной водой, японцы приняли бѣглыхъ рабочими на судно,—такъ ихъ и слѣдъ простылъ.

Все это было хорошо извѣстно и Ѳаддею. Какъ человѣкъ бывалый, онъ сообразилъ, что если бѣжать, то только съ расчетомъ попасть на китоловное судно. По этому онъ отложилъ побѣгъ до весны, такъ какъ до осени послѣ его прибытія оставалось слишкомъ мало времени. Еще за зиму онъ прикапливалъ сухарей и крупы, подговорилъ Чалаго—и весной, лишь только по казалась первая зелень, вечеркомъ послѣ молитвы, далъ тягу.

Бѣглецы направились на востокъ, чтобы выйти на большую рѣку Тыми, впадающую въ Охотское море; здѣсь они разсчитывали связать изъ бревенъ плотъ и спуститься на немъ до моря. Уже пятый день продолжалось ихъ путешествіе. Скоро они надѣялись встрѣтить Тыми, гдѣ, какъ они слышали, попадаются гиляцкія деревушки. Поэтому-то они старались не разводить костровъ ночью, да и днемъ не распускать большого дыма, чтобы не обратить на себя вниманія дикарей.

Чуть свѣтъ, лишь только запищали синицы, бродяги поднялись на ноги, закусили сухарями и тронулись въ путь. Изо дня въ день продолжалось это сухопутное странствованіе, пока на десятыя сутки они не достигли Тыми. Срубить плотъ не стоило большихъ хлопотъ: лѣсу было довольно, да не было недостатка и въ сухихъ деревьяхъ, поваленныхъ бурей.

Вооружившись шестами, Ѳаддей и Чалый толкнули плотъ—и горная рѣка, съ шумомъ прыгавшая по камнямъ, понесла ихъ съ неудержимой быстротой. Дѣвственный лѣсъ тѣснился по берегамъ Тыми; огромные вязы, ивы и тополя свѣшивали вѣтви надъ клокочущей рѣкой и хлестали путниковъ въ лицо всякій разъ, какъ плотъ близко подходилъ къ берегу. Рябчики, сидѣвшіе на ветлахъ, съ удивленіемъ посматривали на плывущихъ людей. Одинокій воронъ при видѣ ихъ громко каркнулъ и торопливо полетѣлъ въ лѣсъ.

Плотъ все мчался и мчался; по временамъ онъ налеталъ на подводные камни, но скоро силою теченія со скрипомъ срывался, и бѣглецы продолжали плаваніе. На ночь они подталкивали свое судно къ берегу, привязывали его къ дереву, а сами со всѣмъ скарбомъ забирались въ глубь лѣса.

Чѣмъ дальше, тѣмъ рѣка становилась шире, но вмѣстѣ съ тѣмъ быстрѣе и опаснѣе. Разъ плотъ съ такой силой налетѣлъ на камни, что ивовые прутья, которыми были связаны бревна, порвались—и наши бѣглецы полетѣли въ рѣку. Хотя вода не доходила имъ и до колѣна, но съ такой стремительностью прыгала по камнямъ, что Чалый, не будучи богатыремъ, едва держался на ногахъ. Съ большимъ трудомъ выбрались бѣглецы на берегъ и пустились бѣжать въ догонку за своимъ судномъ; къ счастью, плотъ скоро былъ прибитъ къ берегу, гдѣ и зацѣпился за поваленное дерево. Наши путники, къ своему удовольствію, увидѣли, что весь ихъ багажъ остался въ цѣлости. Ихъ больше всего безпокоила участь провизіи. Хотя въ лѣсу было множество медвѣдей, рябчиковъ, тетеревовъ, но вся эта дичина была имъ недоступна, такъ какъ у нихъ не было ружей. Одинъ только разъ случай доставилъ имъ свѣжей провизіи. Возвращаясь какъ-то съ мѣста ночевки къ плоту, они замѣтили медвѣдя, переплывавшаго прямо на нихъ съ противоположнаго берега. Мигомъ ухватили они первыя попавшіяся дубины и спрятались въ кустахъ, нависшихъ надъ водой. Звѣрь, не подозрѣвая засады, началъ-было взбираться на обрывъ, но, встрѣченный дубьемъ, поплылъ внизъ; бѣглецы однако не упускали изъ виду измученнаго медвѣдя, встрѣчая его ударами всякій разъ, какъ онъ пытался выйти на сушу. Наконецъ медвѣдь въ изнеможеніи уцѣпился передними лапами за берегъ и уткнулся мордой въ землю. Тутъ и добили его охотники.

На двѣнадцатый день плаванія горный потокъ превратился въ широкую и спокойную рѣку. Вмѣстѣ съ тѣмъ появились очень опасные признаки: вби-

тый въ пескѣ колъ, щепки, мѣстами слѣды костра не оставляли никакихъ сомнѣній, что всякую минуту можно было ожидать встрѣчи съ гиляками. И эти опасенія въ скоромъ времени оправдались. Какъ-то разъ, когда плотъ завернулъ въ излучину рѣки, изъ-за мыска показались двѣ длинныя лодки; стоявшіе на нихъ люди, усиленно работая шестами, съ крикомъ поплыли навстрѣчу бѣглымъ. Ѳаддей, захвативъ котомку, бросился въ воду, за нимъ прыгнулъ Чалый, и такъ какъ мѣсто было не слишкомъ глубокое, то хотя и съ большимъ трудомъ, подъ самымъ носомъ гиляковъ, обоимъ удалось благополучно ускользнуть въ лѣсъ и скрыться въ чащѣ. Однако значительная часть провизіи осталась на плоту въ котомкѣ Чалаго.

Послѣ этого приключенія рѣшено было прекратить плаваніе и продолжать путешествіе пѣшкомъ, тѣмъ болѣе, что по всѣмъ примѣтамъ недалеко должно быть и море. Дѣйствительно, чрезъ два дня, выйдя на вершину горы, бѣглецы увидали синюю водную поверхность, уходившую въ туманную даль, и ихъ сердца забились надеждой на удачный исходъ побѣга.

Близъ берега моря, недалеко отъ устья Тыми, они отыскали въ густомъ лиственномъ лѣсу пещеру и, несмотря на то, что она носила всѣ признаки брошенной медвѣжьей берлоги, расположились тамъ на жительство. Не будучи слишкомъ прихотливыми, бѣглецы не измѣнили убранства медвѣжьяго помѣщенія; единственно, что они прибавили къ обстановкѣ прежняго квартиранта — это были лиственничьи вѣтви, которыя должны были служить имъ периной и подушками. Какъ медвѣди, за которыми уже не разъ гонялись охотники, бѣглецы старались заметать всякіе слѣды въ свою берлогу; близъ нея они никогда не разводили костра, а устроили себѣ кухню версты за двѣ, въ глубокомъ логу, такъ густо поросшемъ еловникомъ, что среди бѣла дня тамъ было не свѣтлѣе, чѣмъ въ ихъ пещерѣ. Пещера служила имъ спальней, въ ней же они укрывались отъ непогоды; въ остальное время они гуляли по лѣсу, собирая все, что только можно было ѣсть: прошлогоднюю рябину, грибы, старыя кедровыя шишки и какіе-то съѣдобные корешки.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ они замѣтили на берегу рѣки юрту, при ближайшемъ изслѣдованіи оказавшуюся населенной тремя гиляками и одной гилячкой. Юрта стояла совершенно одинокой среди хвойнаго лѣса. Кромѣ нея верстъ на 8 вверхъ и внизъ по рѣкѣ, насколько бѣглецы осмотрѣли берегъ, не было никакихъ слѣдовъ человѣческаго существованія. Истощавшійся запасъ сухарей и крупы поневолѣ заставлялъ бѣглецовъ подолгу заглядываться на юрту. Съ вершины пригорка, изъ-за чащи густого кустарника, они видѣли, развѣшенную на шестахъ, сушеную рыбу, распластанныхъ тюленей, какія-то шкуры, тамъ и сямъ валявшіяся на помятой травѣ; но видѣли также косматыхъ собакъ и трехъ гиляковъ, одного старика и двухъ молодыхъ, и всѣ расчеты пустынниковъ поживиться сушеною рыбой разбивались сами собой.

Но вотъ однажды они увидѣли, что молодые гиляки связали бортами двѣ лодки, перетаскали туда какіе-то узлы, поставили парусъ и тронулись внизъ по рѣкѣ. Скоро лодки вышли въ море; ихъ сѣрый парусъ изъ рыбьихъ кожъ становился все меньше и меньше, — вотъ уже маленькой точкой мелькалъ онъ среди безбрежнаго пространства воды и наконецъ скрылся за горизонтомъ.

— Не зѣвай! шопотомъ проговорилъ Ѳаддей.— Смотри стараго чорта... я сбѣгаю домой... топоръ надо!

Старый гилякъ, ничего не подозрѣвая, возился около юрты и заколачивалъ дыры въ ея берестяной крышѣ. Ѳаддей пустился бѣжать въ свою берлогу, и не прошло часа, какъ онъ уже стоялъ около Чалаго съ топоромъ за поясомъ...

Тѣмъ временемъ гилякъ, у котораго вышла вся береста, направился къ лѣсу за новымъ запасомъ бересты. Бродяги, прячась за деревьями, направились ему навстрѣчу, стараясь избѣгать сухихъ трескучихъ вѣтвей; по мѣрѣ того, какъ уменьшалось разстояніе между ними и гилякомъ, они замедляли шаги. Наконецъ они подошли къ нему совсѣмъ близко. Гилякъ стоялъ около толстой березы и медленно срывалъ съ нея бересту. Вдругъ Ѳаддей выбѣжалъ изъ-за дерева, за нимъ ринулся и Чалый. Гилякъ, не ожидавшій никакого нападенія, первую минуту совершенно растерялся; онъ выронилъ ножъ, которымъ сдиралъ бересту и, вытянувъ тощую морщинистую шею, какъ остолбенѣлый, глядѣлъ на бѣгущихъ на него варнаковъ; скоро однако онъ опомнился и пустился бѣжать по направленію къ юртѣ. Но не пробѣжалъ онъ и десяти шаговъ,

какъ зацѣпился за лежащую на пути вѣтку и со всего размаха шлепнулся на землю. Тѣмъ временемъ Ѳаддей уже стоялъ надъ нимъ и заносилъ топоръ... Раздался глухой стукъ — и гилякъ, подогнувъ руки, которыми онъ упирался о землю, безъ звука опустился въ траву..

Молча, почти бѣгомъ направились каторжники къ юртѣ. При громкомъ лаѣ пестрой, разноглазой собаки оттуда выглянула молодая гилячка. Увидя посѣтителей, одинъ видъ которыхъ не предвѣщалъ ничего добраго, она съ отчаяннымъ крикомъ бросилась бѣжать. Но Чалый швырнулъ ей въ ноги палку, и гилячка, не переставая кричать, повалилась на землю; топоръ Ѳаддея сдѣлалъ свое дѣло и здѣсь, и тогда изъ обитателей юрты осталась въ живыхъ одна косматая собака, на которую варнаки не обращали вниманія. Они сняли съ шестовъ сухую рыбу, захватили нѣсколько шкуръ, кое-какой хламъ и, нагруженные добычей, не проронивъ ни слова, отправились въ свою пещеру... Синицы, которыя встрѣчались имъ по дорогѣ, продолжали свои мирные семейные разговоры, дятлы равнодушно долбили кору вѣковыхъ елей, - словомъ, все шло своимъ чередомъ, и только отъ времени до времени до уха бѣглецовъ доносился вой гиляцкой собаки.

На слѣдующій день Чалый отправился въ юрту, чтобы забрать остатки рыбы. Вернулся онъ скорѣе, чѣмъ его можно было ожидать; виноватый видъ, съ которымъ онъ вошелъ въ пещеру, ясно показывалъ, что онъ не исполнилъ порученія. Больше всего удивилъ Ѳаддея какой-то, закрытый полой халата предметъ, лежавшій у его товарища на груди и обнаруживавшій ясные признаки живого существа.

Не говоря ни слова, стараясь не глядѣть на своего суроваго спутника, Чалый распахнулъ халатъ и поставилъ на землю свою таинственную ношу. Это былъ гиляцкій мальчикъ лѣтъ двухъ, одѣтый въ косматую рубашку изъ собачьей шкуры, шерстью вверхъ. Мальчикъ потеръ свои черные глаза грязными кулаченками, вздохнулъ, какъ вздыхаютъ дѣти послѣ продолжительнаго плача, и съ видомъ молодого звѣренка прижался къ стѣнѣ.

Ѳаддей, вмѣсто всякаго вопроса, грозно насупилъ брови.

— Ейный сынъ, знать,—запинаясь началъ Чалый.—Прихожу, а онъ сидитъ около матки и реветъ. А ей ужъ ворòны глаза поклевали... Страшно таково!.. Я ее въ воду стащилъ, и собака ушла... Никого теперь тамъ!..

— Что жъ ты, вражій сынъ, не пристукнулъ этого щенка?.. Куда теперь съ нимъ!.. На что онъ тебѣ?...—заревѣлъ Ѳаддей.

— Вѣдь дитё тоже, хоша и не христіанское, а все же младенецъ,—робкимъ голосомъ оправдывался Чалый.—Я и самъ такъ думалъ, на что̀ онъ намъ? Вотъ поди-жъ ты—не поднялась рука!.. Надо бы ее вчерась въ воду... а то, вишь ты, онъ за нее цѣпляется, а у нея и глаза ворòны поклевали... инда жалость взяла!.. Дай, думаю, стащу домой, ужо вотъ пріѣдутъ тѣ два, что уѣхали ночью,—какъ-нибудь и притащимъ къ нимъ... Дитё малое,—продолжалъ онъ, немного помолчавъ и не переставая смотрѣть въ землю,—разсказать не сможетъ... Ка́къ мы его вчерась не доглядѣли! видно, спалъ гдѣ ни на есть.

Грозный, какъ туча, стоялъ Ѳаддей посреди пещеры и, насупивъ брови, глядѣлъ на ребенка. Его больше всего раздражало то, что въ эту минуту у него и у самого не поднимается рука на мальчишку.

— Ну, пущай живетъ! — мрачно проговорилъ онъ. — Только ты навѣдайся туда. Какъ пріѣдутъ, чтобы сейчасъ же духу его не было. Нето, все равно, пришибу.

Ѳаддей вышелъ изъ пещеры и, ломая по пути валежникъ, быстро зашагалъ по лѣсу. Такъ шелъ онъ, не замѣчая ни грибовъ, ни кедровыхъ шишекъ, которые прежде онъ собиралъ такъ усердно; не видалъ онъ, какъ заяцъ вытянулся предъ нимъ, точно солдатъ, взмахнулъ ушами и въ припрыжку побѣжалъ въ сторону... Точно какой-то червякъ пробрался въ огромное тѣло Ѳаддея и больно сосалъ его очерствѣлое сердце. Раздвигая тяжелыя вѣтви елей, онъ шагалъ все впередъ и впередъ, не зная куда̀, и зачѣмъ.

— Пущай!—бормоталъ онъ отъ времени до времени и тѣмъ самымъ обнаруживалъ, что приключеніе съ мальчишкой не выходило у него изъ головы.

Долго ли онъ бродилъ по лѣсу и далеко ли ушелъ, онъ самъ не зналъ. Шумъ падающей воды вывелъ его изъ раздумья, и тутъ только онъ сообразилъ, что забрелъ въ совсѣмъ незнакомыя мѣста... Поздно вечеромъ, измученный, съ расцарапаннымъ лицомъ, вернулся онъ въ

пещеру и, не говоря ни слова, завалился въ свой уголъ.

Весь слѣдующій день бѣглецы провели въ своей берлогѣ. Уже утромъ гиляцкій мальчишка смотрѣлъ много довѣрчивѣе. Ѳаддей въ своемъ темномъ углу исподлобья поглядывалъ на его маленькія грязныя ручонки, державшія огрызокъ сухой рыбы; когда же послѣдній кусокъ исчезъ за его румяными губами, Ѳаддей выташилъ изъ-подъ головы вязанку юколы [1]), выбралъ спинку и бросилъ гилячонку.

— Эй, ты, Михрютка! на!—проговорилъ онъ грубымъ голосомъ и отвернулся къ стѣнѣ.

Чалому, который въ это время взглянулъ на своего товарища, показалось, что грубость Ѳаддея была неестественна и какъ то не соотвѣтствовала его поступку, и даже какъ-будто отвернулся Ѳаддей не затѣмъ, чтобы перемѣнить положеніе, а точно что-то другое заставило его смотрѣть въ сторону.

Нѣсколько дней Чалый навѣдывался къ юртѣ, чтобы разузнать, не пріѣхали ли хозяева. Выглянувъ изъ-за куста въ одну изъ такихъ развѣдокъ, онъ увидѣлъ, что юрта исчезла; на мѣстѣ ея оставалась площадка утоптанной земли, щепки, лоскутья рыбьихъ кожъ и другой соръ. Очевидно было, что со вчерашняго дня успѣли вернуться гиляки, разобрали свое складное жилище и увезли все хозяйство, не исключая шестовъ, на которыхъ висѣла рыба.

На Ѳаддея это извѣстіе произвело странное впечатлѣніе. Онъ насупилъ брови, что́ было очевиднымъ признакомъ душевнаго безпокойства, и, сжавъ кулаки, чуть-было не бросился на Чалаго; но потомъ какъ-то присмирѣлъ, точно въ отчаяніи махнулъ рукой, шопотомъ проговорилъ: „пущай!“ — и вышелъ изъ пещеры. Чалый, глядѣвшій ему вслѣдъ, видѣлъ, какъ онъ еще долго, время отъ времени, махалъ рукою и наконецъ скрылся въ лѣсу.

Цѣлый мѣсяцъ, день за днемъ, нынче какъ завтра, тянулась жизнь нашихъ трехъ пустынниковъ. Ѳаддей мало-по-малу привыкъ къ своему случайному пріемышу; хотя, давая ему кусокъ юколы, онъ все такъ же говорилъ: „на, жри!“ — но эти слова произносились такимъ тономъ, что гиляченокъ, не знавшій русскаго языка, могъ думать, что въ нихъ не заключается никакого обиднаго смысла. Названіе Михрютки такъ и осталось за нимъ; онъ скоро привыкъ къ этой кличкѣ и охотно на нее откликался.

Одно обстоятельство еще болѣе сблизило Ѳаддея съ Михрюткой. Какъ-то разъ онъ забрелъ съ Чалымъ далеко вверхъ по рѣкѣ, гдѣ они еще не были ни разу. Долго плутали они по дѣвственному лѣсу, пробираясь узкими медвѣжьими тропами. Вдругъ что-то щелкнуло, и Чалый, продиравшійся впереди, между нависшихъ вѣтвей ели, съ крикомъ повалился навзничь: концы огромной стрѣлы, пронзившей его насквозь, торчали у него по бокамъ живота. Подошедшій Ѳаддей сразу понялъ, что его товарищъ наскочилъ на лукъ, настороженный гиляками на медвѣдя. Отрѣзавъ ножомъ желѣзный наконечникъ, онъ вытянулъ окровавленную стрѣлу. Чалый стоналъ все слабѣй и слабѣй, наконецъ прохрипѣлъ и замолкъ..

Поздно ночью вернулся Ѳаддей въ свою берлогу, поглядѣлъ въ сторону спящаго Михрютки и завалился въ свой уголъ. Всю ночь ему мерещился Чалый со стрѣлой въ животѣ; представлялась ему неглубокая яма, которую онъ, съ трудомъ разворачивая ладонями камни, вырылъ въ лѣсу; мерещились окоченѣвшія ноги его товарища, которыя долго не укладывались въ могилѣ и какъ-то все торчали изъ земли... Только подъ утро Ѳаддей наконецъ задремалъ.

Послѣ этого приключенія онъ долго ходилъ мрачный, какъ ночь. Единственнымъ товарищемъ его медвѣжьей жизни оставался Михрютка, къ которому онъ съ каждымъ днемъ привязывался все больше и больше. Мальчикъ довѣрчиво протягивалъ свои крошечныя ручонки всякій разъ, какъ его суровый сожитель возвращался домой послѣ своихъ скитаній по лѣсу. И Ѳаддей, шатаясь по тайгѣ въ поискахъ за пищей, нето чтобы думалъ, а какъ-то самъ того не сознавая, въ глубинѣ души своей чувствовалъ, что вотъ еще съ десятокъ грибовъ, и онъ пойдетъ домой, а тамъ — ждетъ его Михрютка.

Разъ какъ-то Ѳаддей нашелъ на песчаной отмели моря большую розовую ракушку; онъ захватилъ ее съ собою, такъ какъ она показалась ему ужъ очень красивой. Дома, въ грудѣ кедровыхъ шишекъ, набросанныхъ въ углу пещеры, увидѣлъ ее гилячонокъ и въ восхищеніи, улыбаясь, сталъ скалить свои бѣлые зубы, щурилъ и безъ того узенькіе глаза и что-то лепеталъ на своемъ

[1]) *Юколой* называютъ сибирскіе инородцы сушеную рыбу.

дикомъ нарѣчіи, показывая на ракушку своему сожителю. На слѣдующій день Θаддей, выйдя изъ берлоги на свое ежедневное скитанье, самъ не сознавая зачѣмъ, повернулъ въ сторону моря, и вечеромъ у Михрютки былъ цѣлый ворохъ самыхъ разнообразныхъ раковинъ.

Такъ тянулись дни за днями. Сухая рыба, взятая въ юртѣ, была съѣдена. Пустынники уже двѣ недѣли довольствовались грибами, корешками, какой-то горькой ягодой и мелкими раками, которыхъ можно было добыть на морскомъ берегу. Однажды, собирая этихъ раковъ, Θаддей замѣтилъ какія-то черныя точки, суетившіяся на песчанной отмели моря. Подойдя поближе, онъ увидалъ, что это были медвѣди, которые возились около трупа огромнаго сивуча [1]), выброшеннаго морской волной. Сивучъ былъ уже на половину объѣденъ, однако оказался достаточно свѣжимъ, —и съ тѣхъ поръ мясо этого звѣря долгое время было постояннымъ блюдомъ обоихъ пустынниковъ. Въ началѣ августа начался ходъ лососей изъ моря въ рѣку. Рыба огромными стадами поднималась въ Тыми, и Θаддею не стоило большого труда продовольствовать свѣжей пищей и себя и Михрютку.

Одно неожиданное обстоятельство заставило его однако прекратить этотъ добычливый промыселъ. Выйдя какъ-то изъ чащи на берегъ рѣки, онъ вдругъ остановился, выронилъ шестъ и безсознательно попятился въ лѣсъ. Долго такимъ образомъ подавался онъ назадъ, не спуская глазъ съ одной точки, пока не скрылся въ густомъ кустарникѣ. Предметъ, поразившій его вниманіе, была холщевая палатка, разбитая на берегу рѣки въ полуверстѣ отъ него. Близъ нея стояли три лодки русскаго покроя; тутъ же суетились нѣсколько солдатъ — одни строили большой балаганъ, другіе переносили въ палатку какіе-то ящики и мѣшки. Вся суматоха показывала, что неизвѣстные люди намѣрены устроиться здѣсь надолго.

— „Вотъ такъ клюква!“ подумалъ про себя Θаддей: „знать, утекать надо... нашего брата ловить пріѣхали...“

Однако, выслѣживая изо дня въ день этихъ новыхъ пришельцевъ, онъ отказался отъ первоначальнаго предположенія. Вотъ уже третій разъ часть ихъ отправлялась на лодкѣ въ устье рѣки, и Θаддей съ высоты горы видѣлъ, какъ они вылѣзали по временамъ на берегъ и ставили на землю какой-то треножникъ. Одинъ изъ нихъ, очевидно офицеръ, смотрѣлъ въ трубу; иногда они мѣрили глубину залива,—словомъ, все обнаруживало въ нихъ „землемѣровъ“. Тѣмъ не менѣе, все-же это была власть, которая при случаѣ могла схватить Θаддея и доставить его въ тюрьму.

Въ скоромъ времени новое событіе заняло вниманіе бѣглеца. Въ заливѣ бросило якорь большое морское судно. Изъ него высадились на берегъ люди; въ одинъ день они воздвигли большой балаганъ, затѣмъ устроили на рѣкѣ забойку и принялись ловить рыбу. Ихъ крикливый, не русскій говоръ, скуластыя лица съ наискось-прорѣзанными глазами—все обличало въ нихъ прежде всего иностранцевъ, и, по зрѣломъ разсужденіи, Θаддей рѣшилъ, что это не кто иные, какъ японцы, на которыхъ онъ возлагалъ всю надежду на удачный исходъ побѣга. Судя по огромному количеству вылавливаемой ими рыбы, ясно было, что именно для нея, а не ради прѣсной воды остановились здѣсь эти новые пришельцы.

Θаддею не пришлось долго ждать случая войти съ ними въ сношеніе. Встрѣтивъ двухъ японцевъ въ лѣсу, онъ знаками объяснилъ имъ свое желаніе поступить рабочимъ на судно. Θаддей и самъ не ожидалъ, что, разговаривая руками, ногами, головой, можно понимать другъ друга. Когда краснощекій японецъ съ добродушнымъ лицомъ показалъ рукой на судно, потомъ перевелъ ее на то мѣсто, гдѣ они стояли, Θаддей сразу догадался, что окончательное рѣшеніе вопроса зависитъ отъ кого-то на суднѣ и что это рѣшеніе будетъ передано ему на этомъ самомъ мѣстѣ.

Повидимому, эти нѣмые переговоры обѣщали успѣхъ. Единственно, что сильно безпокоило теперь нашего бѣглеца — это судьба Михрютки. Мысль о немъ не выходила изъ головы Θаддея; хотя онъ ничего не сообщилъ японцамъ о своемъ воспитанникѣ, но онъ рѣшилъ поговорить о немъ въ слѣдующій разъ и похлопотать, нельзя ли и его захватить съ собой на судно. Безпокойство это было тѣмъ болѣе сильно, что Михрютка былъ боленъ: вотъ уже второй день онъ ничего не ѣлъ и ходилъ скучный. Вернувшись домой послѣ переговоровъ, Θаддей засталъ его лежащимъ на лиственничныхъ вѣтвяхъ въ углу пещеры. Маль-

[1]) *Сивучъ*—морской звѣрь, похожій на тюленя, но болѣе сажени въ длину.

чикъ, при видѣ своего воспитателя, протянулъ свои смуглыя ручонки, показывая на чашку съ водой. Ѳаддей напоилъ его и, прикрывъ собачьей шкурой, положилъ около него его ракушки. Но тяжело дышавшій Михрютка равнодушно поглядѣлъ на нихъ горячечными глазами, чрезъ силу улыбнулся и завернулся плотнѣе въ шкуру.

На слѣдующій день японцы передали Ѳаддею, что на суднѣ согласны взять его въ рабочіе и очень довольны остались тѣмъ, что онъ такой большой и, должно быть, сильный человѣкъ. Ѳаддей, ожидавшій такого результата уже по первому разговору, не замедлилъ сообщить, что онъ хотѣлъ бы взять „вотъ этакаго“,—при этомъ онъ показалъ на аршинъ отъ земли. Употребивъ все свое нѣмое краснорѣчіе, онъ старался объяснить, что мальчикъ никому не помѣшаетъ и что онъ, Ѳаддей, будетъ работать нисколько не меньше, если ему позволятъ взять его питомца.

Это предложеніе потребовало новыхъ переговоровъ. Вернувшись часа черезъ два, японецъ подошелъ къ Ѳаддею, похлопалъ его по плечу и махнулъ рукой въ сторону судна, потомъ показалъ на аршинъ отъ земли и махнулъ въ лѣсъ. Смыслъ этого нѣмого отвѣта былъ такъ же ясенъ нашему бѣглецу, какъ если бы ему сказали порусски: „ты самъ иди, а ребенка оставь“.

Убитый горемъ, вернулся Ѳаддей въ свою берлогу.

Михрютка въ горячкѣ метался на зеленой постели и, протянувъ изъ-подъ шкуры похудѣвшія ручонки, хриплымъ голосомъ по-гиляцки попросилъ пить. Черезъ нѣсколько минутъ онъ забылся. Ѳаддей сѣлъ у него въ ногахъ и, склонивъ голову на ладони, смотрѣлъ на больного ребенка.

Раздумывая о Михрюткѣ, Ѳаддей скоро перешелъ къ воспоминаніямъ о собственномъ прошломъ. Вспомнилъ онъ свою, еще молодую мать, которая разсказывала ему, когда онъ былъ ребенкомъ, такія страшныя сказки... вспомнилъ, какъ однажды привезли его отца, найденнаго мертвымъ въ канавѣ; какъ вскорѣ послѣ того померла и мать... Съ тѣхъ поръ началось его горемычное житье — сперва по чужимъ людямъ, потомъ на фабрикѣ. Съ молодыхъ лѣтъ пошло пьянство, а тамъ—воровство, тюрьма, наконецъ—убійство и каторга. Съ тѣхъ поръ, какъ мать испустила послѣдній вздохъ, не видалъ онъ ни ласки, ни участія. Его товарищи, съ которыми онъ промышлялъ на большой дорогѣ, дорожили имъ только, когда онъ былъ нуженъ. Да и самъ Ѳаддей не помнилъ, любилъ ли онъ хоть одно живое существо съ тѣхъ поръ, какъ лишился семьи и крова...

Михрютка простоналъ и, попросивъ пить, прервалъ размышленія бѣглеца. Ѳаддей опять сталъ думать о своемъ питомцѣ. Этотъ чумазый мальчишка, у котораго онъ убилъ мать и котораго самого два мѣсяца тому назадъ собирался пристукнуть, былъ теперь для него дороже всего на свѣтѣ... Съ той минуты, какъ японцы отказались взять его вмѣстѣ съ ребенкомъ, онъ пересталъ думать о побѣгѣ съ острова. Онъ думалъ только о томъ, ка́къ бы спасти Михрютку, которому часъ отъ часу становилось хуже. Тутъ Ѳаддей вспомнилъ о палаткѣ, гдѣ жилъ офицеръ. — „Землемѣръ“, думалъ онъ, „человѣкъ ученый, онъ его вылѣчитъ; Михрюткѣ тамъ лежать будетъ лучше—не то, что въ этой медвѣжьей берлогѣ... Только какъ отнести его?.. Снести самому? — офицеръ схватитъ и отвезетъ въ тюрьму...“

Долго размышлялъ въ такомъ родѣ Ѳаддей. Михрютка все стоналъ и наконецъ началъ хрипѣть. Тогда Ѳаддей вскочилъ на ноги и, смахнувъ своимъ жилистымъ кулакомъ непрошеную слезу, поднялъ мальчика, закуталъ его въ шкуру и вышелъ изъ пещеры. Нѣсколько секундъ поглядѣлъ онъ на японское судно, на море—и рѣшительными шагами, съ умирающимъ ребенкомъ подъ полой своего арестантскаго халата, направился въ офицерскую палатку...

А сзади него, убѣгая въ туманную даль, синѣло Охотское море, освѣщенное косыми лучами заходящаго солнца. Тамъ и сямъ, выпуская столбы пара, ныряли киты. Бѣлый парусъ одиноко мелькалъ на горизонтѣ. А съ рѣки доносились веселые крики японцевъ, тянувшихъ сѣть...

На другой день въ офицерской палаткѣ Михрютка умеръ.

А. Никольскій.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬ.

(Сцены).

Антипъ Захаровичъ Вересаевъ только-что всталъ и, сотворивъ утреннюю молитву, сидѣлъ въ столовой комнатѣ своего богато-убраннаго дома за круглымъ столомъ, на которомъ пыхтѣлъ, пуская густые клубы пара, объемистый самоваръ. Антипъ Захаровичъ не болѣе мѣсяца, какъ овдовѣлъ, и въ горести по своей нѣжно-любимой супругѣ, возвращался каждую ночь изъ компаніи своихъ друзей въ такомъ удрученномъ физически и нравственно состояніи, что два дворника при его домѣ, могучіе молодые парни, съ трудомъ поднимали его по высокой лѣстницѣ и затѣмъ, доведя до спальной комнаты, сдавали на попеченіе Архипа, сѣдовласаго приказчика, исполнявшаго послѣ смерти супруги Антипа Захаровича, обязанности и лакея, и горничной, и экономки. Сидя за столомъ въ поношенномъ шелковомъ халатѣ цвѣта сирени, Антипъ Захаровичъ морщился, кряхтѣлъ, почесывалъ затылокъ и смаковалъ языкомъ непріятный вкусъ во рту.

Антипъ Захаровичъ былъ купецъ, считавшійся въ г. Т...ѣ крупно-богатымъ человѣкомъ и жертвователемъ, за что имѣлъ нѣсколько золотыхъ медалей на различныхъ лентахъ, коими и украшалъ свою шею въ торжественныхъ случаяхъ. Пожертвованія Антипа Захаровича не мало содѣйствовали тому, что десятки дѣлъ, имѣвшихъ уголовный характеръ, возбужденныхъ противъ него по поводу различныхъ противузаконныхъ продѣлокъ по подрядамъ, не двигались впередъ въ своемъ производствѣ, а служили главной побудительной причиной тому, что въ той или другой церкви строился новый придѣлъ во имя какого-либо святого, гдѣ потомъ возносилось моленіе за созидателя ихъ, Антипа Захаровича Вересаева.

— Къ вамъ, батюшка Антипъ Захаровичъ, водовозъ нашъ о чемъ-то покучиться хочетъ, просилъ доложиться вашей милости!—произнесъ Архипъ, подавая ему огромную фарфоровую чашку съ чаемъ, на которой красовалась надпись, выведенная золотомъ: „Ну-ко, выпей другую!“

— Чего ему надоть?

— Богъ его знаетъ... не сказыватъ. Да должно быть, дѣло есть. Безъ дѣла-то, поди, не насмѣлился бы тревожить экую особу, какъ ваша милость.

— Ну, зови! Послушамъ, какое у водовоза дѣло стряслось до меня, — произнесъ хриплымъ голосомъ Антипъ Захаровичъ, наливъ на блюдце чаю и, крестообразно обдувъ его, выпилъ чай почти безъ передышки, крякнулъ „а-а-ахъ!“ и облизалъ сѣдые усы.

Черезъ минуту въ комнату вошелъ старикъ-крестьянинъ, въ смуромъ зипунѣ, усѣянномъ заплатами. Остановившись у притолоки дверей, онъ помолился на передній уголъ, уставленный иконами въ богатыхъ кіотахъ, и затѣмъ низко поклонился Антипу Захаровичу, робко поглядывая на грузную фигуру его, покоившуюся въ широкомъ креслѣ.

— Чего тебѣ занадобилось отъ меня? Говори,— мелькомъ взглянувъ на него, спросилъ Антипъ Захаровичъ, снова наливая чаю на блюдце.

— Милости, милости, батюшка...

И старикъ, снова поклонившись, глубоко вздохнулъ.

— Какой же тебѣ милости? Ну, сказывай... Денегъ, поди... Вѣдь душу-то нашего брата за однимъ только дѣломъ и трясутъ всѣ.

— Денегъ, родимый. Это ты вѣрно вымолвилъ!

— Ужъ я не ошибусь, слава тѣ Господи... Шестой десятокъ на свѣтѣ маюсь!.. Много-ль тебѣ?

— Рублевъ бы двѣсти, родной, занадобилось.

— Двѣ-ѣ-сти... Э-хе. Не мало же. На что-жъ тебѣ экую напасть денегъ-то занадобилось? Сказывай, да не лукавь, мотри... Я вѣдь прозорливецъ: съ одного взгляда увижу облыжность твою.

— Пошто лукавить, милостивецъ! По душѣ тебѣ обскажу все. Сынокъ у меня есть, сынкомъ меня Богъ наградилъ... такъ, одного, будто только на поглядочку, и далъ намъ со старухой-то. И таковой-то это онъ у насъ доточливый, до всего бы это умомъ бы ему дойти надоть, что диво, диво говорю! Съ диву-то и начальство далось...

— Какое такое начальство?

— Слушай, говорю, благодѣтель, да и суди. Обучили-это мы его въ уѣздномъ училищѣ; только вотъ смотритель-то надъ училищемъ — покойная теперь головушка, пошли ему Господи небесное царство,—(и старикъ набожно перекрестился),—

призвалъ это меня къ себѣ и обсказываетъ:—„Такъ и такъ, говоритъ, старичекъ, наградилъ тебя Господь счастьемъ въ сынѣ твоемъ: самороднымъ таланомъ, говоритъ, усчастливилъ его; ну, мотри, говоритъ, блюди его, сынка-то это, не становись ему поперекъ дороги, ужъ какъ никакъ въ жилу, говоритъ, вытянись, а въ емназію отдай его... и я тебѣ помогу, говоритъ, въ эфтомъ дѣлѣ". Ну, и точно, родной мой, шибко онъ помогъ, ши-и-ибко! И опредѣлилъ его, и изъ лапоти это, и обувью, всѣмъ помогъ. Ужъ тяжело намъ было со старухой-то, Господь одинъ видѣлъ, въ емназіи-то держать его! Ну, скрѣпился, не допивали, не доѣдали, а ужъ помогли ему кончить ученье. Медаль вѣдь, родимый, изъ емназіи-то дали ему. Самъ архирей, батюшка, иконой въ злаченой ризкѣ благословилъ его, сынка-то... мужичьяго-то сына экой наградой почтили!.. Не диво-ль, не радость-ли?..

И старикъ заплакалъ.

— Молись. Никто, какъ Господь усчастливилъ. Не возгордись только,—замѣтилъ Антипъ Захаровичъ.

— И-и-и... родной мой! Ужъ намъ ли гордыню-то напущать на себя, что-о ты!.. Ну, вотъ обскажу тебѣ... И приступи-это ко мнѣ сыночекъ-то: пусти да пусти меня, тятенька, во столицу, говоритъ, въ ниверситетъ учиться: усчастливлюсь, говоритъ, и тебя съ мамынькой на старости годовъ успокою; хочу, говоритъ, всякое ученье произойти, не перечь мнѣ, а то и жисти не радъ буду. Подумали, подумали мы, батюшка, со старухой-то, попомнили слова-то благодѣтеля нашего не перечить сыну, поперекъ дороги не вставать, и порѣшили, что ужъ, стало быть, предѣлъ ему такой, положенье отъ Бога всякую науку произойти, и благословили его... А снарядить-то его въ путинку моченьки нѣтъ, родимый... Тоже вѣдь и изъ лопати чего надоть и обуви, и не все же вѣдь пѣшкомъ идти, устанетъ, ину пору и подъѣхать надо: вѣдь пять тысячъ верстъ отсель до науки-то будетъ, добрые люди сказываютъ. Шутка-ль?!. Ужъ вызволь ты меня, родимый, вызволь, дай ты мнѣ двѣсти рублевъ сынка-то въ науку снарядить... Вѣкъ твой богомолецъ буду и плательщикъ... по грошикамъ, по грошикамъ, какъ никакъ, сколочусь да уплачу ихъ тебѣ... вызволь!

И старикъ, упавъ на колѣни, поклонился Антипу Захаровичу въ ноги...

— Ты у другихъ-то купцовъ побывалъ у кого, аль нѣтъ? Вѣдь я, чай, не одинъ здѣсь въ городу-то? А?

— Побывалъ, сердешный, побывалъ.

— Дали?

— Кабы дали, такъ неужъ бы я твое степенство тревожить сталъ? Не даютъ: у насъ, говорятъ, на науки денегъ не водится, мы, говорятъ, экимъ баловствомъ не займуемся, чтобъ на науки деньги тратить. Поди, говорятъ, вонъ къ Антипу Захарычу, стало-быть къ твоей милости: у него, говорятъ, нонѣ хозяйка померла, такъ съ горя-то на поминъ души можетъ дастъ...

— Ты и пошелъ?—прервалъ Антипъ Захаровичъ.

— Пошелъ!

— Трудился-то напрасно идти-то... Право, жаль. Мы тоже на науки-то не шибко охочи тратиться... Коли еще на науки давать будемъ, такъ пожалуй и на поминъ своей-то души ничего не останется... А ты походи еще по купцамъ-то, покланяйся... Можетъ, и найдешь экаго дурака, — насмѣшливо оглядѣвъ старика, произнесъ онъ.

— Ходилъ, родимый... Всѣ, слышь, въ голосъ на тебя упираютъ, такія рѣчи говорятъ, что и сказывать-то языкъ не вертится...

— Какія же такія рѣчи? Говори...

— Избави, Господи! Ты еще въ сердце впадешь, растревожишься... отъ пересказу-то уволь ужъ...

— Говорю тебѣ, сказывай! Слышь аль нѣтъ?—крикнулъ Антипъ Захаровичъ: — какія рѣчи говорятъ?

— Да говорятъ, батюшка... О-о-охъ... Ужъ уволь...

— Тьфу ты, песъ, скажешь аль нѣтъ?

— Говорятъ, родимый, что экаго съ мошенствами человѣка, какъ ты, другого-то въ городу не сыщешь; онъ, говорятъ, скорѣй денегъ-то дастъ, чтобъ сына-то твоего обучить: въ даровые абвокаты себѣ мошенства-то свои обстаивать... Вотъ чего, родимый, говорятъ, не посудачь...

— А-а-а! вонъ что говорятъ!.. Кто же это?— насупивъ брови и сверкнувъ сѣрыми глазами, спросилъ Антипъ Захарычъ.

— Всѣ въ голосъ, родимый, въ голосъ поютъ...

Антипъ Захарычъ молча забарабанилъ пальцами объ столъ.

— Веди ко мнѣ своего парня... Сейчасъ веди, слышь!

— На что его тебѣ, кормилецъ, надоть?—робко спросилъ старикъ.

— Сказываютъ, веди! Слышь, аль нѣтъ?..

И Антипъ Захаровичъ грозно ударилъ кула-

комъ объ столъ, такъ что задребезжала вся посуда, и все время по уходѣ старика сидѣлъ, сжавъ кулаки и покрякивая, точно въ горлѣ его что-то засѣло, стѣсняя дыханіе.

Прошло не болѣе часу, и старикъ-водовозъ вернулся вмѣстѣ съ сыномъ. Лицо юноши, слегка попорченное оспой, было, однако, чрезвычайно миловидно: въ голубыхъ глазахъ его свѣтилась мысль и вмѣстѣ грусть, вѣроятно отъ сознанія той униженности, какую онъ долженъ былъ выносить, чтобъ достичь высокой цѣли, къ которой стремился.

Войдя въ комнату, молодой человѣкъ вѣжливо поклонился Антипу Захаровичу, который, не отвѣтивъ ему на поклонъ, пытливо осмотрѣлъ его.

— Энтотъ и есть паренекъ то у тебя, что до наукъ-то охочъ?—спросилъ онъ стоявшаго сзади него старика-отца.

— Энтотъ самый, батюшка! — отвѣтилъ тотъ.

— Ну, паренекъ, хошь ты ужъ и заробилъ медаль себѣ, а не взыщи съ меня, старика, что я съ тобой попросту рѣчь поведу. Гордыню-то и мечтаніе о себѣ пока въ заднiй карманъ спрячь. Вы вѣдь нонѣшнія... слыхалъ я... и отъ Бога-то сторонитесь... Науки-то вотъ хошь произойти... а молитвы-то Господни знашь-ли? А?

— Знаю!—слегка улыбнувшись, отвѣтилъ тотъ.

— О-о! Ну-ко, ну-ко, попытамъ, скажи-ко мнѣ „Вѣрую".

Молодой человѣкъ послушался и произнесъ безъ запинки молитву.

— А-а!.. Да ты и въ самъ-дѣлѣ никакъ путный парень-то!.. А ну-ко „Вотчу нашъ"...

Онъ прочиталъ и „Отче нашъ".

— Да изъ тебя, парень, и то никакъ прокъ выйдетъ!—удивленно произнесъ Антипъ Захаровичъ.—А Царю небесный и Богородицу знашь?..

Тотъ прочиталъ и Царю небесный и молитву Богородицѣ.

— Ну, паренекъ, теперь вижу, что ты помнишь Бога, не возмечталъ о себѣ. За это вотъ Господь тебя и усчастливилъ таланами! — похвалилъ Антипъ Захаровичъ.—А куды же ты надумалъ ѣхать наукъ-то набираться? А?

— Въ Петербургъ, въ университетъ.

— Далеконько, парень, летѣть хошь, а какія же ты науки-то тамъ происходить хошь? А?

— Юридическія.

— Это какія же, стало быть, по нашему-то будутъ? Какъ ихъ по русски-то обзывать?

— Юристами называютъ судей, стряпчихъ, прокуроровъ, адвокатовъ,—пояснилъ юноша.

— Э-э-э... вонъ оно какія! Ну, парень, не хвалю. Экимъ наукамъ-то и помогать опасно. Ты вотъ экихъ-то наукъ наберешься, обвернешься сюда чиновникомъ... и пойдешь грабить съ нашего брата.

— Почему вы такъ думаете?—весь вспыхнувъ, спросилъ юноша.

— Да вѣдь ты не маненькій... слыхалъ, поди.

— Взятки брать подло, я никогда не допущу себя до подобныхъ поступковъ! — взволнованно отвѣтилъ онъ.

— Подло, подло, это ты вѣрно сказалъ. Ты, я вижу, парень съ толкомъ... экихъ-то я люблю!.. Я помогу тебѣ, слышь ты, помогу. Ты поэтому и цѣни меня. Я тѣ дамъ двѣсти рублевъ, доходи до наукъ... А ты, старичина,—обратился онъ къ старику-отцу:—подь отъ меня къ купцамъ и скажи имъ, что я точно мошенникъ, да и они плутъ на плутѣ, только я то съ головой, а они остолопы. Я вотъ парню-то помогу, такъ онъ выучится, и самъ мнѣ поможетъ, а они пущай ходятъ къ нему да кланяются. Такъ и скажи, слышь?

— Слышу, родимый, слышу. Скажу, дай тебѣ Господи,—произнесъ, низко кланяясь, старикъ.

— Ну, молодецъ, подь съ Богомъ, учись, да мотри, чти Антипа. Какъ наукъ наберешься, не возмечтай! А за деньгами завтра приди: потому, парень, у меня завѣтъ ужъ такой, что по понедѣльникамъ изъ рукъ копейки не выпущать.

Антипъ Захаровичъ сдержалъ свое слово, далъ денегъ. Въ веселыя минуты онъ любилъ похвастать своимъ покровительствомъ наукамъ и ученымъ, и грозилъ, „что ужъ когда ужо вернется адвокатъ его, что учится теперь, такъ онъ съ нимъ такихъ дѣловъ натворитъ, что..." и онъ не доканчивалъ, а только дѣлалъ плутовскую мину.

Но юноша не вернулся въ Т...ъ: бывши на второмъ курсѣ, онъ заболѣлъ тифомъ и умеръ. Узнавъ чрезъ полицію о смерти сына, старикъ, отецъ его, сошелъ съума. Въ Т...ѣ долго помнили сѣдого, сгорбленнаго старика, ходившаго по подъоконью, собирая милостыню. Старикъ всѣхъ увѣрялъ, что „вотъ на денькахъ вернется сыночекъ изъ Питера... обучается тамъ наукамъ... и тогды ужъ онъ заживетъ бариномъ и успокоитъ старика!" Всѣ съ жалостью качали головами, слушая его.

Н. Наумовъ.

ГИМНЪ КРАСОТѢ.

1.

Пойте гимнъ красотѣ!
Выше лживаго, мелкаго, пошлаго
Возноситесь надъ сумракомъ прошлаго, —
Вдаль отъ темной земли, ближе къ свѣтлой мечтѣ...

2.

Пойте гимнъ красотѣ!
Позабудьте о буряхъ судьбы тяготѣющей, —
Подъ незыблемымъ кровомъ лазури нетлѣющей
Позабудьте о тлѣнной земной суетѣ!..

3.

Пойте гимнъ красотѣ!
Лишь одна красота безконечная,
Прежде міра созда̀нная, вѣчная
Озаряетъ пути нашихъ чувствъ нищетѣ...

4.

Пойте гимнъ красотѣ, —
И во дни темной прозы безсилія
Всюду алыя розы и бѣлыя лиліи
Расцвѣтутъ передъ вами въ глухой темнотѣ..

5.

Пойте гимнъ красотѣ!
Смерть не ждетъ, смерть не ждетъ безпощадная,
Словно коршунъ надъ жертвою, жадная...
Жизнь встаетъ въ безобразной своей наготѣ...

6.

Пойте гимнъ красотѣ!
Пусть объято кругомъ все туманами, —
Воскресаетъ она, истомленная ранами
Нашихъ думъ роковыхъ, — воскресаетъ во всей чистотѣ..
Пойте гимнъ красотѣ, красотѣ!..

Аполлонъ Коринфскій.

ДЯДЮШКА.

(Пасхальная рапсодія).

Какъ-разъ передъ самой Святой, студентъ 4-го курса медицинскаго факультета Александръ Ѳедоровичъ Струтицкій получилъ отъ дяди письмо, приглашавшее его провести Святую на югѣ, въ деревнѣ.

„У васъ, въ Москвѣ, еще зима,—писалъ дядя,— а у насъ лѣто... Не жалѣй денегъ, пріѣзжай. Не забудь захватить и лекціи: у насъ подзубришь, что нужно,—я знаю, что теперь у вашего брата экзамены на носу. Кстати, есть и новинка...“

— Что-же-бы это могло быть? — подумалъ Струтицкій.—Вѣрно, старый нашелъ какую-нибудь кость, или старый черепъ, и этимъ думаетъ мнѣ доставить удовольствіе... Впрочемъ, не въ этомъ дѣло, есть поважнѣе вопросъ: ѣхать ли, вообще, или не ѣхать? Если ѣхать, значитъ—вся Святая пропала, зубрить ужъ некогда будетъ; если не ѣхать, буду, пожалуй каяться, что не поѣхалъ... Задача, чортъ возьми! И дернуло стараго приглашать въ такую пору! Взбаломутилъ только, бестія... Э, да все равно! Экзамены не уйдутъ: не выдержать нѣтъ шансовъ: работалъ круглый годъ... Значитъ, ѣду!..

— Мавра!—кричалъ онъ черезъ десять минутъ.—Тащи съ чердака чемоданъ, да бѣги къ прачкѣ. Скажи, чтобы скорѣе бѣлье давала...

Ясное весеннее солнышко ярко освѣщало каменный помѣщичій домъ и зеленымъ бархатомъ разливалось по едва распустившемуся, но уже расцвѣтшему и расчищенному, старому барскому саду, примыкавшему къ самому дому.

Все оживало, все распускалось, все говорило о веснѣ...

Въ то время, когда у полевой, выходившей на дорогу, калитки сада остановилась коляска и изъ нея вышелъ Струтицкій, изъ открытаго окна дома, звучно вторя пѣснямъ пташекъ, неслись чудные звуки рояля, волшебно замирая въ весеннемъ, влажномъ воздухѣ. Струтицій тихо побрелъ по саду, по направленію къ дому: прошелъ по одной, по другой, по третьей аллеѣ, всюду заглядывая и узнавая знакомыя мѣста. Это были—его родовой садъ, его родовой домъ. Въ немъ онъ родился, росъ до поступленія въ гимназію, былъ его хозяиномъ: дядя изъ „родственной любезности“ управлялъ всѣмъ его имѣніемъ послѣ смерти отца.

Дядя былъ въ высшей степени честный и добрый человѣкъ. Окончилъ онъ курсъ въ Петровской Академіи—какъ-разъ въ то время, когда у его брата родился герой нашего разсказа, Александръ, и началъ колесить Россію, примѣняя то тутъ, то тамъ свои „хозяйственныя“ познанія, пока со смертью брата не сдѣлался управляющимъ надъ имѣніемъ племянника.

Мать Струтицкаго умерла черезъ годъ послѣ смерти мужа; юнецъ остался на попеченіи дядюшки. Начиная съ третьяго класса гимназіи и до 4-го курса медицинскаго факультета, Александръ не получалъ отъ него иныхъ писемъ, какъ слѣдующаго содержанія:

„Милостивый государь! Препровождаю при семъ годовой вашъ окладъ, 800 рублей сер., съ вашего имѣнія. При семъ увѣдомляю, что въ конторѣ вашей денегъ болѣе не имѣется. Въ случаѣ-же особой надобности, не ранѣе, какъ черезъ два мѣсяца, могу выслать еще 100 рублей. Урожаи незавидны. Остальное все хорошо.

Вашъ дядя — Николай Струтицкій.

PS. А ты, дуракъ, не шелопайничай, и учись... Знаю я вашу братію, студентовъ!..“

Сколько разъ Струтицкій-племянникъ ни спрашивалъ дядю, почему это въ конторѣ имѣнія, приносившаго прежде 15 тысячъ въ годъ, теперь болѣе 800 рублей никогда не имѣется, — онъ получалъ всегда одинъ и тотъ-же отвѣтъ:

„На письмахъ объясняться не намѣренъ, но отчетъ во всякое время отдать могу по чистой совѣсти. А ты, дуракъ, учись... Знаю я вашу братію, студентовъ!..“

Струтицкій слишкомъ вѣрилъ въ своего дядю, и потому на томъ всѣ расчеты и кончались. Въ

Н. А. Сергѣевъ.

Мой любимый уголокъ.

письмахъ дядя и племянникъ ругались иногда нещадно, превосходно сознавая, что это отнюдь не мѣшаетъ имъ искренно любить другъ друга. Дядя уважалъ племянника-медика, племянникъ дядю-петровца.

Весело шелъ молодой Струтицкій по саду, заглядывая то въ одну, то въ другую аллею и всюду находя знакомые предметы.

— „Этотъ орѣхъ садила моя мать,—думалъ онъ,—эту акацію она же; за этой черешней ухаживалъ мой отецъ, а это деревцо... посадилъ я самъ... И какъ это все выросло!..“

Незамѣтно для себя самого, онъ подошелъ къ дому и, услышавъ звуки рояля, вдругъ остановился.

— Кто-же это? — почти вслухъ сказалъ онъ. Что это — гости? Неужели старый вздумалъ... Этого еще не доставало!.. Или ужъ... самъ онъ не обзавелся ли... Ахъ, чортъ возьми!..

Съ этими словами онъ остановился, точно замеръ на мѣстѣ, и сталъ прислушиваться.

— Кой дьяволъ! Да вѣдь это Шопенъ!—бормоталъ онъ:—кто-же играетъ? Старый не писалъ ничего...

И онъ продолжалъ прислушиваться. Звуки замолкли.

— Чортъ возьми! — заговорилъ Струтицкій, какъ бы отряхиваясь отъ чувства, навѣяннаго на него музыкой.—Гм! Что-бы это значило? Я никого изъ его знакомыхъ не знаю... Ужъ не это-ли „новинка“?..

Онъ подошелъ къ дому настолько уже близко, что въ одно и то-же время разслышалъ и какъ-то нервно брошенный послѣдній аккордъ, и стукъ въѣзжавшаго во дворъ, по ту сторону дома, экипажа. Но онъ не торопился входить, тщательно оглядывая и фасадъ дома, и куртинки, расположенныя около него, и окно, изъ котораго за минуту неслись звуки рояля.

Въ это время на порогѣ дома показался пожилой мужчина въ сопровожденіи молодой дѣвушки, одѣтой въ легкій лѣтній костюмъ, и привѣтственно протянулъ руки къ Струтицкому.

— Дядя!—закричалъ тотъ радостно.

— Да, дядя! Ахъ, скотинка ты этакая! Мы тебя ждемъ уже третьи сутки, всѣ глаза на тебя, идіота, проглядѣли, а ты...

Струтицкій расцѣловалъ дядю, обнялъ и еще разъ поцѣловалъ его въ глаза, въ щеки и въ верхнюю часть лысаго лба.

— Полно, старый, не ругайся! Здравствуй!—отвѣтилъ онъ.

— Здравствуй-то здравствуй, а ты—свинья!

Дядя и племянникъ поглядѣли другъ другу въ глаза и засмѣялись.

Молодая дѣвушка стояла все время позади старика и зорко, открыто смотрѣла на юношу. Тотъ мелькомъ замѣтилъ это.

— Вотъ что, дядюшка, браниться-то и я умѣю,—сказалъ Александръ съ добродушной улыбкой, — а ты лучше представь меня... Видишь, барышня стоитъ за твоей горбатой спиной и не знаетъ, съ кѣмъ ты говоришь?

— Ну, на этотъ счетъ можешь быть совершенно покоенъ. Она тебя лучше знаетъ, чѣмъ ты думаешь...

— Такъ изъ приличія представь, старый!

Дядя мелькомъ взглянулъ на дѣвушку и на племянника.

— Васъ-то представлять другъ другу!? И сами представитесь,—сказалъ онъ.

— Ну, ладно, такъ пропусти хоть въ комнату!

— Экой прыткой! суешься куда не слѣдуетъ,—отвѣтилъ дядя.—Ты похристосуйся сначала, а потомъ и лѣзь въ хату. На Святую недѣлю пріѣхалъ, долженъ христосоваться.

Дядя протянулъ къ племяннику губы и поцѣловался съ нимъ.

— А теперь съ нею христосуйся,—сказалъ онъ, указывая на дѣвушку.

Струтицкій сдѣлалъ легкое движеніе назадъ.

— Полно, полно, цѣлуйтесь! — уговаривалъ дядя, подводя племянника и подталкивая дѣвушку.—Теперь свѣтлый праздникъ. Цѣлуйтесь, пока можно, потомъ ужъ поздно будетъ,—заключилъ онъ съ лукавой улыбкой.

— Уйди ты! — отстранилъ его руку племянникъ.—Представь сначала, а потомъ уже и заставляй христосоваться. Эхъ, ты, деревенщина!

— А, молокососъ! Теперь ты сталъ ругаться!—засмѣялся дядя.—Пріѣхалъ въ деревню, такъ и держись деревенскихъ порядковъ. Городскихъ незачѣмъ заводить. Ну, да Богъ съ тобой. Будь по твоему! Сонюшка,—обернулся онъ къ дѣвушкѣ,—иди, похристосуйся съ нимъ... Видишь, какой онъ у меня упрямый.

Молодая дѣвушка подвинулась на шагъ и остановилась, не зная, подойти или нѣтъ.

— Подходи и ты,—обернулся онъ къ племяннику.—Не кобенься... Ну?

Струтицкій не двигался съ мѣста и улыбался.

— Представь, тогда подойду,—сказалъ онъ

— Да на кой тебѣ чортъ представляться, когда и безъ того похристосоваться можно? Этакій проклятый народъ: что сказалъ—такъ хоть тресни. Ну, чортъ съ тобой, снимай шляпу и представляйся

Дядя отступилъ на шагъ въ бокъ и открылъ племяннику дорогу. Дѣвушка глядѣла яснымъ взглядомъ на молодого человѣка. Тотъ тоже какъ-то насмѣшливо разсматривалъ ее.

— Вотъ тебѣ, матушка,—началъ дядя:—Александръ Ѳедоровичъ Струтицкій, мой племянникъ и большой дуракъ, какъ видишь, а это...

— Спасибо за лестный отзывъ, дядюшка,—прервалъ Струтицкій.

— Неначѣмъ, племянничекъ. Самъ заслужилъ. А это,—обратился онъ къ нему,—Софья Кондратьевна Николенко. Имѣю честь представить. Ну, теперь цѣлуйтесь. Христосъ Воскресе!..

Струтицкій улыбнулся и пожалъ руку молодой дѣвушкѣ.

— Она моя невѣста,—добавилъ дядюшка,—твоя будущая тетушка. Теперь цѣлуйся, упрямецъ... Не хочешь? Такъ хоть ты, Сонюшка, пристыди его.

Молодая дѣвушка слегка покраснѣла, опустила глаза, но потомъ вдругъ подняла ихъ, посмотрѣла на Струтицкаго, подошла къ нему, обвила его шею руками и поцѣловала въ губы со словами:

— Христосъ воскресе, будущій племянникъ!

— Вотъ это такъ!—закричалъ дядя.—Молодецъ, Соня! Пристыдила.

— И вы не отвѣчаете мнѣ?—засмѣялась дѣвушка.— Вы не хотите сказать мнѣ: „во истину воскресе“? Развѣ я не стою отвѣта?

Дядюшка взглянулъ на нее.

— Полно, Сонюшка, не стоитъ онъ того, чтобы ты на него сердилась. Сама знаешь—университетская косточка...

Она успокоилась и улыбнулась.

— Правда? — спросила она Струтицкаго.—Правда, что на васъ не стоитъ сердиться?

Онъ молчалъ.

— Опять не отвѣчаете?! Ну, хорошо же! Все-таки, рано или поздно, а вы мнѣ отвѣтите! Помните это!

Струтицкій посмотрѣлъ на нее и громко засмѣялся.

— Посмотримъ,—весело сказалъ онъ.

— А вотъ увидите,—задорно отвѣтила она и взяла его подъ руку.—Идемте въ домъ, племянничекъ...

Черезъ три часа послѣ пріѣзда Струтицкій, успѣвшій уже выспаться съ дороги, отправился въ садъ. Въ сосѣдней комнатѣ, на старинной дѣдовской софѣ, сидѣла Софья Кондратьевна, что-то читая. Увидѣвъ его, она подняла глаза, но не двинулась съ мѣста.

— А, вотъ и вы!—сказала она.—Куда это васъ несетъ?

— Въ садъ иду.

— А не ко мнѣ?

— А къ вамъ-то мнѣ зачѣмъ идти? — улыбнулся Александръ.

— Долгъ отдать. За вами „во истину воскресе“...

— А вы-таки думаете получить съ меня этотъ должокъ?

— Непремѣнно. Вѣдь я дала слово.

— Посмотримъ. Что вы читаете?

Она, вмѣсто отвѣта, подала ему книгу. Онъ прочелъ заглавіе и удивленно посмотрѣлъ на нее.

— Это вы читаете, или только перелистываете?—спросилъ онъ.

— Читаю. А что?

— И понимаете?

— Не все, но понимаю...

Онъ возвратилъ книгу и покачалъ сомнительно головою.

— Да вѣдь это не романъ какой-нибудь, тетушка будущая, а философія Канта!

— Ну, такъ что-же?

— И вы все это читаете, осмысливаете?

— Да.

— Странно...

— Что-же васъ удивляетъ? обидѣлась она.

— А то, что намъ-бы съ вами не Канта, а „Рокамболя“ читать...

Она обидѣлась еще болѣе.

— Почему-же это?

— А потому, что до философіи мы съ вами еще не доросли.

— Откуда вы все это знаете?—спросила она, вспыхнувъ.—Говорить такъ, значитъ уже a priori отрицать развитіе...

Онъ разсмѣялся.

— Что? Что? Вы сказали: *a priori*... Откуда

у васъ это словцо? Во-на! Какимъ мы порохомъ стрѣляемъ! *A priori*... И это въ деревнѣ-то! Странныя времена! Ѣдешь въ деревню, въ захолустье, думаешь встрѣтить простоту нравовъ, самый незатѣйливый языкъ, и вдругъ въ тебя съ перваго-же момента выпаливаютъ: „a priori...“ Откуда это у васъ, тетушка? На курсахъ вы не были?

— Была... три года... А вы—грубіянъ...

— Такъ вотъ откуда вѣтеръ вѣетъ!—свиснулъ Струтицкій. — Вы... на курсахъ были! Ну, не удивительно, что вы и Канта читаете! Я знаю двухъ юныхъ дамъ, которыя на Спинозѣ глаза себѣ испортили, для того только, чтобы сказать, что онѣ Спинозу читали.

— Послушайте, вы... невѣжа! Вы мнѣ говорите незаслуженныя дерзости. Извиняйтесь!

— Гм!...

— Вы не знаете меня, не имѣете ни малѣйшаго понятія о моемъ развитіи и глумитесь надо мною за то только, что видите у меня въ рукахъ, вмѣсто поваренной книги, философію Канта! Вѣдь это даже недостойно мужчины!..

— Но вѣдь вы ни чорта изъ нея не понимаете, изъ философіи-то этой?

— А узнайте сначала, а потомъ и глумитесь! Правду дядюшка говоритъ о васъ, что вы—университетская... косточка. Извиняйтесь!

— Когда увижу, что вы что-нибудь смыслите, тогда и извинюсь.

— Ну, то-то. Давайте лучше сначала узнаемъ другъ друга, а потомъ ужъ и будемъ судить.

— Т.-е. безъ a prior'ныхъ сужденій?—улыбнулся онъ.

— Ну, да. Posterior'ныя всегда вѣрнѣе!

— Ну, такъ и по рукамъ!

Она протянула ему со смѣхомъ руку. Онъ пожалъ ее.

— Эхъ, ребята, перемелется, мука будетъ!—раздался голосъ дяди, входившаго въ комнату.

Струтицкій и Софья вздрогнули, какъ пойманные на шалости ребята.

— Ты о чемъ поешь, старый?—спросилъ дядю Струтицкій.

— О новомъ плугѣ, будь онъ неладенъ!—озабоченно отвѣчалъ дядюшка.—Не по русской землѣ эти нѣмецкія выдумки!.. Рабочіе и понять-то его не могутъ. Ну, да Богъ съ нимъ!.. Пообѣдать-бы пора. Скоро четыре...

На другой день дядюшка рано разбудилъ племянника и повелъ его показать хозяйство и работы, безъ устали водя его съ одного мѣста на другое и снабжая самыми подробными наставленіями относительно того или другого хозяйственнаго распоряженія. Струтицкій сначала слушалъ внимательно, но потомъ началъ мало-по-малу позѣвывать и, наконецъ, зѣвнулъ такъ, что дядюшка воскликнулъ:

— Да ты совсѣмъ спишь, ученая бестія?!

— Не сплю, а скучно...

— Какой-же изъ тебя хозяинъ выйдетъ?

— Такъ-то такъ, но...

— Но вѣдь не всегда-же у тебя, идіотъ, управляющій будетъ...

— Нѣтъ, старый хрычъ, всегда.

— Какъ?—испугался дядюшка:—да вѣдь тебя ограбятъ...

— Ограбятъ, или нѣтъ, это ихъ дѣло...

— Что? Что?

— По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ мой управляющій ничего не грабилъ. Онъ ежегодно высылалъ мнѣ 800 рублей и—„нѣтъ больше денегъ въ конторѣ“—очень аккуратно...

Дядюшка осклабился.

— И этого управляющаго я цѣню на вѣсъ золота, и не прогоню до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не уйдетъ. Согласись, старый колпакъ, что при такомъ человѣкѣ мнѣ самому заниматься хозяйствомъ незачѣмъ...

— Да вѣдь такихъ-то людей немного,—какъ-то задумчиво отвѣтилъ дядюшка. — Твой-то, того и гляди, умретъ...

— Не умретъ. Годикъ навѣрное протянетъ, а черезъ годъ я—полный медикъ. Значитъ, ему гарантированы маѳусаиловы годы: свой докторъ. Не дамъ умереть. Значитъ, мои 800 рублей мнѣ гарантированы. А больше мнѣ и не нужно.

— Будто?

— Право! Кончу курсъ, начнется практика, тогда я и безъ имѣнія проживу.

Дядя засмѣялся тихимъ, добрымъ смѣхомъ.

Южное солнышко совсѣмъ уже зашло за горизонтъ и только сильными, косыми лучами ударяло въ вечернія облака и золотило ихъ края, когда дядя вернулся съ поля и, сдѣлавъ кое-какія распоряженія по хозяйству, двинулся въ садъ. Медленно и спокойно проходилъ онъ дорожки,

одну за другою. Ему навстрѣчу щебетали засыпающія пташки, но онъ не обращалъ на нихъ вниманія и шелъ, все улыбаясь, до самой бесѣдки. Тутъ онъ остановился и улыбнулся еще шире. Въ открытую дверь бесѣдки онъ увидѣлъ, что племянникъ сидѣлъ на скамьѣ, рядомъ съ Софьей и говорилъ ей:

— Вы развитая дѣвушка, вы были на курсахъ, скажите мнѣ по совѣсти: за какія блага вы полюбили этого стараго дурака, моего дядюшку?

— А тебѣ, племянничекъ, до этого ни малѣйшаго нѣтъ дѣла,— отвѣчалъ за нее дядюшка, добродушно улыбаясь и входя въ бесѣдку. — Ишь, какой вопросъ задалъ! Эхъ, ты, университетская дубинушка! Спрашиваетъ дѣвушку о такихъ вещахъ. Подвинься-ка, дай мнѣ мѣстечко.

— А я, дядя, — заговорила Софья, когда онъ усѣлся, — все хочу, чтобы онъ отвѣтилъ мнѣ „во истину воскресе".

— Ну, что же, доброе дѣло!

— А если онъ не захочетъ?

— Дѣло твое. А по моему, онъ—дуракъ.

— Да что ты, старая тыква, зарядилъ одно и то же: дуракъ, дуракъ... Скажи что-нибудь поновѣе,—вступился племянникъ.

— Такая ужъ у меня поговорка, пріятель. Коли кто дуракъ, никогда умнымъ не назову.

— Развѣ такъ. А дуракъ-то вѣдь ты...

— Какъ такъ?

— А такъ. Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро. Понялъ?

— Нѣтъ, не понялъ. Куда намъ, дуракамъ. Софьюшка, поди, распорядись объ ужинѣ.

Молодая дѣвушка ушла.

— То-то, догадался, старый! Усдалъ! Говори мнѣ теперь, что́ она такое?

— Кто она? Софья?

— Да.

— Моя невѣста; хорошаго роду-племени, безъ приданаго, сирота, образована, была на курсахъ, знаетъ философію...

— Ну, о философіи-то ты мнѣ не толкуй. Самъ извѣдалъ ея философію. А ты мнѣ вотъ что́ скажи, сколько тебѣ лѣтъ?

— Сколько лѣтъ? Мнѣ 43. Я, братъ, ровесникъ твоему отцу.

— И ты все еще соловьиныя пѣсни слушаешь?

— Какъ такъ?

— А вотъ какъ. Ей, твоей невѣстѣ, сколько лѣтъ?

— Ей съ семнадцати на осьмнадцатый...

— А ты, старикъ, и слушаешь, какъ воркуетъ юная голубка? И радъ, что въ твои старыя уши входитъ дѣтскій лепетъ? Ахъ, ты дуракъ, дуракъ...

— Не ругайся, племянникъ, она сирота. Я съ своимъ именемъ даю ей состояніе. Я обезпечиваю ее.

— Сколько же ты ей дать можешь?—спросилъ Струтицкій съ насмѣшкой.

— Сколько? Столько же, сколько и ты. У тебя теперь за восемь лѣтъ накоплено въ банкѣ сто двадцать тысячъ, да въ процентныхъ бумагахъ двадцать двѣ тысячи, изъ которыхъ ты получаешь свои 800 рублей. Теперь ты видишь, какая цифра вышла изъ „въ конторѣ болѣе денегъ не имѣется"? Такую же сумму могу... дать ей... и я.

— Ты?

— Да, я. А впрочемъ... это не твое дѣло.

— А любитъ она тебя? спросилъ ты ее объ этомъ, предлагая ей свою руку?

— А это спроси самъ у нея.

Миновали пасхальная и Ѳомина недѣли. Струтицкому пришла пора ѣхать въ Москву. Но онъ не спѣшилъ и оставался въ имѣніи, съ удовольствіемъ наблюдая Софью и проводя съ нею въ бесѣдкѣ цѣлые часы. Онъ говорилъ съ нею обо всемъ, что только самъ зналъ, и всякій разъ находилъ готовый отвѣтъ. И этотъ отвѣтъ былъ правдивъ и вѣренъ. Ясно было, что она много читала, многому училась и очень много знала. Поэтому онъ часто долго засиживался съ нею въ саду и разставался только тогда, когда въ дверяхъ бесѣдки появлялся дядюшка и возглашалъ:

— Дѣтки, по домамъ пора!..

Струтицкій подавалъ руку будущей тетушкѣ, и они втроемъ уходили въ домъ.

Разъ Струтицкій спросилъ дядюшку:

— Ну, на кой чортъ ты, старый, женишься на юной овечкѣ? Отдай ее мнѣ...

— Гм!

На томъ разговоръ и кончился.

Въ одинъ прекрасный вечеръ Струтицкій объявилъ передъ ужиномъ, что онъ завтра ѣдетъ и посмотрѣлъ на Софью.

— Туда тебѣ и дорога,—сказалъ дядя.—Поѣзжай, держи свои экзамены.

— Съ Богомъ, уѣзжайте, коли надо!—съ дрожью въ голосѣ сказала Софи.

На другой день Софья исчезла. Струтицкій былъ страшно встревоженъ и метался изъ угла въ уголъ. Прислуга тоже бѣгала изъ одной комнаты въ другую. Одинъ только дядя былъ видимо спокоенъ. Онъ не искалъ и не бѣгалъ, но какая-то глубокая дума легла на его лицо.

Послѣ завтрака Струтицкому подали коляску, которая должна была отвезти его на станцію желѣзной дороги. Лишь-только щелканье рессоръ раздалось у крыльца, дядюшка отвернулся къ окну и сталъ смотрѣть куда-то въ даль. Струтицкій собралъ свои чемоданы.

— Прощай, старый тетеревъ,—обратился онъ къ дядѣ, не оборачиваясь.—Спасибо.

— Прощай, идіотъ. Будь здоровъ.

— Ничего на дорогу не скажешь?

— На дорогу? Пожалуй, скажу. Найдешь золото, не бросай его.

— А не обнимешь?

— Ѣзжай съ Богомъ, пиши почаще. А впрочемъ, иди... обниму.

Дядя подошелъ къ племяннику, крѣпко обнялъ его и поспѣшно отошелъ, махнувши рукой.

— Ѣзжай, идіотъ, ради Бога. Не отравляй своимъ присутствіемъ моей жизни,—сказалъ онъ.

Струтицкій уѣхалъ.

Когда онъ проѣзжалъ черезъ лѣсокъ, изъ-за деревьевъ выбѣжала Софи. Кучеръ остановилъ лошадей и началъ рыться за пазухой.

— Софи!?—удивился Струтицкій.

— Вы уѣзжаете? Ты уѣзжаешь? Я цѣлый день ждала тебя...

Онъ посмотрѣлъ на нее секунду, другую и взялъ за руку. Она ждала.

— Но дядя.. —сказалъ онъ:—Мы вѣдь этимъ убьемъ его...

Оба грустно молчали. Въ это время кучеръ протянулъ имъ письмо, вынутое изъ-за пазухи:

— Баринъ велѣли при барышнѣ отдать,—сказалъ онъ.

— Кому? Мнѣ?

— Вамъ съ барышней...

Струтицкій и Софья переглянулись: *онъ* предугадалъ все...

Сорвать конвертъ было дѣломъ одной минуты.

„Софи любитъ тебя, ты любишь ее. Сдѣлай ее счастливою. Вещи ея съ твоими. Деньги вышлю немедленно. Будьте счастливы. Твой дядя“.

— Трогай!—крикнулъ кучеру Струтицкій и повернулся къ Софьѣ. — Ну, теперь — „*во истину воскресе*“!—сказалъ онъ и поцѣловалъ ее.

Это видѣлъ изъ окна второго этажа старый дядюшка. Онъ провелъ рукой по глазамъ и перекрестилъ удалявшихся.

А. Сѣдой (Ал. Чеховъ).

* * *

...Поздній часъ. Корабль и тихъ, и теменъ.
Слабо плещутъ волны за кормой.
Звѣздный свѣтъ и океанъ зеркальный—
Царство этой ночи неземной.

Въ царствѣ безграничнаго молчанья,
Въ тишинѣ глубокой сторожатъ
Часъ полночный звѣзды надъ морями
И въ моряхъ таинственно дрожатъ.

Южный Крестъ сіяетъ дивнымъ блескомъ,
Въ душу льетъ свой тихій свѣтъ ночной—
И душа полна одною чистой
Красотою ночи неземной...

Ив. Бунинъ.

ШКОЛЬНЫЙ РУЧНОЙ ТРУДЪ

И УЧАСТІЕ ЖЕНЩИНЪ ВЪ ЕГО РАЗВИТІИ.

Идея гармоническаго воспитанія души и тѣла проходитъ красной нитью чрезъ всю исторію новѣйшей педагогики, но ея осуществленіе на практикѣ, въ семьѣ и школѣ, начинаетъ проявляться серіозно и непрерывно лишь за послѣднія 40—50 лѣтъ. Это стремленіе выразилось введеніемъ въ школу гимнастики и ручного труда. Однако, изъ этого нельзя дѣлать выводъ, что названные два предмета восполняютъ лишь пробѣлъ развитія однѣхъ физическихъ силъ и способностей; они не въ меньшей мѣрѣ имѣютъ, и прежде всего, большое педагогическое, воспитательное значеніе. Это послѣднее значеніе присуще въ особенности ручному труду, подъ которымъ въ настоящее время понимаются практическія работы, производимыя дѣтьми систематически въ классныхъ помѣщеніяхъ или же въ особыхъ школьныхъ мастерскихъ. Предметомъ занятій служатъ работы изъ бумаги и картона, глины, дерева и металла, расположенныя по степени трудности для возраста отъ 7 до 15 лѣтъ. Первою ступенью ихъ являются фрёбелевскія занятія и работы.

Значеніе ручного труда, въ противоположность книжному ученію, выражается прежде всего тѣмъ, что при обученіи ему сосредоточивается вниманіе дѣтей на реальныхъ предметахъ, понятія основываются на дѣйствительномъ, активномъ наблюденіи, а сужденія—на активномъ сравненіи. Все, что дѣти усваиваютъ, они усваиваютъ наглядно на самомъ дѣлѣ. Такой способъ изученія лучше всего соотвѣтствуетъ дѣтскому пониманію и естественному ходу знакомства съ окружающими предметами, ихъ свойствами и соотношеніями; при этомъ въ дѣтяхъ удовлетворяется врожденное стремленіе къ дѣятельности и творчеству и развивается воля, характеръ. Кромѣ того, посредствомъ систематическихъ ручныхъ работъ въ раннемъ возрастѣ, очень воспріимчивомъ, развиваются руки и глаза —эти самые совершенные и драгоцѣнные наши органы, на воспитаніе которыхъ не обращалось прежде должнаго вниманія; но при этомъ работа названныхъ органовъ совершается въ полномъ согласіи съ работой мозга, получающаго непрестанные импульсы къ дальнѣйшему развитію. Далѣе, дѣти, изготовляя разнообразные предметы игрушечные, домашняго и школьнаго обихода, разбираютъ и наблюдаютъ какъ формы и конструкцію цѣлыхъ предметовъ и частей, такъ равно вычерчиваютъ и воспроизводятъ ихъ,—это, безъ сомнѣнія, даетъ основаніе, и притомъ прочное, для развитія въ нихъ прирожденнаго чувства красоты. Наконецъ, практическія занятія ручного труда требуютъ опредѣленнаго счета и точныхъ размѣровъ, по всѣмъ тремъ измѣреніямъ, что́ устанавляетъ тѣсную связь между ариѳметикой, геометріей и ручнымъ трудомъ; параллельно съ этимъ на задачахъ ручного труда выясняется практически и цѣлый рядъ основныхъ понятій изъ физики. Только-что сказаннаго вполнѣ достаточно, чтобы признать за ручнымъ трудомъ не только связь, но и опредѣленное вліяніе на изученіе остальныхъ предметовъ общеобразовательнаго курса. Поэтому, болѣе совершенныя, современныя начальныя школы обязательно включили въ кругъ своихъ предметовъ обученія и воспитанія ручной трудъ.

Развитіе и распространеніе дѣла обученія ручному труду въ общеобразовательной школѣ находится въ тѣсной связи съ развитіемъ жизни общественной у различныхъ народовъ. Какъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія стало у нихъ сказываться усиленное вниманіе и уваженіе къ тѣлеснымъ упражненіямъ подъ вліяніемъ развитія національнаго самосознанія и готовившагося объединенія родственныхъ группъ, такъ во второй половинѣ истекающаго столѣтія, подъ вліяніемъ сильно развившейся промышленной жизни въ различныхъ государствахъ, явилось настойчивое стремленіе къ введенію въ школу ручного труда. Почти всѣ народы и государства прилагаютъ большія усилія къ тому, чтобы ввести этотъ предметъ въ свои начальныя школы, исходя изъ того убѣжденія, что необходимо подготовлять въ настоящее время не только однѣ арміи военныя, но и арміи хорошихъ рабочихъ. Подготовка же эта достижима только однимъ средствомъ: введе-

ніемъ въ курсъ народной школы систематическаго и широкаго обученія ручному труду на всѣхъ его ступеняхъ. Этимъ путемъ школа лучше удовлетворитъ требованіямъ реальной жизни и когда ученики покинутъ свои книги и тетради, берясь взамѣнъ ихъ, за орудія и инструменты труда, то перемѣна эта не будетъ такъ внезапна и страшна, какъ для учениковъ односторонней подготовки.

Но нужно оговориться, что обученіе ручному труду, при правильномъ веденіи, вовсе не преслѣдуетъ какія-либо непосредственныя ремесленныя и профессіональныя цѣли. Оно ведется не мастеромъ-ремесленникомъ, а учителями и учительницами, которые руководятъ остальнымъ обученіемъ. Занятія ручнымъ трудомъ, однако, не исключаютъ безусловно ремесленныхъ и профессіональныхъ цѣлей, такъ какъ они знакомятъ дѣтей съ *общими* ручными навыками, съ употребленіемъ важнѣйшихъ инструментовъ разныхъ ремеслъ.

Окидывая мысленнымъ взоромъ все сдѣланное по введенію и обученію ручного труда въ школахъ различныхъ государствъ и народовъ, мы замѣчаемъ всюду кипучую дѣятельность. Не входя здѣсь въ подробное изложеніе достигнутаго въ различныхъ странахъ [1]), укажемъ только на то, что шире и основательнѣе этотъ предметъ поставленъ въ Финляндіи и во Франціи, гдѣ обученіе ручному труду *обязательно* для учениковъ всѣхъ учительскихъ семинарій и начальныхъ школъ. За ними по количеству школъ слѣдуютъ государства въ слѣдующемъ порядкѣ: Швеція, Германія, Россія, Англія, Сѣверо-Американскіе Соед. Шт., Австрія, Италія, Швейцарія, Бельгія и др. государства. Словомъ, трудно указать теперь государство, въ которомъ бы не осуществлялся практически этотъ вопросъ современнаго воспитанія.

Методически лучше всего разработаны теперь программы труда для дѣтей 12—16 лѣтняго возраста, и слабѣе программы для возраста отъ 7—12 лѣтъ. Участіе въ обученіи ручному труду дѣтей младшаго возраста принимали всегда и особенно въ настоящее время женщины, матери и учительницы. Такъ самыми усердными и убѣжденными ученицами и послѣдовательницами Фребеля въ дѣлѣ устройства и веденія имъ дѣтскихъ садовъ были женщины. Вообще все, что касается обученія и воспитанія подрастающихъ поколѣній, глубоко заинтересовываетъ женщину, которая, по природѣ своей, есть главнымъ образомъ воспитательница. Это подтверждается тѣмъ фактомъ, что очень значительную долю учащаго персонала въ школахъ всѣхъ странъ составляютъ въ настоящее время учительницы. И когда явился вопросъ объ обученіи въ общеобразовательныхъ школахъ ручному труду и выяснилось все его важное воспитательное и практическое значеніе, то воспитательницы и учительницы стали принимать дѣятельное участіе во временныхъ курсахъ, которые имѣли цѣлью подготовку учителей къ обученію ручному труду.

Впервые женщины стали участвовать въ курсахъ Клаусонъ-Кааса въ Даніи, Германіи и въ нашемъ Прибалтійскомъ краѣ, а нѣсколько позднѣе—въ Нэсской учительской семинаріи ручного труда и въ Лейпцигской. Наибольшее число учительницъ и почти всѣхъ главнѣйшихъ народностей подготовлено къ обученію ручному труду именно въ Нэсской учительской семинаріи (въ Швеціи). Въ ней, съ ея основанія, окончило курсъ ручного труда 3,000 лицъ и въ томъ числѣ *750 учительницъ*, т.-е какъ разъ четверть всего числа. Лѣтомъ этого года, когда я лично посѣтилъ это заведеніе, гдѣ происходили 78-е курсы, въ нихъ участвовало около 60 учительницъ (всего было 120 лицъ) девяти различныхъ національностей. Можно безъ преувеличенія сказать, что всюду, гдѣ устраивались курсы ручного труда, наблюдается въ нихъ участіе также и женщинъ. У насъ въ Россіи многія учительницы также обучаютъ мальчиковъ въ школахъ педагогическому ручному труду. Подготовку по сему предмету онѣ получили либо въ Нэсской и Лейпцигской учительскихъ семинаріяхъ, либо въ Россіи на курсахъ. Такъ, напримѣръ, въ С.-Петербургѣ въ каникулярное время Спб. Совѣтомъ дѣтскихъ пріютовъ Вѣд. Учр. Имп. Маріи были устроены подъ моимъ руководствомъ курсы ручного труда для помощницъ смотрительницъ этихъ заведеній, въ 1894, 1895 и 1896 гг. Подготовилось такимъ образомъ къ обученію ручному труду 40 женщинъ. Кромѣ того, въ устроенныхъ въ 1892 г. Томскихъ курсахъ участвовали также три учительницы. Не могу не засвидѣтельствовать здѣсь того впечатлѣнія, что учительницы относились съ искрен-

[1]) Подробное изложеніе значенія и исторіи ручного труда, современнаго состоянія и практической постановки см. въ моей книгѣ: „Ручной трудъ въ общеобразовательной школѣ“. СПб. 1894 г.

нимъ убѣжденіемъ и замѣчательнымъ усердіемъ и выдержкою къ изучаемому предмету. Позднѣе, наблюдая за обученіемъ ими въ школѣ мальчиковъ, приходится встрѣчать тоже безкорыстное отношеніе и при самыхъ неблагопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ постановки дѣла.

Но самъ собой является вопросъ: дѣло ли женщины обучать, напримѣръ, мальчиковъ начальнымъ работамъ по дереву? Вѣдь при нихъ приходится управлять топоромъ, пилой, стругомъ и др. имъ несвойственными инструментами,—однѣ и тѣ же руки, казалось-бы, не должны управлять иглой и спицами и орудіями столяра и плотника.

Да, это кажется такъ, но требованія практической жизни идутъ и развиваются неуклонно самостоятельнымъ путемъ. Женскій вопросъ сказывается и въ этомъ дѣлѣ. „Слабому" полу пусть не препятствуетъ „сильный" дѣлать то, что онъ *можетъ*. Къ тому же вопросъ объ обученіи ручному труду женщинами составляетъ для нихъ жизненный вопросъ и именно для тѣхъ учительницъ, которыя обучаютъ уже въ школахъ мальчиковъ. При настоятельной необходимости обучать ихъ также ручному труду нужно либо оставить учительницѣ школу и лишить себя средствъ къ жизни, либо изучить и руководить самой новымъ предметомъ. Какъ показали многочисленные опыты, дѣло это по силамъ женщинамъ. И странно было бы имъ не справиться съ работами, которыя посильны 12—15-лѣтнимъ мальчикамъ. Женщины, конечно, уступаютъ въ физической силѣ мужчинамъ, но это еще не значитъ, что во всѣхъ работахъ, требующихъ приложенія такой силы. Не слѣдуетъ забывать здѣсь, что выносятъ въ этомъ отношеніи крестьянки. Руководить занятіями ручного труда младшаго и средняго возраста мальчиковъ учительницамъ вполнѣ по силамъ. Встрѣчаются между ними и такія, которыя легко справляются и съ работами старшаго возраста. Такъ, напримѣръ, первыми учительскими курсами по шведской системѣ въ Финляндіи руководила съ успѣхомъ учительница Вѣра Ельтъ. Ей же принадлежитъ заслуга введенія въ Финляндскую школу болѣе совершеннаго метода обученія работамъ по дереву. Женщины и учительницы въ настоящее время не только обучаютъ, но и составили уже свои начальныя программы по обученію дѣтей работамъ изъ дерева. Такіе курсы выработаны той же финляндкой Ельтъ и шведской учительницей Ниманъ въ Готебургѣ.

Вотъ бѣглыя указанія того, какъ сказывается участіе женщинъ въ обученіи ручному труду дѣтей школьнаго возраста. Но нельзя здѣсь не указать особенно на то, что дѣло руководства практическими занятіями въ дѣтскихъ садахъ и материнскихъ школахъ всецѣло находится въ рукахъ женщинъ. Эти заведенія, замѣняющія воспитаніе въ семьѣ, пріобрѣтаютъ все большее и большее значеніе во всѣхъ государствахъ и въ особенности въ большихъ городахъ. Дѣятельность Фрёбелевскаго Общества и курсовъ въ Россіи, 15-лѣтіе существованія которыхъ было отпраздновано въ прошломъ году, у насъ достаточно извѣстно. Укажу здѣсь вкратцѣ лишь на самый яркій и выдающійся примѣръ трудовъ французскихъ женщинъ въ этой области воспитанія, на примѣръ, достойный подражанія со стороны русскихъ женщинъ, которымъ близки къ сердцу задачи лучшаго воспитанія нашихъ дѣтей. Имѣю я здѣсь въ виду французскія материнскія школы и веденіе въ нихъ воспитанія.

Весною с. г., знакомясь въ Парижѣ съ постановкой и веденіемъ преподаванія ручного труда въ его школахъ, я посѣтилъ также одну изъ лучшихъ материнскихъ школъ (école maternelle), которою руководитъ директрисса г-жа Дэпулли (Depoully). Въ школѣ этой 3 класса и въ каждомъ классѣ занимаются въ среднемъ около 50 дѣтей въ возрастѣ отъ 4 до 7 лѣтъ включительно (принимаются иногда дѣти и моложе). Занятія въ школѣ ведутся по системѣ и въ духѣ Фрёбеля, но въ послѣдній годъ обученія они принимаютъ постепенно характеръ школьный. Игры, пѣніе, разнообразныя занятія, рисованіе, чтеніе, письмо и счетъ чередуются незамѣтно, но согласно съ дѣтскимъ развитіемъ въ этомъ возрастѣ. Особенно меня поразило умѣлое веденіе учительницами работъ и рисованія.

Работы начинаются съ того, что маленькія дѣти,—мальчики и дѣвочки,—изготовляютъ изъ газетной бумаги куклы, цвѣты и разные др. предметы, облекая ихъ той или другой цвѣтной бумагой, затѣмъ параллельно идетъ лѣпка въ подражаніе окружающимъ ихъ или имъ знакомымъ предметамъ и, наконецъ, различныя вышиванья геометрическихъ фигуръ цвѣтнымъ гарусомъ. Далѣе, слѣдуютъ плетеніе и вырѣзываніе изъ разноцвѣтныхъ бумагъ и тонкаго картона. Рисованье ведется главнымъ образомъ на аспидныхъ доскахъ и подъ конецъ на бумагѣ. Рисуютъ предъ всѣмъ классомъ сами учительницы, придержи-

В. К. Соколовскій.

Армянскій базаръ.

ваясь два года тому назадъ принятой въ этихъ школахъ методы,—методы facot. Состоитъ онъ въ томъ, что вниманіе дѣтей не сосредоточивается на неинтересныхъ для нихъ геометрическихъ фигурахъ, а на простыхъ инструктивныхъ изображеніяхъ, понятныхъ дѣтямъ птичекъ, животныхъ, людей, деревъ, цвѣтовъ и ихъ сопоставленій; подъ конецъ тѣмъ же способомъ выясняются практически и главнѣйшія правила перспективы. Такъ, напримѣръ, въ самомъ началѣ рисуютъ летающую птицу, которая изображается горизонтальной линіей и дугой; свинья — прямоугольникомъ въ соединеніи съ треугольникомъ (туловище и голова), а ноги прямыми линіями; глаза изображаются точкой, уши — треугольникомъ, а хвостъ — крючкомъ. Въ началѣ курса преобладаютъ фигурки, составляющіяся преимущественно изъ прямыхъ линій, а позднѣе — изъ дугъ, кружечковъ и кривыхъ.

Обучаютъ въ парижскихъ материнскихъ школахъ учительницы, окончившія преимущественно ученіе въ женской учительской семинаріи Сенскаго департамента и потомъ подготовившіяся къ обученію ручному труду дѣтей младшаго возраста на особыхъ курсахъ материнскаго воспитанія (Education maternelle), которые устраиваются ежегодно, начиная съ 1890 года, Парижской городской думой. Занятіями руководитъ упомянутая уже выше г-жа Дэпулли и обучаетъ въ теченіе года около 100 учительницъ. Собираются онѣ по четвергамъ съ 9—12 ч. дня въ продолженіе 9 мѣсяцевъ,—съ начала октября до конца іюля. Результатъ дѣятельности указанныхъ курсовъ тотъ, что во всѣхъ парижскихъ материнскихъ школахъ занятія ручного труда первой ступени поставлены правильно и разнообразно. Дѣти такимъ образомъ подготовляются прекрасно къ прохожденію болѣе систематическихъ и трудныхъ видовъ этихъ занятій въ начальныхъ школахъ г. Парижа. Богатыя коллекціи работъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ школъ выставлены въ городскомъ и педагогическомъ музеѣ этого города и свидѣтельствуютъ наглядно о такой связи.

Если принять во вниманіе, что г. Парижъ содержитъ около 200 подобныхъ школъ, что въ каждой изъ нихъ обучаются около 200 дѣтей беднѣйшаго населенія, т.-е. около 40,000 дѣтей, то будетъ достаточно ясно, насколько серьезно и широко поставлено въ столицѣ Франціи до-школьное воспитаніе и насколько велика въ этомъ роль французской женщины.

По примѣру Парижа это дѣло развивается также и въ большихъ провинціальныхъ городахъ, въ которыхъ матери и отцы отвлечены съ ранняго утра и до вечера добываніемъ средствъ пропитанія на фабрикахъ и промышленныхъ заведеніяхъ.

Что же дѣлаютъ дѣти трудового люда нашихъ столицъ и большихъ городовъ? какъ они проводятъ свой день? кто за ними присматриваетъ и учитъ? и какая подготовка ихъ воспитательницъ и руководительницъ?.. Отвѣтить, конечно, на всѣ эти вопросы можетъ каждый изъ жителей нашихъ городовъ: сверстники счастливыхъ французскихъ малышей проводятъ свое время на грязныхъ дворахъ и задворкахъ, лѣстницахъ, въ подворотняхъ и на улицахъ предоставленные сами себѣ. Въ результатѣ получается то, что дѣти французскихъ рабочихъ получаютъ прекрасную подготовку къ прохожденію 6-лѣтней начальной школы, они воспитаны и привычны уже къ школьнымъ порядкамъ, требованіямъ и занятіямъ; дѣти же нашихъ рабочихъ, являясь въ школу, для прохожденія 9-лѣтняго курса, ничего этого не имѣютъ, они долго дичатся школьной обстановки, школьныхъ требованій, которыя имъ не скоро дѣлаются понятными. Несомнѣнно, все это вліяетъ въ сильной степени и на прохожденіе ученія, которое не особенно крѣпко удерживается ими въ послѣдующей жизни. Объ обученіи же ручнымъ работамъ въ нашихъ городскихъ школахъ что-то вовсе не слышно.

Правда, у насъ уже существуютъ, благодаря иниціативѣ частныхъ лицъ и обществъ, ясли, дѣтскіе сады и пріюты; но ихъ очень еще немного, возникновеніе ихъ случайно, какъ равно и организація. Пора бы поэтому нашимъ городскимъ управленіямъ подумать объ организаціи и въ Россіи систематическаго до-школьнаго воспитанія бѣдныхъ дѣтей, лишенныхъ семейнаго вліянія. Русскія образованныя женщины, нѣтъ сомнѣнія, откликнутся горячо на призывъ городовъ и съ любовью и самоотверженіемъ возьмутся за это, имъ однимъ свойственное, дѣло.

К. Цируль.

У ОКНА.

Картинка осенняго настроенія.

На дворѣ скучно: холодно, сѣро, темно. Городъ съ утра окутанъ пеленой мелкаго, моросящаго дождика. Деревья въ Лѣтнемъ саду уныло понурили головы и подставили свои вѣтви непогодѣ; нето сами они плачутъ о своемъ лѣтнемъ уборѣ, нето небо плачетъ о нихъ... а можетъ быть, эти холодныя струи, стекая по вѣткамъ и сучьямъ, смывая послѣдніе, еще не оборванные вѣтромъ листья, смягчаютъ для тѣхъ и другихъ боль разставанья... Такъ дуютъ на рану, когда снимаютъ мушку, и отъ холода не слышно боли.

* * *

Скучно живется въ такіе дни. Съ трехъ часовъ приходится зажигать лампы: промежутокъ между тремя и пятью, эта агонія осенняго дня, тусклаго, безцвѣтнаго, не знавшаго ни веселаго щебета птицъ, ни ласки солнца, еще тоскливѣе его сѣренькой жизни... Вотъ и теперь слѣдовало бы зажечь лампу, спустить штору и забыть о томъ, что дѣлается тамъ, за окномъ; но нѣтъ! уныніе, висящее въ воздухѣ, обладаетъ притягательной силой. Невольно подходишь къ окну, вглядываешься въ надвигающіяся сумерки и думаешь... нѣтъ, даже ничего не думаешь, а только чувствуешь, какъ это уныніе проникаетъ во всѣ поры тѣла, въ кровь, въ сердце, въ мозгъ,—и движенія становятся вялыми, мысли тягучими. кровь точно стынетъ, сердце сжимается тупой, ноющей болью...

* * *

Вотъ изъ подъѣзда направо высыпала гурьба гимназистовъ. Обыкновенно веселыя дѣтскія личики нынче не по-дѣтски серьезны; всѣ ежатся отъ сырости; всѣмъ хочется поскорѣе домой. Я какъ-будто читаю ихъ мысли: въ классѣ было такъ скучно; учителя хмурые, уроки неинтересные; лучшій ученикъ спутался и получилъ единицу; у Иванова пропали калоши, и директоръ грозился наказать весь классъ; на-завтра задано разсказывать такое трудное, что и поймешь-то не сразу. А впереди еще цѣлая недѣля ученья.. Ахъ, какъ скучно!

* * *

Вотъ зажглись первыя блѣдныя звѣздочки газа, но осень не любитъ уступать: дождь полилъ сильнѣе, и огоньки фонарей едва мерцаютъ сквозь его погустѣвшую пелену; даже электричество сегодня какое-то тусклое и не веселитъ, не радуетъ глаза.

* * *

Чѣмъ бы развлечься? Пойти въ гости? Но вѣдь и тамъ скучно: тѣ же сѣренькіе разговоры на старыя темы, или уже пріѣвшіяся злобы дня—дороговизна квартиръ, литературный скандалъ, разводъ модной актрисы, буда-пештскіе тосты—и „Vive la France!“ — все вперемежку, всего понемногу. И, въ сущности, никто изъ собесѣдниковъ не интересуется тѣмъ, о чемъ говоритъ, и всѣмъ скучно... И это еще въ лучшемъ случаѣ! А то карты, сплетни, родственныя шпильки... Нѣтъ, лучше ужъ дома. Да и двигаться лѣнь!

* * *

Кажется, мнѣніе мое раздѣляютъ сосѣди. Въ крылѣ дома напротивъ понемногу освѣщаются окна. Вонъ студентъ въ пятомъ этажѣ зажегъ лампу — видно, не идетъ на урокъ. Бѣдняга! Я видѣла его на улицѣ; у него нѣтъ ни калошъ, ни теплаго платья.

Внизу, въ аристократической столовой бельэтажа, накрываютъ на столъ. Тамъ живетъ тонная генеральша, дама-патронесса, издательница нравоучительнаго журнала, предназначеннаго услаждать собою воскресные досуги мастеровыхъ и мелкихъ чиновниковъ. У нея полонъ домъ религіозныхъ брошюръ и воспитанницъ; старикъ генералъ боится ея, какъ огня; воспитанницы, одѣтыя въ форму, ходятъ по стрункѣ; сотрудниковъ она приглашаетъ черезъ газеты, „съ надежной рекомендаціей“.

Вотъ она вошла; за нею мужъ, потомъ воспитанницы. Она, видимо, вслухъ читаетъ молитву; затѣмъ всѣ садятся.

Лакей съ деревянной физіономіей разноситъ

тарелки. Какая чинность! Никто не смѣетъ улыбнуться, заговорить...

Неужели эта сухая, высокая женщина, съ тонкими безкровными губами и злымъ выраженіемъ глазъ, дѣйствительно, вкладываетъ душу въ свое дѣло? неужели она умѣетъ найти въ своемъ сердцѣ откликъ чужому горю, ласковое слово, чтобы ободрить и согрѣть бѣдняка, натомившагося за недѣлю? Полно, причемъ тутъ сердце! Для чего же существуетъ журналъ Арміи Спасенія, французскія и англійскія нравоучительныя брошюры? А такая форма благотворительности даетъ тотъ *cachet*, котораго, по несчастью, не дало ей рожденіе, даетъ и репутацію выдающейся женщины, и почетное мѣсто на свѣтскихъ митингахъ, и лестный отзывъ въ газетѣ... Всякій по-своему честолюбивъ...

* * *

Въ маленькой квартиркѣ третьяго этажа уже пообѣдали, но едва ли обѣдъ вышелъ удачный. Жена, пухленькая блондинка, сидитъ у окна и, кажется, плачетъ; мужъ, съ типичной чиновничьей физіономіей, хмурый, ходитъ по комнатѣ. Они недавно только поженились, но едва ли „сойдутся характерами“. Онъ полдня проводитъ на службѣ; она передъ зеркаломъ, или на chaise-longue съ романомъ, въ тѣ дни, когда не ѣздитъ въ Гостиный. По вечерамъ у нихъ гости и карты, а за обѣдомъ перекоры. Онъ ждалъ приданаго и домовитости; она—обожанія и баловства: оба ошиблись. Глядя на ихъ хмурыя лица, мнѣ становится еще тоскливѣе...

* * *

Выше—дѣвочка пріютилась у окна и уныло глядитъ на мокрые камни двора, на мокрыхъ голубей, забившихся подъ навѣсы крыши, на нѣсколько чахлыхъ, мокрыхъ рябинъ, посаженныхъ во дворѣ „замѣсто сада“, какъ объяснилъ мнѣ дворникъ. Личико умненькое, но какъ блѣдна она и не по-дѣтски серіозна! Ей въ это лѣто не удалось поѣхать на дачу: мама заболѣла и должна была передать работу; потомъ пришлось перебиваться случайной. Дѣвочкѣ всего девять лѣтъ, но она уже знаетъ, что „безъ работы — бѣда!“ и что „потерянную недѣлю нужно наверстывать мѣсяцъ“; и недѣтская жалость свѣтится въ ея взорѣ, когда она оборачивается взглянуть на мать. Та, худая, блѣдная, въ старенькомъ капотѣ, неподалеку, наклонилась надъ переводомъ и строчитъ, не отрываясь.

* * *

Какъ мнѣ хочется пойти къ этой женщинѣ, заговорить съ ней! И у меня растетъ забота; и мнѣ страшно за будущее; и мой потерянный день не наверстаешь въ недѣлю Но ей нельзя мѣшать: она занята.

Мнѣ бы тоже слѣдовало сѣсть за работу, но дождь гипнотизируетъ.

* * *

Я все смотрю на дѣвочку у окна и какъ-то забываюсь. Мнѣ начинаетъ казаться, что это не чужой, блѣдный и жалкій ребенокъ, а я сама, тоже маленькая дѣвочка, но только не здѣсь, не въ Петербургѣ, а далеко въ провинціи, въ маленькомъ, глухомъ городкѣ. На дворѣ тоже осень и тоже вечеръ; только домъ одноэтажный, напротивъ нѣтъ огней, а передъ окнами какой-то пустырь.

Я тоже прильнула къ стеклу и вглядываюсь въ темноту. Одна лампа плохо освѣщаетъ большую длинную залу. Въ трубѣ гудитъ вѣтеръ; старыя деревья скрипятъ; изрѣдка хлопаютъ ставни. По залѣ ходитъ отецъ, полусѣдой, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, съ усталымъ лицомъ, съ добрымъ взглядомъ все еще прекрасныхъ голубыхъ глазъ. Онъ ходитъ и нето поетъ, нето декламируетъ свое любимое:

«Солнце сегодня за тучею черной такой закатилося.
Страшно!—проглянетъ ли завтра оно?
Что ты, дитя мое милое, тамъ у окна пріютилося?
Холодно, скучно, темно;
Глазки устанутъ смотрѣть. Всѣ деревья, какъ тѣни нестройныя,
Смяты отъ бурь и осеннихъ дождей.
Вѣтеръ ихъ клонитъ. Поляна пуста. Какъ душа безпокойная,
Вѣтеръ гуляетъ по ней.
Любитъ онъ свистомъ протяжнымъ и пѣснью своею раздольною
Малыхъ дѣтей и манить, и пугать...
Полно, не слушай, дитя мое!—тайной тоскою невольною
Будешь во снѣ тосковать.
Вздохъ ли предсмертный пронесся, иль слезы съ рѣсницы скатилися,
Все онъ сберетъ на чужой сторонѣ,
Все перескажетъ.—Не слушай, дитя, чтобъ тебѣ не приснилися
Слезы чужія во снѣ!»

И отецъ тихонько отводитъ меня отъ окна, и, обнявъ меня, ходитъ со мною по комнатѣ; а потомъ мы садимся въ маленькой уютной столовой, онъ—на низенькое кресло противъ печки, я—на скамеечку возлѣ, и долго-долго смотримъ въ огонь, пока я не опускаю головы къ нему на колѣни. Тогда онъ беретъ меня на руки и относитъ въ постель. И я чувствую, какъ его губы тихо-тихо прижимаются къ моему обвѣянному дрёмою лобику, и больше ужъ ничего не чувствую, и послѣ этой ласки не снятся мнѣ „чужія слезы".

* * *

Теперь за окномъ тоже „холодно, скучно, темно", но въ комнатѣ не топится печка; не бѣгаютъ синіе огоньки по краснымъ углямъ, которые умѣютъ разсказывать такія яркія сказки, не слышно милаго голоса, не подойдетъ ко мнѣ мой старый отецъ и не прогонитъ тоски тихой лаской... Все, что мило и дорого,—далеко; что близко—иль чуждо, иль враждебно. Все измѣнилось вокругъ, и сама я не та, что была.

* * *

Контрасты осенней тьмы за окномъ и ярко пылающихъ дровъ; стоновъ знобящаго вѣтра и тихой мелодіи любимаго голоса; какихъ-то невѣдомыхъ, но страшныхъ „чужихъ слезъ" и теплой ласки отца; а потомъ молодыхъ порывовъ радости и отчаянія, задорнаго смѣха и жгучихъ слезъ первой утраты, минутной слабости и захватывающаго наплыва силъ,—все куда-то исчезло, потонуло, расплылось въ будничныхъ сѣрыхъ заботахъ, въ унылой осени жизни... Теперь контрастовъ нѣтъ: и на душѣ, и вокругъ меня все такъ-же сѣро и тоскливо, какъ за окномъ...

* * *

Я быстро отхожу, чтобы стряхнуть впечатлѣніе, и только тутъ замѣчаю, что по щекамъ моимъ давно уже, словно капли дождя по стеклу, медленно и мѣрно катятся слезы—не жгучія, но и не отрадныя, унылыя, какъ этотъ сѣрый день, безнадежныя, скучныя, осеннія слезы...

З. Журавская.

ПО МАСТЕРСКИМЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

А. П. БОГОЛЮБОВЪ.

Въ Парижѣ, на бульварѣ Batignole, въ одномъ изъ невысокихъ старыхъ домовъ, во второмъ этажѣ помѣщалась мастерская Алексѣя Петровича. Кто изъ русскихъ интеллигентныхъ людей живалъ въ Парижѣ, тотъ, конечно, знаетъ какъ эту мастерскую, такъ и другой домъ, гдѣ собирается общество русскихъ художниковъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ, послѣ Тургенева, Боголюбовъ. Привѣтливый, обязательный и отзывчивый для всѣхъ, трудящихся на пользу искусства, Боголюбовъ широко открывалъ двери своей мастерской не только нуждавшимся въ совѣтахъ его, какъ талантливаго художника, но и какъ общественнаго дѣятеля. Въ его богатой мастерской вы встрѣчали и бездомнаго бѣднаго юношу, пріѣхавшаго учиться въ Парижъ, и знаменитыхъ французскихъ художниковъ, какъ Лоранъ и другіе, и писателей, и разныхъ меценатовъ, и высокопоставленныхъ особъ, — всѣ считали долгомъ посѣтить этого выдающагося представителя нашей интеллигенціи въ Парижѣ.

Громадная его мастерская, освѣщенная во всю лицевую стѣну однимъ окномъ, выходившимъ на бульваръ, смотрѣла такъ-же артистически и такъ-же привѣтливо, какъ и живописная, убѣленная сѣдинами, красивая голова художника. Роскошные персидскіе ковры, разостланные по всей мастерской, драгоцѣнная старинная бронза, замѣчательныя произведенія рѣзца, живописи по фарфору, маелики и множество всякаго рода рѣдкихъ экземпляровъ разныхъ видовъ искусствъ,—все это сливалось въ одну общую массу съ блескомъ красокъ маленькихъ и большихъ картинъ, висѣвшихъ по стѣнамъ и стоявшихъ на мольбертахъ.

Смотря вокругъ на одни только виды и марины хозяина, казалось, будто это годы труда

или плодъ десятка лѣтъ дѣятельности. Но побесѣдовали вы съ Боголюбовымъ, просмотрѣли его біографію—и вы сразу могли убѣдиться, что громадная мастерская, со всѣми ея рѣдкостями и картинами, - это одна капля изъ моря житейской дѣятельности художника. Съ тѣхъ поръ, какъ, бывши лейтенантомъ флота, онъ поступилъ въ академію художествъ; съ тѣхъ поръ, какъ получилъ изъ академіи большую золотую медаль и, какъ пансіонеръ, работалъ ученикомъ у знаменитаго мариниста Андрея Ахенбаха, а также у Изабе и Калама,—онъ рѣдкій годъ, что не объѣзжалъ то Россію въ томъ или другомъ направленіи, то Европу.

Онъ писалъ и Волгу, и Каму, и Каспійское море; у него были виды Казани, Нижняго Новгорода и Баку; онъ писалъ Финляндію, Крымъ, писалъ Москву, Петербургъ, затѣмъ Константинополь, Римъ, Шильонскій замокъ, Венецію, Неаполь, и по справедливости его можно назвать живописцемъ-исторіографомъ нашего флота, начиная съ Крымской кампаніи. Его кисти принадлежатъ не только всѣ доблестные подвиги нашихъ судовъ за это время, но и всѣ событія, а также всѣ торжества и выдающіяся происшествія. Помимо этого онъ написалъ и рядъ историческихъ картинъ изъ морскихъ дѣяній Петра Великаго. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ велика производительность талантливаго художника, мы возьмемъ хоть одинъ примѣръ,—его путешествіе съ покойнымъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ по Волгѣ и въ Крымъ. Это одно слѣдованіе при свитѣ Наслѣдника дало двадцать четыре картины, около двухсотъ рисунковъ съ натуры и множество этюдовъ. Уѣзжая по разстроенному здоровью на постоянное жительство изъ Россіи въ Парижъ, онъ одной академіи отдалъ семь картинъ, болѣе двухсотъ этюдовъ и до восьмисотъ рисунковъ сепіей и акварелью.

Въ мастерской у него висѣло нѣсколько прекрасныхъ блюдъ съ рисунками посредствомъ копоти и маелика; тутъ же рядомъ чудесныя акварели, сепіи и затѣмъ прекрасныя произведенія, какъ нѣкоторыхъ нашихъ, такъ и иностранныхъ художниковъ.

— Это все пойдетъ въ Радищевскій музей,— говорилъ самъ художникъ.

Но Радищевскій музей, созданный всецѣло трудами Алексѣя Петровича въ память его дѣда, и такъ представляетъ собою рѣдкую въ Россіи, замѣчательную коллекцію картинъ и художественно-техническихъ издѣлій. Изъ провинціальныхъ городовъ первый Саратовъ, благодаря Боголюбову, обладаетъ такимъ городскимъ музеемъ, какого еще нѣтъ даже и въ первоклассныхъ русскихъ городахъ, какъ Кіевъ, Варшава и Тифлисъ. При музеѣ есть городская общественная библіотека и прекрасная начальная школа рисованія.

Учениковъ у Боголюбова было много, но выдающимися изъ нихъ явились гг. Бегровъ и Гриценко. Рѣдко какой изъ профессоровъ такъ заботливо относился къ своимъ ученикамъ, какъ Боголюбовъ. Онъ не только указывалъ имъ, какъ и что дѣлать, не только руководилъ ими, но какъ бы думалъ за нихъ, и думалъ не объ одномъ, касающемся искусства, но принималъ близко къ сердцу и ихъ личную жизнь.

Я помню, какъ онъ зачастую скорбѣлъ объ одномъ изъ своихъ учениковъ, вслѣдствіе неудачной любви послѣдняго. Онъ принималъ всѣ мѣры, какъ прямо, такъ и косвенно, чтобы спасти талантливаго молодого человѣка; и насколько было возможно, онъ помогъ ему во многомъ.

Когда, бывало, ни придешь къ Боголюбову въ Парижѣ, первое его слово было объ успѣхахъ и талантѣ ученика, а также и о томъ или другомъ нуждающемся молодомъ художникѣ. Онъ искалъ для нихъ работу, хлопоталъ о заказахъ; и рѣдкій изъ меценатовъ не считалъ своимъ долгомъ сдѣлать угодное Боголюбову.

Во время лѣта Боголюбовъ уѣзжалъ куда-нибудь, по большей части въ Италію, на этюды, и его ученикъ всегда съ нимъ. Картины его, кромѣ тѣхъ, которыя являлись на передвижныхъ выставкахъ, въ большинствѣ случаевъ покупались лучшей эстампной фирмой Парижа — Гюпиль и Гашетъ.

По присущему всѣмъ талантливымъ людямъ свойству, художникъ, несмотря на свои старческіе годы, былъ всегда такъ же энергиченъ и впечатлителенъ, какъ и въ молодости. Онъ всѣмъ интересовался, вездѣ бывалъ, ежедневно работалъ; и, бывало, если встрѣтитъ что изъ ряда выдающееся, какую-либо хорошую новинку, то увлечется ею весьма искренно.

На послѣдней парижской всемірной выставкѣ общее вниманіе обращалъ на себя павильонъ акварелистовъ и пастелей. Всѣ восторгались тѣми результатами, которыхъ достигла пастель. Алексѣй

Петровичъ такъ-же, какъ и другіе, не разъ любовался работами пастелью; и вотъ, какъ-то утромъ захожу я къ нему, а возлѣ него ящикъ съ пастельными красками и на мольбертѣ начатая уже пастелью картина.

— Превосходный способъ!.. Какихъ тоновъ, какой прозрачности, и какой силы можно достигать этими красками!—говоритъ Алексѣй Петровичъ.

— Я хочу сдѣлать нѣсколько пастелей,—продолжаетъ увлекающійся художникъ,—и послать въ Петербургъ... У насъ, къ сожалѣнію, никто этимъ не занимается; пастелей нигдѣ нѣтъ... а посмотрите-ка, какія у французовъ работы!..

И онъ сталъ восторженно перебирать тѣ выдающіяся пастели, которыя находились въ выставочномъ павильонѣ.

Точно также онъ одновременно увлекался и маеликой, и рисованіемъ копотью по фарфору, и офортомъ; и увлекался искренно, съ любовью и съ полной энергіей своего таланта.

Работу съ натуры онъ считалъ единственнымъ учителемъ и единственной пищей для художника; онъ не признавалъ никакихъ писаній отъ себя, называя ихъ ложью и *противной*, какъ говорятъ многіе натуралисты, *отсебятиной*.

Во всѣхъ художественныхъ дѣлахъ онъ всегда принималъ самое дѣятельное участіе; но никогда не былъ академистомъ въ узкомъ смыслѣ этого слова. Состоя членомъ совѣта академіи, онъ принадлежалъ тѣмъ не менѣе не къ академіи, а къ противоположному лагерю „Товарищества передвижныхъ выставокъ“. Со времени существованія „передвижныхъ выставокъ“, или же со времени переселенія Боголюбова въ Парижъ, картины его никогда не появлялись въ академіи, а только на выставкахъ товарищества.

Таковъ былъ А. П. Боголюбовъ въ своихъ отношеніяхъ къ искусству—горячихъ, здравыхъ, полныхъ глубокаго пониманія и любви къ дѣлу, и по характеру своему — прямому, правдивому, нелицепріятному.

Н. Александровъ.

«ПОДЪ ВЕЧЕРЪ ОСЕНИ НЕНАСТНОЙ».

(Петербургскій эскизъ).

Есть общественный, чисто-петербургскій типъ, для котораго осенній сезонъ—масляница, и онъ въ теченіе его оперывается, тучнѣетъ и расцвѣтаетъ на красу зимнихъ салоновъ и всего Невскаго проспекта.

Его принято называть прожектеромъ, но этотъ поношенный эпитетъ не совсѣмъ вѣренъ и далеко не обнимаетъ всей извилистой и немножко даже фантастической сущности взятаго типа. Да вотъ, позвольте васъ познакомить съ однимъ изъ его современныхъ представителей!

Анатолій Эсперовичъ Рогуля—рекомендую!

Фамилія моего героя надо признаться—по-русски звучитъ немножко тривіально, но по-французски, какъ ее постоянно изображаетъ Анатолій Эсперовичъ на своихъ карточкахъ, превратилась она въ чрезвычайно звонкую и аристократическую. Изъ *Рогули* какимъ-то чудомъ вышелъ de-Rogue-lac—имя, какъ увѣряетъ иногда Анатолій Эсперовичъ не очень придирчивыхъ собесѣдниковъ, одного изъ сподвижниковъ Готфида Бульонскаго, потомокъ котораго, по сказанію родословной Рогулей, въ XV столѣтіи „вышелъ изъ пруссъ“ въ Московское государство и здѣсь обрусѣлъ, потерялъ аристократическую частичку „де“, а съ теченіемъ времени изъ французскаго, рыцарскаго de-Rogue-lac'а переименовался въ простонароднаго, русскаго Рогулю. Тѣмъ не менѣе, участіе Рогулей въ дѣланіи „исторіи государства россійсскаго“ и знатность ихъ рода подтверждаются несомнѣнными фактами и лѣтописными сказаніями. У Карамзина говорится, что въ „тираническое“ царствованіе Іоанна Грознаго одинъ изъ Рогулей, Истома, неизвѣстно за что былъ зажаренъ на сковородѣ, другой, Васюкъ, служилъ шутомъ и, обмолвившись глупостью ни къ селу, ни къ городу, былъ затравленъ медвѣдями, третій-же (догадливый) Юшка, которому родъ Рогулей обя-

занъ своимъ сохраненіемъ до нашихъ дней, бѣжалъ постыдно въ Литву вмѣстѣ съ княземъ Курбскимъ и служилъ у него въ дворнѣ „постельничимъ“. Въ XVII столѣтіи о Рогуляхъ исторія говоритъ глухо, кромѣ одного случая, когда нѣкоторые изъ ихъ рода неоднократно объявлялись „въ бѣгахъ“ и были обнаружены, по сказкѣ „языковъ“, въ лагерѣ „тушинскаго вора“. Зато въ XVIII столѣтіи фамилія Рогулей, можно сказать, не сходитъ со страницъ исторіи. Одинъ Рогуля былъ кумомъ, другомъ и сотрудникомъ, по взяточничеству и казнокрадству, оберъ-фискала Нестерова, за что и былъ вмѣстѣ съ нимъ повѣшенъ Петромъ Великимъ. Въ моментъ избранія на царство Анны Ивановны, Рогули („опять догадались“,—говоритъ историкъ) выступили, на челѣ съ Татищевымъ, противъ „верховниковъ“, за что и получили потомъ „вотчины“; но, по несчастію, одинъ изъ легкомысленныхъ Рогулей, Аѳанасій, сынъ Мордаріевъ, въ чаяніи полученія новыхъ „вотчинъ“, какъ-то весьма не кстати крикнулъ „слово и дѣло“, а „за тѣ его *прибавочныя*, важныя, непристойныя слова,—какъ сказано въ указѣ чрезъ А. И. Ушакова,—слѣдовала ему, по закону, смертная казнь, но понеже оный Рогуля прежде въ службѣ е. и. в. усерденъ объявился, то, по матернему милосердію, снисходя къ его винамъ“, битъ онъ только „нещадно“ плетьми и сосланъ въ Пелымъ. Въ царствованіе „кроткія Елисаветы“ пріобрѣлъ историческую извѣстность другой Рогуля, впутавшійся въ лопухинское дѣло, и такъ какъ, „по матернему милосердію“ Елисаветы Петровны смертная казнь была тогда упразднена, то Рогуля, вмѣстѣ съ другими подсудимыми, поплатился только ссылкой, послѣ публичнаго наказанія кнутомъ „съ урѣзаніемъ языка“. При Екатеринѣ II одинъ Рогуля былъ воеводой и такъ жирно „кормился“, что остроумная Императрица прислала ему какъ-то въ награду непомѣрно длинный и объемистый кошелекъ... „Однако жъ—замѣчаетъ по этому поводу мѣстный лѣтописецъ,—и послѣ таковой Монаршей аллегорической сирконспекціи, оный Рогуля не престалъ драть съ живого и мертваго“. Этотъ же Рогуля, отставленный наконецъ отъ службы съ „волчьимъ“ формуляромъ, впалъ въ крайнюю бѣдность и, при Павлѣ Петровичѣ, вздумалъ проситься о зачисленіи его въ „профосы“, но его прошеніе о семъ было возвращено ему „съ наддраніемъ“.

— Вообще,—со скромнымъ достоинствомъ говоритъ Анатолій Эсперовичъ,—нашъ родъ очень древній, очень знаменитый и весьма заслуженный...

Кажется, вышеприсанный генеалогическій анекдотъ о происхожденіи Рогулей отъ сподвижника Готфрида Бульонскаго—единственное изобрѣтеніе, до котораго Анатолій Эсперовичъ своимъ умомъ дошелъ, безъ посторонней помощи и безъ явнаго плагіата.

Его призваніе, его талантъ, его посланничество въ томъ именно и заключаются, что онъ никогда ничего отъ себя не выдумывалъ, никогда въ его породистой и красивой, по-англійски причесанной, головѣ не родилось ни одной *своей* мысли, ни одного *своего* плана. Онъ вовсе не прожектеръ, какъ его иные незаслуженно величаютъ, потому что въ прожектерѣ предполагается, все-таки, какое ни на есть творчество, иниціатива, фантазія. Рогуля же, напротивъ, совершенно пустъ и умственно дѣвственъ, но въ этой пустотѣ онъ и почерпаетъ свою безподобную, чрезвычайно выгодную для него независимость, которая даетъ ему возможность найтись въ каждомъ положеніи, причалить къ любому берегу, пристать ко всякой торжествующей „партіи“, всегда быть въ лагерѣ побѣдителей и никогда не испытывать на себѣ позоръ и невыгоду пораженій.

Одними только положительными качествами богато надѣленъ Анатолій Эсперовичъ—лисьимъ нюхомъ, волчьей наглостью и, свойственнымъ всякимъ паразитамъ, необыкновеннымъ даромъ приспособленія. Эти инстинкты просыпаются въ немъ и напрягаются съ особенной интенсивностью съ наступленіемъ именно петербургской осени, когда оживляется циркуляція бумагопроизводства, когда зрѣютъ всякіе предначертанія и проекты, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ обозначаться въ розовой перспективѣ новые лакомые куски, новыя синекуры и оказіи для „кормленія“,—словомъ, когда въ воздухѣ пахнетъ жаренымъ.

Въ былое, еще недавнее время онъ нѣсколько церемонился и иногда стыдился.

— Какъ же такъ? За что, про что ему, Анатолію Рогулѣ, должны сами собой валиться въ ротъ состряпанныя кѣмъ-то галушки, за что про что кто-то долженъ вносить въ область политики его, Рогули, изысканный, но неудовлетворенный аппетитъ, принимать его къ свѣдѣнію и соображенію и озабочиваться его довременнымъ насыще-

ніемъ?—спрашивалъ себя тогда Анатолій Эсперовичъ и съ уныніемъ вынужденъ былъ сознаться, что „ни за что и ни про что“.

Упадокъ духа и отчаяніе доходили въ немъ тогда до того, что онъ даже впадалъ порой въ ѣдкое сомнѣніе на счетъ вписанныхъ въ скрижали исторіи достопамятныхъ заслугъ своихъ предковъ и добровольно отказывался аргументировать ими законность своего аппетита. Вмѣсто того,—какъ ходили слухи, сообщаемые злыми языками,—Рогуля снискивалъ дневное пропитаніе въ кафешантанѣ „Шато-де-флеръ“ (былъ когда-то такой на Каменноостровскомъ проспектѣ), танцуя публично на сценѣ съ какой-то Ригольбошъ, изъза „разовыхъ“, въ три цѣлковыхъ за вечеръ. Танцовалъ онъ, дѣйствительно, артистически и секретъ танца „haute école“ вывезъ въ былое счастливое „во время оно“ прямо изъ первыхъ рукъ, съ парижскаго „bal mabile“.

Но все это было „тогда“, о чемъ теперь Анатолій Эсперовичъ не хочетъ и не любитъ вспоминать даже. Съ нѣкотораго же времени онъ воспрянулъ и духомъ и тѣломъ, совершенно исцѣлившись отъ малѣйшихъ сомнѣній и колебаній какъ на счетъ значенія своихъ славныхъ предковъ, такъ и относительно своихъ личныхъ прерогативъ. Съ нѣкотораго времени ему грезятся на яву чудесные сны и, повидимому, сбываются; по крайней мѣрѣ, онъ самъ этому вѣритъ. Ему чудится, что наступилъ давно желанный часъ, когда невѣдомо откуда начнутъ валиться ему въ ротъ вкусныя, жирныя галушки, а въ видѣ дессерта, сладкіе небесные миндали, и что объ этомъ провіантѣ кто-то станетъ непрерывно, всѣми способами заботиться.

Эта, казалось бы, ни съ чѣмъ несообразная греза получать *все* „невѣдомо откуда“, невѣдомо „за что и про что“, не ударивъ пальцемъ о палецъ, сдѣлалась маніей Анатолія Эсперовича. Пришла она ему какъ-то разъ „подъ вечеръ осени ненастной“, послѣ усиленнаго чтенія „Гражданина“.

Прежде всего, для сколько-нибудь правдоподобной реализаціи этого совершенно невѣроятнаго волшебнаго положенія, Рогуля вообразилъ, что ему *все можно*, что̀ бы онъ ни задумалъ, что̀ бы ни захотѣлъ. Захотѣлъ, чтобы у него во рту росли бѣлые грибы—выростутъ; захотѣлъ посѣтить парижскую выставку на коврѣ-самолетѣ—коверъ-самолетъ поданъ, милости просимъ садиться; захотѣлъ, чтобы передъ нимъ развернулась скатерть-самобранка, — готово! пожалуйте! кушать подано!.. И главное, нигдѣ, ни отъ кого никакого „счета“, никакихъ досадныхъ приставаній и требованій о расплатѣ за всѣ эти сверхъестественные дары и одолженія.

— Помилуйте, Анатолій Эсперовичъ!—вездѣ говорятъ ему съ поклонами и раболѣпными улыбками.—Мы вѣдь отлично знаемъ и съ благодарностью помнимъ, какъ вашихъ знаменитыхъ предковъ, во славу отечества, и жарили, и вѣшали, и батогами били, и языки имъ урѣзывали... Не извольте безпокоиться — послѣ какъ-нибудь сочтемся.

Въ довершеніе волшебства, вообразилъ себѣ Рогуля, что лежащая въ его тощемъ кошелькѣ новенькая желтая бумажка превратилась вдругъ въ неразмѣнный рубль—сколько его ни держи, сколько имъ ни расплачивайся, онъ все цѣлехонекъ! Мало того:—онъ уплачиваетъ, напримѣръ, свой рубль въ лавкѣ, а ему вдругъ, будто-бы, *сдачи* даютъ два съ полтиной...

— Вы ошиблись,—говоритъ онъ лавочнику.

— Помилуйте, Анатолій Эсперовичъ, то ись ни на одну полушку! Извольте получить!—и опять съ нижайшими поклонами и сладчайшими улыбками.

— Чортъ знаетъ, какъ хорошо,—думаетъ Рогуля, но еще сомнѣвается:—взаправду-ли все это волшебство?

Тѣмъ не менѣе, онъ до того ушелъ въ міръ фантазій и проникся своей фикціей, что когда надняхъ одинъ пріятель, помня его предшествовавшія недавнія хлопоты о какомъ-нибудь „кускѣ насущномъ“, спросилъ:

— Ну, что? скоро ли ты, наконецъ, „непремѣннымъ членомъ“ сдѣлаешься?

Анатолій Эсперовичъ, презрительно пожавъ плечами, съ гримасой отвѣтилъ:

— Хм... Это въ омерзительную-то уѣздную глушь, на двѣ тысячи въ годъ?.. Покорно благодарю! Да я здѣсь на одни ужины гораздо больше издерживаю... Нѣтъ, у насъ теперь другіе виды, другія перспективы!

Такъ вотъ, господа, какіе странные сны, какія взбалмошныя грезы снятся инымъ счастливымъ петербуржцамъ „подъ вечеръ осени ненастной“.

Вл. Михневичъ.

ПОСМЕРТНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

В. Д. СИПОВСКАГО

(Изъ тетрадей покойнаго) [1].

I.

Когда въ жизнь я вступалъ,
Словно рекрутъ въ бою
Я блѣднѣлъ, трепеталъ,
Бой меня ужасалъ,
И недвижимъ стоялъ
Я въ послѣднемъ строю.

Но кипѣлъ жаркій бой...
Онъ меня охмелилъ,—
И съ отвагой шальной,
Какъ солдатъ молодой,
Я кидался въ тотъ бой
И себя не щадилъ.

Я въ бояхъ побывалъ,
Много вынесъ и ранъ,
Много бѣдъ испыталъ,
Смерть я близко узналъ—
Я друзей погребалъ...
Я теперь—ветеранъ.

И на кликъ боевой
Я навстрѣчу врагамъ
Стану твердой ногой
На смертельный ужъ бой!
И цѣной дорогой
Жизнь врагу я предамъ...

II.

Красою чарующей блещетъ природа,
Все дышитъ въ ней полною жизнію лѣтомъ,
Когда обливаетъ все жаркое солнце
Тепломъ благотворнымъ и свѣтомъ.

А люди живутъ настоящею жизнью,
Когда озаряетъ ихъ истина свѣтомъ
И чувства цвѣтутъ въ ихъ отзывчивомъ сердцѣ,
Добромъ и любовью согрѣтомъ.

ЗИГДА.

(Башкирская легенда).

I.

Веселая, живая и смѣлая была эта Зигда. Съ утра аулъ слышитъ грудной смѣхъ и голосъ.

— Зигда работаетъ,—говорятъ въ кошахъ [2]).

По степи бѣшено мчится молодая женщина на лихомъ конѣ, держа наготовѣ арканъ...

— Зигда гонитъ за косякомъ,—говорятъ башкиры:—знать, лошадь хочетъ поймать.

Весною и лѣтомъ, передъ вечеромъ, по аулу льются звуки курая и несется пріятный женскій голосъ.

— Зигда играетъ,—говорятъ.—Ай, ай, какъ весело играетъ!

Въ долинѣ, близъ свѣтлыхъ водъ рѣки, передъ своимъ кошемъ, стоитъ молодая женщина, средняго роста, въ розовомъ зюленѣ [3]); голубая шапочка, унизанная бисеромъ, слегка прикрываетъ

[1]) Доставлены для сборника „Привѣтъ" сыномъ покойнаго, В. В. Сиповскимъ.

[2]) *Кошъ*—войлочная кибитка.

[3]) *Зюлень*—платье.

ея голову; двѣ густыя черныя косы, съ серебряными и золочеными украшеніями, лежатъ по спинѣ ниже пояса; красивое смуглое лицо оживлено, изъ-подъ черныхъ бровей горятъ большіе темнокаріе глаза; полныя, красивыя губы полуоткрыты. Она поетъ и играетъ на тростниковой дудкѣ. Толпа молодыхъ башкиръ, парней и дѣвокъ, обступили Зигду; на густой травѣ сидятъ и лежатъ старики; у кошей стоятъ, приложивъ руку къ щекѣ, женщины и внимательно слушаютъ.

Веселитесь, дѣвушки,
Веселитесь, красныя!
Молодость измѣнчива,
Пролетитъ—не скажется.
Пока дѣвушка—
Нѣтъ заботушки:
Гуляй, дѣвушка,
Веселись, свободная!

— Слышь, какъ дѣвокъ-то она учитъ!—переговариваются между собою старики.—Правду она играетъ: дѣвкамъ и веселиться, а замужъ выдутъ—обложатся ребятами,—и конецъ веселью.

Удалые батыри,
Смѣлые джигиты!
Не спѣшите, молодцы,
Дѣвицъ брать въ замужество:
Дѣвушка хорошая,
Дѣвушка пригожая;
Кто дѣвицей не любуется,
Пѣснь о ней не складываетъ?
Отъ любови къ дѣвицамъ
Удальцы храбрѣй становятся,
И несутся въ бой, отважные,
Не боясь врага-татарина,
Ни киргиза хищнаго.
Старики на дѣвушекъ посматриваютъ,
Вспоминаютъ свою молодость
Да сѣдинками потряхиваютъ:
«Какъ бы намъ опять
Да быть джигитами!»
А женатые глядятъ—дивуются:
«Что за дѣвушки, красавицы!..
Да откуда-жъ бабы»...

Громкій смѣхъ заглушаетъ послѣднія слова пѣсни.

— Плутъ-баба!—раздаются голоса:—смѣешься надъ нами, женатыми.

Подавайте, дѣвицы,
Руки молодцамъ,
Каждая по выбору,
Кто ей по сердцу:
Заводите перепелицу [1]).

[1]) „*Перепелица*“ или *перепелка*—любимый башкирскою молодежью танецъ.

— Надо ее замужъ отдать,—посмѣивались башкиры.—Что безъ мужа ей оставаться!

II.

Зигдѣ девятнадцать лѣтъ. Три года она замужемъ, но мужъ съ нею жилъ только одинъ годъ: Арасланъ погналъ въ Бухару косяки лошадей и стадо барановъ; товарищи его вернулись, а онъ остался и не шлетъ о себѣ никакой вѣсти Зигдѣ.

— Глупый человѣкъ,—говорили о немъ въ аулѣ.—Что ему тамъ дѣлать? Покинулъ жену...

— Дуракъ!—повторяютъ башкиры.—Къ этакой бабѣ да не тянетъ его! Жить съ Зигдою—одно веселье и спокой.

— Да живъ-ли онъ?.. Можетъ, нагай или киргизъ угодилъ въ него стрѣлой?

Къ Зигдѣ уже сватались женихи.

— Арасланъ не придетъ,—говорили они:—онъ въ дорогѣ убитъ. Не жди его. Выбирай изъ насъ любого, и бери себѣ новаго мужа.

— Я не одна,—весело отвѣчала Зигда:—со мною мужъ.

— Какой мужъ?!

— Арасланъ.

— Да онъ же въ Бухарѣ!.. Если его не убили, такъ онъ въ плѣну. Можетъ, онъ тамъ и женился?

— Нѣтъ, Арасланъ не возьметъ другой жены; не возьметъ другого мужа и Зигда: Арасланъ здѣсь,—и Зигда показала рукою на свою высокую грудь.

Никто не видалъ Зигды печальною, никто не слыхалъ отъ нея вздоха: смѣется, поетъ, работаетъ, и всегда довольна собою.

— Чудна́я баба,—дивился аулъ:—мужъ пропалъ, а ей и горя мало!.. Не хочетъ брать и другого...

Но горы и потоки не разъ слышали жалобы Зигды:

Горы высокія, горы прекрасныя!
Къ небу вершинами вскинулись...
Горы высокія, горы прекрасныя!
Изъ поднебесья лазурнаго, свѣтлаго
Все и далеко вы видите.
Скажите, не скройте, повѣдайте,
Горы высокія, горы любезныя,
Кого вы тамъ видите,
Кого вы тамъ смотрите?
Не скачетъ ли по̀ степи
Отъ ханства Бухарскаго
Статный башкиръ,
На гнѣдомъ жеребцѣ?

Но горы слушали и молчали. Зигда обращалась къ горнымъ потокамъ:

Потоки гремучіе,
Потоки вы быстрые!
Куда вы стремитесь,
Куда вы бѣжите, торопитесь:
Не къ морю-ли синему,
Не къ ханству-ль Бухарскому,
Гдѣ живетъ башкиръ молодой?
Я знаю, туда вы стремитесь!
Отнесите-жъ отъ Зигды
Привѣтъ Арaслану,
Поклонъ сыну Рамзая;
Скажите ему:
Ждетъ его Зигда домой,
Ждетъ днями и ночью,
Ждетъ отъ зари до зари;
Ждутъ косяки и стада,
Ждутъ горы и степи
Родной стороны;
Ждетъ его кошъ дорогой
Съ кумысомъ, съ подушками мягкими.
О, вернись, Арасланъ!
Вернись скорѣе къ Зигдѣ своей...

Потоки гремятъ, скачутъ и безумно хохочутъ.

III.

Третью весну Зигда встрѣчаетъ безъ мужа: не отнесли потоки жалобъ и поклона ея мужу!

Аулъ выступилъ на лѣтовку.

Какое веселье кругомъ, какая радость въ лѣсахъ, улыбаются первые цвѣты на изумрудныхъ лугахъ, блещутъ воды рѣкъ и озеръ, и, стряхнувъ зимній покровъ, въ голубомъ поднебесьи сіяютъ вершины горъ. По долинамъ бѣлѣются коши, вездѣ довольныя и веселыя лица, счастливые голоса и шумъ. Воздухъ поетъ и ликуетъ. Вдали гуляютъ стада, рѣзвятся косяки лошадей. Приволье, просторъ и свобода!

Зигдѣ нѣтъ отбоя отъ жениховъ.

— Не жди ты Арaслана,—говоритъ молодой джигитъ:—забылъ онъ тебя.

— Арасланъ давно убитъ,—говоритъ другой:—мертвый не придетъ къ тебѣ.

— Не вѣрь имъ, Зигда,—вступаетъ третій, пожилой башкиръ въ шелковомъ бешметѣ и въ собольей шапкѣ:—Арасланъ живъ. Его видѣли сосѣди въ Бухарѣ, онъ съ двумя женами и дѣтьми гулялъ на базарѣ. Не бери ты себѣ молодого мужа,—молодой народъ вѣтряный. Найди себѣ мужа постарше: такой мужъ не покинетъ жены, будетъ ее любить и подарки дорогіе станетъ дѣлать...

Слушаетъ Зигда, глядитъ на жениховъ и смѣется.

— Или вправду мнѣ взять мужа?—говоритъ она.—Подождите, дайте мнѣ время... Я найду себѣ мужа.

— Вотъ это ты хорошо сказала!—обрадовались женихи.—Мы станемъ ждать... Только ты, пожалуйста, долго не тяни.

Зигда сидитъ въ своемъ кошѣ. На лицѣ ея забота, въ темныхъ глазахъ глубокая дума. Не хорошо вдовѣть молодой женщинѣ: кому смотрѣть за стадами, кто будетъ искать лошадей, когда онѣ убѣгутъ далеко, кто погонитъ скотъ на мѣну въ другія земли? Но это еще не бѣда: Зигда за себя постоитъ и съ помощью добрыхъ людей справится. Не страшенъ ей и шайтанъ: молодымъ вдовамъ и женщинамъ, которыя подолгу остаются безъ мужей, онъ любитъ что-то шептать на ухо, и отъ его нечестиваго шопота молодыя женщины часто плачутъ и не спятъ ночи... Зигда не боится шайтана, но безъ мужа она завянетъ: такъ говоритъ ей сердце. Зигда найдетъ мужа—она рѣшила.

Зигда шьетъ мужскую рубашку. Кто изъ женщинъ къ ней ни заглянетъ, видятъ ее за работою.

— Правду, знать, она замужъ надумала,—говорятъ:—свадебные подарки заготовляетъ

— Хорошо она надумала: давно пора ей мужа взять.

По кошамъ только и говору, что про Зигду.

— Кого она выберетъ?

Прошелъ день, прошло два—Зигды на кочевкѣ не видать. Сосунки-жеребятки отвязаны отъ колышковъ и спущены на волю, гуляютъ вмѣстѣ съ матерями въ степи; хозяйство ведетъ старуха-мать.

— А гдѣ дочь?

— Ушла въ гости.

Недѣля минула, другая, а Зигда не возвращалась. Богатый вдовецъ, женихъ, поскакалъ въ аулъ, куда она ушла гостить. Тамъ Зигда и не бывала. Всполошились. Поскакали на кочевки въ другіе аулы: нигдѣ и никто не видалъ Зигды.

— Парень изъ вашего аула, малайка, проходилъ, а бабы не видали.

Пропала Зигда.

— Видно, шайтанъ ее утащилъ!—рѣшилъ аулъ.

IV.

Давно остались позади горы, скрылись и послѣднія кочевки башкиръ. Впереди и кругомъ безъ конца разстилается степь; изрѣдка встрѣчаются рѣчки. По дорогѣ, выбитой копытами лошадей и барановъ, идетъ молоденькій паренекъ-башкиръ, въ легкомъ чекменѣ, барашковой шапкѣ, съ котомкою за плечами и палкою въ рукѣ. Смѣло шагаетъ парень впередъ, глядитъ по сторонамъ и по временамъ оглядывается назадъ. На степи нигдѣ живой души не примѣтно. Солнце стоитъ высоко и печетъ. Вотъ неподалеку зазеленѣлись кусты и потянулись, изгибаясь куда-то вдаль; изъ-за листьевъ сверкнула вода. Парень догадался, что это текла рѣчка. Онъ свернулъ съ дороги и пошелъ къ зеленымъ кустамъ. Присѣлъ на бережку, скинулъ шапку, снялъ котомку и принялся ѣсть. Подкрѣпился, зачерпнулъ деревянною чашкою воды и напился. Посмотрѣлъ онъ въ ту сторону, откуда шелъ: тамъ, на самомъ краю неба, словно далекія розоватыя и молочныя облака, виднѣлись горы. Долго онъ глядѣлъ, двѣ слезы выкатились изъ его глазъ, вздохнулъ и досталъ изъ-за чекменя курай. Тихая рѣчка и степь услышали пѣсню:

Покинула родину я,
Не вижу аула родного,
Не вижу я мать и знакомыхъ своихъ;
Только однѣ горы высокія,
Горы родины милой
Провожаютъ меня.
Покинула кошъ свой любезный,
Никому не сказалась,
И пошла въ страну незнакомую,
Въ страну неизвѣстную...

Пѣвецъ поправилъ на головѣ волосы, надѣлъ шапку, и, закинувъ за плечи котомку, отправился въ путь.

Солнце далеко перевалило за полдень. Парень идетъ и оглядывается. Позади гòры таютъ, вокругъ разстилается ковыль, и впереди одна степь, степь безъ конца. Въ прозрачномъ воздухѣ высоко парятъ орлы... Вдали показалось что-то свѣтлое, широкое... Башкиръ смотритъ—передъ нимъ море! Онъ пріостановился. Некуда идти!.. Осмотрѣлся, нельзя ли гдѣ обойти? Нѣтъ, вездѣ вода.

— Пойду, — сказалъ. — Можетъ, тамъ найду лодку...

Долго онъ шелъ, но до моря все не дойдетъ; чѣмъ ближе, казалось, подвигался къ нему, тѣмъ дальше оно отступало: потомъ незамѣтно растаяло и пропало. Подивился парень, и тутъ же вспомнилъ разсказы башкиръ, которые гоняли скотъ, что они также встрѣчали по дорогѣ моря, но это было одно навожденіе—шутки злого шайтана. Передъ вечеромъ показались коши—тамъ кочевали нагайцы. Откуда взялись, скачутъ навстрѣчу вершники, въ халатахъ и высокихъ шапкахъ. Остановились и подпустили паренька къ себѣ.

— Ты куда идешь?—окликнулъ старикъ.

Башкиръ понялъ вопросъ.

— Иду въ Бухару,—отвѣчалъ.—Тамъ братъ у меня...

— А зачѣмъ ты идешь къ брату?

— Отецъ послалъ. Велѣлъ брату сказать, чтобы онъ домой шелъ.

Переговорили между собою нагайцы, оглядѣли съ ногъ до головы башкиренка.

— А что у тебя въ котомкѣ?

Парень показалъ: мужская рубашка, шальвары, полотенце и хлѣбъ съ чашкой.

— Ступай,—промолвилъ старикъ.—Багушъ! [1]).

Но молодой нагай, сверкнувъ глазами, остановилъ и спросилъ:

— Что у тебя изъ-за пазухи торчитъ?..

Парень вынулъ курай.

— А! дудка?.. Играй!

Башкиренокъ приложилъ къ губамъ курай и заигралъ.

— Якши [2])... Айда въ аулъ!

Парень шелъ и игралъ, а нагайцы ѣхали по сторонамъ его.

Изъ аула, заслышавъ курай, высыпали нагайчата, изъ кошей выглянули женщины, повязанныя бѣлыми платками, и показались широкоскулые въ халатахъ нагайцы. Вершники кричатъ:

— Вотъ мы какого парня ведемъ!

Народъ сбѣжался съ кочевья, всѣ хотятъ слушать башкиренка. У одного коша, самаго большого и богатаго, на коврѣ сидѣлъ хозяинъ, высокій, въ цвѣтномъ шелковомъ бешметѣ; онъ налилъ большую чашку кумыса и подалъ курайщику:

— Пей,—сказалъ.—Ты, чай, усталъ.

Сотни глазъ устремлены на молодого башкира, словно на какое чудо. Женщины и дѣвушки сто-

[1]) *Багушъ*—бѣдный, нищій.

[2]) *Якши*—хорошо, *бикъ якши*—очень хорошо,

яли особо, въ сторонкѣ; многія изъ нихъ, поглядывая на красиваго парня, переговаривались между собой и улыбались.

— Ну, теперь играй, малай! [1])

Курайщикъ завелъ пѣсню. Онъ пѣлъ про свою родину, красоты природы Башкиріи и мирное житье свободныхъ башкиръ. Потомъ звуки полились протяжнѣе и грустнѣе: тоска и скорбь въ нихъ слышались. Суровыя лица нагайцевъ смягчались, глаза смотрѣли мягче и добрѣе: женщины тихо вздыхали, а на глазахъ дѣвушекъ навертывались слезы.

— Якши... Бикъ якши!—слышались голоса.

Пѣвецъ пріостановился, чтобы перевести духъ. Хозяинъ коша сказалъ:

— Больно ты хорошо играешь, малай. Только пѣсни твои не веселы. Сыграй намъ веселое!

Парень началъ плясовую. Нагайцамъ понравилось, они смѣялись, хлопали руками и покрикивали:

— Ай, малайка! Молодецъ!.. играй больше, весели наше сердце!

Большимъ огненнымъ шаромъ опускалось солнце на свой ночлегъ. Кочевья, стада и степь обливались его пламенными лучами, все небо горѣло и полыхало. Курайщикъ поднялся.

— Пора.

— Слушай, малай,—говорилъ хозяинъ:—пойдешь ты дорогой, будетъ аулъ. Если тебя остановятъ, скажи, что тебѣ надо видѣть Ахмета Шакира. Отнеси ему отъ меня поклонъ, и скажи, что Махметъ Гирей Тимашевъ проситъ его указать тебѣ дорогу къ другому аулу и послать къ своему кунаку. Онъ пойметъ... Тогда тебя никто не обидитъ, и ты благополучно пройдешь до Бухары.

V.

Лѣтнее солнце жгло и палило курайщика: степь чѣмъ дальше, тѣмъ печальнѣе становилась, нигдѣ ни деревца, ни кустика, одни солончаки съ блѣдной, малорослой травкой; изрѣдка гдѣ попадались рѣчки или озерки. Парень купался, если не видѣлъ близко кочевья и народа. Днемъ онъ гдѣ-нибудь спалъ на степи, подъ открытымъ небомъ, и какъ-только жара свалитъ, пускался въ путь: кочевать въ аулахъ почему-то избѣгалъ. Приближаясь передъ вечеромъ къ кочевью, онъ начиналъ играть. Его встрѣчали, вели въ аулъ и заставляли играть, пѣть; въ благодарность за это курайщика вездѣ кормили и поили айяряномъ или кумысомъ. На дорогѣ нерѣдко парня останавливали; тогда онъ называлъ имя старшины или начальника, и его отпускали. Спасибо Махмету Гирею! Миновалъ курайщикъ нагайскую степь; начальникъ послѣдняго кочевья послалъ его къ своему пріятелю, старшинѣ киргизскаго аула. Въ этомъ аулѣ съ нимъ чуть не случилось бѣды. Здоровый киргизъ, въ халатѣ и рысьей шапкѣ, зорко смотрѣлъ на молодого курайщика; въ узкихъ глазахъ киргиза замелькали разные огоньки—дурной признакъ!—онъ визгливо засмѣялся и крикнулъ:

— Да ты не парень!

Курайщикъ смутился.

— Нѣтъ, я—парень.

— А волосы зачѣмъ шапкой носишь?

— Въ Башкиріи подростки всѣ такъ носятъ...

Жена старшины, не спуская глазъ съ башкиренка, шепнула что-то мужу. Тотъ повернулся къ допросчику.

— Молчи!—грозно крикнулъ старшина.—Малай—гость, онъ поклонъ мнѣ отъ Сейфуллы Янбаева принесъ... Ты у насъ ночуешь, малай,—прибавилъ онъ въ сторону курайщика.

Киргизъ замолчалъ, только еще больше съузилъ глаза и прищелкнулъ языкомъ.

Погодя, старшина повелъ гостя въ свой кошъ. Какъ-только они вошли, жена спросила:

— Зачѣмъ ты парнемъ нарядилась?

Гость признался и разсказалъ хозяевамъ про свою судьбу.

— Ахъ, ты бѣдная!—пожалѣла киргизка.

— Теперь ты не бойся,—проговорилъ хозяинъ.—Баба мнѣ шепнула, я нарочно тебя ночевать оставилъ. Абдулка—разбойникъ, онъ бы тебя догналъ. Поспи, а на зарѣ пойдешь.

Онъ посовѣтовалъ-было Зигдѣ обрѣзать волосы, но та не захотѣла разстаться съ густыми своими косами. Хозяйка сама вымыла ей горячей водой голову, расчесала волосы костянымъ гребнемъ, снова подобрала и уложила ихъ по-прежнему колпачкомъ.

Небо только-что забѣлѣлось, а ужъ Зигда простилась съ хозяевами, оставила гостепріимный кровъ.

Горячими, раскаленными песками шла Зигда; въ теченіе сутокъ нигдѣ жилья не встрѣчала, не находила воды, чтобы утолить жажду; проливные

[1]) *Малай, малайка*—подростокъ, парень.

дожди и грозы заставали ее въ пути. Больше мѣсяца она шла, переносила всѣ невзгоды, лишенія и опасности. Она молилась богамъ, утѣшала себя игрой на кураѣ и пѣніемъ. Осталась, наконецъ, позади и печальная степь, увидѣла и большую рѣку, поросшую по берегу тростникомъ и камышами. Зигда вздохнула свободнѣе—теперь ужъ недалеко до Бухары! Свою радость она излила въ звукахъ, которые привлекли къ ней множество большихъ птицъ, и заставила слушать въ рѣкѣ рыбъ. Изъ прибрежныхъ камышей просунулась большая голова звѣря, голова, похожая на кошачью, съ пятнистымъ лбомъ; звѣрь не трогался и слушалъ; потомъ онъ опустилъ голову и легъ. Вблизи съ дороги раздались голоса, Зигда увидѣла какихъ-то новыхъ людей, непохожихъ ни на киргизовъ, ни на нагайцевъ: это ѣхали верхами сарты съ своими женами. Зигда поспѣшно встала и поспѣшила къ нимъ на-встрѣчу. Тѣ пріостановились. Она обратилась къ нимъ съ словами: далеко ли до Бухары, и такъ ли она идетъ. Тѣ слушали ее и молчали: они не знали башкирскаго языка. Но одинъ, должно быть, понялъ или догадался, показалъ рукою и что-то сказалъ. Другой досталъ изъ мѣшка хлѣба, дыню и изюму, подалъ Зигдѣ. Новыя красивыя мѣста открылись, стали попадаться селенія съ бѣлыми хижинами и садами; въ нихъ—привѣтливыя женскія лица, высокіе съ черными бородами мужчины, стройные парни.

VI.

Бухара велика. Много селеній прошла Зигда; не въ одномъ городѣ она побывала, встрѣчала разныхъ людей и между ними башкиръ, разспрашивала объ Арасланѣ. Никто не зналъ, гдѣ Арасланъ Рамзаевъ. Скоро въ Бухарѣ заговорили про молодого курайщика-башкиренка. Въ селеніяхъ и городахъ, гдѣ только былъ базаръ, появлялась и Зигда въ чекменѣ и шальварахъ; около нея собирались толпы народа, слушали игру и пѣсни.

Хороши города и селенія ваши,
Есть на что посмотрѣть!
Въ шелкахъ, жемчугахъ и монистахъ
Ходятъ красивыя женщины, дѣвушки,
Съ головами, покрытыми серебристыми тканями;
Пригожи, ловки здѣсь юноши,
Взоры ихъ блещутъ огнемъ.
Много богатства, довольства въ странѣ!..
Но душно, тѣсно въ стѣнахъ городскихъ,
Гдѣ рабы и невольники служатъ!..
Нѣтъ здѣсь свободы, простора,
Какъ въ нашей странѣ,
Башкиріи вольной, прекрасной,
Гдѣ люди свободны, какъ птицы,
Живутъ въ аулахъ, по горнымъ долинамъ,
Въ кочевьяхъ, въ степяхъ благодатныхъ, веселыхъ.
О, Арасланъ, гдѣ ты, откликнись
На пѣсню курая, пѣсню любезной страны!

Бухарцы и чужестранные люди, слушавшіе курайщика, не понимали словъ, но звуки и голосъ плѣняли ихъ слухъ. Одни башкиры знали, про что поетъ ихъ землякъ, довольно вздыхали и приговаривали:

— Такъ, правду малай играетъ. Лучше Башкиріи нѣтъ страны въ свѣтѣ!

— А какую пѣсню онъ ни поетъ, все про Араслана помянетъ. Надо поспрашивать, не знаетъ ли кто его?

Въ одномъ городѣ Зигда также играла на базарѣ, гдѣ были и башкиры. Услыша имя Араслана, башкиры стали переговариваться.

— Да не тотъ ли это Арасланъ, что работаетъ въ садахъ Мурзы?

— Пожалуй, что онъ: зовутъ Арасланомъ Рамзаевымъ...

Разспросили курайщика, какого Арасланъ башкирскаго рода и изъ какого аула, давно ли онъ покинулъ свою родину.

— Такъ мы знаемъ Араслана!—сказалъ одинъ изъ башкиръ:—ты найдешь его въ самомъ городѣ Бухарѣ: тамъ ихъ трое у богатаго Мурзы Алыбаева служатъ.

— Какъ мнѣ найти его тамъ, добрые люди?—спросила, обрадовавшись, Зигда.

— А будешь на базарѣ, встрѣтишь кого изъ нашихъ и спроси, гдѣ сады Мурзы Алыбаева. Да на базарѣ ты и самого Араслана увидишь.

Большой городъ Бухара, въ которомъ живетъ самъ ханъ, владыка надъ жизнью и смертью своихъ подданныхъ и рабовъ. Много Зигда увидѣла домовъ каменныхъ, башенъ съ золотыми серпами наверху, узкихъ и кривыхъ улицъ, базаръ съ лавками, въ которыхъ продавали шелковыя матеріи, сундуки, а на площади грудами навалены были арбузы, дыни, груши, лежали мѣшки съ изюмомъ и стояли короба съ виноградомъ. Много всякаго народа толпилось на базарѣ, богатыхъ и бѣдныхъ, босоногихъ, грязныхъ, оборванныхъ невольниковъ. Душа Зигды заплакала, сердце печалью охватило, и она запѣла:

За песками сыпучими,
За степями нагайскими
Вздымаются горы высокія,
Съ долинами изумрудными,
Рѣками, озерами свѣтлыми,
Потоками быстрыми.
Тамъ степи волнистыя
Травой-ковылемъ разстилаются,
Цвѣтами разубраны:
То край мой родимый,
Вольныхъ башкировъ страна!

День поетъ Зигда, другой—нѣтъ Араслана, не видитъ его въ толпѣ народа. Сердце ея рвалось къ мужу, скорѣе хотѣлось взглянуть на своего милаго; но она не шла въ сады Мурзы Алыбаева, она ждала, что Арасланъ придетъ на базаръ, услышитъ знакомый голосъ, игру на кураѣ, и узнаетъ, негодный, свою Зигду. Третій день Зигда на базарѣ. Поетъ она про башкира, который ушелъ со стадами въ чужую землю, покинулъ молодую веселую жену, позабылъ свою родину.

Два года жена дожидалася
Мужа негоднаго, нехорошаго,
На третій годъ не стерпѣла она,
Собралась и пошла въ страну дальную
Отыскать мужа заблудшаго..

— А вѣдь это Зигда играетъ! — раздался голосъ, и сквозь толпу проталкивался высокій молодой башкиръ, съ чернымъ усомъ и въ шапкѣ на затылкѣ.—Нѣтъ, это малайка, изъ нашихъ... Кто ты, малай, изъ какого рода?

Зигда вскинула на башкира свои темные глаза, посмотрѣла на него и покачала головой.

— Ахъ, ты глупый человѣкъ! — проговорила она.—Ему еще мало по голосу узнать, кто я: онъ еще спрашиваетъ? Гляди!—съ послѣднимъ словомъ Зигда сорвала съ головы шапку, густые волосы ея скатились волнами и разсыпались по плечамъ...

— Зигда!—вскричалъ башкиръ.

— А то кто же, какъ не я!

И слезы ручьями хлынули изъ глазъ молодой, красивой женщины.

Удивленіе толпы быстро перешло въ громкій смѣхъ, послышались веселые и довольные голоса:

— Вотъ такъ курайщикъ! Ай, малайка: баба, а не парень! Молодецъ!

Осенью на двухъ верблюдахъ, навьюченныхъ всякимъ добромъ, шелковыми матеріями и бухарскими тканями, воротилась на родину Зигда съ Арасланомъ. Весь аулъ кинулся имъ навстрѣчу, всѣ радостно привѣтствовали ихъ, въ томъ числѣ и женихи, крѣпко жали имъ руки и говорили:

— Здорово! пріѣхали оба. Вотъ это ладно... Ай, Зигда! нашла мужа.

— Да, ловко она насъ провела, — говорили и смѣялись женихи.—А мы, дураки, ждали...

— Я не обманула васъ,—отвѣчала Зигда:—я мужа себѣ нашла.

Цѣлую недѣлю пировалъ аулъ, празднуя новую свадьбу Зигды съ Арасланомъ. Молодые, мужъ и жена, не пожалѣли барановъ и быковъ, кумыса и крѣпкаго меду. А сколько Зигда подарковъ раздала женщинамъ и дѣвушкамъ! Арасланъ не даромъ зажился въ Бухарѣ: много всего онъ вывезъ оттуда на родину.

Башкиры до сихъ поръ не забыли смѣлой Зигды: курайщики поютъ про ея даръ играть пѣсни, про любовь, вѣрность и сильный характеръ.

Ф. Нефедовъ.

ПРИВѢТЪ.

Всѣмъ, кто сердцемъ свѣжъ и молодъ,
Какъ весеннихъ травъ расцвѣтъ,
Всѣмъ, кто какъ червонецъ золотъ,
Крѣпокъ, какъ булатный молотъ, —
Шлю привѣтъ!

Всѣмъ, кто вѣритъ въ жизнь и въ счастье,
Всѣмъ, кто любитъ Божій свѣтъ,
Въ комъ есть къ ближнему участье,
Кто бѣжитъ отъ мглы ненастья, —
Шлю привѣтъ!

Всѣмъ, кто путь земной проходитъ
Для борьбы и для побѣдъ,
Всѣмъ, кто ощупью не бродитъ,
Дружбы съ праздностью не водитъ, —
Шлю привѣтъ!

Всѣмъ, кто въ юность крѣпко вѣритъ,
Хоть въ морщинахъ онъ и сѣдъ,
На мошну людей не мѣритъ
И предъ зломъ не лицемѣритъ, -
Шлю привѣтъ!

О, когда-бъ я могъ направить
Пѣсней людямъ къ счастью слѣдъ
Могъ-бы злыхъ къ добру наставить, —
Сталъ-бы добрыхъ громко славить
Мой привѣтъ.

Но увы! слабѣютъ силы...
Въ пѣсняхъ нотъ бодрящихъ нѣтъ...
Сердце радости забыло...
И пою я такъ уныло
Свой привѣтъ...

Н. Позняковъ

ОСЕНЬ

Ужъ осень близится. Хоть сини небеса,
Багрянымъ золотомъ хоть листъ не разукрашенъ,
Но лѣсъ уже не тотъ: полей, луговъ и пашенъ
Къ упадку клонится созрѣвшая краса;
Нѣтъ прежней свѣжести, не вѣетъ прежней силой
Отъ солнечныхъ лучей, сквозящихъ чрезъ листву;
Все тихо, будто спитъ и грезитъ на-яву
Грядущей осенью, предтечею унылой
Зимы, сѣдой зимы...
И снова ты уйдешь
Отъ лона истины, съ полей природы ясной,
Туда, гдѣ царствуетъ всесильно и всевластно
Людская выдумка и городская ложь,
Гдѣ, тысячи тенётъ себѣ изобрѣтая
И путаясь всю жизнь, чудачитъ человѣкъ,
Враждуя и томясь, страдая и мечтая,
Какъ бѣлка въ колесѣ, свершая праздный бѣгъ.
Да, ты уйдешь туда, но унесешь съ собою
Природы чудный даръ, наслѣдіе весны,
Спокойный, свѣтлый взглядъ и мощь въ борьбѣ съ судьбою
И въ сердцѣ—ясное блаженство тишины.
Закованъ самъ въ себя, наружностью суровый,
Въ душѣ исполненный и мира, и любви,
Иди-жъ туда смѣлѣй и до весны, до новой,
Воспоминаніемъ цѣлительнымъ живи!

Н. Холодковскій.

С. С. Соломко.

Въ раздумьѣ.

ФОТ. И ТИП. П. БАБКИНА, СПБ.

ИНОКЪ КОЗМА ИНДИКОПЛОВЪ.

(Археологическій этюдъ).

Въ пору расцвѣта византійскаго искусства, въ блестящее время царствованія Юстиніана Великаго, въ одномъ изъ монастырей богатаго египетскаго города Александріи доживалъ свои дни инокъ Козма, прозванный по-гречески Индикоплевстомъ, а въ нашихъ старыхъ книгахъ Индикопловомъ.

Въ молодости и зрѣломъ возрастѣ онъ занимался торговлей и ѣздилъ за товаромъ въ Индію, торговля съ которой въ то время въ VI в. снова возродилась и направилась именно на Александрію, откуда затѣмъ товары развозились по всей Европѣ.

Начетчикъ, прошедшій хорошую жизненную школу, много видѣвъ и много испытавъ, на склонѣ своихъ дней Козма поступилъ въ монастырь, но сохранилъ не мало житейскихъ отношеній. На міру у него оставалось много друзей, которые искали всегда бесѣды съ нимъ, руководимые жаждой разъясненія и разрѣшенія различныхъ вопросовъ въ духѣ знанія того времени. Это знаніе, при всей наивности нѣкоторыхъ его положеній, охватывало всѣ стороны міросозерцанія и бытія и давало человѣческой пытливости извѣстную дисциплину мысли.

Друзья задавали Козмѣ различные вопросы космографическаго характера—о мірѣ, о звѣздахъ, о лунѣ и т. д. Изъ отвѣтовъ на каждый изъ этихъ вопросовъ слагались у него отдѣльныя монографіи, которыя Козма называлъ „словами“, и которыхъ первоначально онъ написалъ пять, а затѣмъ число ихъ возрасло до 12.

Теоріи Козмы были неправильны, но, по своему объясняя и подкрѣпляя ихъ своими данными и доводами, онъ приводилъ массу географическихъ свѣдѣній, которыя навсегда сохранили свою фактическую цѣнность. Его представленіе о мірѣ пошло назадъ сравнительно съ Птоломеевой системой, и онъ опровергалъ гипотезу шарообразности земли наивнымъ соображеніемъ объ антиподахъ; но въ этомъ опроверженіи Птоломеевой системы сказывалась тенденція христіанина, искавшаго новой формулы мірозданія на смѣну старой, опиравшейся на античныя традиціи. Вполнѣ религіозный строй мышленія автора „Христіанской топографіи“ естественно объясняется той средой, въ которой онъ теперь жилъ. Александрія была однимъ изъ важнѣйшихъ епископскихъ центровъ, и такіе святители, какъ Кириллъ и Климентъ Александрійскіе, вполнѣ упрочили въ мыслившихъ сферахъ этого города глубоко-христіанское міровоззрѣніе. Однимъ изъ опорныхъ пунктовъ того развитія христіанской догматики, какое получила церковь у александрійскихъ богослововъ, была идея исконности христіанскаго преданія, побуждавшая видѣть въ каждомъ словѣ Завѣта Ветхаго преобразованіе событій новозавѣтныхъ. Отсюда вытекаетъ то, въ одинаковой мѣрѣ живое отношеніе и къ новозавѣтнымъ, и къ ветхозавѣтнымъ событіямъ, съ какимъ мы встрѣчаемся въ „Христіанской Топографіи“ Козмы Индикоплова. Палестина была близка къ Александріи и относилась къ ея епархіи, такъ что было вполнѣ естественно всячески христіанизировать всѣ преданія, относившіяся къ этой колыбели нашего исповѣданія.

Содержаніе Библіи, во всемъ ея цѣломъ, является содержаніемъ книги Козмы. Съ истовостью и усердіемъ своего времени, Козма писалъ свою книгу въ роскошной пергаментной рукописи, украшая ее блестящими миніатюрами, отразившими въ себѣ прежде всего все вышесказанное библейское содержаніе.

Эти миніатюры занимаютъ въ высокой степени важное мѣсто въ исторіи трактовки библейскихъ сюжетовъ, равно какъ въ исторіи развитія пріемовъ живописнаго выраженія идеи и въ опредѣленіи преемства художественныхъ традицій.

Наука не можетъ утверждать, чтобы въ ея рукахъ находился первоподлинникъ сочиненія Козмы, но тотъ древнѣйшій списокъ этой рукописи, который находится въ Римѣ, въ Ватиканской библіотекѣ, и изданъ въ 1710 г. Монфокономъ, несомнѣнно сдѣланъ въ ту же, намѣченную нами въ началѣ нашего изложенія эпоху расцвѣта византійскаго искусства, простиравшуюся со средины V до исхода первой четверти VII столѣтія.

Въ пользу такого утвержденія несомнѣнно говорятъ прежде всего палеографическія данныя, представляемыя этимъ памятникомъ. Листовая рукопись Ватиканскаго кодекса написана монументальными маюскулами, или по нашему уставнымъ письмомъ, безъ всякихъ надстрочныхъ знаковъ; если они и пестрятъ первую половину рукописи, то, очевидно, сдѣланы другой рукой и другими чернилами. Характеръ очертанія буквъ отличается выдержанностью въ смыслѣ соотвѣтствія всѣмъ палеографическимъ особенностямъ греческихъ рукописей до начала VII вѣка.

Не менѣе выдержанъ и художественный стиль украшающихъ рукопись миніатюръ. Отличающіяся особой живописью краски сполна покрываютъ здѣсь контуры фигуръ, выписанныхъ въ старомъ античномъ духѣ. Приземистое, но пропорціональное во всѣхъ частяхъ съ сильно выраженнымъ развитіемъ мускулатуры, тѣлосложеніе, какое мы видимъ здѣсь въ изображеніи каждаго лица, представляетъ тѣ же черты, съ какими мы свыклись въ античной скульптурѣ. Въ такомъ духѣ написано дышащее античной красотой изображеніе Авеля, интересное и въ другихъ отношеніяхъ, о чемъ будемъ сказано ниже. Видно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ художникомъ, вкусъ котораго воспитался на античныхъ образцахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ усвоенные на этомъ изученіи пріемы не служатъ для него лишь только рутиной: въ немъ, напротивъ, проявляется развитіе художественной мысли, ея творческая работа, которая въ поискахъ за правдивымъ выраженіемъ извѣстной идеи не останавливается передъ новымъ началомъ, естественно заполняющимъ сознаніе художника, когда онъ видитъ себя окруженнымъ новыми условіями дѣйствительности. Не нужно забывать, что, при всемъ могуществѣ античныхъ традицій въ искусствѣ, и пять вѣковъ христіанства, предшествующихъ той порѣ, о которой у насъ теперь идетъ рѣчь, не прошли для искусства безслѣдно. Искусство катакомбъ уже создало, напримѣръ, поэтическій образъ „добраго пастыря", духъ котораго сказался сполна въ вышеупомянутой композиціи *Авель со стадомъ*.

Но теперь уже церковь Христова вышла на свѣтъ Божій; земныя „начала и власти" уже не преслѣдуютъ ее, а, напротивъ, въ нѣдрахъ ея находятъ опору своего авторитета. Вотъ почему, когда въ текстѣ „Христіанской топографіи" идетъ рѣчь о Мельхесидекѣ, царѣ-первосвященникѣ, то иллюстраторъ VI в. по Р. Хр. не можетъ представить себѣ лучшаго выраженія могущества церковнаго и государственнаго, какъ обликъ византійскаго императора, въ его роскошномъ, церковнаго характера одѣяніи. Соотвѣтственно этому, миніатюристъ рисуетъ Мельхесидека въ полномъ облаченіи византійскаго императора и, руководимый чутьемъ художественной правды, беретъ уже не античныя черты лица, но строго византійскій типъ суживающагося овала, съ почти заостреннымъ подбородкомъ.

Черты свободнаго развитія искусства сказываются здѣсь и въ другихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, художникъ даетъ намъ изображенія пророковъ, низведенныя впослѣдствіи къ однообразному для всѣхъ иконописному шаблону, который предписываетъ изображать пророка вообще старикомъ съ длинной бородой, исключая, впрочемъ, одного Аввакума, случайно какъ то сохранившаго въ иконописи свое юное обличіе.

Однимъ словомъ, въ манерѣ художника, иллюстрировавшаго нашу рукопись, сказывается умѣнье прежней традиціи, примѣняемое въ живой сферѣ не застывшаго еще развитія искусства.

Обращаясь къ трактовкѣ сюжетовъ,—сюжетовъ не выходящихъ, надо прибавить, и по сей часъ изъ круга нашего художественнаго обихода, мы встрѣчаемся опять-таки съ чертами, которыя заслуживаютъ особаго изученія и могутъ внести существенныя поправки въ установленные пошибы современной разработки такого рода темъ. Но, разбирая каждую иллюстрацію, необходимо, конечно, имѣть въ виду ея мѣсто въ текстѣ, въ соотвѣтствіи съ подлежащимъ параграфомъ изложенія, а не полагаться на то̀ впечатлѣніе, какое производитъ сочетаніе различныхъ композицій въ воспроизводящихъ памятникъ изданіяхъ, которыя, не преслѣдуя цѣлей палеографическихъ и историко-филологическихъ, воспроизводятъ однѣ миніатюры безъ текста. Кромѣ того, при иллюстрированіи событія, совершающагося во времени, а потому охватывающаго собою цѣлый рядъ моментовъ, является необходимость каждому моменту дать свою иконографію, что̀ и дѣлалось въ рукописи, при чемъ каждое изъ этихъ отдѣльныхъ изображеній не имѣло для себя обрамленнаго фона, лишь уходя на-нѣтъ. Но сдвиньте одни къ одному эти рисунки, относящіеся къ различнымъ моментамъ одного и того же событія, и у васъ получится изобразительная нелѣпость, на-

зрѣвшая, правда, въ большинствѣ случаевъ, еще на почвѣ копированія, задолго до воспроизведенія памятника его учеными изслѣдователями.

Обратимся теперь, напримѣръ, къ композиціи, изображающей жертвоприношеніе Исаака. Оно представлено тоже въ цѣломъ рядѣ послѣдовательныхъ моментовъ, въ чемъ, конечно, сказалось стремленіе художника къ реализму, простотѣ и жизненности композиціи. Въ особой мѣрѣ эта жизненность и правда реализма сказались въ моментъ самаго закланія: Авраамъ заноситъ надъ сыномъ ножъ, прямой, какой искони употреблялся при закланіи всякаго жертвеннаго животнаго; онъ заноситъ ножъ съ тѣмъ естественнымъ движеніемъ руки, какое можно себѣ, соотвѣтственно этому, представить. Стоитъ сопоставить эту, исполненную жизненной правды и силы композицію съ современными академическими программами на библейскія темы, чтобъ убѣдиться въ глубокомъ значеніи того освѣжительнаго вліянія, какое могло бы вносить въ наши художественныя сферы живое отношеніе къ богатымъ даннымъ художественной археологіи.

Если затѣмъ обратиться къ тѣмъ же миніатюрамъ съ цѣлью опредѣленія основныхъ типовъ христіанской иконографіи, то рукопись дастъ характернѣйшее изображеніе Христа, за которымъ утвердилось значеніе портретнаго изображенія, живое изображеніе страшнаго суда, изображеніе Даніила во рву львиномъ и царя Давида съ хорами и съ олицетвореніемъ плясовицы, въ видѣ двухъ пляшущихъ женщинъ древнегреческаго типа: патріарха Еноха, въ видѣ мощнаго античнаго юноши, отъ котораго отворачивается фигура смерти. Въ особенности цѣнную композицію представляетъ здѣсь иллюстрація обращенія Савла. Посрединѣ здѣсь характерно-типичное изображеніе ап. Павла во весь ростъ, съ его извѣстной взлысиной на лбу. Налѣво представлено происшествіе по пути въ Дамаскъ. Савлъ стоитъ съ поднятымъ кверху лицомъ и яснымъ, смѣлымъ взглядомъ. Ниже онъ изображенъ упавшимъ ницъ, а справа отъ типичнаго апостольскаго его лика, онъ представленъ ведомый мальчикомъ, причемъ живо схваченъ характеръ движенія въ походкѣ слѣпого человѣка. Особая черта всѣхъ этихъ изображеній, представленныхъ всегда хотя и во весь ростъ, но безъ почвы подъ ногами, ихъ монументальный характеръ, — естественный результатъ античныхъ вліяній въ сферѣ эстетическихъ привычекъ, воспитанныхъ на древнеэллинской скульптурѣ. Тотъ же монументальный характеръ сказывается и въ большой композиціи съ изображеніями Іоанна Крестителя, Христа, Захарія, Елисаветы и Богоматери. Кромѣ древнѣйшей Ватиканской рукописи, къ которой и относится до сихъ поръ все наше изложеніе, до насъ дошли и другія редакціи того-же памятника, а именно Лаврентійскій и Синайскій (см. Н. П. Кондаковъ. Путешествіе на Синай, стр. 138). Синайскій списокъ, отличаясь особой полнотой, очевидно, судя по даннымъ палеографическимъ, относится также, какъ и Лаврентіанскій къ X в., но сдѣланъ раньше этого послѣдняго и болѣе изященъ по отдѣлкѣ.

Особую черту Синайскаго кодекса составляетъ преобладаніе въ немъ миніатюръ, разъясняющихъ самую топографію вселенной, въ ущербъ количеству иконографическихъ изображеній, въ нѣкоторыхъ случахъ даже и опущеннымъ миніатюристомъ X в., для котораго эстетическія особенности памятника VI в. потеряли уже свое значеніе. Съ такимъ характеромъ перешла рукопись Козмы Индикоплова и къ намъ на Русь, насколько о томъ можно судить по списку XVI в., изданному Императорскимъ Обществомъ Любителей Древней Письменности.

Къ этой рукописи мы не можемъ, конечно, приложить того эстетическаго мѣрила, съ которымъ мы подходили къ рукописи Ватиканской, но она все-таки даетъ историку искусства данныя для сопоставленія трактовокъ библейскихъ сюжетовъ. Тѣ отступленія, съ какими мы встрѣтимся здѣсь, во всякомъ случаѣ напрашиваются на какое-нибудь объясненіе.

Синайскій миніатюристъ опустилъ изображенія Давида съ хорами и Страшный судъ; но всѣ эти композиціи нашли себѣ мѣсто въ нашей рукописи XVI в. Мы находимъ ихъ въ изданіи И. О. Л. Д. П. на стр. 124 и 202. Однако, вторая изъ этихъ композицій, представленная въ видѣ послѣдовательныхъ поясовъ, въ послѣднемъ изъ нихъ отступаетъ отъ своего прототипа. Въ верхнемъ поясѣ изображенъ Іисусъ Христосъ на тронѣ; затѣмъ представлены силы небесныя; въ слѣдующемъ поясѣ— силы земныя, и въ послѣднемъ—преисподняя. Въ то время, какъ въ Ватиканской рукописи обитатели преисподней представлены по поясъ въ землѣ, въ нашей рукописи они представлены въ видѣ спеленатыхъ мумій, въ чемъ

наша рукопись сходится съ нѣкоторыми средневѣковыми изображеніями настѣнной живописи.

Затѣмъ, композиціями, самостоятельными по отношенію къ Ватиканской, Лаврентіанской и Синайской редакціямъ, въ нашей рукописи являются слѣдующія иконографическія композиціи: Ноевъ ковчегъ (20 стр.), столпотвореніе Вавилонское (40), разрушеніе Іерихона (109), Жизнь Царя Давида (123).

Послѣдняя представлена въ трехъ рядахъ: въ 1-мъ Давидъ играетъ на лирѣ; бьетъ медвѣдя; раздираетъ челюсти льва; во 2-мъ Самуилъ помазуетъ Давида; затѣмъ тутъ же представленъ Голіаѳъ; тутъ же Давидъ убиваетъ Голіаѳа изъ пращи; въ 3-мъ ряду мы имѣемъ тожественныя изображенія царя Давида и царя Саула; по обѣ стороны воины. Черезъ всю композицію проходитъ изображеніе Давида, облеченнаго въ пастушескую милоть.

Въ композиціи, представляющей Ноевъ ковчегъ, прежде всего изображенъ Ной съ нимбомъ на головѣ. Съ топоромъ въ рукахъ онъ работаетъ надъ ковчегомъ, сооруженнымъ въ видѣ ротонды. Далѣе—ковчегъ уже отстроенъ, и въ двери его виденъ задъ лошади. Ниже—Адамъ варитъ въ котлѣ, а еще ниже—его домочадцы гонятъ разныхъ звѣрей попарно. При несовершенствѣ рисунка можно, однако, различить оленей и верблюдовъ. По волнамъ рѣки, изливающейся въ море, трижды изображенъ плывущій ковчегъ, съ вылетающими изъ него птицами. Внизу, въ волнахъ—обломки разрушенныхъ зданій и вòронъ, раздирающій трупъ.

Въ композиціи, представляющей столпотвореніе Вавилонское, внизу, у входа въ башню, изображенъ на тронѣ Немвродъ въ костюмѣ византійскаго императора, а по другую сторону башни два рабочихъ, спиной другъ къ другу, съ помощью особаго рычага, плечами подымаютъ вверхъ камни. Въ башнѣ òкна второго этажа сдѣланы въ византійскомъ стилѣ со столбикомъ посрединѣ. Сверху летятъ люди, и въ движеніи ихъ фигуръ схвачено выраженіе ужаса, равно какъ въ рабочихъ проявлено непосильное напряженіе.

Іерихонъ изображенъ въ видѣ округлаго зданія съ куполомъ на округломъ покрытіи. Изъ оконъ видны фигуры прячущихся женщинъ и дѣтей; кругомъ іудейскіе вòины трубятъ въ трубы. Внизу большая фигура архангела Михаила, и передъ нимъ склонилъ колѣни Іисусъ Навинъ. При наивности рисунка и аляповатости наложенія красокъ (желтая, красная, синяя и черная) все же проглядываетъ экспрессія движенія въ живой постановкѣ фигуръ.

Итакъ, даже въ русской, аляповато сдѣланной рукописи мы нашли не мало заслуживающихъ вниманія отраженій византійскаго искусства. Тѣмъ болѣе любопытны черты этого искусства въ его первоисточникѣ. Посвящаемъ нашъ очеркъ русскимъ художникамъ, которымъ въ годы ученія не грѣхъ штудировать памятники, въ такомъ родѣ, какъ популярный у нашихъ предковъ Козма Индикопловъ.

Евгеній Гаршинъ.

* * *

Во дни сомнѣній и печали
Я счастья въ жизни не терялъ:
Хоть изъ туманной, смутной дали,
Меня всесвѣтлый идеалъ
Къ служенью ближнимъ призывалъ.

N.

ЧТО МОЖНО НАЙТИ ВЪ СТАРОМЪ ПОМИНАНЬѢ?

(Экскурсъ въ русскую литературу XVII вѣка).

Hic occupatos alloquentur mortui.
Старая библіотечная надпись.

Извѣстно, что старая русская литература не только до изобрѣтенія книгопечатанія, но и по появленіи его на Руси, вплоть почти до XIX столѣтія, должна быть изучаема по рукописнымъ матеріаламъ, частью обнародованнымъ, частью и донынѣ мирно почивающимъ въ различныхъ нашихъ учрежденіяхъ, начиная съ музеевъ и общественныхъ библіотекъ и кончая болѣе чѣмъ скромными книгохранилищами нашихъ монастырей и церквей. Много интересныхъ данныхъ извлечено изъ всевозможныхъ старинныхъ сборниковъ, предназначенныхъ для чтенія, но мало до сихъ поръ обращали вниманія на рукописи *обрядоваго* содержанія. Трудно, кажется, найти живое начало подъ сухою, застывшею формою такой книги, какъ синодикъ, „сенаникъ", диптихъ, по просту сказать—поминанье съ цѣлымъ рядомъ мужскихъ и женскихъ именъ: помяни, Господи, рабовъ своихъ и т. д. Но дѣло, оказывается, обстоитъ иначе. Передъ перечнемъ именъ обыкновенно помѣщаются разныя повѣсти объ умершихъ и смерти, часто съ иллюстраціями,—„лицевыя", представляющія драгоцѣнный матеріалъ и для исторіи литературныхъ странствующихъ сюжетовъ вообще, и для исторіи русской литературы и русскаго искусства въ частности. Покойному академику Буслаеву обязаны мы первоначальной разработкой этихъ данныхъ, также какъ пр. Ѳ. И. Успенскому изслѣдованіемъ такъ-называемаго чина православія (поминовенія усопшихъ и анаѳемы еретикамъ), доселѣ совершающагося у насъ на первой недѣлѣ Великаго поста и составляющаго первую часть синодика. Въ своей книгѣ „Очерки по исторіи византійской образованности, Спб. 1892", Успенскій чрезвычайно остроумно раскрылъ, какія важныя движенія философствующей мысли на православномъ Востокѣ скрыты подъ сухими формулами благословенія или отлученія отъ церкви. Кой-что не менѣе любопытное найдется и въ книгѣ пр. *Е. В. Пѣтухова* „Очерки изъ литературной исторіи синодика, Спб. 1895 г."; но не объ этихъ работахъ пойдетъ моя рѣчь. Передо мной лежатъ двѣ рукописи: одна въ старинномъ кожаномъ переплетѣ съ жуковинами и застежками—синодикъ 1691 г. Псковской церкви Воскресенія Христова на Полонищѣ, разобранной въ 30 хъ гг., другой отрывокъ изъ Новгородскаго синодика тоже XVII вѣка, отрытый въ кучѣ бумажнаго хлама неотопляемой и заброшенной библіотеки N—скаго монастыря. Обѣ рукописи, потертыя, грязныя, безъ рисунковъ, если не считать плохихъ заставокъ (виньетокъ тожъ), съ однимъ давно извѣстнымъ сказаніемъ о Макаріи Египетскомъ и причинахъ поминовенія усопшихъ въ 3, 9 и 40 день, съ перваго взгляда не даютъ ничего новаго, любопытнаго, живого для читателя XIX вѣка. Но познакомимся поближе съ этими „раритетами", и подъ корой формалистики и оффиціальности засвѣтятъ намъ искры теплой христіанской любви къ ближнему, отшедшему въ вѣчность, встрѣтятся зачатки того, чѣмъ мы такъ дорожимъ въ „Божественной Комедіи" Данта. Не стѣсненные каноническими постановленіями, давали составители синодиковъ ходъ своему личному чувству и волѣ, и вотъ чтó находимъ мы въ этихъ *двухъ* синодикахъ. Новгородскій синодикъ, оффиціально перечисливъ великихъ князей, царей, княгинь и царевенъ, патріарховъ, митрополитовъ московскихъ и новгородскихъ, даетъ общую молитву за „праотцевъ, иноковъ и инокинь, блаженныхъ, уродивыхъ, создателей церквей и честныхъ монастырей, игумены и братію собравшихъ и пищею и милостынею неоскудно доволившихъ имени ради Господня святаго, служащыхъ на ратехъ... и всячески погубляемыхъ отъ рукъ безбожныхъ". Уцѣлѣли молитвы и о плѣненныхъ татарами: „помяни, Господи, души преставльшихся, иже въ плѣнъ *поганыхъ* заведены быша и всячески изнужены быша въ темницахъ и во юзахъ и во всяческихъ мученіи(яхъ) и осквернены(ніяхъ) всячески животъ свой тамо скончавшихъ" (л. 1—2). И невольно встаютъ предъ глазами читателя кровавыя времена татаръ, отводившихъ толпами плѣнныхъ русскихъ на далекій востокъ. Помнитъ объ этомъ и народная пѣсня. Татаринъ беретъ дань.

У котораго денегъ нѣтъ, —
У того дитя возьметъ,

У котораго дитя нѣтъ, —
У того жену возьметъ,
У котораго жены-то нѣтъ —
Того самого головой возьметъ.

И приходилось, что на татарскомъ дуванѣ

«Теща зятю доставалася», потому что ея дочь
«Что семи то лѣтъ во полонъ взята».

Припоминаются перепроданныя оттуда (въ XIV в.) на югъ Франціи, въ Русильонъ, русскія служанки, няньки и кормилицы, открытыя проф. Дашкевичемъ, вспоминается Василій Шереметевъ (XVII в.), просидѣвшій двадцать лѣтъ въ каменной пещерѣ Чуфутъ-Кале, близъ Бахчисарая...

Перечисляются всякіе роды смерти, причемъ самая рѣчь носитъ извѣстный поэтическій оттѣнокъ и мѣстами напоминаетъ старинные заговоры: „помяни, ихже поглоти вода въ мори и рѣкахъ, и брань, пожаръ и трусъ (землетрясеніе) обьятъ и оубійцы убиша и огнь попали; яже звѣремъ и птицамъ и гадомъ снѣдь быша, и отъ зѣльныхъ вѣтръ восхищенны быша, и пополяемыя отъ молнія; и измершыя мразомъ, въ горахъ, и на пути, и на мѣстахъ пустыхъ; ихже уби мечъ, и конь восхити, и градъ, и снѣгъ, и дождь умноженъ, и персть (земля) посыпа; ихже убиша чаровныя отравы, и удавленія, съ высоты и стремнинъ спадшаяся; отъ древа, и желѣза, и камени, и отъ клича зѣлна, и скоро теченіа (бѣга), и заушеніи, и попраніи конскими (колесницами), и поглощенныя зміями, и обвѣшенныя, и отъ Божія посѣщенія моромъ умершыя“ (Псковской синодикъ, л. 22—23).

Въ Псковскомъ синодикѣ почти нѣтъ страницы, нѣтъ года, гдѣ бы не стояло помѣтки *оуб.* или *сх.* т.-е. „убитаго“ или „схимонаха“. Не велика была общественная безопасность, и многіе искали предсмертнаго успокоенія въ схимѣ. Наряду съ этимъ читаемъ краснорѣчивыя историческія припоминанія: „҂ⷬрⷦкⷦд (1613) мѣсяца октоврія въ (9) день на память святаго апостола Іякова Алѳеева сіи побіени быша: помяни, Господи, души рабовъ Твоихъ, иже добре храбръствовавшихъ и мужественно подвизавшихся и крови своя проліяша и души своя положиша за святыя Божія церкви и за государя царя и за все православное христіанство во граде Пскове и во окрестныхъ мѣстахъ, побиенныхъ на проломѣ и на приступѣхъ отъ Свейскаго немецкаго короля“ (Густава Адольфа) и далѣе перечисляются около сотни именъ. Пониже идутъ моленія о другихъ душахъ „отъ литовскаго короля Стефана Баторія (въ 1581 г. при осадѣ Пскова) побитыхъ“. Далѣе: „҂рⷩѕ (1651) ноября въ кⷥз (27) день государь царь и великій князь Алексій Михайловичъ всея Россіи указалъ на Москвѣ и въ градѣхъ въ соборныхъ церквахъ и въ большихъ монастырехъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, и всякихъ чиновъ людей, которые въ прошломъ во ҂рⷩи (1650) году на его государевой службѣ подъ Псковомъ межиусобною бранію на бояхъ побиты (псковскій бунтъ 1649 г.) написати имена ихъ въ вѣчные синодики, а годовой памяти по тѣхъ побитыхъ быти іюля въ ӏ҃и (18) день. Тѣмъ именамъ роспись“. Упомянуты новгородцы (Григорій Сѣкиринъ, Иванъ Хвостовъ, Петръ Арцыбашевъ, Спиридонъ Путятинъ и т. д.), Псковичи, Пусторжевцы, Зубчане, Торопчане, Лучане и Луцкіе казаки (Гречюха, Почекай, Пирачевъ и пр.) [1]).

О бѣдныхъ, о неимущихъ всего чаще говоритъ синодикъ:

„Помяни, Господи, души нищыя, трудоватыя (больные) разслабленныя, вредныя (покрытые ранами), оуродивыя (слабоумные), и всякими недуги и скорбьми одержимыя, по улицамъ и на распутіяхъ лежащихъ и въ таковыхъ нуждахъ всячески животъ свой скончавше (вшихъ). Помяни, Господи, ихъ же нѣсть кому помянути на земли *сиротства ради* и послѣднія ради нищеты, ихъ же имена не свѣмъ (не знаю), но Ты, Господи, вѣси (знаешь) Самъ имена ихъ и помяни ихъ во царствіи Своемъ“. (Новг. синод. л. 4).

Высокое, гуманное чувство вѣрующаго христіанина XVII вѣка шло еще дальше: онъ молился не только за нищихъ, но и *за самоубійцъ*. Вопросъ объ ихъ поминовеніи, о которомъ когда-то такъ краснорѣчиво разсказывалъ Н. С. Лѣсковъ, такъ недавно разрѣшенъ современною церковною властью. „Помяни, Господи, души преставльшихся сиротъ убогихъ гладомъ и жаждею отъ мраза и

[1]) Подобныя записи есть и въ другихъ синодикахъ. Такъ, въ Псковскомъ Троицкомъ синодикѣ записаны стрѣльцы Григорія Вельяминова, и стрѣльцы, умершіе смертоносною язвою въ Юрьевѣ Ливонскомъ на государевой службѣ. Въ Псковскомъ Любятовскомъ синодикѣ — Аѳанасій Вельяминовъ, „убитый мятежниками и ворами псковскими“ въ 1649 г., и цѣлая запись о поминкахъ монаха Леонтія Остолопова въ 1694 г. и т. д. Ср. *Шляпкина*: Опись рукописей и книгъ Музея Арх. Псковской коммиссіи П. 1879 и его же: Синодикъ Псковскаго Мирожскаго монастыря, Пам. Древн. Письм. 1880, IV, 115—135. Въ послѣднемъ поминается 318,000 христіанъ, избіенныхъ отъ безбожнаго царя Мамая, побіенные и сожженные отъ царя Батыя вѣры Твоея ради Христовы, сгорѣвшіе во Псковѣ 2 августа 1690 г.—Господи, ты вѣси имена ихъ и пр.

наготы нужную (т.-е. насильственную) смерть пріемшихъ, въ скудельницахъ (по нашему въ мертвецкихъ на съѣзжей, т.-е. при полиціи) лежащихъ, виномъ опившихся, и отъ своихъ рукъ обѣсившихся (повѣсившихся), и смертнымъ зеліемъ опившихся, и *во изступленіи ума* всяческими смертьми нужно (насильственно) животъ свой скончавшихъ". Сквозь плохой мнимославянскій церковный оборотъ рѣчи слышится живое теплое чувство, ясно понимающее тяжкое положеніе крѣпостнаго холопа: „Помяни, Господи, душы тѣхъ, которые осуждены, по дѣломъ или *не по дѣломъ* смертныя казни преданы, *отъ насилія господей своихъ животъ свой скончаша*. Помяни, Господи, душы рабъ и рабынь, *мучимыхъ отъ насилія господей своихъ и всякою работою нудящихъ и до смерти біющихъ, и всякими ранами и муками животъ свой скончавше*" (Новг. синод. л. 2).

Но не всѣ умершіе подойдутъ подъ эти категоріи, и вотъ синодикъ трогательно молится и за безвѣстныхъ: „Помяни, Господи, душы, иже *которые безъ памяти и безъ вѣсти заидоша и всякою безвѣстною смертію скончавшихся*, ихже не свѣмы (не знаемъ) помянути, жива или мертва, понеже безвѣстенъ, но Ты, Господи, вся вѣси (знаешь) живыя и преставльшаяся и помяни Господи ихъ во царствіи Твоемъ" (Новг. синод. л. 4). Наконецъ въ прекрасной молитвѣ Новгородскій синодикъ говоритъ: „Помяни, Господи, душы рабъ Твоихъ *всѣхъ православныхъ христіанъ*, иже во благочестивѣй вѣрѣ поживших на земли во обхожденіи солнца и во всѣхъ концѣхъ вселенныя, въ пустынѣхъ и во всякомъ мѣстѣ, вѣрующихъ и проповѣдующихъ Тебѣ истиннаго Бога Нашего и Пречистую Владычицу Богородицу и всѣхъ святыхъ, иже въ надежи воскресенія и жизни вѣчныя преставльшихся отъ житія сего отъ Адама и до сего дне... всяко достояніе, всякою смертію скончавшихся и къ Тебѣ Единому Владыцѣ и Благодателю Милосердому Богу Господу нашему Іисусу Христу отшедшыя, иже здѣ и повсюду лежащихъ окрестъ святыхъ Твоихъ церквей [1]), и на всякомъ мѣстѣ Владычествія Твоего. Прости имъ вся, отнелѣ же (съ тѣхъ поръ) какъ родишася и къ Тебѣ преставишася, елика согрѣшиша словомъ и дѣломъ и помышленіемъ, волею и неволею. Ты, Владыко Господи Царю Вышній, Творецъ небеси и земли, власть имый на небеси и на земли миловати и спасати насъ грѣшныхъ: Ты бо, Господи, вся вѣси немощи наша и помышленія. Самъ, Господи, реклъ еси Своими усты ученикомъ своимъ и апостоломъ: не хощу смерти грѣшнаго, но ожидая обращенія его и покаянія. Тѣмъ же Ти, Господи Многомилостиве, молимся грѣшніи раби Твои: всели души рабъ Твоихъ въ небесныи градъ горній Іерусалимъ и подаждь имъ наслѣдіе вѣчныхъ Твоихъ благъ и водвори [1]) ихъ въ небесная селенія, въ безконечный животъ и радость неизреченную, идѣже присѣщаетъ свѣтъ лица Твоего и веселитъ вся иже отъ вѣка святыя Твоя".

Псковскій синодикъ еще шире захватываетъ— всѣхъ усопшихъ, а не однихъ православныхъ христіанъ.

„Помяни Господи душы: всякъ возрастъ, дѣды и прадѣды, отцы и праотцы, иноки и мирстіи, старцы и юноши, отроки и младенцы, мужескъ полъ и женескъ, умершая во благодѣйствіи и *злодѣйствіи*, всякими бѣдами и болѣзнями животъ свой скончавшихся (=вшихъ) *отъ Адама и до сего дни послужившихъ Тебѣ въ житіи семъ*, преже закона, и въ законѣ и по воспріятіи благодати святого крещенія, *прославльшихъ пречестное святое Твое Имя*. Покой Господи души ихъ въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ покойнѣ и въ селѣхъ праведныхъ, яко не мертвіи восхвалятъ тя, Господи, ни во адѣ исповѣданія Ти принесутъ, но мы живіи молимся: Владыко въ день страшнаго и праведнаго Твоего суда, одесную тебе стати и сподобитися наслѣдникомъ быти небеснаго царствія твоего, благодатію и человѣколюбіемъ Безначальнаго Ти Отца, и Тебе Единороднаго Сына, и Всесвятаго и Животворящаго Духа и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ Аминь.

Думаемъ, что какихъ бы убѣжденій человѣкъ ни былъ, онъ не можетъ отказать нашимъ синодикамъ въ глубокомъ человѣческомъ чувствѣ и истинной христіанской любви къ прежде отшедшимъ отцамъ и братіямъ нашимъ. Не здѣсь ли слѣдуетъ искать корень того величаваго спокойствія, съ которымъ умираетъ русскій человѣкъ и которое подмѣчено великимъ русскимъ художникомъ, гр. Л. Н. Толстымъ?

И. Шляпкинъ.

[1]) Въ старину кладбища занимали церковный погостъ даже и среди города.

[1]) Въ подлинникѣ ошибочно: водворити.

ИЗЪ АЛЬБОМА Г. Л. и А. П. КРАВЦОВЫХЪ.

Нижеприводимыя записи взяты изъ альбома умершаго въ 1890 году Григорія Львовича Кравцова и вдовы его, Антонины Петровны, живущей теперь въ Воронежѣ. Г. Л. Кравцовъ былъ по спеціальности ветеринарный врачъ. Его двѣ книги: „Убойный скотъ въ Петербургѣ въ 1876—1885 годахъ" (Спб. 1886 г.) и „Скотопригонный дворъ въ Петербургѣ и его промышленныя операціи" (Спб. 1879 г.) пользуются извѣстностью среди спеціалистовъ и послужили поводомъ къ тому, что незадолго до своей смерти Григорій Львовичъ былъ избранъ въ почетные члены С.-Петербургскаго Общества Ветеринарныхъ Врачей и членомъ Ветеринарнаго Комитета при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Имѣется еще въ печати популярная брошюрка Г. Л. Кравцова „Единство въ разнообразіи. Монографія углей" (Воронежъ, 1870 г.) и отчетъ о поѣздкѣ въ Киргизскія степи Европейской и Азіятской Россіи (Спб. 1877). Путевыя затѣтки Г. Л. печатались во „Всемірной Иллюстраціи" начала 70-хъ годовъ.

Несмотря на свою скучную спеціальность, столь мало имѣющую отношенія къ литературѣ въ непосредственномъ смыслѣ этого слова, Г. Л. былъ страстный любитель всего литературнаго. Человѣкъ замѣчательно отзывчивый, онъ волновался всѣми событіями литературно-общественной жизни. Эта отзывчивость дѣлала его бесѣду чрезвычайно привлекательною, чѣмъ и объясняется, что гостепріимный домъ Кравцовыхъ очень охотно посѣщался многими литераторами и учеными. Изъ лицъ, которыхъ я тамъ видѣлъ, въ началѣ 80-хъ гг., припоминаю покойнаго Ядринцева, Е. Н. Водовозову, В. И. Семевскаго, Л. Ѳ. Пантелѣева, Н. М. Минскаго, Л. К. Попова (Эльпе), Л. З. Слонимскаго, молодого поэта, теперь пріобрѣвшаго громкую извѣстность подъ именемъ Мельшина, извѣстнаго изслѣдователя общины П. А. Соколовскаго, собирателя народныхъ пѣсенъ П. В. Шейна, А. А. Ольхина и многихъ другихъ. Еще больше хозяина, привлекала въ домѣ Кравцовыхъ хозяйка, замѣчательная во всѣхъ отношеніяхъ женщина, знакомство съ которой (для меня лично, по крайней мѣрѣ) было очень поучительно для вѣрнаго пониманія шестидесятыхъ годовъ. Антонина Петровна Кравцова, пользовавшаяся большою извѣстностью въ передовыхъ кружкахъ шестидесятыхъ годовъ подъ своей дѣвической фамиліей Блюммеръ, была первая женщина, явившаяся на университетскія лекціи, когда петербургскій университетъ въ началѣ новой эпохи гостепріимно открылъ двери для женщинъ и вольнослушателей. Нижеприводимое стихотвореніе Ядринцева является отголоскомъ того впечатлѣнія, которое произвело въ свое время появленіе въ стѣнахъ университета женщины, пришедшей за научными знаніями. Блюммеръ поддерживала живыя, дружескія сношенія со всѣми выдающимися литераторами шестидесятыхъ годовъ, и между прочимъ была особенно близка съ Н. Г. Чернышевскимъ. Наконецъ, Антонина Петровна первая подстригла волосы... Такимъ образомъ, съ формальной точки зрѣнія, это была настоящая „нигилистка". Но стоило сколько-нибудь ближе къ ней присмотрѣться, чтобы убѣдиться, что имѣешь дѣло съ романтизмомъ чистѣйшей воды, съ истинной жаждой подвига... Въ этомъ смыслѣ я и считаю симпатичную личность Антонины Петровны чрезвычайно поучительною для характеристики движенія шестидесятыхъ годовъ, мнимый „реализмъ" которыхъ, по существу, былъ самымъ высокимъ идеализмомъ. Яковъ Петровичъ Полонскій—писатель, котораго, по общему строю его міровоззрѣнія, ужъ никакъ нельзя причислить къ защитникамъ „нигилизма", хорошо понялъ эти романтическіе порывы молодой дѣвушки, и въ своемъ романѣ „Нечаянно" вывелъ Антонину Петровну съ самой привлекательной стороны въ лицѣ организатора филантропическаго общества.

Любитель всего, касающагося литературы, Г. Л. Кравцовъ задумалъ составить себѣ альбомъ автографовъ писателей и собиралъ ихъ, частью разсылая письма, частью черезъ посредство литературныхъ знакомыхъ. Такъ, нижеподписавшійся просилъ покойнаго Гаршина что-нибудь написать для

альбома Г. Л., и Всеволодъ Михайловичъ далъ появляющееся здѣсь въ первый разъ небольшое стихотвореніе въ прозѣ, такъ подходящее къ общему строю пессимистическаго творчества автора „Attalea princeps“.

Въ своемъ стремленіи собирать автографы, Г. Л. иной разъ прибѣгалъ къ хитростямъ, свойственнымъ всѣмъ собирателямъ. Онъ иногда писалъ любезныя письма людямъ, дѣятельность которыхъ была ему совсѣмъ несимпатична. Этимъ путемъ попало къ нему въ коллекцію нижепечатаемое письмо Лѣскова, произведенія котораго имѣли весьма мало общаго съ міросозерцаніемъ Григорія Львовича.

Собраніе автографовъ получилось замѣчательное. Къ сожалѣнію, не всѣ изъ нихъ удобны для воспроизведенія въ печати, хотя и очень интересны и поучительны. Десять записей, находящихся въ альбомѣ, выбраны изъ многихъ десятковъ редакторомъ настоящаго сборника Н. И. Позняковымъ. Онъ остановился только на записяхъ болѣе крупныхъ и возможныхъ въ печати. Осталось еще множество интересныхъ записей Н. К. Михайловскаго, А. Н. Плещеева, А. И. Пальма, А. С Суворина, П. Д. Боборыкина, Л. З. Слонимскаго, П. Ф. Якубовича, Г. А. Лопатина, рисунки Айвазовскаго, Боголюбова, нѣсколько карикатуръ и этюдовъ. Въ собраніи автографовъ Г. Л. Кравцова было также нѣсколько случайно пріобрѣтенныхъ писемъ Тургенева, очень цѣнныхъ для его біографіи; но они напечатаны въ первомъ собраніи писемъ Тургенева (Спб. 1885) и потому не могли уже быть внесены г. Позняковымъ въ его выписки изъ альбома Кравцовыхъ.

С. Венгеровъ.

I.

СТИХОТВОРЕНІЕ ВЪ ПРОЗѢ.

Юноша спросилъ у святого мудреца Джіафара:

— Учитель, что такое жизнь?

Хаджи молча отвернулъ грязный рукавъ своего рубища и показалъ ему отвратительную язву, разъѣдавшую его руку.

А въ это время гремѣли соловьи, и вся Севилья была наполнена благоуханіемъ розъ.

Всеволодъ Гаршинъ.

12 января 1884 г.

II.

СТЕПЬ.

(На память уважаемому Григорію Львовичу Кравцову).

1.

Солнце скрывается, алый закатъ
По небу яркой струей разливается,
Говоръ ожившихъ ауловъ въ степи
Съ тихой молитвой сливается.

Облако пыли крутится вдали,
Топотъ и крикъ пастуховъ чередуется,
А на курганѣ, залитомъ зарей,
Ждущая стадо киргизка рисуется.

Смерклось, и сумракъ на землю упалъ,
Травы душистыя тихо шевелятся,
Вѣтеръ ночной издали потянулъ,
Бѣлый туманъ надъ озерами стелется.

Слышится гдѣ-то бубенчиковъ звонъ,
Всадниковъ поѣздъ въ тѣняхъ разрастается,
Длинныхъ верблюдовъ причудливый строй
Вслѣдъ за людьми выдвигается.

Въ группахъ стада разлеглися межъ юртъ,
Звѣздная ночь надъ землей разстилается,
Фыркаютъ въ мракѣ верблюды порой,
Да межъ травою «каскыръ» [1]) пробирается.

Кто-то близъ юрты во мракѣ мелькнулъ.
Ужъ не твоя-ли, джигитъ, это милая?
Тихо киргизка идетъ за водой,
Тянется пѣсня по степи унылая.

[1]) Каскыръ — волкъ.

2.

Многоуважаемой

Антонинѣ Петровнѣ Блюммеръ-Кравцовой.

1860 — 1887 гг.

Яркій день сіялъ на небѣ,
Май дышалъ среди природы
И, ликуя, мы встрѣчали
Праздникъ свѣта и свободы.

Помню, шли мы въ храмъ науки
Юной, шумной вереницей,
Среди насъ ты выступала
Златокудрой, гордой жрицей.

Шли года, на землю сумракъ
Ниже, ниже опускался,
Радость жизни исчезала,
Въ храмѣ гимнъ не раздавался.

Мы стоимъ съ нѣмою грустью,
Ночь повсюду день смѣняетъ,
Гаснетъ жизнь — и въ нашемъ храмѣ
Лампа также догараетъ.

Сотоварищъ юности
студентъ шестидесятыхъ годовъ.
(*Н. Ядринцовъ*).

22 апрѣля 1887 г.
С.-Петербургъ.

III.

КОРОЛЬ И ШУТЪ.

Король негодуетъ, то взадъ, то впередъ
По залѣ пустынной шагая;
Какъ раненый звѣрь, онъ и мечетъ и рветъ,
Суровыя брови сдвигая.

Король негодуетъ: „Что день, то бѣда!
„Отвсюду зловѣщія вѣсти.
„Вездѣ лихоимство, лесть, подкупъ, вражда,
„Ни въ комъ нѣтъ ни правды, ни чести...

„Поджоги, убійства, развратъ, грабежи,
„Іуда сидитъ на Іудѣ...“
Король обратился къ шуту: — „О, скажи:
„Куда дѣлись честные люди?“

И шутъ засмѣялся: — „Ахъ, ты, чудодѣй!
Очистивъ весь край понемногу,
Ты въ ссылку отправилъ всѣхъ честныхъ людей
И — самъ поднимаешь тревогу!“

Дм. Минаевъ.

3 декабря 1884.

IV.

ДВА ПИСЬМА Н. С. ЛѢСКОВА КЪ Г. Л. КРАВЦОВУ.

1.

25-го декабря 1884 года, въ день Рождества Христова, Григорій Львовичъ Кравцовъ прислалъ мнѣ письмо съ просьбою дать ему мой автографъ. Просьбу свою Григорій Львовичъ изъясняетъ расположеніемъ ко мнѣ, *какъ къ писателю*. По совѣсти, я далекъ отъ мысли считать мое значеніе достойнымъ чьего-бы то ни было особеннаго вниманія, и приписываю просьбу Григорія Львовича *страсти коллектора*, мученія которой самъ испытывалъ и знаю. А потому, чтобы доставить моему корреспонденту удовольствіе, я сегодня же написалъ для его собранія автографовъ эти строки.

Николай Лѣсковъ.

2.

28 дек. 84. Спб.

Милостивый Государь

Георгій Львовичъ!

Простите, если я не такъ называю Ваше имя. Я его за недосугомъ у себя не записалъ, а адресъ свой Вы по неудобному русскому обычаю не повторяете.

Я получилъ Ваше второе письмо. Очень сожалѣю, что отвѣтъ мой Вамъ видимо не понравился; но Вы, кажется, должны бы его мнѣ простить. Трудно писать „что-то“ лицу, которое намъ совсѣмъ незнакомо. Стараюсь изгладить у Васъ и тѣнь неудовольствія, и посылаю Вамъ такую вещь, которая признается за наилучшую у любителей авторскихъ автографовъ: посылаю Вамъ *черновую рукопись* маленькаго разсказа, который долженъ появиться въ 1-й, январьской книжкѣ журнала „*Новь*“. Тутъ Вы имѣете не только мой автографъ, но и образецъ цѣлаго процесса, — какъ тяжело вырабатывается та „простота“, которая нравится Вамъ и нѣкоторымъ другимъ литературнымъ друзьямъ моимъ. Все это плодъ труда очень большого. Иначе мнѣ ничто не удавалось.

Что касается „чтеній“, то это, во 1-хъ — такъ повелось, что читаютъ только извѣстные люди, а во 2-хъ — я самъ не люблю публичнаго оказатель-

ства. Чтецъ у насъ былъ Писемскій, и онъ меня считалъ хорошимъ чтецомъ, но я могу читать хорошо только въ комнатѣ, въ небольшомъ кружкѣ, а не въ публичныхъ залахъ, гдѣ надо не читать вѣрными тонами, а *выкрикивать*. Мнѣ это не нравится и я этого избѣгаю.

Духовная связь, образующаяся между читателемъ и писателемъ, мнѣ понятна, и я думаю, что она для всякаго искренняго писателя дорога. Я благодарю Васъ за Ваши теплыя строки. Если захотите быть мнѣ полезнымъ—не забудьте, что всякая умно наблюденная житейская исторія есть хорошій матеріалъ для писателя. Сообщите мнѣ при случаѣ что-нибудь такое, что можетъ быть предметомъ повѣсти или разсказа. Я всегда люблю основывать дѣло на живомъ событіи, а не на вымыслѣ. Имена мнѣ, разумѣется, не нужны. Всякій оригинальный анекдотъ, всякій непосредственный характеръ очень дороги писателю, стремящемуся воспроизводить жизнь въ вѣрныхъ дѣйствительности чертахъ. А потому при случаѣ вспоминайте о писателѣ, которому Вы захотѣли выразить свое сочувствіе, и это будетъ мнѣ помощію и знакомъ дѣйствительности Вашей ко мнѣ пріязни.

Вашъ покорный слуга

Н. Лѣсковъ.

V.

* * *

Звѣздное небо, —нѣмое, чудесное...
Ярко блеснувъ, какъ кораллъ,
Падаетъ звѣздочка: въ царство небесное
Душу Господь отозвалъ.

Бѣдная! долго ей ночь неразсвѣтная
Жизни — темницей была:
Вихрь уносилъ ея грезы завѣтныя
Въ море неправды и зла...

Сжалился Богъ: колесницу прекрасную
Съ ангеломъ кроткимъ за ней Онъ послалъ;
Людямъ-же — звѣздочкой чудною, ясною
Божій посланникъ предсталъ...

П. Якубовичъ.

23 октября 1883 г.

VI.

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЕ АФОРИЗМЫ.

1) Чужую душу мы знаемъ по своей, а потому, чѣмъ хуже мы сами, тѣмъ мерзче намъ люди.

2) Другихъ мы судимъ только по ихъ нравственнымъ *поступкамъ*, себѣ-же записываемъ въ счетъ и благія *намѣренія*; поэтому-то мы всѣ склонны перецѣнить себя и недоцѣнить другихъ.

3) Эгоизмъ у всѣхъ людей развитъ въ возможно-полной мѣрѣ, и отличаются они другъ отъ друга только благодаря различному развитію альтрюизма; поэтому-то альтрюистъ вполнѣ понимаетъ эгоиста, этотъ-же послѣдній никогда ясно не представляетъ себѣ душевныхъ движеній альтрюиста.

I. Каблицъ (I. Юзовъ).

VII.

ПИСЬМО А. Н. ОСТРОВСКАГО КЪ Г. Л. КРАВЦОВУ.

Милостивый Государь

Григорій Львовичъ.

Съ большимъ удовольствіемъ исполняю Ваше желаніе. Ваше письмо доставило мнѣ много утѣшенія. Труженику-литератору, при концѣ его поприща, пріятно убѣждаться, что горячее, честное слово его не было пустымъ звукомъ, а приносило и нравственную пользу.

Уважающій Васъ

А. Островскій.

VIII.

ПИСЬМО А. Ѳ. КОНИ КЪ Г. Л. КРАВЦОВУ.

Милостивый Государь

Григорій Львовичъ.

Требуя мой автографъ для своей коллекціи, Вы оказываете мнѣ незаслуженную честь, воспользоваться которою большая съ моей стороны нескромность. Но письмо Ваше содержитъ такой

отзывъ о моей дѣятельности, а присланный Вами конвертъ съ адресомъ и наклеенною маркою столь настойчиво требуетъ отвѣта, что я берусь за перо, чтобы сказать Вамъ, что, признавая во мнѣ ораторскій талантъ, Вы ошибаетесь. Въ годы моей живой, публичной дѣятельности, я никогда не былъ ораторомъ въ строгомъ смыслѣ слова, никогда не строилъ—обдуманно и сложно—своихъ рѣчей, никогда не обдумывалъ подборъ выраженій и картинъ, которыя могли-бы произвести впечатлѣніе. Если слова мои производили иногда вліяніе, то причиной—и при томъ единственной—этого была ихъ искренность... Говоря на судѣ, я заботился объ одномъ: думать, что чувствую, и говорить, что думаю... Любовь къ родному языку и нѣкоторое знакомство съ его неисчерпаемымъ богатствомъ довершали остальное.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи

Анатолій Кони.

IX.

Мнѣ кажется, что писаніе въ альбомы должно составлять привиллегію поэтовъ; по крайней мѣрѣ, это можно признать гораздо охотнѣе, чѣмъ притязаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ настоящее время на руководительство общественнымъ мнѣніемъ.

В. Семевскій.

7 сентября 1888 г.

X.

ПИСЬМО М. О. МИКѢШИНА КЪ Г. Л. КРАВЦОВУ.

С. Пб., 12 дек. 1884 г.

Милостивый Государь

Григорій Львовичъ.

Я имѣлъ удовольствіе получить Ваше письмо (84 г. 5 декабря) съ заявленіемъ Вашей похвалы сочиненію памятника Имп. Екатеринѣ II и съ выраженіемъ желанія имѣть мой автографъ для Вашей коллекціи, или оригинальный мой рисунокъ.

Изъ письма Вашего я не могъ заключить о томъ, встрѣчались-ли мы когда-либо и гдѣ-либо лично; но во всякомъ случаѣ, Ваше желаніе имѣть мой автографъ я исполняю, отсылая Вамъ настоящее свое письмо.

Нынѣ—повѣтріе на автографы: довольно быть „психопаткой“ Семеновой, чтобы возбудить желаніе имѣть автографъ этой „общественной дѣятельницы...“

Ваше желаніе имѣть мой оригинальный рисунокъ я также исполнилъ-бы, если-бы Вы потрудились заявить мнѣ ясно: какой сюжетъ Вы желали-бы имѣть мною трактованнымъ, въ какомъ жанрѣ, величинѣ и за какой гонораръ, такъ какъ я уже вышелъ изъ того возраста, когда художники, лишь во имя Аполлона и Венеры, дѣлаютъ „альбомные“ рисунки для дамскихъ альбомовъ; въ настоящее-же время я безмездно работаю лишь въ пользу бѣдныхъ или вообще—на почвѣ благотворительности.

Съ должнымъ уваженіемъ къ Вашей особѣ и. ч. б.

М. Микѣшинъ.

Bayerische Staatsbibliothek München

5368/89-264
Нет израт обл.

Л
61-1
17-50
16/6 172/893

17-50
19/8/1083

25 —

Л
110-1
Р. 10 —
Мп. №
034327/6.88.

Bayerische StaatsBibliothek

Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Privět! chudožestvenno-naučno-literaturnyj sbornik

S.-Peterburg 1898

4 Var. 172 o
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11856278-6